СОДЕРЖАНИЕ

I
Волгоградский край в контексте древней и средневековой мировой истории

II
История археологического изучения Волгоградского края

III
Каменный век

IV
Эпохи энеолита и бронзового века

V
Ранний железный век

VI
Эпоха средневековья

VII
Золотая Орда

VIII
Петров вал

IX
Царицынская укрепленная линия

X
Древнее и средневековое население Волгоградского края по антропологическим данным

XI
Курганы Волгоградского края – уникальный природно-исторический архив

XII
Каталог археологических находок из фондов Волгоградского областного краеведческого музея

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Волгоградской области

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Волгоградской области

К 100-летию
Волгоградского областного
краеведческого музея

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ОБЛАСТНОЙ НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ЦЕНТР
ПО ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
ИНСТИТУТ ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКИХ
И БИОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ПОЧВОВЕДЕНИЯ РАН
ВОЛГОГРАДСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Волгоградской области

ИЗДАТЕЛЬ
Волгоград
2013

ББК 63.48(2Рос-4Вог)
А87

Рецензенты:
М. Г. Мошкова — *доктор исторических наук (Институт археологии РАН)*
И. П. Засецкая — *доктор исторических наук (Государственный Эрмитаж)*

Главный редактор
А. С. Скрипкин — *доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ*

Редакционная коллегия:
В. А. Демкин — *доктор биологических наук, профессор;*
Л. Д. Дубина; М. В. Кривошеев — *кандидат исторических наук*;
В. И. Мамонтов — *кандидат исторических наук, профессор*;
А. В. Материкин — *кандидат исторических наук;*
А. В. Ситников; И. О. Тюменцев — *доктор исторических наук, профессор*;
Н. В. Хабарова

Редакционная коллегия благодарит сотрудников Волгоградского областного краеведческого музея, Государственного Эрмитажа и Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника, оказавших содействие в подготовке данного издания.

Фотографии коллекций Волгоградского областного краеведческого музея были выполнены А. Г. Стёпиным. Авторы фотографий вещей, хранящихся в Государственном Эрмитаже, А. М. Кокшаров и Л. Г. Хейфиц. Карты археологических памятников на территории Волгоградской области, упоминаемых в текстах глав, составлены П. А. Петровым.

Форзац 1: Золотые украшения, Октябрьский V. *Кат. 210—216*
Форзац 2: Качалинский клад. II в. до н. э. *Кат. 169*

А87 **Археологическое** наследие Волгоградской области. К 100-летию Волгоградского краеведческого музея [Текст] / под ред. А. С. Скрипкина. — Волгоград: Издатель, 2013. — 288 с. : ил.
ISBN 978-5-9233-1055-9

В предлагаемом издании предпринята попытка обобщить весь археологический материал, накопленный за полтора столетия, с территории нынешней Волгоградской области. Изложение построено по хронологическому принципу, от каменного века до XVIII века включительно. Обширный иллюстративный материал, представленный археологическими коллекциями Волгоградского областного краеведческого музея и других музеев страны, сопровождается текстами, в которых дается полное представление о каждой из рассматриваемых эпох. Такая работа, посвященная археологическому наследию Волгоградской области, выполнена впервые.

«Археологическое наследие Волгоградской области» рассчитано на широкий круг читателей — учителей, учащихся школ и вузов, краеведов, ученых и всех интересующихся историей нашего края.

ББК 63.48(2Рос-4Вог)

© ГБУК «Издатель», 2013
© Министерство культуры Волгоградской области, 2013
© Волгоградский государственный университет, 2013
© Волгоградский областной краеведческий музей, 2013
© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2013

ISBN 978-5-9233-1055-9

ПРЕДИСЛОВИЕ

История археологического изучения древних и средневековых памятников в границах современной Волгоградской области охватывает уже более полутора веков. В результате было выяснено, что люди практически без каких-либо длительных перерывов обитали здесь со среднего палеолита до основания Царицына.

Мнение о том, что на территории самого Царицына люди обитали еще до его основания, сложилось в давние времена. Так, например, один из первых царицынских краеведов начала XIX в. П. Лугарев в сохранившейся рукописи «О начале заведения города Царицына и о других случайностях оного по устному уверению старожилов, получивших сведения от их отцов и дедов» писал, что по местному преданию, когда-то на том месте, где стоит церковь Иоанна Предтечи, находился дворец золотоордынского хана Батыя и что его жена любила гулять на берегу реки, впоследствии названной Царицей. Еще один дворец, принадлежавший хану Мамаю, якобы находился в районе Мечетки (современная Спартановка), «что доказывает многия теперь видимыя груды камней».

О древней и средневековой истории нашего края зачастую бытует неверное представление, что он входил в зону своеобразного коридора между Каспийским морем и Южным Уралом, через который периодически происходили миграции разных народов, в основном с востока на запад. Действительно, были и такие периоды, когда через Нижнее Поволжье проходили отдельные народы, порой не задерживаясь здесь или оставляя незначительные следы своего кратковременного пребывания. Но, пожалуй, в большей степени нижневолжская земля может считаться родиной целого ряда народов, в разные эпохи веками проживавших на ней.

Расположение Волгоградской области очень удобно в географическом отношении. Здесь близко подходят друг к другу две крупнейшие реки Восточной Европы — Волга и Дон со своими плодородными поймами, которые с глубокой древности привлекали людей. В каменном веке здесь обитали собиратели и охотники, в бронзовом веке — скотоводы и земледельцы, в раннем железном веке и средневековье — скотоводы-кочевники. В средние века территория нашей области входила в состав таких могущественных государств, как Западно-Тюркский каганат, Хазарский каганат, Золотая Орда.

Первые археологические исследования на территории Волгоградской области относятся к середине XIX в. и связаны с раскопками А. В. Терещенко Царевского городища, на месте которого находился большой золотоордынский город, Наиболее ценные вещи из этих раскопок были отправлены в Санкт-Петербург, часть из них в настоящее время хранится в Государственном Эрмитаже. Материалы, происходящие с раскопок или сборов с нынешней территории области в конце XIX — начале XX в., производимых членами Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК), передавались в губернский центр — город Саратов, в музей архивной комиссии. Вещи из раскопок курганов в районе с. Лебяжье на Иловле известным археологом А. А. Спицыным были отправлены в Москву, сейчас они находятся на хранении в Государственном историческом музее.

С основанием в Царицыне в 1914 г. музея местного края артефакты древней и средневековой истории стали накапливаться в его фондах. Особенно активно археологические коллекции музея стали пополняться в 20—30-е гг. прошлого века за счет находок с Царевского и Мечетного городищ и некоторых других мест. Большой вклад в дело формирования археологических коллекций внесли члены Царицынского губернского общества краеведения, образованного в 1924 г.

Широкомасштабные археологические исследования на территории нашей области были возобновлены в 50-е гг. прошлого века в связи со строительством Волжской ГЭС. С этого времени началось формирование в музее коллекции эпохи палеолита в связи с исследованием С. Н. Замятниным всемирно известной стоянки Сухая Мечетка, относящейся к среднему палеолиту. Значительному пополнению коллекций музея способствовала многолетняя работа Астраханской археологической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством В. П. Шилова. В фонды музея поступили уникальные материалы, из которых широкую известность приобрели комплексы сарматского времени из курганных могильников у пос. Жутово Октябрьского района и с. Верхнепогромное Среднеахтубинского района.

На территории Волгоградской области находятся уникальные памятники времени Золотой Орды, широкомасштабное исследование которых началось с 1959 г. Поволжской археологической экспедицией под руководством Г. А. Федорова-Давыдова. Основными объектами ее исследований были Царевское и Водянское городища. Материалы с этих городищ существенно пополнили фонды музея находками по истории Золотой Орды.

С первой половины 60-х гг. прошлого века археологические исследования на территории области начинает проводить сотрудник Волгоградского областного краеведческого музея В. И. Мамонтов. За время длительных раскопок им были исследованы крупные курганные могильники у населенных пунктов Первомайский, Вербовский, Кондраши и ряда других, давших уникальные материалы бронзового и раннего железного веков.

В середине 70-х гг. при активном участии А. С. Скрипкина при Волгоградском государственном педагогическом институте впервые в Волгограде была создана археологическая лаборатория. Ее сотрудниками были проведены крупномасштабные раскопки в заволжских районах области. В 1980 г. был открыт Волгоградский государственный университет, в котором были открыты археологическая лаборатория и НИИ археологии Нижнего Поволжья. Экспедициями университета проводились активные исследования археологических памятников в Ленинском, Иловлинском, Ольховском, Камышинском, Нехаевском, Клетском, Октябрьском и других районах области. Особенно масштабные раскопки экспедициями университета были проведены в бассейнах рек Иловли, Есауловского Аксая и в Задонье.

Следует отметить многолетние исследования Водянского городища, расположенного в Дубовском районе, проводимые экспедицией Волгоградского педагогического университета, в организации которых ведущую роль сыграл Е. П. Мыськов. Раскопки городища дали новый материал, позволяющий уточнить его планировку, особенности градостроительства того времени, получить представление об этническом составе этого золотоордынского города.

Здесь воспроизведены только отдельные эпизоды археологических исследований на территории Волгоградской области. Они были гораздо масштабнее. В предлагаемом издании имеется специальная глава, в которой подробно освещается история археологического изучения древних и средневековых памятников на территории Волгоградской области. Работы многих экспедиций внесли существенный вклад в пополнение археологических коллекций Волгоградского областного краеведческого музея. В настоящее время они насчитывают 48 200 единиц хранения и представляют собой крупное собрание древностей, в числе которых уникальные предметы, выполненные из драгоценных металлов, относящиеся к сарматскому времени и разным периодам средневековья.

Для полноты изложения избранной темы предлагаемое издание проиллюстрировано уникальными археологическими находками, происходящими с территории нашей области, хранящимися в Государственном Эрмитаже, Государственном историческом музее, Астраханском государственном объединенном историко-архитектурном музее-заповеднике.

Одним из достоинств данного издания является показ богатейших археологических коллекций на фоне широких исторических повествований. В книге даны характеристики всех основных периодов древней и средневековой истории в истории нашего края в контексте с описанием археологических памятников, относящихся к этим периодам. Кроме собственно археологических объектов, в книге приведено описание двух важных памятников истории, располагающихся на территории Волгоградской области, — Царицынской укрепленной линии и Петрова вала.

Поскольку археологические памятники являются объектом изучения не только археологов, но и антропологов, и почвоведов, в предлагаемой книге имеются разделы, посвященные результатам исследования археологических объектов на территории Волгоградской области специалистами этих дисциплин. Результаты этих исследований изложены в разделах «Курганы Волгоградского края — уникальный природно-исторический архив» и «Древнее и средневековое население Волгоградского края по данным антропологии».

А. В. Материкин

I. ВОЛГОГРАДСКИЙ КРАЙ В КОНТЕКСТЕ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ МИРОВОЙ ИСТОРИИ

С Волгоградским краем связана одна из ярких страниц в новейшей истории. Наш город у многих народов ассоциируется в первую очередь со Сталинградской битвой, которая явилась одним из кульминационных событий Второй мировой войны. Но мало кто знает, кроме специалистов или непосредственно интересующихся, что территория, входящая сегодня в состав Волгоградской области и являющаяся частью Нижневолжского региона, играла важную роль в исторических процессах, имевших мировое значение, и в прошлые эпохи.

У многих людей, живущих в нашем крае, существует представление, что наиболее важные события древней истории происходили далеко от наших мест. Появление первых цивилизаций в Египте и Месопотамии, события романтичной Древней Греции со своими философами, писателями и скульпторами или могучая Римская империя — это то, что достойно высокой науки, а древняя и средневековая история собственного края — это удел краеведения, которое обеспечивает местный интерес к прошлому.

Однако в настоящее время мы располагаем фактами, свидетельствующими, что в отдельные периоды на территории, включающей нынешнюю Волгоградскую область, проживали народы, внесшие существенный вклад в развитие общечеловеческой культуры, сыгравшие важную роль в событиях общемирового значения. От них сохранилось то, что принято называть археологическими памятниками, изучение которых проливает свет на их историю. К сожалению, сведения, получаемые в процессе исследования археологических памятников, весьма фрагментарны, как и первые письменные свидетельства о народах, проживавших ранее в нашем крае. Сотрудничество археологии с другими науками — геологией, палеопочвоведением, палеоботаникой, антропологией, археозоологией — позволяет с допустимой полнотой осветить многие стороны жизни людей прошлых эпох: экологические условия обитания, специфику хозяйства, внешний облик, демографические процессы. Использование физических методов помогает выявить технологические особенности изготовления металлических изделий от бронзового века до средневековья, установить даты различных памятников древних периодов.

Наиболее ранние археологические памятники, открытые на территории нашей области, относятся к среднему палеолиту. Самым известным их них является стоянка Сухая Мечетка, открытая на северной окраине Волгограда, возраст которой более 100 тыс. лет. Уникальность ее состоит в том, что культурный слой стоянки сохранился в непереотложенном состоянии. Это редкий случай. Этот памятник был исследован комплексно, кроме археологов, палеозоологами и палеоботаниками. Все это дало возможность создать целостную природную картину, в которой в ту эпоху обитал древний человек. Стоянка Сухая Мечетка стала широко известной среди отечественных и зарубежных исследователей. Она приобрела статус эталона для интерпретации памятников среднего палеолита Восточной Европы.

Одним из важных этапов в истории человечества является зарождение и развитие производящих форм хозяйства: скотоводства и земледелия. Это событие известный английский ученый Г. Чайлд назвал «неолитической революцией». Приоритет здесь, бесспорно, принадлежит тем районам, где впервые в истории человечества сформировались цивилизации.

Но и наш край внес существенную лепту в этот исторически важный процесс. По данным научных исследований, Волго-Уральский район являлся тем местом, где происходило одомашнивание лошади. Появление отдельных видов домашних животных

было возможно лишь там, где обитал их дикий предок. На Переднем Востоке и в Северо-Восточной Африке, где сложились древнейшие в истории человечества цивилизации, впервые был одомашнен мелкий рогатый скот. Дикого предка лошади там не оказалось. Он обитал в наших степях. Это — тарпан. Начало одомашнивания лошади началось в позднем неолите (5-е тыс. до н. э.). Древнейшие костные остатки одомашненной лошади известны в таких неолитических памятниках, как Варфоломеевская, Орловская стоянка на Волге, Ракушечный Яр на Дону. В степных районах в то же время, видимо, шло и одомашнивание крупного рогатого скота, предком которого был дикий тур.

В то далекое время между различными районами происходил обмен достижениями. Население нашего степного края заимствовало уже одомашненный мелкий рогатый скот с южных районов. В свою очередь народы Древнего Востока заимствовали одомашненную в наших краях лошадь. Причем эти заимствования были асимметричны по времени. Если в степных районах Юго-Восточной Европы овца с эпохи энеолита (4-е тыс. до н. э.) становится одним из основных видов домашних животных, то, например, в Древнем Египте лошадь стала широко использоваться только после падения Среднего Царства, с момента завоевания Египта гиксосами (XVIII—XVII вв. до н. э.).

Лошадь сыграла без преувеличения огромную роль в истории человечества. В течение ряда исторических эпох конь являлся самым быстрым средством передвижения. Так, например, в Монгольской империи была создана почтовая служба с множеством станций, на которых вестники меняли коней. Расстояние от Каракорума до Волги (по прямой примерно 5 тыс. км) могло преодолеваться за две-три недели. Степь всегда определяла прогресс в скоростных средствах передвижения, видимо, не зря отсюда стартовали первые космические корабли, самые быстрые на сей день средства передвижения. Лошадь использовалась в военном деле. Конница в течение длительного времени, начиная с эпохи поздней бронзы, являлась самым эффективным родом войск. Она использовалась еще в Великую Отечественную войну. Да и в настоящее время лошадь находится на службе у человека, например, в сельском хозяйстве, в пограничных войсках. Таким образом, дав миру лошадь, наш край внес существенный вклад в развитие общечеловеческой культуры.

Многие народы, населяющие в настоящее время Европейский континент и ряд районов Азии, говорят на языках, относящихся к одной индоевропейской языковой семье. Это англичане, немцы, австрийцы, голландцы, шведы, исландцы, норвежцы, итальянцы, французы, испанцы, португальцы, румыны, молдаване, белорусы, болгары, поляки, русские, сербы, словаки, украинцы, хорваты, чехи, персы, курды, белуджи, осетины, таджики и др.

В науке принято считать, что в глубокой древности существовала единая прародина индоевропейцев. На этот счет имеется несколько версий местонахождения первоначальной территории обитания индоевропейцев: балкано-дунайская, восточно-анатолийская (восточные районы Малой Азии), южно-русская (черноморско-каспийские степи, куда входит и Нижнее Поволжье).

Последняя, южно-русская, версия была выдвинута еще в XIX в. Более основательно она была разработана американской исследовательницей М. Гимбутас, которая считала, что древнейшими индоевропейцами были носители ямной археологической культуры, представленной древними курганами. На территории Волгоградской области к настоящему времени открыты многие десятки погребений этой культуры. По М. Гимбутас, население этой культуры в 5—4-м тыс. до н. э. из районов Нижнего Дона и Нижней Волги стало осваивать районы к западу и югу, способствуя распространению их языка на значительные территории.

Следует отметить, что ни одна из названных выше версий не является общепризнанной. Подвергалась критике и концепция М. Гимбутас, в частности, указывалось на чрезмерное удревнение ямной культуры.

Сейчас в науке утверждается мнение, что население ямной культуры раннего бронзового века относилось к индоиранской ветви индоевропейской языковой семьи, впоследствии распавшейся на индоарийскую и иранскую группы. В частности, носители срубной культуры позднего бронзового века, памятники которой широко представлены на территории нашей области, были древними иранцами, а носители андроновской культуры (Южный Урал и Южная Сибирь) — индоарийцами. Существует и другая версия, отождествляющая индоиранцев с катакомбной культурой, также широко представленной погребальными памятниками на территории Волгоградской области.

Продвижение этих народов бронзового века на юг привело к освоению ими Северной Индии и Ирана. Именно потомками народов евразийского степного пространства были заложены основы высокой культуры и государственности Индии и Ирана.

В качестве примера можно привести святилище, расположенное в районе ст-цы Трехостровской Иловлинского района. В результате совместного его исследования Волгоградским государственным университетом и Институтом физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН было выяснено, что этот памятник является сложным архитектурным сооружением эпохи поздней бронзы, воплощающим культ огня. Предпринятая реконструкция этого памятника по данным его структурных компонентов (стратиграфии насыпи, развала очажного сооружения, заполнения рва) с использованием методов палеопочвоведения позволила прийти к заключению о наличии близости культовых традиций населения позднего бронзового века Волго-Донского региона религиозным представлениям населения Северной Индии и Ирана, нашедшим отражение в индоарийской и зороастрийской мифологической литературе.

В раннем железном веке (VI в. до н. э. — IV в. н. э.) волго-донские степи заселяют савроматы, а затем сарматы — ираноязычные кочевники. Это первые народы в истории нашего края, которые стали известны под своими названиями благодаря появлению нового вида исторического источника — письменных свидетельств древнегреческих, а позже древнеримских авторов.

Широкую известность в античном мире получили савроматы. Считалось, что они произошли от брака легендарных амазонок со скифами. Амазонки являлись одним из наиболее популярных персонажей древнегреческой мифологии, женщины-воительницы снискали себе славу во многих сражениях. Великие древнегреческие герои испытывали себя на прочность в сражениях с ними. Считалось, что савроматские женщины унаследовали воинственные качества своих прародителей-амазонок и наравне с мужчинами участвовали в сражениях и охоте.

Савроматы на стороне скифов приняли участие в войне с персами, вторгшимися в конце VI в. до н. э. в Северное Причерноморье. Персов возглавлял известный царь Дарий I, прославившийся в военных сражениях и реформаторской деятельности, связанной с укреплением своего

государства. По данным Геродота, персидское войско со своим предводителем в преследовании скифов перешло Дон и попало в междуречье Волги и Дона, пройдя по территории теперешней Волгоградской области. И хотя современные исследователи не во всем согласны с отцом истории в интерпретации этих событий, персидское вторжение в Скифию, предшествующее важнейшему событию в истории древнего мира — греко-персидским войнам, — было серьезным испытанием для кочевников Северного Причерноморья и сопредельных районов. Общими усилиями персы были изгнаны с территории Скифии.

В IV—III вв. до н. э. волго-донские степи постепенно осваивают сарматы, вышедшие из южно-уральских степей. Несмотря на близкое сходство названий, савроматы и сарматы — различные этнополитические объединения. Сарматы частью вытесняют савроматов со своей территории, частью включают в свое объединение. До появления сарматов политическое господство в Северном Причерноморье в течение ряда веков осуществляли скифы. По сравнению с предшествующим временем происходят изменения в отношениях между скифами и сарматами. Сарматы наносят ряд ударов по скифам, после которых Скифия как единое политическое целое прекращает свое существование.

Сарматы к рубежу эр осваивают огромные степные районы от Южного Приуралья до Дуная, принимая участие в важных исторических событиях на северо-восточных рубежах античного мира. К этому времени Римская империя включает в сферу своих интересов территории, прилегающие к Черному морю. Попытка Рима расширить свои границы на востоке встречает активное противодействие Парфии. В затянувшемся противостоянии двух империй неоднократное участие принимали сарматы, совершая военные походы через кавказские проходы, часто решая исход сражений в пользу своих на данный момент союзников.

Сарматы оказывали давление на дунайские рубежи Римской империи. Римской администрации приходилось проводить сложную политику со своими соседями: организовывать военные акции против них или заключать договоры о сотрудничестве с отдельными их группировками. Пытаясь ослабить натиск сарматских объединений на своих восточных границах, Рим предпринимал попытки установления дипломатических отношений с кочевниками в глубинных степных районах. Об этом, в частности, свидетельствует обилие римского импорта в сарматских памятниках первых веков нашей эры в Волго-Донском регионе, отдельные находки которого интерпретируются исследователями как дипломатические дары римской администрации сарматским предводителям. Такие находки были сделаны и на территории Волгоградской области.

Через нынешнюю территорию Волгоградской области в первые века нашей эры осуществлялись торговые связи, являющиеся составной частью такого трансконтинентального явления, которым являлся Великий шелковый путь. Об этом, в частности, свидетельствует осведомленность античной географии начиная с начала нашей эры о районах, расположенных к северу от Каспийского моря. Наиболее полная информация об этих районах содержится в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея, составленном около середины II в. н. э. Птолемей впервые упоминает о Волге, называя ее Ра, приводит точные координаты и расстояние между Доном и Волгой на параллели современного Волгограда, знает реку Урал (Даикс) и ряд других более мелких рек. Современные исследователи не без основания считают, что Птолемей, который проживал в египетской Александрии, описывая вышеназванный район, пользовался так называемыми подорожниками, составляемыми купцами, посещавшими эти места. В это же время на Дону и в Поволжье в сарматских курганах значительно увеличивается количество изделий восточного происхождения.

На рубеже эр ведущую роль в мировом прогрессе играли две цивилизации: на западе — античная и на востоке — китайская. Долгое время они стремились навстречу друг другу, но непосредственного контакта между ними так и не произошло. Наиболее глубокое продвижение на восток представителей античного мира связано с именем Александра Македонского. Во главе армии он во второй половине IV в. до н. э. разгромил огромную Персидскую державу и дошел до реки с современным названием Сырдарья, находящейся в Средней Азии. Китайцы в Средней Азии появляются только во второй половине II в. до н. э., когда от величия содеянного Александром остались только воспоминании.

Огромную роль в распространении культурного достояния двух вышеназванных цивилизаций играл евразийский степной коридор, протянувшийся от северных границ Китая до Венгрии, основными обитателями которого в ту эпоху были кочевники. Мобильность кочевого мира, частые миграции способствовали распространению на большие расстояния достижений как китайской материальной культуры, так и античной. Территория нынешней Волгоградской области удалена на значительное расстояние от основных античных центров и в значительно большей мере от границ Древнего Китая, тем не менее здесь, иногда в одних и тех же сарматских погребениях, встречаются вещи, изготовленные в различных местах античного мира и в Китае или по соседству с ним. Таким образом, в нашем крае при посредстве кочевников осуществлялся контакт достижений в материальной культуре двух ведущих цивилизаций древности.

Во второй половине IV в. н. э. через Нижнее Поволжье проходят гунны, сметая, как ураган, на своем пути народы и государства. Они разбили аланов, обитавших на Нижнем Дону, и готов в Северном Причерноморье, уничтожили основные центры Боспорского государства. Гунны достигают Дуная, где создают мощную державу во главе с Аттилой. Движение гуннов на запад, к границам Римской империи, появление ранее в Подунавье сарматских племенных объединений в значительной мере расшатывали устои Римского государства. Эти события относятся к той эпохе, которую принято называть «Великим переселением народов» и которая знаменовала собой переход от античности к средневековью. Падение Римской империи под ударами разных народов, в том числе обитавших или прошедших через наш край, в значительной мере изменило направление развития не только европейской, но в определенной мере и мировой истории. В это время происходит формирование новых этнических общностей, положивших начало истории многих современных народов, говорящих на славянских, тюркских, романо-германских языках.

Нашествие гуннов явилось важным рубежом в истории народов степной части Восточной Европы. С политической арены этого региона уходят ранее обитавшие в этих местах ираноязычные кочевники, ведущую роль здесь начинают играть тюркоязычные, а впоследствии и монголоязычные народы.

Одной из ярчайших страниц истории нашего края в эпоху средневековья является вхождение его в состав крупных государств, игравших важную роль в политиче-

ской жизни того времени — Западно-Тюркского и Хазарского каганатов, Золотой Орды.

Тюрки в VI в. создали огромное объединение, своеобразную кочевую «империю», простиравшуюся от Китая до Черного моря. Политическое единство тюрков оказалось недолговечным, в конце того же века их объединение распалось на Восточный и Западный каганаты. Территория Нижнего Поволжья входила в состав Западного каганата. Западный каганат вел войну с Ираном, используя западные свои территории, граничащие с Кавказом, в качестве удобного плацдарма. Западный каганат прекратил свое существование в 630 г. в результате междоусобной борьбы.

После падения Западно-Тюркского каганата в восточно-европейских степях происходит усиление хазар, создавших свое государство, получившее название Хазарского каганата. Затяжную борьбу с арабами за влияние на Кавказе хазары проиграли. Сложившаяся ситуация заставила хазар перенести свой политический центр на Нижнюю Волгу. Здесь была основана столица каганата Итиль, точное местонахождение которой до сих пор неизвестно. Территория между Волгой и Доном, вплоть до параллели современного Волгограда, являлась кочевьем кагана — главы государства. Хазарский каганат превратился в крупное и сильное государство, многие народы Восточной Европы попали в зависимость от хазар, платили им дань, в том числе поляне, северяне, вятичи и другие. Через территорию Хазарского каганата проходили важные торговые пути, связывающие Византию и другие восточные страны с северными народами — славянами, балтами, финно-уграми. Одной из важных торговых артерий была Волга.

Большую известность Хазарский каганат получил в связи с принятием его правителем и высшей знатью иудаизма, однако большая часть населения каганата продолжала поклоняться старым языческим культам, что не способст-вовало укреплению государства. Начавшаяся междоусобица, давление с востока новых кочевых объединений, сначала печенегов, а затем огузов, значительно ослабили каганат. Решающий удар по нему был нанесен киевскими князьями Святославом (965 г.) и его сыном Владимиром (985 г.). Войско Владимира, спустившись по Оке к Волге на ладьях, достигло Итиля. Таким образом, дружина Владимира проплывала мимо той территории, где сейчас располагается Волгоград. Эта местность достаточно хорошо была известна руссам еще до походов киевских князей, они пользовались находящейся здесь переволокой, перетаскивая свои ладьи из Дона в Волгу, достигая Каспия.

Одной из ярчайших страниц в истории нашего края является вхождение его в состав Золотой Орды. Золотоордынское государство появилось в результате распада Монгольской империи, основателем которой стал выдающийся полководец и государственный деятель Чингисхан. Оно сформировалось как следствие завоевания монголами Восточной Европы. Во время завоеваний на западе армии монголов достигли современной территории Австрии и вышли к Адриатическому морю. Многие народы, в том числе и русские княжества, попали в зависимость от монгольских завоевателей.

В состав Золотой Орды входили земли от Иртыша на востоке до Черного моря на западе, от Волжской Болгарии на севере до Дербента на Кавказе на юге. Новые завоеватели заняли степные пространства Восточной Европы. Монголы и пришедшие с ними с востока другие народы были кочевниками, и степь была для них естественной экологической нишей обитания. Нижнее Поволжье стало центральной частью Золотой Орды, где со своим двором кочевал ее верховный правитель. В период наивысшего расцвета Золотой Орды, пришедшийся на время правления хана Узбека (1312—1342), значительно возрос ее международный авторитет, другие государства стремились установить с ее правителями не только дипломатические, но и родственные отношения. Один из средневековых авторов называл Узбека одним из величайших и могущественных царей мира.

Одним из феноменальных явлений в истории Золотой Орды являлось строительство городов и развитие городской культуры. Это событие замечательно тем, что в степи в домонгольское время отсутствовали традиции прочной оседлости. Традиционная культура монголов, кочевая в своей основе, также не знала городов, более того, враждебно к ним относилась. Строительство городов в Золотой Орде было вызвано необходимостью оперативного управления огромными территориями из постоянных центров, в которых должен был размещаться чиновничий аппарат, где должна осуществляться канцелярская деятельность. В города должны были поступать налоги и дань, приниматься многочисленные дипломатические миссии, храниться архивы. Естественно, что кочевая ставка хана не была пригодна для всех этих целей. Империю можно было создать сидя в седле, но управлять ею из седла было невозможно.

Города Золотой Орды имели восточный облик, что в значительной мере объяснялось господством в государстве ислама, а также и тем, что монголами из Средней Азии было вывезено большое число ремесленников, которые принесли свои градостроительные традиции. В городах возводились мечети, медресе, караван-сараи, бани, мавзолеи. На территории Волгоградской области известно несколько золотоордынских поселений городского типа, возникших в XIV в.: Царевское, Водянское, Мечетное городища. Крупнейшим из них является Царевское городище, располагающееся у с. Царев в Ленинском районе. Существует версия, что на этом месте находилась одна из столиц Золотой Орды.

Территория современного Волгограда, левобережье Ахтубы от Волжского до Царева в золотоордынский период были зоной сплошного заселения. Здесь, кроме крупных городов, находились небольшие поселения ремесленников, усадьбы знати, мавзолеи, кладбища. Памятники золотоордынского времени являются самыми поздними, которыми активно занимается археология. Последующие периоды в истории нашего края изучаются уже преимущественно по письменным источникам.

В предлагаемое издание включены данные о двух более поздних объектах, располагающихся на территории нашей области, являющихся важными памятниками российской истории, — это «Петров вал» и Царицынская линия. Оба памятника относятся ко времени правления Петра I.

«Петров вал» представляет собой незавершенную трассу канала в районе современного одноименного поселка, сооружавшегося на рубеже XVII—XVIII вв. с целью соединения Волги и Дона. Необходимость строительства канала была вызвана войной с Турцией. Предполагалось оперативно перебрасывать по каналу из центральных районов России к театру военных действий войска и флот. Однако изменившаяся политическая обстановка не позволила завершить строительство канала.

Царицынская линия является памятником военно-фортификационного сооружения, строительство ее было завершено в 1720 г. Линия, протянувшаяся от г. Царицына на Волге до Паншина городка на Дону, представляла собой вал со рвом. Она должна была защищать южные районы России от набегов крымских и кубанских татар.

II. ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ВОЛГОГРАДСКОГО КРАЯ

Российская археология началась с известных указов Петра I. Государь, интересовавшийся всеми сторонами жизни России, не мог не обратить внимания на сведения о находках старинных вещей, попадавших в руки строителей, крестьян и особенно искателей драгоценностей. О таких находках говорили, они иногда попадали в Петербург. Чаще необыкновенные вещи продавались, золотые изделия переплавляли или они просто пропадали.

Понимая важность таких находок для истории страны, Петр I 13 февраля 1718 г. издает особый Указ о необходимости собирать необычные «куриозные вещи», которые стали пополнять Кунсткамеру, основанную в 1714 г. Кроме того, он повелевал фиксировать условия находок редких вещей: «всему делать чертежи» — и дал распоряжение, чтобы дорогие вещи не переплавлялись. Таким образом, в России был дан толчок для сбора археологических и этнографических артефактов, палеонтологических находок, которые потом легли в основу замечательной коллекции раритетов первого музея в России — Кунсткамеры.

Указ Петра о собирании старых вещей и описании условий их находок продолжал действовать и в последующее время, дополняясь различными распоряжениями. Сначала В. Н. Татищев, а затем М. В. Ломоносов подготовили специальные инструкции для землемеров о необходимости описания археологических объектов. В 1771 г. уже сенат рекомендует землемерам отмечать в своих документах курганы, остатки поселений и другие старые объекты.

В XVIII в. широко распространенные ранее грабительские раскопки постепенно сменяются исследованием древних памятников. Ученые стали обращать внимание на конструктивные особенности памятников, на выяснение их назначения. Начали организовываться экспедиции, в которых велась документация. Исследователи меньше стали доверять легендам и преданиям в интерпретации археологических памятников, больше пытались найти ответы в другого рода источниках — письменных сочинениях античных и средневековых авторов. Предпринимаются попытки определить принадлежность древних захоронений народам, упоминаемым в письменных источниках, используются этнографические данные.

Следует отметить, что XVIII в. — это время расцвета энциклопедических знаний в России. Специфической формой научной деятельности в то время являлись комплексные экспедиции, в ходе которых, в частности, отрабатывалась и методика археологических исследований.

Начало изучению волго-донских степей положили экспедиции под руководством академиков Петербургской академии наук И. И. Лепёхина, С. Н. Гмелина, П. С. Палласа.

Особо следует отметить деятельность П. С. Палласа. Он оставил описание развалин золотоордынских городов на Ахтубе, сделал заметки о находках древностей в окрестностях Царицына и Сарепты. В его дневниках можно найти сведения о курганах и о каменных бабах, часто встречаемых экспедицией в волжской степи. Около Сарепты П. С. Паллас раскопал курган, в котором был обнаружен скелет человека и фрагменты конской узды.

В своих заметках он часто упоминает о курганах и других археологических объектах. Около Райгорода он отметил множество невысоких курганов, которые

Паллас Петер Симон

от Волги уходили в степь. Сообщает о раскопках крестьян в окрестностях Сарепты «кургана с кирпичным сводом», кирпич из которого они использовали для своих печей. В Пришибе он обнаружил холм, оставшийся от разрушенного здания, и несколько курганов.

В 1772 г. П. С. Паллас посетил Мечётное городище, располагавшееся на правом берегу Волги, севернее Царицына. Он правильно определил, что под многими буграми скрываются развалины зданий большого средневекового города. Он обнаружил здесь «следы четырехугольной крепостной стены», которая, «по-видимому, имела одни ворота», а также остатки большого каменного строения, которое, по его мнению, являлось караван-сараем. П. С. Паллас упомянул и о том, что на этом городище были выкопаны драгоценности, среди которых находились две золотые «седельные бляхи» изящной работы.

П. С. Паллас побывал и на Царевском городище, на котором ему еще удалось увидеть остатки «великолепнейших строений города»: замок, окруженный большою стеною; в значительной мере сохранившиеся остатки двух зданий, из которых одно было жилым домом со многими отделениями.

Ранняя история археологических исследований в нашем крае связана с именем Г. А. Цвика, пастора немецкой общины гернгутеров Сарептской колонии. С 1824 по 1836 г. он исполнял обязанности председателя братской общины. Немецкие колонисты появились в России в 1763 г. при Екатерине II. Следующий их «заезд» в наши края был уже при Александре I. Практичные колонисты сразу же отметили здесь замечательные угодья для выпаса скота, места для пахоты и разведения садов и наличие других полезных природных ресурсов. Они обратили внимание и на какие-то старинные постройки из красного кирпича, древние курганы, располагавшиеся в непосредственной близости от Сарепты. В руки поселенцев стали попадать кремневые, бронзовые и железные наконечники стрел, старинные монеты, черепки древней керамики.

Представители местной интеллигенции, среди которых был пастор Г. А. Цвик, начали заниматься сбором археологических и этнографических коллекций. Г. А. Цвик постоянно общался с религиозными и научными кругами г. Иены в Германии. В мюнцкабинет Иены пастор часто передавал купленные у царицынских крестьян или у калмыков различные древности, монеты и даже золотое украшение, получившее условное название «корона Джанибека», по имени золотоордынского хана.

В 1834 г. Г. А. Цвик раскопал два кургана в 20 верстах от Сарепты, в которых, судя по публикации в «Дерптском ежегоднике литературы, статистики и искусства, в особенности в России» за 1836 г., было обнаружено несколько погребений. В одном погребении он нашел бронзовые наконечники стрел с «шипами». В другом погребении около скелета человека были найдены железные наконечники стрел и сабля. Еще в одном погребении со скорченными скелетами и следами охры обнаружены орнаментированный сосуд и бронзовые бляшки. В насыпи одного из курганов были найдены глиняный сосуд и кости быка. Таким образом, Г. А. Цвику удалось открыть в раскопанных им курганах погребения всех основных эпох, которые этот тип археологических памятников охватывает: бронзового и раннего железного веков, а также эпохи средневековья.

В 40-е гг. XIX в. археологические находки с территории нашего края впервые привлекают внимание российского правительства. Это объясняется тем, что отсюда стали приходить частые сообщения об обнаружении уникальных вещей старины. К ним, например, относятся упомянутая ранее золотая корона, якобы принадлежавшая золотоордынскому хану Джанибеку, обнаруженная при случайных раскопках в Царевском уезде, а также находка крестьян с. Верхнеахтубинского, сделанная в 1841 г., включающая золотую оправу седла, два золотых браслета, золотую чашечку, четыре серебряных колечка. Эти и ряд других находок отождествлялись с крупным золотоордынским городом, развалины которого находились у с. Царев.

Все это заставило саратовского губернатора А. М. Фадеева направить представление министру внутренних дел Л. А. Перовскому с просьбой разрешить раскопки золотоордынских городов. Предложение саратовского губернатора было принято. В Саратов командировали титулярного советника — чиновника Министерства внутренних дел А. В. Терещенко, известного в научных кругах России как автора труда «Быт русского народа». Следует отметить, что по тому времени А. В. Терещенко в научном отношении был подготовлен значительно лучше обыкновенного чиновника. С научной целью он побывал в Германии, Франции, Италии. Несколько его работ было удостоено академической премии.

По прибытии в Царёв в 1843 г. А. В. Терещенко осмотрел всю местность от с. Пришиб (совр. Ленинск) до дер. Колобовщина (совр. с. Колобовка). Его не удовлетворил план городища, раннее составленный инженерным полковником Н. К. Тетеревятниковым с группой военных топографов. По его словам, господин Тетеревятников изобразил на плане все так, «как будто бы доныне существует Золотая Орда». В том же году с помощью местного землемера Васильева А. В. Терещенко составляет новый план Царевского городища, который больше соответствовал состоянию городища на то время. По его словам, «вновь составленный план начертан без всяких предположений: все снято без малейшего изменения самой местности, курганов, насыпей, каналов и т. п.»[1].

Исследование Царевского городища А. В. Терещенко проводит в течение девяти полевых сезонов, с 1843-го по 1851-й. Весь этот срок можно разделить на два периода: первый (1843—1845) и второй (1846—1851). В первый период работы носили разведочный характер с выборочными раскопками и довольно тщательным оформлением документации. В это время велось подробное описание открытых жилищ, производственных комплексов, составлялись планы. Второй период отличался массовыми раскопками с целью отыскать ценные предметы. В определенной мере на А. В. Терещенко оказывали давление курирующие его правительственные чиновники, которых интересовали только уникальные находки. Находки интересных вещей зависели от объема раскопок. А. В. Терещенко приходилось увеличивать количество наемных раскопщиков в ущерб качеству раскопок. В присылаемых им в Министерство внутренних дел отчетах в этот период не указывалось, какие объекты были раскопаны, в них перечислялись только находки различных предметов. В настоящее время сложно установить, в каких местах городища были произведены раскопки.

Оценивая раскопки А. В. Терещенко Царевского городища, следует отметить, что это было одно из первых в истории российской археологии исследований большого средневекового города. Совершенной методики раскопок таких памятников еще не существовало. Научная цен-

[1] Материалы для истории Саратовской епархии. Вып. III. Саратов, 1909. С. 57.

ность его раскопок усугубилась еще и тем, что большинство находок было утеряно. А находки эти, судя по сохранившимся упоминаниям, были уникальны: разнообразная дорогая посуда, детали архитектуры, предметы вооружения, подсвечники, разнообразные орудия труда и многое другое. Особенно ценным и массовым материалом являлись монеты, которых раскопщики только за один сезон находили по нескольку тысяч.

Был и положительный момент в раскопках А. В. Терещенко. Они возбудили интерес к истории некогда могущественного государства — Золотой Орды.

В 1854 г. первые раскопки на Водянском городище провел Н. А. Толмачёв, известный в научных кругах России как прекрасный знаток восточных языков и переводчик трудов арабского географа Абульфеды. Им была выдвинута версия о том, что на месте Водянского городища располагался золотоордынский город Бельджамен.

Значительный вклад в изучение древней и средневековой истории нашего края внесли сотрудники Саратовской ученой архивной комиссии. Губернские ученые архивные комиссии создавались как предварительная мера в деле реформирования архивного дела в России. Архивные комиссии являлись и местными историко-краеведческими обществами. Саратовская ученая архивная комиссия была основана в 1886 г.

Щеглов Сергей Александрович

В 1887 г. саратовские краеведы начинают составлять карту исторических и археологических памятников губернии. Особенную активность проявил в этом «проекте» член Саратовской ученой архивной комиссии С. А. Щеглов. Он разослал по губернии вопросники с просьбой сообщить о наличии памятников старины и случайных находках. Ответственные на местах лица после заполнения должны были вернуть анкеты в комиссию. Во многих сообщениях упоминаются археологические памятники. Так, Иловлинское волостное правление прислало обширный список курганных могильников, с указанием мест их нахождения. Другой информатор сообщает о находках в курганах у с. Норка, при выборе песка обнаружено несколько скелетов с горшками в головах и ногах, зеркалом и застежкой, медным котлом, который был приобретен Императорской археологической комиссией. В комиссию поступают сообщения о находках в курганах у с. Саломатино золотых бляшек в виде листков и на дюне двух золотых браслетов. Аналогичных сообщений было достаточно много.

В 1888 г. члены СУАК под руководством вице-губернатора и первого председателя Саратовской ученой архивной комиссии А. А. Тилло выезжают на Водянское городище, где проводят сборы подъемного материала и небольшие раскопки нескольких зданий из кирпича, составляют план городища, определяют его площадь.

Во второй половине XIX в. участились сообщения о грабительских раскопках в Поволжье и на Дону местным населением. Основным объектом этих раскопок были древние курганы. Об археологических находках, таким образом попадавших в руки крестьян или обывателей, пишут разного рода местные издания. Так, на страницах историко-литературного журнала «Дон» появились заметки В. В. Часовникова, научного сотрудника Донского музея г. Новочеркасска, который сообщал, что в 1885 г. у ст-цы Кумылженской был разрыт курган на Потаповой горе. В яме, перекрытой плахами, обнаружен скелет человека, рядом с которым хорошо сохранился деревянный колчан с железными и бронзовыми наконечниками стрел и наконечник железного копья. Он же сообщил о разрушении курганов у хут. Круглякова, в которых были обнаружены скелеты, металлические серьги, спиральные кольца, бусы.

Тизенгаузен Владимир Густавович

Слухи о находках золотых вещей и предметов роскоши побуждали целые ватаги крестьян и казаков заниматься раскопками курганов. Даже известная семья Персидских из Дубовки, по сообщениям А. Н. Минха, раскопала курганы — каменные мары, в которых были найдены серебряная и медная посуда, серебряные и золотые монеты, короны, военные доспехи, украшения седел, чашки, статуэтки разных животных.

Особенно активизировались раскопки курганов в Камышинском уезде. В 1887 г. крестьяне с. Новая Норка раскопали курган, где в погребении обнаружили золотые проволочную гривну, пряжку, подвеску со вставками из граната и красного стекла, серебряную фибулу, зеркало из белого металла и бусы. В 1898 г. у слободы Котовой крестьянами был раскопан курган, в котором найдены золотые медальоны с вставками из сердолика, два цилиндрических амулета, серьги, 65 золотых штампованных бляшек, серебряные флаконы и две фибулы, зеркало из белого металла, пронизки из египетской пасты, два ожерелья из бус, гешировое кольцо и другие предметы. В 1899 г. у дер. Щербаковка в разрушенном кургане обнаружены золотая гривна, котёл из листовой бронзы, «двуручный» сероглиняный кувшин, курильница, железные кинжал и меч с накладкой из пластинки серебра на ножны и другие вещи.

Спицын Александр Андреевич

Зайковский Богдан Викторович

Ширинский-Шихматов Андрей Александрович

Редкий набор вещей начала раннего железного века обнаружили в кургане жители хут. Обрывского (в настоящее время Чернышковский район) на реке Чир в 1887 г. Находки были переданы в Музей донского казачества. Это бронзовые удила с двукольчатыми концами и трехпетельчатые псалии с концами в виде лопастей, 64 медных и бронзовых двухлопастных наконечника стрел.

Обилие такой информации побуждало известных специалистов того времени обратиться к исследованию археологических памятников в нашем крае. В 1866 и в 1890 гг. были организованы археологические экспедиции, которыми руководил В. Г. Тизенгаузен, востоковед-тюрколог, нумизмат, член-корреспондент Петербургской АН, известный своими раскопками на Кубани. Возможно, толчком к организации В. Г. Тизенгаузеном раскопок стали находки казаков у ст-цы Голубинской 2-го Донского округа. Ими были обнаружены различные вещи, среди которых оказались сосуд красной меди, бронзовое зеркало и два золотых браслета. Экспедицией были раскопаны 10 курганов с большей частью ограбленных погребений эпохи бронзы и раннего железного века.

На частые сообщения о находках древних вещей с берегов Иловли обратил внимание известный российский археолог, член Императорской археологической комиссии А. А. Спицын. Предварительный осмотр, проведенный им, выявил большое число курганов в Камышинском уезде, многие из которых сохранили следы предшествующих раскопок. В 1895 г. А. А. Спицын произвел раскопки 18 курганов в Камышинском уезде у станции Лебяжьей, с. Новая Норка, с. Гуселки. В раскопанных курганах находились погребения разных эпох. А. А. Спицын впервые для наших мест выделил сарматские погребения, правильно датировав их. В них были обнаружены разнообразные глиняные сосуды, бронзовые зеркала и фибулы. Материалы из раскопанных курганов были переданы в 1897 г. в дар Российскому Императорскому историческому музею им. Александра III (сейчас Государственный исторический музей).

По надпойменным террасам реки Иловли располагалось большое количество археологических памятников, преимущественно древних курганов. В 1899—1900, 1903 гг. раскопки на Иловле продолжил П. П. Греков совместно с известным археологом Н. Е. Макаренко. Раскопки проводились в пределах родового имения Грековых, в местечке Мишкина пристань, позднее и у с. Гусёвка Царицынского уезда (ныне Ольховский район). По опубликованным ими кратким сведениям можно судить, что открытые в курганах погребения относились к позднесарматской культуре и золотоордынскому времени.

Большую работу по поиску и учету археологических памятников в Нижнем Поволжье проделал член Саратовской ученой архивной комиссии Б. В. Зайковский. Он проводил разведки и раскопки в Камышинском и Царицынском уездах. Следует отметить, что он был одним из первых саратовских краеведов, получивших открытый лист на право производства археологических исследований. Он неоднократно посещал золотоордынские городища Терновское, Водянское, Мечетное, занимаясь сбором материалов на них. Б. В. Зайковский оперативно публиковал результаты своих поисков и открытий в «Трудах» архивной комиссии. Б. В. Зайковский внес существенный вклад в организацию и открытие в Царицыне краеведческого музея, который в 2014 г. отметит свое столетие. Он передал музею свою богатую археологическую коллекцию, которая послужила началом формирования археологических фондов музея.

В истории нижневолжской археологии заслуживает внимание деятельность князя А. А. Ширинского-Шихматова, саратовского губернатора, который лично организовывал и руководил археологическими исследованиями. В 1914—1915 гг. им проводились исследования на Водянском и Мечетном городищах. На Водянском городище им была открыта баня из кирпича, стены которой были выложены мозаикой. На Мечетном городище было раскопано здание с частично сохранившимися стенами, богатой отделкой и башней. На территории Камышинского уезда в районе с. Верхняя Добринка и Нижняя Добринка было раскопано несколько курганов.

К началу XX в. относится большое количество упоминаний о находках разных древних вещей с территории теперешней Волгоградской области — каменных, медных и железных наконечников стрел, котлов с ручками, кинжалов, сабель, татарских монет.

В 1905 г. в Царицыне на улице Рыбинской при строительных работах снесли курган, где были обнаружены «скелеты разных эпох». Доследование кургана провел член СУАК Ф. И. Чернов. По его словам, в кургане находился бревенчатый сруб и двускатный настил из досок. В самой погребальной камере найдены глиняный орнаментированный сосуд, фрагменты глиняной жаровни, «образцы красок» и несколько бронзовых орудий: тесло, долото и вилка-крюк. Набор вещей свиде-

тельствует о том, что они происходят из погребения катакомбной культуры бронзового века.

Для археологии нашего края в дореволюционное время характерно сочетание грабительских раскопок с научными исследованиями, отвечавшими требованиям методики раскопок того времени. Грабительские раскопки нанесли непоправимый вред археологическому наследию не только нашего, но и других регионов. В целом для этого периода характерно накопление археологического материала. Каких-либо обобщающих работ с попытками исторических реконструкций на основании археологических источников в то время не могло появиться. Археология — наука массового материала. Разные эпохи Нижневолжского региона неодинаково и весьма фрагментарно были представлены в археологическом материале. Требовалось время для его накопления и осмысления.

Археологические исследования в Нижнем Поволжье более интенсивно начинают проводиться в советское время. Научным центром этих исследования становится Саратовский университет, основанный еще в 1909 г. Начало археологических работ в новых условиях в Нижневолжском регионе было положено профессором Ф. В. Баллодом, деканом историко-филологического факультета и заведующим кафедрой теории и истории искусства и археологии университета. Организованными им экспедициями в начале 20-х гг. прошлого века были обследованы и проведены раскопки на городищах Даниловское, Терновское, Водянское, Мечетное, Царевское, выявлены другие памятники, особенно по правобережью Волги между Саратовом и Царицыном. На левом берегу Ф. В. Баллодом были обнаружены следы татарских городков около Верхнего и Нижнего Погромного, отмечены множественные следы остатков поселений от с. Безродное и Заплавное, вплоть до Царевского городища.

Баллод Франц Владимирович

Эти работы осуществлялись в очень трудных условиях. В Поволжье назревал голод, часть региона охватили эпидемии, порой не хватало средств для полного исследования памятников. Так, работы по обследованию Мечетного городища (ныне район Спартановки Волгограда) в 1920 г. экспедиции удалось завершить благодаря жителям поселка Рынок, которые, сами испытывая проблемы с питанием, тем не менее поддерживали сотрудников экспедиции «щедрыми гостинцами».

Достоинством деятельности Ф. В. Баллода является своевременная публикация всех материалов, добытых экспедициями, которые сохранили свою актуальность вплоть до настоящего времени.

В 20-е гг. XX в. в Саратове формируется научная археологическая школа, во главе которой стоял профессор П. С. Рыков, с его именем связано систематическое и планомерное изучение древностей Нижнего Поволжья, в том числе и на территории нынешней Волгоградской области. Его перу принадлежат и первые работы, в которых анализируется массовый археологический материал разных периодов. Он начал разрабатывать периодизацию памятников бронзового века Нижнего Поволжья. Ему принадлежит первая попытка создания периодизации сарматской культуры.

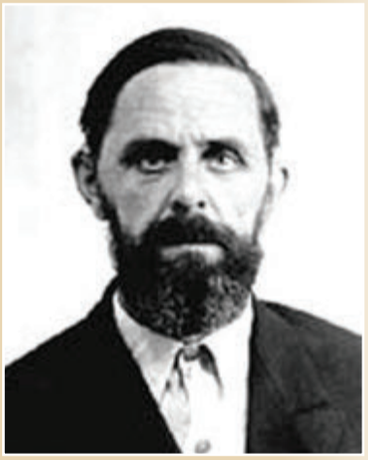
Рыков Павел Сергеевич

Активные археологические исследования в 20-е гг. прошлого века в пределах нынешней Волгоградской области проводит на территории, ранее входившей в состав Республики немцев Поволжья, П. Д. Рау, ученик П. С. Рыкова. Он раскапывает курганные могильники у сел Шульц, Блюменфельд, Альт-Веймар, Мариенталь, Харьковка, Гмелинка, Кано, Зауморье, Колышкино, Нижняя Добринка. В курганах им были открыты погребения разных эпох.

Кроме большого числа исследованных в результате активной полевой деятельности археологических памятников, П. Д. Рау оставил ряд важных аналитических исследований по проблемам древней истории Нижневолжского региона. Им была выделена полтавкинская ступень в развитии культур племен бронзового века. Ему принадлежат основательные разработки периодизации сарматских древностей. Он выделил памятники раннего железного века VI—IV вв. до н. э. и отождествил их с савроматами античных авторов. Им также были выделены две ступени в развитии сарматской культуры: раннеримская I—II вв. (ступень А) и позднеримская III—IV вв. (ступень Б). Эти две ступени в последующее время легли в основу выделения памятников средне- и позднесарматской культур.

Рау Пауль Давидович

В 1925 г. при поддержке П. С. Рыкова экспедиция Государственного исторического музея под руководством Б. Н. Гракова исследовала курганы у с. Блюменфельд (ныне Цветочное, Старополтавский район). Особый интерес среди исследованных представлял курган, получивший номер А12, в котором находилось коллективное захоронение воинов, датирующееся концом VI — первой половиной V в. до н. э. Хотя погребение было частично ограблено, в нем было найдено большое количество разнообразных вещей: железные мечи и наконечники копий; бронзовые наконечники стрел; предметы из кости, представляющие памятники искусства, выполненные в так называемом «зверином стиле», и другие находки. По этому яркому



Граков Борис Николаевич

Минаева Татьяна Максимовна

Артамонов Михаил Илларионович

комплексу Б. Н. Граков предложил именовать культуру кочевников раннего железного века VI—IV вв. до н. э. Волго-Уральского региона блюменфельдской.

С 20-х гг. прошедшего века археологические исследования начинают проводить и сталинградские краеведы и археологи. Они организуют разведки, собирают информацию об археологических объектах как на территории самого города, так и за его пределами. В большинстве своем эти сведения, собранные за несколько лет, легли в основу публикации А. И. Ильиной и П. Н. Шишкина «Материалы к археологической карте Сталинградского, Хопёрского и некоторой части Астраханского и Камышинского округов Нижне-Волжского края» (Сталинград, 1929). В этом издании авторы дали описание большого количества археологических памятников: курганов, поселений, случайных находок с привязкой их к определенной местности.

С 1924 по1928 г. активные исследования осуществляет П. Н. Шишкин. Он проводил раскопки селища срубной культуры в местечке Банный Городок, которое находилось около завода «Красный Октябрь». На территории завода «Электролес» он раскопал несколько средневековых погребений хазарского времени. На Мамаевых буграх П. Н. Шишкиным был раскопан один курган со следами ограбления, который относился к XIV в.

В 1925—1926 гг. П. Н. Шишкиным и А. Ф. Синюриным недалеко от Красной Слободы были раскопаны погребения золотоордынского времени. Собранная большая коллекция находок была передана в краеведческий музей.

В 1928 г. экспедиция Сталинградского музея краеведения под руководством П. Н. Шишкина у реки Ахтуба, в окрестности хут. Заяры (Среднеахтубинский район) обнаружила большой курганный могильник, в котором было раскопано 4 насыпи. Погребения в них относились к эпохе бронзы, раннему железному веку и средневековью.

С 1929 по 1936 г. историческим отделом Сталинградского краеведческого музея заведовала известный археолог Т. М. Минаева. Она проводила раскопки и разведки с целью выявления новых памятников археологии. В Долгом овраге, у реки Царицы Т. М. Минаева исследовала поселение срубной культуры бронзового века, на котором было открыто жилище с очагом, собраны фрагменты лепной керамики, каменные орудия труда. Ею был открыт ряд новых местонахождений археологических памятников разного времени. Т. М. Минаева раскопала несколько курганов у сел Пролейка и Нижняя Грязнуха. Результаты своих полевых исследований она оперативно публиковала в московских и ленинградских археологических изданиях.

С конца 20-х, в первой половине 30-х гг. активные археологические разведки с производством небольших по объему раскопок на Дону и Волге осуществлялись рядом известных советских археологов. Эти работы в основном производились в месте наибольшего сближения Волги и Дона и были вызваны предполагаемым строительством Волго-Донского судоходного канала. В зоне будущего строительства в 1929 г. работает Донская экспедиция ГАИМК под руководством М. И. Артамонова (при участии В. В. Гольмстен, А. И. Круглова и Ю. Д. Подгаецкого). Экспедиция составила карту-схему расположения памятников археологии по прибрежным районам Дона и устьев рек, впадающих в него, от г. Калача до Ростова-на-Дону. В окрестностях пос. Ляпичев на реке Донская Царица М. И. Артамонов выявил и частично раскопал поселение позднебронзового века. На поселении, занимавшем большую площадь, М. И. Артамонову удалось зафиксировать следы 17 сооружений, отдельные из которых он посчитал жилищами земляночного типа, другие, отличающиеся большими размерами, — сооружениями общественного назначения.

А. А. Иессеном и М. А. Миллером была проведена разведка с целью выяснения мест нахождения археологических памятников по трассе будущего строительства Волго-Донского канала от Красноармейска до пос. Кумовка. Экспедицией были исследованы несколько курганов и выявлены поселения эпохи бронзы. У с. Ивановка обнаружен культурный слой эпохи позднего палеолита, где при разведочных раскопках были найдены 97 изделий из кремня — пластинки, нуклеусы, скребки, резцы, отщепы.

В 1934 г. М. А. Миллером около хут. Жирноклеевский в одном из курганов обнаружены погребения, относящиеся к VIII в. до н. э. В одном из них найден великолепный набор костяных принадлежностей от конской упряжи. В том же году отрядом под руководством Б. Б. Пиотровского был произведен учет археологических памятников в окрестностях ст-цы Кременской на правом берегу Дона. На одном из поселений были собраны фрагменты лепных сосудов эпохи бронзы и гончарных лощеных кувшинов, амфор, а также железные шлаки средневекового периода.

Одними из наиболее значимых из последних археологических работ в нашем крае в довоенное время были раскопки 1937 г. курганов у хут. Авиловский Иловлинского района саратовского археолога И. В. Синицына. Им было раскопано 8

курганов, основная часть которых относилась к сарматскому времени. В курганах были обнаружены разнообразные вещи: предметы вооружения, керамика, бронзовые зеркала, фибулы.

Оценивая итоги археологических исследований нашего края за два десятилетия (20—30-е гг. XX в.), следует отметить значительное увеличение археологического материала, и что особенно важно, в большинстве своем хорошо документированного. Поскольку основным объектом исследования были курганы, как наиболее распространенные археологические памятники в волго-донских степях, а также городища золотоордынского времени, наиболее изученными оказались эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья. В значительной мере отставало выявление и изучение практически всех периодов каменного века. Все же археологическая источниковедческая база по ряду вышеназванных эпох давала возможность создания обобщающих исследований. Примером тому является книга профессора П. С. Рыкова «Очерки истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам» (Саратов, 1936).

События конца 30-х гг. прошлого века, репрессии, проводимые в стране, привели к прекращению деятельности основного археологического центра Нижнего Поволжья в Саратове, что практически приостановило археологические исследования в регионе. Последовавшая затем Великая Отечественная война, когда Нижнее Поволжье превратилось в театр военных действий, занятие археологией отодвинула еще на несколько лет.

Ляпушкин Иван Иванович

Масштабные археологические исследования на территории Волгоградской области развернулись в связи со строительством Цимлянской ГЭС и Волго-Донского судоходного канала, а также Волжской ГЭС. Строительство гидроэлектростанций предполагало образование крупных водохранилищ на территории нашей области, что привело бы к затоплению многих археологических памятников. Две крупнейшие реки Восточной Европы, Волга и Дон, с древнейших времен привлекали людей, в их поймах и прилежащих территориях сохранилось большое количество стоянок, поселений, могильников, начиная с каменного века. Для изучения археологических памятников в зонах затопления было образовано две экспедиции. Первая из них, Волго-Донская археологическая экспедиция Института истории материальной культуры АН СССР (сегодня Институт археологии РАН) под руководством М. И. Артамонова, проводила с 1949 по 1951 г. исследование в зоне затопления Цимлянского водохранилища. Вторая — Сталинградская археологическая экспедиция того же института (руководители Е. И. Крупнов, 1951—1954; К. Ф. Смирнов, 1955) исследовала археологические памятники в зоне затопления Волжского водохранилища.

Синицын Иван Васильевич

Основным объектом исследования Волго-Донской экспедиции был хазарский город Саркел, располагавшийся в Ростовской области. На территории нынешней Волгоградской области были проведены археологические разведки, выявившие большое количество археологических памятников разных эпох. Разведками, проводившимися под руководством ленинградского археолога И. И. Ляпушкина, была выявлена группа селищ хазарского времени, относящихся к салтово-маяцкой культуре, в низовьях реки Чир, правого притока Дона, в районе населенных пунктов Ближний Подгорский, Ильменский (Суворовский), Нижне-Чирская, Островской. На коренном берегу Дона между ст-цей Суворовской и хут. Быстрянским Суровикинского района в 1951 г. И. И. Ляпушкиным были проведены частичные раскопки поселения салтово-маяцкой культуры. Были вскрыты остатки двух полуземляночных жилищ, одной хозяйственной ямы и трех хорошо сохранившихся гончарных обжигательных печей. Одним из отрядов Волго-Донской экспедиции, руководимым М. П. Грязновым, в районе хут. Ляпичев проводились раскопки поселения бронзового века.

Более крупные раскопки в нашей области было проведены Сталинградской экспедицией. Она включала четыре отряда, три из них, возглавляемые К. Ф. Смирновым, И. В. Синицыным и В. П. Шиловым, занимались исследованием древних курганов, самых массовых типов археологических памятников в зоне затопления. Четвертый отряд, возглавляемый С. Н. Замятниным, производил раскопки уникальной стоянки среднего палеолита в балке Сухая Мечетка. Усилиями отрядов Сталинградской экспедиции было исследовано 420 курганов, в которых открыто 1500 разновременных погребений, относящихся ко времени от эпохи энеолита до позднего средневековья. Курганные могильники в основном исследовались в Заволжских районах, как более подверженных затоплению. Среди них следует отметить наиболее крупные, расположенные у населенных пунктов Калиновка, Быково, Политотдельское, Бережновка. Кроме того, экспедицией было обследовано более 20 древних поселений.

Смирнов Константин Федорович

Шилов Валентин Павлович

Замятнин Сергей Николаевич

Федоров-Давыдов Герман Алексеевич

Итогом работы Сталинградской экспедиции явилось значительное увеличение археологического материала, являющегося важным историческим источником в изучении древней и средневековой истории нашего края.

С 1958 г. в Нижнем Поволжье начинает работать Поволжская археологическая экспедиция, образованная Институтом археологии АН СССР и Московским государственным университетом. Одним из основных объектов исследования этой экспедиции было Царевское городище, расположенное у с. Царев Ленинского района. Возглавлял эти работы профессор МГУ Г. А. Федоров-Давыдов. С 1959 по 1971 г. на городище был выполнен большой объем исследований. Был снят новый инструментальный план городища, раскопан ряд усадеб и бытовых сооружений, разработаны методы комплексной обработки полевых находок и их изучения. Одновременно проводились раскопки на Водянском городище Дубовского района. Исследования Поволжской археологической экспедиции значительно продвинули вперед изучение одного из ярких периодов средневековой истории нашего края, связанного с историй могущественного в прошлом государства — Золотой Орды.

На рубеже 50—60-х гг. в нашем городе начинают формироваться предпосылки зарождения местной археологической науки. Свое начало волгоградская археология ведет от археологического кружка, который был организован в 1959 г. на историко-филологическом факультете местного педагогического института. Его руководителем долгие годы была замечательный педагог кандидат исторических наук Д. И. Нудельман. Существенную помощь в подготовке местных археологов оказала археологическая экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, в те годы проводившая раскопки в Нижневолжском регионе. Начальник экспедиции В. П. Шилов и ее научные сотрудники И. П. Засецкая, Л. Я. Маловицкая всячески способствовали приобщению волгоградских студентов к науке.

В 60-е гг. в Волгограде сформировалось два археологических центра, которыми стали областной краеведческий музей и педагогический институт. С 1963 г. в краеведческом музее начинает работать В. И. Мамонтов, прошедший подготовку в Ленинградской экспедиции, который с 1964 г. проводит самостоятельные археологические исследования. Родство с ленинградской археологией выражалось в названии экспедиции, руководимой В. И. Мамонтовым, — Приволжский отряд археологической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии (ЛОИА) АН СССР. Этим отрядом в те годы исследовались разрушающиеся курганы в районе г. Ленинска, у с. Колпачки на Дону, у Сарпинских озер, в Новоаннинском районе, на южной окраине Волгограда. Постоянно изучались размываемые водами Цимлянского водохранилища стоянки Пятиморская и Приморская, на которых был собран большой археологический материал, охватывающий время от неолита до средневековья. Особый интерес представляли раскопки частично сохранившейся позднеэнеолитической стоянки Орловка в Мокрой Мечетке. Памятников этой эпохи тогда было открыто немного в Нижнем Поволжье, поэтому открытие Орловской стоянки вызвало большой научный интерес. Позднее именем этой стоянки была названа целая позднеэнеолитическая культура, объединяющая серию аналогичных памятников.

С 1967 г. самостоятельные археологические исследования начинает проводить Волгоградский педагогический институт. В этом году экспедицией, руководимой ассистентом кафедры всеобщей истории пединститута А. С. Скрипкиным, были проведены раскопки крупного курганного могильника на Иловле, в районе с. Ютаевка Иловлинского района. Было раскопано 33 небольших кургана сарматского и позднекочевнического времени. В 1969 г. этой же экспедицией был исследован курганный могильник из 15 насыпей, располагавшийся в черте районного центра Нехаево, в котором обнаружены погребения бронзового и раннего железного веков.

Десятилетие с 1970 по 1980 г. было отмечено рядом существенных достижений, выдвинувших наш город на уровень ведущих провинциальных археологических центров. Волгоградские археологи стали проводить крупномасштабные раскопки. В Нижнем Поволжье, в том числе и в Волгоградской области, начали проектироваться и строиться крупные оросительные системы. Значительные объемы земляных работ, планировка полей под поливные агрегаты угрожали сотням древних курганов в степях Заволжья и междуречья Волги и Дона. Организации, занимавшиеся строительством этих оросительных систем, в своих сметах обязаны были предусмотреть затраты на археологические исследования. 70-е гг. прошлого века по праву можно отнести к новому буму археологических исследований в Нижнем Поволжье после 50-х гг., когда проводились интенсивные работы в связи со строительством Волжской ГЭС. В Волгоградской области начало этим работам положило исследование археологических памятников в зоне строящейся Городищенской оросительной системы, опоясывающей Волгоград с северо-западной стороны от Ерзов-

ки до Котлубани и Россошек. В составе Волго-Донской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР, руководимой В. П. Шиловым, был образован Городищенский отряд, который возглавил А. С. Скрипкин. Отрядом был выполнен большой объем работ. В зоне строительства оросительной системы было выявлено 14 курганных групп и множество одиночных курганов. Было исследовано несколько курганных групп в районе пос. Котлубань, а также курганы, расположенные между Волгоградом и Ерзовкой, в районе с. Россошки, хут. Варламов и Красный Пахарь. Материалы, полученные в процессе этих раскопок, относились ко времени от эпохи ранней бронзы до средневековья. Наиболее интересные материалы были получены в курганных группах у пос. Котлубань. Здесь в одном из курганов было открыто погребение мастера по изготовлению кремневых наконечников стрел, относящееся к бронзовому веку, в другом погребении савроматского воина был обнаружен великолепный набор наконечников стрел, уложенных в частично сохранившийся колчан. В одном из средневековых погребений был найден серебряный дирхем золотоордынского хана Джанибека, чеканенный в середине XIV в.

В первой половине 70-х гг. В. И. Мамонтов, продолжая работать научным сотрудником Волгоградского областного краеведческого музея, сумел объединить усилия и средства музея, областного Управления культуры и областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, что позволило возглавляемому им Приволжскому отряду ЛОИА АН СССР оперативно проводить исследования во многих районах области. Приволжским отрядом были начаты исследования курганных могильников у пос. Ильевка в Калачевском районе, ст-цы Глазуновской в Кумылженском, с. Сидоры в Михайловском, пос. Жутово в Октябрьском районах и сел Колобовка и Царев в Ленинском районе. За это время было исследовано более ста курганов, которым, как правило, угрожало разрушение то в результате распашки полей или иной хозяйственной деятельности людей, то вследствие размывания берегов водохранилищ. В результате был получен богатейший материал практически по всем эпохам, в течение которых сооружались степные курганы: бронзового, раннего железного веков и средневековья.

Кроме раскопок курганов, В. И. Мамонтовым ежегодно проводились разведки, в результате которых выявлялись десятки новых разновременных археологических памятников. Продолжалось начатое ранее обследование древних поселений, размываемых водами Цимлянского водохранилища. Сбор разнообразных кремневых орудий труда, керамики, изделий из кости со стоянок Пятиморская, Приморская, Морская, Ляпичево, Донская значительно пополнили коллекции областного краеведческого музея.

В начале 70-х гг. в Волгоградском краеведческом музее приступает к работе В. И. Еремин, специализировавшийся по археологии, его научные интересы относились к новокаменному веку. Ознакомившись с находками краеведа С. Г. Краснобаева, в то время активно занимавшегося поисковой работой, В. И. Еремин обратил внимание на керамику, которая по орнаменту и фактуре обнаруживала аналогии в некоторых тогда известных памятниках неолита. Осмотр мест находок этой керамики позволил выявить ряд неолитических местонахождений на территории области: в Ерзовской балке, балке Мокрая Мечетка и у хут. Ляпичев на Дону. В 1975 г. В. И. Ереминым были проведены охранные раскопки остатков трех поселений неолитического и энеолитического времени в Царицынской балке. Следует отметить, что период неолита — энеолита в то время в

Сталинградская экспедиция. Переправа через Волгу

Археологический отряд Сталинградской экспедиции. Руководитель К. Ф. Смирнов

Сталинградская экспедиция. Раскопки кургана

Вид на палеолитическую стоянку Сухая Мечетка. *1952 г.*

Современный вид на палеолитическую стоянку Сухая Мечетка

Водянское городище. Раскопки Поволжской археологической экспедиции. *1971 г.*

Нижнем Поволжье был изучен крайне слабо, и появление новых исследованных памятников имело большое значение для изучения этих эпох в истории нашего края.

Определенной вехой в развитии волгоградской археологии был 1975 г. Строительство оросительных систем в Заволжье, в частности, таких крупных, как Большая Волгоградская и Заволжская, позволило А. С. Скрипкину заключить долгосрочные договоры и на их основе создать при Волгоградском педагогическом институте постоянно-действующую археологическую лабораторию. В этом же году была сформирована археологическая экспедиция Волгоградского педагогического института, возглавленная А. С. Скрипкиным. Основной ее задачей являлось исследование курганов в зоне строительства оросительных систем. С 1975 по 1980 г. исследовались курганы в пределах Быковского и Николаевского районов, у районного центра Быково, у лимана Могута, с. Красноселец, пос. Рыбный, Молодежное и Верхний Балыклей. Были открыты новые памятники ямной, полтавкинской, срубной культур эпохи бронзы, савроматского и сарматского времени, кочевников средневековья.

Через некоторое время после открытия лаборатории на работу в педагогический университет переходит В. И. Мамонтов. Сохранив свой Приволжский отряд, он включается в работу по исследованию археологических памятников в Заволжье. В 1976—1977 гг. в Быковском районе им был исследован крупный средневековый курганный могильник. В нем был найден интересный набор вещей: бронзовые зеркала, детали конской упряжи, колчаны, украшенные костяными накладками. Кроме того, Приволжский отряд проводил раскопки курганов у с. Заплавное Ленинского района и у с. Громки Палласовского района, продолжал исследование курганов в окрестностях Ильевки и Мариновки в Калачевском районе. Был исследован курганный могильник у хут. Вертячий, давший интересный комплекс раннесарматского времени. Отрядом велись раскопки курганов у с. Челюскинец в Дубовском районе и у хут. Малый Набатов на Дону в Калачевском районе.

Таким образом, в 70-е годы прошлого века волгоградскими экспедициями было исследовано большое количество археологических памятников, значительно пополнивших источниковую базу древней и средневековой истории Нижнего Поволжья.

В те годы прошла подготовку группа молодых способных археологов из числа студентов исторического факультета Волгоградского педагогического института, в последующее время активно включившихся в исследовательскую работу. Это В. А. Лукашев, А. Н. Дьяченко, И. В. Сергацков, В. М. Клепиков, Е. П. Мыськов.

В 70-е гг. началось творческое сотрудничество с учеными Института агрохимии и почвоведения АН СССР (сегодня Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН), которое плодотворно сказалось на всестороннем и углубленном изучении археологических памятников и продолжается вплоть до настоящего времени.

В 1980 г. в культурной и научной жизни Волгограда произошло важное событие — был открыт Волгоградский государственный классический университет (ВолГУ). Возможностей занятия наукой в классическом университете было больше, чем, например, в педагогическом институте. В 1981 г. в университете была открыта археологическая лаборатория, в дальнейшем появилась специализированная кафедра, на которой осуществлялась специализация по археологии и была открыта аспирантура. Создани-

Раскопки Городищенского отряда, Котлубань. *1971 г.*

В. И. Мамонтов на раскопках кургана у с. Кондраши. *2007 г.*

Пойма реки Иловли

Древние курганы на Иловле

Раскопки кургана на Иловле. Экспедиция ВолГУ. *2003 г.*

Экспедиция ВолГУ, Ольховка. *2003 г.*

ем всех этих подразделений пришлось заниматься А. С. Скрипкину, который приступил к работе в университете с момента его открытия.

Активные исследования на территории области археологическая лаборатория ВолГУ начала с 1982 г. Под руководством В. А. Кригера велись раскопки у с. Бахтияровка Ленинского района, одного из наиболее крупных средневековых могильников в нашем крае, который насчитывал свыше полутора сотен курганных насыпей. Экспедицией за пять сезонов было раскопано 117 курганов и 2 мавзолея, в которых было вскрыто 131 погребение золотоордынского времени. Большой объем археологических исследований был выполнен экспедицией Волгоградского госуниверситета, возглавляемой И. В. Сергацковым, в бассейне реки Иловли, начиная от Петрова Вала до впадения ее в Дон. За время с 1982 по 1993 г. экспедицией был раскопан целый ряд курганных групп и могильников у сел Барановка, Петрунино, Костарево, Красная Котлубань, Бердия, Большая Ивановка, Малая Воробцовка, Авиловский, Тары, Кондраши, Желтухин. Полученный археологический материал охватывал ряд эпох: бронзовый и ранний железный века, а также средневековье. Ценность его заключалась в том, что он представлял собой достаточно компактный источник по одному из локальных районов. Это давало уникальную возможность проследить развитие здесь археологических культур на протяжении нескольких тысячелетий.

В связи с сооружением канала для переброски волжской воды в Дон были начаты строительные работы в районе уникального памятника природы нашей области — Ерзовской балки. Разведками было выявлено, что в этой балке находятся поселения бронзового века. На двух из них, наиболее ярко выраженных, были начаты раскопки, проводившиеся экспедицией ВолГУ с 1985 по 1987 г. под руководством А. Н. Дьяченко. Следует отметить, что памятников бытового характера этого времени в Нижнем Поволжье было исследовано мало, и сам этот факт вызвал интерес к результатам раскопок ерзовских поселений. На одном из поселений (Ерзовка II), относящемся к срубной культуре бронзового века, была собрана представительная коллекция керамического материала, костных остатков животных, что имеет непосредственное отношение к реконструкции хозяйственной деятельности населения в то время в этих местах.

В 80—90-е гг. археологами госуниверситета постоянно исследовались древние памятники Подонья. В 1983—1985 гг. проводились разведки и раскопки под руководством В. М. Клепикова в Чернышковском и Фроловском районах. С 1990 по 1993 г. велись археологические раскопки на территории Суровикинского и Иловлинского районов. Разведками было установлено, что в бассейне небольшой степной реки Лиски (приток Чира) сосредоточено большое количество древних курганов. Здесь, в районе с. Верхняя Бузиновка, были раскопаны древние курганы, относящиеся к бронзовому веку, и средневековый грунтовый могильник.

С 1994 г. археологической экспедицией ВолГУ были начаты раскопки в Октябрьском районе. В пойме реки Есауловский Аксай и по ее террасам располагается большое количество древних курганов, часто объединяющихся в крупные могильники. Эти памятники прошлого привлекали и раньше внимание археологов. В 60-е гг. в этих местах работала Ленинградская экспедиция под руководством В. П. Шилова. Экспедицией Волгоградского университета были исследованы курганные могильники у сел Абганерово, Аксай. Раскопки у с. Перегрузное экспедиция продол-

жает и в настоящее время. Большая часть исследованных здесь подкурганных погребений относилась к сарматскому времени. В них найден разнообразный материал, помогающий в исследованиях таких проблем, как разработка хронологии сарматских культур, выяснение экономических и культурных связей сарматов, преемственность сарматских культур.

В 80-е — начале 90-х гг. на территории нашей области был открыт и исследован ряд новых памятников палеолита. Руководство этими работами осуществляла самарский археолог Л. В. Кузнецова. В Дубовском районе было выявлено 16 местонахождений этого времени, на отдельных из которых были произведены раскопки. Наибольший интерес представляют местонахождения Челюскинец II и Заикино Пепелище. Оба памятника относятся к среднему палеолиту. Сравнение находок с этих местонахождений с материалами стоянки Сухая Мечетка свидетельствует о единых культурных традициях в ту эпоху в данном регионе.

В 1997 г. было начато исследование неординарного археологического памятника — святилища в районе ст-цы Трехостровской на Дону. Памятники такого типа до этого времени не исследовались не только на территории нашей области, но и в пределах Юго-Восточной Европы. Святилище в течение ряда лет исследовалось совместной экспедицией Волгоградского государственного университета и Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН. Хотя раскопками была охвачена незначительная часть святилища, было сделано предварительное заключение о его конструкции и выявлена его прямая связь с культом огня. Методами почвоведения сооружение святилища было отнесено к позднему бронзовому веку. Таким образом, его возраст может исчисляться более чем тремя тысячами лет.

В эти же годы активно работали и археологи педагогического университета. Экспедиции, возглавляемые В. И. Мамонтовым, Е. П. Мыськовым, А. В. Кияшко, Н. Б. Скворцовым, вели раскопки в различных районах области. Наиболее значимые из них — многолетние исследования курганного могильника у хут. Первомайский в Калачевском районе, давшего великолепную серию сарматских погребальных комплексов; раскопки курганов сарматской знати в Октябрьском и Николаевском районах; исследование стоянок бронзового века на северной окраине Волгограда. Особо следует отметить многолетние исследования Водянского городища золотоордынского времени в Дубовском районе, возглавляемые Е. П. Мыськовым. В результате этих работ были выявлены многочисленные остатки жилых и хозяйственных построек, открыты христианские и мусульманские кладбища. Особый интерес представляют арабские надписи на стене одной из мечетей, интересные сведения были получены по заселению и этническому составу населения этого золотоордынского города.

В связи с активной хозяйственной деятельностью различных производственных организаций и частных хозяйств на территории области зачастую возникает опасность разрушения археологических памятников. Необходимость учета памятников археологии, истории и культуры, оформления на них охранной документации привела к появлению в Волгограде Научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры, утвержденного приказом Управления культуры Волгоградского областного совета в 1991 г. В структуре Научно-производственного центра был образован сектор археологии, в обязанности которого входила организация обследований районов Волгоград-

Раскопки экспедиции ВолГУ, Есауловский Аксай. *1997 г.*

Лекция проф. А. С. Скрипкина для студентов-археологов. *2006 г.*

Состав экспедиции педагогического университета.
Водянское городище. *2011 г.*

ской области с целью выявления археологических памятников, подготовки документов о первоочередных мерах по их сохранению, постановке на государственную охрану, выявления нарушений законодательства в сфере археологического наследия.

В последнее время археологические исследования в разных районах области проводит Волжский гуманитарный институт, являющийся филиалом Волгоградского государственного университета. Под руководством А. А. Глухова были исследованы курганные могильники у поселков Солодовка, Ковыльнов Ленинского района и Липовский, Евстратовский, Сухая Перекопка Клетского района. Постоянно проводятся исследования на Царевском городище и его округе.

В настоящее время в распоряжении исследователей имеется обширный археологический материал практически по всем периодам древней и средневековой истории края, который активно используется в изучении и реконструкции прошлого.

В этом небольшом очерке отражены только наиболее важные моменты в археологическом изучении территории, которая входит в состав Волгоградской области. Наиболее полные сведения по этому вопросу можно найти в недавно изданной Археологической энциклопедии Волгоградской области (Волгоград, 2009). В приложении к настоящему изданию приведен список литературы, посвященной изучению разных археологических памятников и периодов древней и средневековой истории края.

III.
КАМЕННЫЙ ВЕК

В археологии большие древние эпохи выделяются по материалу, из которого в основном изготовлялись орудия труда, это каменный, бронзовый, ранний железный века. Хотя, например, в бронзовом веке еще долгое время различные категории вещей, в том числе и орудия труда, продолжали изготовляться из камня, но все же прогрессивную тенденцию развития определяли изделия из бронзы. Каменный век как эпоха в истории человечества получил свое название в связи с тем, что дошедшие до нашего времени изделия той поры были изготовлены исключительно из разных пород камня, особенно это касается орудий труда. Вероятно, в эту эпоху широко использовалось и дерево, из которого, например, могли изготовляться наконечники копий, но дерево в отличие от камня достаточно долго не сохраняется. Эпоха каменного века подразделяется на палеолит (древний каменный век), мезолит (средний каменный век) и неолит (новый каменный век). В основу такого деления положена техника изготовления каменных орудий труда, которая с течением времени совершенствовалась. Каждый из выделенных периодов каменного века отличался и по другим параметрам, имеющим отношение к формам хозяйства, социальной организации.

ПАЛЕОЛИТ

Это древнейший и самый продолжительный период в истории человечества, с которым связано становление самого человека и человеческого общества. Начался он около 3 млн лет назад, а завершился примерно в 12—10-м тыс. от нашего времени. По данным современной палеоантропологии, древнейшим районом, где произошло появление ископаемой особи, начавшей использовать орудия труда и тем самым положившей начало выделению человека из животного мира, является Африка. К завершающей стадии палеолита человечество уже освоило практически все ныне обитаемые континенты. Весь этот длительный путь отмечен отдельными, зачастую случайными находками орудий труда или костными останками самого формирующегося человека, а также местами его обитания, называемыми в археологии стоянками. Эволюция самого человека и его культуры в палеолите шла довольно медленными темпами. В жизни не только одного, но и многих поколений практически мало что изменялось. Только в настоящее время исследователь, имеющий возможность ознакомиться с серией разновременных памятников палеолита, может отметить прогрессивные тенденции в области адаптации древнего человека к окружающей среде, совершенствования изготовления орудий труда, хозяйственной деятельности. В обыденной речи мы часто говорим о том, что человек еще в глубокой древности открыл, например, огонь или глиняную посуду и прочее. Следует иметь в виду, что открытия древности существенным образом отличались от открытий нашего времени. Невозможно представить, чтобы в те далекие времена вчера огонь не был известен, а сегодня его кто-то открыл, и это открытие быстро стало достоянием всех. Открытия каменного века были эпохальными, охватывающими длительные периоды. Только постепенное накопление опыта в освоении огня, знакомство с качествами глины или в приручении животных давало то новое качество, которое мы называем открытиями древности — огонь, глиняную посуду, скотоводство, земледелие.

История изучения палеолита насчитывает не менее полутора веков. За это время была разработана его периодизация, выявлены локальные особенности развития его этапов в разных регионах. Палеолит обычно подразделяется на ранний, средний и поздний.

К настоящему времени в пределах Волгоградской области открыто более 60 местонахождений палеолита, от отдельных находок до стоянок.

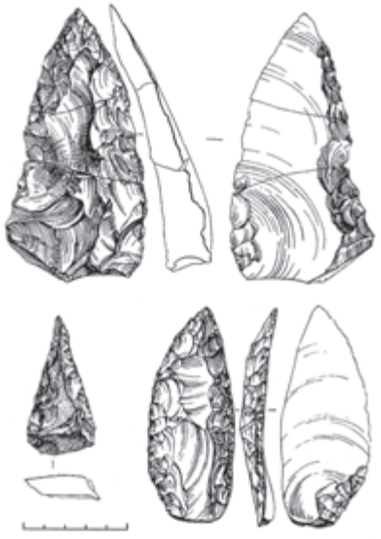
СРЕДНИЙ ПАЛЕОЛИТ. На территории Волгоградской области самые древние памятники, обстоятельно исследованные и датированные специалистами, относятся к среднему палеолиту, который еще именуют эпохой мустье. Наиболее ранние из них датируются самым началом этой эпохи. К ним относятся стоянка Сухая Мечетка, местонахождения Челюскинец II и Заикино Пепелище, располагавшиеся в Дубовском районе, близ хут. Челюскинец, возраст которых более 100 тыс. лет.

СТОЯНКА СУХАЯ МЕЧЕТКА. Самым известным археологическим памятником палеолитической эпохи в нашем крае является стоянка, располагающаяся в черте Волгограда на правом склоне балки Сухая Мечетка, в 1,5 км от ее впадения в Волгу. Ранее эту стоянку называли Сталинградской, в настоящее время принятое ее название Сухая Мечетка.

Стоянка была открыта летом 1951 г. А. И. Коптевым и М. Н. Грищенко при осмотре вышеназванной балки в связи с началом строительства Волжской ГЭС.

Каменное рубило (лицевая и оборотная сторона), Сухая Мечетка. *Кат. 1*

На с. 26:
Каменные орудия со стоянки Сухая Мечетка. *Кат. 1*



Каменные орудия, Сухая Мечетка

Вверху:
Раскопки культурного слоя стоянки Сухая Мечетка

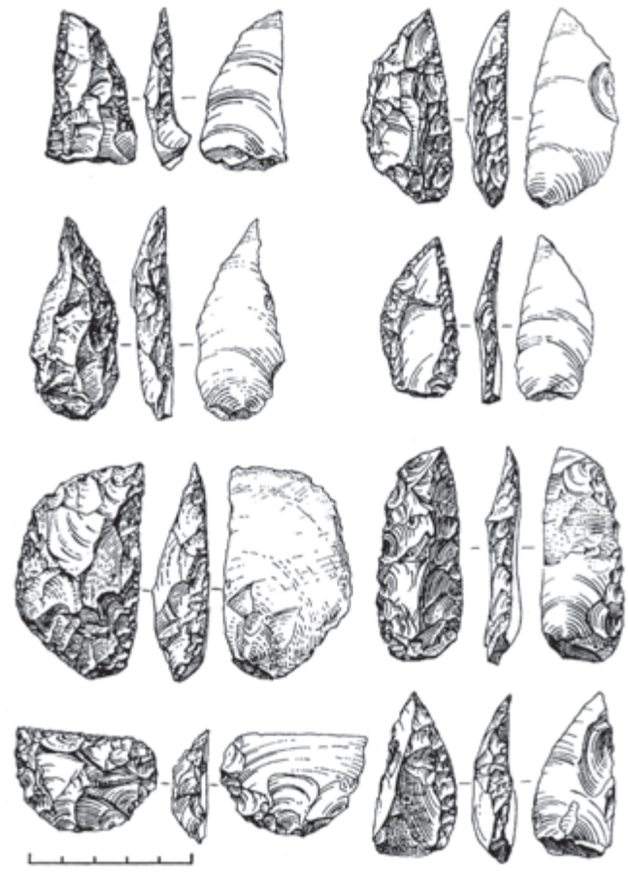
В одном месте, где боковой овраг прорезал край балки, они обнаружили несколько кремневых изделий и кости ископаемых животных, свидетельствующие о глубокой их древности. В том же году эти находки были переданы С. Н. Замятнину, известному специалисту в области изучения палеолита, который отнес их к мустьерской эпохе палеолита.

Открытие этой стоянки и ее датировка вызвали большой интерес у ученых, так как находки памятников этого времени были крайне редки в Восточно-Европейском регионе и новое их открытие являлось научной сенсацией. В этом же году место находки было обследовано археологами С. Н. Замятниным и А. А. Формозовым. Сделанное ими заключение имело особую важность. Они определили, что здесь располагалась стоянка мустьерского человека в непотревоженном виде. Это заключение относило открытый памятник к разряду уникальных, так как большинство известных местонахождений раннего и среднего палеолита сохранились в переотложенном состоянии, то есть их культурный слой был нарушен в результате воздействия различных природных стихий.

Учитывая научную важность открытого памятника, в составе Сталинградской археологической экспедиции, проводившей раскопки археологических памятников в зоне строительства ГЭС и будущего водохранилища, был организован специальный палеолитический отряд во главе с С. Н. Замятниным, который летом 1952 г. приступил к раскопкам.

Во время раскопок стоянки археологи столкнулись с большими трудностями. Ее культурный слой уходил под стенку балки и был перекрыт мощными позднейшими отложениями, достигавшими 20-метровой толщины (15 м континентальных отложений и 5 м морских раннехвалынских осадков). Чтобы иметь возможность исследовать культурный слой стоянки со следами деятельности древнего человека, необходимо было убрать значительную часть склона балки. По предварительным подсчетам, общая площадь стоянки должна была равняться примерно 1200 м^2. Вручную снять грунт над всей стоянкой было практически невозможно. Кроме большого объема работ, позднейшие отложения над культурным слоем отличались большой твердостью. После консультаций со специалистами было принято неординарное решение: верхний балласт взорвать на рыхление таким образом, чтобы не был затронут культурный слой. После взрывных работ разрыхленный слой грунта был удален при помощи бульдозера.

За два года работы, в 1952 и 1954 гг., отрядом была исследована площадь стоянки, равная 650 м^2. В отдельные периоды для производства неквалифицированных работ нанималось до пятидесяти рабочих из числа местных жителей. Мощность культурного слоя стоянки со следами деятельности древнего человека равнялась 40 см. На исследованной ее части был обнаружен ряд очажных пятен — четыре крупных и около десятка мелких, что говорит о постоянном использовании огня древними людьми, жившими здесь. В качестве топлива использовались кости животных. К очажным пятнам тяготела основная масса находок, значительную



Каменные остроконечники, Сухая Мечетка

Нуклеусы, Сухая Мечетка

часть которых составляли отщепы кремня, являвшиеся отходами при производстве орудий труда. На стоянке было найдено и 365 экземпляров готовых орудий. Это одна из наиболее представительных коллекций каменных орудий труда мустьерской эпохи в Восточной Европе. Они были изготовлены преимущественно из цветного кремня, отдельные — из кварцита и песчаника. Это различной формы скребла, листовидные наконечники, рубила. Исходный материал для изготовления орудий труда жителями стоянки собирался поблизости. Кремневые желваки и обломки кварцита и сейчас встречаются на водоразделе между балками Сухая и Мокрая Мечетки, в местах выхода ергенинских песков. Техника изготовления орудий была следующей. Основой для большинства из них являлись каменные ядрища (нуклеусы), средний диаметр которых 10—12 см. С них скалывались пластины, которые дополнительно обрабатывались, приобретая законченную форму. При обработке, по терминологии археологов, использовалась преимущественно чешуйчато-ступенчатая ретушь. Некоторые орудия изготовлялись из гальки.

Фиксация находок позволяет говорить о том, что древний человек занимался изготовлением кремневых орудий труда на стоянке, о чем свидетельствует большое количество мелких отщепов, чешуек кремня и поломанные в процессе изготовления изделия. Обильное скопление отходов производства, а также костей животных у кострищ говорит о том, что вокруг них в основном и группировались обитатели стоянки.

Вместе с каменными изделиями на стоянке были обнаружены и кости животных, изучение которых позволяет сделать вывод не только о хозяйственной деятельности древних людей, живших здесь, но и об особенностях ландшафта того времени. Весь костный материал, собранный здесь, был детально исследован в Зоологическом институте АН СССР в Ленинграде профессором Н. К. Верещагиным. Основным промысловым животным, составлявшим наиболее многочисленную добычу первобытных обитателей стоянки в Сухой Мечетке, являлся ископаемый зубр. По наблюдениям палеозоологов, все костные останки этого животного принадлежали молодым самкам. Следующие по многочисленности костные находки принадлежали сайге, мамонту и лошади, кроме того, были обнаружены кости благородного оленя и волка. Большинство этих видов — стадные животные, добыча которых в ту эпоху могла производиться только путем коллективной облавной охоты с использованием благоприятных форм рельефа в окрестностях стоянки — обрывов, топей и пр.

Мясо убитых животных использовалось в пищу. Из шкур, вероятно, изготовлялась одежда или они использовались для оборудования примитивного жилья в виде шалашных конструкций, которые, возможно, были на стоянке. Для обработки шкур могли использоваться кремневые скребла. Находки преднамеренно расколотых трубчатых костей говорят о том, что жители стоянки употребляли в пищу костный мозг, а длинные обломки костей использо-

Раскопки среднепалеолитического местонахождения Челюскинец

вали в каких-то производственных целях, о чем свидетельствуют образовавшиеся на их концах потертости.

Климат, в условиях которого жили первобытные обитатели стоянки, значительно отличался от нашего. Изучение пыльцы и спор растений из культурного слоя показало, что климат тогда был гораздо влажней и прохладней, в изобилии произрастали сосна, ель, береза, ольха, в меньшем количестве вяз и липа. Это было обусловлено тем, что в ледниковый период в связи с общим похолоданием климатические и ландшафтные зоны были смещены значительно к югу. Стоянка Сухая Мечетка, как показывает изучение ископаемого почвенного горизонта, располагалась на берегу водного потока, на невысокой заболоченной террасе. Она была покинута древними людьми в связи с частыми подтоплениями, вызывавшимися, возможно, начальной стадией хвалынской трансгрессии Каспийского моря, что привело в дальнейшем к накоплению многометровой толщи морских отложений над культурным слоем стоянки.

Достаточно четкое геологическое залегание культурного слоя стоянки позволяет отнести ее к рисс-вюрмскому или, по восточно-европейской стратиграфической шкале, к микулинскому межледниковью, что позволяет определить ее возраст примерно в пределах 130—100 тыс. лет. По технике изготовления орудий труда, костным останкам животных в соответствии с археологической периодизацией стоянка Сухая Мечетка, как уже отмечалось, относится к эпохе мустье, причем, скорее всего, к раннему ее этапу.

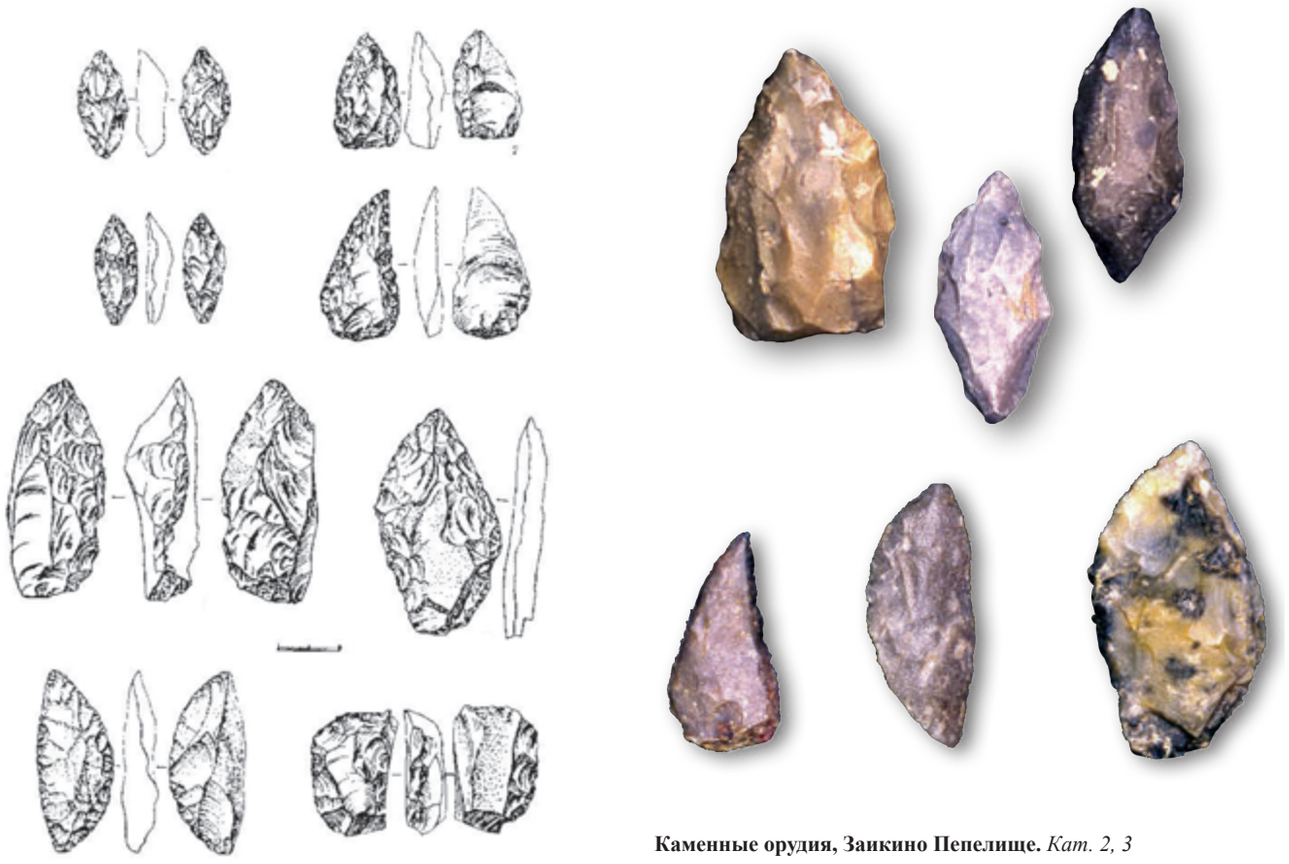
Ценность стоянки Сухая Мечетка заключается в том, что она относится к числу очень редких археологических памятников среднепалеолитической эпохи — стоянкам открытого типа с сохранившимся культурным слоем, что дает возможность комплексного ее изучения и получения более полной информации о жизни людей той эпохи.

Ее исследователь С. Н. Замятнин так определил значение этой стоянки: «Перечисленные выше условия вместе с обильными и выразительными коллекционными сборами делают Сталинградскую мустьерскую стоянку одним из основных опорных памятников в изучении первобытного прошлого нашей страны... Сталинградская палеолитическая стоянка является историческим памятником выдающегося научного значения. Это древнейшее на восточно-европейской равнине поселение первобытного человека, относящееся к среднечетвертичному времени, залегающее в непотревоженном состоянии»[1].

В последующее время на территории Волгоградской области было открыто еще насколько памятников, относящихся к среднему палеолиту.

СТОЯНКА ЧЕЛЮСКИНЕЦ II. Стоянка была открыта краеведом В. И. Куфенко в 1983 г. Она располагалась близ хут. Челюскинец в Дубовском районе, в одном из отрогов верховий Пичужинской балки. В течение 1986—1987 гг. стоянка

[1] *Замятнин С. Н.* Отчет о работах 1-го палеолитического отряда Сталинградской археологической экспедиции ИИМК АН СССР в 1952 г. // Архив ВОКМ. 1953. № 119. С. 40.



Каменные орудия, Заикино Пепелище. *Кат. 2, 3*

исследовалась археологической экспедицией под руководством Л. В. Кузнецовой и В. Я. Сергина. Экспедицией была вскрыта площадь в 117 м^2. Культурный слой памятника оказался переотложенным. В процессе раскопок были обнаружены кости мамонта, представленные двумя бивнями, нижней и верхней челюстью, по определению палеозоологов, они принадлежали одной особи взрослого самца. В окрестностях, в осыпях балки были собраны кости шерстистого носорога и бизона. Основные находки представлены осколками и отщепами кремня. В осыпях ниже культурного слоя были найдены обломок мустьерского рубильца, подпризматический нуклеус, обломки боковых скребел, обломок мустьерского остроконечника, отщепы с ретушью. Исследователи этого археологического объекта относят его к мустьерской эпохе и отмечают сходство его в способах обработки камня и типах каменных орудий со стоянкой Сухая Мечетка.

С целью определения возраста палеолитического местонахождения у хут. Челюскинец из раскопа были взяты образцы для термолюминесцентного анализа. В результате была получена дата 145±18 тыс. лет назад, что позволяет отнести этот памятник к раннему периоду эпохи мустье.

СТОЯНКА ЗАИКИНО ПЕПЕЛИЩЕ. Памятник был открыт краеведом С. Г. Краснобаевым в 1987 г., исследовался Л. В. Кузнецовой в 1988—1991 гг. Местонахождение также располагалось в непосредственной близости от хут. Челюскинец, на левом берегу верховий Пичужинской балки. Раскоп был заложен вдоль правого борта оврага под названием Заикино Пепелище. Раскопками была вскрыта площадь в 374 м^2. Стоянка оказалась двухслойной. Верхний слой, приуроченный к современной гумусированной почве, с двумя кострищами, костями животных и фрагментами керамики предположительно относился к неолитическому времени.

Нижний культурный слой залегал на глубине 1,5—2,6 м. Слой оказался переотложенным. В процессе его раскопок было обнаружено около 1000 костных остатков животных: мамонта, бизона, лошади, сибирского эласмотерия, кулана, дикого осла, кабана, лисицы, волка, сурка. Каменный инвентарь представлен 551 предметом. Кроме отходов кремневой индустрии, было найдено 88 орудий, изготовленных в основном из кремня, среди которых преобладали скребла, встречались также остроконечники и ретушированные отщепы. По технико-типологическим признакам орудий нижний культурный слой относится к среднему палеолиту. Определение его времени с использованием термолюминесцентного метода дало дату, близкую времени местонахождения Челюскинец II.

СТОЯНКА ШЛЯХ. Она располагалась в 1,5 км к северу от хут. Шляховский в Фроловском районе. Была обнаружена краеведом В. И. Куфенко в 1988 г. Значительная часть стоянки была уничтожена вскрышными работами при сооружении карьера. Памятник исследовался экспедицией Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург) под руководством П. Е. Нехорошева в 1990—1991 и 1998—2001 гг. Раскопы были заложены по южной стенке карьера. В процессе раскопок было установлено, что данный памятник является многослойным и представляет собой группу расположенных на месторождении кремня стоянок-мастерских эпохи каменного века по изготовлению орудий труда из камня. Всего в толще четвертичных отложений общей мощностью 5 м было выявлено 9 слоев. Их анализ показал, что это место человеком использовалось в течение длительного времени, от средне-

Каменные орудия с палеолитической стоянки Шлях

Вверху:
Месторасположение стоянки каменного века Шлях. *Карьер*

го палеолита до мезолита. Примерно половина каменных изделий была обнаружена в 8-м слое, залегавшем на глубине 4—5 м (более 4 тыс. предметов из камня, среди которых 92 орудия). Основная часть орудий, изготовленная из кремня, представлена остроконечниками, скреблами, скребками, различными вариантами ножей и прочее. Находки из этого и 9-го слоев, технология обработки камня дали основание утверждать переходный их характер от среднего к верхнему палеолиту. В целом исследователи характеризуют каменную индустрию нижних слоев стоянки Шлях как характерную для финала среднего палеолита. Это первый памятник на территории Русской равнины с переходной от среднего к верхнему палеолиту технологией первичного расщепления камня. Исследователь стоянки П. Е. Нехорошев отмечал: «Таким образом, материалы слоев 8 и 9 памятника Шлях впервые для Русской равнины показывают развитие комплекса самого конца среднего палеолита, наличие предпосылок для перехода к верхнепалеолитическим методам обработки камня... Технико-типологические черты названного комплекса пока не дают оснований прямо связывать его с какими-то конкретными памятниками ранней поры верхнего палеолита, но ясно показывают, что в конце среднего палеолита в регионе была четко выражена тенденция развития в направлении пластинчатой технологии верхнепалеолитического свойства»[2].

По результатам естественно-научных исследований (геологических, радиоуглеродных, палеомагнитных, палинологических) удалось установить возраст 8-го и 9-го слоев стоянки — 41—40 и 44—42 тыс. лет назад соответственно.

Открытие ряда других местонахождений среднего палеолита в Волгоградской области свидетельствует о достаточно плотном заселении древним человеком нашего края в то далекое время. Скопление местонахождений мустьерского времени было выявлено в Котельниковском районе в месте впадения Аксая Курмоярского в Цимлянское водохранилище. Здесь, в устье Большой Козловой балки, у бывшего Цыганского хутора и ст-цы Нагавской были собраны нуклеусы, отщепы, остроконечники, скребла мустьерского облика. Каменные орудия среднего палеолита были найдены в районе пос. Лог в Иловлинском районе, в Кашириной балке в Дубовском районе.

На среднепалеолитических памятниках Волгоградской области не были обнаружены кости самого человека, что не дает возможности судить о его физическом типе. В Европе с мустьерскими памятниками обычно отождествляли неандертальцев, находки костных остатков которых известны в Западной Европе, Крыму, на Северном Кавказе и в Средней Азии. Свое название они получили от долины Неандерталь, находящейся в Германии, недалеко от Дюссельдорфа. Здесь еще в середине XIX в. были обнаружены костные останки ископаемого человека, среди которых находилась черепная крышка. Сейчас принято считать, что так называемые классические неандертальцы появились в Европе 150—130 тыс. лет назад и просуществовали около 100 тыс. лет. Неандертальцев включают в группу пале-

[2] *Нехорошев П. Е.* Стоянка Шлях // Археология Нижнего Поволжья. Каменный век. Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2006. С. 60, 61.

антропов, являющуюся одним из видов рода *Homo*. Они по ряду морфологических признаков отличались от современного человека. У них были мощные надбровные дуги, покатый лоб и выступающая нижняя часть лица. Они отличались большей массивностью костяка, что свидетельствовало об их физической силе при относительно невысоком росте (165—170 см). Объем мозга неандертальцев, судя по остаткам черепов, практически не отличался от современных людей и равнялся в среднем 1400—1500 см^3. Они, как полагают ученые, владели примитивной речью. Открытие погребений неандертальцев позволяет говорить о целенаправленных действиях при их сооружении, что может свидетельствовать о зарождении у них представлений о потустороннем мире и существовании религиозных представлений. Еще относительно недавно господствующей в науке являлась точка зрения о том, что современный тип человека в Европе появляется примерно 40—35 тыс. лет назад, а его предком были неандертальцы. Новые исследования, и в частности палеогенетического характера, поставили эту версию под сомнение. Анализ ДНК неандертальцев не подтверждает их прямого родства с современными людьми. В настоящее время среди палеоантропологов преобладает мнение, основывающееся на новых открытиях о том, что современный тип человека *(Homo sapiens)* появляется в Африке около 130 тыс. лет назад. Освоение *homo sapiens* Европы, исконной территории обитания неандертальцев, начинается относительно поздно, примерно 40—35 тыс. лет назад. Как полагают, оба вида *homo* какое-то время сосуществовали на одной территории. Неандертальцы, оказавшись в конечном счете тупиковой ветвью человеческого древа, исчезают около 25—30 тыс. лет назад. Верхнепалеолитическая культура была уже в основном достоянием современного типа человека. Все же следует отметить, что в вопросе о появлении на Европейском континенте современного типа человека и его взаимоотношений с неандертальцами, о причинах исчезновения последних еще много неясного и, видимо, в дальнейшем эта проблема еще не однажды будет корректироваться.

Стоянку Сухая Мечетка, а также местонахождения Челюскинец II и Заикино Пепелище можно считать одними из самых древних археологических памятников в Нижнем Поволжье. До сих пор пока не открыты места, бесспорно свидетельствующие о стационарном проживании здесь человека в домустьерскую эпоху. Возможно, такая ситуация вызвана трудностью обнаружения этих памятников, открытие их, как правило, дело случая. Не исключено, что такие памятники будут открыты в будущем. Об этом, в частности, свидетельствует находка каменных орудий в балке Пичуга в урочище Гераськин Сад, возраст которых, по мнению специалистов, намного древнее мустьерской эпохи.

Пичужинская балка, располагающаяся в Дубовском районе, весьма перспективное место для поиска и изучения памятников палеолита. Это древняя, хорошо выработанная балка, прорезающая высокий правый берег Волги и далеко уходящая на склоны Приволжской возвышенности. Она прорезает древнейшие геологические отложения, отдельные из которых содержат галечник из разных горных пород. В эпоху каменного века этот галечник служил сырьем для изготовления орудий. Коллекция каменных орудий, собранная в прошлом веке волгоградским краеведом С. А. Краснобаевым в Пичужинской балке, свидетельствует о том, что в ней существовали мастерские по изготовлению каменных орудий труда, функционировавшие от среднего палеолита до неолита.

Подтверждением предположения о появлении древнего человека на территории нынешней Волгоградской области в домустьерскую эпоху может косвенно служить наличие памятников ашельской эпохи в ближайших к Нижнему Поволжью районах, например, в Приазовье, на Кавказе и в Казахстане. Заселение Нижнего Поволжья в палеолитическую эпоху происходило, вероятно, из Кавказа, где обнаружено большое число находок того же времени, что и, например, стоянка Сухая Мечетка и предшествующие ей.

ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ. Этот период каменного века, который еще называют поздним палеолитом, обычно датируется временем от 40 до 12 тыс. лет до н. э. В верхнем палеолите совершенствуется техника изготовления каменных орудий. Для скалывания пластин стал использоваться призматический нуклеус вместо дисковидного, который обычно использовался в предыдущее время. Пластины, полученные с такого нуклеуса, были более узкими и длинными. Значительно расширился ассортимент мелких каменных орудий. Начинают использоваться копья и гарпуны с костяными наконечниками. Как полагают, в верхнем палеолите появляется первое механическое приспособление, служащее для удлинения полета копья, так называемая копьеметалка. Она представляла собой стержень, заканчивающийся крючком, в который упиралось окончание древка копья, что удлиняло размах руки. Новый, более высокий уровень культуры хорошо виден на примере верхнепалеолитических стоянок Костёнковско-Боршевского района, расположенных на Среднем Дону в Воронежской области. Это уникальный район, где сосредоточено несколько десятков стоянок рассматриваемого времени. На некоторых стоянках исследованы жилые комплексы с очагами, считающиеся большими родовыми домами. Известны находки орнаментированных костяных пластин, произведений мелкой пластики — антропоморфных и зооморфных фигурок из кости и мергеля.

Памятников этой эпохи на территории Волгоградской области открыто немного, причем большая их часть не подвергалась стационарному исследованию. Представлены они стоянками и отдельными местонахождениями.

СТОЯНКА ШЛЯХ. В этот период продолжала функционировать вышеупомянутая многослойная стоянка Шлях во Фроловском районе, давшая материал от среднего палеолита до мезолита. Так, например, в слоях 4, 5 и 6 были обнаружены каменные орудия с характерной для верхнепалеолитического времени технологией изготовления. В слое 4 сохранился небольшой непотревоженный участок горизонта обитания верхнепалеолитического человека. Здесь археологами было расчищено зольно-угольное пятно и пятно ярко-желтой охры. На этом участке было обнаружено 150 каменных изделий — грубое зубчатое скребло, пластины, чешуйки. Датировки этих слоев с использованием естественно-научных методов дали следующие результаты: слой 4 — 34—32 тыс. лет, слой 5 — 35—34 тыс. лет, слой 6 — 36—35 тыс. лет назад.

НОВОГРИГОРЬЕВСКАЯ СТОЯНКА. Стоянка была открыта в 1991 г. и обследована экспедицией Ленинградского отделении Института археологии АН СССР под руководством П. Е. Нехорошева. Она располагалась на северной окраине ст-цы Новогригорьевской Иловлинского района на первой надпойменной террасе правого берега Дона и была частично уничтожена оврагами. Культурный слой стоянки со следами деятельности людей здесь залегал на глубине 1,2—1,5 м. Каменные изделия, обнаруженные на стоянке, в основном были изготовлены из кварцита и часть из кремня. Всего найдено более 3 тыс. предметов,

Панорама стоянки каменного века Новогригорьевская

Местонахождение стоянки Каменная балка

из которых орудий — 71; фрагментов пластин, пластинок и микропластинок — 403; нуклеусов и нуклевидных предметов — 11; значительное число предметов составляли отходы от производства каменных орудий. Орудия труда представлены резцами, скребками, проколками, фрагментами пластин с дополнительной обработкой. Типология и технология изготовления орудий свидетельствуют об их верхнепалеолитическом возрасте.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА В РАЙОНЕ СТ-ЦЫ КРЕМЕНСКОЙ. Ст-ца Кременская расположена на правом берегу Дона в Клетском районе. Вплотную к станице подходит возвышенность, изрезанная балками и оврагами. В 1971 г. ленинградским археологом Н. Д. Прасловым в окрестностях Кременской обнаружены три местонахождения каменного века, относящиеся к длительному периоду — от палеолита до неолита. На некоторых из них найдены изделия из кремня или кварцита, характерные для верхнего палеолита. Специалисты считают, что местность, прилегающая к Кременской, является достаточно перспективной для будущих поисков здесь новых памятников каменного века.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА В КОТЕЛЬНИКОВСКОМ РАЙОНЕ. Памятники этого времени были обнаружены в Котельниковском районе по правому берегу реки Аксай Курмоярский, долина которой в настоящее время подтоплена водами Цимлянского водохранилища. Наиболее выразительными из них являются местонахождения Похлебин I и Подгородниченково I.

Местонахождение Похлебин I названо по имени хутора, от которого оно находилось в 1 км к северу. Открыто Н. Д. Прасловым. Здесь было собрано около 70 изделий из камня. Среди орудий преобладали боковые, срединные, угловые и комбинированные резцы. Обнаружено несколько скребков, а также совершенной формы нуклеусов, с которых скалывались пластины. Высокий уровень техники расщепления, разнообразие типов резцов свидетельствуют о довольно развитом облике верхнепалеолитической каменной индустрии этого местонахождения.

Местонахождение Подгородниченково I было обнаружено в 6—7 км северней Похлебинского. Оно было названо в память геолога В. И. Подгородниченко, впервые обнаружившего памятники первобытной археологии в этих местах. Обследовано местонахождение было Н. Д. Прасловым. Здесь, в устье одной из небольших балок был выявлен культурный слой толщиной не более 5 см, значительная часть которого была разрушена Цимлянским водохранилищем. Небольшая зачистка позволила археологам собрать более 500 предметов, преимущественно это были кремневые пластинки. Из орудий здесь были найдены три боковых резца, скребок и массивное скребло, а также нуклеус со следами снятия правильной формы микропластин. Высокая техника изготовления пластин свидетельствует о позднем возрасте этого памятника в пределах верхнего палеолита. Сохранение культурного слоя позволяет отнести этот памятник к разряду стоянок верхнепалеолитического времени.

Примерно в 150 м севернее стоянки Подгородниченково I было выявлено еще одно местонахождение верхнего палеолита. Оно было открыто в 1965 г. Н. Д. Прасловым и дополнительно обследовано им в 1971 г. Здесь в размываемой водохранилищем второй надпойменной террасе в устье небольшой балочки было собрано несколько десятков каменных изделий, типичных для верхнего палеолита: скребки, резцы, призматические нуклеусы, пластины и отщепы.

СТОЯНКА В РАЙОНЕ с. АЛЕКСАНДРОВКА В ЖИРНОВСКОМ РАЙОНЕ. Открыта В. И. Куфенко в 1982 г. Она располагалась в долине реки Медведицы в устье Малой Каменной балки. Культурный слой стоянки на протяжении 20 м был нарушен траншеей, проложенной нефтяниками. Толщина переотложенного культурного слоя 3—5 см. На отвалах траншеи была собрана достаточно представительная коллекция каменных изделий, среди которых 30 орудий, 7 нуклеусов, более 200 отщепов и пластин. Материал — кремневая галька и кварцит. Среди орудий выделяются боковые и концевые скребки, долотовидные орудия, пластины и отщепы с ретушью. Техника изготовления орудий типично верхнепалеолитическая.

Кроме вышеназванных объектов верхнепалеолитического времени, отдельные находки орудий труда этой эпо-

хи были обнаружены во время проектировочных и строительных работ по трассе Волго-Донского канала в районе хуторов Ивановка и Колпачки. В последующее время изделия верхнепалеолитического облика были найдены в районе Бекетовки (Кировский район Волгограда) на склоне Ергенинской возвышенности; в пос. Ежовка (Советский район Волгограда); в местечке Родниковая балка у с. Пичуга Дубовского района; у бывшего с. Ютаевка в Иловлинском районе.

В эпоху верхнего палеолита плотность заселения теперешней территории Волгоградской области была, видимо, гораздо выше, нежели в предыдущее время. На упомянутых выше стоянках в Воронежской области были обнаружены погребения людей верхнего палеолита. Исследование их костных останков, проведенное антропологами, показало, что они принадлежат к разным расам, что свидетельствует о сложных расогенетических процессах, происходивших в то время.

МЕЗОЛИТ

Данная эпоха, средний каменный век, обычно датируется с XII по VII в. до н. э. Однако на разных территориях начало и окончание этой эпохи могло происходить в разное время. Положение с памятниками мезолита в нашей области такое же, как и в предыдущее время, их очень мало. Это характерно не только для Волгоградской области, но и для всего Евразийского континента. В эпоху мезолита происходит становление современных климатических условий, а также животного мира. На смену мамонтам и некоторым другим видам животных, являвшихся основным объектом охоты в эпоху палеолита, приходят современные виды животных — северные олени, лоси, кабаны и другие, предки которых обитали и раньше, но теперь они становятся основными промысловыми животными. Происходит изменение форм охоты от загонно-облавной, характерной для палеолита, к индивидуальным.

В этот период усиливается подвижность охотничьих коллективов, вынужденных передвигаться вслед за стадами животных. Происходит их сегментация на более мелкие группы по сравнению с предыдущим временем. Этот фактор отразился на характере бытовых памятников (мест поселений) эпохи мезолита, которые обычно отличает слабовыраженный культурный слой, ввиду того, что продолжительность жизни на них была недолгой.

Мезолит как средний каменный век занимает промежуточное положение между палеолитом (древним каменным веком) и неолитом (новым каменным веком). По этой причине для каменной индустрии мезолита на раннем его этапе характерно сохранение старых верхнепалеолитических традиций, а на позднем — появление новых элементов, получивших развитие в неолите. В мезолите получила распространение и качественно новая, так называемая микролитическая техника изготовления орудий труда, основанная на высоком уровне отжимного способа отделения ножевидных пластин от заготовок, что дало возможность получать небольшие пластинки правильных геометрических форм, называемые микролитами (от древнегреческих «микрос» — маленький и «литос» — камень). Микролиты использовались как вкладыши при изготовлении сложносоставных орудий труда, основа которых изготовлялась из дерева или кости. В качестве закрепителей микролитов, вставленных в пазы основы, использовались природный асфальт, битум, горный воск. В некоторых памятниках на микролитах обнаружены остатки этих веществ. Асфальт, например, с глубокой древности использовался людьми. В шумерской мифологии, восходящей к 3-му тыс. до н. э., в эпизоде о потопе ковчег Утнапештима был осмолен асфальтом. В мезолите появляются первые жатвенные ножи, долота и топоры из камня. Изобретением этой эпохи были лук и стрелы с каменными наконечниками.

На территории Волгоградской области известно немногим более десятка мезолитических местонахождений.

СЕЛЕЗНЕВСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ. Оно было открыто в 1990 г. ленинградскими археологами. Располагалось оно на правом берегу Дона в верховьях балки Селезнева, в 6 км к югу от ст-цы Кременской Клетского района. На местонахождении неоднократно производился сбор подъемного материала, делалась зачистка склонов. Всего было собрано более 900 предметов из камня, но орудий труда среди них мало, преобладают в основном кремневые пластины с ретушью и скребки. Обнаружена серия нуклеусов. Исследователи этого памятника предполагают, что здесь находилась мастерская по изготовлению орудий труда. Невыразительность материала этого местонахождения затрудняет его достаточно точную датировку, однако специалисты не исключают принадлежности его к мезолиту.

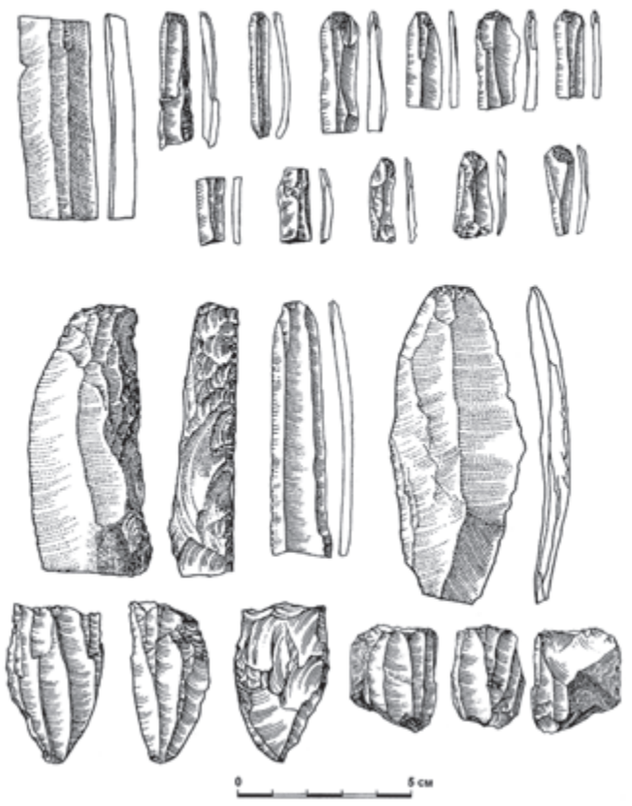
ФРОЛОВСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ. Было обнаружено в начале 80-х гг. XX века в 11 км к юго-западу от г. Фролово. Стоянка располагалась на левой стороне балки Паника. Всего здесь было обнаружено 172 предмета, среди которых находились 22 орудия: скребло, скребки, резец, отщепы с ретушью, фрагмент двусторонне обработанного орудия. Основная часть их изготовлена из светло-серого и коричневатого кремня. Технология изготовления орудий труда из Фроловского местонахождения близка верхнепалеолитической, но залегание артефактов в голоценовой почве позволяет отнести его к началу мезолитической эпохи.

СТОЯНКА УРАКОВ БУГОР. Стоянка расположена в 30 км к северо-востоку от Камышина на правом берегу Волги, между селами Нижняя Добринка и Дубовка, на мысу, ограниченном с севера и юга глубокими оврагами, в районе Уракова бугра. Стоянка исследовалась в 1991 и 1992 гг. экспедицией под руководством И. И. Дрёмова. Примерная площадь стоянки составляла 1500—2500 м^2. Общая же площадь раскопов составила 76 м^2. В процессе раскопок было найдено большое количество нуклеусов из кварцитопесчаника и кремня, с которых скалывались разнообразной формы пластины. Таких пластин было обнаружено 331. Из орудий труда были найдены скребки, резцы, два долотовидных и несколько тесловидных орудий, один трапециевидный микролит. В нижней части культурного слоя были обнаружены кости животных и рыб. Их определение показало, что обитатели стоянки охотились на лошадей и косуль, ловили рыбу, преимущественно осетровых пород. Возраст культурного слоя с наибольшей насыщенностью находками, датированный с использованием радиоуглеродного метода, дает усредненную калиброванную дату 10,5 тыс. лет до н. э.

Техника изготовления каменных орудий труда, обнаруженных на стоянке, характеризуется как верхнепалеолитическими, так и новыми традициями, получившими развитие в мезолитическую эпоху.

Спорово-пыльцевой анализ нижнего слоя стоянки свидетельствует о довольно холодном климате в то время, соответствующем тундро-степному ландшафту.

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ МАСТЕРСКИЕ В РАЙОНЕ с. НИЖНЯЯ ДОБРИНКА И СТ-ЦЫ НОВОГРИГОРЬ-



Каменные орудия со стоянки Ураков бугор

ЕВСКОЙ. Первая из них находилась в 5 км к северо-западу от с. Нижняя Добринка Камышинского района. Обследована в 1995 г. Л. В. Гуренко. Культурный слой был нарушен пашней. Собранная коллекция состояла из 165 каменных предметов. Большую часть находок составляли отходы производства каменных орудий — отщепы, сколы, чешуйки. Изделий с вторичной обработкой обнаружено 18. Сырьем для изготовления орудий служил мелкозернистый кварцит. Характер находок позволяет предположить, что на этом месте в эпоху мезолита располагалась мастерская по изготовлению каменных орудий.

Местонахождение в районе ст-цы Новогригорьевской в Иловлинском районе, получившее название Яровского, было открыто в 2000 г., исследовалось оно С. О. Ремизовым. Находки располагались на поверхности современной почвы. Собранная коллекция каменных изделий насчитывала 213 предметов, среди которых находились скребла, двусторонне обработанные орудия, резец, пластины с ретушью и без ретуши. Технология изготовления орудий мезолитическая. Приуроченность находок к естественным выходам сырья, которым являлся кварцит, позволяет предполагать, что это местонахождение использовалось как мастерская первичного расщепления камня.

МЕЗОЛИТИЧЕСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ В РАЙОНЕ ОЗЕРА ПОДПЕШНОЕ. Располагалось на левом берегу Дона, примерно в 2,5 км к северу от ст-цы Усть-Хоперской, на песчаных выдувах северного берега озера Подпешное. Здесь в 1934 г. Б. Б. Пиотровским была собрана значительная коллекция мелких кремневых изделий, среди которых выделялись микролиты в виде трапеций и сегментов. Находки относятся к мезолитической эпохе.

НАХОДКИ МЕЗОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В РАЙОНЕ МАМАЕВА КУРГАНА. Пункты находок каменных изделий мезолитического времени на Мамаевом кургане были открыты в 20-х гг. прошлого века краеведом П. Н. Шишкиным, изучены и описаны Т. М. Минаевой. Один из пунктов был открыт на западном склоне кургана, где у его подножья находился родник, другой пункт располагался на северо-восточном склоне, напротив завода «Красный Октябрь». Обнаруженные здесь орудия были изготовлены из кремня и кварцита, происходящих из галечников ергенинских отложений. Особый интерес представляет находка скребка, изготовленного из северокавказского обсидиана. Среди орудий большинство составляют скребки (41 экз.), далее следуют микролиты в форме трапеций и сегментов (25 экз.). Микролиты изготовлялись из узких тонких пластинок, сколотых с конических и призматических нуклеусов, которые также были обнаружены на указанных местонахождениях. Мезолитические памятники с подобным набором находок известны в Прикаспии и Предкавказье. Находка на склонах Мамаева кургана скребка из кавказского обсидиана свидетельствует о наличии южных связей мезолитического населения Нижнего Поволжья.

Кроме вышеназванных местонахождений, находки мезолитического времени были обнаружены в районе Бекетовки на склонах Ергенинской возвышенности, у хут. Тары Иловлинского района, на берегу Цимлянского водохранилища у бывшего хут. Сафронов в Котельниковском районе.

НЕОЛИТ

Заключительный период каменного века получил название новый каменный век, или неолит. Начало этого периода связано с целым рядом выдающихся достижений человечества, в значительной мере определивших дальнейшую его историю. Одним из важнейших является постепенный переход от присваивающих к производящим формам хозяйства — скотоводству и земледелию, которые и сейчас в основном обеспечивают людей продовольствием. Это важное событие в истории хозяйственной деятельности человечества получило название «неолитической революции», поскольку являлось прологом на его пути к качественно новой организации общества — цивилизации. Существенным достижением этой эпохи было появление и широкое распространение глиняной посуды и ткачества, свидетельствовавших о значительно возросших потребностях человека того времени. Основным материалом для изготовления орудий труда в неолите продолжает оставаться камень, но техника его обработки была значительно усовершенствована, начинает применяться пиление, сверление и шлифовка, что значительно расширяет ассортимент изделий. Впервые, пожалуй, в это время человек сталкивается с дефицитом. На поверхности специальных пород камня, пригодных для изготовления орудий труда, становится все меньше, поэтому начинает использоваться шахтовая его добыча.

Большинство неолитических памятников, открытых в Нижнем Поволжье, датируется по радиоуглеродному методу, основанному на исчислении времени полураспада радиоактивного изотопа углерода ^{14}C, содержащегося в органике, 6-е — первая половина 4-го тыс. до н. э. Калиброванные радиоуглеродные даты удревняют памятники неолита на несколько столетий.

ОРЛОВСКАЯ СТОЯНКА. Стоянка располагалась на северной окраине Волгограда, недалеко от пос. Орловка, в балке Мокрая Мечетка, на узком обрывистом выступе, образованном оврагами. Она была исследована в 1968 г. экспедицией под руководством В. И. Мамонтова. Большая часть стоянки была уничтожена в результате подмывания склона балки. Культурный слой мощностью 10—15 см сохранился на площади 24х12 м.

Во время раскопок стоянки была собрана коллекция из 78 фрагментов керамики, целые сосуды на такого рода стоянках, как правило, не встречаются. По фрагментам можно определить, что керамика изготовлялась ленточным способом, когда сосуд формировался из глиняных жгутов, накладываемых друг на друга и затем уплощаемых. Верхние края сосудов были богато орнаментированы приемом, называемым археологами «отступающей лопаточкой», когда по сырой глине проводили линии какой-либо палочкой, определенным образом заостренной, с периодическим частым нажимом на нее. Насколько можно судить по фрагментам, сосуды были достаточно больших размеров с широким горлом. Диаметр отдельных из них достигал 40 см.

Кроме керамики на стоянке найдены и каменные орудия труда, большая часть которых представлена кремневыми пластинами, скребками овальной и подтреугольной формы. Были обнаружены два нуклеуса, два трапециевидных вкладыша, изготовленных из тонкой кремневой пластины, и один кремневый наконечник стрелы. Еще найдено одно грузило из песчаника с желобчатым пазом для крепления веревки.

Значительный интерес представляют кости животных, обнаруженные в процессе раскопок стоянки. Для определения они были переданы в остеологический кабинет Института археологии АН СССР, их изучением занимался известный в свое время специалист В. И. Цалкин. Видовой их состав оказался следующим: бык — две взрослые особи; лошадь — одна взрослая и две молодые особи; собака — одна особь; сайга — две особи. Из крупного рогатого скота одна особь, бесспорно, являлась домашней, другая, более крупных размеров, могла быть как домашней, так и дикой; кости лошади ближе всего к костям домашних особей.

При раскопках стоянки была обнаружена полуземляночная жилая конструкция, половина которой оказалась разрушенной балкой. Скорее всего, она представляла собой прямоугольное помещение, заглубленное в землю на 0,6 м, длиной 6 м, ширина ее не восстанавливается. С одной стороны полуземлянка имела вход длиной 2 м, крыша ее поддерживалась при помощи столбов, следы от которых сохранились в виде круглых углублений. В. И. Мамонтов, автор раскопок данного памятника, предполагает, что это было временное жилище летнего типа, необходимое на то время, когда жители этих мест, занимавшиеся скотоводством, пригоняли стада в пойму реки, располагавшуюся на месте нынешней балки Мокрая Мечетка.

В последующие годы в Поволжье был открыт еще ряд неолитических стоянок, близких по характеру находок Орловской, которые исследователи объединили в одну культуру, назвав ее орловской.

ЛАТОШИНСКАЯ СТОЯНКА. Кроме Орловской, в районе Волгограда был открыт еще ряд стоянок неолитического времени. Одна из них также располагалась на северной окраине Волгограда, на побережье Волгоградского водохранилища у пос. Латошинка. Здесь на небольшой глубине, всего 15 см, был выявлен культурный слой мощ-

Каменные орудия со стоянки Орловка

Фрагменты глиняных сосудов с неолитической стоянки Орловка. *Кат. 4*

Кварцитовый наконечник дротика. Козлиновское. *Кат. 7*

Кварцитовый наконечник дротика. Староаннинская. *Кат. 8*

Кремневый наконечник дротика. Пятиморская. *Кат. 17*

ностью 75 см, содержавший отщепы пластин из кремня и кварцита, готовые орудия труда, кости животных и рыб, фрагменты керамики, в тесте которой также присутствовала толченая раковина. По определению палеозоологов, кости животных с этой стоянки принадлежали лошади, овце, волку или собаке и сайге.

ЦАРИЦЫНСКАЯ СТОЯНКА. Обнаружена на высоком берегу Царицынской балки, в 9—10 км от Волги. Культурный слой, залегавший на глубине 3 м, был прорезан оврагом. Разведочными раскопками здесь обнаружены кварцитовые отщепы, кремневый скребок, фрагменты керамики ручной лепки с толченой раковиной в тесте. При изучении культурного слоя стоянки было собрано 157 костей животных, принадлежавших овце, козе, лошади, собаке, корове, медведю (?). Одна из костей принадлежала, возможно, сому.

Ряд стоянок неолитического времени обнаружен по берегу реки Торгун, левого притока Волги, в пределах Волгоградской области.

СТОЯНКА КУМЫСКА. Располагалась на южной окраине с. Кумыска Палласовского района на левом берегу Торгуна. Стоянка оказалась многослойной, нижний ее культурный слой относился к неолитическому времени. Раскопанная площадь стоянки составляла около 470 м^2. На стоянке обнаружены орудия труда, преимущественно изготовленные из кремня, среди которых преобладали пластины с ретушью и пластины-вкладыши, найдено несколько скребков. Находки керамики немногочисленны, причем она оказалась сильно фрагментированной. Орнамент на керамике был нанесен проколами и сплошными прочерками.

СТОЯНКА САВИНКА. Находилась в 1,2 км северо-восточнее с. Савинка Палласовского района на правом берегу Торгуна. Здесь были собраны кремневые орудия, типологически находящие аналогии в памятниках неолитического времени.

Между Савинкой и Кумыской на левом берегу археологами было выявлено еще два местонахождения, названных Максимовка и Борсы, судя по каменным орудиям труда, относящимся к неолиту.

Памятники неолита были обнаружены в Подонье, в пределах Волгоградской области.

ЛАГУТИНСКАЯ СТОЯНКА. Располагалась в нижнем течении реки Чир, в 0,5 км к северу от хут. Лагутин Чернышковского района Волгоградской области. На стоянке был собран представительный набор орудий труда, изготовленных в основном из кремня, в виде ножевидных пластин и скребков. Здесь же были найдены фрагменты лепной посуды, орнаментированные наколами и полулунными вдавлениями.

СТОЯНКА В РАЙОНЕ ХУТ. КОЗЛИНОВСКИЙ. Стоянка находилась в районе хут. Козлиновский, с его северо-западной стороны в Новоаннинском районе, на краю пойменной террасы реки Бузулук. Исследовалась в 1976 г. экспедицией под руководством В. И. Еремина. Раскопками была вскрыта площадь 103 м^2, стоянка оказалась двухслойной: нижний слой относился к позднему неолиту, верхний — к энеолиту. Нижний слой был насыщен изделиями из кремня и кварцита: скребки, скобели, ножевидные пластинки, наконечники листовидной и подтреугольной формы. В этом слое была найдена и керамика, представленная богато орнаментированными фрагментами в виде прочерченных линий, оттисков гребенки, наколов. Неординарной находкой являются кости человека — фаланги рук, бедренной кости и нижней челюсти — происходящие, видимо, из разрушенного погребения.

НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ В РАЙОНЕ СТ-ЦЫ СТАРОАННИНСКОЙ. Располагалось на берегу реки Бузулук поблизости от ст-цы Староаннинской Новоаннинского района. Поселение исследовано экспедицией под руководством В. И. Еремина в 1976 г. В хорошо сохранившемся слое стоянки было обнаружено более 1000 фрагментов глиняной посуды, многочисленные орудия из кремня, кварцита и сланца. Сосуды имели как острое, так и плоское дно, их стенки были орнаментированы треугольными наколами, коническими ямками, глубокими прочерченными линиями. Изделия из камня были представлены небольшими скребками, проколками, наконечниками, полированными топориками, геометрическими микролитами. На стоянке было зафиксировано сооружение полуземляночного типа, аналогичное обнаруженному на Орловской стоянке. В основании культурного слоя было обнаружено женское захоронение. Скелет покоился на левом боку с вытянутыми руками. Возраст погребенной свыше 30 лет, ее стопы были окрашены охрой, с ней найдено глиняное пряслице.

Следует отметить, что обнаруженные человеческие погребения на стоянках у хут. Козлиновского и ст-цы Староаннинской являются древнейшими на территории нашей области.

ПЯТИМОРСКАЯ СТОЯНКА. Культурный слой стоянки был размыт водами Цимлянского водохранилища, поэтому предметы неолитического времени были

1
2 3

1. Фрагменты глиняных сосудов. Староаннинская. *Кат. 7*

2. Пряслица. Козлиновское. *Кат. 6*

3. Тесловидные орудия эпохи неолита. *Кат. 10, 11*

Каменные наконечники дротиков со стоянки Пятиморской. *Кат. 12*

Костяные гарпуны эпохи неолита. *Кат. 18*

Кремневые скребки. Пятиморская. *Кат. 13*

1	2
3	4

1. Каменные нуклеусы, Пятиморская. *Кат 15*

2. Каменные орудия со стоянок Пятиморской и Приморской. *Кат. 16*

3. Кремневые ножевидные пластины. Пятиморская. *Кат. 14*

4. Фрагмент глиняного сосуда. Козлиновское. *Кат. 5*

найдены вместе с материалами, относящимися к другим эпохам. На стоянке преимущественно были обнаружены фрагменты керамики с обильной примесью толченой раковины. Профили сосудов и их орнаментация, по аналогии с керамикой из других памятников, свидетельствуют о неолитическом возрасте этих находок из Приморской стоянки.

Берега Дона в эпоху неолита были достаточно плотно заселены, о чем свидетельствует нахождение неолитических орудий и фрагментов керамики в ряде мест, размытых Цимлянским водохранилищем. Такие находки были сделаны в районе хут. Ляпичев и железнодорожной станции Ложки в Калачевском районе. Остатки неолитических поселений были обнаружены в районе хут. Задоно-Авиловский на берегу Дона и у ст-цы Качалинской в Иловлинском районе.

Совокупный анализ находок из большинства неолитических памятников Волгоградской области свидетельствует об их культурной и хронологической близости в рамках выделенной археологами упомянутой выше орловской культуры. Сама орловская культура занимала значительно большую территорию, нежели Волгоградская область. На север памятники орловского типа распространяются до границы лесостепи, на восток — до реки Урал, на юге — до низовий Узеней и границы прикаспийских песков, на западе границей их является Волга и, видимо, Дон, по крайней мере в пределах Волгоградской области.

Орловская неолитическая культура датируется в основном второй половиной 5-го — началом 4-го тыс. до н. э. Основной формой хозяйства населения орловской культуры являлись охота и собирательство. В рамках домашнего производства изготавливалась керамика, обрабатывались шкуры животных.

В названных выше стоянках были обнаружены кости лошади, в том числе и одомашненной. Существует мнение, что Южное Приуралье и Поволжье было тем местом, где в эпоху неолита человеком была одомашнена лошадь.

В новом каменном веке теперешняя территория Волгоградской области и прилегающие непосредственно к городу районы были заселены гораздо плотнее, чем в эпоху палеолита. Это, видимо, связано с общим увеличением населения, чему в немалой степени способствовал постепенный переход к более устойчивым формам хозяйства — скотоводству и земледелию. По крайней мере, археологическая ситуация, выявленная здесь, подтверждает это мнение. Кроме упоминавшихся стоянок, на территории Волгоградской области был открыт еще ряд неолитических памятников, которые не подвергались специальным раскопкам, ближайшими из них к городу являются стоянки у с. Каменка, хут. Варламов и дер. Грачи Дубовского района. Сталинградские краеведы А. Н. Ильина и П. Н. Шишкин в своей книге «Материалы к археологической карте...», изданной в 1929 г., упоминают целый ряд местонахождений на территории города, которые могут быть отнесены к рассматриваемой эпохе. Там упоминается ряд мест, где находили кремневые орудия труда, обломки лепной керамики и кости животных. Например, в районе Ольховой балки, между трамвайной линией и пос. им. Рыкова, на правом берегу Банного оврага; на берегу Волги на участке райнефтесиндиката; на правом берегу Ельшанского оврага, возле Астраханской плотины; на «Буграх» возле общежития завода «Баррикады». Сейчас трудно судить о времени всех этих местонахождений, поскольку материалы сборов с них не сохранились, не исключено, что они разного времени, но, возможно, часть из них относилась к неолитической эпохе.

IV.
ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗОВОГО ВЕКА

ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА, РАННЕЙ И СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ ВОЛГО-ДОНСКОГО РЕГИОНА

В каменном веке, когда люди еще не знали металлов, когда не было в обиходе колеса, а значит, и колесного транспорта, бескрайние волго-донские степи были к человеку неприветливы и труднодоступны. Редкие поселки охотников и рыболовов неолита располагались на берегах Волги и Дона и их притоков, иногда возле крупных родников. Здесь строили жилища, занимались нехитрыми промыслами, лепили и обжигали посуду, обрабатывали принесенные из глубоких балок желваки кремня. По-видимому, поблизости от поселков находились скромные грунтовые могилы их обитателей. Обнаружить в настоящее время древности каменного века очень трудно, а на обширных водоразделах Волго-Донского региона они попросту отсутствуют.

Облик степей изменился в ту пору, когда на западе, в бассейне Днепра и Днестра, появились крупные поселения земледельцев трипольской культуры — представителей древнеевропейской, карпато-балканской энеолитической цивилизации. Южный, Кавказский регион стал местом расселения носителей куро-аракссской и майкопской культур, которые принесли в степи Предкавказья прогрессивные навыки производящего хозяйства и металлургии, давно уже известные в Закавказье и на Ближнем Востоке. В результате степные просторы перестали разделять поселки древних людей. Одомашнивание лошади в качестве тяглового и верхового животного, становление плотницкого мастерства с появлением медно-бронзового инструментария привели к созданию и совершенствованию колесного транспорта. Все это способствовало развитию скотоводства, в том числе в его подвижной, кочевой форме. Количество поселений возросло, наблюдается широкое распространение отдельных категорий материальной культуры, прежде всего металлического инвентаря и высококачественной керамики из карпато-балканского или кавказского центров культурного развития. Произошла определенная унификация погребального ритуала, особенно значимым явлением стало распространение обычая сооружения над погребениями курганных насыпей. Это свидетельствовало не только об усложнении культовой практики, но и о значительных социальных изменениях — усилении интеграции древних коллективов, развитии их иерархической структуры и т. д. Начало сооружения заметных и ныне курганов над захоронениями в эпоху энеолита, в отличие от скрытых от нашего взора грунтовых могильников каменного века, расширило источниковую базу археологических исследований.

Все эти изменения происходили около семи тысяч лет тому назад, на протяжении 5-го тыс. до н. э. Они ознаменовали смену эпохи камня эпохой палеометалла. Для того чтобы понять характер культурных процессов на территории волго-донских степей, попробуем дать общую характеристику наступившего нового времени.

Эпоха палеометалла — медный и бронзовый век — отмечена переходом от обработки камня к металлургии меди и бронзы. В это время человечество закрепило достижения неолитической революции, сделало необратимым шаг от присвоения благ природы к их преимущественному производству. Металлические орудия, как уже отмечалось, создали материально-технические условия для скотоводческого хозяйства, способствовали развитию сухопутного и водного транспорта, резко повысили производительность земледелия. Все эти прогрессивные изменения в конечном счете ускорили социальное развитие первобытного общества, вывели его на рубежи цивилизации и государственности.

По новейшим данным радиоуглеродного датирования, полученным благодаря сотрудничеству археологов и специалистов естественных наук, хронологические рамки эпохи палеометалла Юго-Восточной Европы определяются диапазоном от середины 5-го до конца 2-го тыс. до н. э.

Первые полтора тысячелетия — от начала этой эпохи до конца 4-го тыс. до н. э. — происходило изживание неолитических традиций изготовления орудий труда, шло своего рода соревнование между камнем и металлом. Большинство обществ находилось на стадии энеолита (лат. *aeneus* — медный и греч. *lithos* — камень, дословно медно-каменный). Наряду с энеолитическими культурами уже в первой половине 4-го тыс. на Северном Кавказе возник передовой центр бронзолитейного дела — майкопская культура, под влиянием которой соседние племена переходили от энеолита к ранней бронзе. Поэтому энеолитическое население степного Предкавказья, в том числе и волго-донских степей, достаточно быстро приобрело в культурном

Костяная и бронзовая молоточковидные булавки эпохи средней бронзы, Волжский и Веселый III. *Кат. 37, 38*

На с. 44 вверху:
Кремневые тесла, пластина и каменный скипетр из кургана у хут. Шляховский II.
Кат. 22, 23, 24, 26
Внизу:
Глиняный сосуд, Приморский II.
Кат. 29

Повозка бронзового века. Процесс реставрации

Древний курган

отношении смешанный, синкретический облик, стало сообществом энеолита—ранней бронзы.

Дальнейшее развитие палеометалла может быть определено как период средней бронзы, занявший все 3-е тыс. до н. э. Он стал временем распространения кавказских традиций металлургии в степях Юго-Восточной Европы, а финал всей эпохи — время поздней бронзы (2-е тыс. до н. э.) — ознаменовалось возникновением самостоятельных центров добычи и обработки металла в Южном Приуралье и Северо-Западном Причерноморье.

В природно-географическом и культурно-историческом отношении волго-донские степи, расположенные в месте наибольшего сближения крупнейших рек Восточной Европы, были удобным местом обитания племен энеолита и бронзового века. Чаще всего в условиях засушливого климата и кочевого уклада жизни они становились коридором, по которому продвигались скотоводы из одной степной зоны Евразии в другую. Реже, когда наступало относительное увлажнение, здесь возникали многочисленные поселки оседлого населения. Отсутствие собственной горнорудной базы вынуждало древних обитателей низовий Волги и Дона налаживать взаимодействие с племенами соседних регионов. Речь идет о причерноморско-каспийских степях с Карпатами и Кавказом и о южносибирско-казахстанских степях с Уралом и Алтаем. В свою очередь, народы каждого из этих регионов жили на северной периферии пояса Великих цивилизаций. Для европейских степняков таковыми являлись развитые общества Балкан и Малой Азии, а для азиатских скотоводов — раннеземледельческие цивилизации Средней Азии.

Таким образом, волго-донские степи представляли собой связующее звено, контактную зону вышеназванных культурных регионов. В эпоху палеометалла, как и в последующие времена, здесь проходили пути миграций народов, осуществлялись мирные контакты племен и военные столкновения между ними, шел обмен товарами и информацией.

Внедрение и широкое использование на этапе энеолита медных изделий привело к деградации кремневой индустрии, обеднению наборов каменных орудий. Первые медные изделия найдены в малоазийских памятниках 8—7-го тыс. до н. э. (напр., Чатал-Гуюк), однако массовое использование меди для производства основных орудий и оружия относится к 5-му — началу 4-го тыс. до н. э. Освоение способа добычи меди было связано с южными территориями — Передней Азией, Кавказом, Балканами, т. е. районами, богатыми этим металлом. Известны два способа его обработки: холодный (ковка самородной меди) и горячий (плавка, восстановление меди из руды, а также литье). Для населения Восточной Европы основным центром добычи и обработки меди была Балкано-Карпатская металлургическая провинция, которая снабжала своей продукцией и земледельцев Северо-Западного Причерноморья, и скотоводов в степях от Днепра до Урала. Внедрение медных орудий позволило представителям этих хозяйственных укладов достигнуть значительных успехов в развитии производства.

По всей вероятности, подобные культурно-исторические процессы, затрагивавшие степи Волго-Донского региона, имели место и в более ранние времена. Но в эпоху энеолита на территории степей Восточной Европы впервые столкнулись очень разные по своему уровню развития группы населения, возник, по выражению известного петербургского археолога В. С. Бочкарёва, очаг культурогенеза. Он определил вектор культурного развития нашего региона на два тысячелетия вперед, вплоть до начала эпохи поздней бронзы во 2-м тыс. до н. э. Такая преемственность неудивительна, если вспомнить, что мы в некотором роде наследники античной культурной традиции, которой тоже более двух тысяч лет.

Правда, в отличие от процесса формирования нашей цивилизации, неплохо отраженного в письменных источниках, развитие населения Восточной Европы в 5—2-м тыс.до н. э. происходило за гранью письменной истории. Поэтому никаких персонажей и событийной канвы для эпохи энеолита — средней бронзы установить невозможно, весьма проблематичны для этого периода и этноисторические реконструкции. Речь может идти только о культурно-исторических процессах, реконструкции хозяйственного и бытового уклада, структур обряда и общей системы мировоззрения людей столь отдаленного от нас периода.

Археологические исследования памятников эпохи палеометалла ведутся в волго-донских степях уже полтора столетия. Наибольший размах и результативность они приобрели во второй половине XX в. В настоящее время наблюдается некоторый спад полевых работ, что дает возможность осмыслить полученные прежде данные, сделать некоторые научные обобщения. Настоящим «Эльдорадо» древностей являются фонды отдела археологии Волго-

градского областного краеведческого музея, где собраны коллекции находок и отчеты о раскопках на территории Волго-Донского региона за весь послевоенный период.

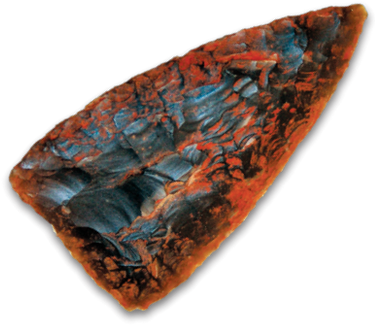
Исследование археологического материала в первую очередь предполагает его упорядочение во времени и пространстве. Эпоха палеометалла волго-донских степей, общие тенденции развития которой мы уже обозначили, в диапазоне от энеолита до эпохи средней бронзы, может быть разделена на пять этапов, содержание которых было тесно связано с процессами функционирования карпато-балканского и кавказского центров культурогенеза.

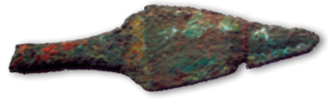
I этап. Период раннего энеолита (вторая половина 5-го — первая четверть 4-го тыс. до н.э). Время энеолитической трипольской культуры (Кукутени А — Триполье В1) в Карпато-Балканском регионе, а на Западном Кавказе формируется протомайкопская культура, которую исследователи считают проявлением закавказского, восточно-анатолийского энеолита. Пояс степей Восточной Европы от Дуная до Волги занят ареалами среднестоговской и хвалынской культур. Кроме эпонимных поселенческих памятников (поселение Средний Стог) и грунтовых могильников (Хвалынский могильник), в это время появляются первые курганы.

Археологические памятники периода раннего энеолита на территории Волго-Донского междуречья и Заволжья крайне редки, вероятно, из-за преобладания здесь подвижных форм скотоводства. В Волгоградской области они представлены небольшими поселениями (Каменка, Кумыска и др.), грунтовыми могильниками (напр., Ярской на реке Чир) и единичными курганными погребениями (Шляховский, Перегрузный, Весёлый IV, Бережновка II и др.).

Древнейшие материалы в хронологическом ряду волго-донского энеолита происходят из погребений под небольшими курганными насыпями в неглубоких широтно-ориентированных ямах. Умершие, лежащие на спине скорченно и обращенные лицом в сторону заката солнца, густо окрашены охрой. В инвентаре, как правило, представлены длинные кремневые ножевидные пластины (напр., погребения из кургана 10 у с. Перегрузное). В редких случаях удается обнаружить расширенный состав инвентаря, содержащий даже престижные предметы — каменные зооморфные скипетры (хут. Шляховский). Комплексы подобного типа обнаруживают параллели в широком круге древностей черноморско-каспийских степей. В Северном Причерноморье они в контексте древностей среднестоговской культуры получили наименование памятников новоданиловского или скелянского типа. Аналогичные захоронения известны в Заволжье (курганный могильник Бережновка II), которые, по мнению исследователей, находят аналогии в материалах энеолитического Хвалынского грунтового могильника на Средней Волге (раскопки И. Б. Васильева). Сюда же можно отнести и ряд погребений с правого берега Волги в пределах Астраханской области, в курганах у с. Старица и Новоникольское, инвентарь которых дополнен костяными предметами — бусами, характерными пронизями с насечками.

В итоге можно отметить, что первый период эпохи палеометалла как в волго-донских степях, так и в широком ареале степного Предкавказья и Северного Причерноморья характеризуется единым энеолитическим характером материальной культуры. Первенство в культурном развитии все больше приобретают регионы, связанные с традиционными для того времени центрами развития — Карпатами и Кавказом, восходящими к неолитическим ци-



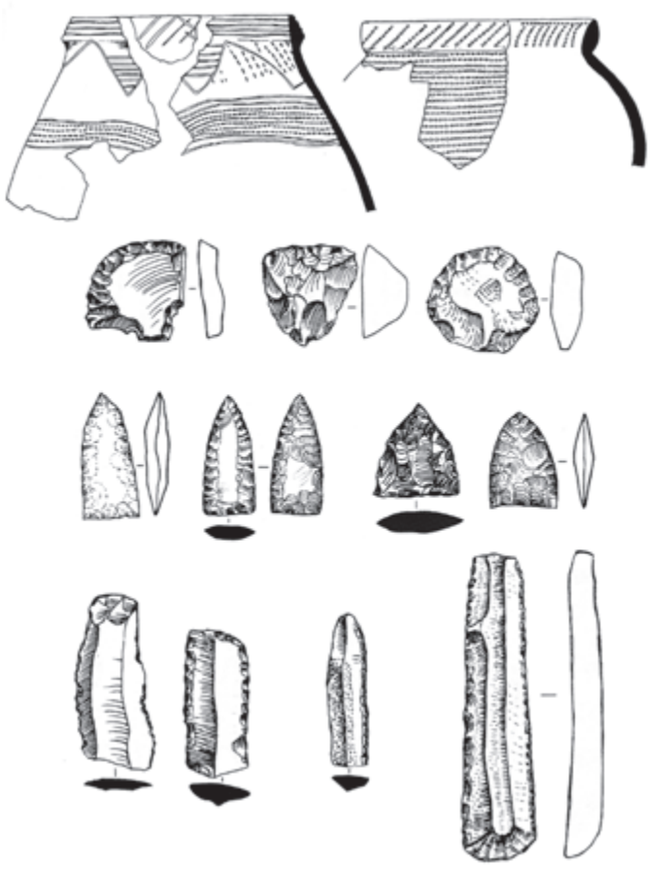


Медный топор эпохи энеолита. Случайная находка. *Кат. 19*

Каменный нож, Новый Рогачик. *Кат. 35*

Кремневый наконечник стрелы ямной культуры, Барановка I. *Кат. 36*

Бронзовый нож, Бахтияровка II. *Кат. 34*



Раскопки кургана на реке Аксай

Керамика и изделия из кремня, пос. Кумыска

вилизациям соответственно Европы и Ближнего Востока. Кроме того, эти центры развития в начале эпохи палеометалла усиливаются в культурном отношении, ввиду наличия здесь сырьевой базы для развития медно-бронзовой металлургии.

II этап. Период позднего энеолита — ранней бронзы (вторая-третья четверти 4-го тыс. до н. э.).

Преимущественное влияние на население Волго-Донского региона по-прежнему оказывает кавказский центр культурогенеза, представленный феноменальной для Восточной Европы майкопской культурой. Эта культура по технологическим параметрам, развитию металлургии и уровню социального развития представляет общество раннебронзового времени ближневосточного типа. В развитии майкопской культуры определенную роль сыграл и западный, центрально-европейский компонент, о чем свидетельствуют памятники типа Новосвободной. Таким образом, можно утверждать, что на втором этапе эпохи палеометалла волго-донских степей, наряду с южным, майкопским, сохраняется и западный вектор культурного влияния.

Закономерным результатом начала обработки меди в энеолите стало возникновение металлургии бронзы. Оно привело к значительным культурно-историческим изменениям.

Бронзовый век — второй в общепринятой «системе трех веков» датского ученого К. Томсена, разделившего доисторическую эпоху на каменный, бронзовый и железный века. Это время широкого распространения бронзовых орудий и оружия, которые употреблялись наряду с каменными или вместо них. Первооткрывателем бронзового века на территории России в начале XX в. был выдающийся археолог В. А. Городцов. Изобретению бронзы (сплава меди с оловом, реже с мышьяком или сурьмой) предшествовало открытие меди. Однако медные орудия получили меньшее распространение, чем бронзовые, т. к. последние тверже и острее и литье их легче, потому что бронза плавится при более низкой температуре (700 — 900ºС), чем медь (1084ºС). Раньше всего (в 4-м тыс. до н. э.) бронза стала известна в Передней Азии и Египте. В конце 4-го тыс. до н. э. изделия из этого материала вошли в употребление у населения степной полосы Восточной Европы и доминировали вплоть до начала 1-го тыс. до н. э. Это стало возможным благодаря уже отмеченному возникновению крупных горно-металлургических центров по добыче и обработке металлов прежде всего на Кавказе, а затем на Урале и в Карпатах. Племена, жившие на территориях, богатых залежами меди и олова, специализировались на их добыче и снабжении металлом населения окружающих областей. По уровню развития они заметно опережали многих из своих соседей. Вокруг древних горно-металлургических центров сложились очаги культурогенеза, которые стали источниками инноваций в экономической, идеологической и социальной сфере.

Памятники этого этапа в регионе представлены единичными подкурганными погребениями с майкопским и новосвободненским инвентарем в южных, нижнедонских районах волго-донских степей. Это комплексы из курганов у правобережного донского хут. Малый Набатов, погребения с майкопской керамикой у хут. Приморский на донском левобережье. Культурная атрибуция этих памятников в настоящее время окончательно еще не установлена. Наличие в них металлических изделий майкопского облика может свидетельствовать о культурном влиянии или обмене между племенами. В то же время находки здесь

типичной майкопской керамики могут быть интерпретированы как проникновение в нижнедонские степи самих носителей майкопской и новосвободненской культур.

Местная, волго-донская культурная традиция на данном этапе представлена памятниками репинского и константиновского типов. Они знаменуют своеобразную культурно-хронологическую позицию. На ранней стадии — это энеолитические памятники, а на поздней — уже относящиеся к раннему бронзовому веку. Репинские памятники по своему происхождению и распространению тяготеют к северной, среднедонской части региона. Они представлены ярким поселением Репин хутор, расположенным на правобережье большой излучины Дона в Иловлинском районе, несколько выше того места, напротив которого в Дон впадает левобережный его приток — река Иловля. Поселение расположено на крутом, обрывистом меловом останце берега, весьма высоко над уровнем реки. Неслучайный характер такого расположения подтверждается подобной топографией репинских памятников в Воронежской и Ростовской областях, в частности поселения у хут. Затонский в районе западнее ст-цы Вешенской (раскопки В. Я. Кияшко). Исследователи репинских памятников связывают эту особенность с усилением динамики межкультурного взаимодействия на рубеже энеолита и бронзового века, что выражалось в том числе и в увеличении случаев военного противостояния древних племен. Репинская энеолитическая культура в бассейне Дона и низовий Волги представлена редкими подкурганными погребениями, по всей вероятности, в целом не свойственными данной культуре (погребения в могильниках Быково II и Политотдельское).

Для репинской культуры типичны круглодонные глиняные сосуды с высоким желобчатым венчиком, с примесью толченой раковины и грубыми расчесами поверхности. Они украшены оттисками гребенки, шнура, отступающей лопаточки. Иногда встречаются прочерченные линии, ямки и «жемчужины» — выпуклости от вдавлений с внутренней стороны. Раннее ядро репинских памятников ограничивается пределами Среднего Дона. Они представлены десятками поселений, могильников и отдельными погребениями. На втором, позднем этапе репинские племена начали расселение преимущественно на юг, в том числе на Нижнюю Волгу, в направлении сформировавшегося кавказского центра металлургии бронзового века, представленного в ту пору майкопской культурой.

Одновременно с репинской культурой, но на более южной территории нижнедонских степей формируется константиновская культура. Она с самого начала, благодаря значительному майкопскому компоненту в своем составе, носит смешанный энеолитическо-раннебронзовый характер. Основным эпонимным памятником этой культуры является поселение у г. Константиновск на Нижнем Дону (раскопки В. Я. Кияшко). Субстратной основой этой культуры были раннеэнеолитические степные племена, близкие среднестоговской культурной традиции. Об этом свидетельствует характерная высокошейная керамика с пышными оттисками тонкого шнура.

В Волго-Донском регионе памятники константиновского типа представлены в районе донского левобережья (могильники у хут. Веселый и Приморский Котель-

1	3
2	4
	5

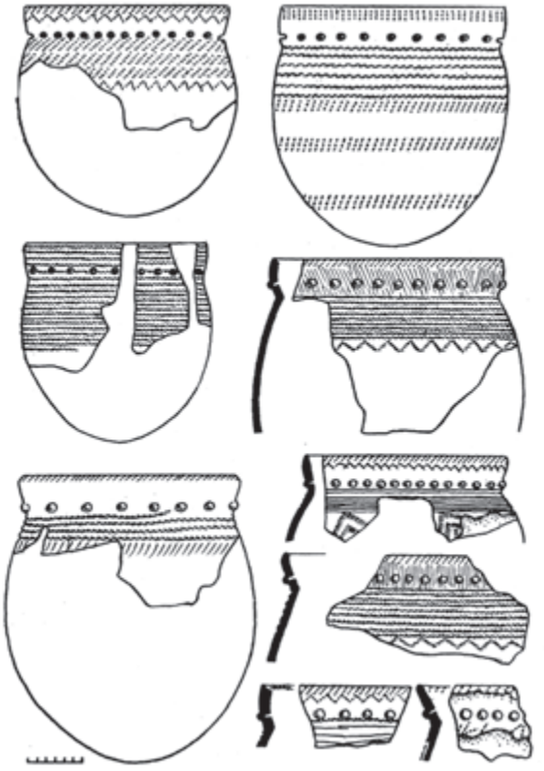
1. Костяной амулет, Зубовка. *Кат. 28*

2. Кремневая ножевидная пластина, Перегрузное I. *Кат. 20*

3. Каменное тесло, Шляховский II. *Кат. 25*

4. Кремневый наконечник стрелы, Перегрузное I. *Кат. 21*

5. Каменное зооморфное навершие булавы. Эпоха неолита. *Кат. 27*



Глиняный сосуд эпохи энеолита, Приморский II. *Кат. 30*

Глиняная посуда из Репинского поселения

никовского района, хут. Антонов Октябрьского района). Это курганные погребения, которые отличаются сочетанием импортных предметов майкопского происхождения, прежде всего керамики и изделий из металла, со степной керамикой среднестоговского облика.

Подводя итог этапу, следует отметить, что энеолитическое население волго-донских степей в середине 4-го тыс. до н. э. оказалось вовлечено в центростремительный поток культурного взаимодействия и перемещения племен, направленный прежде всего к Северному Кавказу. Ближайшие к нему группы (константиновская культура) демонстрируют нам результат взаимодействия и трансформации культурного облика. Отдаленные племена Среднего Дона и Поволжья, прежде всего представленные репинской культурой, совершили, по всей вероятности, миграцию в южном направлении. Смешение традиций подготовило формирование своеобразной позднеямной культуры начала среднебронзового периода.

III этап. Начало периода средней бронзы (последняя четверть 4-го — первая четверть 3-го тыс. до н. э.). Качественное отличие нового этапа заключалось в том, что население степей Предкавказья и Северного Причерноморья после долгого процесса становления выработало монолитную по своим археологическим признакам культуру. Она характеризуется широким распространением прежде редкого курганного обряда, унификацией ритуала погребений, началом массового воспроизведения в степных условиях кавказских прототипов бронзовых изделий — оружия, орудий труда, украшений. В хозяйственном отношении, возможно по причине аридизации степей, наступает эпоха подвижного скотоводства и кочевого образа жизни. Бытовые памятники практически неизвестны, их незначительные следы можно указать лишь на Днепре — в верхнем слое Михайловского поселения, на Нижнем Дону, на памятнике Раздорское I выявлен так называемый ямно-катакомбный слой.

Еще в начале прошлого века В. А. Городцов объединял памятники этого и предшествующих двух этапов эпохи палеометалла по приоритетному признаку погребального обряда — курганным погребениям в обширных ямах, и назвал ямной культурой эпохи ранней бронзы. Во второй половине прошлого столетия Н. Я. Мерперт рассматривал их уже дифференцированно — в качестве трех периодов, но в рамках единой древнеямной культурно-исторической общности эпохи ранней бронзы. В настоящее время, благодаря накоплению новых материалов, уточнению их культурно-исторической оценки, можно говорить о значительном культурном и даже эпохальном отличии памятников, объединенных по принципу «подкурганные захоронения в ямах». Напомним, что первый этап рассматривается нами как период степного энеолита, второй — как период энеолита-ранней бронзы, а третий относится к началу периода средней бронзы.

Самым заметным событием третьего этапа стало распространение обычая хоронить умерших в земляных катакомбах. Это был вариант склепового обряда, свойственного в 4—3-м тыс. до н. э. земледельческим племенам Средней Азии, Ближнего Востока и Северной Африки (Египта). На Северном Кавказе он получил воплощение в катакомбах-склепах Великента (Дагестан), каменных склепах-дольменах Западного Кавказа. Племена ямной культуры степного Предкавказья в период их интенсивного технологического развития в русле достижений кавказского очага культурогенеза восприняли не без участия культуртрегеров ряд новаций в религиозно-культовой сфере, в том числе и обычай сооружения мо-

гильных склепов. В степных условиях эти склепы получили облик грунтовых катакомб, классические образцы которых создавались древними мастерами с использованием приемов обработки камня. Катакомбы вытесывали в суглинке, как в камне, придавали им форму и очертания «подземных дольменов». Эти приемы с высокой долей вероятности применялись в Донских степях пришлыми с Кавказа строителями настоящих каменных дольменов.

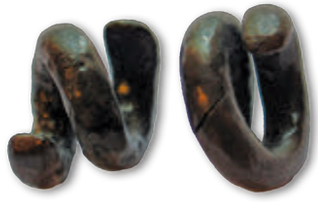
Распространение катакомб среди ямных племен имело моноцентрический характер — местом их появления стало Северо-Восточное Приазовье, в первую очередь правобережье Нижнего Дона. На отдаленной периферии этого центра, в частности в волго-донских степях, классических катакомб не было, только в ритуале погребений наметились отдельные изменения в духе катакомбной обрядности. Вместо широтно-ориентированных погребений скорченных на спине костяков ямной культуры появляются катакомбные меридиональные ориентировки, положение умерших с разворотом набок и т. д.

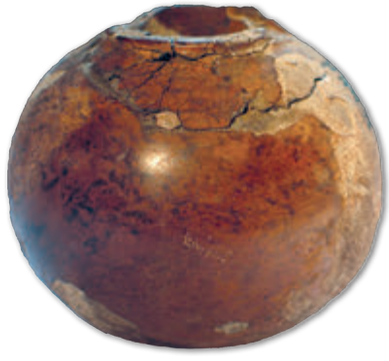
Культура населения волго-донских степей на третьем этапе эпохи палеометалла была чрезвычайно смешанной и различной в отдельных частях рассматриваемого региона, ее лучше всего именовать «древностями позднеямного-раннекатакомбного периода», или, как более принято в литературе, памятниками «ямно-катакомбного типа». Характерными изделиями этого этапа, своего рода его «визитной карточкой», служат костяные и реже бронзовые молоточковидные булавки. В настоящее время доказано, что эти предметы имели не утилитарное, а культовое назначение, выполняли функцию амулета. Еще одним явлением этого этапа следует признать эволюционный переход от изготовления достаточно примитивной круглодонной и остродонной ямной керамики с органическими примесями в тесте (толченая раковина) и слабым обжигом к прогрессивной технологии выделки плоскодонной раннекатакомбной посуды, украшенной пышными узорами орнамента в вертикально-зональном стиле.

Особенностью Волго-Донского региона стало распространение здесь на этапе начала средней бронзы оригинальной полтавкинской культуры. Это явление было связано с очередной после этапа позднего энеолита-ранней бронзы волной миграции древних племен в направлении степей Предкавказья. Только теперь ареной этого продвижения стал не бассейн Дона, как во времена репинской культуры, а левобережье Нижней Волги. Происхождение полтавкинской культуры пока не выяснено, впрочем, типичная керамика баночной формы и орнаментация в стиле «шагающей гребенки» указывают на прародину «полтавкинцев» в кругу энеолитических культур Среднего Поволжья и Приуралья.

IV этап. Расцвет периода средней бронзы (вторая четверть — конец 3-го тыс. до н. э). Это время характеризуется оформлением катакомбного мира в так называемое раннедонецкое время, быстрой локализацией культурного развития отдельных территорий, появлением разнообразных вариантов культур катакомбного типа. По самым приблизительным подсчетам, на четвертом этапе развития эпохи палеометалла в черноморско-каспийских степях насчитывается более десятка этих культур: донецкая, полтавкинская, восточно-манычская, нижнеманычская, азово-днепровская, ингульская, среднедонская, батуринская, волго-донская, верхнекубанская, бахмутская и другие. В рамках изучаемого этапа эти локальные культуры не являются синхронными — некоторые образуют генетические цепочки, как полтавкинская и волго-донская, некоторые занимают в целом более позднюю хронологическую позицию — среднедонская, ингульская, верхнекубанская. На заключительной стадии четвертого этапа эпохи палеометалла последовали упадок и угасание катакомбных традиций.

На территории волго-донских степей рассматриваемый этап был отмечен сложными культурно-генетическими процессами. Влияние классической донецкой катакомбной культуры, продвижение ее носителей на восток привело к взаимодействию их с полтавкинскими племенами Волго-Донского междуречья и Заволжья. На раннедонецкой фазе развития, по всей вероятности, имело место противостояние столь разных по происхождению групп населения. Об этом свидетельствует формирование четких отличительных признаков полтавкинской культуры в ее позднем, волго-донском варианте. К их числу можно отнести типичную подбойную форму погребального сооружения, возможно, представлявшую антитезу донецкой катакомбе; преобладание керамики с гребенчатой орнаментацией, возможно, «в пику» донецкому шнуровому декору. Специфические особенности ритуала: умершие, лежащие спиной к входу в камеру подбоя, жертвоприношения туши овцы и другое. В то же время бронзовые изделия этой культуры — вытянуто-листовидные, пятиугольные и ромбовидные ножи, разнообразные украшения северокавказских типов обнаруживают сходство с материалами раннедонецкой культуры.





Каменный топорик эпохи энеолита, Степана Разина. *Кат. 31*

Подвески из погребения позднеямной культуры, Бахтияровка II. *Кат. 32*

Каменная булава. Орешкин I. *Кат. 59*

Керамика эпохи средней бронзы.
Кат. 39—44

Керамика эпохи средней бронзы.
Кат. 45, 47—49

Бронзовая подвеска, Орешкин I. *Кат. 54*
Бронзовая подвеска, Аксай. *Кат. 50*
Бронзовая подвеска, Ильевка. *Кат. 53*

Встречные миграционные потоки и противостояние культурных традиций раннедонецкой и полтавкинской культур вскоре сменилось их синтезом, выразившимся в появлении, с одной стороны, степной волго-донской культуры периода средней бронзы, а с другой — в сложении особого восточного лесостепного варианта донецкой катакомбной культуры. Впрочем, специфика культуры степей низовий Волги и Дона сохранилась и на этом этапе. Достаточно указать на такие не свойственные катакомбной общности характеристики волго-донской культуры, как преобладание основных курганных погребений в прямоугольных ямах с умершими, лежащими на левом боку головой на север или восток, употребление в ритуале костей конечностей барана как запаса мясной пищи, почти полное отсутствие в погребениях жаровен. В то же время близость с донецкими памятниками выразилась в распространении стандартного для обеих культур короткошейного горшка с гребенчатой орнаментацией в елочном стиле, наборов костяных колец, в редких случаях — каменных наверший булав и т. д.

Еще одним отличием волго-донских древностей от донецкой культуры и других катакомбных групп на фоне рядовых впускных погребений в курганы более ранних эпох стало распространение захоронений умерших, имевших высокий социальный статус. Это, как правило, основные погребения, с которыми было связано сооружение довольно крупных курганных насыпей. Устроены они были в обширных и глубоких грунтовых ямах со ступенью по периметру, в так называемых ямах с заплечиками. Инвентарь этих могил достаточно разнообразен и включает, кроме обычного короткошейного горшка и костяных колец, крупный бронзовый клинок с расширяющимися лезвиями, наборы выемчатых кремневых наконечников стрел, бронзовые шилья и височные подвески в 1,5 оборота, каменные песты и ступы. В редких случаях встречаются уникальные престижные предметы. Так, в элитном погребении в яме с заплечиками в кургане у хут. Первомайский в Калачевском районе был обнаружен костяной жезл — атрибут сакральной власти вождя-жреца.

Кроме автохтонного населения, представленного полтавкинской и волго-донской культурами, в регионе волго-донских степей на четвертом этапе развития палеометалла отмечены памятники поздних катакомбных культур: среднедонской, восточно-манычской и нижнеманычской. Их оставили пришлые племена, центры формирования и развития которых находились на соответствующих названиям культур территориях. Следует отметить, что миграция этих племен осуществлялась одновременно и по встречным направлениям: среднедонская культура распространялась на юг и охватила северные районы Волго-Донского междуречья, культуры манычского круга, напротив, распространялись с юга и юго-запада на север — их памятники распространены в южных районах междуречья. Важно отметить, что чересполосно с ними в регионе продолжали обитать племена волго-донской катакомбной культуры, а на территории степного Заволжья они оставались единственным компонентом населения — памятники среднедонской и манычских культур здесь отсутствуют.

Для среднедонской и двух манычских археологических культур характерен довольно единообразный ритуал курганных погребений в ямах и подбоях с керамическими изделиями в инвентаре. Маркером среднедонской культуры является стройный глиняный сосуд с высокой горловиной в форме раструба, часто украшенный орнаментом, выполненным различными вариантами веревочного и зубчатого штампа. Типичными сосудами восточно-манычской и нижнеманычской катакомбных культур следует назвать приземистые реповидные сосуды, всевозможные разновидности кувшинов и двуручных сосудов — амфор.

Оригинальной формой позднекатакомбного керамического комплекса является курильница — чаша с небольшим внутренним отделением на ножке-подставке, обычно крестовидной или трехлепестковой формы. Обычно курильницы пышно орнаментированы солярными узорами, выполненными как в штампованной, так и в прочерченной технике. Форма и декор курильниц указывают на их, безусловно, культовое назначение, кроме того, об этом свидетельствует характер их употребления в ритуале. Чаще всего курильницы, поставленные в могилу, содержали золу и угли, что свидетельствует об их назначении в качестве вместилища ритуального огня. Культ огня вообще свойственен катакомбному ритуалу, первоначально огненную функцию выполняли глиняные жаровни — части крупных хозяйственных сосудов кухонного назначения, поставленные в могилу и содержащие древесный уголь. По всей вероятности, в более позднее время в катакомбной обрядности появился специальный сосуд для хранения священного огня — курильница. Случаи взаимовстречаемости жаровен и курильниц крайне редки — единицы на тысячи погребений, что подтверждает одинаковую функцию этих предметов.

Бусы, Аксай. *Кат. 52*

Бронзовая подвеска,
Первомайский VII. *Кат. 51*

Глиняный сосуд, Веселый VI. *Кат. 85*

Находки из погребения волго-донской культуры, Степана Разина. *Кат. 65—69*

Каменная булава, бронзовый нож, кремневые наконечники стрел, Кондраши. *Кат. 81*

1	5
2	6
3	7
4	

1. Бронзовый крюк, Барановка I. *Кат. 61*

2. Кремневые наконечники стрел, Барановка I. *Кат. 64*

3. Каменная булава, Барановка I. *Кат. 63*

4. Глиняный сосуд, Барановка I. *Кат. 46*

5. Бронзовый нож, Орешкин I. *Кат. 56*

6. Бронзовый нож, Барановка I. *Кат. 60*

7. Костяной отжимник, Барановка I. *Кат. 62*

2 1
3
4

1. Глиняный сосуд, Чир II. *Кат. 73*

2. Глиняный сосуд, Гремячий II. *Кат. 71*

3. Глиняный сосуд, Гремячий II. *Кат. 72*

4. Глиняный жертвенник, Березовский. *Кат. 76*

Глиняный сосуд, Веселый VI. *Кат. 75*

Глиняная воронка эпохи средней бронзы, Первомайский VII. *Кат. 77*

Глиняные модели колес, Писаревка II. *Кат. 78*

	2
1	3
4	

1. Глиняный сосуд, Барановка I.
Кат. 74

2. Глиняный сосуд, Орешкин I.
Кат. 55

3. Каменные булавы. *Кат. 57—58*

4. Каменные топоры. *Кат. 79, 33, 80*

Кроме керамики в погребениях позднекатакомбных культур на территории волго-донских степей изредка встречаются бронзовые ножи листовидной формы, клинки, имеющие пламевидную и пикообразную форму лезвия, бронзовые височные подвески и бусы. Также известны случаи находок каменных наверший булав и топоров, кремневых наконечников стрел. Эти предметы встречаются довольно редко и служат, по мнению ряда ученых, символами прижизненных властных полномочий людей, с которыми они захоронены.

V этап. Финал периода средней бронзы (конец 3-го — первая четверть 2-го тыс. до н. э.). Этот этап эпохи палеометалла еще недавно был относительно малоизучен, хотя впервые погребальные комплексы этого времени были выделены еще более ста лет назад В. А. Городцовым как «подкурганные погребения на древнем горизонте». Решительный шаг в изучении финала средней бронзы был предпринят в 1960—1970-е годы С. Н. Братченко, выделившим посткатакомбную бабинскую культуру (у других исследователей — культура многоваликовой керамики) и охарактеризовавшим синхронные ей древности на Нижнем Дону, представленные уникальными Ливенцовской и Каратаевской крепостями финала периода средней бронзы. В последние два десятилетия проблематика посткатакомбного этапа средней бронзы получила дальнейшее развитие. Ученые пришли к выводу о самостоятельной роли памятников этого этапа в ряду предшествующих культур катакомбного круга и последующих древностей периода поздней бронзы. Уникальное происхождение этого феномена, связанное с территорией Северо-Восточного Кавказа, не особо пышный, но характерный погребальный обряд, предполагающий устройство различных поминальных тризн, типичная, как правило, валиковая керамика и оригинальные костяные пряжки — все это говорит об индивидуальной специфике культур финала периода средней бронзы.

В настоящее время культурно-хронологическое членение этого этапа подробно разработано в специальных исследованиях. Помимо уже широко известных в науке бабинских материалов, выделены характерная для степного Предкавказья лолинская культура, криволукский культурный тип памятников Нижнего Поволжья. Каждая из этих групп имеет собственную внутреннюю периодизацию, которая в рамках культурно-хронологических схем развития связана с памятниками сопредельных территорий. Благодаря усилиям ученых, направленным на получение абсолютных дат, все более уточняется абсолютная хронология посткатакомбных памятников финала периода средней бронзы — это время рубежа 3-го и 2-го тыс. до н. э. и примерно до 1800 г. до н. э.

В волго-донских степях памятники пятого этапа эпохи палеометалла представлены большинством из вышеназванных культурных групп. Доминируют здесь принадлежащие, по всей вероятности, автохтонному населению погребения криволукской культурной группы. Это, как правило, довольно рядовые в ритуальном отношении, часто безынвентарные подкурганные погребения скорченных на левом боку умерших, культурная принадлежность которых маркируется лишь находками костей конечностей мелкого рогатого скота. Лишь однажды в погребении у с. Линево на реке Медведице в Жирновском районе удалось обнаружить характерный предмет — костяную пряжку раннего типа с одним основным отверстием. В то же время в курганах Донского бассейна на территории Волгоградской области встречается довольно много погребений бабинской культуры финала средней бронзы, центр возникновения которой

1
2 3
4

1. Костяные бусины и пронизи, Степана Разина. *Кат. 82*

2. Костяной жезл, Первомайский I. *Кат. 70*

3. Костяная пряжка, Горный. *Кат. 83*

4. Костяная пряжка, Линево. *Кат. 84*

Глиняная литейная форма, сопла, сосуд, каменные песты из погребения литейщика эпохи бронзы, найденные у с. Калиновка. *Кат. 86—91*

располагается в Доно-Донецком междуречье. Скелеты, широтно ориентированные и лежащие на левом боку, сопровождаются керамикой, украшенной рядами налепных валиков, а также костяными пряжками различных типов с одним или двумя отверстиями на щитке. На юге региона, а также в Заволжье, на берегах реки Ахтубы распространены единичные захоронения лолинской культуры. Она сформировалась на территории Предкавказья и в бассейне реки Восточный Маныч, поэтому волго-донские памятники являются ее северной периферией.

Завершая обзор древностей пятого этапа эпохи палеометалла, следует сказать о поселенческих памятниках этого времени. В отличие от предшествующих этапов средней бронзы, когда следы поселений в волго-донских степях практически отсутствовали или были представлены маломощными культурными отложениями на многослойных памятниках соседнего нижнедонского региона (например, поселение Раздорское I), в финале среднебронзового периода возникает большое количество бытовых памятников. Это в основном два вида объектов: многочисленные остатки стойбищ скотоводов, подобных тому, которое было раскопано волгоградскими археологами в Лапушиной балке в большой излучине Дона, и своеобразные памятники с элементами укреплений (остатки вала и рва), например, Терновское городище на реке Волге севернее Камышина. Обе разновидности не отличаются изобилием находок — и стойбища, и укрепленные площадки были связаны с временным пребыванием древних людей. Первые посещались редко по причине частых перекочевок скота, вторые, по всей вероятности, служили укрытием в случае нападения неприятеля. Тем не менее те находки, которые были получены при рас-

копках бытовых памятников, а это по преимуществу высокошейные керамические сосуды с многорядной геометрической валиковой орнаментацией, не оставляют сомнений в датировке финалом эпохи средней бронзы.

ПОЗДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Эпоха поздней бронзы вошла в историю Юго-Восточной Европы как один из самых значительных и ярких периодов. Это был переломный момент в развитии скотоводческих обществ на всей этой территории.

Формирование новых культур, развитие технологии металлообработки, изменения в социальной и экономической сферах, то есть все то, что определяет основные характеристики и черты новой эпохи, неразрывно было связано с возникновением и функционированием в начале 2-го тыс. до н. э. волго-уральского очага культурогенеза. Именно он и явился генератором инноваций в технологии, экономике и социальной сфере, тем самым определяя ход культурных процессов и формируя характерные черты эпохи поздней бронзы. Он характеризуется мощным подъемом экономики и культуры и распространением волго-уральских традиций на огромной территории от Южной Сибири до Поднепровья. Своим появлением волго-уральский очаг культурогенеза обязан новым культурам — синташтинской, потаповской и покровской. Все их объединяет ряд общих признаков культурно-исторического характера. Наиболее заметным является появление военной аристократии и формирование новой системы вооружения, основой которой становится конная колесница. Сутью раннего периода поздней бронзы и начальной фазы

Глиняный сосуд, каменная булава, бронзовый нож и костяные псалии покровской культуры, Баранниково.
Кат. 92—95

Бронзовые подвески, Неткачево.
Кат. 113

Бронзовый нож, Линево. *Кат. 101*

Глиняный сосуд, Линево. *Кат. 99*

Глиняный сосуд, Линево. *Кат. 100*

волго-уральского культурогенеза было движение и взаимодействие различных культурных компонентов.

В этот период получают распространение передовые для той эпохи технологии обработки металла, новые нормы социальных отношений и новые культуры. Это время характеризуется «пиком социогенеза» для степной зоны эпохи бронзы. По всей видимости, население той поры достигло предгосударственного уровня развития, о чем свидетельствуют открытия на территории южно-уральских степей десятков круглоплановых поселений типа Аркаима и обнаружение захоронений военно-политических лидеров и знати типа Синташты, Потапово и Покровска. Круглоплановые укрепленные поселения и элитарные погребения вождей с разнообразным набором металлических изделий, захоронения с боевыми колесницами и крупными жертвенниками, ритуальные храмы-святилища свидетельствуют о социальном ранжировании общества и выделении особой группы людей — элиты, в руках которой была сосредоточена власть.

На сегодняшний день совершенно ясно, что волго-уральский очаг и его образующие культуры по уровню развития заметно опередили многих своих соседей.

Различными путями (дальние миграции, военные походы) волго-уральские инновации и достижения быстро распространились на огромной территории, включая Поволжье, Подонье, Северное Предкавказье. В результате возникла обширная культурная провинция, в которой преобладали волго-уральские традиции, звеньями которой были синташтинская, покровская культуры и памятники потаповского типа. Все эти памятники объединяет общая культурная подоснова, близкий набор артефактов, очень сходные черты погребального обряда и, что самое важное, наличие комплексов погребений военно-политической элиты, «колесничьей аристократии». Все эти памятники имеют одну историческую судьбу и характеризуют начальную стадию культурогенеза, которой свойственны бурные культурно-исторические процессы, возникновение мощной элиты, концентрация власти в руках вождей и знати, появление абсолютно новых черт культуры.

Все эти процессы открывали новую эпоху — эпоху поздней бронзы. В Южном Зауралье она начинается с возникновением синташтинской культуры, в Среднем Поволжье это время маркируют памятники потаповского типа, а в Нижнем Поволжье и Волго-Донском регионе — это покровские древности раннего этапа. В процесс образования новых культур эпохи поздней бронзы были втянуты абашевская (средневолжская, доно-волжская, уральская), бабинская культуры, а также население, оставившее памятники типа Кривой Луки.

Впервые памятники покровского типа были исследованы в 20-е гг. XX в. П. С. Рыковым у г. Покровск (современный г. Энгельс Саратовской области). Большинство исследователей склоняется к выделению покровских памятников в отдельную культуру. Эти древности обладают всеми признаками археологической культуры. Для них характерны отличительные типы изделий из металла, кости, камня. Важнейшим показателем является керамический комплекс. Он, безусловно, специфичен, узнаваем и позволяет говорить о собственной культурной традиции покровских древностей. Эти памятники занимают достаточно обширную территорию. Они локализуются в Поволжье, Среднем и Нижнем Подонье. Покровские памятники тяготеют в большей степени к зоне лесостепи (современные Воронежская, Тамбовская, Саратовская об-

ласти), здесь сосредоточено значительное их количество. Но материалы свидетельствуют об освоении этими племенами и степных районов Заволжья и юга Волго-Донского региона.

Памятники покровской культуры обладают культурной динамикой, что выражено в археологическом материале. Выделяется два этапа развития — ранний и поздний.

Появление покровских памятников связано с бурными культурно-историческими изменениями в начале эпохи поздней бронзы. Своеобразное ядро таких памятников — лесостепь Нижнего Поволжья (современная Саратовская и север Волгоградской области) и Среднее Подонье. Именно здесь сосредоточены наиболее яркие комплексы покровской культуры раннего этапа (Покровск, Терновка, Баранниково, Селезни-2 и другие). В литературе существует мнение о наличии здесь некоего военно-политического центра покровской культуры. В этом регионе обнаружены захоронения лиц высокого социального ранга, инвентарь которых составляли булавы, копья, колчанные наборы стрел, бронзовые браслеты, поясные костяные пряжки, что, безусловно, свидетельствует о наличии в этот период слоя военно-политических лидеров и элиты. Начальный этап эпохи поздней бронзы характеризовался нестабильной политической обстановкой с постоянными военными конфликтами племен. Так, например, на Нижнем Дону известны две крепости — Ливенцовская и Каратаевская с фортификационными сооружениями в виде рвов и стен, сложенных из камней. Известно, что Ливенцовская крепость бралась штурмом — об этом свидетельствует множество кремневых наконечников стрел, застрявших среди каменной облицовки стен.

Покровская культура представлена в Волго-Донском регионе в основном подкурганными погребениями. Поселения покровской культуры тоже известны, но сосредоточены они в лесостепной зоне Нижнего Поволжья и Подонья.

Погребения покровской культуры устроены в обширных ямах прямоугольной формы, перекрытых деревянными плахами или бревнами. Над элитными погребениями покровской культуры сооружались отдельные курганы. Курганы покровской культуры часто представляют собой родовые кладбища. Погребения совершались в курганах, достигавших в высоту 1,5 м. Умершие лежали на дне могилы в слабоскорченном положении, как правило, на левом боку, головой на север. Погребальный инвентарь весьма разнообразен. Керамика представлена лепными сосудами колоколовидной, остроребериой, горшечной и баночной форм. Характерной чертой керамики покровской культуры является примесь толченой раковины. Сосуды часто орнаментировались вертикальными и горизонтальными рельефными «расчесами» зубчатым штампом по сырой глине. Вещевой инвентарь составляют каменные топоры и булавы, кремневые наконечники стрел, бронзовые копья и ножи, костяные поясные пряжки, различные предметы культа и украшения из бронзы (бусы, подвески, браслеты). В погребениях иногда встречается также и деревянная культовая посуда в виде чаш с бронзовой оковкой.

Среди погребений покровской культуры выделяются как социально значимые захоронения, так и рядовые, имеющие в наборе инвентаря лишь керамику, что еще раз свидетельствует об определенной социальной стратификации.

Погребения вождей или «колесничьей аристократии» раннего этапа покровской культуры отличает значительный размер могильных ям, разнообразный набор инвента-

Кремневые наконечники стрел, Линево. *Кат. 102*

Бронзовые браслеты, Линево. *Кат. 103*

Костяная пряжка, Усть-Погожье. *Кат. 105*

Костяная пряжка, Линево. *Кат. 104*

Каменный топор, Культстан. *Кат. 106*

Каменный топор, Горьковский. *Кат. 107*

Каменный топор, случайная находка. *Кат. 108*

Бронзовый топор, Барановка I. *Кат. 109*

Бронзовые подвески, плакетированные золотом, Пруд Образцов. *Кат. 110*

ря, включая инсигнии власти и оружие (копья, булавы, топоры), костяные псалии и пряжки. Такие погребения иногда сопровождались сооружением жертвенников с погребениями коней. Большинство таких комплексов, как уже отмечалось, сосредоточено в лесостепной зоне. В степном регионе более распространены так называемые «рядовые» и менее престижные комплексы.

Отличительной особенностью элитных погребений покровской культуры являются детали конской упряжи — костяные псалии. Они представляли собой, как правило, дисковидные предметы, изготовленные из рога или кости, и снабжались вставными или монолитными короткими шипами. Псалии крепились к морде лошади при помощи кожаных ремней и служили важной деталью в управлении колесницей. С наружной стороны псалии нередко украшались резным орнаментом в виде различных солярных символов.

Покровские поселения обнаружены на берегах рек в лесостепном регионе Нижнего Поволжья и Подонья. Все они не имеют искусственных укреплений. Жилые постройки по своему устройству являлись полуземлянками. Основу хозяйства населения составляло скотоводство. На территории Волгоградской области покровских поселений практически неизвестно. Лишь отдельные фрагменты керамики покровской культуры обнаружены на поселениях Сухая Мечетка IV и Новоникольское.

Срубные древности Волго-Донского региона, как, впрочем, и соседних территорий (Подонье, Среднее Поволжье), представлены значительным количеством погребальных и бытовых памятников. Их появление и распространение характеризует период эпохи поздней бронзы, следующий за покровским, и датируется в пределах первой половины 2-го тыс. до н. э. Срубная культура была выделена В. А. Городцовым в начале XX в. и названа по характерным бревенчатым сооружениям («срубам») в могилах. Но чаще всего погребения срубной культуры устроены в обычных ямах прямоугольной формы, перекрытых каменными плитами или деревом, реже — в сложных сооружениях, напоминающих ящики и изготовленных из каменных плит.

Характерной чертой срубной культуры является высокая степень стандартизации сопроводительного инвентаря и погребального обряда. Погребения совершались в курганах, достигавших в высоту 2 м, или грунтовых могильниках. Очень часто в одном кургане, который мог являться родовым кладбищем, совершалось несколько захоронений. Погребения обычно расположены вокруг основного, центрального погребения главы рода, семьи или какого-либо другого значимого человека. Курганы эпохи поздней бронзы могли входить в состав более древних могильников ранней или средней бронзы, в Волгоградской области, например, у с. Бережновка Николаевского района, хут. Первомайский Калачевского района, с. Иловатка Старополтавского района и некоторых других местах. Но некоторые могильники состояли из насыпей, сооруженных только в позднебронзовое время, например, у с. Неткачево Котовского района.

Грунтовые или бескурганные могильники встречаются на возвышенных участках берегов рек. Такие памятники редко удается обнаружить, поэтому до сих пор они изучены в значительно меньшей степени, чем курганные.

Памятники срубной культуры, как и покровские, обладают достаточно четким набором признаков и черт, создающих наглядный образ этих древностей.

К этому времени унифицируется обряд захоронения, стандартизируются набор инвентаря, керамические типы.

Памятники срубной культуры уже достаточно единообразны. Очень сходен погребальный обряд — умерших хоронили в простых прямоугольных ямах, как правило, они погребены в сильноскорченном положении на левом боку и головой ориентированы в северо-восточном или восточном направлении. В погребения обычно помещали глиняную посуду с водой или пищей. Керамика представлена лепными плоскодонными сосудами остроребериой, горшечной и баночной форм. Сосуды часто имели орнамент из врезных линий, образующих геометрические фигуры, отпечатков шнура или наколов. Иногда в погребениях срубной культуры находят каменные топоры, бронзовые ножи и шилья, изделия из кости, различные предметы культа и украшения из бронзы, серебра, очень редко из золота (бусы, подвески, браслеты). На территории Волгоградской области известно более 400 погребений срубной культуры, происходящих из 90 курганных могильников.

Период поздней бронзы, связанный с формированием и развитием срубных памятников, исследователи единодушно признают стабильным в политическом и культурном отношении. Исчезают все главные признаки вождества (погребения элиты, социально значимые вещи, инсигнии власти и так далее). Более того, если судить по данным погребального обряда, общество срубной культуры в целом в социальном плане выглядит более однородным. Захоронения становятся еще более унифицированными и «скромными» по сравнению с покровскими. Однако, скорее всего, при погребениях представителей элиты наиболее знаковыми стали не воинские, а иные сферы деятельности. Следствием такой политической стабильности и относительно мирных условий явилось распространение в срубный период значительного числа бытовых памятников.

В срубное время в степи появляется множество больших и малых поселков. Срубные поселения обнаружены на берегах многих степных рек и на большинстве водоточных балок. Как правило, они занимают небольшие, ограниченные естественными преградами — балками или оврагами, относительно ровные мысовые площадки у небольших рек. Также поселения располагаются в верховьях и отрогах крупных балок, порой достаточно далеко в степи. Но, по всей видимости, в эпоху поздней бронзы эти сухие сегодня балочные системы имели постоянные водотоки. В этот период, по данным палеопочвоведения, отмечается переход от эпохи аридизации к увлажнению климата. Еще одно характерное место расположения поселений срубной культуры — вблизи естественных родников. Иногда такие поселения занимали самые высокие береговые террасы с обрывистыми берегами в непосредственной близости от родника.

Жилые постройки, исследованные на поселениях срубной культуры, по своему устройству, как правило, являлись полуземлянками, но были и наземные постройки. По периметру и в центре жилища обычно располагалась система столбов, державших деревянную обшивку стен и крышу. При раскопках жилых и хозяйственных конструкций на срубных поселениях эпохи бронзы иногда находят куски глиняной обмазки стен и очагов. Внутри жилищ, в зависимости от размеров, располагались один или несколько очагов для отопления.

Основу хозяйства составляло отгонное и придомное или пастушеское скотоводство, которое дополнялось примитивным земледелием. Об этом свидетельствуют и находки бронзовых серпов. Приоритетным являлось разве-

Каменный топор, булава, бронзовый нож, Верхний Балыклей II. *Кат 96—98*

Бусы, Шляховской I. *Кат. 111*

Бусы, Химкомбинат, группа Б. *Кат. 112*

Нож бронзовый, Неткачево. *Кат. 114*

Бронзовый нож, Неткачево. *Кат. 115*

Кремневые наконечники стрел, Неткачево. *Кат. 116*

дение крупного рогатого скота. Появление значительного количества поселений срубной культуры следует объяснять тем, что хозяйство начинает носить комплексный характер. Кроме того, по мнению ученых, занимающихся изучением древних почв из курганов, эпоха позднего бронзового века в Восточной Европе совпадает с благоприятными климатическими условиями. Климат в этот период характеризуется потеплением и увлажненностью, что способствовало развитию скотоводства и земледелия и подъему производящих форм хозяйства. Соответственно, в середине 2-го тыс. до н. э. наблюдается максимальная плотность заселения всех регионов восточно-европейской степи и лесостепи.

Отсутствие письменных источников значительно осложняет решение вопроса об этнической принадлежности племен срубной культурно-исторической общности эпохи поздней бронзы. Невозможно установить и названий племен и народов, которые населяли степи Поволжья и Дона в эпоху бронзы.

Исследователи полагают, что племена покровской и срубной культур принадлежат к ираноязычной группе индоевропейской языковой семьи. По мнению некоторых ученых, эти полукочевые скотоводческие племена эпохи поздней бронзы, возможно, имели отношение к тем легендарным ариям, которые с середины 2-го тыс. до н. э. проникают в Древнюю Индию и Иран. Эти выводы были сделаны на основании распространения индоиранских гидронимов и топонимов и их связи с территорией обитания племен срубной культуры.

Памятники срубной культуры Волго-Донского региона сменяются древностями, имеющими в своем облике новые отличительные черты. Этот уже постсрубный пласт памятников маркируется значительным влиянием андроновских культур, прежде всего федоровской и черкаскульской. Андроновская культура — общее название группы близких культур бронзового века, занимавших в XVII—IX вв. до н. э. Западную Сибирь, западную часть Средней Азии и Южный Урал.

Об этом новом импульсе волго-уральского очага культурогенеза, относящемся уже к постсрубному времени, свидетельствует открытие достаточно значительного количества комплексов с признаками федоровской и черкаскульской культур в Подонье, Поволжье и Поднепровье. В Среднем Поволжье выделена сусканская культура, материальный облик которой прямо указывает на тесные связи с «андроновским» миром.

Погребения этого времени сравнительно редки, но выявлены на огромной территории от Среднего Поволжья до Поднепровья. Погребения совершались в курганных и грунтовых могильниках. Характерными признаками таких погребений является положение умерших скорченно на правом боку. Вещевой инвентарь составляют бронзовые ножи, иглы, шилья, подвески. Часто в погребальном обряде применялись каменные наброски на кургане, трупосожжения. Отличительной чертой этого времени является наличие в погребениях керамических кубков на поддонах. Кубки часто имели орнамент из сложных геометрических фигур, выполненный мелкозубчатым штампом, врезными линиями, отпечатками шнура. Типологически такая керамика близка посуде федоровской и черкаскульской культур Приуралья и Казахстана. Кроме того, к этому времени относится появление и распространение керамики с налепным валиком под венчиком сосуда. Пока открытым остается вопрос — было ли население, оставившее памятники, для которых характерна керамика с валиковой орнамента-

цией, потомками племен срубной культуры или это новые пришлые племена? Так или иначе, внешний облик материальной культуры и погребальной обрядности населения заключительного этапа позднебронзового века стал отличным от предыдущего срубного периода. Погребения этого времени становятся очень большой редкостью — в курганах они единичны, а многие из них, скорее всего, были и безынвентарными. Однако на сегодняшний день обнаружено уже несколько бескурганных или грунтовых захоронений постсрубного времени. По каким-то причинам произошли кардинальные изменения в традициях погребальной обрядности населения и умерших перестали хоронить в курганах. Такое обстоятельство может объясняться появлением на территории волго-донских степей новых пришлых племен.

Поселений в отличие от погребений этого времени известно большое количество, и они обнаружены на обширной территории от Приуралья до Поднепровья на Украине. В каждом регионе известны археологические культуры постсрубного времени — второй половины 2-го тыс. до н. э. (белозерская, хвалынская, ивановская, алексеевско-сарагринская), для которых характерна общая традиция валиковой орнаментации лепных сосудов.

Многие проблемы культур заключительной стадии эпохи поздней бронзы еще требуют детального изучения. Пока сложно сказать, какова была дальнейшая судьба населения финала позднебронзового века Поволжья и Подонья. Возможно, что оно стало одним из компонентов в формировании скифского этноса Северного Причерноморья.

Памятников позднего бронзового века на территории Волго-Донского региона, входящего в состав Волгоградской области, известно большое количество. В культурно-историческом отношении территория волго-донской степи и лесостепи, насыщенная многочисленными реками и их притоками, а значит, и богатая природными ресурсами, была очень удобной для скотоводческих племен бронзового века.

За многие годы исследований здесь раскопаны десятки курганных могильников, в которых обнаружены сотни погребений эпохи поздней бронзы покровской и срубной культур.

Одно из самых ярких погребений покровской культуры в Волгоградской области обнаружено в 1994 г. Волго-Ахтубинской археологической экспедицией под руководством Е. П. Мыськова. В одном из курганов могильника, расположенного на левом берегу реки Щелкан у с. Баранниково Руднянского района Волгоградской области, было раскопано элитное погребение колесничего. Курган был самым большим в могильнике, высотой 1,5 м. В кургане обнаружен комплекс, состоящий из двух захоронений. Умерший, мужчина 45—50 лет, был погребен в большой могильной яме, которая оказалась перекрыта бревнами. Это перекрытие опиралось на мощный опорный столб, расположенный в центре могильной ямы. В погребение помещены разнообразные вещи, свидетельствующие о социальном статусе умершего и необходимые ему в потустороннем мире. В могилу были поставлены два глиняных лепных сосуда и положена напутственная жертвенная пища. В качестве сопроводительного инвентаря в погребении находились массивный литой бронзовый нож и каменная полированная булава с деревянной рукояткой — символ власти. В южный угол могилы была помещена пара костяных псалиев — деталей конской узды, свидетельствующих о принадлежности умершего к элите общества покровской

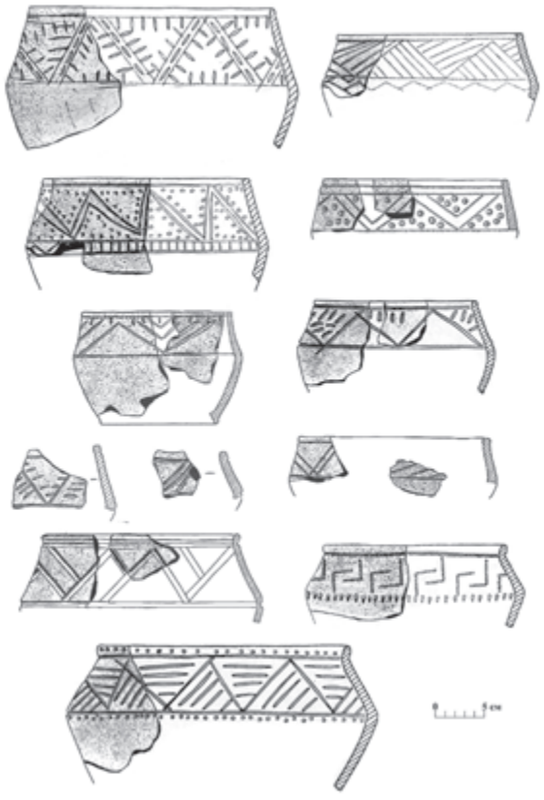
Каменный топор, Волжский. *Кат. 117*

Каменный топор, Красные Липки. *Кат. 118*

Каменная булава, Ерзовка III. *Кат. 121*

Глиняные сосуды, Ерзовка III. *Кат. 119, 120*

Керамика эпохи поздней бронзы.
Кат. 124—129



Фрагменты глиняной посуды со стоянки Сухая Мечетка IV

культуры — колесничьей аристократии. Псалии изготовлены из кости крупного животного и представляют собой очень оригинальный образец этих изделий. Плоские щитки псалиев имеют форму трехлепестковой розетки, покрыты искусным резным орнаментом и снабжены вставными шипами. Погребение человека сопровождалось захоронением и пары коней, которые были похоронены в отдельной яме, расположенной рядом. Подобный обряд хорошо известен у племен начального этапа позднего бронзового века Поволжья и Южного Урала. Убитых коней или их части — черепа и ноги, укладывали парами на краю ямы или в могиле на деревянных частях колесниц. Это символизировало колесницу, влекомую парой коней, которая должна была доставить погребенного человека в царство мертвых.

Погребения покровской культуры с разнообразными наборами сопроводительного инвентаря, знаками воинской и административной власти (костяными пряжками, бронзовыми ножами, каменными булавами и топорами) обнаружены во многих могильниках, расположенных на территории Волгоградской области, — у с. Линево Жирновского района, с. Верхний Балыклей Быковского района, у пос. Горьковский на южной окраине Волгограда, у пос. Культстан Клетского района, у хут. Голубинский Калачевского района.

Погребений срубной культуры, которые обнаружены в курганах и грунтовых могильниках Волго-Донского региона, насчитывается уже несколько сотен. Они обнаружены на всем пространстве степи и лесостепи Поволжья и Подонья, что свидетельствует о том, что население срубной

Бусы, Ченин. *Кат. 123*

Бусы, Ерзовка V. *Кат. 122*

культуры освоило к середине 2-го тыс. до н. э. значительную территорию.

В первой половине 50-х гг. XX в. отрядами Сталинградской археологической экспедиции в зоне создания Волгоградского водохранилища были раскопаны несколько курганных могильников в Быковском и Николаевском районах, у пос. Быково, сел Бережновка, Иловатка, Политотдельское. В результате этих работ обнаружено большое количество погребений покровской и срубной культур эпохи поздней бронзы.

В 1972 г. Городищенским отрядом Волго-Донской археологической экспедиции под руководством И. П. Лисицына и А. С. Скрипкина были проведены раскопки курганов у с. Ерзовка Городищенского района Волгоградской области. Эти могильники, располагавшиеся пятью небольшими группами на водоразделе между Ерзовской балкой и балкой реки Сухая Мечетка, дали большое количество погребений эпохи поздней бронзы, в том числе и срубной культуры. Ерзовские могильники находились в непосредственной близости от поселения Сухая Мечетка IV. А обнаруженная в погребениях керамика аналогична поселенческой, что свидетельствует об одновременности функционирования этих памятников. Также в погребениях могильника найдены бронзовые ножи, подвески, браслет, накладка на деревянный сосуд, две каменные булавы — символы власти, бусы из нефрита, янтаря и египетского фаянса.

Нередко курганы срубной культуры представляли собой родовые кладбища. В таких курганах могли совершать более 20 погребений, расположенных, как правило, вокруг основного или центрального захоронения. Такие курганы раскопаны и на территории Волгоградской области в могильниках у с. Неткачево в Котовском районе, у хут. Евстратовский Клетского района, у г. Новоаннинский. Часто в таких курганах хоронили детей и подростков.

Поселения в срубное время позднебронзового века становятся уже стационарными. Об этом свидетельствует порой значительная мощность культурных напластований на поселениях этого периода, что означает, что люди жили на одном месте достаточно продолжительное время. На территории Волгоградской области известно более 20 поселений срубной культуры, это Сухая Мечетка IV на северной окраине Волгограда, Дубовка I—II и Прямая Балка в Дубовском районе, Сидоров Родник на юго-западной окраине Камышина, хут. Ляпичев Калачевского района и другие. Однако с уверенностью можно говорить о том, что поселений и временных стоянок срубной культуры многократно больше, но они пока не все обнаружены.

Поселения срубной культуры Волго-Донского региона в отличие от погребальных памятников, практически не исследовались. Наиболее изученным является поселение Сухая Мечетка IV. Оно расположено на правом берегу реки Сухая Мечетка, на северной окраине Волгограда и исследовалось в 1986 г. Волго-Ахтубинской археологической экспедицией под руководством Е. П. Мыськова. Подавляющее большинство находок, обнаруженных в ходе раскопок поселения Сухая Мечетка IV, — керамика. В основном это фрагменты, но есть и целые сосуды. На поселении Сухая Мечетка IV был обнаружен котлован полуземлянки, который был заполнен золой и кусками обожженной глины, похожими на выбросы из очагов. В этом золистом слое было выявлено подавляющее количество находок, обнаруженных на поселении. Характер находок и заполнения котлована жилища, обнаруженного на поселении Сухая Мечетка IV, указывает на его культовое на-

Бронзовые серпы. Случайные находки. *Кат. 130, 131*

Бронзовый наконечник копья. Случайная находка. *Кат. 135*

значение. Можно сделать предположение, что он представлял собой сакральный комплекс — зольник, функционирующий в срубное время.

О культовом характере зольника Сухой Мечетки IV свидетельствует целый ряд наблюдений и признаков. В заполнении котлована полуземлянки обнаружены бронзовые предметы — игла и браслет, глиняные лепные пряслица — детали веретена, а также фрагменты остроребериой, красиво орнаментированной керамики и глиняных сосудов с различными «загадочными знаками» и рисунками. Кроме того, показательными являются параллели с близкими по своему происхождению и, видимо, назначению зольниками-алтарями древнегреческих городов. Наиболее древние такие зольники относятся к крито-микенскому периоду и известны в Афинах, Триаде и на Крите в 3—2-м тыс. до н. э. В них также находят различные священные предметы — фрагменты парадной расписной посуды, терракотовые статуэтки, посвященные различным богам и героям.

Ритуальное назначение так называемого «священного мусора» — золы из очагов и предметов, с ним связанных (керамики, костей животных и др.), подтверждается обнаружением слоя подобного характера и на погребальных памятниках срубной культуры. Так в одиночном кургане Чир I в Подонье вокруг основного погребения срубной культуры были выявлены несколько прослоек шлака и золы с большим количеством фрагментов керамики и костей животных, некоторые из них были сильно обожжены. По своей структуре и характеру находок эти золистые прослойки полностью аналогичны заполнению котлована поселения Сухая Мечетка IV. Поэтому можно утверждать, что вокруг могильной ямы основного погребения одиночного кургана Чир I была рассеяна часть зольника, преднамеренно принесенная сюда с какого-то поселения срубной культуры.

Погребений постсрубного периода (второй половины 2-го тыс. до н. э.) на территории Волгоградской области на сегодняшний день известно более двух десятков. Наиболее характерные из них выявлены в могильниках Чир II Суровикинского района, Антонов II Октябрьского района, Первомайский VII Калачевского района, Петропавловка и Котлубань I Дубовского района и некоторых других. Их малочисленность можно объяснить и тем, что для этого времени характерно постепенное вытеснение традиционного курганного обряда бескурганными некрополями.

Одно из характерных погребений постсрубного времени обнаружено в 2003 г. при раскопках могильника у хут. Недоступов Жирновского района Волгоградской области, которые проводила Волго-Ахтубинская археологическая экспедиция под руководством Е. П. Мыськова. В одном из курганов было обнаружено погребение мужчины 30—35 лет, которому в могилу были поставлены глиняные лепные сосуды, один из которых — кубок со сложной геометрической орнаментальной композицией. Такой тип погребальной керамики характерен для федоровско-черкаскульского круга культур Южного Приуралья и Западного Казахстана второй половины 2-го тыс. до н. э.

Каменная литейная форма, бронзовый кельт, долото. Случайные находки.
Кат. 132—134

Одно из редких погребений, в котором был найден сосуд с характерной валиковой орнаментацией, обнаружено в одном из курганов могильника Быково в Быковском районе Волгоградской области в 1954—1955 гг. археологической экспедицией под руководством К. Ф. Смирнова.

Поселения этого времени отличает наличие керамики с валиковой орнаментацией, а также посуды кубковидной формы с характерной геометрической орнаментацией. На территории Волгоградской области исследовано два таких поселения — Сухая Мечетка II и Ерзовка I.

В 1980-е гг. археологической экспедицией Волгоградского государственного университета проводились раскопки поселения Ерзовка I, расположенного на одной из террас Ерзовской балки в Городищенском районе Волгоградской области. В результате исследований обнаружены остатки котлованов двух жилищ-полуземлянок и собрана обширная коллекция фрагментов керамики, кремневых и кварцитовых изделий: наконечники стрел, скребки и ножевидные пластины.

ДРЕВНЕЕ СВЯТИЛИЩЕ ОГНЕПОКЛОННИКОВ НА ДОНУ у ст-цы ТРЕХОСТРОВСКАЯ

На территории нашей области находится уникальный археологический памятник, не имеющий аналогов среди известных археологических объектов на юге России. Это древнее святилище, располагающееся на правобережном плато малой излучины Дона, в 7 км к северу от ст-цы Трехостровской Иловлинского района. Оно представляет собой сооружение, отличающееся не только внушительными размерами, но и, как оказалось, сложной внутренней архитектурой. Внешне это сооружение представляет собой искусственный холм высотой 3 м и диаметром около 150 м, окруженный мощным рвом, ширина которого колебалась от 24 до 32 м, а современная глубина — 2 м. Таким образом, диаметр сооружения по внешним краям рва колеблется в пределах 200 м. Центральная возвышенная часть его повреждена несколькими ямами, оставшимися от кладоискательских раскопок, проводившихся в начале XX в. местным населением. В результате этих раскопок из глубины на поверхность были перемещены крупные обломки стекловидного шлака с остатками сожженного дерева, спекшейся массы красноватого суглинка. Уже в процессе первого визуального обследования сооружения сотрудниками Волгоградского госуниверситета были выдвинуты предположения о существовании в прошлом в его центре мощного очага и о культовом назначении всего сооружения.

Дальнейшие исследования этого сооружения, проводившиеся с 1997 по 2003 г. экспедицией Волгоградского государственного университета совместно с Институтом физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, подтвердили эти предположения. В результате комплексных археолого-палеопочвенных исследований появилась возможность высказать ряд соображений о технологических и конструктивных особенностях исследуемого памятника, времени его возведения и продолжительном назначении.

Следует отметить, что предлагаемая ниже реконструкция в значительной мере предположительна, поскольку раскопками было охвачено менее 1% площади памятника. От центра сооружения к северу до внешнего края рва была заложена траншея шириной 2 м, выбиравшаяся до материка. С противоположной стороны был заложен раскоп, охватывающий край насыпи сооружения и ров. Основной целью этих раскопок было выяснение стратиграфических особенностей изучаемого памятника.

В результате было выяснено, что строительство данного сооружения осуществлялось в несколько этапов. Первоначально на площади диаметром около 100 м был срезан гумусный слой, и аккуратно перемещен на периферию и уложен на ненарушенную дневную поверхность в виде кольца шириной до 15 м, за которым начал сооружаться ров. Из верхнего слоя — светло-коричневого суглинка, вынимаемого из рва, видимо, были изготовлены блоки, затем использованные для возведения в центре специального очага. Большая же часть грунта, вынутая из рва первоначально, вероятно, была выложена по его наружному краю.

Образовавшийся котлован после снятия гумусного слоя и некоторого его углубления был заполнен жидким глинистым раствором, поверх которого уложены ветки деревьев. Их отпечатки были достаточно хорошо видны на поверхности глинистого залива.

Аэрофотосъемка
Разведочный шурф

Вид с восточной стороны
Ров

Следующий этап связан с возведением в центре круглого котлована, залитого глинистым раствором и выстланного ветками, печи. Материалом для нее служили вышеупомянутые блоки, изготовлявшиеся в простых формах, сделанных из прутьев, отпечатки которых сохранились на стенках блоков. Своеобразная печь представляла собой, вероятно, круглую конструкцию диаметром до 40 м. Высоту ее определить трудно, она могла равняться нескольким метрам. Затем печь была заполнена деревом, доставленным, скорее всего, из поймы Дона, после чего сверху она была закрыта крупными обломками известняка.

Вероятно, только после всех этих операций дрова в печи были подожжены. Для поддержания процесса горения в стенке печи, видимо, были сделаны вентиляционные отверстия. Температура горения в печи, по данным химических анализов шлаков, могла достигать 1100—1300°С. Как долго функционировала печь, сказать трудно. В 2002 г. при раскопках рва с восточной стороны было выявлено три уровня погребенных почв, свидетельствующих о чередовании делювиальных и почвообразующих процессов, которые могли охватывать достаточно длительные периоды. Причем наличие во всех этих уровнях продуктов горения свидетельствует о том, что все это время печь функционировала. Вероятно, процесс горения в ней поддерживался достаточно долго. Но в какой-то период печь была развалена, ее фрагментами была занята большая часть площадки, покрытой глинистым раствором и ветками деревьев. После этого весь развал, начиная от внутреннего края рва, был засыпан грунтом, вынутым ранее из рва, который представлял из себя супесь зеленоватого цвета. Образовавшейся насыпи была придана определенная форма. От рва она круто поднималась вверх, затем шла практически горизонтально дневной поверхности, а в центральной части имела куполообразное возвышение. Затем после придания сооружению такой формы вся его поверхность была покрыта щебенкой из известняка. Таким образом, все сооружение внутри рва приобрело белый цвет.

Одной из задач, стоявших перед экспедицией, было установление времени возведения исследуемого памятника и соотнесение его с какой-либо из археологических культур. Сложность заключалась в том, что в процессе раскопок не было обнаружено ни одного артефакта. Отобранные образцы для радиоуглеродного датирования были отправлены в разные лаборатории: Института географии РАН, Бета-аналитическую лабораторию в Майами, штат Флорида (США), университета Аризоны (США), Дарден Худ, штат Пенсильвания (США), Потсдам (Германия). Были получены следующие результаты: три даты пришлись на поздний бронзовый век в пределах XV—XIII вв. до н. э. и шесть дат на скифское время VII—IV вв. до н. э. Стратиграфия памятника не содержит данных о двух периодах его функционирования со значительным промежутком времени между ними. Его сооружение было одноактным. Проведенные независимые палеопочвенные исследования подтверждают более раннюю дату возведения сооружения у ст-цы Трехостровской. Параметры сохранившейся погребенной почвы под ним более всего соответствуют подкурганным погребенным почвам, достаточно убедительно датирующимся поздним бронзовым веком.

Сейчас трудно объяснить такую разницу в датах, полученных в результате радиоуглеродного анализа. Требуются дальнейшее исследование этой проблемы.

Проведенное в 2002 г. обследование округи Трехостровского сооружения позволило выявить следы нескольких поселений срубной культуры, которые, в случае отнесения святилища к позднему бронзовому веку, являются синхронными ему. Возможно, население этой культуры и возводило исследуемый объект.

Смысловая интерпретация сооружения у ст-цы Трехостровской на данном этапе исследования достаточно сложна. С одной стороны, его раскопки только начаты и мы не имеем полного представления о его архитектуре, с другой — отсутствие каких-либо иных источников, в том числе и письменных, заставляет нас опираться в основном на материалы самого памятника.

Несмотря на ограниченный объем информации, уже сейчас можно отказаться от высказывавшихся в прошлом рядом исследователей соображений о его производственном назначении. Химические анализы образцов показали, что данное сооружение не являлось печью для выплавки железа, а отнесение его к бронзовому веку вообще снимает этот вопрос. Размеры сооружения и наши представления о его конструкции отвергают также возможность использования его для приготовления древесного угля. Высказанное нами с самого начала предположение о культовом назначении сооружения укрепило нас в этой мысли при последующем его изучении.

Принятая нами на данном этапе исследования дата исследуемого сооружения — поздний бронзовый век и отнесение его к времени существования в волго-донских степях срубной культуры позволяет нам допустить, что оно должно соответствовать тем мировоззренческим идеям, которые сложились в среде древних народов индоиранской языковой общности. Уже стало традицией привлекать ведийскую и авестийскую литературу в интерпретации различных сюжетов материальной культуры археологических памятников бронзового и раннего железного веков евразийского степного пояса. В этом случае следует отметить только то, что ни Ригведа и другие разделы ведийской литературы, ни тем более Авеста не имеют прямого отношения к мировоззрению степного населения Восточной Европы, поскольку окончательное их оформление происходит в ином этноисторическом контексте. Поэтому использование указанной литературы правомерно для выявления тех аналогий, которые своими истоками уходят, вероятно, в индоиранскую общность.

Первое, что бросалось в глаза еще при начальном нашем осмотре сооружения, его связь с огнем, о чем свидетельствовали многочисленные куски шлака, обожженной докрасна глины, разбросанные по поверхности. Внешне сооружение не было похожим на древний курган, оно имело совершенно иную конструкцию насыпи и мощный с четкими контурами ров, первоначальная глубина которого равнялась 4 м. Последующие исследования еще больше убедили нас в сугубо культовом назначении этого памятника. Некоторые детали конструкции сооружения, которые выявлены на сей день, соответствуют канонам возведения алтаря, описанным в древнеиндийской литературе. Например, в «Чатапатха-брахмана» говорится, что при возведении храма основание алтаря изготовляется из глины, замешанной на воде, причем весь акт строительства рассматривался как сотворение мира со всеми его ярусами. Как показали наши исследования, возведение комплекса у ст-цы Трехостровской началось с сооружения площадки со снятым почвенным слоем, которая затем была залита жидким раствором глины, что, видимо, и соответствовало акту закладки алтаря. Во всем этом заложена идея, по которой священный огонь не должен гореть на естественной поверхности земли, между огнем

Раскопки рва

Исследование стратиграфии

и землей должен быть алтарь. Теперь уже вполне очевидно, что исследуемое сооружение связано с культом огня и теми представлениями, которые этот культ отражает. Огонь, как известно, почитался многими народами древности. Для нас в данном случае больший интерес бу-дут представлять традиции этого культа в древнеарийской и древнеиранской культуре. В ведийской мифологии бог огня Агни занимает одно из ведущих мест, второе после Индры. Он причислен к земным богам и, являясь персонификацией священного огня, занимал центральное место в древнеиндийском ритуале. Главная его функция — посредничество между людьми и небесными богами. Полагают, что культ Агни в том виде, в каком он представлен в ведах, восходит к периоду индоиранского единства, о чем, в частности, свидетельствует созвучие названия огня с именем ведийского бога во многих индоевропейских языках.

В иранской мифологии огонь (Атар) отождествлялся с божеством — представление, которое восходит еще к индоевропейской древности. Огонь являлся «телом», то есть видимым проявлением Ахура-Мазды — высшего божества в зороастрийском пантеоне. Последователей зороастризма, как известно, называли огнепоклонниками. По зороастрийским представлениям длительная борьба добра (воплощение Ахура-Мазды) и зла (воплощение Анхра-Майнью) завершится мировым пожаром, мир погибнет в огне, но этот пожар воспринимался и как возрождение новой жизни в изначальном ее состоянии, без зла. Этот сюжет известен в мифологиях других индоевропейских народов и имеет, видимо, древние корни.

Для мышления древнего человека было характерно циклическое восприятие времени, каждый цикл начинался с возрождения, а завершался апокалиптическим событием, связанным с разрушением — потопом или мировым пожаром, после чего с возрождения начинался новый цикл. В литературе такие циклы принято называть лунарными, причем по длительности они необязательно должны были совпадать с полным лунным циклом, а охватывать более длительные периоды. Отражение такого циклического мышления можно проследить и в периодах возведения Трехостровского святилища. Нам сейчас трудно установить, какую непосредственно функцию играл очаг огня в его центре, но на каком-то этапе он был погашен, а сам очаг (условно «печь») разрушен. Таким образом, цикл, связанный с действием огня, был завершен, и над остатками очага началось возведение насыпи, имевшей определенную смысловую нагрузку. Насыпь имела уступ и возвышенную центральную часть, причем вся ее

Процесс раскопок

Зачистка основания святилища

поверхность была покрыта мелкой известняковой щебенкой, приобретя белый цвет, который являлся символом совершенства и святости. Как известно, в Индии цветовым символом жреческой варны брахманов был белый цвет. Возможно, что сооружение насыпи и придание ей белого цвета символизировало завершение акта борьбы добра со злом, ознаменовавшегося победой добра. Действие огня обновляет мир и приводит к возрождению новой жизни. В Яштах дается характеристика этой новой жизни без старости и смерти («вечноживущую, вечнорастущую»), когда мертвые воскреснут, «бессмертными станут избравшие Истину», исчезнет ложь. В зороастризме новый мир воспринимается как идеальное творение Ахура-Мазды, характеризующееся такими эпитетами, как «многоблаженное, многопрекрасное, многообразное, многополезное и лучезарное» (Яшт 19, 10—12). В связи с вышесказанным получает объяснение и круглая форма Трехостровского святилища. Круг, как один из наиболее распространенных элементов древней символики, чаще воплощал идею единства, законченности и высшего совершенства.

Придание святилищу формы холма связано с представлениями о Мировой горе, или Мировом центре. Храм или святилище у многих народов воспринимались как центр Космоса и отождествлялись с местом входа в три космических царства — небо, землю и преисподнюю. Алтарь в храме считался пупом земли, через который поддерживались миропорядок, жизнь и гармония. В индийской мифологии гарантом этих добродетелей был бог огня Агни. В Ригведе говорится, что «Агни разместил свою силу на пупе земли» (II, 76).

Выбор места для возведения святилища у ст-цы Трехостровской, видимо, сопровождался ритуальными действиями. По крайней мере, можно считать, что выбрано оно было жрецами и сопровождалось определенным церемониалом. Об этом, в частности, свидетельствует практика закладки храмов в Индии. Первоначально астролог определял «центр мира», и в это место вбивался кол, на который возлагался первый камень, считалось, что кол вбит в голову дракона, поддерживающего мир. Эта традиция уходит в ведийские времена и связана с мифом об Индре, разрубившем дракона.

Можно предположить, что возведение святилища на Дону, кроме отправления традиционного культа, было вызвано и какими-то практическими целями. Например, как акт закрепления за собой определенной территории какой-либо группой населения. Такой обычай существовал в ведийской Индии, когда считалось, что законное вступление во владение землей начинается только после возведения алтаря в честь бога Агни. Известный специалист в области интерпретации мифов М. Элиаде по этому поводу приводит из «Шапатапатха-брахма» следующую цитату: «Говорят, что истинное владение наступает тогда, когда

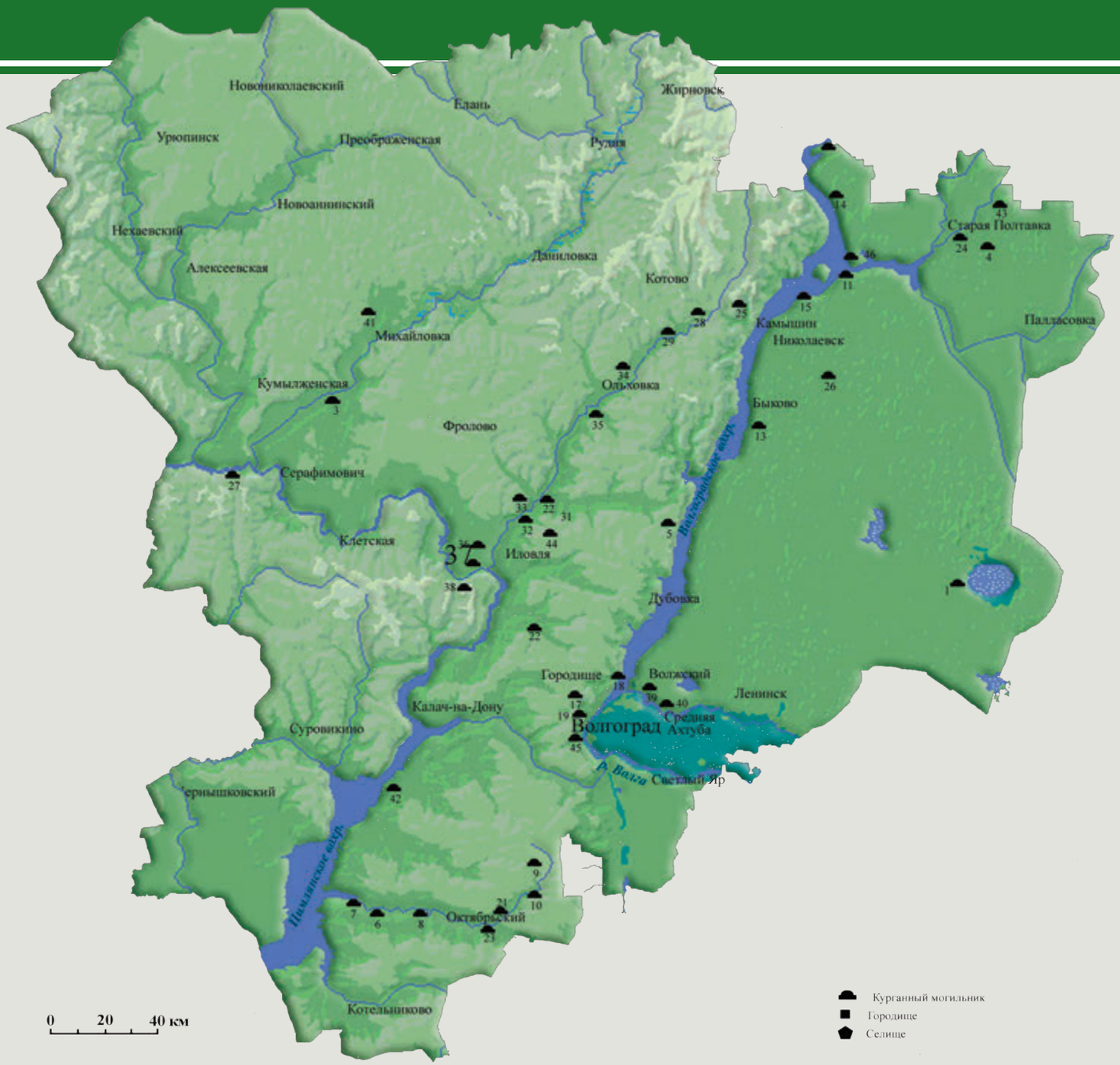
построят и обустроят все то, что потребно для алтаря в честь огня»[1]. Отдаленную аналогию этому явлению он видит в действиях испанских и португальских конкистадоров, закреплявших за собой захваченные в Америке территории водружением на них крестов. Неизвестная земля отождествлялась ариями с «Хаосом». Возведение алтаря являлось актом преобразования «Хаоса» в «Космос» — упорядоченную реальность.

Сказанное выше следует рассматривать как первую и достаточно приблизительную по своему характеру попытку возможных подходов к смысловой интерпретации культового сооружения у ст-цы Трехостровской. Бесспорно, что это неординарный археологический памятник, который требует дальнейшего своего комплексного исследования.

---

[1] *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость. СПб., 1998. С. 121.

V.
РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК



Человечество узнало железо задолго до наступления железного века. Среди народов Передней Азии в 3—2-м тыс. до н. э. железо пользовалось репутацией драгоценного металла, наделенного к тому же магической силой. Это было железо метеоритного происхождения. Ситуация стала меняться, когда люди научились сами изготавливать железо. Производство оружия и орудий труда из нового металла привело к вытеснению аналогичных изделий из бронзы. Так, например, численность изготовленных из железа предметов в Восточном Средиземноморье с XII по X в. до н. э. увеличилась с 11 до 69%. Исходя из этого, начало железного века в Передней Азии относят к X в. до н. э. Однако на территории большей части Европы этот переход начинается лишь в конце IX — начале VIII в. до н. э., причем вплоть до середины VII в. до н. э. железные изделия употребляются наряду с бронзовыми. Поэтому археологи часто считают VIII — первую половину VII в. до н. э. переходным периодом от бронзового века к железному.

В Нижнем Поволжье изделия из железа встречались и раньше — в эпоху бронзы. Так, например, в одном из курганов в Калмыкии близ Элисты в погребении второй четверти 2-го тыс. до н. э. был найден железный нож, а в Быковском районе Волгоградской области у лимана Могута в еще более древнем погребении, относящемся к ямной культуре, найден небольшой железный предмет, напоминающий ножичек. Однако специальные анализы выявили высокий процент никеля в этих изделиях, что свидетельствует о метеоритном происхождении железа, из которого они изготовлены. Железный же век характеризуется искусственной выплавкой железа сыродутным способом и широким его распространением. В нашем степном крае залежи железной руды встречаются гораздо чаще, чем медной. Считается, что для получения металлургического железа должны использоваться руды, содержащие не менее 25% железа. На территории Волгоградской области есть ряд месторождений железной руды, отвечающих этим требованиям. Это в первую очередь район междуречья Иловли и Медведицы, где особо выделяется Мокро-Ольховское месторождение, на руде которого в середине XVIII в. работал Терсинский железоделательный завод, обеспечивающий юг России дешевым, по сравнению с уральским, железом. Можно еще назвать Хоперское месторождение, расположенное к западу от Урюпинска, где бурые железняки достигают мощности до 11 м. Зачастую залежи железной руды выходят на поверхность или фиксируются в овражных обнажениях, что способствовало довольно свободному доступу к ним человека. Бесспорно, что интенсивное развитие металлургии железа было подготовлено длительным опытом обработки меди и бронзы, накопленным не одним поколением людей.

Ко времени раннего железного века относятся и первые письменные свидетельства о народах, обитавших в нашем крае. Это были сочинения сначала греческих, а затем и римских историков, географов, литераторов. Знакомство древних греков с народами, населявшими степи Юго-Восточной Европы, в определенной мере было обусловлено их колонизацией северного побережья Черного моря. Социально-экономическое и политическое развитие греческого мира привело, начиная с VIII в. до н. э., к вынужденной эмиграции части населения формирующихся полисов, которая должна была искать новое место для проживания. В результате греки освоили гигантские пространства, основав бесчисленное множество своих колоний от Гибралтарского пролива до Азовского моря. Северное побережье Черного моря греки начинают основательно заселять с VI в. до н. э. Главная роль в колонизации Северного Причерноморья принадлежала ионийским грекам, выходцам из городов малоазийского побережья, прежде всего Милета. В устье Днепро-Бугского лимана была основана Ольвия; на Крымском полуострове — Пантикапей, Нимфей, Феодосия, Херсонес; на Таманском полуострове — Фанагория, Гермонасса, Кепы. Постепенно эти колонии стали основывать другие города и поселения, достаточно плотно обживая берега Черного и Азовского морей. Так, Пантикапей в III в. до н. э. основал самый северо-восточный греческий город Танаис, располагавшийся в устье Дона.

Население греческих колоний вынуждено было вступать в разного рода экономические и политические отношения с местным населением, что, безусловно, способствовало накоплению у греков знаний о быте и традициях аборигенов. Особый интерес у греков вызывали кочевники своим абсолютным несходством образа жизни с греческим. Кроме того, греческие колонии вынуждены были выработать эффективную дипломатию в отношении с ними, так как кочевники, обладая мобильными военными отрядами, представляли грозную силу. Грекам было небезразлично, будут ли они их союзниками или врагами. Существует много примеров, речь о которых пойдет ниже, участия воинских контингентов кочевников в разрешении внутренних дел северопричерноморских государств. Зачастую кочевники играли важную роль

Античная амфора, Аксай I. *Кат. 148*

На с. 82:
Серебряные сосуды и золотые украшения, Октябрьский V.
Кат. 207—209, 210—216

в крупнейших событиях древней истории, таких как, например, греко-персидская война, событие, занимающее в собственно греческой истории весьма важное место. Все это обусловливало проявление интереса греческого цивилизованного мира к кочевникам Восточной Европы и способствовало появлению сведений о них у греческих авторов.

С усилением влияния Римского государства на Востоке информация о восточноевропейских кочевниках все чаще появляется на страницах произведений римских историков и географов. Особенно оригинальные сведения о них начинают появляться с I в. до н. э. и в последующее время, когда территории, прилежащие к бассейну Черного моря, начинают входить в сферу активной политики Рима.

ПРЕДСАВРОМАТСКИЙ ПЕРИОД

Бронзовые удила, псалии и нож, Красная Деревня. *Кат. 139—141*

Красноглиняный сосуд, Красная Деревня. *Кат. 136*

Вверху справа:
Железное копье, бронзовые наконечники стрел, костяной стержень. Барановка I. *Кат. 143—145*

В евразийской степи, в том числе и в Нижнем Поволжье, с рубежа 2—1-го тыс. до н. э. нарастают процессы аридизации. Климат становится все более засушливым, что влечет за собой сокращение населения и переход к полукочевому и кочевому хозяйству. Исчезли постоянные поселки и родовые компактные кладбища. Разрозненные погребения, разбросанные по всей степи, свидетельствуют о систематических перекочевках без четко определенных маршрутов. Вооруженный всадник становится ключевой фигурой степи, что отразилось и в археологических находках — оружии и деталях конской упряжи, найденных в редких погребениях VIII—VII вв. до н. э. Античные источники весьма слабо освещают этот период, греческая письменная традиция упоминает полулегендарный народ, именуемый киммерийцами, живущий на краю света, где все покрыто влажным туманом и мглой облаков. Греческий историк Геродот видел в них предшественников скифов в Северном Причерноморье. Ранее археологи связывали с этим народом памятники черногоровской культуры (конец IX — середина VIII в. до н. э.) и следующие за ними комплексы типа новочеркасского клада (середина VIII — середина VII в. до н. э.). Для первой характерны скорченный обряд погребения с восточной ориентировкой покойного, трехдырчатые псалии, стремечковидные и однокольчатые удила, другие костяные и бронзовые детали упряжи, бронзовые ножи с горбатой спинкой и ряд других предметов. Памятники следующего этапа отличаются наличием вытянутого положения погребенного с ориентировкой на запад (реже на восток) и специфическим набором инвентаря — асимметрично-ромбовидными стрелами, удилами с двукольчатыми окончаниями, трехпетельчатыми псалиями и другими деталями конского убора. Однако изредка встречаются памятники, в которых черты этих двух ритуальных стереотипов смешаны, что позволяет предположить некий переходный период и даже объединение памятников двух хронологических этапов в единую культуру, эволюционировавшую во времени. В последнее время исследователями

принадлежность охарактеризованных выше памятников историческим киммерийцам опровергается. Отмечается близкое родство киммерийцев и скифов и сходство киммерийской культуры с раннескифской.

Если киммерийцы, по письменным данным, могут быть локализованы с определенной долей вероятности в Северном и Северо-Восточном Причерноморье, то в вопросе о том, какой народ на заре раннего железного века проживал на территории Нижнего Поволжья, у нас нет никаких данных. Однако памятники, предшествующие появлению скифов на исторической арене, известны и на нашей территории. Более того, такие памятники обнаружены по всему поясу степей вплоть до Алтая. Поскольку в Нижнем Поволжье такие памятники предшествуют савроматам, то для атрибуции погребений этого этапа обычно употребляют термин «предсавроматский период», отмечая, что они далеко не тождественны геродотовым савроматам.

Среди десятков относительно бедных захоронений выделяются отдельные весьма яркие погребальные комплексы из Заволжья и Волго-Донского междуречья, свидетельствующие об освоении кочевниками степей Нижнего Поволжья в VIII—VII вв. до н. э. В 1981 г. экспедицией Волгоградского педагогического института под руководством А. В. Лукашова исследовался курганный могильник на северо-западном берегу озера Эльтон, у с. Красная Деревня. В кургане 7, возведенном в срубное время, было обнаружено впускное погребение 5, где в небольшой прямоугольной яме на дне лежал скелет мужчины на левом боку скорченно, головой к юго-востоку. Рядом были найдены бронзовые трехдырчатые псалии, звено бронзовых кольчатых удил, костяные бляшки и застежки от уздечного набора, бронзовый нож с горбатой спинкой и каменный оселок. За головой стоял глиняный лепной горшок с туловом шаровидной формы. В ногах найдены ребра, лопатка и кости ног овцы. Особенности погребального обряда и сопутствующий инвентарь позволяют датировать этот комплекс в хронологических границах черногоровской культуры VIII в. до н. э.

В Камышинском районе, на правом берегу реки Иловли, близ железнодорожной станции Петров Вал экспедиция Волгоградского государственного университета под руководством И. В. Сергацкова в кургане 10, возведенном в эпоху бронзы, обнаружила впускное погребение 11. В длинной узкой яме на дне лежал скелет мужчины вытянуто на спине, головой к западу. Все находки найдены у правого плеча погребенного. Здесь были расчищены остатки кожаного колчана с бронзовыми, костяными, железными и деревянными наконечниками стрел с частично сохранившимися древками. Судя по их положению, колчан был поставлен в могилу вертикально. Рядом так же вертикально стоял роговой резной стержень с двумя костяными орнаментированными кольцами, возможно, рукоять нагайки. Здесь же лежал железный наконечник копья. Положение погребенного и находки барановского погребения позволяют включить его в круг памятников новочеркасского типа и датировать VIII — началом VII в. до н. э.

На правом берегу реки Медведица к западу от г. Михайловка возле оз. Подгорное в 1985 г. экспедиция Волгоградского госпедуниверситета под руководством В. И. Мамонтова в кургане 5 раскопала погребение 1, в широкой яме которого вытянуто на спине, головой к востоку покоился скелет мужчины. За черепом погребенного лежала половина нижней челюсти лошади, а в юго-восточном углу были найдены детали уздечного набора — трехдырчатые костяные псалии, костяное колечко и подвески из

Глиняные сосуды, Писаревка II и Красные Липки. *Кат. 137, 138*

Костяные украшения уздечного набора, Красная Деревня. *Кат. 142*

кости и клыка кабана. Лепной сосуд, найденный в насыпи кургана, тоже может быть отнесен к этому погребению. В соседнем кургане 4, сооруженном в эпоху средней бронзы, обнаружено впускное погребение 1, в котором погребенный лежал вытянуто, головой к северо-востоку в сопровождении костяных двухлопастных наконечников стрел и лепного глиняного сосуда. Этот комплекс относится также, вероятно, к началу раннего железного века.

САВРОМАТЫ

Первый народ, обитавший в наших краях, имя которого сохранило время, был савроматы. Выход савроматов на историческую арену совпал с появлением первых письменных источников, повествующих о народах, населявших Северное Причерноморье и соседние территории в начале раннего железного века. Эти письменные сведения, имеющие отношение к нашему краю, принадлежат древнегреческому историку Геродоту, жившему в V в. до н. э. и названному еще в античную эпоху «отцом истории». Он написал исторический труд «История», состоящий из девяти книг, посвященных одному из важнейших событий тех времен — греко-персидским войнам, длившимися практически всю первую половину V в. до н. э. По масштабам того времени войну греков с персами вполне можно назвать мировой, поскольку в ней приняли участие многие народы. С одной стороны, большинство государств Балканской Греции, островов Эгейского моря и малоазийского побережья, с другой — десятки народов, вошедших в состав Персидской державы, простиравшейся от Египта и Фракии до Средней Азии и Индии. В войну были втянуты и скифы, проживающие в Северном Причерноморье, и ряд других народов, соседствовавших с ними. Геродот стремился не только описать события войны, но и дать сведения о народах, принявших в ней участие. Сочинение Геродота начинается следующими словами «Геродот из Галикарнаса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в безвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом»[1]. Чтобы быть объективным в изложении событий, Геродот предпринял ряд путешествий по тем местам, о которых идет речь в его сочинении. Эти путешествия были вынужденными, поскольку греческая письменная традиция только зарождалась и каких-либо «архивных материалов» еще не существовало. Потому опираться приходилось на рассказы различного рода информаторов, а также собственные наблюдения и впечатления. Геродот в течение длительного времени путешествовал по Греции и Персии, побывал в Египте, посетил Северное Причерноморье. На берега Черного моря он приехал, чтобы поближе ознакомиться со скифами, так как они были одними из первых, кто оказал достойный отпор персам и сумел отстоять свою независимость.

Геродот некоторое время, вероятно несколько месяцев, жил в Ольвии, греческой колонии, располагавшейся на правом берегу Днепро-Бугского лимана. Ольвия к тому времени превратилась в крупный торговый центр, откуда торговые пути шли вглубь скифских земель. В округе Ольвии существовали поселения со смешанным греко-варварским населением. Именно здесь Геродот и рассчитывал получить наиболее полную информацию о скифах и их соседях.

Костяные наконечники стрел, псалии и украшения сбруи, Подгорный. *Кат. 146, 147*

Из сочинения самого Геродота мы узнаем, что его информаторами были местные греки, скифы, в том числе купцы, которые посещали районы за пределами скифской земли. Основываясь на полученных во время пребывания в Ольвии сведениях, а также на данных своих немногочисленных предшественников, прежде всего Гекатея Милетского и Аристея из Проконесса, Геродот создал так называемый «скифский логос», рассказ о скифах, занявший значительную часть четвертой книги «Истории». В этой же книге содержатся сведения и о других народах, живших по соседству со скифами, в частности о савроматах, занимавших территорию к востоку от Дона. Это первый народ, ставший известным под собственным названием в истории нашего края, поскольку по отношению к более раннему времени мы пользуемся только названиями археологических культур, выделенных археологами.

В основе повествования четвертой книги Геродота лежит поход персидского царя Дария I против скифов, состоявшийся между 515 и 512 гг. до н. э. Дарий был выдающимся государственным деятелем Персии, подавившим великую смуту в своей стране и укрепившим громадное Персидское государство. Скифов Дарий решил наказать за их прежнее вторжение в Мидию и 28-летнее владычество в Азии. Он собрал огромную армию, состоящую из 700 тысяч пеших и конных воинов, которых сопровождало 600 кораблей. Переправив эту армию из Малой Азии через Боспор Фракийский в Европу, а затем форсировав Дунай, Дарий вторгся в пределы Скифии. Современные исследователи считают, что число воинов армии Дария завышено Геродотом в несколько раз, тем не менее это, видимо, были крупные силы, поскольку скифы, собрав совет, решили, «что они одни не в состоянии отразить полчища Дария в открытом бою и отправили послов к соседним племенам»[2]. Большинство соседних племен отказало скифам в помощи, мотивировав свой отказ тем, что они никакой обиды персам не наносили, а скифы сами повинны в том, что раньше вторглись на землю персов. Савроматы же согласились помочь скифам и приняли активное участие в военных действиях.

Описывая поход Дария в Скифию, Геродот дает подробную информацию о населении, различных достопримечательностях, географических особенностях, местных преданиях не только этой страны, но и сопредельных территорий,

[1] *Геродот*. История, I.

[2] *Геродот*. IV, 102.

Клык кабана с изображением головы оленя, Калиновка. *ГЭ*

в частности савроматов. По Геродоту, савроматы были восточными соседями скифов, граница между ними проходила по Дону, который он, как и последующие античные авторы, называет Танаисом. «За рекой Танаисом — уже не скифские края, но первые земельные владения там принадлежат савроматам. Савроматы занимают полосу земли к северу, начиная от впадины Меотийского озера, на пятнадцать дней пути, где нет ни диких, ни саженых деревьев. Выше их обитают, владея вторым наделом, будины»[3]. Меотийское озеро — это Азовское море, а его впадина — Таганрогский залив, в который впадает Дон (Танаис). Пятнадцать дней пути — расстояние, примерно равное 540—550 км. Если откладывать это расстояние по направлению нижнего течения Дона, поскольку по представлениям Геродота он тек с севера на юг, то северная граница савроматской земли должна была проходить где-то посередине теперешней территории Волгоградской области, вероятно, севернее Волгограда. Следует иметь в виду, что все эти расчеты приблизительны, так как Геродот не знал реальных размеров территории, занимаемой савроматами. Кроме того, он ничего не говорит о том, насколько далеко территория савроматов распространялась на восток.

В античной литературе савроматы пользовались большой популярностью, о них сочиняли самые невероятные истории. Таковой является версия Геродота о происхождении савроматов. Из его рассказа следует, что савроматы произошли от брака молодых скифов с амазонками, легендарными женщинами-воительницами. Амазонки жили обособленно, занимаясь военными упражнениями и участвуя в походах и битвах. Только раз в году они сходились с мужчинами для продолжения своего рода. Девочек амазонки оставляли у себя, а мальчиков отдавали мужчинам. В древнегреческих преданиях амазонки селились в Малой Азии или на Кавказе.

В древнегреческой мифологии очень популярны были легенды об амазонках. В изобразительном искусстве довольно распространенным был сюжет борьбы греков с амазонками. Такие сцены часто изображались на дорогих вазах, украшали храмы — Парфенон, храм Аполлона в Басах, знаменитую гробницу царя Мавсола в Галикарнасе. Плиний Старший упоминает, что за изготовление статуй амазонок для храма Артемиды в Эфесе соревновались такие известные скульпторы, как Фидий, Поликлет, Кресилай. По преданию, амазонки происходили от грозного и свирепого бога войны Ареса, сына громовержца Зевса. Древние греки в своем мифотворчестве, чтобы показать силу и мощь того или иного героя, сталкивали его с амазонками. С амазонками сражался один из известных героев Греции Беллерофонт, до этого совершивший великий подвиг, убивши чудовище Химеру, но борьба с амазонками для него должна была быть еще большим испытанием. Сам Геракл, совершивший немало великих подвигов, участвовал в битве с амазонками.

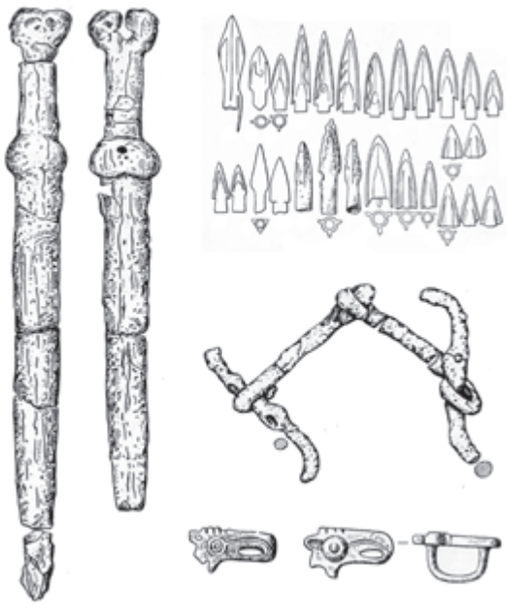
В рассказе о происхождении савроматов речь идет о победоносном сражении греков против амазонок при реке Фермодонте в Малой Азии. Захваченных в плен женщин греки посадили на корабли. В море амазонки сумели перебить стражу, но, не умея управлять кораблями, отдались воле ветра и волн, которые принесли их к Меотийскому (Азовскому) побережью у селения Кремны. Земли эти принадлежали скифам. Захватив табун лошадей, амазонки стали грабить округу. Скифы сначала не могли понять, с кем имеют дело, но после того как в сражении им удалось захватить несколько неприятельских трупов, они, к своему удивлению, обнаружили, что воюют с женщинами. Будучи настоящими мужчинами, скифы прекращают военные действия и понуждают своих юношей вступить с амазонками в брак, чтобы получить воинственное потомство. Путем разного рода ухищрений молодым скифам удается уговорить амазонок выйти за них замуж. Некоторое время они жили вместе на земле скифов. Однако когда встал вопрос об объединении молодых семей с остальными скифами, амазонки воспротивились. Свой отказ они мотивировали тем, что не уживутся со скифскими женщинами, так как не обучены женским работам. Амазонки предложили мужьям взять часть своего наследства у отцов и жить отдельно. С молодыми скифами они переправились через реку Танаис (Дон) и затем три дня шли на восток, после чего повернули на север и прошли еще три дня, после чего остановились и стали здесь жить.

Таким образом, по Геродоту, савроматы, произошедшие от брака скифов с амазонками, должны были обитать где-то в междуречье Волги и Дона. Геродот далее рассказывает, что савроматские женщины вместе с мужчинами и даже без них выезжают верхом на охоту, выступают в походы и носят одинаковую с ними одежду. Весьма интересно следующее заявление отца истории: «Савроматы говорят по-скифски, но исстари неправильно, так как амазонки плохо усвоили этот язык. Что касается брачных обычаев, то они вот такие: девушка не выходит замуж, пока не убьет врага. Некоторые умирают старухами, так и не выйдя замуж, потому что не в состоянии выполнить обычай»[4].

Некоторые подробности к портрету савроматок, свидетельствующие об их родстве с амазонками, добавляет один из трактатов, приписываемый знаменитому древнегреческому врачу и естествоиспытателю Гиппократу, в котором говорится: «Их женщины ездят верхом, стреляют из луков и мечут дротики, сидя на конях, и сражаются с врагами, пока они в девушках; а замуж они не выходят, пока не убьют трех неприятелей... Та, которая выйдет замуж, перестает ездить верхом, пока не явится необходимость поголовно выступать в поход. У них нет правой груди, ибо еще в раннем детстве матери их, раскалив приготовленный именно с этой целью медный инструмент, прикладывают его к правой груди и выжигают, так что она теряет

[3] *Геродот*. IV, 102.

[4] *Геродот*. IV, 117.



Железные мечи, бронзовые наконечники стрел и детали конской узды, Блюменфельд

Зооморфные украшения из кости, Блюменфельд

способность расти, и вся сила и изобилие соков переходит в правое плечо и руку»[5].

В античной литературе имелась и другая версия о происхождении савроматов. Так, например, живший в I в. до н. э. Диодор Сицилийский, использовавший, видимо, источники независимые от Геродота, повествуя о могуществе скифских царей, отмечал: «Этими царями были переселены и многие другие покоренные племена, а самых важных выселения было два: одно из Ассирии в землю между Пафлагонией и Понтом, другое из Мидии, основавшееся у реки Танаис; эти переселенцы назывались савроматами»[6]. В данном случае речь идет о знаменитых походах скифов в VII в до н. э. через Кавказ на Передний Восток и активном их участии в бурных событиях, охвативших этот район. Некогда могущественная Ассирия в это время доживала последние свои дни, уступая лидерство новому государству — Мидии, собственная территория которого располагалась к югу от Каспийского моря. В союзе с Вавилонией и скифами Мидия окончательно разгромила Ассирию и захватила значительную часть ее территории. Но политическая ситуация в этом районе во многом дестабилизировалась присутствием скифов, которые занимались разбоем и грабежами. Геродот говорил, что за 28 лет господства в Азии они «своей наглостью и бесчинством привели все там в полное расстройство»[7]. Мидийцы и их царь Киаксар решили избавиться от скифов, они пригласили многих из них в гости, напоили их и затем перебили. Это событие произошло, видимо, в самом начале VI в. до н. э. и получило название «пир Киаксара». Если есть какая-то достоверность в этом рассказе Геродота, то, вероятно, перебита была значительная часть скифской аристократии, в первую очередь приглашенная на царский пир. Скифы, лишившись большинства своих предводителей, вынуждены были уйти из Азии и обосноваться в Северном Причерноморье. С этими нашедшими большой резонанс в древнем мире событиями и связывает начальную историю савроматов Диодор.

Но кем были савроматы до их переселения скифами из Мидии на Дон, относились ли они к коренному населению самой Мидии? Мидийцы к тому времени вели оседлый образ жизни, а переселенные на Дон савроматы были кочевниками. На этот счет существует интересная гипотеза, не лишенная реального смысла, суть которой заключается в следующем. В походах скифов через Кавказ в пределы Переднего Востока принимали участие и другие группировки кочевников, в том числе и предки будущих савроматов, которые по возвращении назад скифов отделились от них и обосновались в Подонье. Доказательством этого предположения является тот факт, что савроматы, несмотря на то, что находились в глубоком тылу начавшихся военных действий, связанных с вторжением персидского царя Дария I на территорию Скифии, вынуждены были поддержать скифов в этой войне, чувствуя свою сопричастность к обиде, нанесенной персам ранее.

В античной литературе существует и еще одна точка зрения, принадлежащая Плинию Старшему, высказанная в его сочинении «Естественная история», в котором он объединяет обе вышеизложенные версии. Плиний савроматов наделяет эпитетом «женовладаемые», потому что они произошли от амазонок, и в то же время считает их потомками мидян.

[5] *Гиппократ.* О воздухе, водах и местностях. 24.
[6] *Диодор.* Библиотека. II, 43, 6.
[7] *Геродот*. I, 106.

В современной науке происхождение савроматов обычно связывается с местными культурами бронзового века. Бесспорно, что в появлении целого ряда народов раннего железного века в степной полосе Евразии, названия которых нам сохранили письменные источники, определенную роль сыграло обитавшее здесь ранее население бронзового века и в первую очередь то, которое оставило памятники срубной, андроновской и некоторых других культур. Правда, археологическая преемственность между савроматской культурой и предшествующими культурами бронзового века просматривается слабо, что отчасти объясняется значительными изменениями в характере хозяйства, быте в переходный период, а также, видимо, и в этнической структуре прежнего населения. В начале 1-го тыс. до н. э. в степных районах Европы и Азии, как уже отмечалось, происходит окончательный переход населения к кочевым формам скотоводства. Савроматы были уже типичными кочевниками в отличие от населения срубной культуры, ведущего в Нижнем Поволжье оседлый образ жизни. Переселения, военные походы, охватившие значительную часть первой половины 1-го тыс. до н. э., внесли определенные коррективы в этническую карту степных районов Восточной Европы. Начало стабилизации в этом районе приходится на VI в. до н. э. Скифы утверждаются в Северном Причерноморье, Восточное Приазовье и Кубань занимают различные меотские племена, междуречье Волги и Дона и заволжские районы — савроматы, восточнее них в Приуралье и на территории современного Западного Казахстана обосновываются, вероятно, исседоны и дахи.

В антропологическом отношении савроматы были европеоидами, в языковом, так же как и скифы, относились к обширному кругу ираноязычных народов, населявших в раннем железном веке евразийские степи. Однако, несмотря на то, что письменная традиция упорно считает савроматов родственниками скифов, современная наука не подтверждает непосредственного генетического родства между ними. Антропологические исследования краниологических серий скифов и савроматов свидетельствуют о наличии между ними морфологических различий. Скифы в большей мере близки своим предшественникам в Северном Причерноморье — населению срубной культуры бронзового века. Савроматы по соответствующим антропологическим характеристикам в большей мере родственны населению Западной Сибири, Казахстана, Минусинской котловины, в формировании которого ведущую роль играли андроновская и близкие ей культуры. Таким образом, савроматы оказываются в большей мере родственниками таких народов, своих современников, как саки, массагеты, дахи, проживающие к востоку от Каспия.

В отношении археологических памятников савроматской культуры создается впечатление, что в Нижнем Поволжье они появляется со средины VI в. до н. э. Представлены они в основном захоронениями под курганными насыпями, что является весьма специфичным для кочевых культур раннего железного века. Одной из ярких черт погребальных комплексов савроматской культуры является ярко выраженный воинский характер, наличие в них предметов вооружения: мечей, бронзовых наконечников копий, железных наконечников копий. Осуществлявшиеся подсчеты свидетельствуют, что даже в 20% женских погребений имелось вооружение и конская сбруя, что в некоторой степени подтверждает воинственность савроматских женщин, по данным письменных источников. В самостоятельную политическую силу савроматы превращаются только после возвращения скифов из переднеазиатских походов, когда они закрепляют за собой указанные выше районы. С этого времени они начинают упоминаться на страницах сочинений античных авторов. Такая версия появления савроматов на политической арене древнего мира лучше всего согласуется как с письменными источниками, тесно связывающими на ранних этапах своей истории савроматов со скифами, так и с археологическими данными.

Савроматы упоминаются в различных крупных событиях того времени. Они приняли участие в войне на стороне скифов против персидского царя Дария I. Савроматские воины присоединились к отряду скифского царя Скопасиса. Объединенный отряд скифов и савроматов избрал тактику отступления, ведь у кочевников не было ни поселений, ни городов, которые следовало бы защищать, а отступая, они тем самым изматывали силы противника. Отходя перед движущейся армией персов, они достигли Танаиса и переправились через него, попав на территорию собственно савроматов, пройдя через которую, достигли земли будинов, которых обычно поселяют на Среднем Дону. Вслед за скифами и савроматами двигалась армия персов. Если дословно следовать рассказу Геродота, то скифы, савроматы и преследующие их персы, переправившись через Танаис (Дон) и двигаясь в сторону будинов, непременно должны были пройти по территории современной Волгоградской области. Современные историки считают эти сведения Геродота нереальными. По подсчетам, исходя из сведений Геродота, персы, преследуя скифов, должны были пройти расстояние не менее 5000 км. Учитывая, что в распоряжении

Бронзовое зеркало, Аксеновский. *ГЭ*

Бронзовое зеркало с ручкой, Аксеновский. *ГЭ*

Меловая антропоморфная фигурка, Вертячий. *Кат. 152*

Глиняный лепной сосуд с зооморфным изображением, Царев. *Кат. 156*

Железный меч, Вертячий. *Кат. 151*

Вверху слева направо:
Костяная ложечка, Вишневка. *Кат. 158*

Бронзовая бляха с зооморфным изображением, Аксай I. *Кат. 149*

Костяное навершие в виде головы хищника, Короли. *Кат. 150*

персов на весь поход было два месяца, в день их армия должна была проходить более 80 км. Из многочисленных примеров истории военного дела древности и средневековья известно, что ни одна армия в то время с такой скоростью двигаться не могла. Хорошо обученное, мобильное римское войско обычным шагом за сутки могло пройти около 30 км, а ускоренным шагом — немногим более 35 км. Скорость армии в древности зависела от численности, чем больше ее состав, тем медленнее скорость передвижения. Необходимы были дни, отводимые для отдыха, запаса провианта, ремонта снаряжения и транспорта. Следует также учитывать, что персидской армии надо было форсировать ряд крупных рек Восточной Европы и множество мелких. На все это должно было уходить много времени. Реально скорость передвижения персидской армии была примерно в три-четыре раза ниже той, которая предполагалась по рассказу Геродота. Таким образом, персы могли достигнуть только одного из пунктов на территории самих скифов, какого именно, в этом отношении у исследователей нет единого мнения. До савроматских земель, как и Дона, персы навряд ли дошли.

Савроматы, как уже указывалось, занимали земли в междуречье Нижней Волги и Дона, им же принадлежали и степные районы Заволжья. Об этом свидетельствует сходство погребальных памятников этих районов в рамках единой археологической культуры. Савроматы вели кочевой образ жизни. Постоянных мест их проживания в виде поселений или городищ не известно. От савроматов сохранились только погребальные памятники — курганы. Всего на территории Нижнего Поволжья к настоящему времени исследовано более трехсот савроматских подкурганных погребений. Обычно в них находят, кроме уже упоминавшегося вооружения, глиняную лепную посуду, бронзовые зеркала, различные украшения, предметы искусства, выполненные в так называемом «зверином стиле».

Большую известность получили раскопки одного из савроматских курганов в районе с. Блюменфельд (ныне Цветочное) Старополтавского района известным археологом Б. Н. Граковым в 1925 г. Под насыпью среднего по размерам кургана, высота которого 1,60 м, получившего номер А12, была обнаружена большая прямоугольная могильная яма, имевшая размеры 5,40 м в длину, 4,90 м в ширину и 3,25 м в глубину, оказавшаяся частично ограбленной в более раннее время. На дне ямы в непотревоженном состоянии обнаружено два мужских скелета, головами положенные на ЗЮЗ. Кроме того, в ограбленной части ямы были найдены разрозненные кости, по крайней мере еще от двух погребенных, мужчины и ребенка. С двумя мужскими костяками находился разнообразный набор вооружения — железные мечи, три копья с железными наконечниками, бронзовыми наконечниками стрел. У двух наконечников копий имелись костяные футляры, на одном из них была изображена стилизованная голова волка. Рядом с одним из мечей находился клык кабана, украшенный резным изображением головы хищника, возможно, волка с оскаленной пастью. Стрелы раньше находились в колчанах, которые не

сохранились. В одном колчане было 145 наконечников стрел, в другом — 102. Кроме того, здесь же были найдены три экземпляра конской узды с удилами и псалиями, остатками ремней. Уздечки, видимо, украшались клыками кабанов с изображениями в зверином стиле, которые находились вместе с ними. На остатках ремней от уздечек были найдены бронзовые обоймочки с изображениями головок грифонов. Представляют интерес два костяных навершия, одно выполнено в виде головки кабана, на другом изображена фигурка лежащего животного, напоминающего верблюда.

Дата описанного погребения из кургана А12, конец VI — первая половина V в. до н. э., была определена по обнаруженному в нем вещевому материалу, находящему аналогии в скифских памятниках соответствующего времени. Это было одно из первых открытий на территории Волгоградской области достаточно яркого погребального памятника савроматского времени. Б. Н. Граков памятники аналогичного времени, происходящие из Волго-Уральского региона, объединил в одну культуру, которую назвал блюменфельдской.

Название «Царские могильницы» получили курганы, располагавшиеся у с. Горная Пролейка нынешнего Дубовского района. Их насыпи были сложены из дикого камня местного происхождения. Среди них своими размерами выделялись два кургана. Их каменные насыпи были окружены кольцами, также выложенными из камня в три слоя шириной до 3 м. Между насыпями и кольцами находилось пустое пространство от 14 до 16 м шириной. Камень из курганов выбирался местным населением для строительных нужд. Еще в начале XX в., по данным Ф. В. Баллода, высота одного их них равнялась 3,5 сажен (более 7 м). Рядом с большими курганами располагались курганы гораздо меньших размеров, также сложенные из камня. Шесть курганов в этой группе были раскопаны саратовским археологом И. В. Синицыным во второй половине 40-х гг. прошлого века. Курганы оказались ограбленными в более раннее время. В них были обнаружены разрозненные вещи: бронзовое зеркало, бронзовые наконечники стрел, фрагменты глиняной посуды. Эти находки позволили отнести сооружение этих курганов к V в. до н. э. и, таким образом, определить их принадлежность к савроматскому времени.

Хорошо известны савроматские древности Есауловского Аксая. Аксай Есауловский — это небольшая речка, левый приток Дона, протекающая в основном в Октябрьском районе. По водоразделам, окаймляющим пойму этой речки, расположено большое количество одиночных курганов, курганных групп и могильников, зачастую насчитывающих по нескольку десятков курганов. Значительная их часть относится к эпохе раннего железного века. Среди них имеются и курганы, оставленные савроматами.

Крупный могильник савроматского времени, состоящий из 38 курганов, был раскопан в 1966 г. экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством В. П. Шилова. Он располагался на высокой террасе правого берега Есауловского Аксая напротив хут. Дорофеевского, который находился на левой стороне реки. По месту расположения курганов могильник получил название Аксеновского. Могильник включал курганы с каменной наброской от небольших, едва заметных на вспаханном поле, до монументальных сооружений

Бронзовый котел, Гусевка II. *Кат. 153*

Мечи железные, Аксеновский. *ГЭ*

Вверху слева:
Бронзовые детали конской узды, Гусевка II. *Кат. 154, 155*

Бронзовые наконечники стрел, Вишневка. *Кат. 157*

высотой до 4 м и диаметром 50 м, окруженных кольцевыми оградами из природного камня (песчаника) диаметром около 150 м. Почти все погребения в курганах оказались не ограбленными.

Под большинством курганов находилось по одной могильной яме с одним погребенным. В кургане под № 15 в большой широкой прямоугольной яме было погребено пять человек. В мужских захоронениях обнаружен большой набор вооружения, представленный серией железных мечей, железными наконечниками копий, бронзовыми и железными наконечниками стрел. В женских погребениях чаще находились бронзовые зеркала, стеклянные бусы. Кроме того, в отдельных погребениях находились глиняные лепные горшки. Практически во всех погребениях как элемент погребального ритуала находились кости овцы и лошади.

В 1976 г. той же экспедицией в 3 км к западу от Аксеновского могильника, на том же правом возвышенном берегу Есауловского Аксая, была раскопана еще одна аналогичная группа курганов, получившая название Второй Аксеновский могильник. В группе было раскопано 26 курганов, ряд из которых относился к савроматскому времени. Наиболее интересные находки в них были представлены железными мечами и бронзовыми наконечниками стрел.

В 1997 г. в Октябрьском районе у с. Аксай археологическая экспедиция Волгоградского государственного университета раскопала савроматское погребение. В прямоугольной яме находился скелет подростка 12—13 лет, головой ориентированный на запад. Была обнаружена великолепная античная амфора, украшенная по тулову двумя симметрично расположенными цветками лотоса и по горлу меандровым орнаментом, нанесенными красной краской. Амфора датируется второй половиной VI в. до н. э. У левой руки погребенного находилась бронзовая пряжка, выполненная в виде трех соединенных с центральным кругом голов грифонов. В центральном круге изображен свернувшийся хищник. Эта находка представляет собой прекрасный образец искусства кочевников скифского времени, получившего название «звериный стиль». Вместе с этими находками в погребении обнаружены клык, видимо волка, с отверстием для подвешивания, железный кинжал, 14 бронзовых и несколько железных наконечников стрел, лепной горшок.

Весьма представителен список савроматских погребальных памятников Заволжья. Одиночные погребения савроматской культуры разбросаны по многим районам Волгоградской области. Целая их серия была исследована в Заволжье во время строительства Волжской ГЭС отрядами Сталинградской археологической экспедицией, руководимыми И. В. Синицыным, К. Ф. Смирновым, В. П. Шиловым, в период с 1951 по 1955 г. В районе сел Бережновка, Черебаево, Потемкино — 66 погребений; у с. Быково — 20; у с. Иловатка — 3, с. Политотдельского — 9, с. Калиновка — 5 погребений. Все они датируются преимущественно VI—IV вв. до н. э.

В 1975 г. Приволжским отрядом ЛОИА АН СССР под руководством В. И. Мамонтова у с. Царев на левом берегу Ахтуба в насыпи кургана № 23 было обнаружено погребение-кенотаф с бронзовыми наконечниками стрел и четырьмя лепными сосудами. На одном из них виден прочерченный острием схематический рисунок. Тем же отрядом в 1987 г. у с. Вишневка Палласовского района в насыпи кургана эпохи бронзы было открыто погребение взрослого человека и ребенка с напутственной пищей в виде тушки барана. Находки представлены железным кинжалом, бронзовыми наконечниками стрел, лепным сосудом, костяной ложечкой, оселком и ножом.

Наиболее характерными чертами погребальных памятников савроматской культуры являлось сооружение как отдельных курганов для захоронения умерших, так и погребение в более ранних курганах, относящихся к эпохе бронзы. Погребенных клали в прямоугольные ямы чаще головой в западный сектор, реже в противоположный — восточный. Вместе с погребенным помещали части туш мелкого или крупного рогатого скота, лошади. Еще одной часто встречаемой деталью погребального обряда являлось возведение костра над могилой еще до сооружения курганной насыпи. Следы таких костров часто фиксируются во время раскопок курганов савроматского времени.

В мужских захоронениях обычно встречается оружие — чаще всего бронзовые трехлопастные втульчатые наконечники стрел. Это свидетельствует о том, что лук со стрелами был одним из наиболее распространенных видов оружия у савроматских воинов. Встречаются железные мечи и наконечники копий.

В женских погребениях обычно встречаются бусы, бронзовые зеркала, бронзовые серьги. В погребениях обеих полов часто присутствует грубая лепная глиняная посуда.

Известны памятники этого времени и в пределах Волгограда. Одно савроматское погребение было открыто в районе Винновки, другое в 3 км к западу от железнодорожной станции Бекетовка, на краю Ергенинской возвышенности. Последнее обнаружено в кургане, сооруженном в бронзовом веке. В почти квадратной яме 2,13 на 2 м, глубиной 0,57 м находились два скелета человека, положенные вытянуто, головой на запад с небольшим отклонением к югу. Один скелет принадлежал взрослому человеку, другой — подростку. Вместе с ними найдено несколько десятков бронзовых втульчатых трехлопастных наконечников стрел. Кроме того, здесь же находилось большое число костей от частей туш овцы и лошади, положенных в качестве напутственной пищи. Вероятно, савроматским было погребение, разрушенное в 1926 г. при возведении дамбы для линии трамвая на правом берегу Ельшанского оврага, в нем было найдено до сорока трехперых бронзовых наконечников стрел и небольшой глиняный сосуд. Известны савроматские захоронения и в ближайших к городу районах. Так в 1971 г. в районе пос. Котлубань отрядом Волго-Донской археологической экспедиции под руководством А. С. Скрипкина был раскопан курган, под которым

находилось савроматское погребение в яме подпрямоугольной формы. Над погребальной ямой в ритуальных целях был возведен мощный костер, от которого сохранилось большое количество золы и сильно прокаленная земля. С погребенным находился колчан, изготовленный из кожи, в виде овального пенала, заполненный стрелами с бронзовыми наконечниками.

Кроме перечисленных памятников, савроматские захоронения были обнаружены в районе хут. Вертячий Городищенского района, пос. Короли Новоаннинского района, с. Гусевка Ольховского района, в которых найдены бронзовые котлы, конская упряжь, оружие и предметы, выполненные в зверином стиле.

Как уже не раз отмечалось, одним из ярких археологических признаков савроматской культуры является частое обнаружение в погребальных комплексах предметов вооружения — железных мечей и бронзовых наконечников стрел. Наконечники стрел, а иногда и мечи тех же типов, что встречаются в погребениях, находят в различных местах нашей области случайно вне погребений, что еще раз свидетельствует об обитании здесь некогда воинов-кочевников, отождествляемых с легендарными савроматами.

САРМАТЫ

В IV—III вв. до н. э. в Донских и Поволжских степях происходят изменения этнополитического характера. В греческих письменных источниках на правобережье Дона упоминаются сирматы, а на землях к востоку от Дона, где раньше жили савроматы, начинают упоминаться сарматы, которые со II в. до н. э. превращаются в мощную военно-политическую силу на северо-восточной периферии античного мира. Они вытесняют скифов из Северного Причерноморья и к рубежу эр выходят к границам Римской империи в Подунавье. Этноним «сарматы» становится общим названием для многих кочевых народов, населявших огромную территорию от Южного Урала до Дуная. Среди них греко-латинские авторы называли отдельные племена или племенные союзы: аорсов, сираков, язигов, роксоланов, аланов и других.

Археологи выделяют три хронологически последовательные сарматские археологические культуры: раннесарматскую (IV—I вв. до н. э.); среднесарматскую (I — первая половина II в. н. э.) и позднесарматскую (с середины II по IV в. н. э.). Поскольку сарматы были кочевниками и оставили только погребальные памятники, каждая из названных культур определяется особенностями погребального обряда и типами ведущих категорий вещественного материала, находившегося в погребениях. В становлении каждой из сарматских культур существенную роль играли миграции, которые периодически охватывали евразийское степное пространство.

С раннесарматской культурой связаны такие проблемы, как становление, появление и содержание этнонима «сарматы», на заключительном ее этапе — отождествление археологических памятников в разных районах с отдельными сарматскими группировками, известными по письменным источникам.

Сарматы, так же как и их предшественники савроматы, говорили на различных диалектах древнеиранского языка. Основа этого языка, претерпев со временем многие изменения, сохранилась у современных осетин на Северном Кавказе.

Сарматы были типичными кочевниками, быт которых римский историк IV в. н. э. Аммиан Марцеллин описывает следующим образом: «Нет у них шалашей, никто из них не пашет; питаются они мясом и молоком, живут в кибитках, покрытых согнутыми в виде свода кусками древесной коры, и перевозят их по бесконечным степям. Дойдя до богатой травой местности, они ставят свои кибитки в круг и кормятся, как звери, а когда пастбище выедено, грузят свои города на кибитки и двигаются дальше»[8]. Для Аммиана Марцеллина, римского аристократа, образ жизни кочевников уподоблялся звериному. Но кочевой мир — это совершенно иная культура, оценки ее с позиции другой ментальности неприемлемы. О том, что кочевые сообщества достигали высокого уровня культурного развития, свидетельствует тот факт, что соседние земледельческие

Медный котел, Жутово. *Кат. 159*

Железный меч, Киляковка. *Кат. 180*

Бронзовые наконечники стрел, Лятошинка. *Кат. 181*

[8] *Аммиан Марцеллин.* Деяния. XXXI, 2, 18.

Золотые обкладки сосуда, Жутово. *Кат. 171*

цивилизации не только оказывали влияние на их культуру, но и сами многое заимствовали у них, в частности в военном деле, искусстве и даже мировоззрении.

Раннесарматский период. В письменных источниках, датируемых IV в. до н. э., как уже отмечалось выше, появляется новое название народа «сирматы», обосновавшегося на Дону. Весьма лаконичные сведения о них имеются у Скилака Кариандского и Эвдокса. Скилак, уроженец малоазийского г. Карианд, современник Дария I, был известным путешественником. Сочинение «Описание моря, прилегающего к населенной Европе, Азии и Ливии» на самом деле, как полагают исследователи, ему не принадлежит. Скорее всего, оно было написано неизвестным автором позднее, во второй половине IV в. до н. э. В этом сочинении, посвященном описанию Европы, приведены следующие сведения: «Сирматы. (За скифами сирматы) народ и река Танаис, (которая) составляет границу Азии и Европы» и далее в разделе об Азии говорится: «Савроматы. От реки Танаис начинается Азия, и первый народ ее на Понте — савроматы. Народ савроматов управляется женщинами»[9]. Таким образом, между савроматами и скифами, которые ранее были непосредственными соседями, появляются сирматы, заняв правобережье Дона. В сочинении Эвдокса, как полагают, написанном около 370—365 гг. до н. э., сведения о сирматах еще более кратки: «Вблизи Танаиса живут сирматы»[10]. Существует мнение, что к IV в. до н. э. относятся и первые упоминания о сарматах. Оно основано на предположении, что Эфор, известный автор, живший в IV в. до н. э., уже знал сарматов. Однако труд Эфора не сохранился и прямых свидетельств об упоминании в нем сарматов нет. Дискуссионным является и предположение, что географическое название «Сарматия» появляется в сочинениях Гераклида Понтийского (390—310 гг. до н. э.) в связи с описанием озера с неприятным запахом, находящегося якобы в Сарматии, которое не может перелететь ни одна птица. Сочинения Гераклида также не дошли до нашего времени, и о том, что он знал область под названием «Сарматия», свидетельствуют его наиболее поздние комментаторы, в частности Антигон Каристский, живший в III в. до н. э. Однако Антигон мог отразить реалии своего времени, когда сарматы действительно были известны греческим литераторам. К тому же существуют другие авторы — Исигон Никейский, Сотион, жившие и писавшие в I в. до н. э., которые утверждают, что упомянутое выше озеро Гераклид помещал в земле савроматов. Таким образом, источники, претендующие на упоминание о сарматах в IV в. до н. э., не отличаются достаточной объективностью, что не позволяет использовать их при доказательстве обозначенной проблемы. Пожалуй, одно из первых достоверных упоминаний об области «Сарматии» содержится в сочинении ученика Аристотеля Теофраста. Теофраст приводит рассказ о странном животном тарандре, сочетающем в себе черты других животных и способном менять свой цвет, «которое, как говорят, водится в Скифии или Сарматии»[11]. Из рассказа Теофраста следует, что область Сарматия соседствовала со Скифией. Учитывая тот факт, что древние земли сарматов располагались к востоку от Скифии, следовательно, и Сарматия как область обитания сарматов примыкала к Скифии с той же стороны.

Одно из первых упоминаний о собственно сарматах мы находим в сочинении безымянного автора «Землеописания», ранее приписываемом Скимну Хиосскому, жившему в III—II вв. до н. э. Впоследствии это мнение было опровергнуто, и сейчас считается, что упомянутое сочинение было написано около 90 г. до н. э. В нем со ссылкой на Деметрия Каллатийского, писавшего на рубеже III—II вв. до н. э., говорится следующее: «На Танаисе, который служит границей Азии, разделяя материк на две части, — первыми живут сарматы, занимая пространство в 2000 стадий, за ними, по словам (писателя) Деметрия, следует меотийское племя, называемое язаматами, а по Эфору оно называется племенем савроматов»[12]. Танаис (Дон) издревле в античной литературе считался границей Европы и Азии. Из приведенного выше фрагмента следует, что сарматы должны были занимать азиатскую часть территории, прилежащей к Дону с востока. Территория эта измерялась 2000 стадий — расстояние несколько менее 400 км. Из сообщения, правда, неизвестно, в каком направлении его следует отмерять. Да, видимо, эта процедура и не имеет смысла, поскольку в то время античные авторы имели весьма слабое представление обо всех деталях этнической ситуации в этом отдаленном районе. Главное здесь — упоминание о новом объединении кочевников к востоку от Дона, называвшихся сарматами.

В научной литературе нет единого мнения о происхождении сирматов и их отношении к савроматам и сарматам. Одни исследователи считают, что сирматы — это наиболее западная поздняя группировка савроматов, другие связывают с сирматами продвижение нового населения на правый берег Дона из Заволжья и Приуралья, носителей савроматской культуры этих мест. Существует и более сложная реконструкция появления сирматов на Дону, по которой носители данного этнонима вышли из среднеазиатской дахо-массагетско-сакской среды. Она основана на упоминании Плинием сирматов к востоку от Окса (Амударья). Среднеазиатские сирматы приняли участие в формировании раннесарматской культуры Южного Приуралья и затем в миграции ее на запад в первой половине IV в. до н. э., принеся свое название на Дон.

Определенное понимание этнических изменений в волго-донских степях с IV в. до н. э. дает археологический материал. С этого времени здесь появляются захоронения кочевников с новыми деталями погребального обряда и новыми типами вещей. Погребальный обряд, как извест-

[9] *Скилак Кариандский.* Описание моря, прилегающего к населенной Европе, Азии и Ливии. 68, 70.

[10] *Эвдокс.* Землеописание. Фр. кн. I.

[11] *Теофраст.* О водах. Фр. 172.

[12] *Псевдо-Скимн.* Землеописание. 874—885.

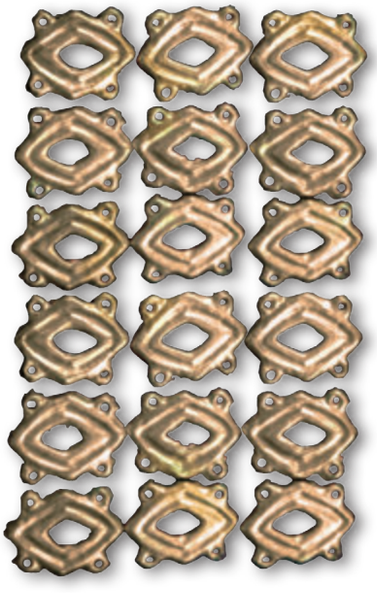
но, несет этническую нагрузку, отражая традиции и культуру того или иного народа. Если в савроматское время преобладала ориентировка погребенных головой на запад или восток, то с IV в. до н. э. все больше начинает распространяться южная ориентировка. Появляются так называемые «диагональные» погребения, когда умерший помещался по диагонали квадратной ямы, а также дромосные погребальные ямы, имеющие узкий вход со стороны. Начинают встречаться круглодонная керамика с примесью талька в тесте, мечи со сломанным под углом или дуговидным перекрестием и некоторые другие вещи, которые, так же как и новые элементы погребального обряда, находят ближайшие аналогии к востоку от Поволжья в памятниках раннего железного века Южного Приуралья.

В 1983 г. Заволжская экспедиция ВГПИ, исследуя курганную группу к северу от берега соленого озера Эльтон, раскопала курган 10, сооруженный в эпоху бронзы, в насыпи которого по кольцу впущены сарматские погребения со всеми атрибутами приуральских комплексов IV в. до н. э. — диагональным положением покойника, тальковой керамикой, оружием, элементами портупейного набора.

В Приуралье к IV в. до н. э. сформировалась достаточно мощная группировка кочевников, о чем свидетельствуют известные крупные курганные могильники, располагающиеся на территории Оренбуржья и Западного Казахстана. О военно-политическом могуществе этих кочевников свидетельствуют исследованные во второй половине 80-х гг. прошлого века и в начале нынешнего Филипповские курганы в Оренбургской области, среди которых выделяется курган № 1. По предположению археологов, его первоначальная высота равнялась 15—20 м. Несмотря на ограбление, в нем было найдено большое количество золотых вещей, являющихся великолепными памятниками искусства той эпохи. Престижные вещи, определяющие высокий статус погребенных, были найдены и в других курганах могильника.

Совпадение по времени появления в письменных источниках нового этнонима «сирматы» и вышеназванных инноваций в археологическом материале позволяет считать эти явления взаимосвязанными. С определенной долей вероятности можно предположить продвижение южно-уральских кочевников в Поволжье и на Дон, которое началось, скорее всего, в первой половине IV в. до н. э. Местное савроматское население частично вошло в состав нового племенного объединения, о чем свидетельствует сохранение ряда черт его культуры в погребальных памятниках IV в. и даже первой половины III в. до н. э., другая часть вынуждена была отойти в северокавказские степные районы.

Вопрос о связи между сирматами и сарматами пока остается дискуссионным. Мнение о том, что название «сирматы» представляет собой искаженный первыми



Серебряные фалары, Жутово. *Кат. 160—163*

Вверху слева:
Золотые нашивные бляшки, Жутово. *Кат. 164*

Золотые обкладки сосуда, Вертячий.
Кат. 172

Вверху справа:
Золотая обкладка ритона, Вертячий.
Кат. 172

информаторами этноним «сарматы», является предположительным. Во-первых, потому, что этноним «сирматы» обладал определенной устойчивостью, он упоминается в сочинениях нескольких античных авторов. Во-вторых, этноним «сарматы» начинает употребляться несколько позже, чем «сирматы», видимо, с III в. до н. э. Интересную картину в плане рассматриваемой проблемы дает анализ археологических памятников IV—III вв. до н. э. Погребальные комплексы IV в. характеризуются сочетанием старых скифо-савроматских и новых черт, которые получают дальнейшее развитие в III в. и приводят к окончательному формированию раннесарматской культуры. Именно к III в до н. э., по крайней мере в Поволжье, устанавливается полное господство южной ориентировки погребенных; стандартный набор типов могильных ям с преобладанием прямоугольных удлиненных и подбойных форм, широко распространяются мечи и кинжалы с серповидным навершием, бронзовые зеркала с валиком по краю, глиняная посуда, украшенная вертикальными пучками линий, и целый ряд других категорий вещей, ставших типичными для раннесарматской культуры. Таким образом, археологическую культуру IV в. до н. э. Волго-Донского региона условно можно назвать сирматской, а с III в. до н. э. сарматской. Отмечавшаяся преемственность между этими двумя культурными хронологическими пластами в определенной мере может свидетельствовать и о преемственности их создателей.

Антропологические исследования на основе краниологического материала дали следующие результаты: кочевое население волго-донских степей IV—III вв. до н. э. своим происхождением преимущественно связано с восточными районами Приуралья, особенно с кочевым населением бассейна Илека, и Приаральем. Их предками могло быть население, оставившее памятники карасукской культуры Сибири и андроновской культуры бронзового века Казахстана. По своим антропологическим характеристикам сирмато-сарматское население было близко предшественникам — носителям савроматской археологической культуры, что, видимо, объясняется общей родословной. Предположительно антропологический облик кочевого населения раннесарматского времени первоначально сложился в Южном Приуралье. Возможно, эпицентром этого процесса был район Илека, левого притока Урала, затем оттуда это население распространилось на Волгу и Дон. В Волго-Донском регионе не исключается участие скифского компонента в формировании раннесарматского населения.

Совпадение выводов, основанных на археологических и антропологических материалах, позволяет достаточно убедительно утверждать, что появление в волго-донских степях сарматов было связано с миграцией кочевников из районов Южного Приуралья. Возможно, что наиболее ранняя группировка этих кочевников носила название сирматов. Так или иначе, сирматы стали прологом появления сарматов, на долгие времена определивших политическую ситуацию в восточно-европейских степях.

Сарматов не следует считать прямыми потомками савроматов, которых описал Геродот, несмотря на созвучие этнонимов. Местом формирования савроматов, как уже отмечалось, были районы волго-донского междуречья, а местом оформления основного ядра сарматов — Южное Приуралье. У тех и других во многом были общие предки, а впоследствии часть савроматского населения вошла в состав новых этнополитических объединений, возглавляемых сарматами. Все эти нюансы

не были известны античным историкам, и они зачастую не видели различия между савроматами и сарматами, употребляя эти названия как равнозначные.

Видимо, уже в IV в. до н. э. начинают изменяться взаимоотношения между скифами и новой группировкой кочевников, появившихся на Дону и в Поволжье. Если ранее с савроматами они были союзническими, то теперь становятся враждебными. Возможно, к этому времени относится упоминание о начавшихся военных стычках скифов с кочевниками, которые по традиции называются савроматами, содержащееся у Лукиана Самосатского — греческого писателя, жившего во II в. н. э., в его сочинении «Токсарид, или Дружба», носящем морализирующий характер. Лукиан от лица скифа Токсарида приводит следующие сведения: «Пришли на нашу землю савроматы в числе десяти тысяч всадников, пеших же, говорят, пришло в три раза больше. Так как они напали на людей, не ожидавших их, то и обратили всех в бегство, что обыкновенно бывает в таких случаях; многих из способных носить оружие они убили, других увели живьем...»[13]. Диодор Сицилийский, автор I в до н. э., передавший сюжет о переселении скифскими царями из Мидии на Танаис савроматов, отметил, что «эти последние много лет спустя, сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню»[14]. Для Диодора не имели существенного значения нюансы этнической структуры кочевников, восточных соседей скифов, он их по-прежнему называет савроматами.

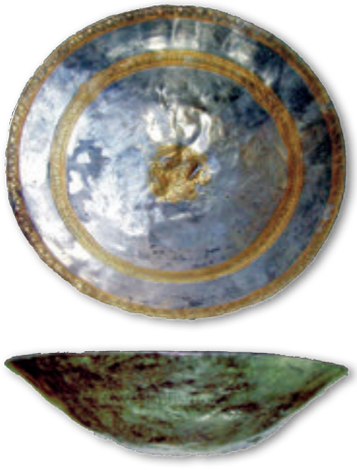
Археологические исследования в Северном Причерноморье свидетельствуют о масштабных погромах на значительной части его территории. Дестабилизация в этом районе наступает, видимо, со второй половины IV в. до н. э. Об этом, в частности, свидетельствует активная строительная деятельность, связанная с возведением оборонительных сооружений на Елизаветовском поселении, располагавшемся в дельте Дона и являвшемся крупным торгово-экономическим центром на северо-восточной окраине Боспорского царства. Возведение, затем срытие и вновь сооружение оборонительных стен на этом городище, приходящиеся на вторую половину IV в. до н. э., свидетельствуют о напряженной ситуации на Нижнем Дону в это время, вызванной, скорее всего, появлением новой группировки кочевников. Окончательный удар по Скифии сирматы-сарматы наносят в начале III в. до н. э., завершив свой погром в 70—60 гг. этого века. Об этом свидетельствует прекращение сооружений скифских курганов в степных районах Северного Причерноморья, а также гибель большинства эллинских и варварских поселений дельты Дона, Европейского Боспора, Северо-Западного Крыма, Нижнего Поднепровья, Побужья и

Золотая обкладка ножен меча, Жутово. *Кат. 166*

Вверху слева:
Парадные мечи. *Кат. 165—168*

[13] *Лукиан Самосатский.* Токсарид, или Дружба, 39.

[14] *Диодор Сицилийский*. Библиотека, II, 43, 7.



Бронзовое зеркало с золотой обкладкой ручки, Майеровский

Золотые перстни, Майеровский

Чаша, Майеровский

Вверху справа:
Золотые серьги, Майеровский

Поднестровья. Масштабность этой военной акции подтверждается и массовыми разрушениями в лесостепной Скифии, что прослежено по материалам раскопок городищ Семилукского на Верхнем Дону, Коломакского на Ворскле и Кнышевского в верховьях Псла. Следы пожаров здесь сочетались с большим количеством убитых жителей этих городищ, захороненных наспех или не захороненных вообще, в ряде случаев с застрявшими в костях наконечниками стрел. Синхронность этих событий в южных и северных районах Скифии вызвана была одной причиной — военной активизацией сарматов. Некоторые исследователи предполагают участие в этих военных событиях кочевников Прикубанья. Не отрицая такой возможности, хотелось бы обратить внимание на такой факт, как ярко выраженный дружинный характер погребальных памятников IV в. до н. э. Волго-Донского региона. Здесь известна целая серия погребений этого времени с полным набором вооружения: мечи, колчаны со стрелами, копья. Это была мощная группировка кочевников, которая имела неограниченные резервы в лице заволжских и приуральских родственников. Она-то, по всей вероятности, и сыграла решающую роль в судьбе Скифии.

После этих событий сарматы не сразу осваивают территорию бывшей Скифии. Возможно, в течение какого-то времени Северное Причерноморье становится нестабильной в военно-политическом отношении зоной. Некоторые исследователи причину этой нестабильности видят в столкновении здесь интересов сарматов и кельтов. Возможно, первоначально какая-то часть земель бывшей Скифии контролировалась сарматами и использовалась в качестве своих кочевий. Родовые же могильники могли оставаться на старых их территориях. Сарматские курганы в Северном Причерноморье появляются во II в. до н. э. и свидетельствуют об окончательном его освоении, по крайней мере между Доном и Днепром. С этого времени сарматы превращаются в одну из ведущих военно-политических сил на северо-восточной окраине античного мира.

Возрастает их международный авторитет. У известного античного историка Полибия есть упоминание о заключении договора ведущего войны за расширение своего государства понтийского царя Фарнака I с правителями Армении, Пергама, Вифинии, Каппадокии, с рядом городов Черноморского побережья, а также с Гаталом — царем европейских сарматов.

Видимо, ко времени утверждения сарматов в Северном Причерноморье относится рассказ Полиена, автора II в. н. э., о сарматской царице Амаге. Она была женой сарматского царя, отстранившегося от дел, которыми он должен был заниматься по должности, и предавшегося роскоши и пьянству. Всем занималась Амага, «чинила суд и расправу, сама расставляла гарнизоны в своей стране, отражала набеги врагов и помогала обиженным соседям»[15]. Слава о ней разнеслась по всей Скифии. К ней за помощью обратились жители города Херсонеса, обижаемые крымскими скифа-

[15] *Полиен.* Военные хитрости, VIII, 56.

ми. Амага отправила скифскому царю послание с приказанием прекратить набеги на Херсонес, но скифы не послушались ее. Тогда Амага из числа своих воинов «выбрала 120 человек, сильнейших душой и телом»[15], каждому дала по три лошади и, проскакав с ними за сутки 1200 стадиев (более 200 км), неожиданно для скифов ворвалась во дворец их царя, убила его и находившихся с ним родственников и друзей. Царскую власть в Крыму над скифами она передала сыну убитого царя, «приказав ему править справедливо и, помня печальную кончину отца, не трогать соседних эллинов и варваров»[15].

К рубежу эр сарматы выходят к границам Римской империи по Дунаю, на протяжении нескольких веков принимая активное участие в разного рода политических событиях в Центральной Европе. С этого времени сарматы постоянно находятся в поле зрения римской администрации, сведения о них гораздо чаще появляются на страницах сочинений разных авторов той эпохи. Они занимают огромную степную территорию, простирающуюся от Южного Урала до Дуная. Со II в. н. э. в античных сочинениях территория Сарматия подразделяется на Азиатскую и Европейскую, граница между которыми проходила по Танаису (Дону).

Сарматы, как уже отмечалось, не являлись единым народом, это собирательное название для кочевников, освоивших вышеуказанную территорию. С рубежа эр античные авторы начинают различать и отдельные группировки, называя их собственными именами. Одним из первых такие сведения передает известный географ античности Страбон (64/63 г. до н. э. — 23/24 г. н. э.), написавший труд под названием «География» в 17 книгах. Интерес к варварскому миру, обитавшему к северу от Кавказа, у историков и географов той эпохи был вызван повышенным интересом к событиям, связанным с так называемыми Митридатовыми войнами, охватившими период с 89 по 63 г. до н. э. Митридат VI Евпатор, царь Понтийского государства, располагавшегося на территории Малой Азии, оказал упорнейшее сопротивление Риму в продвижении на восток. Захватив Боспорское царство и посадив там правителем своего сына, Митридат пытался привлечь на свою сторону и его варварское окружение. Аппиан, автор II в. н. э., в своем труде «История Рима» упоминает среди его союзников и сарматов, живущих вокруг Танаиса и Меотиды. Эти события были освещены в ряде трудов историков эпохи Митридатовых войн, которые не дошли до нашего времени, но были использованы Страбоном.

Страбон приводит совершенно новые сведения о народах, обитавших в районах Северного Кавказа, Дона и Северного Прикаспия. Опираясь на труд своего предшественника известного географа Эратосфена, Страбон делит Азиатский континент на две части, северную и южную, граница между которыми проходила по горному хребту Тавру, который, видимо, воспринимался им как цепь горных хребтов, вытянутых с запада на восток: собственно Тавр, Кавказ, Гиндукуш, Памир (Страбон, II, I, 1). Границей между северной частью Азии и Европой, по Страбону, являлась река Танаис (Дон). В свою очередь, северную часть Азии он

Бронзовый котел, Майеровский

Глиняный лепной горшок, Эльтон

Сосуд, Майеровский

Железный наконечник копья, Жутово. *Кат. 170*

Вверху слева:
Золотые украшения, 15-й Поселок. *Кат. 183—187*

Глиняный сосуд, Киляковка. *Кат. 182*

Глиняный сосуд, Заплавное. *Кат. 179*

Вверху справа:
Бронзовая поясная пряжка, Солодовка I. *Кат. 176*

подразделяет на две части, граница между которыми проходит по Каспийскому, или Гирканскому, морю, которое воспринималось как залив Северного океана, соединенный с ним узким проливом. Под этим проливом можно подразумевать Волгу, но собственно Волгу Страбон, как и его предшественники, не знал. По обе стороны этого пролива он помещает целый ряд народов, которые в античной литературе упоминаются впервые.

Аорсы. Название одного из сарматских племенных объединений, обитавшего в раннесарматское время в волго-донских степях. Относительно упомянутой выше первой части Северной Азии, заключенной между Танаисом, Каспийским морем и проливом, соединяющим его с океаном, Страбон приводит два перечня населявших ее народов. В одном из них, более схематичном, где перечисление народов, живущих на этой территории, начинается с севера на юг, упоминаются «некоторые скифы-кочевники, живущие в кибитках, а еще далее от них в глубь страны — сарматы (также скифы), аорсы и сираки, простирающиеся на юг до Кавказских гор»[16]. Во втором, более подробном перечне, где перечисление народов идет в обратном порядке, с юга на север, аорсы подразделяются на две самостоятельные группировки со своими царями. Более могущественными он считает верхних аорсов, которые занимали «более обширную область, владея почти что большей частью побережья Каспийского моря»[16]. Другая их группировка, названная просто аорсами, поселялась им по течению Танаиса. Также отмечалось, что аорсы и соседние с ними сираки «являлись, видимо, изгнанниками племен, живущих выше»[16] и что аорсы обитают северней сираков.

Сираков современные исследователи поселяют в северокавказских степях, основной район их обитания располагался, видимо, между реками Кубанью и Манычем. Северней их, в Подонье, должны были располагаться земли аорсов. Северный Прикаспий и, надо полагать, Нижнее Поволжье занимали верхние аорсы, учитывая их многочисленность.

Страбон приводит один весьма интересный исторический факт, повествующий о возникшей необходимости мобилизации военных сил практически всех упомянутых кочевнических группировок региона. Это случилось во время правления на Боспоре Фарнака, сына знаменитого Митридата VI. Речь, вероятно, идет о событиях 49—48 гг. до н. э., когда самого Митридата уже не было в живых, а его сын Фарнак возымел желание вторгнуться в Малую Азию, установить там свое господство и вернуть себе то, чем когда-то владел его отец. Видимо, Фарнак попытался привлечь на свою сторону воинские контингенты соседних кочевников и небезрезультатно. Страбон говорит, что царь сираков Абеак выставил конницу числом 20 000 всадников, царь аорсов Спадин собрал войско в 200 000 воинов, а верхние аорсы (имя их царя не называется) выставили еще большее войско. Военная авантюра, затеянная Фарнаком, закончилась провалом. Несмотря на первоначальный успех в Малой Азии, его армия была разбита известным римским полководцем и государственным деятелем Цезарем в 47 г. до н. э. при городе Зелы. Именно об этой своей победе Цезарь отправил весьма лаконичное сообщение римскому Сенату: «Veni, vidi, vici» (пришел, увидел, победил).

Это событие, отмеченное Страбоном, интересно еще и потому, что дает хронологическую привязку для уточнения времени обитания в рассматриваемом регионе

[16] *Страбон*. География. XI, II, 1.

перечисленных выше кочевых народов и, в частности, аорсов. Скорее всего, аорсы в отводимых им Страбоном местах появились раньше I в. до н. э., это следует из той его фразы, в которой аорсы вместе с сираками называются беглецами из среды племен, живущих выше. Для Страбона, а возможно и его источников, это событие отдалено во времени и высказано в виде предположения. Когда точно аорсы появляются в волго-донских степях, сказать трудно. Существует точка зрения, что их появление может быть связано со становлением раннесарматской культуры в этом регионе, что аорсы представляли ядро тех кочевников, которые еще в IV в. до н. э. мигрируют из Южного Приуралья на Нижнее Поволжье. Другой вариант этой проблемы связан с предположением о более позднем появлении аорсов в степных районах Волги и Дона. Дело в том, что, с одной стороны, письменные источники отмечают появления новой этнической номенклатуры на обширной территории от Средней Азии до Днепра, приходящейся на II в. до н. э.; с другой — археологические материалы свидетельствуют о наличии ряда инноваций в материальной культуре кочевников на этой обширной территории, аналогии которым обнаруживаются далеко на востоке, вплоть до границ Китая. Все это может свидетельствовать о подвижках в это время в кочевом мире евразийских степей и появлении на этом фоне новых кочевнических группировок на Нижнем Дону и Волге.

Так или иначе, обосновавшись в волго-донских степях, аорсы становятся серьезной политической силой в этом регионе, участвуя в различного рода военных акциях. Они устанавливают контроль над торговыми путями. Тот же Страбон отметил, что верхние аорсы «вели караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, получая их в обмен от армян и мидийцев; вследствие своего благосостояния они носили золотые украшения»[17]. Свидетельство Страбона подтверждается археологическими исследованиями. На территории Нижнего Поволжья известен ряд погребений, датируемых концом II—I вв. до н. э., с богатым набором вещей, в том числе и изготовленных из золота, которые, вероятно, принадлежали верхнеаорской знати.

В пределах Волгоградской области таковыми могли быть погребение, исследованное в Октябрьском районе у станции Жутово, в кургане № 27, в 1964 г. экспедицией под руководством В. П. Шилова, а также погребение, недавно открытое экспедицией, возглавляемой Н. Б. Скворцовым, в Николаевском районе при раскопках курганного могильника Майеровского. Оба погребальных комплекса датируются II—I вв. до н. э. В первом из них с погребенным мужчиной находились длинный меч и кинжал в ножнах с золотой обкладкой; деревянный колчан, обтянутый кожей и украшенный золотыми спиральными лентами, в котором находилось около сотни железных наконечников стрел; две поясные пластины из гагата; большое количество фигурных золотых бляшек, возможно, украшавших одежду; сосудик из финикийского стекла; бронзовое зеркало, кованый медный котел; два глиняных кувшина; боспорский красноглиняный флакон. В выкопанной нише той же ямы было совершено захоронение женщины со скромным сопровождающим материалом: деревянный сосуд, зеркало, бусы, железное шильце. С мужским захоронением связана находка в насыпи кургана конской узды, украшенной серебряными фалярами. Три фалара имели сложный орнамент, на двух фаларах меньших размеров в центре были изображены фигуры свернувшихся козлов. Во втором

Бронзовые амулеты из раннесарматских погребений. *Кат. 190—192*

Бронзовая пряжка, Веселый I. *Кат. 178*

Железный меч, Верхнепогромное. *Кат. 174*

Вверху слева:
Бронзовая поясная пряжка, Писаревка II. *Кат. 177*

[17] *Страбон.* XI, V, 8.

Золотая поясная зооморфная бляха, Верхнепогромное. *ГЭ*

Золотые пронизи в виде голов животных, Верхнепогромное. *ГЭ*

Золотой браслет. Верхнепогромное. *ГЭ*

Серебряная чаша с рельефной фигурой юноши, Верхнепогромное. *ГЭ*

случае в кургане, исследованном в Николаевском районе, в могильной яме с двумя нишами-катакомбами обнаружены захоронения мужчины и женщины с большим количеством сопровождающих вещей. В мужском погребении находились железные меч и кинжал, колчан с железными наконечниками стрел, железный наконечник копья, бронзовый котел, бронзовое зеркало; в женском — золотые браслеты, гривна, серьги, два перстня с вставками из аметиста и гагата, большое количество разнообразных золотых бляшек, украшавших одежду и головной убор, серебряная чаша, красноглиняный кувшин. Уникальной находкой является бронзовое зеркало с деревянной ручкой, обтянутой золотой пластиной с изображением человеческой фигуры и двумя лошадиными головами. Интересно отметить, что в Жутовском погребении женское захоронение носило явно подчиненный характер по отношению к мужскому, а в майеровском, наоборот, обращает внимание богатство женского захоронения, погребенный воин, вероятно, выполнял функцию стража при занимавшей высокое общественное положение даме.

Интересным археологическим феноменом этого времени представляются так называемые «клады» — жертвенные или поминальные комплексы, не связанные напрямую с погребениями. За ними закрепилось название «странные комплексы» из-за того, что в них сочетаются разнокультурные, а подчас и разновременные вещи. Они известны в Причерноморье, Прикубанье и на Дону и датируются II—I вв. до н. э. Возможно, у некоторых групп кочевников практиковался обычай маркировать такими «кладами» подконтрольные территории. В 2007 г. близ ст-цы Качалинской Иловлинского района при производстве земляных работ был обнаружен такого рода комплекс с бронзовым котлом, в котором были сложены серебряные и бронзовые фалары, бляхи, конские налобники, псалии, стеклянные и бронзовые бусы, бронзовый колчанный крючок, оформленный композицией в так называемом зверином стиле, и каменный оселок. К предметам вооружения относится железный меч или кинжал, к сожалению, не сохранившийся.

Аорсы осуществляли, видимо, торговлю и через город Танаис, основанный Боспорским царством и располагавшийся в дельте Дона. Страбон характеризует его как общий торговый центр азиатских и европейских кочевников, а также греков, приплывающих на кораблях с Боспора. Кочевники привозили сюда рабов, кожи и другие товары, которые обменивали на одежду, вино «и все прочие принадлежности культурного обихода»[18].

На территории Нижнего Поволжья и Дона аорсы обитали в течение нескольких веков. Появились они, вероятно, во II в. до н. э. Последнее событие, которое предполагает их проживание в этих местах, относится к середине I в. н. э., оно связано с борьбой претендентов за власть в Боспорском царстве, приведшей к междоусобной войне. В это время Боспорское царство находилось в зависимости от Рима, который внимательно следил за политической ситуацией в царстве и способствовал утверждению у власти в нем проримски настроенных правителей. В 39/40 г. н. э. к власти на Боспоре пришел Митридат VIII, который попытался проводить независимую от Рима политику. Его брат Котис выдал планы Митридата римлянам. В благодарность за эту услугу император Клавдий провозгласил Котиса боспорским царем. При поддержке римских войск Митридат был свергнут с престола, а на его место посажен Котис. Митридат вынужден был бежать на азиатскую часть Боспора, где захватил земли дандариев, а затем склонил на свою сторону сираков. Котиса поддержали несколько когорт римского гарнизона, находящегося в Крыму, кроме того, на свою сторону в качестве союзников они привлекли аорсов во главе с царем Эвноном. Основные военные действия происходили в Восточном Приазовье. Эти события относительно подробно описаны римским историком Корнелием Тацитом. Не вдаваясь в подробности, отметим лишь то, что коалиция Котиса оказалась победительницей, Митридат со своими союзниками был разгромлен. Сначала союзник Митридата царь сираков Зорсин «простерся ниц перед изображением Цезаря», затем и сам мятежный Митридат предпочел сдаться аорсам, «припав к коленям Эвнона»[19], их царя. Интересны размышления императора Клавдия, изложенные Тацитом, о судьбе Митридата. Аорский царь Эвнон дипломатично изложил императору свою просьбу сохранить жизнь пленному Митридату, и надо было понимать, что только на этих условиях аорсы передадут его римлянам. С одной стороны, Клавдий жаждал мести за нанесенные ему оскорбления, но в этом случае, чтобы наказать Митридата, его у аорсов можно было отобрать только силой оружия. Решиться на такой шаг Клавдий все же не смог по той причине, что «придется вести войну в труднодоступной местности и вдали от морских путей; к тому же цари в тех краях воинственны, народы — кочевые, земля — бесплодна; медлительность будет тягостна, а торопливость чревата опасностями; победа обещает мало славы, а возможное поражение — большой позор»[19]. Поэтому Клавдий вынужден был принять предложение Эвнона, который после этого и передал Митридата римлянам. Клавдий сдержал свое слово, Митридату была сохранена жизнь, он даже пережил самого императора. Правда, Митридат все же был казнен в 68 г., но уже за другие грехи, за участие в заговоре.

В научной литературе, посвященной этой теме, часто дискутируется вопрос о том, какую территорию занимали аорсы на момент этой так называемой «сирако-аорской войны». Существует мнение, что аорсы в это время уже продвинулись на запад и занимали земли где-то в Северном Приазовье между Доном и Днепром. Именно отсюда они через Крымский перешеек попадают в пределы Боспорского царства, где и соединяются со сторонниками Котиса. Затем они переправляются на Таманский полу-

[18] *Страбон.* XI, II, 3.
[19] *Тацит.* Анналы, XII, 20.

Золотые серьги, Химкомбинат, группа Б. *Кат. 197*
Золотые серьги, Западные Могилы. *Кат. 198*

остров и начинают военные действия против Митридата и его союзников. Сейчас по состоянию наших источников трудно ответить на этот вопрос однозначно. Возможно, какие-то изменения в этнической карте Северного Кавказа и сопредельных территорий, данной ранее Страбоном, и произошли. Однако неоспоримым фактом является то, что аорсы и сираки, судя по вышеописанным событиям, в то время продолжали оставаться в этих местах значимой политической силой. И все же, видимо, после сирако-аорской войны аорсы уходят на запад. Так, Плиний Старший, погибший, как известно, при извержении Везувия в 79 г. н. э., фиксирует аорсов уже к северу от Истра (Дуная). Уход аорсов из волго-донских степей был вызван, по всей вероятности, давлением на них других кочевнических группировок, продвинувшихся с востока в восточно-европейские степи.

К настоящему времени на территории Волгоградской области исследованы сотни погребений раннесарматского времени. Значительное количество их было открыто в 50-е гг. прошлого века отрядами Сталинградской археологической экспедиции в заволжских районах, у пос. Быково, Бережновка, Политотдельское, Калиновка. В 70-е гг. также в Заволжье, на территории Быковского и Николаевского районов, у сел Красноселец, Рыбный, озера Эльтон экспедицией Волгоградского педагогического института были исследованы погребения раннесарматского времени.

Значительное количество раннесарматских памятников открыто в пойме реки Есауловский Аксай и прилегающих к ней водоразделов на территории Октябрьского района. Археологические раскопки здесь были начаты в 60-е гг. прошлого века экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством В. П. Шилова и продолжаются в настоящее время экспедицией Волгоградского государственного университета. Этими экспедициями раскопан ряд курганных групп у станции Жутово, хуторов Чиков, Дорофеев, сел Аксай, Перегрузное.

Большой объем исследований, начиная с 1982 г. и с отдельными перерывами вплоть до последнего времени, в разных местах вдоль Иловли был произведен археологической экспедицией Волгоградского государственного университета. Раннесарматские погребения здесь были открыты в ряде кургана у сел Барановка, Петрунино, Большая Ивановка. Экспедицией педагогического института исследован интересный погребальный комплекс у с. Писаревка. Двое погребенных находились в деревянных колодах в одной могильной яме, с ними обнаружены железные кинжалы, колчан со стрелами, бронзовая фибула, бронзовая ажурная пряжка с изображением борьбы пантеры с верблюдом, бронзовое зеркало. Этой же экспедицией погребения раннесарматского времени были открыты в районе хут. Первомайский в Калачевском районе.

Сарматские курганы были исследованы у г. Волжского. Так, в 1983—1985 гг. экспедицией Волгоградского пединститута было раскопано три кургана, располагавшихся на надпойменной террасе Ахтубы, справа от дороги при въезде в Волжский со стороны Волгограда, и несколько курганов с противоположной стороны Волжского, в районе с. Киляковка. В них была обнаружена целая серия раннесарматских погребений II—I вв. до н. э., в которых найдено около десятка железных мечей и кинжалов, железные наконечники стрел, фрагменты бронзовых зеркал, каменные оселки, железные ножи, костяные ложечки, стеклянные бусы, лепные в основном горшки, гончарные кувшины, бронзовый котел.

Угвентарии, Жутово, Перегрузное I.
Кат. 188, 189

Амфора, Ильевка. *Кат. 175*

Золотые серьги из погребений раннесарматского времени.
Кат. 194—196

Сосуд чернолощеный, Заплавное.
Кат. 193

Глиняные сосуды из погребений раннесарматского времени.
Кат. 201—203

Бусины, Барановка I.
Кат. 272—275

Глиняные кувшины из погребений раннесарматского времени.
Кат. 199—200

Малый фалар, Жутово. *АГОИАМЗ*

Деталь конской узды, Жутово. *АГОИАМЗ*

Вверху справа:
Большой фалар, Жутово. *АГОИАМЗ*

На с. 109:

1	4
2	5
3	6

7

1. Серебряная тарелка из курганного могильника, Жутово. *АГОИАМЗ*

2. Серебряная вазочка из курганного могильника, Жутово. *АГОИАМЗ*

3. Серебряный канфар из курганного могильника, Жутово. *АГОИАМЗ*

4. Серебряная чаша из курганного могильника, Жутово. *АГОИАМЗ*

5. Серебряная чаша из курганного могильника, Жутово. *АГОИАМЗ*

6. Серебряная чаша из курганного могильника, Жутово. *АГОИАМЗ*

7. Серебряный кратер из курганного могильника, Жутово. Вид сверху и сбоку. *АГОИАМЗ*

Раннесарматские памятники были исследованы и в других районах области, здесь указаны только места, может быть, наибольшего их скопления.

Среднесарматский период. С рубежа эр в погребальном обряде и материальной культуре сарматов происходит ряд изменений, приведших к оформлению среднесарматской культуры. Для ее погребального обряда было характерно преобладание одиночных погребений под курганными насыпями; широкое распространение так называемых «диагональных» погребений, когда в широких прямоугольных ямах умершего клали по диагонали; появление целой серии курганных захоронений, отличающихся чрезвычайным богатством вещевого материала; частое нахождение в таких погребениях предметов, выполненных в новом зверином стиле, получившем название «золотобирюзового». Многие вещи, найденные в курганах этого времени, зачастую представляют собой уникальные памятники искусства, обнаруживающие ближайшие аналогии в древностях Средней и Центральной Азии.

Аланы. У археологов существует мнение, что курганы, датируемые I — первой половиной II в., с богатым набором вещей, часто именуемые «царскими», принадлежали аланской знати. Аланы — это один из последних народов раннего железного века, оставивший заметный след в истории нашего края. В первые века нашей эры им принадлежала ведущая роль в восточно-европейских степях. Они принимали участие в закавказских походах, проявляли активность в военно-политических событиях на дунайских границах Римской империи. В союзе с вандалами аланы прошли всю Европу, переправились через Гибралтар в Африку и образовали там в первой половине V в. вандало-аланское королевство на том месте, где некогда находился Карфаген. Затем они объявились в Италии и участвовали в разгроме Рима. Аланы оставили заметный след и в средневековой истории. Они являлись одним из основных народов в составе Хазарского каганата. На Кавказе сформировалось государство, объединившее аланов и некоторые другие народы, получившее название «Алания». Современные осетины ведут свою родословную от аланов.

Многие вопросы ранней истории аланов изучены еще недостаточно полно, их рассмотрение находится на уровне научных гипотез. К таковым относятся проблема их происхождения, время появления в Восточной Европе, этнополитическое содержание самого этнонима, отождествление археологических памятников с аланами.

В настоящее время нет единой стройной и непротиворечивой концепции происхождения аланской народности. Об этой проблеме можно говорить лишь в общих чертах, с целым рядом вероятных допущений. Ранние предки аланов, скорее всего, обитали в среде кочевых народов Центральной Азии, известных в китайских источ-

Серебряный сосуд, Октябрьский V. *Кат. 206*

Стеклянный канфар, Октябрьский V. *Кат. 217*

Бронзовая фибула в виде птицы, Октябрьский II. *Кат. 237*

Вверху справа:
Серебряный сосуд с ручкой в виде фигурки зайца, Октябрьский V. *Кат. 206*

никах под именем юечжей и усуней. В конце III в. до н. э. к северу от Китая образуется достаточно мощная кочевая держава хунну, агрессивная политика которых заставила сперва юечжей, а затем и усуней уйти с прежних территорий, граничащих с Китаем, на запад, в пределы Средней Азии, где они появляются во время, близкое к середине II в. до н. э. Эти события достаточно подробно были воспроизведены в сочинениях известных китайских историков Сыма Цяня (145—86 гг. до н. э.) и Бань Гу (32—92 гг. н. э.). Сообщения о появлении в то же время новых кочевнических объединений в Средней Азии имеются и в трудах некоторых античных авторов. Дело в том, что это событие получило большой резонанс в связи с падением Греко-Бактрийского царства под ударами этих кочевников. Так Страбон отмечал: «Из этих кочевников в особенности получили известность те, которые отняли у греков Бактриану, именно асии, пасианы, тохары и сакаравлы...»[20] Римский историк Помпей Трог, в передаче Юстина, рассказывая о тех же событиях, упоминает асианов и сарауков. Китайская и античная этнические номенклатуры различны, но это не значит, что речь в данном случае идет о совершенно разных народах. Исследователями предпринимались попытки их отождествления. Существует мнение, что юечжи китайских источников — это тохары, упоминаемые у античных авторов, а усуни — это асии-асианы по Страбону и Трогу. В последних, асиях и асианах, ряд исследователей предполагает видеть раннее упоминание аланов, поскольку этнонимы «аланы» и «асы» в источниках средневековой эпохи фигурируют постоянно рядом, подчеркивая их родство или даже идентичность.

Дальнейшее формирование аланского этноса, по всей видимости, проходило в рамках государственного образования Кангюй (другая транскрипция — Канцзюй). Кангюй появляется на политической карте Средней Азии, видимо, после падения Греко-Бактрии. Первые краткие сведения о нем имеются в «Исторических записках» Сыма Цяня. Он следующим образом характеризует Кангюй: «Это кочевое... владение; в обыкновениях совершенно сходствует с юечжысцами; имеет до 90000 войска. Кангюй смежен с Даванью (Ферганой. — *А. С.*), и по малосилию своему признает над собой на юге власть юечжысцев, на востоке власть хуннов»[21]. В дальнейшем происходит усиление Кангюя. Из сочинения другого китайского историка Бань Гу известно, что в начале I в. н. э. на его территорию переселяются 80 тыс. усуней вместе со своим царевичем. На базе смешанного кочевого населения Кангюя, юэчжей, усуней, возможно, других этнических компонентов, скорее всего, и происходит оформление ядра аланской народности. Кочевые подразделе-

[20] *Страбон*. XI, 8, 2.

[21] *Бичурин Н. Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. М.-Л., 1950. С. 150.

1	
2	3
4	
5	
6	

1. Бронзовые ручки от металлического таза, Октябрьский V. *Кат. 224*

2. Золотые нашивные бляшки, Октябрьский V. *Кат. 238*

3. Золотые нашивные бляшки, Октябрьский V. *Кат. 219—222*

4. Золотая обкладка, Октябрьский V. *Кат. 218*

5. Железные предметы с золотой инкрустацией, Октябрьский V. *Кат. 225*

6. Детали конской узды с золотой инкрустацией, Октябрьский V. *Кат. 224*

ния Кангюя являлись основной его ударной силой, активизация которой привела к захвату им соседних территорий. Для нашей темы интересен такой факт. В ранних китайских источниках владение Яньцай, располагавшееся к северо-западу от Кангюя, характеризуется как независимое, а в более позднем сочинении Фань Е, посвященном истории Младшей династии Хань (25—220 гг.), о нем говорится следующее: «Владение Яньцай переименовалось в Аланья; состоит в зависимости от Кангюя»[22]. В этом фрагменте сочинения Фань Е впервые в китайской исторической литературе появляется наименование в форме «Аланья», имеющем непосредственное отношение к этнониму «аланы» античных письменных источников. Это событие, переименование Яньцай в Аланья и зависимость его от Кангюя, обычно интерпретируется как подчинение Яньцай аланами в русле завоевательной политики Кангюя. Государство Кангюй, по мнению большинства исследователей, занимало территорию по среднему течению Сырдарьи и степные пространства к востоку от нее. Яньцай китайские авторы помещают к северо-западу от Кангюя, у озера с пологими берегами, которое, кроме того, называют еще северным морем. У исследователей нет единого мнения, с каким современным водоемом следует отождествлять это озеро, пологие берега имеют и Аральское, и Каспийское моря. По этой причине трудно определить и саму территорию, занимаемую Яньцай-Аланьей. Возможно, эта территория была достаточно значительной, включала не только полупустыни и степи, прилежащие к вышеназванным морям, но и более северные районы, поскольку в китайских источниках упоминается, что на территории Яньцай растет много сосны.

Проблематичным является вопрос и о точном времени появления аланов в Восточной Европе. Можно более уверенно говорить только о достаточно широкой дате этого события, в рамках I в. н. э. Наиболее ранние упоминания об аланах на новом месте содержатся у таких античных авторов, как Луций Анней Сенека, Марк Анней Лукан, Гай Валерий Флакк, Плиний Старший, Иосиф Флавий. Причем диапазон их обитания, указываемый названными авторами, достаточно широк — от Кавказа и Танаиса (Дона) до Истра (Дуная).

Для нас особый интерес представляет сообщение об аланах иудейского историка Иосифа Флавия, имеющее привязку к определенному времени и месту. Рассказывая об опустошительном набеге аланов в Закавказье, произошедшем в 72 г. н. э., он называет их скифским племенем, «живущем на берегах Танаиса и Меотийского озера»[23]. Из этого сообщения Флавия следует, что, по крайней мере, к указанному времени аланы уже занимали территории, прилежащие к Дону и Азовскому морю. Спорным является мнение некоторых исследователей об участи аланов в более раннем закавказском походе, датируемом 35 г. н. э. Оно основывается на данных другого сочинения Иосифа Флавия «Иудейские древности», в его греческой редакции в этом событии упоминаются аланы. Однако в латинском переводе этого же сочинения Флавия в тех же самых событиях вместо аланов фигурируют скифы. Кроме того, в «Анналах» римского историка Корнелия Тацита, где речь идет о том же походе 35 г., его участниками названы сарматы.

Серебряная пряжка, Октябрьский I. *Кат. 259*

Серебряный кубок. Бердия. *Кат. 228*

Бронзовый сосуд, Бердия. *Кат. 231*

Внизу справа:
Серебряные чаши с зооморфными ручками. Бердия. *Кат. 227*

[22] *Бичурин Н. Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. М.-Л., 1950. С. 229.

[23] *Флавий.* Иудейская война. VII, 7, 4.

Таким образом, разночтения в источниках не позволяют с уверенностью утверждать, что уже в первой половине I в. античным информаторам было известно об аланах к северу от Кавказа, которые принимали активное участие в политических событиях этого региона, хотя и не исключается такая возможность.

В волго-донских степях с аланской знатью связывают захоронения в курганах, получивших название по местам нахождения — Хохлач, Садовый, Александровка, Дачи и другие в Ростовской области; Косика — в Астраханской. Последнее погребение было совершено в естественной возвышенности, в одном из беровских бугров.

В пределах Волгоградской области с погребениями аланской знати могут быть сопоставлены погребения в курганах в Жутовском и Октябрьском могильниках в Октябрьском районе и в кургане, исследованном у с. Бердия Иловлинского района. Все они датируются I в. н. э. В погребении Жутовского кургана № 28, частично нарушенном грабителями, был обнаружен богатый набор серебряной посуды, состоящий из чаш, канфара, тарелки. В небольшой нише, вырытой в углу ямы, находилась конская узда, украшенная двумя большими и двенадцатью меньших размеров фаларами. Они покрыты золотыми пластинами с изображением на больших фаларах сцены терзания с участием кошачьих хищников и грифона, на малых — свернувшихся пантер, украшенных вставками из голубого, зеленого, коричневого стекла. В погребении, вероятно, были и многие другие престижные находки, но они были унесены грабителями.

Весьма интересно погребение из кургана № 1 могильника Октябрьский V, располагавшегося на юго-восточной окраине районного центра с тем же названием, на надпойменной террасе реки Есауловский Аксай. Курган был исследован в 1995 г. экспедицией Волгоградского государственного педуниверситета. Под курганной насыпью оказалось два одновременных погребения. Одно из них оказалось ограбленным, другое нетронутым. Необычным оказалось положение самого погребенного мужчины лет 50—60. В анатомическом порядке находились только кости левой руки и череп, остальные кости были аккуратно сложены несколько ниже черепа в кучку. Поскольку погребение не нарушалось с момента сооружения, так кости были уложены при захоронении. Возможно, покойный по каким-то причинам какое-то время не мог быть предан зем-

Бронзовый котел, Бердия.
Кат. 233

Бронзовый котел, Бердия.
Кат. 226

Бронзовый котел, Бердия.
Кат. 229

Бронзовый котел, Бердия.
Кат. 232

Бронзовый таз, Бердия.
Кат. 230

Бронзовый сосуд, Калиновка. *ГЭ*

Бронзовый кувшин с ручкой, Калиновка. *ГЭ*

Золотой браслет, Калиновка. *ГЭ*

Вверху справа:
Золотые серьги, Калиновка. *ГЭ*

ле и захоронен уже после разложения мягких тканей. Погребенного сопровождал большой набор вещей. На плане, составленном археологами, их было отмечено более шестидесяти. Среди них в первую очередь следует выделить великолепный набор металлической посуды: литой серебряный кубок с ручкой в виде припавшего на лапы зайца; другой серебряный кубок бокалообразной формы; литая серебряная чаша, украшенная вертикальными каннелюрами, наружная ее поверхность покрыта золотом; серебряная тарелка с гравированным орнаментом, покрытым золотом внутри; два медных таза, атташи ручек выполнены в виде бородатых личин; бронзовый котел. Вооружение представлено железным мечом, железными трехлопастными наконечниками стрел, боевыми ножами. Найдено несколько удил с псалиями, входящих в уздечные наборы. Обнаружено много мелких изделий из золота: пуговки, наконечники ремней, обоймы, 3155 нашивных бляшек.

В начале 90-х гг. прошлого века экспедицией Волгоградского государственного университета производились раскопки курганов в районе с. Бердия Иловлинского района. В кургане № 3 была обнаружена широкая прямоугольная погребальная яма, оказавшаяся ограбленной кладоискателями. В вырытой в одной из стенок нише были найдены два бронзовых котла, на одном из которых две ручки были выполнены в виде фигурок кабанов; две серебряные чаши с ручками, изображавшими крылатых грифонов; литой бронзовый сосуд; кованый бронзовый котелок с железной дужкой для подвешивания; несколько золотых нашивных бляшек.

Появление курганов с индивидуальными богатыми захоронениями, с набором вещей явно восточного происхождения предполагает возможность отождествления их с погребениями аланской знати. Таким образом, археологические данные с определенной долей вероятности подтверждают сведения письменных источников о приходе аланов в европейские степи с востока. Представление о восточном происхождении аланов нашло отражение и в трудах античных авторов, отождествлявших их с массагетами, жившими в Средней Азии (Дион Кассий, Аммиан Марцеллин).

Обнаруженные в упомянутых и других курганах богатства, представленные изделиями из золота и серебра, являлись материализованным воплощением силы и власти предводителей кочевников в начале нашей эры в нашем крае, которая должна была опираться на значительные

1	2
3	
4	

1. Золотые серьги, Заканальный. *Кат. 239*

2. Золотые серьги, Аксай II. *Кат. 240*

3. Золотые серьги из погребений среднесарматского времени. *Кат. 234—236*

4. Золотые зооморфные бляшки, Царев. *Кат. 262*

1	4
2	5
3	

1. Золотые подвески со стеклянными вставками, Барановка I. *Кат. 268*

2. Стеклянная вставка в перстень, Заканалье. *Кат. 261*

3. Золотой медальон с двумя цепочками, Барановка I. *Кат. 267*

4. Каменное навершие в виде сдвоенных личин, Чиковский. *ГЭ*

5. Инталья, Барановка I. *Кат. 276*

Пронизи с личинами, Западные Могилы. *Кат. 247*

Античная гемма с изображением греческого воина и кошачьего хищника. I в. н. э., Вербовский I (раскопки В. И. Мамонтова, 2013 г.)

Серебряный сосуд с зооморфной ручкой, Перегрузное I. *Кат. 288*

Серебряные ручки в виде фигурок волков, Вербовский II. *Кат. 277*

На с. 118:
Бронзовая патера, изображение на бронзовой патере, Вербовский. *Кат. 282*

Алебастровый сосудик, две стеклянные бусины, подвеска, бронзовая пряжка, Вербовский II. *Кат. 278—281*

Золотая пряжка, Киляковка. *Кат. 205*

Краснолаковый канфар, Первомайский VII. *Кат. 242*

Алебастровые флакончики, Вербовский II. *Кат. 283*

Вверху справа:
Бусы, Колпачки. *Кат. 250*

людские ресурсы. В таком случае курганные могильники и отдельные рядовые погребальные комплексы начала нашей эры на Дону и Нижней Волге, в том числе и в пределах Волгоградской области, счет которым идет на сотни, принадлежали кочевому населению, входившему в состав аланского племенного объединения.

Собственно ранний аланский этнос археологически выделить достаточно сложно. Письменные источники точно не очерчивают территорию расселения аланов, а только указывают отдельные места, где они появлялись. Кроме того, аланы, по всей видимости, стояли во главе крупного племенного союза, в который входили подчиненные ими и отличные от них племена и народы, скрывавшиеся под именем племени-гегемона. Это подтверждают и письменные источники. Римский историк греческого происхождения, живший в IV в. н. э., Аммиан Марцеллин по этому поводу писал об аланах следующее: «Мало-помалу они подчинили себе в многочисленных победах соседние народы и распространили на них свое имя, как это сделали персы»[24]. Появление аланов в восточно-европейских степях основательно изменило этнополитическую географию не только в Волго-Донском регионе, но во всем Причерноморье, от Северного Кавказа до Дуная. Часть предыдущего сарматского населения Поволжья и Дона, по-видимому, вошла в состав нового племенного объединения, другая вынуждена была уйти на запад, к границам Римской империи, где и начинает фиксироваться письменными и археологическими источниками.

Аланы были весьма активны в военном отношении, с детства их юноши обучались военному искусству. Очень интересна в этом отношении этнографическая характеристика, данная аланам Аммианом Марцеллином. «Почти все аланы высоки ростом и красивого облика, волосы у них русоватые, взгляд если и не свиреп, то все-таки грозен; они очень подвижны вследствие легкости вооружения, во всем похожи на гуннов, но несколько мягче их нравами и образом жизни; в разбоях и охотах они доходят до Меотийского моря и Киммерийского Боспора с одной стороны и до Армении и Мидии с другой. Как для людей мирных и тихих приятно спокойствие, так они находят наслаждение в войнах и опасностях. Счастливым у них считается тот,

[24] *Аммиан Марцеллин.* Указ. соч. XXXI, 2, 13.

кто умирает в бою, а те, что доживают до старости и умирают естественной смертью, преследуются у них жестокими насмешками, как выродки и трусы»[25]. Далее Марцеллин говорит, что у них нет ни храмов, ни святилищ, а поклоняются они мечу, воткнутому в землю.

Аланы периодически совершали походы в Закавказье, что приводило к политической дестабилизации в этом районе и затрагивало интересы Рима в Азии. Известно, что римский император Нерон в 60-е гг. I в. н. э. готовил поход против аланов, который по ряду причин не состоялся. А наместник римской провинции Каппадокии Флавий Арриан, опытный военачальник, написал специальный труд под названием «Диспозиция против аланов», в котором, опираясь на собственный опыт, приобретенный во время вторжения в ряд закавказских государств аланов в 135 г., описывал способы ведения боя против них.

Основным видом аланского войска была конница, ударной частью которой были катафрактарии — тяжеловооруженные конники, защищенные доспехами. При этом защитное снаряжение предусматривалось и для лошади. Катафрактарии были вооружены копьями, достигавшими длины 4,5 м, и длинными мечами. Этот вид войска сложился в среде древневосточных народов — парфян, персов, жителей Средней Азии. Параллельно он формировался и у сарматов, находившихся в близких, а зачастую и родственных отношениях с вышеназванными народами. Тяжелая конница аланов наносила лобовой удар по противнику с целью прорыва его боевых порядков, затем в бой вступала легкая конница, выполнявшая вспомогательные функции. Эффективность использования в сражениях тяжеловооруженной конницы была причиной широкого распространения этого вида войска и у других народов, в том числе в Римской империи. Собственно, катафрактариев древности можно считать предшественниками средневекового рыцарства.

Специфика курганных могильников Нижнего Поволжья заключается в том, что зачастую под насыпями разных курганов, а то и одного кургана, могут находиться погребения разных сарматских культур. Так, во многих курганных группах, названных выше, где были обнаружены погребения раннесарматской культуры, находились и погребения среднесарматской культуры.

Курганные могильники со значительным количеством погребений, относящихся к среднесарматскому времени, располагались у бывшего с. Калиновка Среднеахтубинского района, с. Бережновка Николаевского района, с. Перегрузное и Жутово Октябрьского района. Небольшие группы и отдельные захоронения среднесарматского времени открыты и во многих других районах области. В них часто находят круговую посуду, отдельные экземпляры которой происходили из мастерских Северного Кавказа, Кубани, Нижнего Дона, а иногда и античных городов Северного Причерноморья; железные мечи и кинжалы; наконечники стрел; металлическую посуду, изготовленную в римских провинциях; бронзовые зеркала и фибулы. В женских погребениях часто встречаются бусы из стекла, агата, гагата, египетского фаянса, пряслица — грузики для веретена.

Появление ранних аланов в Восточной Европе и их прежняя связь со Средней Азией способствовали установлению более регулярных экономических и, вероятно, политических отношений между этими регионами. Интересные данные дает сопоставление сведений о Доне и Нижнем Поволжье Страбона, относящихся к доаланскому времени, и Клавдия Птолемея, когда аланы уже основательно освоились в этих местах. Представления Страбона о географии этих мест были достаточно поверхностны. Он сообщает и о причине неосведомленности его современников об этих местах: «...Кочевники, не вступающие в общение с другими народностями, и более многочисленные и могущественные, преградили доступ во все удобопроходимые места страны и в судоходные части реки»[26]. Такими кочевниками могли быть аорсы, которых сам Страбон помещал по Дону и Северному Прикаспию. По Страбону, аорсы контролировали торговые связи, осуществлявшиеся через Кавказ, Северный Прикаспий не входил в зону этих связей. Существует мнение, что уточнения в свой труд Страбон вносил до конца жизни (23/24 г. н. э.). Кардинальной новизной отличаются сведения о рассматриваемом районе другого известного географа античности Клавдия Птолемея (90—160 гг.), приведенные в его труде «География» по прошествии более ста лет после Страбона. Птолемей впервые упоминает о Волге, называя ее Ра. Он указывает точное расстояние между наибольшим сближением Волги и Дона в том месте, где сейчас располагается Волгоград. У Птолемея это расстояние дано в градусах одной и той же широты, если их перевести

Ручка от котла

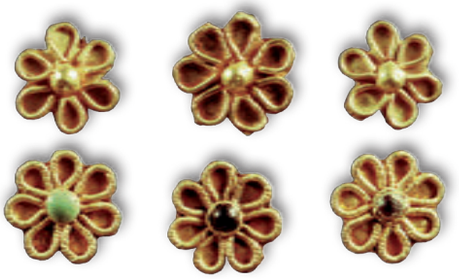
Бронзовый котел. Случайная находка у пос. Киляковка. *Кат. 284*

Подвеска-амулет с золотой втулкой, Первомайский VII. *Кат. 285*

[25] *Аммиан Марцеллин.* Указ. соч. XXXI, 2, 21, 22.
[26] *Страбон.* XI, II, 2.

Алебастровые сосудики из погребений среднесарматского времени. *Кат. 252—255*

Глиняная миска, кружка и канфар из погребений среднесарматского времени. *Кат. 289, 290, 291*



1		2
3	4	5
	6	

1. Подвеска в виде колесика, Барановка I. *Кат. 301*

2. Бляшки в виде цветочных розеток из среднесарматских погребений. *Кат. 248, 249*

3. Глиняный кувшин, Аксай III. *Кат. 265*

4. Глиняный кувшин, Аксай I. *Кат. 266*

5. Глиняный кувшин, Ильевка. *Кат. 241*

6. Подвеска в виде птицы. I в. до н. э. Вербовский I (*раскопки В. И. Мамонтова в 2013 году*)

Золотые нашивные бляшки, Перегрузное I. *Кат. 295*

Золотая накладка, Барановка I. *Кат. 269*

Алебастровые сосудики, ложечка, пряслице, бронзовый браслет и зеркало, Перегрузное I. *Кат. 254, 255, 296—299*

На с. 124:

Бусы, Барановка I. *Кат. 271*

Бронзовое зеркало, Барановка I. *Кат. 270*

Глиняные курильницы и сосуд, Перегрузное I. *Кат. 300*

Пронизи из египетского фаянса, Перегрузное I. *Кат. 292*

Железные мечи из погребений среднесарматского времени. *Кат. 286, 287*

Глиняные кувшины из погребений среднесарматского времени. *Кат. 243—246*

1	2	3
4		5
6		

1. Бронзовое зеркало, Перегрузное I. *Кат 253*

2. Бронзовый котельчик, Аксай II. *Кат. 264*

3. Бронзовый фалар, Аксай I. *Кат. 263*

4. Бронзовое зеркало с костяной ручкой, Жутово. *Кат. 294*

5. Серебряная пряжка, Жутово. *Кат. 260*

6. Нитки бус и египетские скарабеи из погребений среднесарматского времени. *Кат. 256—258*

	1	
2		3
4	5	6

1. Золотые перстень и подвеска, Нагавский II. *Кат. 302, 303*

2. Золотые бусины, Гремячая. *Кат. 316*

3. Стеклянный ритон, Нагавский II. *Кат. 305*

4. Бронзовый котелок, Нагавский II. *Кат. 307*

5. Бронзовое зеркало, Нагавский II. *Кат. 306*

6. Стеклянная бутыль, Нагавский II. *Кат. 304*

1	2
3	
4	5

1. Низка бус. Гремячая. *Кат. 317*
2. Низка бус, Гремячий I. *Кат. 313*
3. Низки бус, Аксай V. *Кат. 342—344*
4. Низка бус, Аксай V. *Кат. 340*
5. Низка бус, Гремячая. *Кат. 315*

1	2
3	
4	5

1. Золотая подвеска, Гремячая. *Кат. 321*

2. Хрустальное навершие меча с золотой пряжкой, Гремячая. *Кат. 322*

3. Золотое ожерелье, Веселый VI. *Кат. 320*

4. Глиняный кувшин, Веселый VI. *Кат. 323*

5. Глиняный сосуд, Веселый VI. *Кат. 324*

1	
2	4
3	

1. Бронзовый сбруйный набор, Солодовка. *Кат. 332*

2. Греческая надпись на бронзовом котле

3. Бронзовый котел. Случайная находка у с. Сосновка. *Кат. 346*

4. Бронзовый ковш, Глинище. *Кат. 345*

1	2
3	
	4
	5

1. Серебряная пряжка, Гремячий I. *Кат. 310*

2. Серебряная пряжка, Гремячая. *Кат. 311*

3. Бусины и пронизи из египетского фаянса, Колобовка III и Веселый VI. *Кат. 318, 319*

4. Железный кинжал с бронзовым навершием, Сидоры. *Кат. 325*

5. Железный нож с бронзовой рукоятью, Гремячая. *Кат. 312*

1 | 2

3

4

Бронзовое зеркало-подвеска, Аксай II. *Кат. 339*

Бронзовое зеркало-подвеска, Аксай V. *Кат. 341*

Бронзовые фибулы из позднесарматских погребений. *Кат. 326—331*

Керамические сосуды, Абганерово II и Аксай V. *Кат. 333—335*

в меры длины, то в зависимости от того, какая мера им использовалась (эратосфеновский, обычный или царский стадий), это расстояние будет колебаться от 64,5 до 87 км. Оно соответствует действительному расстоянию от Волги до Дона, колеблющемуся на широте Волгограда в пределах 60—80 км. Кроме Волги, Птолемей называет другие реки Северного Прикаспия: Урал (Даикс), Эмбу (Иаст) и некоторые более мелкие реки. Он приводит названия ряда населенных пунктов на Дону и множество названий народов, обитавших на территории Северного Прикаспия. Резонно возникает вопрос, из каких источников Птолемей получал столь точную информацию о районе, удаленном на несколько тысяч километров от Александрии Египетской, в предместье которой он жил и трудился? Такими информаторами могли быть купцы, они во многих случаях в древности были первопроходцами, прокладывая пути в малоизвестные страны. Для купцов, по их же сведениям, составлялись «подорожники», своеобразные путеводители с указанием географических объектов, населенных пунктов, народов, проживающих в тех или иных местах. Птолемей, скорее всего, в описании Северного Прикаспия и пользовался таким «подорожником». В Александрию тогда стекалась со всех концов света самая разнообразная информация. Во II в. Александрия была крупным торговым городом, связанным морскими путями с другими центрами Средиземноморья, многими странами Востока — Персией, Сирией, Индией. Кроме того, в то время Александрия являлась центром научной мысли античного мира. В ней находилась самая крупная библиотека, еще в I в. до н. э. в ней насчитывалось 700 тыс. папирусных свитков, содержащих сведения по самым разнообразным отраслям знаний.

Таким образом, можно утверждать, что во времена Птолемея существовал уже устоявшийся торговый путь между Средней Азией и Восточной Европой, прохо-

Низки бус, Аксай V. *Кат. 336—338*

Серебряный щиток от пряжки с гранатовыми вставками, Абганерово II. *Кат. 308*

Серебряная пряжка с сердоликовыми вставками, Абганерово II. *Кат. 309*

дивший через Нижнее Поволжье. Его налаживанию, по всей видимости, способствовало установление контроля над этой территорией аланами, которые сломали негативное отношение прежних кочевников к установлению экономических контактов в этом районе, о котором говорил Страбон. В письменных источниках имеются сведения о том, что аланы контролировали значительную территорию к востоку от Дона. Основной наш информатор об аланах Аммиан Марцеллин говорит о том, что они занимали к востоку от Дона бесконечные степные пространства и что их владения простирались до индийской реки Ганг.

Позднесарматский период. С середины II в. н. э. происходят изменения в этническом составе населения Волго-Донского региона. Об этом можно судить по достаточно резким изменениям погребального обряда кочевого населения этих мест. Южная ориентировка погребенных, являвшаяся ведущей у сарматов на протяжении нескольких веков, меняется на северную. Широкое распространение получают узкие продолговатые ямы с подбоем в западной стенке под небольшой курганной насыпью. Интересной антропологической деталью многих погребенных в этих курганах является искусственная деформация черепа. Она отмечена примерно у 70% населения от общего числа исследованных погребений с сохранившимися черепами. Как полагают исследователи, использовались различные способы деформации черепа, наиболее распространенный прием связан с накладыванием ребенку еще в младенческом возрасте на голову плотной круговой повязки, что со временем приводило к изменению формы черепной коробки. В материальной культуре этого времени появляется ряд категорий вещей, не известных в более ранних сарматских погребениях: бронзовые зеркала-подвески, железные пружинные ножницы, железные мечи и кинжалы без металлических навершия и перекрестия, квадратные глиняные сосудики-курильницы. В археологии памятника этого типа именуются позднесарматскими и датируются с середины II по IV в.

Мнение о том, что отмеченные новые явления в погребальном обряде и материальной культуре связаны с какой-то новой группировкой кочевников, появившейся во II в. в Поволжье и Подонье, в определенной мере подтверждается материалами Нижнего Дона. В некрополе Танаиса со второй половины II в. появляется значительная группа погребений с набором признаков, характерных для позднесарматской культуры, в том числе с северной ориентировкой погребенных и искусственно деформированными черепами. Исследователь античного города Танаиса, расположенного в дельте Дона, Д. Б. Шелов в надписях, найденных во время раскопок, выявил серию имен иранского происхождения, ранее здесь неизвестных. Данные ономастики он сопоставил с археологическими инновациями, отмеченными по материалам некрополя, и пришел к выводу о переселении нового населения на Нижний Дон из Поволжья не ранее третьей четверти II в.

Из сказанного следует, что кочевники, использующие новые элементы погребального обряда, типичные для позднесарматской культуры, относились к кругу ираноязычных народов, так же как и их предшественники в этих местах. Откуда был привнесен на территорию Поволжья и Дона новый погребальный обряд и кто являлся его носителем, пока остается дискуссионной проблемой.

Наиболее обоснованной версией является признание ведущей роли восточного миграционного импульса в происхождении поздних сарматов и ряда ведущих элементов их культуры. Антропологические исследования позволяют предполагать центрально-азиатские истоки первоначальной миграции населения, создавшего позднесарматскую культуру, с включением в этот процесс населения, ранее проживавшего в отдельных районах Средней Азии, Центрального и Западного Казахстана. Антропологические и археологические данные свидетельствуют о включении предшествующего сарматского населения Волго-Донского региона в процесс формирования новой культуры.

Население, оставившее памятники позднесарматской культуры, как и их предшественники, были кочевниками. От них сохранились только погребальные памятники в виде небольших курганов с одним погребением. Зачастую курганы, относящиеся к позднесарматскому времени, образуют крупные могильники, включающие значительное количество насыпей, иногда до нескольких десятков. Такие могильники исследованы в районе с. Абганерово в Октябрьском районе, у хут. Авиловского и бывшего с. Ютаевка на Иловле, у с. Сидоры в Михайловском районе, в Заволжье, в районе сел Калиновка, Бережновка, Харьковка и в некоторых других местах.

В 1988 г. Волго-Ахтубинским отрядом ВГПИ под руководством Е. П. Мыськова и А. В. Кияшко в курганном могильнике у ст-цы Нагавской Котельниковского района раскопан курган позднесарматского времени. В подбойной могиле было обнаружено женское погребение в сопровождении богатого инвентаря. Список находок впечатляет — стеклянный ритон, стеклянный и красноглиняный кувшины,

Глиняное пряслице, Гремячая. *Кат. 314*

Бронзовая пряжка, Западные Могилы. *Кат. 348*

Бронзовая фибула. Случайная находка у с. Верхнепогромное. *Кат. 347*

золотые бляшки, кулон, перстень, бронзовые фибула, ковш и котел, железные канделябр и ножницы.

Экспедиция Волгоградского университета в 1994—1996 гг. исследовала курганы у с. Абганерово, в том числе могильник Абганерово II, в котором подавляющая часть захоронений относится к позднесарматской культуре. Среди многочисленного традиционного инвентаря выделяются пряжки, щитки которых выполнены в полихромном стиле.

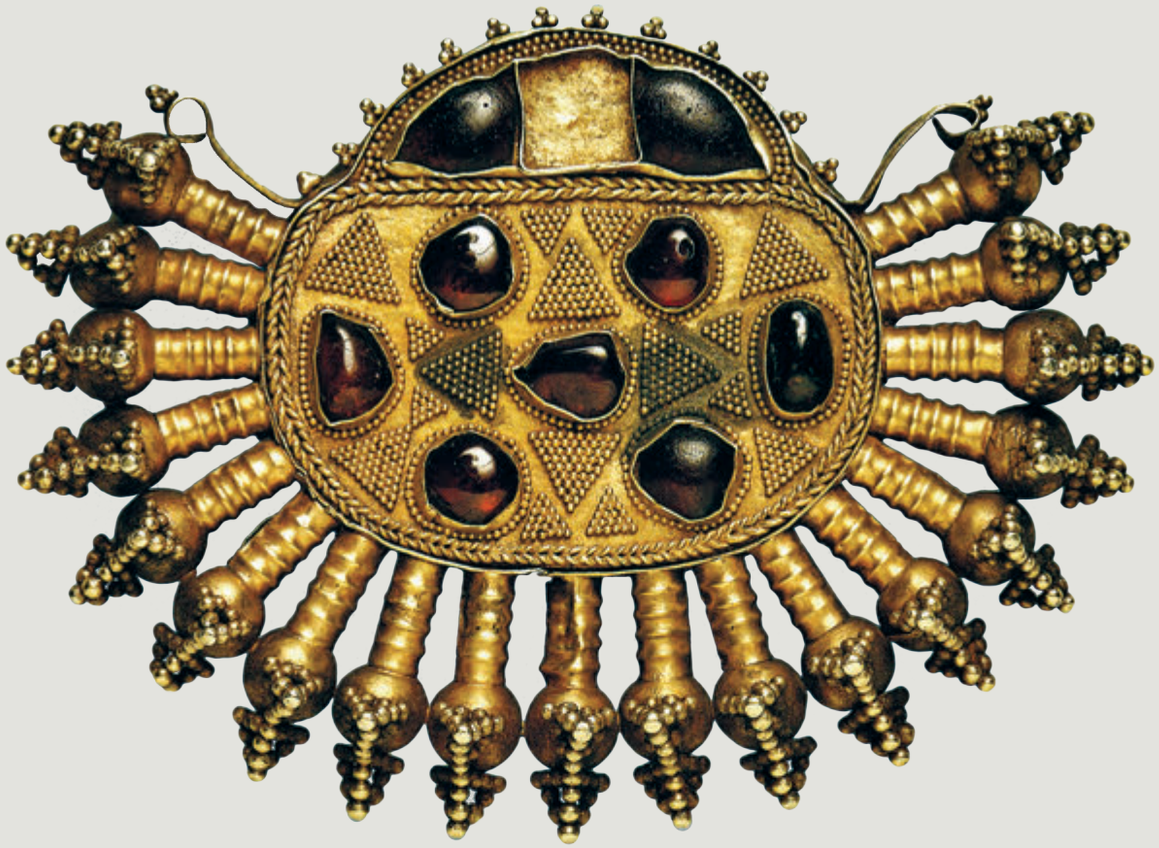
В 2003 г. экспедицией Комитета по культуре Администрации Волгоградской области под руководством Л. В. Гуренко у хут. Веселый раскопан курган эпохи бронзы, где во впускном позднесарматском погребении были найдены меч, фибула, зеркало, бусы, ожерелье из золота и другие предметы.

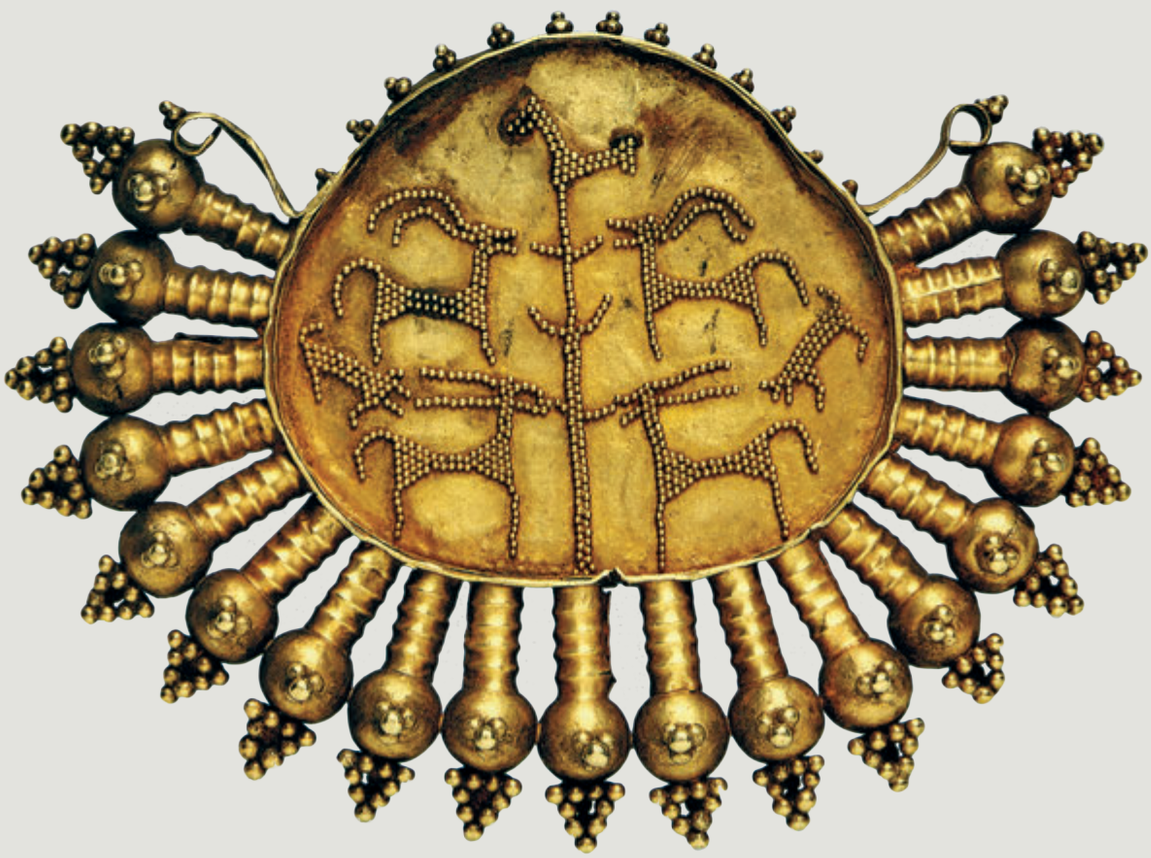
В 2008 г. Л. В. Гуренко у ж.-д. станции Гремячая в Котельниковском районе исследовал позднесарматское погребение в катакомбе с богатым инвентарем, включавшим меч, кинжал, ножи, портупейный набор с бронзовыми кольцами, серебряными пряжками и оконечниками ремней, украшениями — золотыми браслетами, нашивками, подвеской, бронзовыми фибулами и деревянными сосудами. Навершие рукояти меча из горного хрусталя было украшено бронзовой позолоченной вставкой, инкрустированной гранатами.

Погребения позднесарматского времени были открыты и в других, уже упоминавшихся курганных могильниках, располагавшихся в разных местах области.

Все это свидетельствует о достаточно активном использовании нынешней территории Волгоградской области кочевыми сарматскими группировками в эпоху раннего железного века.

VI.
ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ





Начало эпохи средневековья в восточно-европейских степях, в том числе и на территории нашего края, начинается с установления здесь господства новых народов, значительно отличающихся от населения раннего железного века как по происхождению, так и в культурном и языковом отношениях. Эти народы в большинстве своем были тюркского происхождения, их предки обитали в глубинных районах Центральной Азии. Сарматы утрачивают здесь свое лидирующее положение, на смену им приходят гунны, хазары, печенеги, огузы, половцы. Эти народы, так же как и сарматы, вели кочевой образ жизни, и Нижнее Поволжье входило в зону их кочевий. К концу первой половины XIII в. здесь утверждаются монголы, наследники великого Чингисхана, и включают европейские степи в состав своей бескрайней империи.

В средние века Нижнее Поволжье несколько раз входило в состав крупных государств: Западно-Тюркского и Хазарского каганатов и затем Золотой Орды. Эти государства играли важную роль в политической и экономической жизни того времени. Ко времени Хазарского каганата относятся первые попытки основания городов, но особо широкий размах градостроительство получает в золотоордынское время. Только по Волге за короткий срок было построено несколько десятков больших и малых городов.

От более чем тысячелетнего периода средневековой истории в нашем крае сохранилось множество археологических памятников — курганов, остатков поселений и городов. Об этих памятниках и народах, оставивших их, и пойдет речь ниже.

ГУННЫ

IV в. н. э. является одним из ключевых периодов в сложной этнополитической истории южно-русских степей. Именно в это время начинается мощная экспансия кочевых племен с азиатского степного пространства, которая в значительной степени изменила сложившийся ранее этнический облик Юго-Восточной Европы. Начало этим миграциям положило вторжение гуннов с востока в Европу в 70-е гг. IV в. Гуннские завоевания сыграли важную роль в развитии события общеисторического масштаба, получившего название Великого переселения народов и коренным образом повлиявшего на дальнейшую мировую историю.

В настоящее время принято считать, что гунны, ставшие известными античным авторам, представляли собой разноэтничный племенной союз, ядром которого являлись собственно гунны, связанные своим происхождением с хунну, северными соседями Китая. История хунну и их взаимоотношения с Китаем отражены в китайских письменных источниках ханьского времени.

Хунну в конце III в. до н. э. создают мощное политическое объединение, получившее в современной исторической науке название «Хуннская кочевая империя». В течение длительного времени хунну удачно соперничали с Китаем. Проблемы у хунну начинаются в I в. до н. э., они терпят ряд поражений от своих соседей, осложнившиеся внутренние распри приводят к распаду хунну в 56 г. до н. э. на две группировки, северную и южную. И хотя единство империи хунну было восстановлено, в 48 г. н. э. происходит новый раскол хунну на две прежние группировки. Южная группировка попадает в зависимость от Китая. Северные хунну под натиском протомонгольских племен сяньби оттесняются на запад. Наиболее тяжелое поражение сяньби наносят хунну в 93—94 гг. В середине II в. сяньби вытесняют хунну из последних их владений в Джунгарии. После этих событий, как полагают исследователи, начинается миграция оставшихся хунну в Семиречье, на нынешнюю территорию Восточного Казахстана и далее в Приуралье, прикаспийские и заволжские степи. Вероятно, эти хунну и явились основателями нового мощного племенного союза, который стал известен западным авторам под именем гуннов.

Аммиан Марцеллин, римский историк и современник появления гуннов в Европе, оставил одно из наиболее детальных и ярких их описаний. «Племя гуннов, о котором древние писатели осведомлены очень мало, обитает за Меотийскими болотами (Азовское море) в сторону Ледовитого океана и превосходит своей дикостью всякую меру. Так, при самом рождении на свет младенца ему глубоко прорезают щеки острым оружием, чтобы тем задержать своевременное появление волос на зарубцевавшихся надрезах, то они доживают до старости без бороды, безобразные, похожие на скопцов... При столь диком безобразии человеческого облика, они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приготовленной ко вкусу человека пище, они питаются кореньями диких трав и полусырым мясом всякого скота, которое они кладут на спины коней под свои бедра и дают ему немного попреть... Они кочуют по горам и лесам, с колыбели приучены переносить холод, голод и жажду. И на чужбине входят они под крышу только в случае крайней необходимости, так как не считают себя в безопасности под ней. Тело они прикрывают одеждой льняной или сшитой из шкурок лесных мышей. ...Голову покрывают они кривыми шап-

Золотой кулон, Ленинск. *Кат. 349*

На с. 138:
Золотой колт, Верхнеяблочный. *ГЭ*

ками, свои обросшие волосами ноги — козьими шкурами; обувь, которую они выделывают ни на какой колодке, затрудняет их свободный шаг. Поэтому они не годятся для пешего сражения, зато они словно приросли к своим коням, выносливым, но безобразным на вид, и часто, сидя на них на женский манер, занимаются своими обычными занятиями. День и ночь проводят они на коне, занимаются куплей и продажей, едят и пьют и, склонившись на крутую шею коня, засыпают и спят так крепко, что даже видят сны. Когда приходится им совещаться о серьезных делах, то и совещание они ведут, сидя на конях»[1]. Аммиан Марцеллин описывает уклад жизни гуннов как типично кочевой. У них нет постоянного места жительства, они не занимаются земледелием, они постоянно кочуют как «вечные беглецы». «Никто из них не может ответить на вопрос, где он родился: зачат он в одном месте, рожден — вдали оттуда, вырос — еще дальше»[2]. Несмотря на общую негативную характеристику гуннов, Аммиан Марцеллин высоко оценивает их воинские качества: «Они заслуживают того, чтобы признать их отменными воителями, потому что издали ведут бой стрелами, снабженными искусно сработанными наконечниками из кости, а сойдясь врукопашную с неприятелем, бьются с беззаветной отвагой мечами и, уклоняясь сами от удара, набрасывают на врага аркан, чтобы лишить его возможности усидеть на коне или уйти пешком»[3]. Готский историк Иордан также оставил весьма подробное описание гуннов: «...Их собственный образ пугал своей чернотой, походя не на лицо, а, с позволения сказать, на безобразный комок с отверстиями вместо глаз. Их свирепая наружность выдает твердость духа — они даже над своим потомством зверствуют с первого дня рождения. Ведь детям мужского пола они рассекают щеки железом, чтобы они испытали боль раны еще до кормления их материнским молоком. Поэтому они стареют безбородыми и некрасивы в юности, так как лицо, расцарапанное железом, из-за рубцов теряет своевременное украшение волосами. При невысоком же росте они быстры проворностью своих движений и очень сильны в верховой езде; широкие в плечах, они хорошо обучены и лукам и стрелам, а благодаря крепкой шее, всегда гордо выпрямлены. И все же под обличьем людей они живут в звериной дикости»[4].

Очевидно, что в данных описаниях существует изрядная доля тенденциозности, субъективизма и даже некой утрированности в создании демонизированного образа гуннов. Тем не менее гунны как полиэтничный конгломерат племен имели весьма развитую материальную культуру, характеризующую кочевое общество.

У некоторых античных авторов гунны упоминаются на европейской территории еще до их известного вторжения в 70-х гг. IV в. У Дионисия Периегета и Клавдия Птолемея упоминаются унны и хуны, проживающие во II в. н. э. в области Каспийского и Азовского морей. Современные исследователи полагают, что это могли быть первые хуннские племена, откочевавшие на запад после распада Хуннской империи. Существенного изменения в составе населения этих мест и характере культуры они не могли произвести, видимо, в силу своей малочисленности. Скорее всего, они были ассимилированы местным сарматским населением.

Гуннское завоевание началось с разгрома аланов-танаитов, обитавших у Азовского моря и в Подонье. Разгромив аланов и включив часть их в свой состав, они нападают на Боспорское царство и восточных готов, занимавших область между Доном и Днепром. Разгромив боспорские города и готов, гунны устремляются к границам Римской империи по Дунаю. Разные народы, преследуемые гуннами, бросали свои земли и жилища и бежали к Дунаю, прося у римлян защиты на его правобережье. Аммиан Марцеллин нарисовал страшную картину переправы через Дунай обезумевших от страха людей. Получив разрешение от императора, люди толпами днем и ночью переправлялись через реку кто как мог, многие бросались вплавь, большое количество людей утонуло.

К рубежу IV—V вв. гуннский племенной союз, куда входили также аланы, гепиды, герулы, славяне, остготы, скиры и другие, являл собой важный военно-политический фактор в Юго-Восточной Европе, с которым вынуждены были считаться Западная и Восточная Римские империи. С 422 г. Восточная Римская империя (Византия) вынуждена была выплачивать гуннам ежегодную дань, а в 433 г. Западная Римская империя выделяет в провинции Паннония земли для гуннов.

В начале V в. активная внешняя политика гуннов несколько затихает. Основной акцент делается на ликвидацию и подавление многочисленных внутренних сепаративных выступлений среди подчиненных племен, а также на организацию и внешнее обустройство обширной державы, которая достигает своего расцвета при правлении Аттилы (434—454 гг.). Аттила возобновляет военные акции гуннов против Рима, предпринимает поход к Рейну, во время которого подчиняет восточных франков, тюрингов, зарейнских бургундов. Решающее сражение между гуннами и римлянами и союзниками тех и других произошло на Каталаунских полях (область Шампань) в 451 г. Ожесточенная битва, в которой, по словам Иордана, с обеих сторон погибло около 180 тыс. человек, не принесла победы ни римлянам, ни гуннам.

В 452 г. гунны начинают новый военный поход на территорию Северной Италии. Гунны осадили и захватили Падую, Аквилею, Милан и Тицин. Эпидемия бубонной чумы, голод, а также полученный откуп от папы Льва I заставляют Аттилу вернуться в Паннонию. Вскоре после этих событий, в 454 г., Аттила умирает. После смерти Аттилы обширная гуннская держава начинает распадаться, его сыновья не смогли сохранить ее единство.

Согласно периодизации, предложенной известным специалистом по истории гуннов И. П. Засецкой, история европейских гуннов делится на четыре хронологических этапа:

1) нашествие гуннов в южно-русские степи (370—378 гг.);

2) образование и господство гуннского племенного союза на территории Северного Причерноморья (378—445 гг.);

3) организация «державы» Аттилы в Паннонии (445—454 гг.);

4) распад гуннского племенного союза (454 г. — вторая половина V в.).

Гунны, бесспорно, сыграли значительную роль в истории. Римская империя, в течение нескольких веков определявшая политическое и экономическое развитие Европы, Переднего Востока и Северной Африки, ко времени появления гуннов переживала не лучшие свои времена. Гуннское вторжение всколыхнуло весь варварский мир

---

[1] *Аммиан Марцеллин.* Указ. соч. XXXI, 2, 1—6.

[2] Там же. 2, 10.

[3] Там же. 2, 9.

[4] *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. Getica. СПб., 1997. С. 86.

Золотой кулон, перстень, диадема, бляшки, Ленинск. *Кат. 349—353*

Европы, что способствовало ускорению падения Западной Римской империи и положило начало новой эпохе в истории Европы.

После распада гуннского объединения многие народы, ранее скрывавшиеся под общим именем «гунны», стали вести независимое существование. Это время слабо освещено письменными источниками. Из византийских и закавказских исторических хроник до нашего времени дошли отдельные их названия: барсилы, болгары, кутригуры, утигуры, хазары. Они занимали степи Восточной Европы, отдельные из них в последующее время сыграли заметную роль в истории этого региона.

Памятников гуннского времени в южно-русских степях известно немного. В основном они представлены погребальными комплексами. На конец прошлого века их было известно немногим более 50, да еще несколько случайных находок. Отчасти это объясняется постоянными перекочевками, перемещениями, активной внешней политикой, отсутствием продолжительной оседлости.

Погребальный обряд гуннского времени представляет собой сложное, синкретичное и в то же время достаточно самобытное явление. Большинство из известных погребальных комплексов гуннской эпохи были ограблены, что весьма затрудняет их культурно-исторический анализ. В современной археологической литературе выделяют несколько видов захоронений гуннского времени.

Курганные погребения с обрядом кремации или ярко выраженным культом огня. Погребения с трупоположением под курганами с останками или шкурами коня, иногда без останков коня. Погребения с трупоположением без курганной насыпи с захоронением целого коня, его останков или без таковых. Разнообразие погребального обряда, видимо, отражает полиэтничную структуру гуннского объединения. Следует отметить, что погребальный обряд европейских гуннов очень сильно отличается от центральноазиатских, древнехуннских традиций.

В материальной культуре гуннов существует несколько категорий вещей, происхождение которых связано с центрально-азиатскими культурными традициями. В первую очередь это комплекс вооружения. Используемые гуннами наконечники стрел (крупных размеров, с ромбовидной или ярусной формой) имеют прямые аналогии в более ранних памятниках с территории Монголии, Тувы, Забайкалья, Саяно-Алтая. В IV—V вв. данные типы наконечников стрел являются доминирующим типом в стрелковом комплексе вооружения Восточной Европы. В вооружении кочевников используется сложносоставной лук так называемого «гуннского» типа, который имел большие размеры (120—160 см) и костяные рефлексирующие накладки и существенно отличался от бытовавшего ранее лука «скифского» типа. Следующей категорией вещей, сохраняющей центрально-азиатские традиции у европейских гуннов, были литые бронзовые котлы. Это были крупные сосуды полуяйцевидной формы с массивными фигурными ручками по обе стороны от венчика на небольших конусовидных поддонах. Картография находок таких котлов показывает, что наибольшая их концентрация сосредоточена на территории Северного Китая, Монголии, Забайкалья, Алтая, Приуральско-Поволжского региона, а также на территории Румынского Подунавья и Паннонии.

В целом вещевой комплекс из погребений гуннского времени представлен разнообразными категориями. К образцам вооружения относятся уже упоминавшиеся луки

Серебряная диадема, Верхнеяблочный. *ГЭ*

Вверху: **Золотая диадема, Верхнеяблочный.** *ГЭ*

«гуннского» типа, разнотипные наконечники стрел, колчанные наборы. Из клинкового вооружения известны находки мечей с ромбовидными перекрестиями, встречаются мечи, характерные для позднесарматской культуры. Известна небольшая серия однолезвийных клинков. Часто клинковое оружие богато украшалось инкрустацией. Категория ударного оружия представлена редкими находками наконечников копий. Из защитного вооружения известны находки кольчужных доспехов, единичных экземпляров шлемов, фрагментов щитов.

Для погребений гуннского времени характерно преобладание «всадниче ских» захоронений с достаточно богатым и различным инвентарем: различные категории предметов вооружения, захоронения коней и конской упряжи. Предметы конского снаряжения представлены деталями конской сбруи. Достаточно часто они декорировались различными типами инкрустаций, накладками из драгоценных металлов (золото, серебро). Наиболее распространенный мотив орнамента — тисненые схематические изображения человеческих лиц: круглолицые, с выделенными узкими глазами, небольшим ртом и прямым носом.

Имеется очень выразительная серия богатых женских захоронений. Женские украшения представлены диадемами, изготовленными из бронзовых пластин и покрытыми тонким золотым листом, инкрустированными цветными камнями из граната, альмандина, янтаря, сердолика, стекла. Украшениями, бытующими только в гуннскую эпоху, были колты — височные подвески, изготовленные из золота и также украшенные вставками из цветных камней. Известны и богатые женские нагрудные украшения, выполненные в похожей манере. Интересно, что в применении камней для декорирования украшений предпочтение отдавалось различным оттенкам красного цвета, например, гранату.

Археологических памятников гуннского времени на территории Волгоградской области известно немного, представлены они несколькими погребениями. Такая ситуация объясняется тем, что гунны в движении на запад долго не задержались в Нижнем Поволжье, а когда они создали свою державу с центром в Паннонии, нижневолжский регион был далекой восточной ее периферией.

У хут. Верхнеяблочный Котельниковского района в 1902 г. были найдены в разграбленном женском гуннском захоронении диадема и два колта. Диадема была изготовлена из бронзы и обернута тонким листом золотой фольги. По форме представляла из себя узкую прямоугольную пластину с вставками на лицевой стороне из граната и украшенную филигранью и зернью. По верхнему краю диадемы проходила фигурная лента в виде грибовидных выступов. Колт по форме представлял собой округлый плоский диск, по краям которого расходятся лучи. На оборотной стороне колта изображена сакральная композиция: на так называемом «древе жизни» сидит птица, под ним расположены животные. Колт крепился к диадеме.

У дер. Нижняя Добринка бывшего Камышинского уезда в 1914 г. кладоискателями было разрушено погребение со следами сожжения. Вещи поступили в Саратов и в настоящее время хранятся там в краеведческом музее. Среди них два обломка железного меча; железные наконечники трехперых стрел; бронзовое кольцо-псалий с надетым на него бронзовым наконечником от удил с зажимом, на котором сохранились остатки золотого покрытия с гнездами для вставок; бронзовая изогнутая пластина от конской упряжи с золотым покрытием со вставками в напаянных гнездах; прямоугольные узкие бронзовые пластинки от конской упряжи, обтянутые золотым листом со штампованным орнаментом в виде кружков, соединенных прямыми линиями; бронзовая бляха; наконечник от уздечных

ремней, обтянутый золотым листом. Вещи носят следы пребывания в огне, все они повреждены.

В 1954 г. археологической экспедицией под руководством В. П. Шилова у с. Верхнепогромное в одном из курганов было открыто женском погребение, в котором обнаружена фрагментированная диадема, украшенная вставками из альмандинов, золотая сережка в виде колечка, шаровидная бусина из опала. В погребении находились кости ног и черепа лошади.

В 1956 г. в кургане в окрестностях г. Ленинска той же экспедицией исследовано впускное женское захоронение гуннского времени. Тело умершей женщины покоилось в гробовище. На ее черепе находилась узкая золотая пластина от налобной повязки. С левой стороны у плеча лежал фрагмент кулона, изготовленного из золота с вставками камней красного сердолика и янтаря. Кулон украшал филигранный орнамент из зерни и тонкой проволоки. На груди располагалось украшение из округлых золотых пластинок в виде монист. На левом запястье был серебряный браслет, а на пальце золотой перстень с вставками из полированного красного стекла. Около левой стопы найден овальный медальон из синего стекла в золотой оправе. Кроме того, здесь обнаружены лепной горшок, остатки деревянного сосуда, обломок китайского зеркала, железный кинжальчик с деревянной ручкой. В засыпи ямы были обнаружены кости ног и череп быка.

ХАЗАРЫ

Ранняя история хазар практически не освещена письменными источниками, сообщения о них передаются в форме преданий или легенд. Согласно одной из них, приведенной в «Церковной истории» Иоанна Эфесского и дошедшей до нас в более поздних хрониках XII и XIII вв., во времена правления византийского императора Маврикия из района внутренней Скифии (Азиатской Скифии в представлении позднеантичной географии) вышли три брата с тридцатью тысячами скифов. Пройдя путь за 65 зимних дней, они достигли реки Танаис. Один из братьев, по имени Булгар, взял десять тысяч скифов, перешел через Танаис, расположился у Дуная и обратился к Маврикию с просьбой о выделении земли. Их расселили на границе для защиты от аваров. Этих скифов стали называть булгарами. Два оставшихся брата, одного из которых звали Хазарик, откочевали в страну алан Берсилию. В дальнейшем все население Берсилии со времени господства Хазарика стало называться хазарами.

В информации, восходящей к хазарскому царю Иосифу, отмечается, что первоначально предки хазар были малочисленны, вели войны со многими народами, которые были могущественнее и сильнее их. Известно, что Сасанидскому Ирану в конце V в. и в VI в. в пределах Восточного Кавказа противостояли хазары. Персидский царь Кавад I и его сын Хосрой Ануширван, согласно арабской исторической литературе, возводят оборонительные фортификационные сооружения для предотвращения набегов. Оборонительные линии располагались в Прикаспии, к югу от Дербентского прохода. При описании этих сооружений арабский историк ал-Масуди уточняет, что они возводились для отражения опасности со стороны народов, живущих по соседству, а именно хазар, аланов и других.

В 60—70-е гг. VI в. прикаспийские земли до Дербента попали под власть Западно-Тюркского каганата, хазары в составе нового политического объединения принимают участие на стороне Византии в войне против Персии. Ключевым событием в ранней истории хазар является распад Западно-Тюркского каганата в 630—640-е гг. в результате междоусобной борьбы.

До распада Западно-Тюркского каганата Хазария являлась его провинцией. С середины VII в. начинается процесс образования Хазарского каганата во главе с представителями знатного древнетюркского рода Ашина. В 50—60-е гг. хазары ведут победоносную войну с Великой Болгарией, располагавшейся в Восточном Приазовье. Часть болгарских племен влилась в Хазарский каганат и стала подвластной хазарам. Другая часть болгар во главе с Аспарухом, оказавшая наибольшее сопротивление хазарам, отошла к Дунаю. К началу VIII в. хазары контролировали территорию современного Дагестана и Прикубанья, приазовские степи, частично степи Северного Причерноморья и большую часть Крыма с входившими в нее приморскими городскими центрами.

В конце VII — начале VIII в. главным политическим центром Хазарского каганата являлось Северо-Восточное Предкавказье, здесь находилась его столица Беленджер. Главным противником хазар в этот период был могущественный Арабский халифат. Хазары в войне с арабами опирались на союз с Византией. Межгосударственные хазарско-византийские отношения были скреплены браком между

Битва русов с хазарами.
Рис. О. Федорова

Хазарский воин. IX в.
Рис. О. Федорова

Глиняные горшки с поселения у ст-цы Суворовской

сыном византийского императора и дочерью хазарского кагана. Их сын под именем Лев IV Хазар правил Византийской империей в 775—780 гг.

Хазаро-арабская война носила затяжной характер. Согласно различным письменным источникам, известно несколько десятков крупных военных столкновений арабов с хазарами в период с 706 по 737 г. Эти военные кампании носили переменный успех. Территории часто переходили из рук в руки. В 737 г. арабская армия под руководством Мервана, родственника халифа, проводит наиболее успешную военную операцию на Кавказе против хазар. Арабская армия, состоящая из 150 тыс. воинов, пройдя Кавказские горы двумя маршрутами, через Дербент и Дарьяльское ущелье, устремилась на хазар. Хазарский каган, не ожидавший такого развития событий, был вынужден бежать на Волгу. Арабы настигли и разгромили хазар в Заволжье. Каган отправляет к Мервану посольство с просьбой о мире. Одним из требований со стороны арабов являлось принятие хазарским каганом мусульманства. Каган со своей семьей и приближенными принимает ислам. Расчет арабов был, видимо, связан с надеждой на распространение мусульманства в Хазарии, чтобы подчинить ее идеологически и связать с основными центрами ислама, располагавшимися на территории ислама. Однако арабам не удалось не только подчинить Хазарский каганат, но и поставить его в вассальную зависимость. Не получило широкого распространения на территории каганата и мусульманство.

После продолжительных и в конечном итоге неудачных войн с Арабским халифатом политический центр Хазарского каганата перемещается с Северного Кавказа в Нижнее Поволжье. Происходит переселение ряда народов, входивших в состав каганата, алан, болгар и самих хазар, в более спокойные районы, на территорию волжских, донских и донецких степей. Часть болгарских племен откочевала в Прикамье. Личный домен хазарских каганов стал располагаться на территории, ограниченной реками Волгой, Доном, Манычем и Каспийским морем. Столицей Хазарского каганата стал город Итиль, основанный в низовье Волги, которая в то время также называлась Итиль.

Население Хазарского каганата было полиэтническим, его основу составляли болгары, аланы и собственно хазары. Соответственно, и религиозные верования у них были различными. Основная масса кочевого населения исповедовала тенгрианство и шаманизм. Культ Тенгри был наиболее распространен среди тюркоязычного населения. Хазарский каган воплощал идеализированный образ Тенгри — бога неба. На территории Крыма и Кавказа, входящих в Хазарский каганат, было распространено христианство и мусульманство. Становление Хазарского каганата, его социально-экономическое развитие, положение на международной политической арене, а также необходимость господствующей идеологии приводят к поиску и выбору основной конфессии. Выбор пал на иудаизм как государственную религию, что имело, в первую очередь, политическое значение. Мусульманский Арабский халифат и христианская Византия являлись основными влиятельными соседями каганата. Принятие христианства или мусульманства значило признание своей зависимости от них.

Первым, кто принял иудаизм, согласно легенде, изложенной в письме царя Иосифа, был бек Булан. Булан был представителем одного из знатных хазарских родов, его потомок Обадия в начале IX в. захватывает государственную власть и провозглашает себя царем. Он не принадлежал к династии хазарских каганов и носил титул бека. Ему удалось при поддержке иудеев и своих соплеменников сосредоточить всю полноту государственной власти в своих руках и подчинить себе каганат. Обадия становится первым хазарским царем, сохранив при этом должность кагана. С этого момента власть кагана становится номинальной, он воспринимается как сакральный ее символ, обожествленное ее олицетворение. Иудаизм получает статус государственной религии. Власть царя передается по прямой мужской линии от отца к сыну. Царь Иосиф особенно отмечал этот факт: «Чужой не может сидеть на престоле наших предков, но только сын садится на престол отца своего. Таков наш обычай и обычай наших предков»[5]. Назначение кагана одобрял и утверждал царь. Он также осуществлял и проводил как внутреннюю, так и внешнюю политику Хазарского каганата. В IX в. хазарских царей именовали «беками», а позднее «каган-беками».

Об общественно-политическом и социальном устройстве хазар сохранилось достаточно мало сведений. Наряду с родовой аристократией в Хазарском каганате существовали разного ранга чиновники. Например, в Фанагории находился болгарский правитель и каганский тудун. В городских центрах, кроме тудунов, все судопроизводство находилось в руках судей. Учитывая полиэтничный и разноконфессиональный характер населения каганата, судей было много, и судили они по разным законам: каждую группу населения, объединенную одной верой, судил соответствующий судья. Полицейские и охранные функции в государстве выполняла наемная гвардия кагана, состоявшая из мусульман, известных как лариссии, или аларсии.

Согласно сведениям арабского географа Истахри, все хазары делятся на белых и черных. Это традиционная тюркская социальная стратификация общества, деление на две социальные категории. Черные хазары являются зависимым населением, белые — привилегированным, куда входила родовая и служилая аристократия. Высшую ступень в хазарской иерархии занимала родовая аристократия, состоящая из представителей различных народностей. Каганом мог стать только представитель правящего рода Ашина. В Хазарском каганате, как уже отмечалось, существовала уникальная система политического соуправления-

[5] *Коковцев П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932. С. 99.

1	4
	5
2	6
3	

1. Бронзовый поясной набор, Нагавский. *Кат. 357*

2. Костяные накладки и украшения седла, Котельниково. *Кат. 360*

3. Костяные накладки на лук, Котельниково. *Кат. 360*

4. Бронзовый оконечник ремня. Случайная находка. *Кат. 358*

5. Бронзовое навершие. Случайная находка у с. Перегрузное. *Кат. 363*

6. Костяная пряжка, Сидоры. *Кат. 361*

двоевластия. Носителем древних, священных традиций и обычаев являлся каган, а хазарский царь (каган-бек) единолично правил Хазарским государством.

О власти царя и его неограниченных правах существуют документальные свидетельства арабских историков, в которых отмечается, что каган обладает номинальной властью, его только почитают и преклоняются перед ним, и хотя каган выше царя, но его самого назначает царь. По словам Ибн-Русте, «царь не дает отчета никому, кто бы стоял выше его... сам распоряжается получаемыми податями и в походы свои ходит со своими войсками»[6].

Религиозная реформа и государственные преобразования в хазарском обществе были восприняты неоднозначно. Большинство населения и аристократии не воспринимали иудаизм и новую форму управлением государством. Попытка государственного переворота была жестоко подавлена. Начавшиеся междоусобные войны в значительной мере ослабили Хазарский каганат. Занятые внутренними делами хазары не смогли оказать сопротивления внешнему противнику. С IX в. в причерноморские степи начинают проникать новые кочевые племена с востока: венгры, печенеги, огузы.

На фоне ослабления Хазарского каганата происходит усиление Киевской Руси. В 965 г. киевский князь Святослав разгромил хазарскую армию, взял город-крепость Саркел и столицу Итиль. В 985 г. сын Святослава Владимир также осуществляет успешный военный поход против болгар и хазар. После этих событий Хазарский каганат практически прекращает свое существование.

После серии неудачных войн с арабами аланы, болгары и хазары, как уже упоминалось, с территории Северного Кавказа переселяются в степные и лесостепные районы Восточной Европы. Этот процесс положил начало формированию в этих местах новой культуры — салтово-маяцкой. Ее название происходит от двух эталонных археологических памятников: Салтовского грунтового могильника, располагавшегося на Украине в Харьковской области, и Маяцкого городища, находившегося на Дону, в Воронежской области. Салтово-маяцкая культура занимает обширную территорию, большую часть бассейна Дона и Донца, Приазовье, Восточный Крым, Кубань, Северо-Восточный Кавказ, междуречье Волги и Дона. Салтово-маяцкая культура практически совпадает с территорией Хазарского каганата и в значительной мере отражает культуру его разноэтничного населения. Исследователи выделяют несколько локальных вариантов этой культуры, в том числе и нижневолжский.

При всем многообразии местных вариаций существует ряд признаков, характерных для всей салтово-маяцкой культуры, как то: 1) существование на всей территории трех основных типов жилища (полуземлянки, юрты, сырцовые сооружения на цоколях); 2) применение бесфундаментной «двухщитовой» кладки стен; 3) сходство керамического комплекса; 4) широкое распространение тарной керамической посуды, особенно амфор, баклаг и пифосов; 5) сходство различных категорий вещественного материала (конской сбруи, вооружения, предметов украшения, сакральных амулетов-оберегов).

Для погребального обряда салтово-маяцкой культуры характерно несколько типов захоронений: бескурганные катакомбные погребения, отождествляемые с аланами; бескурганные и курганные ямные погребения, считающиеся болгарскими; бескурганные и курганные подбойные погребения, атрибутирующиеся как хазарские.

Некоторые исследователи с хазарами связывали захоронения в курганах с ровиками под насыпью. Это, как правило, погребение человека под индивидуальной курганной насыпью. Во многих случаях человеческому погребению сопутствует шкура коня и барана. Шкура коня фиксируется в сложенном или растянутом состо-

Красноглиняная фляга.
Случайная находка. *Кат. 362*

Глиняный кувшин.
Случайная находка. *Кат. 364*

[6] Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омар Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея. СПб., 1869. С. 19.

нии, с отчлененными по коленный сустав конечностями. Специфической особенностью данных погребальных комплексов является круглая или квадратная в плане площадка, которая по периметру окружена рвом. В ровиках обнаруживают кости животных, преимущественно овец и лошадей, свидетельствующие о ритуальных жертвоприношениях.

Разнообразен сопутствующий погребению вещественный материал, это клинковое оружие — слабоизогнутые сабли, палаши, мечи, ножи; стрелковое оружие — фрагменты костяных накладок различных типов сложносоставного лука «хазарского типа», фрагменты берестяных или деревянных колчанов на железном проволочном каркасе, обтянутые кожей, разнотипные наконечники стрел; ударное вооружение — кистени и навершия булав; защитное вооружение — фрагменты кольчужного доспеха. Также в захоронениях встречаются лепные горшки, детали конной сбруи — удила, псалии, стремена. Известны находки декорированных наборных воинских поясов, дошедшие до наших дней в виде пряжек и блях. Встречаются византийские золотые солиды, чеканенные в Константинополе в период конца VII — начала VIII в. Иногда на монетах фиксируются сквозные отверстия для крепления на одежду в качестве украшения, ношения в качестве талисманов и т. д.

Одной из особенностей археологических памятников хазарского времени являются ритуальные погребения — кенотафы. Как правило, они представлены курганами без погребения человека. Такие курганы имели ритуальные площадки, были ограничены ровиком, чаще всего квадратным в плане. В центре площадки имелись следы от кострища, в котором находились отдельные вещи.

Кроме погребальных памятников известны и объекты поселенческого типа. Сообщение о некоторых из них имеется в письменных источниках. В Волго-Донском регионе наиболее известными являются столица каганата Итиль, крепость Саркел у ст-цы Цимлянской, крепость у ст-цы Семикаракорской.

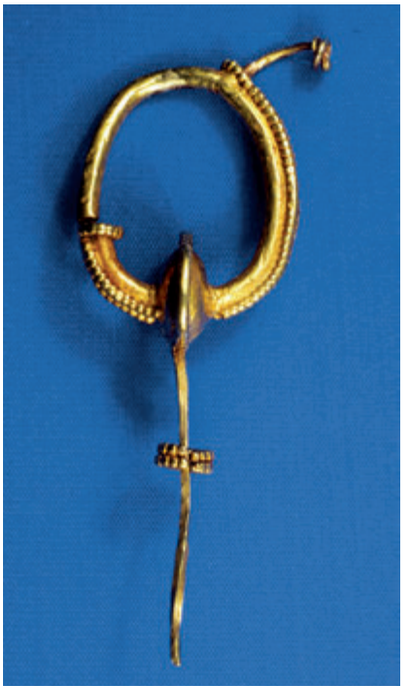
Археологические памятники хазарского времени на территории Волгоградской области представлены поселенческими и погребальными памятниками. Большая группа памятников салтово-маяцкой культуры была открыта по правобережью Дона в пределах Волгоградской области во время, предшествующее строительству Цимлянской ГЭС и образованию одноименного водохранилища. В первую очередь обследовались места, подлежащие затоплению. Скопление селищ времени Хазарского каганата было обследовано ленинградским археологом И. И. Ляпушкиным в районе станиц Нижний Чир и Суворовская Суровикинского района. На одном из них, в районе ст-цы Суворовской, были произведены частичные раскопки, в результате которых были выявлены два жилища полуземляночного типа, хозяйственная яма и гончарные печи для обжига глиняной посуды. Размеры землянок: 3,4—3,8х3 м и 5,3—5,5х4 м. На полу землянок сохранились следы от очагов, здесь же были обнаружены фрагменты битой посуды. Из таких фрагментов, собранных в одной из землянок, было восстановлено шесть сосудов, все они были изготовлены на гончарном круге и относились к разряду обыкновенной для этого времени кухонной посуды. Хозяйственная яма была заполнена костями животных и обломками глиняной посуды, среди которой встречались кувшинные формы. Три печи были расположены на краю балки, каждая из них состояла из двух частей — топки и обжигательной камеры, располагавшейся над топкой. Печи были

Бронзовый сбруйный набор, Барановка. *Кат. 354*

оборудованы в земле таким образом, чтобы вход в топку выходил на край обрыва. В перегородке между топкой и камерой имелось около восьми отверстий диаметром 10—12 см для доступа горячего воздуха в камеру.

На территории Волгоградской области были обнаружены погребальные памятники времени Хазарского каганата. Несколько погребений под небольшими курганными насыпями были исследованы археологической экспедицией Волгоградского государственного университета под руководством И. В. Сергацкова на Иловле, около с. Барановка и с. Петрунино Камышинского района и между пос. Ольховка и с. Гусевка в Ольховском районе. У Барановки было раскопано два кургана этого времени. В одном кургане погребение было разрушено грабительскими раскопками. В нем найдены фигурные накладные бляшки от сбруи из бронзы, украшенные позолотой, а также глиняный сосуд с ручкой. Во втором кургане в подбойной яме в непотревоженном состоянии на дне входа лежал череп лошади с уздой, от которой сохранились железные удила. Здесь же находились кости ног лошади и также железное стремя. В подбое с погребенным находились лепной горшок и фрагменты железного ножа. В кургане у с. Петрунино также в подбойной яме с погребенным были обнаружены деревянный остов седла, железное стремя, железные удила, костяные накладки на лук, бронзовая пряжка, железный кинжал.

Еще в одном погребении, открытом в одном из курганов могильника, располагавшемся на высоком правом берегу Иловли между Ольховкой и Гусевкой, оказавшемся ограбленным, были найдены кости лошади и овцы. В этом кургане, вне погребения, обнаружен великолепный кувшин, орнаментированный по тулову заштрихованными ромба-



Золотые византийские монеты, Нагавский. *Кат. 355.*
Барановка I. *Кат. 358*

Золотая височная подвеска, Нагавский II. *Кат. 359*

ми и расположенными между ними вдавленными окружностями.

В Царевском курганном могильнике в 1975 г. В. И. Мамонтовым было исследовано болгарское погребение хазарского времени. Среди прочего инвентаря наибольший интерес представляют амулет-оберег, изготовленный из кости и серебра, и биллонное литое зеркало с изображением скачущего на коне всадника.

Одной из наиболее интересных находок в погребениях хазарского времени являются монеты. Так, в погребении из кургана, располагавшегося у с. Барановка, был найден золотой солид с изображением византийских императоров — на лицевой стороне Константина V и Льва IV, на оборотной — Льва III. Такие монеты чеканились в Константинополе в 751—754 гг. В одном из петрунинских погребений был обнаружен серебряный дирхем, на котором имелась надпись на арабском языке. Дирхем был отчеканен в г. Эль-Гашемии (Хашемии) во время правления халифа Абу-Джафар ал-Мансура Аббасида в 756—757 гг. Византийский солид был найден в погребении одного из курганов у ст-цы Нагавской, там же были обнаружены золотая серьга с металлическими бусинами, бронзовые литые пряжки и наконечник ремня из поясного набора, бронзовая литая подвеска. Монеты являются прекрасным историческим источником, они уточняют время создания археологических памятников, свидетельствуют об экономических и политических связях.

Кроме упомянутых, погребальные памятники хазарского времени известны в районе хут. Вертячий Городищенского района, хут. Дорофеев Котельниковского района и хут. Чиков Октябрьского района. У ст-цы Верхняя Бузиновка Клетского района было открыто несколько погребений этого же времени, являвшихся, видимо, частью грунтового могильника. Грунтовый могильник салтово-маяцкой культуры был открыт у с. Оленье Дубовского района. Проведенные здесь в 1985 г. исследования зафиксировали три погребения в простых ямах, в которых найдено пять глиняных сосудов — два кувшина и три горшка.

Памятники хазарского времени были обнаружены и на территории Волгограда. В Советском районе, например, при прокладке траншеи на территории завода «Волгопромтара» было разрушено погребение, в котором находилась керамическая фляга, находящая аналогии в памятниках салтово-маяцкой культуры VIII—X вв. В Кировском районе, в 1 км к западу от пос. Отрада, на мысу Бирючей балки было обнаружено большое количество фрагментов сосудов салтово-маяцкой культуры, что свидетельствует о нахождении здесь поселения хазарского времени.

О том, что и в это время нынешняя территория города была обитаема, свидетельствует и находка в 2004 г. амфоры, типичной для хазарской керамической тары, в районе третьего шлюза Волго-Донского судоходного канала во время хозяйственных работ в одном из подворий пос. им. Кирова. Предварительные сведения позволяют предполагать наличие в этом месте культурного слоя, что может говорить о существовании здесь еще одного поселения хазарского времени.

В районе с. Перегрузное в Октябрьском районе случайно найдено бронзовое литое антропоморфное навершие, которое, по мнению некоторых исследователей, является символическим изображение сакрализованного Тенгри-хана.

ПЕЧЕНЕГИ

В конце IX в. Хазарский каганат, раздираемый внутренними противоречиями и религиозной смутой, под давлением усиливающейся Киевской Руси начал терять свое былое могущество. К этому времени на востоке степных регионов Евразии концентрируются орды тюркоязычных кочевников — печенегов, огузов, кыпчаков. Под влиянием различных обстоятельств в разное время эти племена вынуждены были осваивать территории восточно-европейских степей, лежащие к западу от них.

Прародиной печенегов являлось владение Кангюй, известное по данным хронистов ханьского Китая. Эта территория локализуется к востоку и юго-востоку от Аральского моря, в среднем течении Сырдарьи. В первой половине 1-го тыс. н. э. Кангюй был населен преимущественно кочевыми ираноязычными племенами. В середине VII в. область была завоевана Западно-Тюркским каганатом, что обусловило значительную тюркизацию местных племен. Этногенез печенегов, таким образом,

протекал с участием двух групп населения — потомков местных ираноязычных племен Кангюя и пришедших с востока древнетюркских племен. Весьма вероятным представляется сопоставление ранних печенегов с «кенгересами» древнетюркских рунических памятников первой половины VIII в., обитавших к востоку от Сырдарьи.

Этимология названия, обозначающего печенежские племена, не получила общепринятого толкования. В русских летописях они именуются «печенези», «печенеги», в византийских источниках — «пачинакиты» и «пачинаки». Близкие по своей форме этнонимы присутствуют и в других языках — латинском, армянском, венгерском. В арабской средневековой литературе печенеги, очевидно, фигурируют под именем «баджнак».

Существует несколько версий происхождения слова «печенег» (тюрк. *беченек*). В XIX в. финский ученый П. Д. Европеус объяснял термин «печенеги» как производное от угорского словосочетания, обозначающего «сосновые люди», т. е. «люди, живущие в сосновых лесах». В этой связи было высказано предположение о том, что печенежский этнос складывался в Заволжье на основе пришлых из Средней Азии печенегов-канглов, покоренных ими сарматских и лесных финно-угорских племен. По другим исследователям, наименование «печенеги» произведено от тюркского имени Бече. Так, например, могли звать первого вождя печенежского племенного союза. В степях известно несколько примеров именно такого происхождения этнического наименования — по имени первого главы правящего в союзе рода. Сравнивают также наименование печенегов с тюркским словом, обозначающим «шурин», «свояк». В подобном толковании, по мнению ряда исследователей, отражается привилегированное положение печенежских племен, поставлявших невест для правивших в племенном союзе династий.

В настоящее время общепринятым является сопоставление «кенгересов» древнетюркских рунических памятников первой половины VIII в. с «кангарами» из сочинения византийского императора первой половины X в. Константина Багрянородного. Согласно последнему, из восьми печенежских племен, обитавших в южно-русских степях, только три племени («народы трех фем») могли называться «кангарами» «как более мужественные и благородные, чем прочие, ибо это и означает прозвище кангар...»[7].

Присырдарьинские территории печенеги занимали до конца IX в. Затем они были вынуждены откочевать со своих исконных территорий, в основном в западном направлении. Печенеги были вытеснены огузами, которые в IX—X вв. активно осваивают среднеазиатские степи. Часть печенегов вошла в огузское объединение, часть мигрировала в заволжские степи, обосновавшись здесь на какое-то время. Вскоре вслед за ними в волго-уральские степи прорвались и огузы. Печенеги оказались зажаты между Хазарским каганатом, восточные рубежи которого проходили по Волге, и напирающими с востока огузскими племенами. Огузы заключают соглашение с хазарами и, по словам Константина Багрянородного, «пойдя войною на пачинакитов, одолели их и изгнали из собственной их страны... Пачинакиты же, обратясь в бегство, бродили, выискивая место для своего поселения»[8]. Из сообщения византийского императора остается неясно, кто выступал инициатором союза против печенегов и в каком направлении мигрировали печенежские орды. Согласно мнению известного специалиста в области средневековой истории и археологии С. А. Плетневой, инициатива заключения союза против печенегов принадлежала хазарскому кагану, стремившемуся обезопасить свои восточные рубежи от набегов кочевников. По ее мнению, в поисках новых земель печенеги форсировали Волгу, прошли по основной территории враждебной Хазарии, захватив западные районы Северного Причерноморья.

По другой гипотезе, инициаторами союза с хазарами выступали огузы, для которых важно было зачистить от печенегов заволжские территории, открыв прямые пути к основным городским цивилизациям Восточной Европы. Согласно этой версии, печенеги были вытеснены не через основные территории Хазарии, а в обход ее северных рубежей на северную окраину волго-уральских степей. Данная территория и явилась промежуточным «плацдармом» в продвижении печенегов на запад за Волгу.

Датируется огузско-хазарско-печенежский конфликт и исход печенегов из Заволжья, скорее всего, 90-ми гг. IX в. Известно, что в 895 г. печенеги напали на древнемадьярскую (венгерскую) территорию Леведию. Месторасположение этой области неопределенно. Ее размещали между Доном и Кубанью, между Волгой и Доном, между Доном и Северским Донцом, между Доном, Днепром и Днестром, между Днепром и Северским Донцом. Мадьяры вынуждены были уйти еще дальше на запад, в местность, называемую Ателькуза[9]. Однако и отсюда мадьяры должны были мигрировать под давлением печенегов в Среднее Подунавье.

Итак, к началу X в. предопределилось образование и самостоятельное развитие двух группировок печенегов — Европейской и Заволжской Печенегии. Территория Европейской Печенегии охватывала степные пространства от излучины Дона до Дуная. Во втором десятилетии X в. печенеги оказались вовлечены в довольно сложную цепь политических событий, главными игроками в которых являлись Византия, Болгария и Древнерусское государство. Первые достоверные сведения о контактах печенегов с населением русских земель относятся, пожалуй, к 915 г., когда «приидоша печенези первое на Рускую землю и створивше мир с Игорем, идоша к Дунаю»[10].

В течение X в. с Древнерусским государством печенегов связывали самые разнородные отношения. Известно, что, кроме мирного договора 915 г., князь Игорь в 944 г. заключал военный союз с печенегами для совместного похода на Византию. Император Роман не решился дать бой русскому князю и печенегам, послал им навстречу «лучших бояр», откупился от них, послав им «паволоки и золото». Причем после этого Игорь «повеле Печенегомъ воевати Болгарьскую землю...»[10]. Спектр отношений с печенегами включал также и военные столкновения. В 920 г. Игорь ходил на них походом, что зафиксировано в Ипатьевской летописи: «Игорь же воеваше на печенегы»[10]. Но политическая подоплека этого похода не ясна. Существует мнение о том, что в 965 г. при князе Святославе печенеги

---

[7] *Багрянородный Константин.* Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий. М., 1991. С. 159.

[8] Там же. С. 155.

[9] Слово происходит от венгерского «этелькёз» — «междуречье». Точное месторасположение этой области не установлено. Скорее всего, судя по названиям рек, протекавших в этой местности, Ателькуза располагалась в междуречье Днепра и Сирета (*Багрянородный Константин.* Указ. соч. С. 163, 393).

[10] Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М., 1908. Т. II. Стлб. 32.

Глиняный сосуд, Бахтияровка I. IX—X вв. *Кат. 381*

участвовали в русском походе на Хазарию, хотя прямых и безусловных данных об этом нет.

В 968 г. печенеги организовали крупный поход на русские земли. Это одно из первых сообщений о набеге степных кочевников на Русь. Воспользовавшись отсутствием Святослава (он в это время вел войну за болгарские земли на Дунае), печенеги осадили Киев. Город и княжеская семья были спасены воеводой Претичем, организовавшим десант к крепостным стенам Киева. Вскоре подошел и сам Святослав «събра вои и прогна Печенегы в поле и бы мирно»[11]. Мир оказался недолговечным. Возвращаясь в Киев после тяжелых военных действий, которые Святослав вел в болгарских землях против болгар и византийцев в 971 г., князь на днепровских порогах попал в засаду, устроенную печенегами. Летописи сообщают, что в 972 г. киевский князь «с малой дружиной» погибли в результате нападения печенежского хана Кури, который приказал отрубить голову Святославу и из черепа сделать окованную золотом чашу.

Печенеги все более и более активно вовлекаются в систему отношений с русскими князьями. В 980 г. печенеги участвовали в междоусобной борьбе Владимира с Ярополком за киевский стол, выступая на стороне старшего брата. Позднее победивший Владимир вынужден укреплять южные рубежи Киевской Руси, для того чтобы оградить свои земли от постоянных набегов кочевников: «И нача ставити городы по Десне, и по Остру, и по Трубежу, и по Суле, и по Стугне. И нача набирати мужи лутшии от Словен, и от Кривич, и от Чуди, и от Вятичи и сих несели в грады бе бо рать от Печенег и бе воюясе с ними и одолея им»[11]. Однако полностью снять печенежскую опасность Владимиру так и не удалось. В Ипатьевской летописи под 993 г. помещен рассказ о набеге печенегов со стороны реки Сулы. Противостояние на Трубеже закончилось борьбой поединщиков, победителем в которой вышел русский воин. Следующий набег, отмеченный летописцем, печенеги совершают в 996 г. на г. Василев. Здесь уже Владимир со своей дружиной потерпел поражение от орды кочевников. В следующем году ситуация еще более осложнилась, т. к. в то время со стороны печенегов «рать велика беспрестани». Владимир не смог отразить набег кочевников. Печенеги осадили Белгород, и только хитрость жителей вынудила кочевников отойти от города.

Первые годы XI в. ознаменованы относительным затишьем в противостоянии печенегов с Владимиром. В наиболее ранних летописных сводах (Лаврентьевской и Ипатьевской летописях) печенеги не упоминаются до 1015 г. Эта лакуна может быть восполнена сведениями епископа Бруно, который в начале XI в. вел миссионерскую деятельность в восточно-европейских землях, в том числе и среди печенегов. Бруно сообщает, что он от лица русского князя заключил с печенегами мир, гарантом которого со стороны князя Владимира являлся его сын-заложник. Скорее всего, заложником к печенегам был направлен Святополк. Интересно, что в борьбе между Святополком и Ярославом за киевский престол на стороне Святополка активное участие принимали именно печенеги — в 1016 и 1019 гг. Святополк использовал печенежские контингенты для борьбы с Ярославом, в 1018 г. «окаянный» князь скрывался от Ярослава в печенежских вежах.

Под 1034 г. Ипатьевская летопись (в Лаврентьевской летописи это событие датируется 1036 г.) фиксирует последний крупный набег печенегов на Русь. Печенеги осадили Киев, но Ярославу с помощью варяго-словенской дружины, которую он собрал в Новгороде, удалось полностью разбить кочевников.

После этого печенеги уже не беспокоили южные рубежи русских земель. Под ударами огузов-торков они вынуждены были откочевать на запад к Дунаю, к границам Византийской империи.

После огузско-хазарско-печенежского конфликта в конце IX в., когда основная масса печенегов вынуждена была под давлением огузов осваивать южно-русские степи, какая-то их часть осталась за Волгой на северных окраинах волго-уральских степей (территория Заволжской Печенегии). Об этом достаточно четко писал Константин Багрянородный: «Да будет известно, что в то время, когда пачинакиты были изгнаны из своей страны, некоторые из них по собственному желанию и решению остались на месте, живут вместе с так называемыми узами и поныне находятся среди них, имея следующие особые признаки (чтобы отличаться от тех и чтобы показать, кем они были и как случилось, что они отторгнуты от своих): ведь одеяние свое они укоротили до колен, а рукава обрезали от самых плеч, стремясь этим как бы показать, что они отрезаны от своих и от соплеменников»[12]. Эти данные подкрепляются сведениями независимого источника. Арабский путешественник Ибн-Фадлан во время своей поездки в Волжскую Болгарию в 922 г. встретил на берегу озера Шалкар в Западном Казахстане печенегов. Рассказывая о них, Ибн-Фадлан пишет: «И вот они темные брюнеты с совершенно бритыми бородами, бедны в противоположность гуззам»[13]. Суммируя материалы письменных и археологических источников, границы Заволжской Печенегии могут

[11] Ипатьевская летопись... Стлб. 106.

[12] *Багрянородный Константин.* Указ. соч. С. 157.

[13] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Пер. и коммент. под ред. акад. И. Ю. Крачковского. М.; Л., 1939. С. 65.

быть очерчены в следующих пределах: северная граница — бассейн реки Самара, западная граница — левобережье Волги в пределах современных Самарской, Саратовской и севера Волгоградской областей, южная граница — низовья Узеней и среднее течение реки Илек.

Не совсем понятны отношения между оставшимися печенегами и огузами, завоевавшими степи Заволжья и Приуралья. Большинство исследователей считают, что в волго-уральских степях в X—XI вв. сформировалась некая «огузско-печенежская общность» как конфедерация двух различных по своему происхождению кочевых народов. Вместе с тем в качестве альтернативной точки зрения высказывается мнение о том, что в указанный период печенеги и огузы представляли собой два самостоятельных этнополитических объединения, а какое-либо этнокультурное смешение двух народов отсутствовало.

Печенежская группа погребений Заволжья и Приуралья отличается следующими характеристиками: сочетанием основных и впускных погребений; погребениями в мелких простых прямоугольных ямах; вытянутым на спине положением погребенных, ориентированных головой на запад; наличием шкуры коня, размещаемой на дне ямы, как правило, слева от человека и такой же, как у погребенного, ориентировкой. В этой группе в вещевом инвентаре захоронений присутствуют кольчатые удила без перегиба и глиняные сосуды. Посуда представлена лепными кувшинами с шаровидным туловом и вытянутым цилиндрическим горлом и приземистыми горшками. Характерна и орнаментация керамики — это насечки по венчику или прочерченный орнамент в виде дуг-гирлянд.

На территории Волгоградской области памятников, которые можно было бы надежно связать с печенежским этносом, немного. С одной стороны, это связано с кратковременным характером пребывания печенегов в Нижнем Поволжье в IX в. Под давлением огузов они вынуждены были достаточно быстро покинуть осваиваемые земли и продвигаться дальше на запад. Те же печенежские группировки, которые в конце IX—X вв. подчинились огузам, были смещены в северные районы волго-уральских степей. С другой стороны, вычленение печенежских памятников сопряжено с некоторыми сложностями. Уж очень невелик перечень диагностирующих признаков. По сути дела, он ограничивается наличием в погребениях удил без перегиба, керамики и положением конских останков рядом с погребенным, слева от него. И не всегда в комплексах IX—XI вв. в силу различных причин фиксируются эти диагностирующие признаки. Тем не менее комплексы с наиболее выраженным печенежским обрядом известны в пределах Волгоградской области.

В устье реки Водянки на берегу реки Торгун в 90-е гг. XIX в. местными жителями был раскопан земляной курган. За процессом раскопок наблюдал студент Н. Спиридонов, описавший несколько погребальных комплексов раннего железного века, а также одно впускное средневековое погребение в простой прямоугольной яме. Погребенный лежал вытянуто на спине и был ориентирован головой на запад. У головы погребенного стоял глиняный сосуд, а слева от человека располагались череп и скаковые кости коня.

В 1973 г. экспедицией под руководством В. И. Мамонтова в курганном могильнике Журов курган, находящемся в Ленинском районе, было раскопано два кургана, в одном из которых было обнаружено впускное погребение, представляющее собой кенотаф, содержащий шкуру лошади и вещи IX—XI вв. Останков человека здесь не было, а останки коня сопровождали железная сабля в деревянных ножнах, стремена, а также бронзовые бляшки поясного и уздечного набора. Накладки представлены бляшками в виде полумесяца с ушками, квадратными бляшками с прорезями, украшенными растительным орнаментом.

Не исключена возможность печенежской принадлежности грунтового захоронения Сердитая Балка II у с. Перекопка в Клетском районе. Комплекс не имел обычной для кочевнических погребений курганной насыпи. Захоронение было произведено на мысовой площадке балки, обнаружено в 2007 г. случайно и в момент обнаружения было частично разрушено береговым обнажением. Погребенный — мужчина 45—50 лет. Среди костей погребенного в осыпи и на дне балки рядом с погребенным были собраны детали поясного набора — серебряные гладкие бляхи-накладки (пятиугольные и округлые), цельнолитая бронзовая пряжка, серебряные штампованные шестиугольные бляшки, фрагменты бляшки-оконечника. Кроме того, погребенного сопровождали железные стрелы листовидной формы, обломки железного ножа.

ОГУЗЫ

В X — начале XI в. началось заселение восточно-европейских степей новой волной тюркоязычных кочевников — огузов. В русских летописях их именовали «торками», византийские источники в отношении этих кочевников употребляли термин «узы», в восточных средневековых сочинениях эта группа соответствует этникону «гузы», «огузы».

Исходный ареал обитания огузов — вопрос дискуссионный, т. к. прямых сведений о ранней истории этой группы кочевников нет. Достаточно популярна на сегодняшний день точка зрения о том, что до середины VIII в. огузы занимали территорию Западного Семиречья в районе озера Иссык-Куль.

В 741 г. начинается распад Второго Тюркского каганата и в этих условиях на политическую арену Центральной и Средней Азии выдвигаются крупные племенные группировки тюрок — басмылы, уйгуры, карлуки. Между этими племенами развернулось острое соперничество, в котором приняла участие и огузская группировка. В 766 г. карлуки захватили Семиречье, а огузы под давлением карлуков вынуждены были покинуть Джетысу. Переселялись огузские племена в западном направлении, постепенно осваивая территории среднего и нижнего течения Сырдарьи и Приаралье, ведя борьбу с печенегами-кангарами. В процессе этой борьбы происходит политическая консолидация огузов и оформление огузского племенного союза. В конце IX в. огузы полностью освоили степи Приаралья. В течение VIII—IX вв. происходит формирование этнической общности огузов. В основе этой общности — тюркоязычные компоненты семиреченского и южно-сибирского происхождения. В ходе своего продвижения на запад огузы ассимилировали часть печенегов-кангаров и других степных племен Сырдарьи, Приаралья и Северного Прикаспия.

В конце IX в. огузы в союзе с хазарами вытеснили печенегов за Волгу и овладели междуречьем Урала и Волги. Очевидно, к этому же времени относится формирование огузского государственного образования сырдарьинских ябгу[14] со столицей в Янгикенте.

[14] Ябгу — титул верховного правителя в среднеазиатском огузском государстве X—XI вв.

Серебряные бляхи парадного пояса, Ченин. X — начало XI в. *Кат. 366*

Серебряные украшения кожаной сумки, Ченин. X — начало XI в. *Кат. 367*

Бронзовая фигурная обкладка, Ченин. X — начало XI в. *Кат. 365*

Западной границей огузских кочевий после изгнания печенегов стала Нижняя Волга, а вся степная территория западнее Аральского моря получила название в письменных источниках «Дешт-и-Огуз» (т. е. огузская степь). Очевидно, уже с начала X в. огузы постепенно осваивают правобережье Волги. Сохранился рассказ арабского историка и географа ал-Масуди (умер в 956 г.) о том, как огузы группами переходили Волгу, совершая набеги на хазар: «...Туркские кочевники — Гуззы приходят в этот край и зимуют здесь; часто же замерзает вода, соединяющая реку Хазарскую с рукавом Найтаса, и Гуззы переправляются по ней со своими конями, — ибо вода эта велика и не ломается под ними по причине сильного замерзания — и переходят в страну Хазар. Иногда выступает им на встречу хазарский царь, когда поставленные им люди слишком слабы, чтоб удержать Гуззов препятствовать им в переправе по замерзшей воде и удалять их от его государства. Что же касается лета, то Турки не имеют тогда дороги для переправы по ней»[15].

Наиболее же полное описание жизни огузских кочевников можно найти у Ибн-Фадлана: «...Они кочевники; у них дома волосяные (из кошмы) и они (гуззы) останавливаются или уезжают. Ты видишь их дома (то) в одном месте, то такие же в другом, как делают кочевники в своих переселениях; и вот они в жалком положении. Вместе с тем они, как блуждающие ослы, не изъявляют покорности Аллаху, не обращаются к разуму и не поклоняются ничему, но называют своих наибольших старцев господами... И управляет ими совет между ними... а если заболевает из них человек, у которого есть рабыни и рабы, то они служат ему, и никто из его домочадцев не приближается к нему. Для него ставят палатку в стороне от домов и он остается в ней, пока не умрет или не выздоровеет. Если он был рабом или бедняком, они бросают его в пустыне и отъезжают от него. А если умер человек из их (числа), то для него роют большую могилу наподобие дома, берут его, одевают на него его куртку, его пояс, его лук, кладут в его руку чашу из дерева с набидом, оставляют перед ним сосуд из дерева с набидом, приносят все его имущество и кладут с ним в этом доме. Потом сажают его в нем и покрывают настилом дом над ним, накладывают над ним подобие юрты из глины, берут лошадей его в зависимости от их численности и убивают из них сто голов или двести голов или одну голову и съедают их мясо, кроме головы, ног, кожи и хвоста. И действительно, они растягивают это (все) на деревяшках и говорят: «Это его лошади, на которых он поедет верхом в рай». Если же он убил человека и был храбр, то вырезают изображение из дерева по числу тех, кого он убил, и помещают их на его могиле и говорят: «Вот его отроки, которые будут служить ему в раю»... все турки выщипывают свои бороды, кроме усов... Царя турок гуззов называют Ябгу или (вернее) это — название повелителя, и каждый, кто царствует над этим племенем, этим именем называется. А заместителя его называют Кударкин. И таким образом, каждый, кто замещает какого-либо их главаря, называется Кударкин...»[16]

На протяжении всего X в., судя по сообщениям средневековых авторов, наибольшая острота проявлялась в отношениях между огузами и Хазарским каганатом. Об этом свидетельствуют уже упомянутые сообщения и Ибн-Фадлана, и ал-Масуди. В 965 г. Хазарский каганат оказался под двойным ударом — с одной стороны, в этом году был реализован знаменитый поход киевского князя Святослава на Хазарию, с другой стороны, этим же годом датируется нападение на каганат какого-то тюркского народа. Существует предположение, что под тюрками здесь следует понимать огузов, а синхронность нападения на Хазарию являлась, возможно, результатом союзного русско-торческого соглашения.

Прямые сведения о достоверных союзнических русско-торческих отношениях датируются 985 г. В русских летописях под этим годом зафиксирован совместный поход князя Владимира и торков на Волжскую Болгарию: «Иде Володимир на Болъгары с Добрынею оуем своим в лодьях, а Торкы берегом приведе на конех, и тако победи Болгары»[17]. Постоянные войны огузы вели с сопредельным Хорезмом и Хорасаном. Хорезмшахи и наместники Хорасана вынуждены были возводить целые системы укреплений, для того чтобы обезопасить свои селения и города от набегов огузов.

На рубеже X—XI вв. из огузско-туркменской среды Туркестана выделяется фамилия Сельджуков, оформляясь в отдельное племенное объединение. Усиливающиеся противоречия между огузскими правителями Янгикента и вождями новой группировки предопределили исход части огузов и туркмен, возглавляемых сель-

[15] *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и руссах. Спб., 1870. С.131.

[16] Путешествие Ибн-Фадлана... 1939. С. 60—64.

[17] Ипатьевская летопись... Стлб. 71.

джукидами, в Маверранахр и Дженд. Так началось знаменитое движение сельджуков. В течение 20—30-х гг. XI в. огузо-туркмены захватывают Хорасан и образуют здесь Сельджукское государство, основная военно-политическая деятельность которого была нацелена на завоевание Малой Азии. После поражения в 1071 г. под Манцикертом войск византийского императора Романа Диогена вся Малая Азия оказалась завоевана сельджуками.

В середине XI в. огузская держава сырдарьинских ябгу гибнет под натиском кыпчакских племен. Давление кыпчаков с востока всколыхнуло все население Дешт-и-Огуз и вызвало миграцию огузов волго-уральских и прикаспийских степей в пределы Восточной Европы, где они стали известны в русских летописях под наименованием «торки».

Некоторые исследователи считали движение гузов-торков по степям Восточной Европы и завоевание Малой Азии сельджуками целенаправленным военно-политическим актом единого племенного объединения. В настоящее время более предпочтительной выглядит точка зрения, согласно которой единой огузской державы в границах от Балхаша до Волги не было, а существовали две независимые группировки племен — огузская в Волго-Уралье и Прикаспии и огузско-туркменско-сельджукская в Средней Азии. Различные политические и экономические ориентиры этих объединений определили расходящиеся направления миграций огузских племен.

В хронике армянского историка Матфея Эдесского около 1050—1051 гг. сообщается о разгроме огузов и печенегов «рыжеволосым» народом (хардеш), под кото-

1	3
	4
2	5

1. Детали серебряного сбруйного набора, Маяк Октября. X — начало XI в. *Кат. 368*

2. Детали серебряного поясного набора, Маяк Октября. X — начало XI в. *Кат. 368*

3. Серебряные бляшки, украшения кожаных сапог, Верхний Балыклей. Конец IX — начало XI в. *Кат. 370*

4. Серебряные браслеты, Верхний Балыклей. Конец IX — начало XI в. *Кат. 371*

5. Серебряная бляха от конской упряжи, Рахинка. X — начало XI в. *Кат. 374*

Бронзовые нашивки: четырехпетельчатая и птицевидная с привеской, Степана Разина. X — начало XI в. *Кат. 373*

Обойма ножен сабли, 15-й Поселок. X — начало XI в. *Кат. 378*

Бронзовые браслеты и фигурные ключи, Киляковка. Конец IX — начало XI в. *Кат. 377*

Вверху справа:
Серебряные бляшки уздечного набора, Киляковка. Конец IX — начало XI в. *Кат. 376*

рым подразумевается одно из кыпчакских племен. В 1055 г. Ипатьевская летопись фиксирует появление торков у границ Переяславского княжества. Сообщалось, в частности, о том, что переяславский князь Всеволод зимой ходил войной на торков и победил их. В 1060 г. русские князья Изяслав, Святослав, Всеволод и Всеслав нанесли превентивный и сокрушительный удар по торкам: «...Совокупившее воя бещислены и поидоша на коних и в лодьях бещисленое множество на Торкы. И се слышавше Торци, убоявшеся, пробегоша и до сего дни и помраша, бегающе, Божиим гневом гонимы, овии от зимы, друзии же гладом, инии же мором, судом Божиим. И так Бог избави крестьяны от поганых»[18].

Разбитые русскими князьями, теснимые с востока кыпчаками огузы бежали дальше на запад. В 1064 г. огузы-торки переправились через Дунай в пределы Византийской империи и рассеялись по дунайской равнине, Солунской области, Фракии и Македонии. В очередной раз Византия испытала все ужасы варварского нашествия. Но уже скоро, как сообщают византийские источники, голод и эпидемии, распространившиеся среди огузов, ослабили их. Болгары и печенеги, воспользовавшись этим, разгромили основные силы огузов. Уцелевшие группы кочевников частью поступили на службу к византийскому императору, частью ушли обратно в южно-русские степи, расселившись на границах Древнерусского государства. В конце XI в. на южном пограничье со степью существовало несколько районов компактного расселения огузов-торков и печенегов. Самостоятельной политической силы они уже не представляли, находились в вассальной зависимости от русских князей, их воинские контингенты активно использовались в борьбе с половцами, а также в княжеских междоусобицах.

До середины 1980-х гг. кочевнические погребальные памятники конца IX—XI вв. Нижнего Поволжья рассматривались как огузско-печенежские. Широко бытовало мнение о преждевременности разделения погребений на собственно печенежские и огузские. Обращалось внимание на перемешанность этих этносов, в силу длительного периода их взаимодействия и этнокультурного родства.

В 1985 г. волгоградский археолог В. А. Кригер на основе анализа погребений огузско-печенежского времени в Заволжье и Южном Приуралье выделил две обрядовые группы, различающиеся по локальным и частным признакам. Одну из групп исследователь уверенно соотнес с огузами. Отличительными признаками погребального обряда огузского этноса являлись: преимущественно впускной характер захоронений в более древние курганы; сооружение в основном простых прямоугольных ям; западная ориентировка погребенных; использование в могилах разнообразных деревянных конструкций — перекрытий, настилов, гробов; сопровождение погребенного так называемой шкурой коня (т. е. черепа и костей ног коня). Причем главной отличительной составляющей последнего признака является тот факт, что в огузских погребениях останки коня располагались непосредственно над погребенным, т. е. в засыпи ямы, на перекрытии, на гробе или колоде.

Корреляция признаков погребального обряда с вещевым материалом захоронений позволила выделить предметы этнографического характера, свойственные огузскому этносу. К таковым были отнесены копоушки с ажурным щитком, птицевидные нашивки и привески, свинцовые пряслица в женских и детских погребениях, уздечные наборы, представляющие собой разнообразные накладки из цветных металлов, и миндалевидные решмы, поясные наборы и височные серьги. Для поясных и уздечных накладок из цветных металлов (чаще всего использовалась бронза и серебро)

[18] Ипатьевская летопись... Стлб. 151—152.

Детали серебряного поясного набора. Случайная находка у с. Новоникольское. X—XI в. *Кат. 380*

Серебряный уздечный набор, Верхний Балыклей. *Кат. 372*

Фигурная обойма, Ленинск. X — начало XI в. *Кат. 378*

Бронзовые браслеты и фигурные ключи, Киляковка. Конец IX — начало X в. *Кат. 377*

характерна растительная и геометрическая орнаментация. Наиболее ярким этнокультурным атрибутом огузских погребений являются птицевидные нашивки и привески, а также копоушки. Известны птицевидные нашивки двух типов — в виде распростертых крыльев (по нижнему краю они дополнялись привесками в виде гусиных лапок, трилистников, сердечек и т. п.) и в виде стилизованных ажурных фигурок с птичьими головками и розетками на «крыльях». Копоушки представляли собой стержень, оканчивающийся ажурным щитком в виде овальной или сердцевидной рамки со стилизованным орнаментом, в котором угадывается солярная и птичья символика.

В последнее время выделен ряд дополнительных признаков, характеризующих огузские погребения. К ним относятся: высокий процент курганных насыпей, имеющих вытянутую, подовальную форму; определенное количество коллективных захоронений — семейных или близкородственных, что, возможно, отражает процесс закрепления огузов на определенной территории; наличие во многих случаях (до 50%) нарушения целостности состава костей человеческого скелета и погребения в целом. Последняя черта связана, скорее всего, с обрядом обезвреживания покойных, выявляемым у средневековых кочевников Восточной Европы.

К настоящему времени на территории Северного Прикаспия зарегистрировано более двухсот комплексов IX—XI вв. огузско-печенежского круга. При этом в большинстве погребений присутствуют элементы огузской культуры. Значительное их количество концентрируется в Заволжье, по левому берегу Волги и Ахтубы.

В ходе работы, проводимой Сталинградской археологической экспедицией по обследованию территорий, попадающих в зону затопления при строительстве Волжской ГЭС у с. Калиновка в Среднеахтубинском районе (бывший Пролейский район), в 1952—1954 гг. под руководством В. П. Шилова проводились раскопки крупного могильника, в котором было открыто несколько огузских погребений. Погребение 7 кургана 1 представляло собой захоронение мужчины, погребенного в рубашке из грубой ткани, подпоясанной кожаным ремнем, украшенным набором различных бронзовых бляшек, инкрустированных серебром. Погребение 19 кургана 12 — женское погребение, в котором в составе погребального инвентаря присутствовали: серебряное и бронзовое колечки в качестве головных украшений, нагрудное украшение в виде квадратной бляхи с круглой розеткой, бронзовые пуговички-бубенчики, два железных ножичка, два серебряных перстня, шарнирные ножницы, плоское бронзовое зеркало, свинцовое пряслице, пластинка из серого сланца, железное шильце. Установлено, что на погребенную был надет двубортный кафтан, застегивавшийся бронзовыми бубенчиками-пуговками.

Ряд огузских погребений раскопан Нижневолжским отрядом Сталинградской археологической экспедиции под руководством К. Ф. Смирнова в 1954—1955 гг. в двух курганных группах у р. п. Быково. Среди них присутствуют и воинские погребения (Быково-I, кург. 16, погр. 9) с полным комплектом конской сбруи и колчанным набором, и богатые женские захоронения (Быково-II, кург. 3, погр. 5) с серебряными и бронзовыми бляшками ременного набора, свинцовым пряслицем, железными пряжками, железным шильцем с деревянной рукоятью. Интересны и менее богатые погребальные комплексы Быково. Так, в кургане 10 могильника Быково-I обнаружены два погребения — подростка (погр. 11) и старой женщины (погр. 16), которые, возможно, относятся к семейным или близкородственным захоронениям.

Отрядом Сталинградской археологической экспедиции в 1957 г. в Заволжье в Степано-Разинском курганном могильнике было раскопано несколько курганов, в одном из них оказалось погребение карлика огузского времени. В составе находок в этом захоронении присутствовали птицевидная нашивка с подвесками, серьга салтовского типа, а также глиняный сосуд.

В районе озера Эльтон экспедицией Волгоградского педагогического института под руководством А. В. Лукашова были исследованы огузские погребальные комплексы в одиночном кургане у совхоза «Комсомольский», в могильниках у пос. в Громки, Ченин, Красная Деревня, Приозерный и еще в нескольких курганах к северу от озера Эльтон. В материалах этой группы захоронений нашли отражение основные особенности погребальной обрядности огузов. Наиболее интересным и представительным памятником из этой серии является погребение 4 кургана 8 могильника у пос. Ченин. Погребение представляло собой захоронение знатного огузского воина. Могильная яма, в которой лежал погребенный, имела деревянное перекрытие. На перекрытии находились останки коня в виде сложенной шкуры. Среди останков коня были найдены удила с псалиями, обломки железных стремян, подпружные пряжки, а также серебряные и бронзовые украшения ременной узды, состоящие из решмы с умбоном, пряжки и 22 бляхи. Погребенного сопровождал многочисленный погребальный инвентарь. Из находок следует отметить кожаную сумку,

обшитую внутри тканью. С лицевой стороны сумка была украшена 35 позолоченными и покрытыми чернением серебряными бляхами. На одной из блях изображены бегущие друг за другом два оленя и два кошачьих хищника. В центре этой композиции помещено изображение птицы. С левой стороны от погребенного находилась железная слабоизогнутая сабля в деревянных ножнах, обтянутых кожей. К рукояти сабли крепилась серебряная позолоченная пластина, украшенная рельефным черненым растительным орнаментом. Ножны имели серебряные обоймы для крепления сабли к поясу. Лицевая сторона обойм украшена черненым рельефным растительным и геометрическим орнаментом. С тазовых костей погребенного были собраны металлические украшения двух поясов — повседневного и парадного. В набор парадного пояса входили серебряная пряжка и 38 блях с рельефно-растительным орнаментом. Высокохудожественные украшения конской узды и костюма всадника, находимые в огузских погребениях Северного Прикаспия, позволили исследователям сделать вывод о том, что к X — началу XI в. в степях Нижнего Поволжья сложился самостоятельный центр обработки цветных металлов, знавший технику инкрустации, амальгамирования, чернения.

В кургане 7 могильника Эльтон-85 обнаружено представительное женское погребение. Могильная яма здесь также имела деревянное перекрытие, на котором лежали останки коня. Умершую сопровождал следующий погребальный инвентарь: дисковидный свинцовый грузик-пломба, обломки шарнирных ножниц, небольшая связка бус, бронзовый фигурный амулет-нашивка, две копоушки (одна целая, другая обломанная), небольшой бронзовый бубенчик, бронзовая привеска, пастовая вставка от перстня, бронзовая литая птицевидная нашивка, крылья которой украшены растительным орнаментом.

Несколько огузских погребений исследовано экспедицией Волгоградского педуниверситета под руководством А. С. Скрипкина в период с 1978 по 1980 г. в могильнике Верхний Балыклей в Быковском районе. Из находок, обнаруженных в процессе раскопок, следует отметить серебряный уздечный набор, состоящий из налобной и наносной блях-решм, 28 бляшек и серебряной пряжки (курган 5, погребение 1); серебряные браслеты, наружная сторона которых украшена резным растительным орнаментом, а также стеклянными вставками по краям и центру (курган 7, погребение 1); в этом же погребении в районе колен и ступней были собраны разнообразные серебряные бляшки, украшающие кожаные сапоги (всего 97 штук).

Богатое воинское огузское погребение было открыто экспедицией под руководством А. В. Лукашова (1991) в курганной группе у пос. Маяк Октября в Ленинском районе. В одном из курганов обнаружены серебряные накладки, украшавшие сбруйные ремни конского оголовья, парадный пояс, украшенный серебряными фигурными накладками, железная сабля, рукоять и перекрестие которой декорированы серебряными накладками. При изготовлении серебряных изделий использовались разнообразные высокотехнологические приемы — литье, чернение, ложная зернь, рифление, позолота горячим способом.

По левому берегу Ахтубы известен целый ряд исследованных в разное время кочевнических могильников, в которых присутствовали огузские погребения — у г. Волжский, с. Киляковка, у хут. Заяр, у сел Заплавное, Бахтияровка, Царев, Колобовка, Зубовка. Выделяется погребение 1 кургана 4 Киляковского могильника, исследованное экспедицией Волгоградского педагогического института под руководством Е. П. Мыськова. Женское погребение сопровождалось останками коня, которые были уложены на деревянное перекрытие. Среди обломков черепа коня обнаружены бронзовые штампованные бляшки уздечного набора. Из погребального инвентаря, которым была сопутствована умершая, следует отметить украшения и детали одежды: бронзовые пуговицы в виде полых шариков; витые бронзовые браслеты с каплевидными бирюзовыми вставками; бронзовые ажурные птицевидные нашивки; бронзовые «ключи» в виде стержней с петелькой и гофрированными утолщениями, подвешенные к поясу; шарнирные ножницы; свинцовое коническое пряслице; деревянный пенальчик с бронзовой окантовкой. На левой стороне груди погребенной сохранились остатки ткани, которые по фактуре и стилю рисунка близки известным образцам согдийских тканей. В области стоп и берцовых костей собраны 196 штампованных бронзовых бляшек, которыми были расшиты сапоги. Причем бляшки сохранили свое первоначальное положение, благодаря чему удалось реконструировать схему их крепления к сапогам.

Определенный интерес представляют коллективные захоронения у с. Колобовка. Еще в 1893 г. А. А. Спицыным было описано парное захоронение мужчины и женщины, раскопанное местными жителями. Между погребенными располагались останки коня, а в составе погребального инвентаря умерших находились пять птицевидных нашивок и четыре крестовидные бляхи для соединения перекрестных ремней конского оголовья. В 1999 г. археологической экспедицией Волгоградского госуниверситета под руководством И. В. Сергацкова были продолжены раскопки курганов в районе Колобовки. В одном из курганов были открыты впускные огузские погребения молодой женщины и мужчины с трехлетним ребенком. Расположение, ориентировка костяков, их антропологические особенности свидетельствуют о том, что погребенные были связаны системой семейно-родственных связей. Множество предметов обнаружено в мужском погребении. Над погребением на остатках деревянного перекрытия располагались череп, кости ног и шкура коня. Среди конских останков зафиксированы удила, стремена, серебряные бляхи конского оголовья. Погребенного же сопровождали обломки железного ножа, срединные боковые накладки сложносоставного лука тюркского типа, железные крепления каркаса колчана, железное кресало, железные черешковые стрелы, серебряные пряжка и оконечник поясного ремня.

Огузские мужские воинские захоронения были обнаружены также в курганном могильнике у с. Рахинка и в курганном могильнике у Пятнадцатого поселка Среднеахтубинского района.

ПОЛОВЦЫ

Во второй половине XI в. главенствующее положение в степях Восточной Европы занимают кыпчаки, предки которых обитали в Центральной Азии. Кыпчаки представляли собой конфедерацию тюркских и тюркизированных монгольских и других центрально-азиатских племенных объединений, отдельных племен и крупных родовых групп. В русских летописях кипчаки фигурировали под именем «половцы». Конгломерат половецких объединений являлся одним из крупнейших этнополитических образований средневековья Восточной Европы в середине XI — начале XIII в. На протяжении всего этого периода половецкие родоплеменные группировки играли значительную роль

Половчанка. *Рис. О. Федорова*

Золотые височные подвески XIII в. из разрушенного кургана у с. Киляковка. *Кат. 383*

в истории целого ряда восточно-европейских государств: русских княжеств, Венгерского королевства, Византии, закавказских государств, Болгарии.

В результате длительных миграционных процессов и политических коллизий кыпчакские племена к середине 40-х гг. XI в. занимают присырдарьинские земли и Приаралье и расселяются на запад вплоть до Волги. К этому времени относятся сведения Насири Хосрова, персидского поэта, чиновника и путешественника, о переименовании евразийских степей от Алтая до Волги в Дешт-и-Кипчак (Степь кыпчаков). Значительная часть кыпчаков, форсировав в середине XI в. Волгу, вытесняет огузские племена дальше на запад. И уже под 1054 г. в Лаврентьевской летописи, а под 1055 г. в Ипатьевской кыпчаки впервые упоминаются под именем половцев. Таким образом, в середине 50-х гг. XI в. кыпчаки-половцы вышли к рубежам русских княжеств.

Еще в середине XIX в. была высказана мысль о том, что слово «половцы» — производное от старославянского слова «плава» — «солома». Отсюда — «половый» (бледный, соломенный цвет) — «половцы». В настоящее время большинство исследователей полагают, что это название характеризует внешний вид кыпчаков, завоевавших степи Восточной Европы. Подобное же значение имеют названия кыпчаков у других народов: у поляков — «плавцы», у венгров — «палоч», у немцев и чехов — «валвен», «фалвен», у армян — «хартеш». У византийцев, болгар и западноевропейцев за кыпчаками закрепилось название «куманы», «команы». Широкое распространение этого названия в разновременных источниках, принадлежавших к тому же различным народам, отражает значительную роль крупного этнического кыпчакского объединения. О том, что в IX—X вв. куманы составляли крайнюю западную ветвь кыпчакской конфедерации и кочевали севернее Приаральских степей, т. е. в районе Мугоджарского горного массива, имеются сведения у арабских информаторов Ибн-Саида и Абу-л-Фиды. Очевидно, в IX—X вв. куманы представляли собой самостоятельное этническое подразделение, а в середине XI в. они выступили авангардом кыпчакского движения на запад. Название «куман» восходит к тюркскому прилагательному «куу» — бледный, желтый. Отсюда *дериват куман* (желтоватый, бледный) и калька наименования кыпчаков в других нетюркских языках.

К настоящему времени сложилось несколько точек зрения об общих границах половецкой земли. Обычно для XI—XII вв. они определяются следующим образом: степная полоса между Дунаем и Волгой. В ее состав входили также крымские степи, степная территория Предкавказья между Азовским морем и Каспием. В этих пределах в XI — начале XIII в. действовало несколько отдельных группировок половцев. При этом территориальные границы кочевых группировок не были статичны и устойчивы. Они постоянно колебались. Сами половецкие подразделения отличались и по размерам, и по политическому статусу, и по влиянию. Одни являлись крупными кочевыми объединениями и играли значительную роль в восточноевропейской политике, другие представляли собой небольшие союзы родов или орд, которые в силу различных причин быстро распадались или включались в состав более сильных группировок.

Наиболее сильными группировками в конце XI — начале XII в. являлись половцы, кочевавшие по левобережью Днепра и в днепровско-днестровском междуречье. Они возглавлялись ханами Боняком и Тугорканом, хорошо известными по русским летописям и византийским источникам.

Отряды Боняка и Тугоркана играли значительную роль в византийской политике в Подунавье. В 1091 г. на стороне византийцев они воевали против печенегов. В 1092—1094 гг. они поддержали восстание самозванца на императорский престол псевдо Диогена и участвовали в осаде Адрианополя.

К востоку от Днепра в конце XI — начале XII в. действовала другая достаточно мощная группировка половцев. Ее зимние кочевья и основные центры концентрировались в приазовских степях (летописное Поморье). Половцы этого объединения кочевали на территории от Днепра до Нижнего Дона по побережью Азовского моря в бассейне реки Молочная (Сутень).

Отдельные половецкие группы осваивали также территорию Подунавья. Одна группа половцев в 90-е гг. XI в. осела на реке Прай, другая кочевала в Добрудже. К середине XII в. относятся сведения Оттона Фризенгентского о том, что половцы кочевали с печенегами в Подунавье на востоке от Венгрии за Трансильванией. В этот же период один из нижнедунайских бродов назывался Куманским, а в конце XII в. в русских летописях зафиксирована половецкая группировка, названная подунайцами.

Одним из сильнейших половецких объединений являлась донская группировка, располагавшаяся в центре половецкой земли — в бассейне среднего течения Северского Донца (летописный Дон). Кочевья этих половцев концентрировались, судя по скоплению каменных изваяний и погребений, в районе реки Тор (правый приток Донца), в устье Оскола и выше по Донцу, рек Красная и Жеребей (левый приток Донца), в низовьях Айдара. В эти же районы были направлены походы русских князей в 1109, 1111, 1116, 1168, 1183, 1185, 1191 гг. Объединению донских половцев принадлежали также небольшие населенные пункты Шарукань, Сугров, Балин, располагавшиеся на берегах Донца. В конце XI — начале XII в. во главе донского объединения стоял хан Шарукан. В начале XII в. донские кочевья почти вплотную передвинулись к русскому пограничью, но в результате наступательной политики, проводимой Владимиром Мономахом и его сыном Мстиславом в отношении донских половцев, последние были оттеснены со среднего течения Донца.

Крупная орда во главе с ханом Атраком, сыном Шарукана, откочевала в предкавказские степи, образовав новое объединение.

В 30—50-х гг. XII в. на территории Подонья и бассейна Северского Донца кочевали отдельные разрозненные орды. В течение 70-х гг. XII в. Кончаку, сыну Атрака, удалось объединить разрозненные орды в новую донскую группировку.

Какая-то группировка половцев проживала на территории Крымского полуострова. Об этом свидетельствуют скопления каменных изваяний, особенно в восточной части Крыма.

Выделяют еще одну группировку половцев — поволжскую, которую локализуют в Нижнем Поволжье, в междуречье Волги и Дона. Данное объединение соотносится с летописными «саксинами», упоминаемыми под 1229 г.

Походы русских князей 1190—1193 гг. подорвали силы половцев и в конце XII в. набеги последних прекратились почти совершенно. В 1223 г. под угрозой татарского нашествия половцы во главе с Юрием Кончаковичем обратились за помощью к русским, считая их своими союзниками и покровителями в борьбе с новым врагом.

В первой половине XIII в. страны Восточной Европы, в том числе и половцы, столкнулись с серьезным противником — монголо-татарами. Первые столкновения по-

Серебряные височные подвески XIII в., Барановка I.
Кат. 382

ловцев с монголо-татарами относятся к 1222—1223 гг., когда рейдовые отряды, возглавляемые монгольскими военачальниками Джебе и Субедеем, через Арран и Ширван вышли на Северный Кавказ и в предкавказские степи. Этот поход закончился хорошо известной битвой на Калке, в ходе которой объединенные силы русских князей и половецких ханов потерпели сокрушительное поражение. Новый поход был организован в 1228—1229 гг. великим кааном Угедеем. Цель похода точно зафиксирована в источниках — завоевание территории Саксина, кипчаков и волжских болгар, т. е. восточной части половецких земель и западной части Дешт-и-Кипчака.

Первые рейдовые походы монголо-татар сильно обострили внутриполитические противоречия между отдельными племенами половцев. Некоторые группировки оказались совсем вытеснены со своих территорий или должны были изменить маршруты перекочевок. В силу этого интересы одних орд сталкивались с интересами других. Ослабленный половецкий конгломерат не смог устоять перед последним нашествием монголо-татар.

Последний западный поход монголо-татар был организован в 1235 г. для того, чтобы «завладеть странами Булгара, асов и Руси». В это время помимо завоевания Волжской Болгарии и русских княжеств было организовано и покорение половецких земель. Отряды Менгу-хана продвигались по территории казахстанских степей, разбив по ходу несколько кыпчакских объединений. Продвигаясь по берегу Каспийского моря, они вытеснили остатки кыпчаков к Волге. Масштабные же действия монголо-татар против половцев были развернуты в 1237—1238 гг. и проводились они Менгу и братом Бату — Берке.

Эти события вызвали массовый отток половецких орд в западном направлении, в частности в Венгрию и Валашские земли. Какая-то часть половцев откочевала в Закавказье. Так закончился период господства половцев в восточно-европейских степях.

Археологические памятники половцев, также как печенегов и огузов, представлены в основном погребальными объектами. Половецкие погребальные памятники до золоордынского времени известны по всей территории Нижнего Поволжья, однако в количественном отношении их немного. Причин этому несколько. Во-первых, сказываются определенные трудности методического порядка в выделении половецких домонгольских погребальных памятников. При схожем погребальном обряде и отсутствии узкодатированных вещей их очень сложно вычленять из общего массива позднекочевнических древностей. Во-вторых, следует помнить, что Нижнее Поволжье в XI — начале XIII в. являлось восточной периферией половецкой земли, было менее населенным, нежели Донские, Донецкие и Днепровские степи.

Еще в 50—60-е гг. XX в. были выделены специфичные признаки, характеризующие домонгольские половецкие погребальные памятники. Определены следующие черты погребальной обрядности: каменная обкладка насыпи или обычай использовать камень в устройстве могильной насыпи; сооружение отдельной ямы, сопровождающей захоронение целой туши коня или ее частей; вытянутое положение костяка и восточная ориентировка погребенных; противоположная ориентировка останков коня. Позднее была отмечена еще одна существенная деталь, специфичная для половецкого обряда. Согласно наблюдениям исследователей, у половцев в отличие от огузско-печенежского времени бытовала практика сопровождения умершего шкурой коня, у которой кости конечностей отчленялись по колено или выше. Инвентарь половецких погребений довольно представителен. Воинские мужские погребения содержат сабли, копья, берестяные или кожаные колчаны со стрелами, ножи, кресала. В более престижных комплексах обнаруживаются кольчуги, шлемы, крученые серебряные и золотые распрямленные гривны, клепаные металлические котелки и чашки. Последние два предмета, скорее всего, имели не утилитарное назначение, а являлись некими символическими атрибутами. Распрямленная гривна, скорее всего, может быть соотнесена с жезлом, связанным, в свою очередь, с культом предков. По мнению исследователей, распрямленная гривна мыслилась кочевниками как некий медиатор, символ посредничества между обществом людей и подземными силами. Установка в погребениях металлических котелков (казанов) — признак кормильца и главы рода, племени. Поэтому зачастую подобные захоронения соотносятся с погребениями родовой и племенной аристократии. Типичными находками в женских погребениях являются серьги с напускной бусиной, бусы, лазуритовые подвески, зеркала и гребни, ножи, кресала, ножницы.

Начало сражения Игоря Святославовича с половцами. Миниатюра Радзивилловской летописи

Половецкое каменное изваяние, Кременская. Конец XII — начало XIII в. *Кат. 384*

Половецкое погребение раскопано в 2006 г. экспедицией Волгоградского государственного университета у с. Аксай Октябрьского района. При выборке верхних слоев могильного заполнения в северной части ямы обнаружены кости коня — задние и передние ноги, отчлененные по колено, а также череп. Останки животного располагались вдоль северной стенки ямы и были ориентированы черепом на восток. Погребенный, мужчина 30—40 лет, лежал в деревянном гробовище. Из комплекса были извлечены железные стремена, костяная ворворка, бронзовые колечки, сплетенные из проволоки, и фрагменты мелких серебряных предметов, стеклянная бусина, сильно коррозированные фрагменты сабли (?), обломки костяных накладок лука, обломок колчанной петли, железные черешковые наконечники стрел, серебряный стержень. Вытянутость, заостренность предмета, его месторасположение в кисти правой руки сближает этот предмет с категорией распрямленных гривен из половецких погребений Восточной Европы.

В настоящее время на территории Нижнего Поволжья исследован ряд средневековых комплексов, в погребальном инвентаре которых присутствуют серебряные и золотые височные подвески с биконической нанизкой и коническими шипами. Подобные комплексы не многочисленны, но хорошо известны кроме Поволжья в Поросье, в Поднестровье, в Подонье и на Северном Кавказе. Этническая атрибуция таких погребений проблематична. Высказывались различные мнения по этому вопросу. Одни исследователи атрибутировали их как половецкие и датировали обычно достаточно узко, в рамках XII — начала XIII в. В других исследованиях по средневековой кочевнической проблематике подчеркивался интернациональный характер подобных украшений, которые рассматривались как проявление своеобразной моды. Существует достаточно обоснованная гипотеза о соотнесении таких комплексов с черными клобуками. Черные клобуки — это конгломерат племен из печенегов, торков, берендеев, возможно, половцев, которые были расселены в Поросье на южных границах Руси в качестве конфедератов киевского князя. Подобные объединения русские князья активно использовали для разрешения междоусобных споров, а также для защиты своих рубежей от степных кочевников. Наличие же погребений с височными подвесками в Подонье, на Северном Кавказе, в Поволжье отражает миграционные процессы, перемещение поросских кочевников в обозначенные районы в середине XIII в. после татаро-монгольского завоевательного похода в европейской части Евразии.

В 1970 г. у с. Киляковка Среднеахтубинского района из разрушенного кургана была извлечена одна золотая височная подвеска и проволочное кольцо с остатками оплетки конических нанизок второй подвески.

В погребении одного из курганов Дорофеевского могильника в Октябрьском районе обнаружено захоронение в яме с заплечиками. На северном заплечике лежала шкура коня (череп и конечности). Среди конских останков обнаружены бронзовые бляхи оголовья, железное стремя. В самом погребении обнаружены золотые полусферические бляшки-пуговки, золотая подвеска, бронзовый клепаный котелок. Подобные комплексы, главной отличительной особенностью которых является наличие височных подвесок с биконической нанизкой и коническими шипами, обнаружены также в могильниках Барановка I в Камышинском районе, Ложки II в Калачевском районе, в одиночном кургане в Котельниковском районе.

Весьма специфичной категорией половецких памятников домонгольского времени, в том числе на Нижней Волге, являются каменные изваяния, или, как их еще называют, «каменные бабы». Изображали они и женщин, и мужчин. Известны они повсеместно, на всей территории обитания половцев, в том числе и на территории Волгоградской области. Датируется данная категория находок концом XI — началом XIII в.

В настоящее время сложилось довольно устойчивое мнение о том, что изваяния связаны с культом предков, являясь изображениями семейно-родового покровителя или умершего вождя. Несомненным фактом является и то, что изваяния никак не связаны были с погребением умершего, а являлись местом поминального культа. Об этом писал Низами (XII в.) в поэме «Искендер-намэ»: «И приходят кыпчаков сюда племена, И пред идолом гнется кыпчаков спина. Пеший путник придет или явится конный, — Покоряет любого кумир их исконный. Всадник медлит пред ним и, коня придержав, Он стрелу, наклоняясь, вонзает меж трав. Знает каждый пастух, мимо гонящий стадо, Что оставить овцу перед идолом надо»[19]. Информацию Низа-

Захват русскими половецких веж. Миниатюра Радзивилловской летописи

Половецкое каменное изваяние. Случайная находка в Нехаевском районе. Конец XII — начало XIII в. *Кат. 385*

[19] *Низами Гянджеви.* Искендер-намэ: В 5 т. М. 1985. Т. 5. С. 366.

ми можно считать достоверной, т. к. его жена — Афак (Апак), кыпчачка по происхождению, была прекрасно осведомлена об обрядах и обычаях кочевников.

Каменные и деревянные изваяния устанавливались, как правило, при сооружении специальных святилищ. При всем многообразии характер устройства святилищ сводится к двум типам. Первый тип — со статуей или статуями на вершинах курганов более раннего времени, на выровненных площадках, иногда выложенных камнем. Культовое пространство часто ограничено каменными выкладками-оградками. Изваяния устанавливались в центральной части святилищ вертикально, лицом к востоку или северо-востоку. Второй тип — святилища-ямы в центральном или северо-восточном секторах насыпей древних курганов. Изваяния (большинство деревянные) установлены в ямах вертикально, лицом к востоку или северо-востоку. Здесь же часто встречаются останки жертвоприношений. Состав жертвенных животных включал такие виды, как лошадь, корова, верблюд, овца, собака. В исключительных случаях приносились и человеческие жертвы (комплексы у дер. Щегловка, балки Средняя Аюла в Сальских степях, у с. Покровка в Саратовской области).

Высказано предположение о том, что в планировке святилищ отражены представления половцев об устройстве мира. Прямоугольная или квадратная площадка, оградка символизировали землю (у древних тюрок она представлялась как плоское квадратное пространство), ограниченную четырьмя морями. В центре располагалась мировая гора или мировое дерево, своеобразным заменителем которого и являлись статуи.

Ни у кого из исследователей не вызывает сомнения, что статуи отражали идею души умершего и служили ее временным вместилищем. Это сказывается в индивидуализации и портретности изображений лиц статуй. Некоторые статуи несут на себе следы культового разрушения — поломки, сжигания, закапывания в землю. Тем самым, по мнению ряда исследователей, души умерших переправлялись шаманами в потусторонний мир во время совершения обряда последних поминок. Изваяния, которые оставались стоять, являлись семейно-родовыми покровителями, чей культ со временем заменялся культом представителей аристократии — вождей отдельных племен, орд, родов, их жен, воинов, верховных шаманов. После смерти они обожествлялись и должны были оказывать потомкам действенную помощь.

В течение XIX — начала XX в. в различных источниках упоминается представительная серия находок каменных изваяний в округе г. Камышина. Известны их находки в с. Добринка в Жирновском районе, с Захаровка в Ольховском районе. Половецкие каменные скульптуры находили и на территории нынешнего Волгограда. В 1892 г. каменное изваяние было найдено на отмели реки Царицы, около сада Воронина. В окрестностях немецкой колонии Сарепта обнаружены три каменные скульптуры плохой работы, которые были приобретены членом СУАК Ф. Гличем. Один экземпляр был передан в музей комиссии, а два других хранились в саду Ф. Глича в Сарепте.

В основном же находки половецких «баб» привязаны к Донской долине и Хоперско-Бузулукской равнине. В разное время они были обнаружены на территории теперешних Урюпинского, Нехаевского, Новоаннинского районов, их находки известны у ст-цы Нагавской в Котельниковском районе, у ст-цы Слащевской Кумылженского района, у ст-цы Алексеевской Алексеевского района, у ст-цы Кременской Клетского района.

Кроме того, в Подонье известны половецкие деревянные изваяния, подражающие каменным изваяниям. Они были обнаружены в кургане 12 и кургане 23 Новоаксайского могильника, в кургане 11 Дорофеевского могильника в Октябрьском районе, в одиночном кургане у хут. Басакин Чернышковского района. Все они найдены в более древних курганах и являлись элементами святилищ, которые сооружались в виде подквадратной, прямоугольной или овальной глубокой ямы. В яме устанавливалось деревянное изваяние, стилистически походившее на каменное. Скульптуры устанавливались лицом на восток, а в засыпи ям вокруг статуй обычно находят кости лошади и (или) барана.

В 1242—1243 гг. монголо-татары прервали завоевательный поход в Центральную Европу. Началось формирование нового монгольского государства — Золотой Орды с центром на Нижней Волге, в состав которого вошли и половцы, уцелевшие в борьбе с завоевателями и оставшиеся в южно-русских степях. Постепенно половцы ассимилировались с пришлым кимако-кыпчакским и центрально-азиатским населением, становясь основой населения Золотой Орды.

VII.
ЗОЛОТАЯ ОРДА

Золотая Орда была одним из крупнейших государственных образований средневековья. На протяжении длительного времени она играла ведущую роль в жизни целого ряда народов и оказала заметное влияние на общий ход исторического развития многих государств Евразии. Именно поэтому наиболее важные события политической жизни Золотой Орды привлекали к себе самое пристальное внимание современников и находили отражение на страницах летописей, хроник, исторических сочинений, официальных документов.

Золотая Орда, или Ак-Орда (Белая Орда), образовалась в результате завоевательных походов монгольских армий под командованием Бату в середине XIII в. Наступление на Восточную Европу не было личной инициативой Бату, решение о завоевании этой обширной территории было принято в 1235 г. на съезде-курултае в столице Монгольской империи городе Каракоруме. Именно поэтому Золотая Орда в первые десятилетия своего существования считалась составной частью Монгольской империи и по принятому в то время административно-территориальному делению представляла собой правое крыло Улуса Джучи — старшего сына Чингисхана и отца Бату.

Золотая Орда занимала огромную территорию от нижнего течения Дуная до Приаралья и от Кавказа до южных границ Руси. Степи Нижнего Поволжья, в том числе и нынешняя территория Волгоградской области, которые до прихода монголов принадлежали половцам, во второй половине XIII—XIV вв. стали политическим, экономическим и культурным центром Золотой Орды. Именно здесь находились обширные кочевые владения золотоордынских ханов, а также улусы их родственников и ближайшего аристократического окружения.

Основателем государства Золотая Орда, его первым правителем и родоначальником династии золотоордынских ханов был Бату (в русских летописях Батый). Он родился в 1206 г. и был внуком Чингисхана, сыном Джучи и Уки-футжин. Бату занял золотоордынский трон в 1243 г., сразу после возвращения из завоевательного похода против государств Центральной Европы, и оставался у власти вплоть до своей смерти в 1255 г. Он кочевал по левобережным районам Волги от дельты до Самарской излучины.

При Бату были заложены основы административно-территориального устройства Золотой Орды. Государство делилось на центр и два крыла — правое и левое, что соответствовало построению монгольских войск на поле боя. Правое крыло Золотой Орды занимало территорию от нижнего течения Дуная до Дона, центр — от Дона до Урала, а левое крыло включало в себя урало-аральские и центральноказахстанские степи. Территории центра и крыльев подразделялись на крупные кочевые улусы, которые, в свою очередь, делились на целый ряд более мелких феодальных владений. В начале 50-х гг. XIII в. по приказу Бату в низовьях Волги было начато строительство города Сарая — столицы Золотой Орды.

С целью упорядочения сбора дани в годы правления Бату был установлен своеобразный порядок выдачи ярлыков на право управления представителям феодальной аристократии всех покоренных государств, попавших в зависимость от Золотой Орды. Хан неоднократно вызывал в свою ставку многих русских князей (Александра Ярославича, Ярослава Всеволодовича, Даниила Романовича и др.) и принимал официальных представителей западно-европейских государств (Плано Карпини, Гильома Рубрука). Некоторые русские князья (Михаил Всеволодович) здесь были убиты.

Бату играл ведущую роль в политической жизни всей Монгольской империи, хотя и находился в определенной (с 1251 г. формальной) зависимости от каганов Каракорума. Он успешно противодействовал стремлению имперской администрации организовать новые широкомасштабные походы против государств Западной Европы и Ирана. Именно по инициативе хана Бату в 1251 г. в Каракоруме великим каганом Монгольской империи был избран Менгу.

После смерти Бату правителем Золотой Орды стал его старший сын Сартак. Он был провозглашен ханом в Каракоруме по распоряжению кагана Менгу. Еще до вступления на престол Сартак обратился в христианство и стал играть заметную роль в делах покоренной Руси, его ставку неоднократно посещали многие русские князья. Сартак кочевал по правобережным районам Нижнего Поволжья. Он активно поддерживал политику каракорумского правительства, которая не отвечала интересам большинства золотоордынских аристократов. В 1256 г. вскоре после возвращения из Каракорума Сартак был отравлен сторонниками Берке — младшего брата Бату.

Смерть Сартака не привела к серьезному изменению политической ситуации в Золотой Орде, т. к. позиции Каракорума в это время были еще достаточно сильны. В 1257 г. по повелению кагана Менгу на золотоордынский трон был посажен мало-

Бату. Китайская средневековая миниатюра XIII в.

На с. 164:
Бронзовые зеркала XIII—XIV вв.
Кат. 427—429

летний сын Сартака Улагчи (в русских летописях Улавчиа, или Улавич), а реальная власть на длительный срок отдана вдове Бату Боракчин. Эти назначения вновь были осуществлены не на курултае, а по распоряжению кагана, т. е. в обход пожеланий большинства золотоордынских царевичей и эмиров.

Боракчин была одновременно вдовой Бату, матерью Сартака и бабкой его малолетнего сына Улагчи, кроме того, после смерти Бату она вышла замуж за Тукана — младшего брата Сартака — и родила от него царевича Туда-Менгу, который впоследствии стал ханом Золотой Орды. В некоторых русских летописях Боракчин названа великой княгиней, она обладала огромным политическим влиянием и фактически управляла государством в годы формального царствования Улагчи, с 1257 по 1259 г. При Боракчин в 1257 г. была проведена первая перепись населения Руси, которой руководили имперские чиновники из Каракорума, и начата чеканка золотоордынских монет от имени кагана Менгу.

При Бату, Сартаке, Улагчи и Боракчин Золотая Орда продолжала оставаться улусом Монгольской империи, однако если зависимость Бату от Каракорума была лишь формальной, то Сартак и Боракчин, несомненно, являлись марионетками Менгу и проводили политику, которая серьезно ущемляла интересы большей части кочевой золотоордынской аристократии. В августе 1259 г. Менгу скоропостижно скончался и положение резко изменилось. Около полугода в империи вообще не было правителя, а затем появилось сразу два кагана — Хубилай и Ариг-Буга, которые начали вооруженную борьбу за императорский трон. Воспользовавшись нестабильной обстановкой, золотоордынские аристократы сумели избавиться от Улагчи, отстранить от власти Боракчин и возвести на престол своего ставленника Берке, который имел законные права на трон. После того как Берке овладел золотоордынским престолом, Боракчин встала на путь государственной измены. Она отправилась за военной помощью в Иран, но была задержана сторонниками Берке и казнена.

Берке (в русских летописях Берка, или Беркаи) был четвертым ханом Золотой Орды. Он родился в 1209 г. и был внуком Чингисхана, младшим братом Бату, сыном Джучи и Султан-хатуни. Берке принимал активное участие в завоевании прикаспийских и причерноморских степей под командованием Бату в 1237—1240 гг. Он разгромил несколько половецких орд и пленил их предводителей. Именно Берке по приказу Бату в Каракоруме возводил на престол кагана Менгу. В начале 50-х гг. XIII в. Берке обратился в ислам и после этого приобрел высокий авторитет в среде мусульманских религиозных деятелей. Сначала он кочевал по степям Предкавказья и Волго-Донского междуречья, а в 1254 г. по распоряжению Бату откочевал в левобережные районы Нижнего Поволжья.

Берке пришел к власти в результате законных выборов на курултае золотоордынских аристократов в 1259 г. В годы его правления в Золотой Орде была установлена своеобразная система престолонаследия, характерная для многих раннефеодальных государств. По этой схеме потенциальными наследниками трона являлись не сыновья умершего хана, а другие его близкие родственники — братья, кузены или племянники. Определение прав старшинства того или иного претендента обычно происходило на курултаях, в работе которых принимали участие не только монгольские князья и царевичи, но и их жены. Поскольку основателем династии золотоордынских ханов был Бату, трон мог быть унаследован только одним из его прямых потомков по мужской линии. Такой порядок избрания нового хана не давал возможности одной из ветвей рода закрепиться у власти и, таким образом, консолидировал единство всего правящего дома.

В начале 60-х гг. XIII в. в борьбе за императорский трон хан Берке всесторонне поддерживал Ариг-Бугу и даже чеканил монеты от его имени. После поражения Ариг-Буги в 1264 г. Берке разорвал отношения с пекинской администрацией нового кагана Хубилая и начал проводить фактически независимую политику. В 1262 г. Берке начал затяжную войну против Ирана за спорные территории в Закавказье. На почве этого конфликта сформировались многолетние тесные дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом. В 1265 г. Берке организовал военный поход против Византии, в результате которого золотоордынская армия дошла до Константинополя.

Кочевую ставку хана Берке посещали отец и дядя Марко Поло, другие иностранные купцы, египетские и иранские послы, представители православного и мусульманского духовенства, русские князья, в том числе Александр Невский. В 1261 г. Берке поддержал идею создания православной Сарайской епископии на территории Нижнего Поволжья, по распоряжению митрополита Кирилла первым сарайским епископом был назначен Митрофан. Берке умер в 1266 г. на Кавказе во время второго похода против Ирана. Гроб с его телом доставили на Нижнюю Волгу и похоронили недалеко от столичного города Сарая.

После смерти хана Берке на золотоордынском троне утвердился Менгу-Тимур (в некоторых русских летописях Менгутимерь). Он был официально провозглашен преемником Берке еще при жизни последнего, поскольку являлся законным наследником престола. Это пятый хан Золотой Орды, он был внуком Бату, сыном Тукана и племянником Сартака. Хотя Менгу-Тимур всю жизнь оставался язычником и никогда не был мусульманином, его политика являлась прямым продолжением курса, избранного при Берке. В годы его правления дипломатические контакты между Каиром и Сараем не только не ослабели, но стали еще более оживленными, а враждебные отношения с Китаем и Ираном неоднократно обострялись и даже принимали форму вооруженного противоборства. Отношения с Византией, по-видимому, были достаточно стабильными. Менгу-Тимур был первым золотоордынским ханом, чеканившим серебряные монеты от своего имени, и этот факт неопровержимо свидетельствует о том, что в годы его правления Золотая Орда окончательно вышла из состава Монгольской империи и превратилась в независимым государство. В связи с этим интересно отметить, что на некоторых монетах, отчеканенных в Крыму и Болгаре, Менгу-Тимур назван не ханом, а каганом, т. е. верховным правителем.

Менгу-Тимур организовал несколько походов против Ирана (1267, 1269), а также успешный поход на Северный Кавказ против алан, в котором принимали участие многие русские князья (1277—1278). В 1267 г. Менгу-Тимур выдал русскому духовенству ярлык, освобождавший православную церковь от всех повинностей, налогов и дающий право митрополиту Кириллу назначать на духовные должности любых угодных ему кандидатов. В целях упорядочения сбора дани администрация Менгу-Тимура в 1275 г. организовала вторую перепись населения Руси. Менгу-Тимур кочевал по левобережным районам Нижнего Поволжья, умер в 1282 г., оставив после себя десять сыновей.

С начала 80-х гг. XIII в. одну из главных ролей в политической жизни Золотой Орды стал играть Ногай (в некоторых русских летописях Ногуй, или Ногой). Он был

полноправным Джучидом (прямым потомком Джучи — старшего сына Чингисхана) и занимал ответственные государственные посты на вполне законных основаниях. Ногай возвысился еще в годы правления Берке, однако в полной мере его политическое лидерство проявилось только после смерти Менгу-Тимура. Он являлся правителем правого крыла Золотой Орды, причем власть над этой обширной территорией досталась ему по наследству от деда — Бувала. Однако Ногай не принадлежал к правящей династии потомков Бату и поэтому не мог законным образом претендовать на ханский престол. Именно поэтому он никогда не стремился овладеть золотоордынским троном, а предпочитал выступать как умудренный опытом старейшина-ака.

Основной задачей большинства политических предприятий Ногая было превращение собственных владений в фактически независимое государство, но только при условии их формального сохранения в качестве правого крыла «единой и неделимой» Золотой Орды. Он не хотел быть ни явным сепаратистом, ни узурпатором, и именно в этом заключалась его сила. Головокружительными успехами своей политической карьеры Ногай был во многом обязан Джиджек-хатуни. Она была женой Берке, а после его смерти стала старшей женой хана Менгу-Тимура. В 80-х — начале 90-х гг. XIII в. Джиджек-хатунь являлась одной из самых заметных фигур в политической жизни Золотой Орды.

Хотя Ногай обладал огромным влиянием и неоднократно назывался царем или правителем в сочинениях многих средневековых авторов, его власть почти всегда была в большей или меньшей степени ограничена. Постоянно контролируя положение дел при дворе и оказывая определяющее влияние на решение многих общегосударственных проблем, он выполнял отдельные приказы ханов, подчеркивал свое зависимое положение и в большинстве случаев опирался не столько на подчиненные ему вооруженные силы, сколько на противоборствующие придворные группировки. Мнение о том, что Ногай неоднократно по своей воле менял золотоордынских ханов, не подтверждается имеющимися данными и несколько искажает действительную политическую ситуацию, сложившуюся в Золотой Орде в последние десятилетия XIII в.

Возведение на золотоордынский престол царевича Туда-Менгу в 1282 г. происходило при непосредственном участии Ногая, однако этого хана нельзя в полной мере считать его ставленником. Известно, что кандидатуру Туда-Менгу активно поддерживали и многие другие влиятельные представители золотоордынской политической элиты, например Джиджек-хатунь. Очевидно, сторонники возведения на трон безвольного Туда-Менгу изначально стремились к разделу сфер влияния: Джиджек-хатунь стала во главе сарайского правительства, а Ногай получил полную свободу действий в пределах своего обширного улуса.

Туда-Менгу был шестым ханом Золотой Орды. Он родился в 1257 г. и был внуком Бату, сыном Тукана и Боракчин, младшим братом Менгу-Тимура и его законным преемником на золотоордынском троне. В годы правления Туда-Менгу произошли изменения в системе сбора дани с покоренных русских земель. Собирать дань и доставлять ее в Орду стали не только золотоордынские чиновники-баскаки, но и сами русские князья, а иногда и богатые золотоордынские купцы, которые откупали сбор дани по согласованию с ханской администрацией. Еще до вступления на престол Туда-Менгу обратился в мусульманство. С первых дней своего правления он окружил себя ортодоксальными приверженцами ислама и религиозными фанатиками. Проводя время в бесконечных молитвах, многочасовых радениях и

Монгольская армия. *Рис. О. Федорова*

длительных постах, он постепенно отдалился от мирской жизни и государством управлял лишь формально, в то время как реальная власть находилась в руках Джиджек-хатуни и Ногая. В 1287 г. Туда-Менгу добровольно отрекся от власти в пользу своего племянника царевича Тула-Буги и после этого полностью отошел от политической деятельности.

Наиболее вероятно, что Туда-Менгу был отстранен от власти по инициативе партии Тула-Буги, а Ногай либо вообще не принимал участия в этой борьбе, либо он и его сторонники на выборах нового хана оказались в меньшинстве. В источниках нет сведений о том, что Тула-Буга был ставленником Ногая, отдельные факты скорее свидетельствуют об обратном. Следовательно, можно предполагать, что отстранение от власти Туда-Менгу являлось своеобразной ответной реакцией части золотоордынской аристократии на политическую деятельность Ногая и Джиджек-хатуни.

Тула-Буга (в русских летописях Телебуга) — седьмой хан Золотой Орды был правнуком Бату, сыном царевича Тарбу, племянником Менгу-Тимура и Туда-Менгу. Он являлся одним из законных претендентов на золотоордынский престол после отречения Туда-Менгу. В 1288 г. Тула-Буга организовал очередной поход против Ирана, а в 1287—1290 гг. — несколько походов против Польши и Венгрии, в которых принимали участие некоторые русские князья и Ногай. Тула-Буга предпринимал попытки ограничить сепаратистскую деятельность Ногая и укрепить верховную власть в Золотой Орде, однако потерпел поражение в борьбе со своими политическими противниками и был казнен в 1291 г. вместе с царевичами Алгуем, Тогрулджой, Малаганом, Каданом и Кутуганом.

Ногай был одним из главных инициаторов физического устранения всех членов партии Тула-Буги и возведения на престол Токты, но и в этом случае он пользовался поддержкой многочисленных эмиров и царевичей. Токта, несомненно, был ставленником Ногая. По традиционным

правилам престолонаследия некоторые родственники Токты (например, его старшие братья Абачи, Тудан, Бурлюк или младший брат Тула-Буги — Кунчек) имели больше прав на золотоордынский трон, тем не менее ханом был провозглашен именно он.

Токта (в некоторых русских летописях Тахта, или Тогта) был правнуком Бату, сыном Менгу-Тимура и Ольджайхатуни. В первые годы его правления отношения между ханским двором и Ногаем были стабильными и даже дружественными, по распоряжению Ногая и с согласия Токты было казнено несколько знатных эмиров и задушена Джиджек-хатунь. Однако постепенно положение изменилось. Повзрослевший хан не желает более мириться с всевластием Ногая, а последний начинает видеть в Токте очень опасного противника. Следствием начавшейся борьбы Токты и Ногая за господство над русскими княжествами явились золотоордынские «рати» царевича Дюденя (Тудана — старшего брата Токты) и Ток-Тимура, сформированные по распоряжению хана и направленные на Русь против великого князя Дмитрия Александровича и князя Михаила тверского, которые в своей деятельности явно ориентировались не на ханскую администрацию, а на Ногая.

Первое крупное столкновение армий Токты и Ногая произошло в нижнем течении Дона, на реке Аксай осенью 1297 г. После сокрушительного поражения Токта бежал в Сарай, а Ногай попытался значительно расширить сферы своего влияния в Крыму. Однако эта попытка не увенчалась успехом и свелась к погрому и ограблению многих крымских городов. После этих событий большая часть золотоордынской аристократии постепенно перешла на сторону хана. В 1299 г. Токта организовал второй поход, в результате которого армия Ногая была разгромлена, а сам он убит. Эта победа имела очень большое значение, но не обеспечила Токте возможности поставить под полный контроль территорию правого крыла Золотой Орды, т. к. полноправными преемниками Ногая могли быть лишь его прямые потомки. Только после гибели Джеки, Теки и Турая — старших сыновей Ногая, Токта в 1302 г. смог разделить территорию правого крыла Золотой Орды между своими родственниками и союзниками, уничтожив тем самым наследственное владение потомков Бувала.

Деятельность Ногая и его сторонников не соответствовала закономерным тенденциям государственного развития, которые вполне отчетливо проявились в Золотой Орде на рубеже XIII—XIV вв. Токта вместе со своими приближенными стремился к укреплению ханской власти и созданию сильного централизованного государства. Именно поэтому его политика находила понимание и поддержку в среде придворного сословия, духовенства, купечества, городского населения и той части кочевой золотоордынской аристократии, которая осознала необходимость политической стабилизации и экономических реформ.

После побед над Ногаем и его наследниками Токта восстановил дипломатические отношения с Египтом и Ираном, которые были фактически прерваны в конце XIII в. В 1304 г. после смерти великого князя владимирского Андрея Александровича (сына Александра Невского) Токта выдал великокняжеский ярлык Михаилу Ярославичу тверскому, а в 1308 г. решил вопрос о назначении нового митрополита всея Руси в пользу Петра — ставленника московского князя Юрия Даниловича.

В последние годы правления Токты был осуществлен перенос экономического центра Золотой Орды на территорию Нижнего Поволжья. Наиболее отчетливо изменение в отношении кочевой монгольской элиты во главе с

Клад серебряных монет XIV в., Водянское городище. *Кат. 401*

ханом к вопросам управления торгово-ремесленными центрами проявились в крупнейшей денежной реформе, проведенной правительством Токты в 1310—1311 гг. Существовавшая до этого система денежного обращения не способствовала развитию ремесла и торговли. Неодинаковые по весу и курсу серебряные монеты, чеканенные в разных центрах (Нижнем Поволжье, Волжской Болгарии, Крыму, Хорезме), сильно затрудняли денежные расчеты и являлись серьезным тормозом стабилизации экономической жизни. Реформа Токты носила общегосударственный характер. Все старые разнотипные монеты были изъяты из обращения и запрещены, на смену им пришли дирхемы столичной чеканки стандартного веса и оформления. Реформа была проведена настолько удачно, что дирхемы Токты, отчеканенные в Сарае, находились в обращении до конца 14-го столетия.

На протяжении всей своей жизни Токта оставался язычником, он умер в январе 1313 г. в возрасте около 35 лет. После его смерти золотоордынский трон занял Узбек (в русских летописях Озбяк, Азбяк, или Азояк). Он стал ханом на вполне законных основаниях, поскольку был внуком Менгу-Тимура, племянником Токты и сыном царевича Тогрулджи, казненного в 1291 г. вместе с ханом Тула-Бугой. Узбек овладел престолом при активной поддержке своего двоюродного брата Кутлуг-Тимура, занимавшего одну из высших административных должностей при дворе Токты. В возведении Узбека на трон не менее важную роль играла старшая жена его отца Баялунь. На ней Узбек женился сразу же после своего воцарения, и она стала его старшей женой — царицей, именно под таким титулом ее имя упоминается в русских летописях и именно так называл ее Ибн Батута. Кутлуг-Тимур занял должность визиря при дворе Узбека, а через 10 лет после этого был назначен наместником Хорезма.

Вскоре после восшествия на престол Узбек обратился в мусульманство и официально объявил ислам государственной религией Золотой Орды. В 1313—1314 гг. он решительно подавил вооруженный мятеж противников обращения в мусульманство всех представителей золотоордынской аристократии. До начала 30-х гг. XIV в. Узбек поддерживал тесные дипломатические контакты с Египтом и организовал несколько походов против Ирана (1318, 1325, 1335). В его ставку неоднократно вызывались многие русские князья, некоторые (Михаил Ярославич, Дмитрий Михайлович, Иван Ярославич) здесь были убиты. В 1327 г. для подавления антиордынского восстания хан Узбек направил в Тверь

Фрагмент поливной кашинной чаши XIV в., Водянское городище. *Кат. 406*

большое войско под командованием темника Федорчука в сопровождении московского князя Ивана Калиты. В 1333 г. в орде Узбека жил Ибн Батута, который оставил интересные описания придворной жизни и кочевого быта. Узбек кочевал по территории Волго-Донского региона, он умер осенью 1341 г. и был похоронен на берегу Ахтубы в пригороде Нового Сарая (Сарая ал-Джедид).

Экономическая политика Узбека являлась непосредственным продолжением деятельности хана Токты, поскольку и при Токте, и в первое десятилетие правления Узбека она проводилась в жизнь одним и тем же человеком — визирем Кутлуг-Тимуром. Правительство Узбека уделяло большое внимание строительству новых городов в Нижнем Поволжье, развитию ремесел, торговли, совершенствованию денежного обращения. Именно в годы правления хана Узбека Золотая Орда превращается в крупнейший центр международной караванной торговли и становится ключевым звеном Великого шелкового пути — единственной нити, связывающей Европу с Китаем и Индией. В начале 30-х гг. XIV в., в течение всего нескольких лет, на территории безводного и абсолютно безжизненного плато Устюрт была сооружена протяженная цепь из 6 караван-сараев, которые соединяли степи Нижней Волги с богатыми областями Хорезма. В осуществление этого грандиозного проекта были вложе-ны колоссальные деньги. Караван-сараи Учкудук, Джигельды, Косбулак, Беули, Чурук и Коскудук по сути представляли собой большие крепости, окруженные каменными стенами и фланкированные башнями. Они наглядно гарантировали безопасность всех международных торговых перевозок и одновременно являли собой величие хана Золотой Орды.

В годы правления Узбека территория Золотой Орды уже не рассматривалась как родовая собственность всех потомков хана Бату. Скорее всего, именно поэтому на золотоордынских монетах, отчеканенных после 20-х гг. XIV в., уже не изображают «высокую тамгу» — знак единства власти всех представителей дома Бату. Уходит в прошлое обычай созывать курултаи и решать на них наиболее важные вопросы. Наследование престола осуществляется по прямой линии — от отца к сыну (Узбека на троне сменил его сын Джанибек, которому наследовал его сын Бердибек). В экономической жизни государства ведущую роль начинают играть не именитые представители кочевой монгольской элиты, а высокообразованные чиновники-эмиры. Все более и более широкое распространение получает мусульманство, хотя в среде рядового кочевого населения традиционные языческие обряды сохранялись вплоть до начала 15-го столетия.

При Узбеке Золотая Орда вступила в период политической стабильности и экономического процветания. Товарно-денежные отношения проникают во все сферы жизни, наблюдается бурное развитие городов, ремесел, торговли. Эти успехи были обусловлены глубокой продуманностью нового политического курса, настойчивостью и своевременностью проведения реформ. Первый период истории Золотой Орды, характеризующийся безраздельным политическим господством кочевой монгольской аристократии, заканчивается.

У хана Узбека и его старшей жены Тайдулы было трое сыновей — Тинибек, Джанибек и Хыдрбек (в русских летописях соответственно Тинбек, Чанибек и Хидырьбек). Старшим был Тинибек, он воспитывался при дворе как полноправный наследник престола и получил прекрасное образование. Незадолго до своей кончины Узбек организовал поход для завоевания обширных областей в Хорасане (совр. Южный Туркменистан и Северный Афганистан), поставив во главе большого войска своего старшего сына. Получив известие о смерти отца, Тинибек оставил войско и направился в Сарай, чтобы занять золотоордынский трон. Однако он сумел добраться только до нижнего течения Урала. В конце 1341 г. в г. Сарайчике Тинибек был предательски убит в результате заговора, организованного Джанибеком и Тайдулой. Вскоре после этого Джанибек, при молчаливом согласии Тайдулы, казнил и своего младшего брата Хыдрбека, который в это время был еще ребенком не старше семи лет. Обратим внимание на то, что ключевую роль во всех этих событиях играла Тайдула, именно она вела переговоры с группой влиятельных эмиров, обсуждая с ними детали предстоящего убийства Тинибека. Поддержав Джанибека, она тем самым подписала смертный приговор своему старшему сыну, который являлся законным преемником Узбека. Это значит, что для Тайдулы кандидатура Тинибека была не нежелательной, а недопустимой, и его воцарение ставило точку в ее политической карьере, т. к. в этом случае царицей становилась жена Тинибека Мелике. Джанибек конечно же обещал матери в случае успешного осуществления заговора сохранить ее положение при дворе и впоследствии сдержал данное обещание. Вплоть до начала 60-х гг. XIV в. русские летописцы называют Тайдулу царицей.

Джанибек был десятым ханом Золотой Орды. Судя по отзывам современников, он был очень религиозным человеком и последовательно продолжал политику отца, укрепляя позиции ислама в Золотой Орде. Уже в самом начале своего правления он приказал уничтожить все языческие капища и святилища, а также повелел своим подданным носить чалмы, хотя в среде мусульманского населения Золотой Орды этот обычай не пользовался популярностью. Джанибек получил хорошее образование и покровительствовал наукам, торговле, уделяя при этом большое внимание развитию городов и унификации денежного обращения. В годы его правления экономический центр государства окончательно перемещается в Нижнее Поволжье. Массовые выпуски серебряных монет теперь осуществляются только в двух новых крупных городских центрах — Сарае ал-Джедид (Новый Сарай) и Гюлистане, чеканка дирхемов на монетных дворах Болгара, Крыма, Азака была приостановлена.

Мраморная византийская капитель из мечети Водянского городища

В 1356 г. Джанибек сумел овладеть обширными областями Хорасана, а после этого вместе со своим старшим сыном Бердибеком организовал поход на территорию Закавказья, в результате которого были завоеваны Азербайджан, Северный Иран и взят Тебриз. Известны серебряные монеты Джанибека, отчеканенные в этом городе. После завершения военных действий и казни правителя Тебриза Ашрефа Джанибек отправился в Сарай, поручив управление завоеванными территориями Бердибеку. По пути домой Джанибек скоропостижно скончался в 1357 г. Узнав о болезни и смерти отца, Бердибек бросил на произвол судьбы Северный Иран и спешно отправился в столицу. Утвердившись на сарайском престоле, он вызвал к себе всех своих братьев и на официальной аудиенции их уничтожил. Согласно имеющимся данным, по распоряжению Бердибека было казнено 12 царевичей, среди которых был и восьмимесячный ребенок. Однако правление Бердибека продолжалось недолго, он умер в 1359 г.

Убийство Бердибеком всех своих братьев и отсутствие прямых наследников золотоордынского трона, восходящих по прямой линии к Узбеку и Джанибеку, породило серьезные династические проблемы и явилось одной из причин, приведших к тяжелому политическому кризису. Этот период золотоордынской истории в русских летописях именуется «великой замятней». Он характеризуется ожесточенной борьбой за верховную власть, частой сменой политических лидеров и распадом государства на ряд суверенных владений. Все это в свою очередь привело к глубокому экономическому кризису — упадку ремесленного производства, резкому сокращению внутренней и внешней торговли, почти полному запустению многих городов и поселков. Золотая Орда вступила в исторически закономерный период феодальной раздробленности, через который прошли почти все средневековые государства Европы и Азии. Основными причинами феодального дробления Золотой Орды явились: определенная экономическая самостоятельность отдельных округов, натурализация хозяйства кочевого населения, определенный застой в развитии городской культуры, серьезное усиление финансовой и военной мощи отдельных феодальных группировок, ослабление центральной власти, отягощенное династическим кризисом.

После смерти Бердибека его ближайшее окружение во главе с эмиром Товлубием попыталось выдвинуть на престол устраивающего их кандидата, однако все они были уничтожены, а на сарайском троне утвердился Кульна (в русских летописях Кулпа), который, скорее всего, являлся одним из представителей столичной аристократии. Известны его серебряные монеты, отчеканенные в Сарае ал-Джедид, Гюлистане, Азаке и Хорезме. Через пять месяцев после вступления на престол Кульна вместе с сыновьями Михаилом и Иваном был убит в результате дворцового переворота, организованного Науруз и царицей Тайдулой — вдовой хана Узбека, матерью Джанибека и бабкой Бердибека.

Осенью 1359 г. новым ханом Золотой Орды был провозглашен Науруз (в русских летописях Наврус), который являлся ставленником одной из противоборствующих группировок столичной феодальной знати, возглавляемой Тайдулой. Так же как и его предшественники, он чеканил серебряные монеты в Сарае ал-Джедид, Гюлистане, Азаке и Хорезме. По данным русских летописей, Науруз находился у власти около восьми месяцев.

В это время в борьбу за золотоордынский трон впервые включаются царевичи Кок-Орды (Синей Орды) — левого крыла улуса Джучи с центром в Сыгнаке. Весной 1360 г. сарайский престол захватил представитель кок-ордынской династии Джучидов — Хызр (в русских летописях Хидырь), который на первых порах пользовался поддержкой части местной феодальной знати. Именно золотоордынские князья составили заговор, арестовали Науруза, его сына Темира, Тайдулу и препроводили их в ставку Хызра, где все они по приказу нового хана были казнены. Правление Хызра длилось около года. Он не только выдал ярлыки некоторым русским князьям, но и потребовал от них прекращения набегов ушкуйников на золотоордынские территории. Хорошо известны серебряные монеты Хызра, отчеканенные в Сарае ал-Джедид, Гюлистане, Азаке и Хорезме, кроме того, в отличие от Кульны и Науруза он сумел наладить массовое производство именных медных монет, которые в огромном количестве были отчеканены на монетных дворах Сарая ал-Джедид и Гюлистана. Весной 1361 г. Хызр вместе со своим младшим сыном Кутлуем был убит в результате очередного дворцового переворота.

В 1361 г. от Золотой Орды откололся Хорезм. Не исключено, что обособление этого богатого региона явилось ответной реакцией оседлого земледельческого населения на утверждение в Сарае представителей кок-ордынской династии, которые отождествлялись с отсталыми кочевыми традициями. Потеря Хорезма пагубно отразилась на состоянии международной караванной торговли, которая ранее приносила огромные доходы в государственную казну, а теперь была практически свернута.

После убийства Хызра сарайский престол на короткое время захватил некий Орду-мелик, который, по-видимому, так же как и Хызр, являлся представителем кок-ордынской династии Джучидов. Его правление длилось всего около месяца. В отличие от своих предшественников, Орду-мелик чеканил серебряные монеты только в Сарае ал-Джедид и Азаке, что свидетельствует о серьезном сокращении контролируемой им территории. Орду-мелика на сарайском троне сменил Тимур-ходжа (в русских летописях Темирхожа), эфемерное правление которого также продолжалось очень недолго. По сути, Тимур-ходжа контролировал только столицу государства и ее ближайшую округу. Его немногочисленные серебряные монеты чеканились только в Сарае ал-Джедид. В середине 1361 г. против Тимур-ходжи выступил Мамай. Тимур-ходжа бежал из столицы на правый берег Волги, где и был убит. Это событие следует считать первым крупным выступлением Мамая против обосновавшихся в Сарае представителей восточных районов Улуса Джучи. После устранения Тимур-ходжи Мамай вместе со своей ордой покинул тер-

риторию Нижнего Поволжья и ушел в принадлежащий ему Крым.

Мамай был одним из самых видных политических деятелей Золотой Орды в 50—70-х гг. XIV в. Он занимал высшую военно-административную должность беклярибека и обладал титулом гургана, т. к. был женат на дочери хана Бердибека, русские летописи называют его князем. Никаких прав на золотоордынский престол Мамай не имел, т. к. не принадлежал к роду Джучи. Поэтому он вынужден был прикрываться именами марионеточных ханов-Джучидов (Абдуллаха, Мухаммед-Булака, Туляка), не имевших реальной власти. В течение 20 лет Мамай контролировал обширные территории в Волго-Донском регионе, на Северном Кавказе, в Северном Причерноморье, Крыму и даже вел дипломатическую переписку с султаном Египта. Он находился в постоянной конфронтации с представителями столичной феодальной знати. Несколько раз на короткое время ему удавалось захватывать левобережные районы Нижнего Поволжья и столичный город Сарай ал-Джедид. Мамай активно вмешивался в дела покоренной Руси и неоднократно выдавал ярлыки русским князьям и митрополитам.

После устранения Тимур-ходжи сторонники местной династической линии Джучидов выдвигают на сарайский престол своего ставленника Кильдибека. По-видимому, он был племянником Джанибека, хотя выдавал себя за его сына. Очевидно, в глазах населения это должно было являться гарантией политической стабильности, которая существовала в годы правления его «отца». Монеты, отчеканенные от имени Кильдибека, выпускались в Сарае ал-Джедид, Мохши и Азаке в 1361—1362 гг. Следовательно, попытка реставрации династической линии потомков Бату позволила Кильдибеку поставить под свой контроль большую часть Волго-Донского региона и мордовские земли. Однако положение продолжало оставаться крайне неустойчивым. Уже в 1362 г. г. Гюлистан захватил Мирид (в русских летописях Амурат) — сын Хызра и очередной ставленник кок-ордынских Джучидов. Таким образом, в центральном округе Золотой Орды сложилась беспрецедентная ситуация. Степные районы верховьев Ахтубы контролировались сторонниками Мюрида, а нижнее течение — подданными Кильдибека. Вполне понятно, что такое положение долго сохраняться не могло. В 1362 г. между войсками сарайского и гюлистанского правителей произошло сражение, в котором войска Мюрида одержали победу, а Кильдибек погиб.

Расправившись с Кильдибеком, Мюрид рассчитывал существенно расширить границы своих владений, однако захватить столицу ему не удалось, поскольку там закрепился Хайр-Пулад. Тогда Мюрид попытался поставить под контроль русские земли. В 1362 г. он выдал ярлык на великое княжение Дмитрию Ивановичу московскому, но Мамай, не считая Мюрида законным правителем, выдал Дмитрию Ивановичу другой ярлык за подписью своего марионеточного хана Абдуллаха (в русских летописях Авдуля). В ответ на это Мюрид предпринял демарш и выдал еще один великокняжеский ярлык Дмитрию Константиновичу суздальскому. В 1362 г. Сарай ал-Джедид был захвачен войсками Мамая и Абдуллаха, но Гюлистан остался за Мюридом, где он продолжал чеканить монеты от своего имени. Мюрид был убит в 1363 г.

Нумизматические материалы, полученные при раскопках золотоордынских городов и кочевнических могильников, свидетельствует о том, что почти до середины 60-х гг. XIV в. в среде городского и кочевого населения Золотой Орды продолжала сохраняться определенная экономическая стабильность. По-видимому, до этого времени противоборство между различными политическими группировками, возглавляемыми Мамаем, Абдуллахом, Кулной, Наурузом, Хызром, Тимур-Ходжой, Ордумеликом, Кильдибеком и Мюридом, носило характер феодальных распрей и по большей части ограничивалось сериями вооруженных стычек и локальных сражений. После убийства Мюрида положение резко изменилось. Очевидно, именно в 1364 г. отдельные вооруженные столкновения перерастают в тотальную гражданскую войну, характеризующуюся поголовным истреблением непокорного населения и безжалостным разгромом городов.

Преемником Мюрида в Гюлистане в 1364 г. стал очередной представитель кок-ордынской аристократии — Пулад-ходжа, чеканивший серебряные монеты в этом городе в 1364—1365 гг. В середине 1365 г. Пулад-ходжу сменяет еще один представитель Кок-Орды — хан Азиз-шейх. Медные и серебряные монеты Азиз-шейха выпускались не только в Гюлистане, но и в Сарае ал-Джедид в 1365—1367 гг., что свидетельствует о временном объединении Нижнего Поволжья под властью этого правителя.

Азиз-шейх — один из последних сарайских ханов периода «великой замятни», имя которого упомянуто в русских летописях. С 1367 г. летописцы уделяют основное внимание деятельности Мамая, поэтому единственным надежным источником по реконструкции дальнейших событий в Нижнем Поволжье являются нумизматические материалы. Судя по имеющимся монетам 1369 г., Мамай и Абдуллах вновь захватывают Сарай ал-Джедид. В 1371 г. здесь чеканит монеты «царица Тулунбек-ханум», которая, скорее всего, была дочерью хана Бердибека и женой Мамая, а в 1372 г. — очередной ставленник Мамая Мухаммед-Булак.

Следует отметить, что экспансия Мамая сопровождалась значительным разрушением городских центров Нижнего Поволжья. Монетные выпуски Сарая ал-Джедид становятся нерегулярными и эпизодическими, а Гюлистан после 1367 г. уже больше никогда не заявит о себе в качестве монетного центра. Отрывочные сообщения письменных источников, повествующие о событиях на Нижней Волге в середине 70-х гг. XIV в., представляют картину чрезвычайного ослабления власти сарайских правителей, неспособных эффективно противостоять даже грабительским набегам русских пиратов-ушкуйников.

В 1374 г. правитель нижневолжского города Хаджи-Тархана Черкес-бек разбил войско Мамая и захватил Сарай ал-Джедид. Мамай вынужден был удалиться в Крым. В 1375 г. очередной кок-ордынский правитель Урус победил Черкес-бека и изгнал его из столицы, но уже в 1376 г. потерпел поражение от Каган-бека, которого в свою очередь в 1377 г. победил Арабшах — представитель кок-ордынской династии. Арабшах (в русских летописях Арапша) чеканил монеты в Сарае ал-Джедид в 1377—1378 гг. и в 1380 г., а это свидетельствует о том, что он сохранял контроль над столицей вплоть до появления на Нижней Волге нового золотоордынского хана Токтамыша.

В сентябре 1380 г. Мамай потерпел сокрушительное поражение на Куликовом поле. Он отступил в свою орду и сумел в короткий срок сформировать новое войско, но после столкновения с армией Токтамыша бежал в Крым, где был убит в городе Кафе (совр. Феодосия). Гибель Мамая существенно облегчила стоявшую перед новым ханом задачу политического объединения Золотой Орды. Уже к концу 1380 г. городские центры как западной, так и восточной части государства возобновляют монетную чеканку от имени Токтамыша.

Красноглиняная амфора XIV в., Царевское городище. *Кат. 389*

Вверху справа:
Царевское городище. Современный вид

Токтамыш был сыном Кутан-Кунчек и Туй-ходжи-оглана — одного из потомков Джучи и царевича Кок-Орды. Пользуясь политической и экономической поддержкой могучего самаркандского правителя Тамерлана, Токтамыш в 1377 г. овладел Сыгнаком и утвердил свою власть на всей территории Кок-Орды. После этого в течение 1378—1380 гг. он захватил левобережные районы Нижнего Поволжья и большинство расположенных здесь золотоордынских городов. После устранения Мамая в 1380 г. Токтамыш сумел утвердиться на сарайском престоле и объединить Золотую Орду, подавив сопротивление своих политических противников и сепаратистов. Уже осенью 1380 г. он разослал сообщения об этих победах во все русские княжества и, таким образом, официально продекларировал свои исключительные права на получение дани. В 1382 г. Токтамыш организовал большой поход на Русь, в результате которого были взяты Серпухов, Переяславль, Коломна, разорены окрестности Звенигорода, Волоколамска, Можайска, Владимира и сожжена Москва, причем Дмитрий Донской вынужден был укрыться в Костроме. После этого похода размер дани с территории великого княжества Владимирского увеличился почти вдвое и составил около 4000 рублей в год.

Получив необходимые денежные средства, Токтамыш смог приступить к восстановлению экономики Золотой Орды, почти полностью разрушенной в результате двадцатилетней смуты. Он осуществил частичное восстановление некоторых городов и сумел стабилизировать экономическую ситуацию. Следует подчеркнуть, что эта временная стабилизация не могла идти ни в какое сравнение с благодатными временами Узбека и Джанибека, поскольку многие нижневолжские городские центры так и остались лежать в развалинах или сократились до размеров небольших поселков. Тем не менее в 1380 г. правительство Токтамыша сумело провести крупную денежно-весовую реформу, после чего произошло резкое увеличение чекана серебряных монет и был налажен массовый выпуск разменной медной монеты. В это же время были восстановлены дипломатические контакты с Египтом.

В годы «великой замятни» полностью замерла международная караванная торговля и северное направление трансконтинентального торгового пути, которое приносило огромные доходы золотоордынским ханам, практически не функционировало. В это время основной торговый путь проходил через Среднюю Азию и Северный Иран, которые находились под контролем Тамерлана. Именно поэтому отношения между недавними союзниками Токтамышем и Тамерланом начинают осложняться и в конце концов перерастают в вооруженное противостояние. Инициатива развязывания военных действий принадлежала Токтамышу. В период с 1385 по 1391 г. он организовал целую серию военных походов во владения Тамерлана, но не добился положительных результатов. Он не смог отвоевать ни Хорезм, ни Тебриз, а наоборот, потерял Ширван и все кок-ордынские владения.

В 1391 г. войска Тамерлана вплотную подошли к границам Золотой Орды на Кавказе и взяли Дербент. Однако главное сражение произошло 18 июня на реке Сок. Армия Токтамыша была разбита, а сам он бежал. После разгрома вражеской армии Тамерлан ушел в Самарканд. В 1395 г. он организовал навое масштабное наступление и вторгся на территорию Золотой Орды через Дербент. В трехднев-

ном сражении на реке Терек армии Токтамыша потерпели поражение и были рассеяны, а Тамерлан приступил к систематическому уничтожению золотоордынских городов. Почти все крупные городские центры Нижнего Поволжья были разрушены в 1395 г. Весной 1396 г. Тамерлан увел свои армии в Иран.

Несмотря на целый ряд сокрушительных поражений, Токтамыш сумел сохранить власть и даже попытался установить контроль над Крымом, однако в 1397 г. был разбит войсками Тимур-Кутлука и бежал в Литву к князю Витовту. В 1399 г. войска Токтамыша и Витовта были разбиты золотоордынской армией Тимур-Кутлука и Идигея на реке Ворскле. После этого поражения Токтамыш скрылся в Западной Сибири. Он окончательно утратил былое политическое влияние в среде золотоордынской аристократии, хотя до самой смерти не оставлял попыток вернуть себе сарайский престол, пытаясь сформировать боеспособную армию и заключить новый союз с Тамерланом.

В начале XV в. новую попытку объединения разгромленной Золотой Орды предпринял Идигей. Он был беклярибеком и пытался править от имени подставных ханов-марионеток (Тимур-Кутлука, Шадибека, Пулада и др.), не имевших реальной власти. В 1400 г. правительство Идигея и Шадибека провело очередную денежную реформу, которая оказалась не очень удачной и распространилась только на территорию Нижнего Поволжья. Городская культура нижневолжского региона к этому времени практически прекратила свое существование, и кочевые традиции вновь стали доминирующими. В конечном счете Идигей так и не сумел укрепить свою власть, все ханы, которых он посадил на трон, выступили против него. Второе десятилетие XV в. прошло в непрекращающейся ожесточенной борьбе Идигея с сыновьями Токтамыша, в 1419 г. он погиб в сражении с войсками Кадыр-Берди. После гибели Идигея Золотая Орда окончательно распалась на целый ряд самостоятельных феодальных владений, крупнейшими из которых были Казанское ханство, Касимовское ханство, Астраханское ханство, Крымское ханство и Большая Орда Волжская.

На всем протяжении своего существования Золотая Орда представляла собой своеобразный симбиоз двух разных культур — высокоразвитой городской цивилизации и традиционной культуры кочевников-степняков. Население государства делилось на две неравные части — большинство всегда составляли тюркоязычные и монголоязычные кочевники, которые постоянно перемещались по степям с огромными табунами своего скота. Меньшая часть населе-

Печь для приготовления извести (раскопки А. А. Глухова, 2011 г.)

Остатки жилых построек

Раскопки на территории Царевского городища

Вверху слева:
Остатки горна для обжига керамических изделий (раскопки А. А. Глухова, 2011 г.)

Поливная кашинная чаша XIV в., *(вид сбоку и сверху),* **Царевское городище.** *Кат. 391*

ния вела оседлый образ и проживала в городах, поселках или деревнях, занимаясь земледелием, торговлей, ремеслом.

Во второй половине XIII — начале XIV в. городская культура Золотой Орды находилась в стадии становления, крупные торгово-ремесленные центры представляли собой лишь отдельные островки в бескрайнем море кочевого мира, а процент городского населения был ничтожно мал. На всей территории Нижнего Поволжья в это время существовало всего несколько больших населенных пунктов. Крупнейшими из них были город Укек, остатки которого находятся на окраине современного Саратова, и столичный город Сарай, располагавшийся в низовьях Ахтубы, у пос. Красный Яр Астраханской области.

Положение кардинально изменилось в годы правления ханов Узбека и Джанибека. Политические, религиозные и финансовые реформы начала XIV в. имели очень большое значение и сформировали надежную базу для экономического процветания государства. Начиная с 30-х гг. XIV в. на территории Нижнего Поволжья разворачивается крупномасштабное городское строительство. В небывало короткие сроки здесь возникает целый ряд крупных городов, десятки поселков и небольших деревень. Одни из них изначально планировались как стационарные пункты ханской администрации и лишь позднее стали крупными экономическими, культурными и религиозными центрами. Другие возникали в местах пересечения важных торговых путей, у удобных переправ и со временем превращались в узловые пункты внутренней и международной торговли. В целом ряде поселков и деревень, составлявших округу больших и малых городов, развивалось орошаемое земледелие, садоводство, огородничество, придомное животноводство.

Этнический состав населения средневековых городов Нижнего Поволжья был довольно пестрым, в них проживали монголы, половцы, русские, мордва, аланы и представители многих других народов. Однако основную массу населения нижневолжских городов составляли переселенцы из Хорезма и Волжской Болгарии. Подавляющее большинство населения золотоордынских городов всегда составляли мусульмане. Именно поэтому эти города имели восточный облик, они были застроены жилыми и хозяйственными постройками из жженого кирпича, самана или дерева и, как правило, имели правильную уличную планировку с общественной системой водоснабжения в виде сети арыков. В больших городах имелись различные

Поливная кашинная чаша XIV в. *(вид сбоку и сверху)* **Царевское городище.** *Кат. 390*

общественные сооружения — бани с подпольными системами отопления и подземными канализационными стоками, мечети с высокими минаретами, караван-сараи, медресе. У городов располагались обширные кладбища, состоящие из земляных курганов, простых грунтовых захоронений с кирпичными надгробиями и монументальных зданий мавзолеев, многие из которых были украшены яркими многоцветными мозаичными панно.

Однако период процветания золотоордынских городов продолжался не очень долго. Во время затяжного экономического и политического кризиса 60—70-х гг. XIV в. нижневолжская городская культура приходит в упадок. Уже в середине 60-х гг. XIV в. почти все крупные города сокращаются до размеров небольших поселков или приходят в полное запустение, причем некоторые из них навсегда прекращают свое существование.

В годы правления хана Токтамыша, ставленника всесильного правителя Самарканда Тамерлана, наблюдается определенная политическая и экономическая стабилизация. Некоторые городские центры в это время были частично восстановлены, хотя многие из них так и остались лежать в руинах. Планировка и характер застройки городов, восстановленных при Токтамыше, отличаются известным своеобразием, что может свидетельствовать об определенных изменениях в этническом составе их населения. В 1395 г. в результате завоевательного похода Тамерлана почти все нижневолжские золотоордынские города были окончательно разрушены и после этого не восстанавливались. Только Сарай и Хаджи-Тархан, расположенные в нижнем течении Ахтубы, продолжали активно функционировать и даже чеканили серебряные монеты в первые десятилетия XV в.

На территории Волгоградской области к настоящему времени известно около 20 золотоордынских городищ и селищ. Среди них Глазуновское селище в Кумылженском районе, Терновское селище в Камышинском районе, Бережновское селище в Николаевском районе, Колобовское и Зубовское селища в Ленинском районе. Однако наиболее известными и значимыми памятниками золотоордынской городской культуры являются Царевское, Мечетное и Водянское городища.

Царевское городище располагается на первой надпойменной террасе левого берега реки Ахтубы, у с. Царев Ленинского района Волгоградской области и представляет собой развалины одного из крупнейших городских центров Золо-

той Орды. Самые ранние сведения об этом городище содержатся в работах ученых-путешественников XVIII в. На существование грандиозных развалин в районе Царева указывали в ученых записках российские академики И. П. Фальк и И. И. Лепехин, краткие описания их оставили также П. С. Рычков и С. Г. Гмелин. В первой половине XIX в. многие путешественники и любители древностей посещали Царевское городище и оставили красочные описания его развалин, основанные на ярких впечатлениях, а порой — на домыслах и фантазиях. Их более подробное и правдоподобное описание составил в 1839 г. известный саратовский краевед А. Ф. Леопольдов. По его данным, вдоль Ахтубы от с. Безродного развалины тянулись на 70 верст непрерывной полосой до дер. Колобовка, а у Царева когда-то находилась центральная часть средневекового города. Группа больших сооружений, располагавшихся на вершине сырта между реками Царевочкой и Ахтубой, по мнению А. Ф. Леопольдова, являлась остатками ханского дворца. Несколько иначе описывает в своем «исследовании» эти памятники Иаков. Он также сообщает о развалинах, простирающихся на 70 верст по левому берегу Ахтубы от с. Безродного до с. Зубовка, но, по его данным, они не составляли единого целого и не представляли собой непрерывного ряда построек. Иаков, так же как и А. Ф. Леопольдов, не сомневался в том, что Царевское городище — развалины столицы Золотой Орды Сарая.

В 1842 г. саратовский гражданский губернатор А. М. Фадеев составил главе Министерства внутренних дел записку, в которой стремился привлечь внимание государственных чиновников к постоянному разграблению памятника и оседанию ценных находок в частных коллекциях как внутри страны, так и за границей. В это же время начальником межевания казенных земель Саратовской губернии подполковником Тетеревниковым совместно с несколькими военными топографами был составлен план-реконструкция Царевского городища, к которому прилагалось краткое описание развалин средневекового города. Составление инструментального плана позволило определить контуры оборонительного вала и рва, ограничивающих часть золотоордынского города, установить расположение городских кварталов, сооружений и водоемов. На плане часть городища, ограниченная валом, обозначена как «главный город», он разделен на 75 кварталов, в которых было до 1550 домов. На плане и в описании также отмечено более тысячи сооружений в пригородах Царевского городища.

Эти топографические работы впервые документально подтвердили поистине гигантские размеры средневекового города и пробудили интерес к нему со стороны правительства. На основании «соизволения» Николая I и по распоряжению министра Л. А. Перовского в мае 1843 г. начались крупномасштабные археологические исследования Царевского городища. Руководил работами титулярный советник А. В. Терещенко, он имел университетское образование, долгое время работал в Румянцевском музее, неоднократно командировался во Францию, Германию, Италию. Глубокие знания и широкая эрудиция позволили А. В. Терещенко подойти к исследованию Царевского городища с научных позиций своего времени. Для проведения археологических раскопок Царевского городища Министерство государственных имуществ предложило использовать план Тетеревникова. Однако А. В. Терещенко отнесся к этому весьма скептически, т. к. считал предложенный план слишком условным и схематичным. По этой причине в 1843 г. А. В. Терещенко представил в Министерство внутренних дел новый подробный топографический план Царевского городища, составленный землемером Васильевым.

Фрагмент мозаики XIV в., Царевское городище. *Кат. 399*

Археологические раскопки Царевского городища велись на протяжении девяти лет. За первые три года работ была выявлена общая планировка города, система водоснабжения, контуры городского вала, местонахождение внутригородских и пригородных некрополей, получен большой по объему и разнообразный археологический материал, а также собрана значительная нумизматическая коллекция. Для обработки этого обширного материала были привлечены такие известные ученые, как Х. М. Френ, В. В. Григорьев и другие. При этом и сам А. В. Терещенко продемонстрировал вполне научный для своего времени подход к решению поставленной задачи — вел полевой дневник, составлял описи находок и чертежи исследуемых курганов, отмечал на плане места раскопов. В то же время не фиксировались стратиграфические наблюдения и места индивидуальных находок, не составлялись планы раскопов, не собиралась информация о массовых находках фрагментов глиняной посуды и костей животных. Используемые на городище наемные рабочие чаще всего просто выкапывали из земли вещи и сдавали их организаторам работ, при этом основное внимание уделялось дорогим, красивым и целым предметам. Сдаваемые А. В. Терещенко царевской полиции находки зачастую просто сваливались в кучи. Не лучше обстояло дело и с вещами, отправленными в Министерство внутренних дел. Оттуда они поступили в Императорскую Археологическую комиссию, где был устроен так называемый «научный разбор» царевских древностей.

Поливной изразец XIV в. с арабской надписью, Царевское городище. *Кат. 400*

После него в фонды Эрмитажа и Оружейной палаты поступили только наиболее ценные и красивые предметы. Часть нумизматического материала без какой-либо основательной обработки была передана в провинциальные музеи и университеты. Множество предметов, найденных при раскопках Царевского городища, впоследствии было утрачено, со временем затерялись рисунки, чертежи и план с обозначением мест раскопок. Таким образом, несмотря на то, что на Царевском городище были вскрыты обширные площади, памятник так и остался малоизученным, большая часть найденных материалов оказалась потерянной для науки как в прямом, так и переносном смысле.

Ежегодно А. В. Терещенко печатал в журнале Министерства внутренних дел отчеты о результатах работ, которые зачастую представляли собой простой перечень наиболее интересных находок и краткую характеристику раскопанных бытовых и погребальных комплексов. Кроме того, А. В. Терещенко регулярно публиковал статьи в «Северной пчеле», «Москвитянине», «Саратовских губернских ведомостях». Результаты последних лет работы (1850—1851) А. В. Терещенко свел в итоговую статью, сопроводив ее собственным заключением о расположении столицы Золотой Орды на месте Царевского городища.

В Эрмитаже хранится большая коллекция предметов, обнаруженных экспедицией А. В. Терещенко на Царевском городище, среди них мозаичные панно из разноцветных изразцов; поливные отделочные плитки с полихромной росписью, растительно-геометрической орнаментацией и

Бронзовый светильник XIV в. Случайная находка на Царевском городище. *Кат. 397*

Бронзовый замочек XIV в., Царевское городище. *Кат. 396*

Бронзовая печать с арабской надписью XIV в., Царевское городище. *Кат. 396*

Фрагмент бронзового орнаментированного диска XIV в., Царевское городище. *Кат. 398*

Глиняный светильник, умывальник и копилка XIV в., Царевское городище.
Кат. 386, 387, 388

персидскими стихами; золотая чаша с ручками в виде драконов; серебряная чаша черниговского князя Владимира Давидовича; штампованная керамика со сложной растительно-геометрической орнаментацией; поливные сосуды различных форм и размеров с полихромной подглазурной росписью и поливные кашинные чаши с благопожелательными надписями; бронзовые литые зеркала с рельефной орнаментацией, арабскими и китайскими надписями; тигли и каменные формы для отливки драгоценных украшений; тысячи монет и многое другое.

В 1922 г. изучение Царевского городища продолжила экспедиция под руководством Ф. В. Баллода. За 10 дней работы на городище были проведены небольшие раскопки бытовых, погребальных, производственных и гидротехнических сооружений. На основании полученных материалов и замеров развалин плотины обводного канала вокруг центральной части городища была дана реконструкция системы бассейнов и шлюзов. На основании визуальных наблюдений Ф. В. Баллод условно разделил городище на ряд районов — административный, русский квартал, район знати, торговый район, район усадеб, «промышленный район», западный пригород, районы пригородных садов и городское кладбище на возвышенности к северу от городища.

В конце 50—60-х гг. XX в. Царевское городище стало основным объектом масштабных работ Поволжской археологической экспедиции под руководством Г. А. Федорова-Давыдова. Осмотр городища в ходе разведки 1958 г. позволил участникам экспедиции серьезно скорректировать размеры средневекового города в сторону уменьшения. Были подвергнуты сомнению выводы А. В. Терещенко и Ф. В. Баллода о существовании большого района городской застройки на территории современного с. Царев и больших участков пригородной застройки за пределами оборонительного вала, а также локализации русского квартала.

Систематические раскопки на Царевском городище проводились Поволжской археологической экспедицией в 1959—1968, 1973 гг. За это время удалось исследовать 9700 м^2. Раскопы закладывались в разных частях золотоордынского города, что позволило выяснить некоторые особенности его планировки, своеобразие застройки отдельных кварталов, характерные черты доминирующей строительной традиции, а также исследовать систему оборонительных сооружений и уточнить время ее создания.

На Царевском городище раскопан целый ряд больших усадеб, принадлежавших знати. Многие из них были окружены сильно оплывшими земляными валами с обязательным внутренним бассейном-водоемом и богатыми многокомнатными домами в центре. Как правило, усадьба имела два дома, построенных рядом и симметричных друг другу. Дома строились или сплошь из сырцового кирпича, или с кирпичными цоколями и деревянными панельными стенами. Внутри жилых помещений напротив входа вдоль трех стен всегда располагались лежанки-суфы с печью и горизонтальными дымоходами-канами, встроенными в одну из лежанок для обогрева. На внутренней обмазке печей-тандыров делались косые или волнистые насечки для выпечки лепешек. Полы, земляные или кирпичные, иногда имели в центре отверстие и резервуар под полом, куда стекала вода во время омовений.

В восточном пригороде Царевского городища раскопаны три усадьбы, расположенные вдоль одной улицы. Здесь удалось проследить несколько этапов застройки. Сначала была сооружена усадьба с двумя симметрично расположенными центральными домами для хозяев, обнесенная стеной. Затем вдоль стены появились небольшие дома, по-видимому, в них жили люди, которые обслуживали усадьбу. Позднее к первой усадьбе была пристроена вторая, с большим богатым домом, водоемом и домами зависимых людей, построенными по единому плану. В первой усадьбе работал ремесленник-косторез, во второй — тоже косторез, а также ювелир (найдены обрезки золотой проволоки и пластинок, заготовки, готовые изделия из золота, тигли с капельками золота, разрушенный горн). После этого была построена третья усадьба, вторая же пришла в запустение. По-видимому, золотых дел мастер перешел работать в эту усадьбу, он жил сначала в землянке, а затем в большом деревянном доме. Позднее на месте его мастерской появилась гончарная, от которой сохранилось два горна для обжига поливной красноглиняной и штампованной сероглиняной керамики. В южной части Царевского городища во дворах некоторых усадеб с богатыми многокомнатными домами сохранились следы от юрт — реминисценция кочевого быта у перешедшей к оседлости монгольской знати.

Особый интерес представляют две богатые усадьбы в юго-восточном, видимо аристократическом, районе города. Дом одной из них, двухкомнатный сырцовый, существовал непродолжительное время, позднее его сломали и заменили другим, намного большим. Стены этого нового дома были сложены из жженых кирпичей, он имел башенки по углам, портал и множество комнат. Дом второй усадьбы также отличался сложностью планировки: по периметру небольшого внутреннего квадратного дворика располагались хозяйственные комнаты, а по углам имелись жилые помещения с типичной для золотоордынских домов планировкой — суфами и печами-тандырами. Территория усадьбы была огорожена, вдоль ограды располагались землянки. С севера и юга во двор усадьбы вели двое ворот, причем по обеим сторонам южных ворот находилось еще два дома с массивными стенами и несколькими жилыми комнатами. На территории усадеб были расположены водоемы, обложенные огромными сосновыми бревнами.

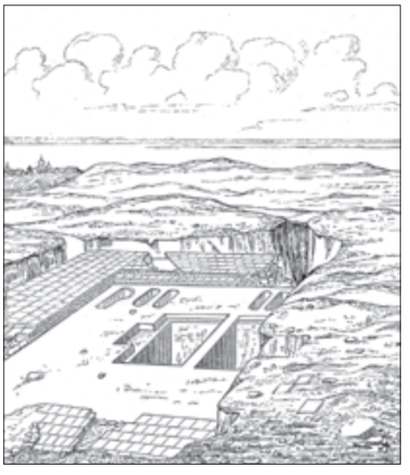
В центральной части городища раскопаны кварталы, которые были заселены ремесленниками и мелкими торговцами. Здесь обнаружена мастерская ремесленника — специалиста по изготовлению поливных кашинных плиток для мозаик и керамических фигурок животных — детских игрушек. В этой же части города был раскопан перекресток двух улиц с арыками. Выяснилось, что еще до возникновения уличной планировки на этом месте находились обширные землянки без системы отопления. Позднее здесь были построены небольшие наземные деревянные дома, объединенные уличной планировкой.

Глиняные сфероконусы XIV в. с золотоордынских городищ. *Кат. 392—394*

Каменные формы для отливки украшений, Водянское городище. *Кат. 414—416*

Первоначально на Царевском городище не было никаких оборонительных сооружений. Вал и ров здесь появились только в период смуты, в 60-е гг. XIV в., они ограничивали площадь города овалом размерами 1,6×1 км. Линия обороны была спланирована так, что обходила одни усадьбы и прорезала другие. Своеобразной особенностью Царевского городища является большое число человеческих скелетов, встреченных при раскопках жилых кварталов. Во многих домах обнаружены останки горожан — разрубленные или изуродованные скелеты, наспех положенные под стены разрушенных домов, кучи черепов. Найдены детские костяки в печах, костяки взрослых людей в подпольях. Судя по сопутствующим находкам монет и датировкам разрушения жилых построек, все эти скелеты являются останками людей, погибших в результате неоднократных погромов города во второй половине 60-х гг. XIV в.

В результате раскопок и изучения микрорельефа Царевского городища сотрудникам Поволжской археологической экспедиции удалось установить, что в центре города располагалась большая площадь, окруженная с юга и востока очень большими общественными зданиями. От этого центра к окраинам расходились улицы. На большинстве улиц имелись арыки. По валам вдоль арыков шли пешеходные дорожки, иногда мощенные битым кирпичом; через арыки устраивались деревянные мостики на перекрестках и в других местах. В юго-восточной части городища, где планировка имела усадебный характер, направления улиц определяли конфигурации усадеб, которые могли иметь квадратные, прямоугольные или трапециевидные очертания. В северо-западной части городища за главным валом имелся второй вал, которым был отделен пригород, состоя-



Раскопки и рисунки Ф. В. Баллода

Дом 1, Мечетное городище.

Дом 2, Мечетное городище

Мавзолей, Мечетное городище

щий из больших отдельно стоящих усадеб. Интересен большой комплекс из семи усадеб, объединенных в один жилой массив общими стенами. К западу от вала было большое озеро, около которого также существовала жилая застройка, а потом образовался могильник. К северу от городской территории на возвышенности находится большое пригородное кладбище протяженностью более 1,5 км. Здесь находятся земляные курганы, квадратные кирпичные ограды из сырцовых кирпичей, грунтовые захоронения с надгробиями и развалины больших мавзолеев.

За годы работ Поволжской археологической экспедиции на Царевском городище было найдено огромное количество самых разных предметов. Кроме большого числа гончарной, поливной и штампованной посуды найдены многочисленные изделия из кости, железа, цветных металлов, стекла и камня: железные ножи, наконечники стрел, цилиндрические замки, ключи, кресала, мотыга; бронзовые пуговицы, фрагменты зеркал, перстни, серьги, браслеты, наперстки, замки в виде животных, схематичные фигурки людей; стеклянные перстни, бусы, браслеты; костяные рукояти ножей, кольца для натягивания лука, наконечники стрел. Собрана огромная коллекция монет XIV в., в которой медные монеты 30-х гг. составляют 1%, 40-х — 24,5, 50-х — 53, 60-х — 19, 70—90-х гг. — 2,5%.

В 1994—1998 гг. на Царевском городище работала экспедиция Марийского государственного университета под руководством Ю. А. Зеленеева. Раскопки проводились в торгово-ремесленной части городища. Были исследованы три землянки, два жилых дома и сооружение производственного назначения, которое, скорее всего, представляло собой остатки мастерской по производству бронзовых пряжек для поясов и портупеи. Следует отметить, что мощность культурных напластований здесь превышала 2 м. Среди наиболее интересных находок выделяются целые формы больших кувшинов для воды, печных горшков, тарной керамики, замечательные образцы кашинных пиалообразных чаш с рельефом и полихромной подглазурной росписью. Кроме того, найдены многочисленные следы бронзолитейного производства, а также большое количество медных монет 30—50-х гг. XIV в.

В 1999 г. Волго-Ахтубинская археологическая экспедиция Волгоградского государственного педагогического университета под руководством Е. П. Мыськова проводила исследования северо-западного пригорода Царевского городища, расположенного на правом берегу небольшой речки Кальгуты, впадающей в Ахтубу. По мнению сотрудников Поволжской археологической экспедиции, здесь располагался пригородный могильник. Однако раскопки двух больших холмов выявили остатки жилых домов, построенных из сырцовых кирпичей. Один из них — четырехкомнатный с узким входным тамбуром, большой прихожей и двумя жилыми комнатами. В комнатах имелись лежанки-суфы, тандыр, печь и горизонтальные канны, соединенные с вертикальными дымоходами из керамических труб. У западной стены дома располагалась небольшая хозяйственная пристройка. На раскопе найдены фрагменты больших красноглиняных кувшинов для воды, поливные чаши, кубик для игры в кости и медная монета, отчеканенная в годы правления хана Джанибека. Проведенные исследования позволили сделать вывод, что большой жилой массив на северо-западной окраине Царевского городища занимал площадь около 20 га и функционировал в 40—50-х гг. XIV в.

С 2006 г. изучением Царевского городища занимается экспедиция Волжского гуманитарного института под руководством А. А. Глухова. У северо-восточного пригорода был раскопан участок мусульманского кладбища, а на северном берегу озера Солончатого — несколько хозяйственных ям. В центральной части городища выявлены остатки двух жилых домов из сырцовых кирпичей с тандырами и канами, а также серия хозяйственных ям и два туалета. На правом берегу реки Царевочки исследован большой двухъярусный горн для обжига кирпичей. При раскопках найдены интересные образцы красноглиняной посуды, поливной кашинной и сероглиняной штампованной керамики, изящный бронзовый светильник, железный замок, умбон от щита, железные пластинки от панциря, стеклянные бусы, бронзовая фигурка человечка, детали архитектурного декора, медные и серебряные монеты 30—60-х гг. XIV в. Самым замечательным достижением экспедиции А. А. Глухова является открытие средневековых жилых и производственных сооружений на территории с. Царев. На улице Буденного раскопана кирпичная печь диаметром 5 м, которая предназначалась для обжига извести, а также остатки мощного фундамента большой общественной (?) постройки. Открытие этих комплексов позволяет существенно расширить границы Царевского городища и наглядно подтверждает достоверность планов, составленных в 40-х гг. XIX в.

Анализ нумизматических материалов, найденных при исследованиях Царевского городища, позволяет предполагать, что оно было основано в конце 30-х — начале 40-х гг. XIV в. Наиболее вероятно, что городище представляет собой разва-

лины г. Гюлистана, который активно рос и развивался всего около 25 лет. Основной разрушительный удар по городу был нанесен во второй половине 60-х гг. XIV в., после чего он потерял прежнее значение крупного политико-административного и торгово-экономического центра. После погрома и массового истребления населения город сильно сократился в размерах, и только небольшая его часть, в основном южные районы, продолжала функционировать при хане Токтамыше. Город был окончательно уничтожен во время похода Тамерлана в 1395 г.

Мечетное городище расположено на правом берегу Волги, на северной окраине Волгограда, прямо напротив входа в Ахтубу. Мечетное городище привлекло к себе внимание исследователей и путешественников еще в XVII в. Упоминания о развалинах этого средневекового города имеются в работах А. Олеария, Я. Стрюйса, П. С. Палласа, И. П. Фалька, А. М. Фадеева. К началу XX в. многие средневековые постройки на городище были почти полностью разобраны для получения строительного камня и кирпича. В начале 70-х гг. XX в. здесь было развернуто крупномасштабное строительство, проведена сплошная нивелировка поверхности, все балки и овраги засыпаны, а большая часть площади городища застроена многоэтажными зданиями района Спартановка. В настоящее время городище почти полностью разрушено, только на берегу Волги в узкой прибрежной полосе у профилакториев алюминиевого и тракторного заводов до настоящего времени сохранились отдельные участки средневекового культурного слоя.

Научный интерес к Мечетному городищу возникает в начале XX в. В 1910 г. его осмотрел член Саратовской ученой архивной комиссии Б. В. Зайковский и визуально выявил развалины около 50 средневековых сооружений. В центральной части городища фиксировались остатки большой кирпичной постройки, которую местные жители называли «Мечетью Мамая». К ней примыкало полукруглое основание кирпичного минарета диаметром 4,3 м. Здесь же располагались остатки огромного каменного здания прямоугольной формы размером 100×75 м, вытянутого с запада на восток. Внутри этого сооружения вдоль длинных стен располагались ряды относительно небольших изолированных помещений, обращенных выходами на внутренний двор. Размеры и планировка не оставляют сомнений в том, что это здание было большим караван-сараем.

В 1911 г. Б. В. Зайковским и техником Царицынской земской управы В. А. Пановым был составлен план Мечетного городища. Этот план, несмотря на отсутствие условных обозначений, ориентировки и некоторую схематичность, до настоящего времени является единственным документом, наглядно отображающим особенности топографии и планировки городища, а также расположения наиболее важных археологических объектов. Судя по этому плану, средневековый город с востока был ограничен невысоким обрывистым берегом Волги, с севера — берегом реки Сухая Мечетка, а с юга — глубокой балкой Забазной с крутыми неприступными склонами. Общая площадь городища около 45 га. В плане оно представляло собой довольно узкую трапецию, вытянутую с запада на восток и плавно понижающуюся

Красноглиняный умывальник, Водянское городище. *Кат. 403*

Вверху слева:
Вид на Водянское городище

Остатки фундамента общественного здания. Водянское городище (раскопки А. С. Лапшина, 2010 г.)

Участок христианского кладбища, Водянское городище (раскопки А. С. Лапшина, 2010 г.)

к Волге. К западу от города на возвышенности, в настоящее время занятой дачным массивом, располагался большой пригородный могильник, состоящий из 60 земляных курганов и кирпичных мавзолеев. Судя по сохранившимся описаниям и планам, в том числе и топографическим, город не имел искусственных оборонительных сооружений в виде валов и рвов с напольной стороны.

В конце апреля 1914 г. в течение двух дней на городище проводились раскопки, которыми руководил саратовский губернатор А. А. Ширинский-Шихматов. Участникам экспедиции удалось исследовать остатки двухкомнатного кирпичного дома с печью. При его раскопках было найдено несколько медных монет, отчеканенных в период с 1313 по 1361 г., а также фрагменты стеклянного сосуда, украшенного цветным рисунком, изображающим убегающих от барса животных, и арабской надписью: «Не изменится обаяние красоты». Второй исследованный объект представлял собой часть сильно разрушенной жилой постройки с подпольным умывальником-тошнау.

В 1920 г. исследование городища продолжила экспедиция под руководством профессора Саратовского университета Ф. В. Баллода. На площади жилых кварталов в прибрежной части памятника были раскопаны остатки двух жилых домов. Первый из них представлял собой двухкомнатную кирпичную постройку с двумя печами и разной системой отопления в каждой из комнат, а второй — деревянное однокомнатное сооружение с небольшой пристройкой. На территории пригородного могильника Ф. В. Баллодом были раскопаны три кургана с парными безынвентарными захоронениями, а также развалины небольшого кирпичного мавзолея. Это было прямоугольное однокамерное здание размером 9,5×8,8 м на углубленном в землю фундаменте из бутовых камней. Кирпичные стены мавзолея снаружи и изнутри покрывала белая алебастровая штукатурка, а пол был глинобитным. В мавзолее обнаружено 7 погребений в прямоугольных могильных ямах — мужское, женское и 5 детских (от 2 до 12 лет). В погребениях найдены остатки парчовой одежды, обрывки кожаной обуви, костяное изделие и фрагмент стеклянной бусины. За время работ на городище сотрудниками экспедиции была собрана небольшая коллекция медных и серебряных монет, отчеканенных в период с 1274 по 1377 г.

В начале 70-х гг. XX в., когда на площади городища велось широкомасштабное жилищное строительство, местными краеведами и бульдозеристами были найдены различные предметы, часть из которых они передали в фонды Волгоградского областного краеведческого музея. Среди них следует отметить стеклянные и сердоликовые бусы, бронзовые серьги, литые зеркала с изображениями животных, растительных плетенок и благопожелательными надписями. Кроме того, во время планировочных работ, по свидетельствам очевидцев, на территории прибрежной зоны в северо-восточной части городища было разрушено много погребений золотоордынского времени. Следовательно, пригородный могильник у западной окраины Мечетного городища не был единственным городским кладбищем.

В 1986 г. экспедиция под руководством Е. П. Мыскова провела сбор подъемного материала в прибрежной части городища и исследовала несколько археологических объектов, выявленных в береговых обнажениях Волги. Были раскопаны две хозяйственные ямы, в которых обнаружили фрагменты чаши с прозрачной желтой поливой и гравированным растительным орнаментом, оригиналь-

ный красноглиняный кувшин с носиком-сливом, обломки облицовочных плиток из резной терракоты с зеленой глазурью. Кроме того, удалось раскопать ограбленный кирпичный склеп, в котором сохранились кости скелета женщины монголоидного облика, остатки кожаных сапог и массивные железные ручки от гроба. При осмотре прибрежной части городища кроме фрагментов золотоордынской красноглиняной керамики найдены обломки литых бронзовых зеркал, бронзовые пуговицы, серьги, перстень, а также железный наконечник стрелы и железное кресало. В этом же году краеведом Е. Ю. Гончаровым на городище была собрана коллекция из 33 медных и серебряных монет XIV в.

Мечетное городище являлось одним из ключевых пунктов низового Волго-Донского торгового пути, об этом красноречиво свидетельствуют развалины большого караван-сарая. Несомненно, здесь существовала оживленная переправа через Волгу. Интересно, что прямо напротив городища у входа в Ахтубу расположен небольшой остров Спорный, который, по-видимому, играл важную роль во время функционирования переправы. Судя по всему, в центральной части города располагались общественные и культовые сооружения — караван-сарай, мечеть с минаретом, городская площадь; а в периферийной — жилые кварталы и ремесленные мастерские. Находки серебряных монет, чеканенных в годы правления ханов Менгу-Тимура и Туда-Менгу, а также медных монет хана Токтамыша позволяют предполагать, что средневековый город на месте Мечетного городища был основан в конце XIII в. и существовал до конца XIV в. Название этого большого по средневековым меркам населенного пункта неизвестно.

Водянское городище расположено на правом берегу Волги у северной окраины г. Дубовка. В плане оно представляет собой трапецию площадью около 45 га, слегка вытянутую с севера на юг и плавно понижающуюся в сторону Волги. С запада и юго-востока городище ограничено глубокими оврагами с крутыми, почти отвесными склонами, с востока — обрывистым, постоянно обваливающимся берегом Волги, а с севера — глубокой Водянской балкой, в настоящее время заполненной водой. Городище рассечено несколькими неглубокими разветвленными оврагами с пологими задернованными склонами. С напольной стороны оно ограничено искусственными оборонительными сооружениями в виде вала высотой до 1,5 м и примыкающего к нему с южной стороны заплывшего рва шириной до 7 м. Общая протяженность этой оборонительной линии 480 м, концы ее упираются в глубокие отроги оврагов и балок. К югу от вала расположен большой пригородный могильник, который сильно пострадал при посадке лесного массива и строительстве жилых кварталов Дубовки. К настоящему времени на территории могильника сохранилось несколько земляных курганов и развалины более 20 кирпичных мавзолеев. Судя по описаниям и планам Водянского городища, составленным в начале XX в., к югу от пригородного могильника на расстоянии 550 м от первого оборонительного вала находился еще один вал. Его восточный конец упирался в высокий обрывистый берег Волги, а западный — в неприступный отвесный край глубокого оврага. Этот вал в настоящее время не сохранился. До создания Волгоградского водохранилища ширина Волги у южной границы Водянского городища составляла более 2 км. Судя по топогра-

Клеймо на хуме

Глиняный хум с клеймом XIV в. Случайная находка на Водянском городище. *Кат. 402*

Глиняные горшки, Водянское городище. *Кат. 404, 405*

Вверху слева:
Остатки общественного здания на Водянском городище (раскопки Е. А. Мыськова, 2001 г.)

фическим картам 40-х гг. XX в., на левом берегу Волги располагался полуостров Пиковый Новый, в настоящее время полностью затопленный. Южная оконечность этого большого полуострова находилась прямо напротив Водянской балки, и ширина Волги здесь составляла всего 700 м, что существенно упрощало переправу с правого берега на левый, и наоборот.

Уже более ста лет Водянское городище привлекает к себе внимание специалистов, здесь работали археологические экспедиции из Саратова, Москвы, Казани, Волгограда. Первые научные исследования Водянского городища проводились сотрудниками Саратовской ученой архивной комиссии под руководством Н. С. Соколова в 1888 г. В результате двухдневных раскопок были выявлены остатки нескольких жилых построек и обнаружены следы подземного водовода, сложенного из камней. Кроме того, Н. С. Соколовым был составлен схематический план городища.

Специальную статью посвятил Водянскому городищу Б. В. Зайковский. В его работе представлен подробный анализ подъемного материала, который по поручению автора в 1906 г. собирал дубовский пастух Е. П. Колбяшкин. Большую часть этих сборов составляли нумизматические находки — 2500 золотоордынских монет, отчеканенных в период с 1317 по 1395 г.

В статье А. А. Кроткова подробно проанализированы материалы большого клада, найденного на Водянском городище в 1912 г. Он состоял из 200 монет — 198 серебряных дирхемов и 2 медных пулов. Самая ранняя монета клада — дирхем Узбека, отчеканенный в 1317—1318 гг., а самая поздняя — дирхем Абдуллаха, отчеканенный в 1362—1363 гг.

Весной 1914 г. сотрудники Саратовской ученой архивной комиссии сумели организовать еще одну экспедицию на Водянское городище. За три дня работ участники раскопок под руководством С. А. Щеглова заложили пять раскопов в северной и южной частях памятника. Удалось обнаружить несколько безынвентарных погребений, а также выявить остатки больших жилых построек, в двух из которых были устроены подземные умавальники-тошнау со своеобразными крышками, украшенными «звездчатым орнаментом». Участники экспедиции провели сбор подъемного материала и выкупили у местных жителей наиболее интересные находки.

Дополнительные данные о городище можно найти в монографии Ф. В. Баллода, который в 1921 г. во время экспедиции по средневековым памятникам Нижнего Поволжья побывал на Водянском городище, дал его описание и составил подробный, хотя и не очень точный план.

Качественно новый этап в исследованиях Водянского городища связан с работами Поволжской археологической экспедиции под руководством Г. А. Федорова-Давыдова и В. Л. Егорова. Широкомасштабные раскопки проводились в разных частях памятника, в том числе и на территории разрушающейся прибрежной зоны. С 1967 по 1974 г. на городище было вскрыто более 5000 м^2 культурного слоя. За эти годы удалось раскопать многочисленные жилые, хозяйственные, производственные и общественные сооружения, а также исследовать большие участки мусульманского и христианского кладбищ.

Особый интерес представляет соборная мечеть, развалины который располагались в западной части городища. Мечеть представляла собой прямоугольное здание размером 35×26 м, вытянутое с севера на юг. Его стены были сложены из рваного камня на глиняном растворе и покрыты снаружи и изнутри белой известковой штукатуркой. У северо-восточного угла здания сохранились остатки прямоугольного каменного цоколя разрушенного минарета. Ствол минарета был круглым, поверхность

Бронзовое писало XIV в., Водянское городище. *Кат. 410*

Вверху справа:
Футляр с принадлежностями писца (чернильница, пенал и бамбуковые палочки для письма) XIII—XIV вв., Бахтияровка. *Кат. 456*

его украшали плитки с бирюзовой поливой и ганчевые вставки с оттиснутыми на них геометрическими узорами и куфическими надписями «Аллах, Мухаммед». Внутреннее пространство здания разделялось деревянными колоннами на шесть нефов шириной по 4 м, пол был выстлан досками. Вход в мечеть находился в северной стене и выходил на широкую улицу с арыком. Снаружи он был оформлен двумя пилонами, сложенными из больших тесаных каменных плит. Внутри здания в центре южной стены располагался кирпичный михраб, облицованный белой штукатуркой. Перед михрабом находилась прямоугольная площадка, отделенная от остального пространства мечети деревянной балюстрадой с колоннами, опиравшимися на каменные базы. В центре этой площадки, строго напротив михраба, в пол была вкопана ранневизантийская мраморная колонна с канелюрами, привезенная из какого-то древнего города Причерноморья. Над михрабной нишей на стене была закреплена ганчевая плита с рельефной куфической надписью: «Царство единому Богу, всемогущему». Надпись по периметру обрамлена красной полосой, углубления между буквами заполнены синей краской, а сами буквы белого цвета выступают на синем фоне высоким рельефом.

Рядом с мечетью располагалось большое мусульманское кладбище, на котором было исследовано 50 захоронений. Большинство из них располагалось ровными рядами вдоль стен мечети. Над погребениями сохранились надгробия различных типов, сложенные из камней и жженых кирпичей. Внутри некоторых могил выявлены кирпичные или деревянные склепы. Две могилы с кирпичными склепами вместо останков людей содержали скелеты жертвенных животных — баранов. Кроме грунтовых погребений под надгробиями на этом кладбище раскопаны развалины двух небольших мавзолеев. Один из них представлял собой квадратную в плане однокамерную постройку размером 6×6 м, ориентированную почти точно по сторонам света. Стены мавзолея были сложены из камней на глиняном растворе, пол вымощен жженым кирпичом, в центре располагалось ступенчатое надгробие, под которым находилась могила с кирпичным склепом. Второй мавзолей прямоугольной формы размером 10,4×9 м с глинобитным полом. Стены его были сложены из небольших бутовых камней на глиняном растворе и слегка углублены в материк. В мавзолее находилось 6 могил (три детские и три взрослые), которые располагались в ряд вдоль оси здания настолько близко друг к другу, что их кирпичные надгробия слились в один массив.

При раскопках мечети и прилегающего к ней кладбища найдено 6 серебряных и 130 медных монет. Кроме того, обнаружены железные ножи, гвозди, ключ и молоток; бронзовые пуговицы, бубенчики, перстни, наперсток, цепочка; костяные рукояти ножей, биллонная чаша, несколько каменных форм для отливки мелких бронзовых украшений и большое количество фрагментов красноглиняной керамики. Судя по найденным монетам, мечеть была сооружена в 40—50-х гг. XIV в. на месте более раннего жилого квартала, застроенного небольшими домами на каменных цоколях и прямоугольными землянками со ступенчатыми входами. Разрушение мечети относится к первой половине 60-х гг. XIV в.

На пригородном могильнике Водянского городища раскопаны остатки мавзолея, который был сооружен в 50-х гг. XIV в. Он представлял собой прямоугольную кирпичную постройку на мощном каменном цоколе размером 16,6×10,5 м. Мавзолей состоял из двух помещений — квадратной усыпальницы (гур-ханы) с купольной конструкцией потолка, а также узкой прямоугольной комнаты для

Фрагменты сосуда с коранической надписью, Царев. *Кат. 453*

Фрагмент штукатурки с арабской надписью XIV в., Водянское городище. *Кат. 418*

Бронзовый крест и иконка XIV в., Водянское городище. *Кат. 409, 408*

Вверху справа:
Позолоченная серебряная трехбусинная височная подвеска XIV в., Водянское городище. *Кат. 417*

поминовений (зийарат-ханы) с двумя широкими кирпичными скамьями-суфами вдоль стен и остатками кирпичного пола. Стены внутренних помещений были покрыты белой известковой штукатуркой. С юга стены мавзолея ограничивались мощными пилонами, которые соединялись между собой двумя каменными порогами. Вход в мавзолей перекрывался арочным сводом, который вместе с пилонами образовывал высокий портал, украшенный мозаичным панно с растительными и эпиграфическими орнаментами из кашинных плиток белого, желтого, голубого, темно-красного, ультрамаринового и черного цветов. Всего в мавзолее исследовано девять погребений (6 взрослых и 3 детских). Над некоторыми погребениями сохранились остатки кирпичных надгробий, одно из которых было облицовано синими майоликовыми кашинными плитками с изящным растительным и эпиграфическим орнаментом белого цвета. В большинстве погребений не найдено никаких вещей, только в двух захоронениях сохранились остатки дорогой одежды из парчи и сердоликовая бусина. В одном из погребений обнаружены фрагменты резной крышки гроба с позолоченным и раскрашенным растительно-эпиграфическим орнаментом (синие и красные цветы на золотом фоне и синие буквы на красном фоне).

Своеобразием отличается так называемый двойной дом, раскопанный в южной части городища недалеко от оборонительного вала. Здесь выявлены остатки двух прямоугольных домов из сырцовых кирпичей, которые соединялись между собой в один жилой комплекс деревянной конструкцией типа айвана. Постройка была ориентирована с северо-востока на юго-запад, размеры ее 19×10 м. Два почти одинаковых по размерам и внутренней планировке дома располагались параллельно и были обращены входами друг к другу. Каждый дом имел две комнаты — южную жилую и северную хозяйственную. В жилых комнатах к югу от входа вдоль стен располагались лежанки-суфы с встроенными в них отопительными системами из печей и горизонтальных дымоходов-канов. Меньшие по площади хозяйственные комнаты были приспособлены для хранения запасов зерна, дров и приготовления лепешек в тандырах. На раскопе найдена 1 серебряная и 6 медных монет, а также большая штампованная фляга с двумя ручками, фрагменты стеклянных сосудов, железные ножи, наконечники стрел и фрагменты чугунного котла. Судя по монетам, двойной дом функционировал в 40—60-х гг. XIV в. При его раскопках расчищено 13 погребений, узкие могильные ямы которых прорезали кирпичные стены и деревянные конструкции айвана. В одном из захоронений найдена серебряная монета хана Токтамыша, поэтому можно не сомневаться в том, что это небольшое кладбище возникло здесь в конце XIV в., уже после того, как двойной дом прекратил существование.

Среди общественных сооружений, исследованных Поволжской археологической экспедицией на Водянском городище, следует отметить баню с подпольным отоплением, частично разрушенную в результате обвала берега водохранилища. Это было большое здание с углубленным в грунт фундаментом из бутовых камней

на глиняном растворе. Размеры исследованной части постройки — 16×12 м. Всего раскопано 9 помещений: предбанник, неотапливаемая «комната отдыха» с глинобитным полом и теплые отапливаемые комнаты-мыльни. Топкой являлась округлая кирпичная печь диаметром 2 м, которая соединялась с подпольной системой отопления, состоящей из правильных рядов кирпичных столбов высотой до 45 см, установленных на грунтовое дно котлована. На эти столбы были положены тонкие каменные плиты пола и жженые кирпичи на известковом растворе. Пространство между подпольными кирпичными столбами было сплошь забито слоем сажи толщиной до 5 см. Вода подавалась в баню по водопроводу, составленному из керамических труб-кубуров. Отвод использованной воды за пределы бани осуществлялся при помощи подземного сточного канала в виде узкой траншеи, облицованной каменными плитами, поставленными на ребро и перекрытыми сверху такими же плитами. При раскопках бани было найдено 8 медных монет, отчеканенных в период от начала 50-х до начала 60-х гг. XIV в., а также костяная коробочка-шкатулка с остатками красной краски, бронзовый амулет с растительным орнаментом, нанесенным золотой насечкой, бронзовый бубенчик, обломки оконных стекол, красноглиняный кувшинчик, два железных кольца и фрагмент литого чугунного котла.

Кроме общественных построек, культовых зданий и мемориальных сооружений на Водянском городище Поволжской археологической экспедицией исследованы многочисленные бытовые и хозяйственные комплексы. Раскопаны сотни хозяйственных ям различных форм и размеров, а также десятки жилых домов и несколько землянок. Большинство домов представляют собой относительно небольшие наземные однокомнатные постройки квадратной, реже прямоугольной формы размером от 4×4 до 7×7 м. Стены домов из сырцовых кирпичей или дерева иногда возводились прямо на выровненной поверхности почвы, но гораздо чаще опирались на более или менее мощные каменные цоколи, сложенные из необработанных камней на глиняном растворе. Внутренняя планировка таких домов достаточно стандартна. Напротив входа вдоль трех стен обычно располагалась П-образная лежанка-суфа высотой около полуметра. Внешний контур ее обычно сооружался из жженых или сырцовых кирпичей, а внутреннее пространство до стен заполнялось плотно утрамбованным грунтом. Внутрь суфы встраивались кирпичные горизонтальные дымоходы-каны и питавшие их кирпичные печи или глиняные тандыры. Теплый дым, проходя по дымоходам, нагревал суфу, отапливал жилое помещение и затем по вертикальным каналам выводился из дома. Полы в таких домах обычно были глинобитными, но иногда мостились жженными кирпичами или покрывались досками. Довольно часто рядом с печью или тандыром сооружался из кирпича небольшой отсек для дров, пристроенный к стенке суфы. Порог иногда оформлялся вымосткой из небольших камней или крупных каменных блоков, уложенных в виде ступеней.

Одним из самых замечательных достижений Поволжской археологической экспедиции следует признать открытие на Водянском городище русского квартала и русского христианского кладбища, на котором было вскрыто 15 погребений, располагавшихся двумя ровными параллельными рядами. В раскопах, заложенных на берегу водохранилища в южной части городища, впервые было обнаружено более десяти хозяйственных ям с высоким процентным содержанием русской керамики, а также расчищены остатки квадратной в плане хозяйственной полуземляночной постройки с небольшим выступом-входом. Котлован этого сооружения размером 3×3 м был углублен в грунт на 0,3 м, а стены, скорее всего, представляли собой плетень, обмазанный глиной. В процессе раскопок русского квартала и кладбища было найдено более 4000 фрагментов русских сосудов, среди которых 20 обломков плоских днищ с личными клеймами гончаров в виде пятиконечной звезды в круге, половины свастики, паутины, трезубца, букв Ж и Н. Кроме того, на поверхности городища было найдено много русских вещей — бронзовое писало, 5 бронзовых крестов-тельников, обломок креста-энколпиона, обломок паникадила, обломок стеклянной нательной иконки с рельефным изображением святого Николая и нательная литая бронзовая иконка с рельефным изображением Распятия. На основе полученных археологических материалов сотрудниками Поволжской археологической экспедиции было высказано предположение о том, что русское население Водянского городища состояло из пленных, которые были совершенно бесправны, находились на положении рабов, жили в неимоверно тяжелых условиях и были крайне неустроены в бытовом отношении.

В 1988—1990 гг. на Водянском городище работала экспедиция Казанского государственного университета под руководством А. Г. Мухамадиева. В ходе раскопок было исследовано несколько жилых наземных домов на каменных цоколях с традиционной золотоордынской планировкой в виде лежанок-суф с встроенными в них печами и горизонтальными дымоходами-канами. Удалось также исследовать остат-

Бронзовая ажурная бляшка, Бахтияровка II. *Кат. 426*

Бронзовый орнаментированный диск XIV в., Водянское городище. *Кат. 411*

ки большой, частично разрушенной общественной бани с подпольной системой отопления, от которой сохранились ряды каменных опорных столбов высотой до полуметра, опиравшихся на материковое дно прямоугольного котлована и сплошь покрытых толстым слоем сажи. Кроме того, был раскопан интересный комплекс гончарной мастерской 50-х гг. XIV в., состоящей из полуземлянки гончара и большого вертикального купольного двухъярусного кирпичного горна с опорным столбом в топочной камере и округлыми продухами. Рядом с горном находилась обширная свалка бракованных керамических изделий — красноглиняных одноручных кувшинов для воды, горшков, мисок.

В 1992—2006 гг. планомерные охранные раскопки разрушающейся прибрежной зоны Водянского городища проводила Волго-Ахтубинская археологическая экспедиция Волгоградского государственного педагогического университета под руководством Е. П. Мыськова. За 15 лет в прибрежной зоне вскрыто более 7000 м^2 культурного слоя. Раскопки велись на трех участках — юго-восточном (русский квартал и русское кладбище), центральном (жилые и общественные сооружения 40—60-х гг. XIV в.) и северо-восточном (русский поселок и жилые кварталы конца XIV в.). На протяжении ряда лет раскопы последовательно прирезались друг к другу, в результате чего удалось исследовать большие площади средневековых городских кварталов.

На северо-восточном участке городища удалось выявить остатки раннего русского поселка, который существовал на этом месте еще до строительства золотоордынского города. Все наземные постройки русского поселка были полностью уничтожены при проведении сплошной планировки поверхности участка перед началом строительства более поздних жилых мусульманских кварталов. Сохранились только отдельные участки раннего русского культурного слоя и 25 хозяйственных ям с высоким процентным содержанием фрагментов русской посуды. Кроме большого количества фрагментов керами-

ки и обломков костей животных в ямах и напластованиях русского поселка найдено более 40 медных монет 20-х гг. XIV в., а также железные рыболовные крючки, железный наконечник стрелы, фрагменты железных ножей, костяное кольцо для натягивания лука, лепное глиняное пряслице, стеклянная бусина, каменный оселок, деревянный поплавок для невода, каменные грузила для рыболовных сетей и фрагменты каменных жерновов от ручных мельниц. Несомненный интерес представляют находки двух бронзовых крестов-тельников, литой бронзовой нательной иконы с изображением распятия и массивного бронзового оконечника ножен меча.

Кроме хозяйственных ям на территории русского поселка исследованы остатки типичной русской землянки. Это сооружение с прямоугольным котлованом глубиной до 1 м, столбовой конструкцией перекрытия и покатым входом в виде узкого коридора-тамбура. Пол котлована был тщательно выровнен, в левом углу от входа располагалась большая глинобитная печь. Судя по расположению многочисленных столбовых ямок, вдоль стен жилого помещения располагались нары, а земляные стенки котлована первоначально были облицованы досками или плахами. Позднее деревянная облицовка стен и нары были удалены, пол подмазан глиной, а помещение переоборудовали в кухню или кладовую. Общая площадь этой постройки — 12 м^2. Размеры, планировка и конструктивные особенности землянки находят многочисленные аналогии в материалах городищ и селищ средневековой Руси.

Многолетние раскопки на территории русского квартала на юго-восточной окраине Водянского городища не выявили никаких следов золотоордынских кирпичных или каменных построек. Даже обломки жженых кирпичей, которыми усеяна вся площадь городища, здесь почти не встречаются. Всего на русском квартале было исследовано более 60 хозяйственных ям, в которых обнаружено 25 000 фрагментов керамики и десятки тысяч обломков костей животных, птиц и рыб. Кроме того, при раскопках

Нашивка серебряная с позолотой и вставками из жемчуга и бирюзы, Шляховский I. *Кат. 441*

Бронзовые нашивки-амулеты из погребениц кочевников XIII—XIV вв. *Кат. 446—448*

На с. 188:
Серебряные бляхи с костяными вставками в виде свернувшихся драконов, Маляевка V. *Кат. 440*

Бронзовая китайская монета XI в., Царев. *Кат. 454*

Бронзовый сбруйный набор, Солодовка. *Кат. 442*

Костяные рукоять и наконечник нагайки из погребений средневековых кочевников. *Кат. 438, 439*

Костяное навершие, Водянское городище. *Кат. 407*

Вверху справа:
Костяные предметы из золотоордынских погребений и городищ XIV в. *Кат. 434—437*

русского квартала найдены цилиндрические пружинные замки и железные ключи, шарнирные ножницы, многочисленные фрагменты железных ножей, десятки железных рыболовных крючков, небольшая мотыга, фрагменты двух бронзовых зеркал с рельефной орнаментацией, бронзовая серьга, пряслица для веретен, каменные оселки, перстень из синего стекла, бусы из цветного стекла и камня. Следует отметить многочисленные находки грузил для рыболовных сетей из больших окатанных камней с выдолбленными отверстиями. В раскопах, заложенных на территории русского квартала, найдено 4 серебряных и 8 медных монет XIV в. Самые ранние монеты — 2 дирхема хана Узбека 1317—1318 гг. и 1322 г., а самые поздние — 2 медных пула хана Хызра 1360—1361 гг., чеканенные в Гюлистане и Сарае ал-Джедид, кроме того, найдена анонимная медная монета 1330—1331 гг.

Интересные данные о русском населении Водянского городища получены при раскопках христианского кладбища. Здесь было исследовано 40 погребений. В подавляющем большинстве из них не найдено никаких вещей. Лишь в 4 могилах обнаружены отдельные украшения — мелкие бусы и бронзовые проволочные серьги. Количество женских и мужских захоронений оказалось почти одинаковым, детские погребения единичны. Обращает на себя внимание очень высокий процент погребений, в которых были похоронены люди старческого возраста, они составляют почти 35% от общего числа умерших, возраст которых удалось установить достаточно точно. Судя по количеству исследованных и разрушенных захоронений кладбища, можно предполагать, что в русском квартале проживало по меньшей мере несколько сот человек.

В центральной части прибрежной зоны городища раскопаны остатки нескольких плохо сохранившихся жилых домов с прямоугольными кирпичными печами и канами, а также небольшая землянка с глубоким прямоугольным котлованом и узким входным коридором, которые по нумизматическим находкам следует датировать 40—50-ми гг. XIV. Кроме того, раскопано большое общественное здание размером 13×10 м, ориентированное с севера на юг. Это была прямоугольная постройка, углубленная в грунт почти на метр. Основания мощных стен, сложенных из квадратных жженых кирпичей на глиняном растворе, опирались прямо на грунтовое дно котлована. Изнутри все стены здания были покрыты слоем белой известковой штукатурки. Первоначальная высота постройки составляла не менее 2,15 м от дна котлована. Входной проем находился в северной стене, пол перед входом был аккуратно вымощен квадратными жженными кирпичами, которые были уложены плашмя и скреплены белым известковым раствором. Здесь же, у входа располагались узкие оштукатуренные суфы. У края кирпичной вымостки на земляном полу котлована находились каменные базы двух деревянных колонн, которые когда-то поддерживали кровлю. В южной части постройки пол был выстлан досками, лежащими на лагах из бревен длиной до 8 м. У южной стены напротив входа собраны фрагменты алебастрового панно в виде ажурной решетки с рельефным растительным орнаментом. Первоначально панно крепилось к стене тонкими железными гвоздиками, лицевая сторона его была покрыта сусальным золотом, а

элементы орнамента оконтурены тонкими линиями бирюзового, красного и черного цветов. Помещение освещалось дорогими стеклянными лампами, фрагменты которых найдены при раскопках, одна из них была украшена накладными нитями и пятнами цветной эмали, а вторая расписана золотом. Количественное соотношение различных типов медных монет, найденных на раскопе, не оставляет сомнений в том, что здание функционировало с конца 40-х до начала 60-х гг. XIV в.

Особенно интересны многочисленные рисунки и надписи, которые были нанесены на ровную поверхность белой штукатурки, покрывавшей внутреннюю поверхность западной стены здания. Большинство из них выполнено тушью, хотя есть и графитто, процарапанные острыми предметами. Среди рисунков имеются сложные виньетки, медальоны, «узлы счастья», а также реалистичное изображение соборной мечети с кирпичными минаретами, высоким порталом и куполами. Рядом с мечетью изображены два шатра со сложными навершиями, напоминающими кочевнические тамги. Все надписи выполнены шрифтом «насх», в большинстве своем это коранические тексты, посвятительные сообщения и благопожелательные изречения. Среди обнаруженных надписей выделяются фрагменты штукатурки со стихами известного средневекового поэта Пехлевана Махмуда Бохадура Хорезми, умершего в 1322 г. в Хорезме. Большинство обнаруженных надписей представляют собой интересные образцы средневековой арабской каллиграфии.

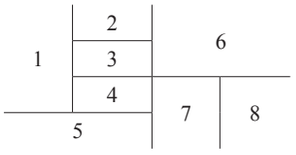
На северо-восточной окраине городища у Водянской балки сотрудниками Волго-Ахтубинской археологической экспедиции в течение 9 лет раскапывался большой участок жилого квартала, построенного в годы правления хана Токтамыша. Всего здесь исследованы развалины 15 жилых домов на каменных цоколях с традиционной золотоордынской планировкой, несколько небольших хозяйственных построек, придомных летних печей, тандыров и более 20 глубоких ям-погребов. Все эти комплексы перекрывали более ранние сооружения русского поселка и остатки городских построек 30—50-х гг. XIV в. В этом квартале удалось зафиксировать элементы правильной планировки в виде поперечной улицы, ориентированной с севера на юг, и перпендикулярного ей переулка, проходившего по краю глубокого оврага. Раскопанный квартал отличается высокой плотностью застройки. Стены большинства домов параллельны друг другу, расстояние между отдельными постройками составляет всего 0,3—1,5 м. На всем этом обширном участке зафиксированы следы большого пожара — сгоревшие деревянные части домов и сплошной слой пепла и углей. Внутри сгоревших домов и рядом с ними найдено довольно много целых вещей (в основном глиняных сосудов), которые сохранили свое первоначальное положение. Отдельные предметы были преднамеренно спрятаны жителями внутри печей в золе. Внутри тандыра одного из сгоревших домов обнаружен большой клад из 440 серебряных золотоордынских монет, самая поздняя из которых отчеканена в 1395 г.

В процессе раскопок этого квартала найдено огромное количество фрагментов красноглиняной, сероглиняной и поливной посуды. Среди керамических на-

Стеклянные бусы XII—XIV вв., Нагавский I. *Кат. 452*

Бронзовые пряжки-сюльгамы из мордовского погребения XIV в., Зубовка. *Кат. 451*

Вверху слева:
Костяные накладки на колчан XIII—XIV вв., Верхнепогромное. *Кат. 424*



Находки с Водянского городища (раскопки А. С. Лапшина, 2013 г.):

1. Железный наконечник стрелы

2. Нательный крест

3. Бронзовый чекан-штамп

4. Серебряная бляшка

5. Глиняное пряслице

6. Стеклянная бусина

7. Фрагмент костяных накладок

8. Бронзовая застежка-сюльгама

ходок следует отметить большой китайский селадоновый горшок с зеленой поливой, фрагменты сероглиняных штампованных сосудов со сложной рельефной орнаментацией, красноглиняные и кашинные поливные чаши с полихромной орнаментацией. Среди других находок железные ножи, оселки из окаменевшего дерева, пряслица из свинца, глины и керамики, костяные резные рукояти кинжалов, ножей и шильев, костяные шахматные фигурки, фрагменты бронзовых сосудов и больших литых чугунных котлов. Украшения представлены цветными стеклянными бусами и перстнями, бронзовыми пуговицами и бубенчиками, фрагментом билонного браслета с благопожелательной арабской надписью. Кроме того, при раскопках квартала города эпохи Токтамыша найдено более 150 медных монет конца XIV в.

В 2009—2011 гг. охранные исследования разрушающихся участков прибрежной зоны Водянского городища продолжила экспедиция Волго-Донского археологического общества под руководством А. С. Лапшина. За эти годы был снят крупномасштабный топографический план всей территории памятника от Водянской балки до внутреннего оборонительного вала, проведен сбор подъемного материала и заложено три раскопа общей площадью 576 м^2. Исследованы большие участки русского кладбища, на которых обнаружено 59 погребений в узких прямоугольных могилах без инвентаря и раскопана северная часть русского квартала, где удалось обнаружить 22 хозяйственные ямы. Интересно открытие округлого в плане кирпичного горна с остатками арочной топки, керамическими соплами и системой вертикальных продухов по периметру стен, а также небольшого русского (?) глинобитного горна для обжига керамики. В раскопе, заложенном на берегу в центральной части городища, расчищены остатки общественной постройки размером 9×7,3 м, развалы нескольких кирпичных печей и более 30 хозяйственных ям различных форм и размеров. Общественная постройка имела трапециевидную форму, стены ее были сложены из бутовых камней и крупных тесаных каменных блоков, скрепленных глиняным раствором. Внутри этого сооружения выявлены контуры удлиненно-прямоугольного входного помещения, соединенного узким проходом с коридором, по сторонам которого симметрично располагались две комнаты с ото-

пительными системами в виде тандыров и горизонтальных дымоходов-канов. Это здание функционировало в 50—60-х гг. XIV в.

На раскопах, кроме десятков тысяч обломков костей животных и фрагментов красноглиняной, поливной, штампованной и русской керамики, найдено 139 медных и 6 серебряных монет, отчеканенных в период с 1321 до 1394 г. Среди сотен других находок отметим железные рыболовные крючки, ключи, ножи, каменные оселки, свинцовые и керамические пряслица для веретен, фрагменты литых бронзовых зеркал, каменные грузила для рыболовных сетей, костяные наконечники стрел, игольницы и декоративные накладки. Особенно интересны предметы христианского культа — янтарный крест-тельник и массивный литой бронзовый крест-энколпион с изображениями распятия, а также серебряная позолоченная трехбусинная ажурная височная подвеска, которая являлась характерной деталью русского женского головного убора.

Огромный объем археологических, нумизматических и антропологических материалов, полученных в процессе многолетних планомерных раскопок, позволяет достаточно подробно охарактеризовать основные этапы развития средневекового города, располагавшегося на месте Водянского городища. Можно считать установленным, что он был построен на месте древней переволоки и являлся ключевым пунктом Волго-Донского торгового пути. Удалось обнаружить убедительные свидетельства того, что первыми поселенцами здесь были русские, по-видимому, переселенные по распоряжению ханской администрации из южных регионов рязанской земли.

Ранний русский поселок с хаотичной, нерегулярной и сильно разреженной застройкой занимал всю прибрежную часть Водянского городища. Очевидно, русские люди жили в наземных бревенчатых домах, хотя известны и землянки первых поселенцев с характерной внутренней планировкой. Судя по нумизматическим находкам, этот поселок был основан в самом начале XIV в., задолго до образования золотоордынского города, и существовал около 20—25 лет. Все монеты 20-х гг. XIV в. обнаружены только в тех частях Водянского городища, где представлен ранний русский культурный слой. Интересно, что таких монет здесь найдено более 40, а это значит, что уже в это время русское люди были в полной мере вовлечены в общую систему денежного обращения Золотой Орды. Основной повинностью населения русского поселка было создание и бесперебойное обслуживание переправы через Волгу. Это надежно подтверждается частыми находками фрагментов амфорной тары причерноморского производства, которая могла попасть сюда только по донскому судоходному пути и только при условии функционирования Волго-Донской переволоки. Русский поселок прекратил свое существование не позднее начала 30-х гг. XIV в. Почти вся его площадь была застроена жилыми домами мусульман, а русское население в приказном порядке переселено на юго-восточную окраину города. Здесь на достаточно обширной площади, отделенной от остальной городской территории неглубоким оврагом, был образован обособленный русский квартал, который просуществовал около 30 лет, т. е. до начала 60-х гг. XIV в.

Большое количество костей домашних животных, найденных при раскопках русского поселка и русского квартала, убедительно свидетельствует о занятии скотоводством. Особенно показательны в этом отношении находки костей свиней, мясо которых мусульманское население города в пищу не употребляло и, следовательно, не разводило. Многочисленные находки орудий рыболовного промысла и огромное количество рыбьих костей не оставляют сомнений в том, что рыба занимала одно из ведущих мест в пищевом рационе русского населения. Обильные сбросы чешуи толщиной до 15 см свидетельствуют о единовременной обработке больших партий выловленной рыбы и заготовке ее впрок путем соления, вяленья или копчения. Хотя земледельческих орудий почти не найдено (обнаружена лишь небольшая железная мотыга и обломок серпа), можно предполагать, что русское население занималось земледелием. На это указывают довольно частые находки фрагментов жерновов от ручных мельниц и выявленные в нескольких русских ямах сбросы колосковых чешуек злаковых растений (проса?). Обнаруженные при раскопках русского квартала замки и ключи не оставляют сомнений в том, что населявшие его люди владели личным имуществом и жили в собственных домах. Некоторые из них владели оружием, о чем свидетельствуют находки наконечников стрел, кольца для натягивания лука и оконечника ножен меча. Поскольку на русском кладбище было похоронено много людей старческого возраста, можно с уверенностью говорить об относительно нормальных условиях жизни русского населения Водянского городища. Интересно, что уже в 40-х гг. XIV в. начался процесс постепенного смешения русского и мусульманского населения города, в результате которого среди жителей русского квартала появились люди европеоидно-монголоидного облика. При этом следует особо под-

Поливной сосуд XIV в., *(вид с боку и сверху)***, Водянское городище (раскопки А. С. Лапшина, 2013 г.)**

черкнуть, что основная масса русского населения Водянского городища сумела сохранить все основные элементы своей материальной и духовной культуры.

Упразднение раннего русского поселка и создание обособленного русского квартала надежно и точно датирует начальный этап строительства собственно золотоордынского города на месте Водянского городища. Интенсивное строительство здесь было организовано в самом начале 30-х гг. XIV в., именно к этому времени относятся самые ранние золотоордынские комплексы. По-видимому, в это время основное внимание уделялось жилищному строительству, а возведение большинства крупных общественных сооружений (бань, мечетей) относится к более позднему периоду — 40—50-м гг. XIV в. К сожалению, довольно трудно сказать что-либо определенное об особенностях городской планировки, поскольку подавляющее большинство жилых домов этого периода исследованы серией небольших раскопов, а на тех участках городища, где раскопки велись широкими площадями, практически все постройки 30—50-х гг. XIV в. были почти полностью уничтожены при строительстве более поздних сооружений. Судя по исследованному участку жилого квартала, который располагался севернее городской мечети, строительство велось планово, вдоль улиц и арыков.

На Водянском городище среди комплексов 40—50-х гг. XIV в. выделяется группа производственных сооружений. Здесь исследовано несколько крупных керамических мастерских с большими кирпичными горнами, которые специализировались на производстве высококачественной красноглиняной посуды. Ассортимент продукции этих мастерских был достаточно широк, выпускались большие двуручные тарные сосуды, кувшины для воды, горшки, миски, умывальники, копилки, светильники и даже детские горшки. На городище зафиксированы следы цветнолитейного производства — найдены каменные формы для отливки мелких бронзовых украшений и свинцовых грузиков для веретен. Многочисленные находки крупных кусков железного шлака свидетельствуют о достаточно развитой черной металлургии и существовании кузнечного ремесла.

В начале 60-х гг. XIV в. период бурного развития города заканчивается. Вряд ли можно сомневаться в том, что в период «великой замятни» над ним неоднократно нависала угроза разорения. Скорее всего, именно в это время было осуществлено строительство оборонительной линии в виде валов и рвов у южной окраины Водянского городища. В период непрекращающихся феодальных смут город приходит в упадок. Археологические материалы дают многочисленные свидетельства почти полного запустения городской территории во второй половине 60-х гг. XIV в. Все крупные общественные сооружения и жилые кварталы забрасываются и постепенно разрушаются. В общем объеме многочисленных нумизматических материалов монеты второй половины 60—70-х годов XIV в. представлены в очень ограниченном количестве и составляют лишь доли процента от общего количества находок. Среди сотен бытовых и хозяйственных комплексов, исследованных на Водянском городище, удалось выявить всего одну хозяйственную яму, которая по нумизматическим находкам и данным стратиграфии может быть отнесена к 70-м гг. XIV в. Еще одним свидетельством крайне нестабильного положения в городе в начале 60-х гг. XIV в. является полное запустение русского квартала, население которого навсегда покидает территорию Водянского городища. Самые поздние медные монеты, найденные на русском квартале, датируются 1360—1361 гг. Следует отметить, что здесь не зафиксировано следов пожара, не обнаружено ни вещевых, ни монетных кладов, спрятанных или брошенных в спешке вещей. Все это свидетельствует о том, что жители русского квартала покинули его в относительно спокойной обстановке.

Город стоял в развалинах более 15 лет. К его восстановлению приступили только в период временной политической и экономической стабилизации при хане Токтамыше. Благодаря сплошному исследованию больших площадей на северо-восточной окраине Водянского городища удалось установить, что город эпохи Токтамыша был построен в исторически короткие сроки по единому плану, причем перед началом строительства были проведены широкомасштабные планировочные работы. В результате этих работ все более ранние постройки и хозяйственные сооружения были полностью срезаны или засыпаны. Иными словами, на Водянском городище в это время было осуществлено не восстановление остатков старой городской структуры, а фактически строительство нового города с очень плотной застройкой и строгой уличной планировкой. Фасады жилых домов выходили на улицы и переулки, а хозяйственные постройки концентрировались в пределах внутриквартальных пространств. Хотя площадь этого нового города составляла всего около 10 га, он был намного больше и благоустроеннее, чем жалкие остатки городской застройки, сохранившиеся к концу 70-х гг. XIV в. Его жилые кварталы были сконцентрированы в северной части городища, вдоль берега Водянской балки. Интересно, что абсолютно все исследованные здесь жилые дома были сооружены из разноформатного и разносортного кирпича, добытого на развалинах более ранних сооружений, расположенных за пределами нового города и находившихся в запущенном состоянии.

Судя по нумизматическим находкам, город эпохи Токтамыша просуществовал не более 15 лет, с начала 80-х гг. XIV в. до 1395 г. В этом году он подвергся жестокому погрому и был полностью сожжен. Во всех исследованных домах отчетливо фиксируются следы катастрофического пожара — сгоревшие дощатые полы, обугленные балки обвалившихся перекрытий, закопченные стены. Однако при раскопках этих построек не обнаружено никаких следов уличных боев — совсем нет наконечников стрел и других предметов вооружения, в сгоревших домах и погребах не найдено ни одной человеческой кости. Все эти факты позволяют утверждать, что уличных боев в городе не было. Скорее всего, он был просто сдан на милость победителей и сожжен. Большую часть городского населения угнали в плен, именно поэтому в толще золы внутри печей и других укромных уголках так и остались лежать спрятанные вещи — дорогая поливная посуда, комплекты замков и даже большой клад из 440 серебряных монет. Самая поздняя монета этого клада была отчеканена в 1395 г., что абсолютно точно совпадает с датой похода Тамерлана против Золотой Орды.

Однако на этом история средневекового города не закончилась. В 2004 г. на Водянском городище были раскопаны остатки большого и достаточно благоустроенного жилого дома, который на основании данных прямой стратиграфии можно уверенно датировать временем после 1395 г. Это значит, что после разорения города войсками Тамерлана здесь продолжали проживать небольшие группы оседлого населения. В связи с этим становятся вполне понятными довольно частые находки на Водянском городище медных монет, отчеканенных в Хаджи-Тархане в

Кирпичная погребальная ограда XIV в. из могильника Аксай

1396—1397 гг. и к тому же снабженных еще более поздними надчеканками в виде треугольника. Следовательно, самые поздние сооружения Водянского городища следует датировать рубежом XIV—XV вв.

Название средневекового города, располагавшегося на месте Водянского городища, до настоящего времени не установлено. Попытки его сопоставления с летописными Бельджаменом или Бездежем не очень убедительны. Судя по наличию в культурном слое городища своеобразных медных монет с номенклатурой «Адиль», город мог носить такое название, хотя это не более чем предположение.

Кочевое население Золотой Орды

Большую часть населения Золотой Орды всегда составляли кочевники. Достаточно подробные и вполне достоверные сведения об их повседневной жизни содержатся в книгах Плано Карпини, Гильома Рубрука и Ибн Батуты, которые подолгу кочевали по нижневолжским степям вместе с ордами золотоордынских ханов. По данным этих средневековых авторов, перекочевки всех, даже самых небольших групп степняков, осуществлялись по строго регламентированным маршрутам и, как правило, по меридиональным направлениям: с февраля до июля — с юга на север, а с августа до января — с севера на юг. Обычно кочевники передвигались по степям в очень размеренном темпе — со скоростью медленно идущего ягненка или быка. В составе стад преобладал мелкий рогатый скот, много было быков, верблюдов и лошадей. Особая роль всегда отводилась лошади, она являлась основным транспортным средством и была единственным домашним животным, способным самостоятельно добывать себе корм из-под снега.

И женщины, и мужчины прекрасно ездили верхом, однако в каждом хозяйстве имелась одна или несколько двухколесных или четырехколесных повозок-арб с плетеными стенами и крышами, которые покрывались войлоком. Войлок часто пропитывали животным жиром, что делало его совершенно непромокаемым. Колеса арб диаметром до 2 м имели массивные деревянные ступицы и спицы. В арбах перевозили пожитки, спали и укрывались во время непогоды. Состоятельные люди имели очень большие повозки, ширина колеи их могла достигать 6 м. В такие большие арбы впрягали десятки быков. Широкое распространение имели юрты, одни из них могли относительно быстро разбираться и собираться, другие перевозились на арбах в неразобранном виде. На стоянках по монгольской традиции юрты и арбы выстраивали в ряд и обращали их входом к югу, при этом повозки прислуги и рабов всегда располагались сзади, т. е. севернее юрт хозяев.

Летом основу пищевого рациона кочевников составляли молоко и молочные продукты — кумыс, простокваша, масло, творог, брынза. Хлеба они не пекли, мясо употребляли не каждый день и в весьма ограниченном количестве, запивая его бульоном. Кроме того, в пищу употребляли размельченное просо, которое не варили, а заливали кипятком и пили по утрам. Пищу обычно брали руками, а после еды вытирали руки о траву, полы одежды или сапоги. Одежду монголы никогда не стирали и запрещали делать это другим, веря в то, что развешенные для просушки вещи вызывают гром и молнию, которых они панически боялись.

Занятия мужчин и женщин были четко разграничены. Женщины управляли повозками, изготовляли нитки из сухожилий, шили одежду, кожаную обувь и различные бытовые вещи из бересты, готовили пищу, делали масло, сушили впрок мясо и приготовляли сухое молоко. Мужчины делали луки и стрелы, стремена, седла, уздечки, строили юрты и повозки, обрабатывали шкуры, приготовляли кумыс и занимались окарауливанием стад. По свидетельствам современников, все монгольские девушки одевались, как мужчины, носили штаны и отлично стреляли из лука, состоятельные замужние женщины были очень тучными, что считалось признаком благополучной жизни. Детей рожали сидя на корточках и держась руками за шест.

Хозяйство кочевников было натуральным, почти все необходимое они производили сами, пользуясь нехитрым набором инструментов. Только отдельные, сложные в изготовлении товары приобретались на городских рынках — стеклянные бусы, дорогие златотканые шелковые ткани, сложные типы драгоценных украшений, литые бронзовые зеркала, покрытые ртутной амальгамой. Приобретали кочевники и отдельные продукты земледелия, хотя следует иметь в виду, что они и сами занимались культивированием неприхотливых злаковых растений, группируясь вокруг общественных полей во время сева и сбора урожая. Такой тип хозяйства в научной литературе называют кочевым с нерегулярным земледелием. Он практиковался многими народами и хорошо известен ученым-этнографам.

Большая часть кочевого населения Золотой Орды придерживалась языческих воззрений и сохраняла самобытные формы религиозных верований, которые обычно называют шаманством, или шаманизмом. Основу шаманских представлений о мире составляет вера в существование множества добрых и злых духов, а также в то, что особые люди, шаманы, обладают сверхъестественной способностью вступать с этими духами в прямое общение. Духи могли иметь облик людей или животных, их надо было постоянно одаривать, добрых — для того чтобы попросить о чем-то, а злых — для того чтобы не рассердить. Для подобных повседневных действий шаман, как правило, не требовался. Кочевник-монгол перед трапезой или возлиянием всегда кропил трижды: на юг для выражения почтения огню, на восток — в знак выражения почтения воздуху, на запад — для выражения почтения к воде, на север — в память усопших. В каждой юрте можно было увидеть онгонов — изображения духов, нарисованных на материи, коже, вырезанных из войлока, дерева или листового металла. Чаще всего это изображения людей, реже животных и птиц. Животных всегда изображали в движении. Изображения человека имели круглую голову, слегка расставленные ноги и растопыренные пальцы на руках.

Бронзовый онгон, Водянское городище. *Кат. 412*

Нефритовый амулет, Водянское городище. *Кат. 413*

Бронзовый амулет, Быково. *Кат. 449*

Деревянный с бронзовыми обоймами амулет, Быково. *Кат. 450*

В силу подвижного образа жизни средневековые кочевники не оставили после себя никаких бытовых памятников вроде поселений или стоянок, поэтому археологическое изучение их истории и культуры основывается, главным образом, на материалах курганных могильников. Самые ранние сведения о раскопках средневековых погребений на территории Нижнего Поволжья относятся к рубежу XVIII—XIX вв., однако их всестороннее, подлинно научное изучение началось только в первые десятилетия прошлого века. В 20—50-е годы XX в. большой вклад в изучение кочевнических древностей Нижнего Поволжья внесли саратовские и ленинградские археологи Н. К. Арзютов, П. С. Рыков, П. Д. Рау, И. В. Синицын, В. П. Шилов. Позднее к этой работе активно подключились волгоградские исследователи В. И. Мамонтов, А. С. Скрипкин, И. П. Лисицын, В. А. Кригер, А. В. Лукашов, Е. П. Мыськов, И. В. Сергацков, В. М. Клепиков, А. В. Дьяченко, А. А. Глухов и другие. В результате многолетних раскопок к настоящему времени на территории Нижнего Поволжья исследовано около 1000 кочевнических погребений, относящихся ко второй половине XIII — началу XV в. Среди наиболее интересных золотоордынских памятников, раскопанных на территории Волгоградской области, следует прежде всего отметить могильники: Абганерово I—IV, Жутово (Октябрьский район); Бахтияровка I—III, Ленинск, Маляевка, Солодовка I—II, Царев (Ленинский район); Белужино-Колдаиров, Хмелевой I—II, Ютаевка (Иловлинский район); Бережновский I—II, Молчановка (Николаевский район); Быково III, Могута (Быковский район); Венгеловка, Эльтон (Палласовский район); Веселый II, Нагавский I, IV (Котельниковский район); Глазуновский (Кумылженский район); Курнаевка, Харьковка I (Старополтавский район); Первомайский VII (Калачевский район); Сенной (Михайловский район); Тормосин (Чернышковский район).

Следует отметить, что уже на самых ранних этапах существования Золотой Орды некоторые группы кочевников обратились в мусульманство. Поэтому на протяжении длительного времени в Нижнем Поволжье сосуществовали самые разные погребальные традиции, как языческие, так и мусульманские. С течением времени погребальный обряд кочевников становился все более и более унифицированным и изменялся в сторону упрощения, а влияние ислама постепенно возрастало и уже в начале XIV в. мусульманские обычаи получили определенное распространение в кочевой степи, хотя отнюдь не стали доминирующими. После прихода к власти хана Узбека и утверждения ислама в качестве государственной религии процесс распространения мусульманской идеологии в Золотой Орде значительно активизировался, но, как и прежде, охватил далеко не все слои кочевого населения. В нашем распоряжении имеется целая серия языческих кочевнических погребений с монетами 60-х гг. XIV в., в которых найдены не только большие комплекты украшений и бытовых предметов, но и элементы конской упряжи, вооружения и даже останки взнузданных и оседланных коней. Документально установлено, что в кочевой среде языческий курганный обряд погребения сохранялся по меньшей мере до начала 15-го столетия, т. к. самые поздние курганы, надежно датированные нумизматическими находками, относятся ко времени не ранее второго десятилетия XV в. Эти археологические данные хорошо согласуются с материалами средневековых письменных источников. В сочинениях Ибн Арабшаха и Руи Гонсалеса де Клавихо сообщается, что в начале XV в. часть кочевого населения Золотой Орды продолжала придерживаться языческих воззрений и поклонялась идолам.

В настоящее время существуют довольно противоречивые мнения о семантике погребального обряда и сути мифологических представлений, связанных с загробной жизнью. Тем не менее известно, что для большинства первобытных обществ характерны представления о переходном характере похоронного ритуала. Совершавшие погребальный обряд больше заботились о том, чтобы умерший не вернулся и был обеспечен всем необходимым в пути, чем о его жизни в загробном мире. Общая ориентация погребального обряда обычно была направлена на отношения живых и мертвых, а не на потустороннее существование. По традиционным представлениям некоторых кочевых и полукочевых народов после смерти человек превращается в духа и жить он будет на месте погребения, поэтому и само это место должно быть красивое и вид с него должен открываться тоже красивый, иначе умерший может обидеться.

Золотоордынские курганные могильники расположены в разных топографических условиях. Часть из них находится в открытой степи на значительном удалении от постоянных источников пресной воды или на высоких водоразделах, господствующих над всей окружающей местностью. Курганы здесь почти никогда не составляют больших могильников, а размещены поодиночке или небольшими группами из 3—5 насыпей. По-видимому, такие группы формировались на маршрутах традиционных перекочевок небольших кровно-родственных коллективов.

Большинство золотоордынских курганов расположено на надпойменных террасах больших и малых рек или на берегах крупных степных лиманов, которые в эпоху средневековья, несомненно, представляли собой озера, постоянно заполненные пресной водой. Здесь встречаются и небольшие курганные группы, и крупные компактные могильники, иногда насчитывающие до 30 насыпей. Одним из наиболее интересных памятников такого рода является могильник Быково III. Всего здесь было раскопано 27 курганов золотоордынского времени. В большинстве из них выявлены захоронения со стандартным обрядом погребения (подбойные могилы с остатками взнузданных чучел коней и западной ориентировкой погребенных), который сочетался со своеобразным набором сопровождающего инвентаря, состоящим из элементов конской упряжи, вооружения и различных бытовых предметов. Стандартный обряд погребения и большое количество курганов в могильнике Быково III свидетельствуют о том, что перед нами кладбище семейно-родственной кочевой общины — хотона или аила. Обычно такие могильники возникали в местах объединения в одном кочевом стойбище нескольких самостоятельных хозяйств. Такое объединение чаще всего происходило, когда возникала необходимость совместного ухода за скотом, например, в период окота овец, и когда состояние пастбищ позволяло выпасать большое количество домашних животных на достаточно ограниченной территории.

Обширные кладбища, иногда насчитывающие более сотни погребальных сооружений, возникали на окраинах больших и малых золотоордынских городов. Такие кладбища находятся у Царевского городища, Водянского городища, Мечетного городища и Глазуновского селища. Они намного больше самых крупных кочевнических могильников и, в отличие от классических кочевнических памятников, демонстрируют удивительное разнообразие форм надмогильных сооружений и характерных черт погребального обряда. На пригородных кладбищах простые земляные курганы соседствуют с развалинами мавзолеев, сырцовыми оградами и группами грунтовых могил под кирпичными надгробиями; а погребения мусульман — с захоронениями язычников, причем по нумизматическим материалам все эти комплексы датируются в пределах одного-двух десятилетий. На обширных пригородных кладбищах хоронили своих умерших родственников и горожане, и осевшие на землю кочевники, и представители кочевого населения, так или иначе связанные с городской культурой.

В кочевнических могильниках на территории Нижнего Поволжья наибольшее распространение получили надмогильные сооружения в виде простых земляных курганов. Их характерными особенностями являются правильная сферическая форма насыпи и наличие неглубоких ровиков, из которых брали грунт для ее сооружения. В подавляющем большинстве случаев ровики имеют форму кольца или полукольца и охватывают насыпь по периметру. Размеры земляных курганов различны — от едва заметных холмиков до весьма внушительных сооружений. В кочевнических и пригородных могильниках преобладают курганы диаметром 10—15 м и высотой до 1 м. Большие насыпи диаметром свыше 20 м и высотой более 1 м встречаются гораздо реже и обычно скрывают под собой захоронения представителей кочевой аристократии с разнообразным богатым, а иногда и драгоценным инвентарем. Обычно при раскопках золотоордынских могильников встречаются курганы с одиночным погребением под центральной частью насыпи. Намного меньше земляных курганов, содержащих два или несколько захоронений, причем подавляющее большинство из них исследовано на пригородных кладбищах.

Фрагменты серебряной чаши XIV в., Бахтияровка I. *Кат. 455*

Особую группу золотоордынских погребальных сооружений представляют постройки в виде оград, сложенных из сырцовых кирпичей на глиняном растворе. К настоящему времени в Нижнем Поволжье исследовано около сотни таких комплексов. Большинство оград прямоугольной формы, гораздо меньше округлых, восьмиугольных и шестиугольных построек. Некоторые погребальные ограды имеют специально оформленные входные проемы, обращенные к югу. Размеры кирпичных оград различны, но большинство из них не превышает 5×5 м или 6×6 м, высота сырцовых стен около 0,5 м, а толщина их колеблется в пределах 0,5—1,5 м, что достаточно точно соответствует среднестатистическим размерам жилых однокомнатных домов золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Хорошо известны кирпичные погребальные постройки с более сложной планировкой. Некоторые из них имеют выступы в виде длинных и узких пилонов, другие состоят из двух помещений: гур-ханы — собственно усыпальницы и зийарат-ханы — помещения для поминовений Расположенные внутри оград могилы, как правило, перекрывались кирпичными надгробиями. Таким образом, все типы погребальных сырцовых оград находят прямые параллели в планировке зданий золотоордынских мавзолеев, хорошо известных по материалам городских кладбищ и пригородных могильников.

Обычно внутри оград располагаются два или несколько погребений взрослых и детей, и лишь треть из них была возведена над одиночными захоронениями. Следовательно, большинство построек такого рода представляют собой семейные погребальные комплексы, в которых захоронения совершались не одновременно, а последовательно. Это значит, что ограды не перекрывались земляными насыпями и функционировали только как постройки открытого типа. Более 90% погребений, исследованных внутри кирпичных оград, либо вообще лишены погребального инвентаря, либо содержат единичные мелкие украшения. Все эти данные свидетельствуют о том, что подавляющее большинство кирпичных оград было построено оседлым мусульманским населением золотоордынских городов, а традиции их возведения, очевидно, принесены на Ниж-

Берестяной колчан с костяными накладками XIII—XIV вв., Сидоры. *Кат. 423*

нюю Волгу переселенцами из Хорезма. В кочевой среде возведение погребальных кирпичных оград не получило широкого распространения, лишь немногие памятники такого рода можно рассматривать как погребения представителей кочевого населения. Не исключено, что различные типы кирпичных построек — округлые, прямоугольные, многоугольные — в какой-то мере отражают этнические различия похороненных в них людей. Судя по найденным монетам, погребальные сооружения с оградами из сырцовых кирпичей появились на территории Нижнего Поволжья в начале XIV в. и продолжали возводиться здесь по меньшей мере до середины 60-х гг. XIV в.

Среди золотоордынских погребальных памятников Нижнего Поволжья выделяется небольшая группа грунтовых погребений в прямоугольных могилах, которые, по-видимому, изначально не имели никаких надмогильных сооружений. Все эти погребения мужские, они были обнаружены в силу случайных обстоятельств, причем большинство из них сопровождалось разнообразным или даже драгоценным инвентарем. Такие захоронения всегда одиночные и никогда не составляют групп, что свидетельствует о подвижном образе жизни населения, оставившего эти своеобразные памятники. Появление таких комплексов, скорее всего, следует связывать с обычаем тайного захоронения у монголов, который достаточно подробно описан в сочинениях целого ряда средневековых авторов.

Формы могильных ям в погребальных памятниках Нижнего Поволжья не отличаются особым разнообразием. Наибольшее распространение здесь получили простые прямоугольные ямы, а также прямоугольные ямы с уступами вдоль длинных стенок и подбойные могилы. Обычно людей хоронили в дощатых гробах или в массивных колодах, выдолбленных из толстых бревен. Колоды встречаются гораздо реже гробов, они тесно связаны со всеми основными признаками кочевнического похоронного ритуала и являются предпочтительно женскими гробами. Соотношение ориентировок в погребальных памятниках Волго-Донских степей выглядит следующим образом: захоронения, в которых умершие были ориентированы в западном направлении, составляют более 78%, в северном — около 13%, в восточном — около 8%, южное направление практически не представлено и составляет доли процента от общего числа проанализированных погребальных комплексов. Анализ антропологических материалов, полученных при раскопках могильников, свидетельствует о незначительном преобладании в кочевой среде мужского населения над женским, а также выявляет неестественную малочисленность детских захоронений. Скорее всего, детей незнатного происхождения хоронили по какому-то особому обряду и не на родовых кладбищах.

В средневековых кочевнических могильниках довольно часто встречаются погребения с костями коней: целыми скелетами или остатками конских чучел в виде костей четырех ног и черепа. Абсолютно преобладают захоронения с остатками конских чучел, погребений с целыми костяками коней в два раза меньше. В большинстве погребений целые скелеты или конские чучела уложены в могилах на брюхо с подогнутыми ногами, гораздо реже встречается положение скелета или чучела на боку с подогнутыми ногами. Вряд ли нужно специально доказывать то, что в данном случае конь — не напутственная пища и не простое жертвоприношение. Конь (или его чучело) — это транспортное средство, которое было призвано обеспечить успешное путешествие души умершего в потусторонний мир. Именно поэтому почти во всех погребальных ком-

плексах золотоордынского времени находят не просто скелеты, а останки взнузданных и оседланных коней с удилами, стременами, подпружными пряжками, седлами. Не случайно в подавляющем большинстве захоронений останки коня располагаются слева от погребенного, так как именно слева обычно осуществлялась посадка.

Большинство захоронений кочевнических могильников Нижнего Поволжья сопровождалось различными предметами сопровождающего инвентаря. Погребения без вещей относительно немногочисленны и обычно не превышают 15% от общего числа исследованных. Обращаясь к рассмотрению основных категорий сопровождающего инвентаря, следует учитывать, что многие предметы традиционной материальной культуры имеют выраженное мифологическое содержание. Это положение особенно важно для выяснения семантического значения различных вещей, ставших частью комплекса погребального инвентаря. Очень часто предметы, помещенные в могилу, полностью утрачивали свое первоначальное функциональное предназначение и превращались в обереги, волшебные вещи, социальные или половозрастные индикаторы. Именно поэтому ассортимент предметов в погребениях, как правило, жестко регламентирован и достаточно ограничен. Становится понятно, что в могилу помещали не первые подвернувшиеся под руку предметы и не те вещи, которые будут нужны умершему в потустороннем мире, а те, которые способны обеспечить его безопасное путешествие в страну мертвых, могут надежно отделить покойного от мира живых, а также материально обозначить его пол, возраст и социальное положение.

Деление различных категорий сопровождающего инвентаря по половому признаку в кочевнических погребениях прослеживается достаточно отчетливо. К женским предметам сопровождающего инвентаря относятся: игольницы и иглы, наперстки, пряслица, шилья, пинцеты, ножницы, зеркала, браслеты, перстни, головные уборы-бокки, ожерелья и браслеты из бус, раковины каури, амулеты, а также немногочисленные находки сельскохозяйственных орудий (мотыги, серп, коса). К мужским предметам сопровождающего инвентаря относятся: луки, колчаны, наконечники стрел, наконечники копий и пик, сабли, панцири и кольчуги, оселки, колчанные и рыболовные крючки, пояса, большие поясные сумки и кресала. Удалось также выявить категории сопровождающего инвентаря, которые встречаются преимущественно в мужских или женских захоронениях. Преимущественно в женских захоронениях находят гребни, серьги и золотые украшения; преимущественно в мужских — удила, стремена, седла, пряжки, ножи и серебряные монеты.

В погребальном обряде кочевников достаточно широкое распространение получил обычай ритуального умерщвления вещей. Перед помещением в могилу некоторые предметы преднамеренно ломали, нарушали их целостность, для того чтобы они могли беспрепятственно последовать за своим владельцем в потусторонний мир. Многие предметы сопровождающего инвентаря (ножи, иглы, ножницы, гребни, бронзовые зеркала) помещали в могилу в качестве оберегов от злых духов, которые, по традиционным представлениям, боялись всех острых железных предметов и отраженного солнечного света. Довольно часто в целях экономии в могилы помещали изрядно поношенные или совершенно испорченные вещи — сильно сточенные поломанные оселки, заплатанные и прожженные казаны, изодранные поясные сумки и истрепанные кожаные налучья и берестяные колчаны.

Наиболее распространенными категориями сопровождающего инвентаря в кочевнических могильниках Нижнего Поволжья являются предметы конской упряжи — двусоставные удила с большими подвижными кольцами, стремена с арочными дужками и широкими подножками, похожие на современные. Иногда уздечки украшались бронзовыми бляшками и бубенчиками, интересны в этом отношении литые бронзовые бляхи с изображениями пегасов, найденные в одном из погребений могильника Солодовка. Довольно часто в погребениях находят остатки седел с деревянными полками и луками, обтянутыми кожей. Иногда вместо кожи седла обтягивали дорогой золототканой парчой. В одном из курганов могильника Жутово обнаружены фрагменты седла, передняя лука которого была искусно расписана золотой, красной и черной красками. В целом ряде погребений из могильников Абганерово IV, Аксай III, Бахтияровка, Бережновский I, Веселый II, Маляевка, Нагавский IV выявлены остатки седел, луки которых были обиты тонкими железными полосами или изящными костяными накладками, крепившимися к деревянной основе небольшими железными или костяными гвоздиками.

Интересны игольницы в виде небольших расширяющихся костяных трубочек с резным циркульным орнаментом. Игольницы подвешивались к поясу на кожаном ремешке с узелком на конце. Иглы втыкались в ремешок рядом с узелком, после чего их прижимали к ремешку и втягивали внутрь костяной игольницы, предохраняя тем самым иглы от рассыпания.

Костяная накладка на колчан XIVв. с изображением оленя, Колобовка. *Кат. 425*

Костяные накладки на колчан, Колобовка. *Кат. 425*

Довольно часто в могилы помещали прямоугольные деревянные гребешки, изготовленные из самшита. На одной стороне гребешков расположены мелкие зубцы, на другой — крупные, а пространство между ними нередко украшено резными геометрическими орнаментами. По представлениям многих народов гребень являлся волшебным предметом и был способен оградить человека от преследования различных вредоносных сил. Гребешок, брошенный через плечо, превращается в непроходимый лес, заросли колючего кустарника, частокол и спасает преследуемого от погони. По-видимому, основная функция гребня в погребении — обеспечить безопасное путешествие души умершего в потусторонний мир, оградить ее от преследования злых сил и одновременно отделить от мира живых. Именно поэтому гребни находят как в мужских, так и в женских захоронениях, а также в погребениях детей и подростков.

Литые бронзовые зеркала в среднем встречаются в каждом третьем женском захоронении. Это дисковидные изделия, одна сторона которых полировалась и покрывалась ртутной амальгамой, а вторая обычно украшалась различными орнаментами. Все зеркала четко делятся на две группы. Первая из них представлена большой серией изделий в виде небольших тонких дисков с неровными краями и следами обломанных литников. Все орнаменты выполнены тонкими контурными линиями. Самыми распространенными элементами орнаментальных композиций являются различные солярные символы солнечного культа — круги с точками в центре, радиальные лучи, концентрические окружности, не менее популярными были изображения крестообразных фигур с точкой в центре, а также орнаменты в виде сопряженных арок или дуг. Вторая группа зеркал представлена более массивными дисками с валиками или высокими бортиками по краю. Орнаменты их в корне отличаются от зеркал первой группы, они выполнены в низком рельефе и восходят к китайским, среднеазиатским или иранским прототипам. Среди них изображения летящих птиц, плывущих друг за другом рыб, драконов, бегущих животных, сложных растительных плетенок, рисовых зерен, гроздьев винограда, арабских благопожелательных надписей.

Среди различных бытовых предметов, часто встречающихся в кочевнических погребениях, следует отметить шарнирные ножницы с овальными или округлыми кольцами, которые выполняли функции оберегов и традиционно рассматривались как символ женского начала. Довольно широкое распространение получили железные шилья в виде тонких заостренных стерженьков с цилиндрическими деревянными рукоятями. Известны бронзовые наперстки с рядами неглубоких вдавлений для более надежной фиксации иглы и пряслица — дисковидные грузики для веретен, выточенные из керамических черепков, камня или отлитые из свинца. В мужских погребениях часто встречаются огнива — кусочки кремня и железные кресала, прямоугольные с продольной прорезью и калачевидные с отогнутыми концами. Кресало являлось волшебным предметом и в погребальной практике наделялось магическими свойствами оберега. Однако самой распространенной категорией инвентаря в кочевнических погребениях Нижнего Поволжья являются небольшие бытовые железные ножи с короткими черешками и деревянными рукоятями. Ножи различаются по форме и размерам, в мужских захоронениях встречаются крупные массивные ножи-кинжалы, а в женских — миниатюрные косметические ножички длиной всего 5 см.

Бронзовое зеркало XIII—XIV вв., Венгеловка. *Кат. 430*

Бронзовые зеркала с геометрическим орнаментом из погребений кочевников XIII—XIV вв. *Кат. 431—433*

Вверху справа:
Золотые браслеты и серьги из погребений кочевников XIII—XIV вв. *Кат. 446—448*

Обычной находкой в кочевнических погребениях являются серьги, изготовленные из тонкой медной или серебряной проволоки. Золотые серьги встречаются довольно редко. Наибольшее распространение получили простые сережки в виде колечек с разомкнутыми концами, а также серьги в виде вопросительного знака. Известны и другие типы серег, например, в виде змееподобного дракона с раскрытой пастью или в виде фигурных плакеток с цветными стеклянными вставками. Широкое распространение получили различные типы мелких бус из синего, бирюзового, черного, коричневого и зеленого стекла, а также более крупные формы с многоцветным линейно-волнистым, глазчатым или мозаичным орнаментом. Интересны бусы-амулеты в виде миниатюрных гребешков или кукишей. Гораздо реже в женских погребениях встречаются браслеты, согнутые из тонких бронзовых, серебряных или золотых полос, некоторые из них украшены стилизованным растительным или зооморфным орнаментом.

Встречаются в женских погребениях и культовые предметы. Известны находки онгонов в виде схематичных фигурок людей, небрежно вырезанных ножницами из медных листов, а также достаточно многочисленные амулеты из меди или серебра в виде тонкостенных полых цилиндров или прямоугольных орнаментированных пластинок с ушками для пришивания к одежде или головным уборам. Некоторые амулеты представляют собой тонкие металлические оправки с призматическими вставками из дерева или поделочных камней.

Посуда в кочевнических погребениях встречается редко. Иногда в погребениях пригородных кладбищ находят небольшие красноглиняные кувшины, горшки или миски, изготовленные в гончарных мастерских нижневолжских золотоордынских городов. Встречаются остатки деревянных пиал, вырезанных ножом или выточенных на токарном станке. Металлическая посуда также встречается крайне редко, это небольшие тонкостенные медные котелки с железными накладками и дужками, а также серебряные чашечки или более крупные кубки для кумыса, гладкостенные или с гравированным растительным орнаментом под венчиком или на внутренней стороне уплощенного дна.

Особую категорию сопровождающего инвентаря представляют женские и девичьи головные уборы из золототканой парчи. Это так называемые бокки. Их внешний вид подробно описан в целом ряде сочинений средневековых авторов. Бокка состояла из парчовой шапки с длинными наушниками, берестяного футляра для волос в виде небольшого остроносого сапожка и навершия-султана, изготовленного из дерева, металла или перьев. Бокки носили замужние женщины, а молодые девушки могли надевать на голову только шапки с наушниками без берестяного футляра и султана. В погребения головные уборы обычно помещали не в качестве элемента одежды, а как особый предмет сопровождающего инвентаря, несущий вполне определенную смысловую нагрузку. Наличие в могиле головного убора должно было характеризовать возраст, пол и социальное положение погребенной. Судя по особенностям погребального обряда и антропологическим материалам, такие головные уборы в Золотой Орде носили преимущественно монгольские женщины, хотя впоследствии они были восприняты и какой-то частью автохтонного кочевого населения.

В некоторых мужских захоронениях встречены предметы защитного вооружения. Целые панцири или кольчуги в средние века ценились очень высоко, поэтому в могилы их клали редко. Обычно в погребения помещали лишь небольшие обрывки кольчуг или несколько стальных прямоугольных панцирных пластин с заклепками по краям, следуя принципу — часть вместо целого. Из предметов наступательного вооружения отметим небольшие наконечники пик с полыми втулками и четырехгранными в сечении стержнями, слабоискривленные сабли, а также почти прямые мечи или палаши. Судя по материалам погребальных комплексов, самым популярным оружием в кочевой среде был небольшой составной лук и стрелы. Формы и размеры железных наконечников стрел были очень разнообразны. Преобладали срезни — черешковые плоские наконечники с расширяющимся пером с прямой, ромбической или вильчатой ударной частью, а также бронебойные наконечники с тонкими многогранными или округлыми в сечении головками. Найдено довольно много наконечников, изготовленных из кости, как черешковых, так и втульчатых пулевидных, встречаются и тупые деревянные наконечники, которые предназначались для охоты на пушных зверей.

Стрелы носили в колчанах, которые представляли собой большие прямоугольные пеналы со слегка расширяющимся основанием. Колчаны крепились к поясу при помощи специальных железных крючков и довольно сложной портупеи из тонких ремней и пряжек. Подавляющее большинство колчанов сшито из бересты, только в нескольких золотоордынских захоронениях обнаружены остатки колчанов, изготовленных из тонкой кожи. Внешние поверхности некоторых берестяных

Бердыш и черешковые наконечники стрел из погребений кочевников XIII—XIV вв. *Кат. 421, 422*

Железная сабля XIV в., Бахтияровка. *Кат. 420*

колчанов украшены широкими продольными полосами черного или коричневого цвета. Особый интерес представляют колчаны с богато орнаментированными костяными накладками — широкими, но очень тонкими костяными пластинами, сплошь покрытыми сложными гравированными орнаментами. Углубления гравированных линий заполнялись специальными пастами черного, красного и зеленого цвета. На одних колчанах накладки украшены только геометрическими и растительными орнаментами, на других, кроме этого представлены изображения ланей, бегущих оленей с ветвистыми рогами, драконов, людей в остроконечных головных уборах, сцены терзания хищником травоядного животного. Своеобразные орнаментальные композиции, представленные на колчанах с резными костяными накладками, безусловно, являлись не простыми декоративными украшениями, и наносились они на колчаны не только потому, что воинам хотелось как можно лучше украсить свое оружие. Совершенно очевидно, что сложная система декорирования костяных колчанных накладок имела прежде всего глубокое семантическое значение, и буквально каждый элемент орнамента наделялся особым магическим смыслом.

В погребениях кочевнических и пригородных могильников Нижнего Поволжья нередки случаи находок золотоордынских монет. К настоящему времени исследовано более 100 таких комплексов, причем почти все монеты, найденные в них, серебряные. Медные монеты в погребениях встречаются редко. Подавляющее большинство монет из погребений отчеканено в первой половине XIV в. на монетных дворах нижневолжских золотоордынских городов — Сарая, Сарая ал-Махруса, Сарая ал-Джедид и Гюлистана. Монеты Болгара, Укека, Тебриза, Мохши и Азака единичны. Самая ранняя монета найдена при раскопках могильника Колобовка II, она отчеканена в 1278—1279 гг., т. е. в последние годы правления хана Менгу-Тимура. Самые поздние монеты обнаружены в одном из погребений могильника Белужино-Колдаиров, они отчеканены от имени хана Пулада и датированы 1408—1409 гг. Количество монет в погребениях различно, от 1 до 16, нередко их зажимали в кулак умершего или помещали в рот.

Определение этнической принадлежности различных типов кочевнических захоронений — довольно сложная проблема, которая еще не решена окончательно. Несомненную этническую специфику имеют некоторые предметы сопровождающего инвентаря — женские головные уборы, берестяные колчаны с резными костяными накладками, седла с узкими костяными окантовками задней луки, отдельные типы золотых украшений. Однако более показательны в этом отношении некоторые признаки погребального обряда — форма могильной ямы, ориентировка погребенного, наличие захоронения коня, способ захоронения коня или заменяющих его предметов конской упряжи; характер мясной напутственной пищи. В настоящее время на территории Нижнего Поволжья можно выделить несколько своеобразных групп золотоордынских захоронений с устойчивым сочетанием признаков обряда, которые в какой-то мере отражают этнический состав населения этого обширного региона.

Выделяется серия кочевнических захоронений (около 15%), которые можно уверенно сопоставлять с этническими монголами. Это погребения в подбойных, реже прямоугольных могилах с северной ориентировкой погребенных, без костей коня, но с предметами конской упряжи и костями передней ноги барана в качестве напутственной пищи. Вторая группа погребений (около 80%), очевидно, оставлена тюркоязычными кочевниками как пришедшими на территорию Нижнего Поволжья вместе с монголами, так и представителями автохтонного местного кочевого населения. Это погребения в прямоугольных, реже подбойных могилах с западной ориентировкой погребенных и остатками взнузданных конских чучел. В этой группе захоронений в качестве напутственной пищи обычно использовались части бараньих хребтов. Наконец, третья группа (около 5%) представлена захоронениями в прямоугольных могилах с восточной ориентировкой погребенных в сопровождении целых скелетов взнузданных и оседланных коней. Такие погребения обычно связывают с половецким населением.

В эпоху Золотой Орды кочевники Нижнего Поволжья постоянно контактировали с оседлым городским населением, поскольку всегда в большей или меньшей степени были заинтересованы в сохранении экономических связей с городскими производственными центрами. Однако эти связи никогда не были глубокими и всесторонними, массового оседания кочевников на землю так и не произошло. Яркая и самобытная культура золотоордынских городов Нижнего Поволжья в целом всегда оставалась чуждой для подавляющего большинства кочевого населения степей. Городская культура здесь не имела глубоких местных корней и не была генетически связана с автохтонным кочевым населением, именно этим объясняется ее стремительный упадок в период ожесточенных феодальных распрей и практически полный крах после нашествия Тимура.

VIII. ПЕТРОВ ВАЛ

На территории Камышинского района, вблизи станции Петров Вал находятся остатки одной из самых крупных строек эпохи Петра Великого — судоходного канала, который должен был соединить две крупнейшие транспортные артерии страны — Волгу и Дон.

Идея эта появилась у Петра очень рано. Еще в 1694 г. молодой царь отправил в междуречье Волги и Дона князя Б. И. Куракина для осмотра местности на предмет возведения укрепленной линии и соединения Иловли и Камышинки каналом. Это представлялось ему необходимым в условиях происходившей войны с Турцией. События следующего лета, когда московское войско во главе с Петром, направляясь на Азов, в течение четырех дней совершало тяжелый пеший переход от Царицына к Дону, только укрепили царя в решимости построить судоходный путь. Это решение было принято 4 ноября 1696 г. на совещании Петра с думными боярами и иноземными специалистами. Канал должен был обеспечить переброску судов, войск и материалов из Центральной России к театру военных действий с Турцией — Приазовью и Причерноморью. Автором первоначального проекта и руководителем работ стал немецкий инженер-фортификатор полковник Иоганн (в современных русских источниках Яган) Бреккель, знакомый Петру по осаде Азова. Проект предусматривал использование притоков Дона и Волги — рек Иловли и Камышинки. Место их наибольшего сближения должно было быть соединено каналом протяженностью 2,5 версты с несколькими шлюзами, русло маловодных рек также углублялось устройством дамб и шлюзов. На противоположных концах водного пути для его охраны планировалось возвести крепости Иловля и Пётргород.

Вид из космоса на Петров вал

Работы на трассе будущего канала начались летом 1697 г. Суда с работниками и материалами разгружались на Волге, в устье Камышинки. Общее число привлеченных людей, по оценкам современника, возможно преувеличенным, достигало 35 тыс. Для охраны складов и поселка строителей здесь была основана крепость Дмитриевск (будущий Камышин). Общее наблюдение за строительством и командование войсками в его районе принадлежало главе приказа Казанского дворца князю Б. А. Голицыну, управлявшему всем Поволжьем. Выполняя приказ Петра, он всё же не доверял иностранцу Бреккелю и вообще высказывался против возведения канала: «По его убеждению, если Бог, создавая реки, дал им известное течение, то со стороны человека было бы неразумным высокомерием стараться направить их в другую сторону»[1].

Работы шли медленно и сопровождались острой нехваткой рабочих рук и материалов, не помогали делу и постоянные придирки Голицына. Со слов самого Бреккеля, князь однажды ударил его тростью и «стращал повесить». Видимо, инженер не был специалистом по постройке каналов. Первый же шлюз, построенный им, был при пробном пуске испорчен — вода размыла его основание и ушла под запертые ворота. Получив первую часть жалованья, Бреккель в начале 1698 г. бежал из России по документам своего слуги. С этим событием связана легенда, долго бытовавшая среди жителей Камышина. Старожилы рассказывали, что немец-инженер, убедившись в невыполнимости своего предприятия и страшась царского гнева,

[1] *Перри Д.* Состояние России при нынешнем царе. В отношении многих великих и замечательных дел его по части приготовления к устройству флота, установления нового порядка в армии, преобразования народа и разных улучшений края // Чтения императорского Общества истории и древностей российских. М. 1871. №. 1. С. 5.

Русло канала

якобы заложил тройку лошадей и с размаху бросился вместе с ними в Волгу с высокого утеса.

Пётр I узнал о бегстве Бреккеля, находясь в Англии. Он незамедлительно начал поиски нового инженера среди местных специалистов. Вскоре им был принят на службу англичанин Джон Перри, имевший хороший опыт шлюзного дела. Прибыв на место вместе с корабельным мастером Лукой Кеннеди, он быстро понял ошибки Бреккеля. Перри исправил направление канала, чтобы производить меньше земляных работ и обойтись меньшим количеством шлюзов. Всего на канале планировалось построить пять шлюзов.

Работы возобновились, но стройка по-прежнему шла медленно. По расчётам Перри, ему требовалось ежегодно до 30 тыс. работников, но, по собственному признанию, он никогда не мог получить больше половины этого количества. Строительству постоянно не хватало не только чернорабочих, но и мастеров — плотников, кузнецов. Особенно Перри жаловался на отсутствие мастеров по конопачению древесины, без чего нельзя было строить шлюзы. Большой проблемой являлась постоянная угроза татарских набегов, для чего стройку охраняло до 2 тыс. конного и 4 тыс. пешего войска. Б. А. Голицын не благоволил и к новому инженеру. Как вспоминал Перри, с ним и его коллегами «обращались самым грубым образом, угрожая нам каторгой и виселицей»[2]. Не доверяя инженеру, Голицын собрал целую комиссию для проверки изменённого им маршрута канала. Но и после того, как комиссия признала правильными действия Перри, глава приказа Казанского дворца продолжал чинить ему различные препоны. В своих записках Перри признавался: «Я терпел все тот же недостаток в людях в материале, и некоторые части работ, оставаясь в недоконченном виде, подвергались порче и разрушению от воды, за неимением работников, способных хорошо конопатить, в которых чувствовался постоянный недостаток»[2]. 23 января 1701 г. англичанин подал царю записку, в которой жаловался на эти проблемы и признавался, что мог закончить канал «в пятьдесят дней» при наличии необходимого количества работников и материалов. Жалоба возымела действие — Пётр отстранил Голицына от контроля за стройкой и поставил во главе войск и работников князя П. И. Дашкова. Впрочем, и от нового начальства Перри не получил нужной поддержки. По его словам, Голицын, впавший в немилость царя, использовал все свои связи при дворе и со старыми боярскими фамилиями и внушил князю Дашкову предубеждение против инженера. В 1701 г. на стройке работало лишь около 10 тыс. человек.

Летом 1701 г. по поручению царя стройку осматривал Ф. М. Апраксин, один из ближайших людей к Петру. Дж. Перри снова жаловался высокому сановнику на «огромный недостаток рабочих для конопаченья, а также всяких других мастеров и материалов, которых до сего дня не мог допроситься, указал ему на малое количество кузнецов, плотников и прочих рабочих»[3]. К этому времени, по уверению Перри, «некоторые шлюзы были почти окончены и канал в половину прокопан»[4]. Апраксин обещал доложить о проблемах строителей царю.

По подсчетам Джона Перри, если бы строительство было полностью обеспечено рабочей силой и стройматериалами, канал можно было бы закончить в четыре или даже в три года после его приезда на стройку, т. е. в 1701-м или 1702 г. Но этому не суждено было сбыться. 2 сентября 1701 г. англичанин получил приказ Петра отправиться со всеми помощниками и мастерами в Москву. На стройке должен был остаться один помощник инженера, который по «письменному наказу» Перри, т. е. по чертежу, должен был взять на себя руководство работами. Оставив на канале русского мастера В. Д. Корчмина, Перри отправился в Москву, откуда был направлен в Воронеж на тамошние верфи. Вернуться на канал ему так и не довелось. В следующем, 1702 г. строительство канала прекратилось совсем, работные люди были отправлены на другие стройки. Главной причиной охлаждения царя к идее соединения Волги и Дона, как было понятно уже современникам, стала начавшаяся с поражений война со Швецией, требовавшая концентрации ресурсов совсем на другом конце страны. Южный же фланг России после подписания в 1700 г. мира с Турцией был уже относительно безопасным. Канал уже не был нужен ни русской армии, ни Петру. Его постигла участь многих других строек, начатых царем и брошенных на половине.

В настоящее время вблизи станции Петров Вал Камышинского района сохраняются остатки прорытого на рубеже XVII—XVIII вв. канала. Это ров глубиной около 10 м, шириной по дну около 9 м. По свидетельству современников, в XIX в. на дне рва еще оставались следы устройства шлюзов — вбитые вертикально бревна. Примерно в 500 м севернее находятся остатки канала, начатого И. Бреккелем, — ров глубиной около 3 м, шириной по дну до 13 м. Народная молва связывала этот канал с турецким султаном Селимом, якобы пытавшимся прорыть его во время похода в 1569 г. на Астрахань, но современные исследователи скептически относятся к такой возможности.

[2] *Перри Д.* Указ. соч.

[3] *Перри Д.* Указ. соч.

[4] Там же. С. 4.

IX. ЦАРИЦЫНСКАЯ УКРЕПЛЕННАЯ ЛИНИЯ

На территории Городищенского и Иловлинского районов Волгоградской области находятся остатки одного из самых крупных фортификационных сооружений России — Царицынской укрепленной линии.

Решение о ее постройке было принято в тяжелое для страны время. После неудачного для Петра Прутского похода в 1711 г. и заключения невыгодного для России мирного договора стратегическое положение юга страны резко ухудшилось. Возвращение Турции Азова и уничтожение Таганрога фактически оголили границу с Крымским ханством и Кубанью. Нападения крымских и кубанских татар на южные районы России стали происходить практически ежегодно. Наиболее крупный набег произошел летом 1717 г., когда 15-тысячное кубанское войско смогло беспрепятственно пройти междуречьем Волги и Дона и добраться до Пензы, разорив десятки деревень и угнав в рабство более 12 тыс. человек. Ослабленные после подавления булавинского бунта донские казаки оказались не в состоянии задержать нападавших. Под непосредственным впечатлением от этого набега 15 ноября 1717 г. вышел сенатский указ, где говорилось: «4. Два полка драгунские отправить с Украйны в Казанскую губернию в прибавку к прежним двум полкам к тем, о которых в Сенате определено; и быть им тамо для бережения от приходов татарских, а над ними иметь команду, и идти с тем корпусом бригадиру Кропотову и стоять ему меж Саратова и Пензы; а чтоб оные полки шли в пути немедленно, и для того дать им сани на два человека, а для посылок и разъездов дать тому Кропотову донских казаков 500 человек, да и самому Войсковому атаману со всеми казаками об оном с ним с Кропотовым сноситься и к воинскому промыслу быть в готовности во всякой. 5. Сделать черту от Дмитровского к Илавле и к Дону, или от Царицына до Паньшина по рассмотрению посланного, где работы будет меньше, а на Дону крепость в Паньшине»[1].

Собственно, идея о постройке оборонительной линии в самом узком месте между Волгой и Доном появилась задолго до этих событий. Еще в 1682 г. боярский сын Иван Бакунин, посланный на переволоку «для валового чертежа от Царицына через степь к Дону до Паньшина городка», сделал таковой и указал в нем, «где пристойно быть в котором месте крепостям»[2]. Однако тогда данный план реализован не был.

Видимо, район дислокации войск между Саратовом и Пензой оказался слишком далёк от границы. Уже 30 марта 1718 г. вышел новый указ Сената, в котором корпусу Кропотова предписывалось перебраться поближе к угрожаемым местам: «Для охраны от нечаянных татарских набегов от Царицына к Дону, к Паньшино быть бригадиру Кропотову, команде его, донским казакам в упомянутом месте в марте месяце. Сделать линию, вал и ров, укладывая дёрном, и по той линии в пристойных местах сделать

[1] Полное собрание законов Российской империи. Собр. Первое (ПСЗ-I): В 45 т. Т. 5. Спб., 1830. № 3116.

[2] *Рябов С. И., Самойлов Г. П., Супрун В. И.* Пётр I в Царицыне и на Среднем Дону. Волгоград, 1994. С. 103.

Смотровая площадка на Царицынской сторожевой линии

Памятная стела

Вид на вал и ров

Ров Царицынской сторожевой линии

небольшие крепостцы, дабы впредь через те места от нечаянных татарских набегов было безопасно»[3].

В строительстве линии принимали участие драгуны Г. С. Кропотова, прикомандированные донские казаки и слободские полки, а также работные люди из соседних губерний — всего не менее 10 тыс. человек. Руководил стройкой поначалу инженер-майор Лепинас, затем инженер-капитан Декофонат (другое написание — де Кофенант). Работы подвигались по-военному быстро, из царского указа 8 января 1720 г. «О постройке пограничной линии от Паньшина до Царицына и крепостей по оной» видно, что к этому времени укрепления были в основном готовы.

В указе говорилось: «В нынешнем 1720 г. для достройки линии от Паньшина до Царицына и по ней крепостей, быть генерал-майору Кропотову по-прежнему, команды его с тремя драгунскими полками, к тому же в команде его Казанской и Азовской губерний из гарнизонных полков и из тамошних других служилых людей, да Слободским полкам компанейщикам и их помогателям и Донским казакам по прежнему провиант на них собирать, и к тому делу припасы имать, что чего к наличному надлежит, по числу людей, из вышеописанных же губерний. И о том о всем определение учинить в Камер-коллегии; понеже о прежних нарядах к тому делу и о прочем, все подлинное дело отослано в ту Коллегию. Только ему Генерал-майору в указе от Сената написать, дабы сего года конечно оная линия и крепости были достроены. А каковы крепости по той линии в означенных местах строить: тому послать к нему профиль, а Гетманского регимента полкам, на той работе в сем году не быть, а быть им у работ у Киево-печерской и прочих крепостей в Малой России, против прежних определений»[4]. Кропотов выполнил волю Петра Великого. 28 сентября он рапортовал: «Линейная работа и по ней 4-ре крепости прошедшего августа 15 дня сего 1720 года с помощию божею и всемирными трудами щастливо окончилась»[5]. Всего через два года российскому императору представился случай собственноручно проинспектировать построенную Кропотовым линию. Возвращаясь из персидского похода, Пётр выехал из Царицына в Москву 28 ноября 1722 г., но прибыл в Качалинскую станицу, находившуюся в конце Царицынской линии, только через семь дней. Очевидно, император с присущей ему тщательностью проверял каждую крепость, каждую версту линии.

Царицынская линия представляла собой непрерывный сухой ров шириной до 8 м и земляной вал с северной стороны, протянувшиеся от Царицына до реки Дон в районе тогдашнего Паньшина городка. Глубина от дна рва до гребня вала составляла 9—12 м, высота вала от поверхности земли — от 2,6 до 4,6 м. В местах пересечения балок и оврагов устраивались частоколы из заостренных бревен и клетей, заполненных землей. На дне рва также предусматривался частокол, но, вероятно, в силу большой стоимости и трудоемкости это было сделано не везде. На расстоянии прямой видимости друг от друга на валу были устроены 23 редана — треугольных выступа, за которыми находились караульни, окруженные палисадом. Такая конфигурация позволяла караулу обстреливать штурмующего линию противника не только спереди, но и с флангов. Для

[3] *Рябов С. И., Самойлов Г. П., Супрун В. И.* Петр I в Царицыне и на Среднем Дону. Волгоград, 1994. С. 104—105.

[4] ПСЗ-I. Т.VI. № 3483.

[5] *Рябов С. И., Самойлов Г. П., Супрун В. И.* Указ соч. С. 108.

оперативного оповещения о приближавшемся неприятеле у линии устраивались наблюдательные посты с деревянными пирамидами, поджигавшимися в случае обнаружения опасности. Общая протяженность линии составила около 55 км.

Сами по себе ров и вал не могли задержать противника — кубанских и крымских татар — больше чем на несколько часов, требовавшихся на устройство прохода для лошадей. Но именно в этом и заключалось их предназначение. За это время к месту прорыва должны были подоспеть воинские команды с артиллерией, расквартированные в небольших крепостях, равномерно расположенных по периметру линии. Их огневых возможностей вполне хватало, чтобы отразить нападение иррегулярной конницы.

Головной крепостью стала уже существовавшая Царицынская, ее коменданту подчинялись все остальные гарнизоны. Она была четырехугольной по плану, имела гарнизон в 500 человек и располагала 38 орудиями. В 10 верстах от нее в балке Мечётки была возведена Мечётная крепость, также четырехугольная земляная с полубастионами. Ее гарнизон насчитывал 300 человек и 7 орудий. В 27 верстах от Волги находилась крупная Грачёвская крепость — пятиугольная с бастионами на 13 пушек, рассчитанная на постоянное пребывание 500 человек. В месте пересечения реки Сакарки стоял редут Осокорский, где по штату не полагалось собственного гарнизона и, по-видимому, располагались дежурные команды. Редут имел 3 пушки. Последней крепостью на линии стала Донская, расположенная на высокой припойменной террасе. Она была четырехугольной в плане, имела постоянный гарнизон в 500 человек и 12 пушек разных калибров. От нее ров и вал упирались в рукав Дона — протоку Быструю. Все крепости были окружены земляными валами, внутри них находились пороховые погреба, хозяйственные и жилые постройки для размещения людей и лошадей.

В «Дневных записках» адъюнкта Академии наук И. И. Лепёхина, проезжавшего по Царицынской линии в 1769 г., содержится упоминание еще об одной крепости — Калдыбанской: «Линия сия состоит из земляного вала с палисадом, имеет еще четыре крепости (кроме Донской. — *А. Л.*): Мечётную, Грачи, Калдыбанскую и Осокорь. Между сими земляными крепостцами расставлено 25 форпостов»[6].

Однако в рапорте Г. С. Кропотова говорилось о постройке четырёх, а не пяти крепостей. Нет Калдыбанской крепости и в описании Царицынской линии, сделанной обер-секретарем Сената И. К. Кириловым. Посетивший Царицын в том же году, что и Лепёхин, академик И.-П.Фальк также ничего не говорит об этом укреплении: «Шанцы (укрепления. — *А. Л.*) по линии, кроме Донской крепости по линии на берегу Дона, которая не велика, но построена в виде четвероугольной звезды с земляными валами, называются Осокорские, похожие на Донскую крепость, только немного поменее, где протекает по линии речка Оскорка, далее Грачёвская крепость в виде пятиугольной звезды и Мечётная крепость, построенная неправильным четвероугольником»[7]. Видимо, И. И. Лепёхин ошибся. Возможно, одна из крепостей имела ещё местное, неофициальное название. Калдыбанской (т. е. Котлубанской) могли называть либо Осокорскую, либо Грачёвскую крепость.

Для усиления возможностей гарнизонов крепостей к линии прикомандировывались также другие части, прежде всего донские казаки. В сенатском указе от 3 августа 1731 г. прямо упоминалось, что на линию «повсегодно посылается Донских казаков по 500 человек»[8]. Этого было явно недостаточно, поэтому тем же указом всем желающим донским казакам предлагалось переселяться в окрестности укреплённой линии. Этих добровольцев, которых за два года набралось 1057 семей, правительство Анны Иоанновны поселило на берегах Волги между Царицыном и Дмитриевском (современный Камышин).

Здесь было образовано отдельное Волжское казачье войско, одной из главных обязанностей которого являлась охрана Царицынской линии. Но и донские казаки не были освобождены от службы на линии.

В высочайше утверждённом докладе Сената 8 октября 1733 г. говорилось: «...содержать ту линию, как Донское войско сами обязываются, им всем Донским войском, и присылать для охранения и разъездов на тое линию по такому числу, как Военная коллегия во мнении объявила, в летнее время по 1200, в зимнее по 800 человек, которым давать месячный провиант против солдат, да лошадям на зимние месяцы овёс, а сено заготовлять им самим по Дону, и других от линии ближних

---

[6] Царицын в путевых записках, мемуарах и воспоминаниях современников (конец XVI в. — 1917 г.). Волгоград, 2005. С. 72—73.

[7] Там же. С. 78.

[8] ПСЗ-I. Т. VIII. № 5824.

местах, опричь дач Царицынских жителей»[9]. Помимо казаков, к линии были постоянно прикомандированы и части регулярной армии. Так в 1736 г. здесь находились Сальянский пехотный полк, 10 рот Астраханского гарнизона и 1200 донских казаков.

Царицынская линия сыграла исключительную роль в обеспечениb безопасности междуречья Волги и Дона. После ее сооружения крымцы и кубанцы даже и не пытались пройти в русские пределы по этому направлению. Только после возведения этой линии стало возможным заселение и хозяйственное освоение Царицынского Поволжья. Свot значение она сохраняла вплоть до царствования Екатерины II, когда в 1777 г. далеко на юге была учреждена новая сторожевая линия от Азова до Моздока. Оказавшаяся в глубоком тылу русских владений Царицынская линия была упразднена.

В настоящее время существует несколько по-разному сохранившихся участков Царицынской укрепленной линии. К сожалению, в результате градостроительной и хозяйственной деятельности оказались утрачены все крепости и значительная часть самой линии. В городской черте Волгограда по ее трассе проложены проспект им. Г. К. Жукова (ранее Исторический проспект) и Историческое шоссе. В Городищенском районе хорошо сохранились фрагменты линии от железнодорожной станции Древний Вал до пос. Опытная станция, далее от этого поселка к складам у пос. Котлубань (на этом участке сохранилось несколько реданов), и от территории складов к автомагистрали М-6 «Каспий». Здесь на границе Городищенского и Иловлинского районов современная глубина рва доходит до 5 м, высота вала до 2,5 м — это наибольшие измерения. В долине реки Сакарки линия не сохранилась, но от правого обрывистого берега реки до железной дороги проходит участок относительно хорошей сохранности — глубина рва 2—2,5 м, ширина по дну рва 3,5 м, высота вала до 3 м. На территории АПК «Сады Придонья» линия почти полностью уничтожена, оттуда до ст-цы Качалинской линия сохранилась, но высота вала и глубина рва не превышают 1 м. На юго-западной окраине современной ст. Качалинской прослеживаются остатки четырехугольного рва вокруг крепости Донской.

---

[9] ПСЗ-I. Т. IX. № 6496.

X. ДРЕВНЕЕ И СРЕДНЕВЕКОВОЕ НАСЕЛЕНИЕ ВОЛГОГРАДСКОГО КРАЯ ПО АНТРОПОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Под антропологией понимают совокупность научных дисциплин, занимающихся изучением человека, его происхождением, развитием, существованием в природной (естественной) и культурной (искусственной) средах. Для нашей темы наибольший интерес представляет такой раздел антропологии, как палеоантропология, которая дает возможность решать вопросы происхождения древних и средневековых народов. Кроме этого, на основе палеоантропологических данных можно определить, как выглядели древние люди, какой образ жизни они вели, какими болезнями болели, какими продуктами питались.

На протяжении всей истории развития таких научных дисциплин, как археология и антропология, накопился большой фактический материал, на основе которого можно осветить вышеперечисленные проблемы, в том числе и в отношении нашего края.

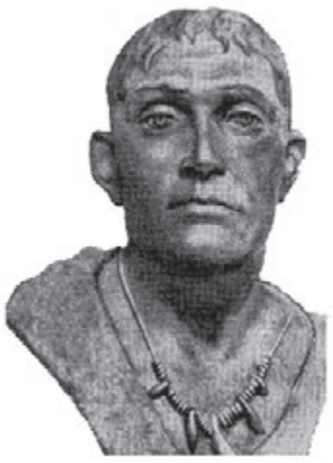
Так, анализ имеющихся палеоантропологических данных показывает, что древнее и средневековое население Земли, как, впрочем, и современное, в биологическом отношении было чрезвычайно неоднородным. Этот факт бесспорен и для населения Нижнего Поволжья. Его разнообразие можно проследить, изучая палеоантропологические материалы, которые свидетельствуют о том, что картина не была статичной, она менялась во времени и была тесно связана с историческими процессами. Антропологические исследования позволяют выявлять примесь инородных этнических элементов в составе местного населения определенной территории и, таким образом, фиксировать миграции.

Первые материалы по антропологии древнего и средневекового населения Нижнего Поволжья, в том числе и Волгоградской области, были изучены Г. Ф. Дебецем. В дальнейшем эти исследования были продолжены В. В. Гинзбургом, Б. В. Фирштейн, А. В. Шевченко, Л. Т. Яблонским, М. А. Балабановой, Е. В. Перервой. Анализ всей совокупности полученных данных позволяет в общих чертах наметить картину изменчивости антропологического состава населения Волгоградского края от эпохи энеолита-ранней бронзы до позднего средневековья.

Наиболее ранние антропологические материалы в нашем регионе относятся к эпохам энеолита и ранней бронзы. Это объясняется началом распространения обычая совершать погребения под курганными насыпями, которые имеют визуальные признаки определения.

ОБИТАТЕЛИ БРОНЗОВОГО ВЕКА

Эпоха ранней бронзы. В это время на территории Нижнего Поволжья господствовала археологическая культура, получившая название ямной. Для ямного общества были характерны довольно большие курганы с простыми могилами, которые иногда отличались большой глубиной. Половозрастная структура погребенных под курганами людей позволяет реконструировать социальную организацию общества. Данная тема разрабатывалась исследователем А. В. Шевченко. Он выяснил, что большая часть курганов содержала одно погребение и в нем хоронили преимущественно мужчин. Если же в кургане было два погребения, то они или мужские, или одно мужское и одно детское, или встречались курганы, в которых обе могилы были детскими. Курганы, содержащие до трех и более могил, очень редки.



Пластическая реконструкция лица по черепу мужчины, Бережновка. ***Ямная культура***

Череп мужчины из могильника Горный. ***Ямная культура***

Изготовление ниток из оленьих жил. ***Оленные чукчи***

Женские могилы под курганами во всех регионах распространения ямной культуры, от Нижнего Поволжья до Северного Причерноморья, встречаются гораздо реже, чем мужские и детские. Эта дисгармония по полу помогла А. В. Шевченко высказаться в пользу унилокальности брака у данного общества, когда женщина, переходя в род мужа, включается в его производственный коллектив, но не становится членом его рода. Она не имела право участвовать в родовых культах и до самой смерти сохраняла идеологические и родственные связи с родом отца. Поэтому под курганами хоронили лишь женщин рода, не успевших выйти замуж или вернувшихся в род: вдовы-дочери, сестры и тетки погребенных мужчин, но только не матери и жены.

Распределение умерших в подкурганных захоронениях по возрасту позволяет считать, что доля детей в могильниках различных территорий неодинакова — от половины всех захороненных до полного отсутствия их. Очень редки погребения детей первого возраста детства, от новорожденности до 6—7 лет. Кроме этого, как показали демографические исследования и по другим регионам распространения ямной культуры, средний возраст смерти достаточно высок для этого времени, около 38 лет. Такие результаты демографических исследований дают возможность признавать тот факт, что похороны под курганом были исключительной привилегией. Чаще всего ею обладали, видимо, мужчины зрелого и пожилого возраста.

Интересно, что в курганах этого времени очень часто встречаются так называемые вторичные захоронения, погребения-пакеты. Такой обряд был довольно распространен не только в древности и средневековье, но и в новое время вплоть до современности. Это связано с тем, что по каким-то причинам умерший не сразу погребается, а находится во временном хранении. После определенного времени для него совершался погребальный обряд с помещением его останков в могилу. Но в связи с длительным хранением в первичном захоронении у трупа нарушалась анатомическая целостность, так как тело умершего во время хранения могло быть доступно различным хищникам и трупоедам, а также подвергнуться разложению. Такой обряд, по мнению антрополога А. В. Шевченко, связан с тем, что умерших погребали только в теплое время года, весенне-летне-осенний период, поскольку при сооружении погребений не были отмечены следы от костров для оттаивания земли, а землеройный инструмент был примитивным.

Что касается внешнего облика людей, живших в ямную эпоху (условно называемых археологами «ямниками»), то на всей территории Нижнего Поволжья они обладали массивным строением и высоким ростом. При этом «ямники» Калмыкии и Астраханской области были широкоголовыми и широколицыми. Что касается «ямников», некогда обитавших на территории современной Волгоградской области, то по целому комплексу признаков они отличались от своих соседей и были носителями типа длинноголовых европеоидов с хорошо развитым надбровьем и надпереносьем. Кроме того, для «волгоградских ямников» была характерна неоднородность, среди них выделяется два типа с разной длиной и шириной черепа и его пропорций, а также по строению лица. Один из них сочетал тип, характерный для «ямников» Калмыкии и Астраханской области, то есть широкоголовый массивный тип в сочетании с широким лицом, а другой — длинноголовый в сочетании с относительно узким и низким лицом. Второй вариант больше был присущ для синхронного на-

селения причерноморских степей. Все это свидетельствует о том, что на территории Волгоградской области происходило смешение двух пластов населения — местного широкоголового и пришлого, которое, видимо, проникает в среду местных племен с запада, со стороны северопричерноморских степей.

О том, как выглядели «ямники», дает представление реконструкция лица по черепу, осуществленная известным ученым М. М. Герасимовым. Череп был получен из раскопок могильника Бережновка в Николаевском районе.

Искусственные и патологические изменения на костях племен ямной культуры дают представление об образе жизни, здоровье и обычаях древних народов. Так, у них зафиксированы искусственно возникшие изменения на зубах, которые в палеопатологии получили название «интерпроксимальные желобки». Это выемки или углубления, располагающиеся на коренных зубах, в области шейки зуба, на верхней и на нижней челюстях. Данная искусственная деформация зубов — самая известная и распространенная в древних популяциях. Она известна у разных древнейших людей и даже неандертальцев. По мнению ученых, эти углубления образуются при использовании тонких цилиндрических предметов (деревянные палочки, небольшие рыбьи кости или жесткие стебли травы) для чистки межзубных пространств и боковых поверхностей зубов от кусочков пищи. Можно предположить, что подобная процедура имела лечебно-профилактическое значение при пародонтозе и отложении камня в межзубных пространствах.

Самым распространенным объяснением причин появления борозд/углублений такого рода являются систематические возвратные движения зубной палочки, сделанной из дерева или кости. Есть еще одно объяснение образования желобков — использование зубов для «профессиональной» трудовой деятельности. Как это было принято, например, у оленных чукчей. Они изготавливали нитки, пропуская растительные волокна или сухожилия животных между зубами.

На черепах, в теменно-затылочной области, заметны следы деформации, которая, по-видимому, является преднамеренной, хотя не исключается и непреднамеренный ее характер. При преднамеренной деформации на голову младенца накладывается повязка или специальная конструкция, которые деформирует голову ребенка и формует ее в заданном направлении, а непреднамеренная деформация связана с особенностями ухода за ребенком. Например, содержание ребенка в колыбели особого типа, когда голова ребенка фиксирована в ней и теменно-затылочная область уплощается под тяжестью головы.

Специфической особенностью исследуемой группы населения является очень высокий процент встречаемости патологических изменений на внутренней поверхности лобной кости у мужчин. Современные исследования показывают, что данная патология связана с различными эндокринными и психосоматическими заболеваниями, которые имели следующие симптомы: ожирение, неутихающая головная боль, нередко сопровождающаяся повышением артериального давления и головокружением. У некоторых больных указанные изменения могли диагностировать такие заболевания, как сахарный диабет, нарушение кальциевого обмена и другие.

Эпоха средней бронзы. В это время значительно увеличивается антропологический материал, свидетельствующий о существенных его различиях по сравнению с ранней бронзой. Появляются курганы-кладбища, в которых содержится до 20 и более погребений, дающих прекрасную демографическую информацию. Имеющийся материал по отдельным могильникам и курганам позволяет отметить массовые захоронения детей в индивидуальных и коллективных захоронениях. Причем в отличие от могильников ранней бронзы в это время встречаются и захоронения младенцев. Совместные синхронные погребения для эпохи средней бронзы являются довольно распространенным явлением. Чаще всего встречаются парные захоронения, реже тройные и еще реже останки четырех людей в одной могиле.

В парных и других коллективных захоронениях сочетания самые разные: женщина и ребенок; мужчина и ребенок; двое детей; трое детей и т. д. Основная часть двойных захоронений и все комплексы с большим числом погребенных относятся к разным поколениям (взрослые с младенцами и детьми; подростки с младенцами и т. д.). Число взрослых индивидуумов в одном погребении не превышает двух. Обращает на себя внимание необычно высокий процент совместных погребений взрослых с младенцами и детьми — более 20% по сравнению с долей захоронений младенцев и детей в серии индивидуальных погребений (от 3 до 12%).

Захоронения взрослых с детьми, особенно младенцев и детей раннего возраста детства до 6—7 лет, по мнению некоторых исследователей, свидетельствует о важной функции взрослых быть «детоводителями», то есть их проводниками на семейно-родовое кладбище. В этом качестве часто выступали пожилые и старые мужчины. В среднем по суммарной серии катакомбной культуры доля детей составляет около 40%, что свидетельствует о высокой детской смертности и о том, что, очевидно, в курганных могильниках хоронили всех умерших детей.

Распределение захоронений по половой принадлежности в раскопанных могильниках дает неоднозначную картину. В некоторых могильниках мужских захоронений больше, чем женских, а в других наоборот. Такие могильники, а иногда и курганы-кладбища можно условно назвать мужскими или женскими. В целом же по культуре мужские захоронения преобладают над женскими.

При распределении погребенных под курганами по возрастным группам заметны перекосы в сторону высокой доли молодых женщин. Такая зависимость характеризует все древние общества — смертность молодых женщин напрямую зависела от детородной функции, так как беременность и роды очень часто сопровождались стрессами, которые приводили к летальному исходу.

Большое количество детей в могильниках, а также большой процент людей, умерших в молодом возрасте, дает низкий возраст смерти. Так, с учетом детей возраст смерти около 20 лет, без учета детей, около 33 лет.

Изучение археологами и антропологами могильников катакомбной культуры позволяет утверждать о довольно сложной общественной организации катакомбных племен, предположительно сословно-кастовой, и о чрезвычайной этнической и морфологической неоднородности.

Об этом свидетельствует практика особых погребальных обрядов — кремация, вторичные захоронения, кенотафы[1]. Доля таких типов погребений небольшая, от 3 до 10%. Совершенно очевидно, что такие обряды практиковали по отношению к небольшой части общества, видимо, высоко статусной.

[1] Символическая могила, которая не содержит останков покойного, но содержит погребальный инвентарь.

Посмертная маска. ***Катакомбная культура***

Искусственно деформированный череп ребенка, башенный тип. ***Катакомбная культура***

С вторичными захоронениями, скорее всего, связан типично ближневосточный обычай посмертного моделирования лица покойников посмертными масками. На всю лицевую часть, освобожденную от мягких тканей, накладывалась маска из смеси глины, охры, золы, навоза и т. д. Иногда встречались останки с частично моделированным лицом, например, в виде «глаза» и «носа» из глины, долепленного подбородка и т. п. Древнейший обряд подобного рода известен в одном из самых древних городов мира — Иерихоне (Палестина). Он зафиксирован при раскопках еще одного древнего поселения Чатал-Хуюка в Анатолии (Турция).

Несколько таких масок были найдены и при раскопках могильников в Волгоградской области, например, в могильнике Орешкин I в Михайловском районе. В процессе изучения посмертных масок удалось выяснить следующее:

1. Черепа отделялись от скелета после естественного разложения трупа, которое по условиям пребывания трупа в открытой могиле определяется примерно в 2—3 недели.

2. Никаких следов искусственного отделения черепа от скелета на шейных позвонках не обнаружено.

3. Никаких следов искусственного удаления мягких покровов черепа не отмечено.

4. Дырчатые повреждения черепа не служили для извлечения мозга, а являются прижизненными следами врачебного вмешательства, т. е. трепанации.

5. Фрагменты глиняных масок полностью повторяют неровности соответствующих анатомических образований костей черепа, т. е. маски могли быть выполнены на черепах, лишенных мягких покровов.

Не вызывает сомнений у ученых, что этот обычай практиковали по отношению к небольшой выдающейся части общества, к высшей знати, к лидерам, к жрецам, одновременно являвшимся и вождями.

Интересен с точки зрения антропологии еще один обычай, который практиковали племена катакомбной культуры, это преднамеренная искусственная деформация черепа. Младенцу на голову надевалась специальная конструкция, которая ущемляла рост головы в длину и ширину и поощряла рост в высоту. Поэтому деформированные катакомбные черепа очень высокие — башенного типа. Как показывают этнографические данные, такой тип деформации можно достигнуть быстро, так как голова ребенка очень пластична и уже через несколько недель приобретает заданную форму.

Так у полугодовалого младенца из погребения средней бронзы могильника Майоровский Суровикинского района практически уже достигнута нужная форма черепа, которая характерна при катакомбном типе деформации. Черепа детей более старшего возраста, 2—6 лет, демонстрируют еще больший эффект деформации. Степень деформации на взрослых черепах, особенно группы из Волго-Донского междуречья, слабее. Видимо, после снятия деформирующего устройства череп ребенка, продолжая расти, несколько компенсирует эффект деформации, частично возвращаясь к генетически заданным нормам.

То, что этот обычай практиковали лишь в определенной части общества и он носил знаковую функцию, является неоспоримым фактом. В суммарной серии, изученной нами, таких черепов набирается около 17%. Распределение деформации по отдельным могильникам сильно разнится — одни дают от 30 до 50%, а в других она совсем отсутствует.

Как же внешне выглядели племена катакомбной культуры? Ответ на этот вопрос дает изучение многочисленных черепов и длинных костей, полученных при раскопках погребений данной культуры, а также имеющиеся пластические реконструкции лица по черепу. Как и в других районах, имеющиеся археологические и антропологические материалы убедительно показывают, что на протяжении всей катакомбной эпохи территорию Волгоградской области населяли многочисленные этнокультурные группы. Они различались по погребальному обряду, деталям костюма, бытовому инвентарю, антропологическому типу.

Почти все обрядовые группы с недеформированными черепами — восточно-манычская, донецкая, среднедонская — морфологически однородные и обладали резко выраженными европеоидными качествами. Характеристика их укладывается в средний тип, у которого в наборе был узкий длинный череп с резкой горизонтальной профилировкой лицевой части и сильно выступающим носом. Только волго-донская группа отличается большей шириной мозговой коробки и лицом. Внешне с этой группой похожа так называемая группа «полтавкинцев», памятники которых распространены в основном в Заволжье. По-видимому, последние две группы своим происхождением связаны с местным предшествующим населением ямной культуры, а длинноголовый тип остальных культурных групп связан, скорее всего, с мигрантами.

Все группы, в которых практиковали обычай искусственной деформации головы, похожи между собой и от-

личались от остальной части только теми качествами, которые можно связать с эффектом деформирующей конструкции, накладываемой на голову младенца. Деформированные черепа короче, шире и выше, с более высоким лицом и отдельных его частей, чем не деформированные.

Изучение длинных костей показывает, что люди времени катакомбной культуры были высокорослыми и физически сильными с хорошо развитой мускулатурой. Что касается происхождения населения различных групп, то, видимо, какая-то их часть имела местное происхождение, связанное с населением ямной эпохи, а какая-то с новыми пришлыми группами, которые попали в волгоградские степи с юга. Эта же закономерность наблюдается и в распространении искусственной кольцевой или лобно-затылочной деформации черепов, которая является одной из отличительных особенностей катакомбной культуры. В могильниках Калмыкии, Астраханской и Ростовской областях, а также в могильниках южных районов Волгоградской области зафиксирован максимальный процент деформированных черепов, и чем дальше на север, тем он ниже.

Анализ костей скелета на патологические изменения показал редкую частоту встречаемости таких заболеваний зубочелюстной системы, как кариес и хронический абсцесс. Чаще всего в разнополых группах наблюдаются на зубах минерализованные отложения (зубной камень). С одинаковой высокой частотой этот признак фиксируется и у мужчин, и у женщин. Поражение зубов вызывалось и эпизодическими стрессами, вызываемыми периодическими голоданиями, при переходе детей от молочной диеты к диете взрослых. Из других патологических состояний на зубах «катакомбников» следует отметить сколы эмали и сильную стертость зубов, особенно у мужчин. Костные останки мужчин свидетельствуют о частом их обморожении.

На костях населения катакомбной культуры встречаются следы воспалительных процессов, особенно у детей, как следствие инфекционных заболеваний. Следы так называемых специфических инфекций у взрослого населения обнаружены как результат реакции на травму. Вообще, в это время травмы очень редки. Чаще встречаются компрессионные переломы костей свода черепа у мужчин, полученные в процессе удара по голове тупым предметом, травмы носовых костей, что с большей вероятностью можно связать с бытовым насилием или травматизмом.

Развитие артрозов и болезней позвоночника указывает на наличие признаков перегрузки организма, что свидетельствует о физической активности населения того времени.

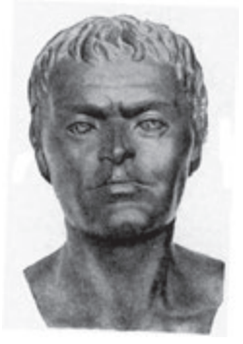
Эпоха поздней бронзы. В эту эпоху практика использования курганного пространства над массовыми захоронениями приобретает повсеместный характер. Большое количество погребальных комплексов дает обширный антропологический материал, что позволяет наиболее объективно определить половозрастную структуру общества.

Как и в предшествующую эпоху, при демографических подсчетах приходится сталкиваться с ситуацией, когда в одном и том же кургане и могильнике кроме погребений, осуществленных по стандартному обряду, представлены и погребения с кремацией, кенотафы и вторичные захоронения, но их немного, от 4 до 6%. Интеграция археологических и этнографических исследований дает основание предполагать, что для племен поздней бронзы в погребальном обряде фиксируется социальный прижизненный статус умершего и что для отдельных людей особого ранга использовали обряд кремации или символические захоронения (кенотафы).

Пластическая реконструкция лица по черепу мужчины из могильника Дмитриевка.
Катакомбная культура

Пластическая реконструкция лица по черепу женщин с деформированной головой, Бережновка.
Катакомбная культура

При определении половозрастной структуры позднебронзового общества прежде всего выделяется такой отличительный признак, как очень высокая детская смертность, около 50%. Этот феномен заинтересовал ученых и стал специальной темой исследования ученых, которые высказывали ряд гипотез. По одной из них, высокая детская смертность — это общая тенденция в рассматриваемую эпоху. По другой, которую можно назвать селективной, этот феномен объясняется организацией детских могильников. Другие гипотезы объясняют это явление частыми заболеваниями детей от инфекций, преднамеренным убийством детей в ритуальных целях в качестве использования их «посланниками с просьбами к пращурам».



Пластическая реконструкция лица по черепу мужчины. ***Срубная культура***

Популяции срубной культуры характеризуются низким возрастом смерти как с учетом детей, так и взрослого населения, соответственно 17—20 лет и 26—37 лет. Пик смертности приходится на молодой возраст, более 40% мужчин и более 55% женщин умирало в возрасте 15—35 лет. Поэтому только единицы доживали до 50 лет и старше.

Во всех срубных сериях независимо от региона в возрастном интервале 15—19 лет преобладает женская смертность, что, вероятно, отражает стресс, связанный с беременностью и рождением первого ребенка.

Соотношение по полу в группах близкое к норме, 1,0—1,1, т. е. количество мужских и женских погребений одинаково.

Низкие величины предполагаемой продолжительности жизни взрослого населения (средний возраст смерти) позволяет определить хозяйственный уклад изучаемого общества как раннюю форму производящего хозяйства, связанную с пастушеством и примитивным растениеводством.

Внешний облик населения срубной культуры можно реконструировать на основе изучения черепа и других костей скелета. Согласно этим данным как мужская, так женская части населения отличались большей длинноголовостью и ярче выраженными чертами южных европеоидов по сравнению с предшествующими группами. Кроме этого, они были выше среднего роста и довольно массивного строения. Пластическая реконструкция лица по черепу молодого мужчины срубной культуры была осуществлена известным ученым М. М. Герасимовым.

Из патологий у населения срубной культуры можно назвать часто встречаемые травматические повреждения. Присутствие следов бытового и боевого насилия указывает на некоторую общественную нестабильность в данной популяции. Травмы были отмечены на голове, ребрах, длинных костях конечностей. Переломы костей носа, скорее всего, являются свидетельствами выяснения межличностных отношений. Повреждения, выявленные на костях свода черепа, вероятнее всего, имеют боевой характер. Что же касается повреждений костей посткраниального скелета, то наиболее вероятная их интерпретация — это случайные переломы в результате падений.

Таким образом, ключевым аспектом формирования антропологического состава волгоградских степей в эпоху бронзы является постепенное, начиная с периода средней бронзы, проникновение переселенцев с южных территорий, имеющих более узкие черепа. Эти люди постепенно смешивались с коренным населением этого региона эпохи ранней бронзы, которое характеризовалось широким черепом и лицом, массивным телосложением. Со временем, к эпохе поздней бронзы, это привело к полному исчезновению туземного населения. Возможно, появление новой погребальной традиции в курганах катакомбной культуры является первым этапом этого масштабного переселения. Несмотря на то, что исследуемый регион имеет сложную и пеструю археологическую историю, изменения физического облика его жителей укладываются в единый вектор относительно медленного вытеснения местного населения новым, имеющим южное происхождение. Следует особо подчеркнуть, что речь идет не о масштабных миграциях значительных по размерам человеческих коллективов, а о постепенном, диффузном проникновении переселенцев, растянувшемся на сотни лет.

КОЧЕВНИКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Предсавроматское время. Согласно современным научным представлениям переход от эпохи бронзы к раннему железу на территории евразийских степей ознаменовался не только вытеснением бронзовых орудий труда и предметов вооружения железными, но и переходом огромного степного массива племен к новому кочевому хозяйственно-культурному укладу. Становление кочевого хозяйства происходило вместе с формированием новых этнополитических объединений. Эти тенденции затронули население, жившее на рубеже поздней бронзы — раннего железного века Южной Сибири, которое стало распространяться на другие территории вместе с немногочисленными, преимущественно мужскими группами «разведчиков». Будучи подвижными, они направлялись в поисках пастбищ на отдаленные территории, доходя до Волги и далее на запад.

Все вышесказанное подкрепляется антропологическими данными. В небольшой выборке антропологического материала, полученной из погребальных комплексов IX—VII вв. до н. э., во-первых, значительно преобладают мужчины над женщинами, во-вторых, практически отсутствуют дети. Изучение черепов из погребений этого времени показало связь антропологического типа с позой погребенного. Так, в комплексах, в которых сохраняются традиции местной позднебронзовой эпохи, захоронение умерших совершалось в позе скорченно на боку, а тип погребенных определяется как длинноголовые европеоиды. В комплексах с положением умерших вытянуто на спине тип погребенных другой — широкоголовые европеоиды. Такое распределение краниологических типов позволяет высказать гипотезу о том, что в формировании населения предсавроматского времени принимали участие как группы длинноголового местного позднебронзового населения, так и пришлые широкоголовые племена. Территория их исхода определяется как Южная Сибирь, Восточный Казахстан. Известно, что поза и ориентировка погребенного относятся к ритуальной сфере и отражают религиозные преставления конкретного народа о потустороннем мире, поэтому пришлые племена, носители нового антропологического типа, принесли с собой и иные религиозные представления.

Эти первые группы «разведчиков», видимо, выполнили свою миссию в истории. После них на территории евразийских степей складывается ряд археологических культур ранних кочевников, у которых в облике преобладали черты широкоголовых европеоидов. Они же преобладa-

ли у населения савроматской и раннесарматской культур Нижнего Поволжья.

Савромато-сарматское время. В это время по данным античных письменных источников в восточно-европейских степях проживали савроматские и сарматские племена, большая часть из которых являлась носителем широкоголового европеоидного типа с широким, несколько уплощенным на верхнем уровне лицом, на котором резко выступает нос. Впоследствии этот тип в антропологии получил название «сарматский». В большей степени он представлен у населения савроматской и раннесарматской эпохи, VI—III вв. до н. э. Ко II—I вв. до н. э. с приходом новых групп длинноголовых европеоидов сарматский тип постепенно размывается.

К среднесарматскому этапу, I — первая половина II в. н. э., у населения доля широкоголовых европеоидов резко сокращается, в основном за счет пришлых мужчин длинноголового облика. У женщин доля широкоголовых европеоидов сохраняется в тех же пределах, что и в раннесарматское время. В общем, тип мужчин среднесарматского времени характеризуется длинной среднешироко и средневысокой мозговой коробкой, с лицом, горизонтальная профилировка которого ослаблена на обоих уровнях — на уровне глазниц и на уровне скуловых дуг. Такое сочетание в физическом облике среднесарматского населения, видимо, связано с тем, что оно складывалось как из местных групп раннесарматского облика, так и из восточных мигрантов. На то, что миграции были восточные, а точнее, южно-сибирские, указывает как раз ослабленная горизонтальная профилировка лица[2]. Более того, в некоторых группах такая профилировка гармонирует с умеренным углом выступания носа, что нехарактерно для раннесарматского населения. Таким образом, на антропологическом материале прослеживается как появление новых мигрантов, так и сохранение местного раннесарматского населения. О сохранении местного раннесарматского населения в среднесарматское время свидетельствует изучение материала некоторых отдельно взятых могильников (Калиновка, Бережновка II, Первомайский, Перегрузное I и др.), в которых встречаются раннесарматские и среднесарматские захоронения, причем иногда в одних и тех же курганах. Иными словами, одно и то же население без значительных изменений в облике, но с изменением культурных ориентиров проживало на определенной территории в течение 200—300 и более лет.

Компьютерная реконструкция лица по черепу женщины из могильника Перегрузное. *Раннесарматская культура*

Очень ярким культурным признаком в памятниках I — первой половины II вв. н. э. является диагональный тип захоронений, который предполагал положение умершего по диагонали широкой квадратной или подквадратной ямы. Эту погребальную практику продолжают и племена позднесарматской культуры, вплоть до середины III в. н. э. Анализ антропологического материала из подобных комплексов показал, что он чрезвычайно неоднородный. Тем не менее широкоголовый европеоидный тип является здесь преобладающим даже в первой половине III в. н. э., но у той группы, которая не практиковала обычай искусственной деформации. Группа же людей с искусственно деформированными черепами была по облику длинноголовыми европеоидами. Данное распределение типов позволяет сделать вывод, что в первой половине III в. н. э. продолжается традиция погребать умерших по диагонали ямы сохранившимся населением среднесарматской культуры и что какая-то часть позднесарматских племен восприняли этот обряд.

Снижение доли широкоголовых европеоидов и повышение доли длинноголовых достигает своего максимума ко второй половине II—IV вв. н. э. При этом он приобретает повсеместный характер не только в нижневолжских степях, но и в памятниках Южного Приуралья и Нижнего Дона. Видимо, к этому времени многочисленные миграции кардинально изменили облик населения. Кроме формы и размеров мозговой коробки, изменился и лицевой скелет, он стал выше и резче профилирован в горизонтальной плоскости, а весь скелет демонстрирует большую массивность. Длина тела также свидетельствует о том, что это другое население, оно более высокорослое и массивное, по сравнению с предшествующими группами.

Таким образом, начиная с последних веков до нашей эры по IV в. н. э. на сарматскую территорию, в волгоградские степи, все время осуществлялись миграции групп, в облике которых преобладал тип длинноголовых европеоидов. Скорее всего, первые группы пришли на Нижнюю Волгу во II—I вв. до н. э. Возможно, это были немногочисленные группы, преимущественно молодых мужчин, которые мирным путем включались в среду местного населения. Эта ситуация проявляется более интенсивно уже в последующее, среднесарматское и позднесарматское время. Интересно, что на протяжении всей истории савроматосарматских древностей облик женщин практически не меняется.

В пользу преимущественно мужских миграций, осуществляемых на эту территорию в последние века до нашей эры, в первые века нашей эры, можно привести отдельные параметры демографии. Постепенное изменение морфологического облика в это время сопровождается сокращением количества погребений женщин и детей под курганами.

В первую очередь группы различаются по такому показателю, как детская смертность, которая определяется количеством детских захоронений в могильниках. Она достаточно высокая только в раннесарматских погребальных комплексах, там доля детских захоронений варьирует от 20 до 50%. Большое количество детских захоронений в раннесарматских могильниках, видимо, связано с обрядом хоронить всех умерших детей под курганами, которые образуют своеобразные кладбища, содержащие зачастую до 20 и более могил. В них хоронили как взрослых сородичей, так и детей. В курганах наряду с индивидуальными детскими могилами имеются коллективные, в которых погребены дети с взрослыми сородичами. Сочетания самые различные: ребенок — женщина; женщина с двумя и тремя детьми; мужчина, женщина и один, двое или даже трое детей.

В среднесарматской погребальной практике кроме курганов-кладбищ использовали и индивидуальные насыпи. Единственная могила в кургане иногда могла выполнять функцию коллективной усыпальницы. Что касается детских захоронений в среднесарматское время, то в

[2] Плоское лицо и слабовыступающий нос являются признаками, характеризующими азиатских монголоидов. В это время, первые века нашей эры, ослабленная профилировка лица и умеренно выступающий нос встречается только у населения Южной Сибири.

могильниках, где еще сильны раннесарматские традиции, выражающиеся в наличии курганов-кладбищ, доля их высока. Кроме этого, в таких могильниках и антропологические различия между населением раннесарматского и среднесарматского времени незначительные, что дает повод признать все население за единую популяцию, которая проживала на данной территории в раннесарматский и в среднесарматский периоды. В таких могильниках детей более 30%, а в остальных, в которых преобладают индивидуальные могилы, — их меньше (от 7 до 20%).

К заключительному, позднесарматскому периоду в могильниках либо не встречаются захоронения детей, либо их не более 7%. Имеющийся материал по детским захоронениям может указать только на то, что лишь малую часть детей почему-то хоронили под курганами и чаще всего при сопровождении взрослых людей.

Таким образом, если по антропологическому материалу раннесарматского времени можно судить о высокой детской смертности, то на материалах среднесарматского и позднесарматского периодов определение детской смертности затруднено из-за традиции хоронить не всех детей под курганами.

Другой признак — соотношение по полу во всех сарматских хронологических выборках, зависит, видимо, как от общей архитектуры и специфики оформления подкурганного пространства, так и от привилегии, кого хоронить под курганами.

Так, например, в раннесарматской погребальной обрядности характерно наличие курганов, где преобладают мужские или женские, или детские погребения, материал этих курганов влияет на такой показатель, как соотношение по полу. Тем не менее в сумме этот показатель близок к норме, т. е. сохраняется приблизительно одинаковое соотношение количества мужских и женских захоронений.

В тех могильниках среднесарматского времени, в которых сохраняются раннесарматские традиции, соотношение по полу имеет нормальное распределение. В остальных могильниках, преимущественно среднесарматского времени, мужские захоронения значительно преобладают над женскими.

Еще более значительное преобладание мужчин над женщинами дают могильники позднесарматского времени. В них в два-три раза мужчин больше, чем женщин.

Дисгармония по полу в среднесарматских и позднесарматских могильниках, скорее всего, коренится в тщательной избирательности в отношении захоронения под курганной насыпью. Избирательность при погребении в позднесарматских курганах является одним из критериев, определяющих это общество как нестандартное. Жизнеспособность реконструируемой модели была очень низкой и могла нормально существовать лишь при посредстве постоянных контактов с другими, нам не известными группами населения. Или же следует искать женские и детские погребения не в курганах, а, например, на территории позднесарматских могильников в межкурганном пространстве.

Каков же средний возраст смерти в сарматских группах? Так как у ранних сарматов в могильниках много детских погребений, то с их учетом средний возраст смерти менее 30 лет, а у взрослого населения — от 34 до 40 лет. У средних сарматов этот показатель у взрослого населения ниже, чем у ранних сарматов, и не достигает 35 лет, что является косвенным свидетельством нестабильности общества. У поздних сарматов возраст смерти по группам редко ниже 40 лет.

Все сарматские группы показывают высокую смертность молодых людей в возрасте 15—35 лет. Причем молодые женщины умирали чаще, чем мужчины, по отдельным могильникам от 20 до 100%. Данную картину женской смертности по хронологическим сарматским группам можно связать со стрессом, сопровождающим беременность, рождение ребенка и послеродовой период у женщин. У молодых мужчин высокая смертность отмечается только в позднесарматское время, и связана она с высоким уровнем травматизма.

Таким образом, раннесарматское население, особенно мужская часть, демонстрирует более высокие (благополучные) демографические показатели. Среднесарматское и позднесарматское население, видимо, испытывало специфический стресс в молодом возрасте, поэтому у них ниже средний возраст смертности и пик смертности выпадает на молодой возраст.

Как и в катакомбную эпоху, большая часть населения позднесарматского времени практиковала обычай искусственной деформации головы (около 70%). Анализ материала показал, что для деформации головы использовали похожий подручный материал, это массаж, тугие повязки-шапочки, специально сконструированные деревянные приспособления, бинты, плотные головные уборы, кожаные ремни, привески и т. д. В процессе деформации доминирует стремление добиться лишь одного результата — измененной формы головы. При этом у каждой группы населения существовали свои каноны красоты по отношению к тому, как должна выглядеть форма головы. У поздних сарматов существовало два типа деформации — кольцевой и лобно-затылочный. Кольцевой тип предполагает тугое бинтование головы младенца. А при лобно-затылочном типе кроме бинтования накладывались дощечки на лобную и затылочную кости, под давлением которых голова вынуждена была расти вверх и несколько назад. Чтобы достичь такой формы черепа, какая была, например, у поздних сарматов, видимо, деформирующее устройство держалось на голове ребенка не один год.

Какое значение имела искусственная деформация головы у поздних сарматов и не влияла ли она на умственные способности человека? Чтобы ответить на этот вопрос, нужны не только исследования деформированных черепов, но следует обратиться и к этнографическим источникам. Наиболее приемлемой гипотезой является та, которая рассматривает деформированную голову у поздних сарматов в качестве символа, который не только сплачивал всех поздних сарматов, но и выполнял роль культурного определителя. Кроме этого, деформированная голова у сарматов, видимо, была модной и считалась красивой. Как раз на первые века нашей эры искусственная деформация головы становится массовым культурным явлением не только у сарматов, но и у народов Средней Азии, Казахстана и Центральной и Западной Европы. Изучение деформированных черепов древних народов и современных групп, которые используют до сих пор обычай деформации (например, народы Меланезии), показало нормальное развитие их без существенных патологических изменений.

Данные письменных и археологических источников свидетельствуют о том, что сарматы были кочевниками. Важные наблюдения об образе жизни сарматов находятся в работах античных авторов Геродота, Гиппократа, Страбона, Помпония Мелы, Тацита, Аммиана Марцеллина и других.

Кроме данных письменных источников, кочевой образ жизни можно реконструировать на основе распространения ряда заболеваний, которые можно диагностировать на

костях. Из письменных источников известно, что сарматы в основном питались продуктами животного происхождения. Это, во-первых, кисломолочные продукты, свежее молоко и мясо. Причем предпочиталось кобылье молоко, смешанное с кровью, полученной из голенных жил своей лошади. Умели сарматы готовить из молока сыр и, наверное, кумыс. Полиен, автор II в н. э., упоминает «сарматов-конеедов».

Рацион сарматов, кроме мяса домашних животных, дополнялся дичью, на которую они охотились. Объектами охоты были олени, кабаны, дикие ослы и козы. Не пренебрегали они и лисьим мясом.

Пластическая реконструкция лица по черепу мужчины из могильника Абганерово II. ***Позднесарматская культура***

У сарматов имело место и употребление продуктов растительного происхождения. Так, была популярна просяная каша с молоком или с кровью. Иногда ели просто сырую просяную муку, замешанную на кобыльем молоке или крови.

Богатая белками пища кочевников и сопровождаемые жизнь сарматов стрессы сказались на заболеваниях зубочелюстной системы. Чаще всего у них встречается твердый зубной камень (светло-желтого цвета), пародонтоз[3] и прижизненная утрата зубов. Кариес, самое известное в настоящее время заболевание зубов, встречается у сарматов очень редко.

Видимо, время от времени сарматы голодали, о чем есть и сведения греческих и римских авторов. О перенесенных голодовках позволяет судить и такой элемент изменения зубной эмали, который получил название эмалевая гипоплазия. Данная патология проявляется в виде разнообразных дефектов и нарушений в формировании толщины эмали на зубах и является одним из основных маркеров общего состояния здоровья группы. В настоящее время большинство ученых считают, что данная патология — результат физиологического и пищевого стресса, перенесенного в детстве, следствием которого было длительное голодание. Есть и другие причины возникновения эмалевой недостаточности, такие как хронические заболевания лихорадочного характера и заражение организма паразитами.

Таким образом, высокая частота встречаемости болезней пародонта и зубного камня (более 80%), низкие показатели кариеса маркируют сарматов как кочевников. Кроме этого, удалось установить большую зависимость хозяйства сарматов от факторов окружающей среды и климатических условий. Периодически возникающие голодовки, отражающиеся на зубах в виде эмалевой гипоплазии, указывают на суровые условия, в которых приходилось жить сарматам.

Дополнительными источниками влияния образа жизни и факторов среды на общее состояние исследуемых популяций являются признаки недостатка микроэлементов и витаминов, воспалительных процессов, воздействия холодового стресса и эндокринных нарушений. На палеоантропологических материалах признаки недостатка микроэлементов и витаминов в организме отражаются на трех основных заболеваниях: 1) рахит — развивающийся в результате недостатка витамина D; 2) цинга — недостаточность витамина С; 3) железодефицитная анемия.

Признаки рахита у сарматов не зафиксированы, а вот следы цинги и анемии в группах присутствуют. Они встречаются во всех хронологических группах сарматов и чаще всего отмечаются у детей и молодых людей.

Так, цинга обусловлена недостаточным поступлением с пищей витамина С или нарушением его всасывания. Заболевание чаще всего развивается у детей в возрасте от шести месяцев до полутора лет и встречается почти у всех детей раннесарматского времени и у половины среднесарматского. Регистрация цинги у детей свидетельствует о трудных жизненных ситуациях, связанных, в первую очередь, с недостаточным питанием, возникающим у сарматов в зимний период. Проблемы с питанием у сарматов, как и у всех кочевников, связаны с зимними бескормицами, часто связанными с падением скота (джутами).

Во всех сарматских культурах были встречены маркеры железодефицитной анемии и признаков воспалительного процесса. Ранние сарматы чаще болели этими заболеваниями, чем средние и поздние. В основном маркеры железодефицитной анемии были встречены у женщин, что, видимо, связано с большей их подверженностью различным хроническим заболеваниям. Например, беременность и роды могли сопровождаться обильной кровопотерей.

Следует отметить, у сарматов ни разу не были зафиксированы следы таких специфических инфекций, как туберкулез и бруцеллез. По мнению ряда ученых, появление этих болезней у человека связано с употреблением инфицированного непастеризованного молока и мяса. Отсутствие данного рода инфекций у сарматов можно связать с тем, что в видовом составе стада преобладали лошади и овцы, а заражение человека туберкулезом и бруцеллезом происходит через крупный рогатый скот и свиней, которые либо отсутствуют в стаде, либо представлены слабо.

Важными индикаторами образа жизни и хозяйственной деятельности являются признаки воздействия низких температур. У сарматов эти признаки фиксируется во всех группах и преимущественно у мужчин, которые, без сомнения, были наиболее активной частью общества. В холодное время года дети и подростки освобождались от выпаса скота, эта функция ложилась на плечи мужчин. Именно они, вероятнее всего, большую часть жизни проводили на открытом воздухе, подвергаясь воздействию низких температур и холодных ветров.

Чаще остальных от этого недуга страдали мужчины, жившие в позднесарматское время. В это время мужская часть населения была наиболее мобильной, постоянно передвигалась в поисках новых территорий для выпаса скота или находилась в длительных боевых походах. Женщины и дети реже подвергались холодовому стрессу, так как могли постоянно носить головной убор или находиться в повозке, в их основном жилище.

Следует упомянуть еще одну патологию, сопровождаемую эндокринными нарушениями. Однообразное и несбалансированное питание, приводящее к ожирению, постоянное нахождение в седле, возможно, влияющие на нарушение половых функций, частые голодовки, случавшиеся у сарматов, сменявшиеся периодами, когда кочевники могли предаваться чрезмерному насыщению, — все эти факторы могли способствовать развитию у сарматского населения серьезного гормонального дисбаланса.

Античные авторы единодушны в описании сарматов не только как кочевников, но и как народа, отличающегося

[3] Системное поражение околозубной ткани (пародонта).

воинственностью. Сюжеты крайней агрессивности сарматов проходят через всю античную письменную традицию. Хорошо развитое у сарматов военное дело в сочетании с высоким травматизмом, особенно на позднем этапе, подкрепляет сведения источников об их агрессивности. Принято считать, что высокий показатель черепных травм является своеобразным маркером агрессивности, неблагополучием социальной атмосферы в группе. В некотором смысле этим же можно объяснить и появление лицевых повреждений. Травмы на остальном скелете, особенности их характера и локализации позволяют выявить наиболее уязвимые области, подвергающиеся риску травматизма в процессе хозяйственной и социальной деятельности.

На материалах ранних и средних сарматов травматические повреждения наблюдаются относительно редко. Совсем иначе обстоит дело с поздними сарматами, у которых фиксируется значительный рост ранений. Высокий мужской травматизм во II—IV вв. н. э., по сравнению с предшествующим населением, часто носит смертельный характер, с множественными боевыми повреждениями мозгового и лицевого отделов черепа. Причиной большого количества комплексных ранений и единичных повреждений со следами заживления объясняется тем, что сарматы носили защитное вооружение высокого качества. Судя по характеру повреждений и их проявлению, эффект применения этой защитной амуниции был достаточно высок. Изучение вышеописанных ранений свидетельствует об оказание своевременной врачебной помощи. Вполне вероятно, что сарматские врачеватели достигли значительных высот в травматологической хирургии. Возможным доказательством их профессионализма является удачно выполненные трепанации черепов у сарматов.

Атрибутом воинской доблести в древности являлись не только боевые ранения, но и скальпы врагов. В настоящее время под скальпированием понимается удаление части или всей поверхности кожного покрова головы с волосами у живого или мертвого человека. Обычай скальпирования, существовавший у разных скифских народов, видимо, имел место и у сарматов.

Кроме травм и искусственных манипуляций, на костях сарматского населения всех трех культур были зафиксированы разнообразные заболевания опорно-двигательной системы. Оказалось, что в целом для населения всех сарматских культур были характерны высокие физические нагрузки. Однако если в раннесарматский и среднесарматский период они, возможно, имели кратковременный характер или носили явную возрастную направленность, то на костях поздних сарматов фиксируются маркеры систематических перегрузок костного аппарата. Причинами этого могли быть интенсификация хозяйственной деятельности и военная активность. Очень важен факт и половой направленности в распределении этих признаков. Низкие показатели болезней опорно-двигательной системы в женских группах сопоставимы с естественными процессами старения, мирным образом жизни и ведением домашнего хозяйства. Возможную картину их быта описывает Аммиан Марцеллин, характеризуя аланов: «Все по возрасту и по полу не пригодные для войны, держатся около кибиток и занимаются мирными делами...»[4].

Особенности и характер распределения физической нагрузки и патологий опорно-двигательной системы у мужского населения позволяют выделить комплекс признаков, маркирующих специфику профессиональной и хозяйственной деятельности мужчин как кочевников и воинов, освоивших в совершенстве верховую езду. В первую очередь, это значительная изношенность суставов пояса нижних конечностей (тазобедренного и крестцово-подвздошного), значительная развитость мышечного рельефа верхних конечностей, а также высокие частоты встречаемости болезней позвоночника шейного и поясничного отделов. Полный набор всех этих признаков, свидетельствующих об активных занятиях верховой ездой, был зафиксирован во всех мужских группах, но ярче проявляется на позднесарматском материале и несколько более сглаженно — на ранне- и среднесарматском материалах.

СРЕДНЕВЕКОВОЕ НАСЕЛЕНИЕ

Раннее средневековье. В эпоху раннего средневековья, IV—V вв., Нижнее Поволжье вновь становится объектом экспансии новых групп мигрантов с востока — гуннов, проложивших путь в Восточную Европу многим тюркоязычным народам. «Сметая» своих предшественников сарматов, они достаточно активно включаются в политические события Европы. По всей вероятности, они частично уничтожили сарматов, частично оттеснили их в лесостепь и на Кавказ, а какие-то группы были включены в гуннский племенной союз. В истории нашего края гунны оставили незначительный след.

Гунны, видимо, обладали монголоидными чертами. С уходом гуннов с исторической арены им на смену приходят ранние тюрки, тоже переселенцы из Центральной Азии. Погребений их также мало, но имеющийся материал позволяет предположить, что раннетюркские племена продолжают традицию искусственной деформации головы. Но она, очевидно, не связана с поздними сарматами, а является данью моде. Тип деформации, как и у сарматов, определяется как смешанный лобно-затылочный с кольцевым.

Несмотря на то, что тип деформации определяется как сходный с типом поздних сарматов, совершенно очевидны различия внешнего облика и формы головы. У раннесредневекового населения голова широкая, а у поздних сарматов — длинная. Чаще всего, у раннесредневекового населения на черепе можно заметить смешанные монголоидно-европеоидные черты. Степень выраженности монголоидных черт разная, от очень сильной до слабой.

Видимо, в дальнейшем у кочевого населения Восточной Европы продолжалось усиление монголоидной примеси, об этом свидетельствуют антропологические материалы хазарского времени.

Впоследствии, в VI—X вв., тюркоязычное население занимает в Нижнем Поволжье, как и на других территориях, доминирующее положение. С VIII в. довольно обширные территории восточно-европейских степей включаются в государственное образование Хазарский каганат со сложным этническим составом.

Для населения Хазарского каганата характерна неоднородность этнического и расового состава, которая отражена в письменных, археологических и антропологических источниках.

Письменные источники, с одной стороны, характеризуют это население как носителей монголоидных комплексов, с другой — как носителей европеоидных сочетаний. Чаще всего монголоидные качества у хазар подчеркивают кавказские авторы. Арабские писатели, наоборот, определяют хазар как носителей светлопигментированных европеоидов.

[4] *Аммиан Марцеллин.* Указ соч. XXXI, 2, 20.

Искусственно-деформированный череп мужчины, кольцевой тип. ***Позднесарматская культура***

Графическая реконструкция лица по черепу женщины из могильника Бузиновка. ***Хазарское время***

Арабский автор Истахри, чье сочинение является одним из главных источников по нашей теме, пишет о этнической многокомпонентности хазар. «Хазары не походят на тюрок, они черноволосы, разделяются на два разряда, один называется кара-хазар, они смуглы так сильно, что их смуглота отдает в чернь. Другой разряд — белые, красивые и совершенные по внешнему виду»[5].

Видимо, во времена становления хазарской государственности на территории восточно-европейских степей протекали активные процессы смешения разных народов. В связи с этим появились межрасовые, монголоидно-европеоидные метисы. Причем у отдельных лиц, видимо, монголоидные черты проступали намного отчетливее, чем европеоидные.

Такой облик у населения хазарского времени позволяет высказаться в пользу того, что оно формировалось из пришельцев, носителей монголоидных типов.

Кроме преднамеренной искусственной деформации на черепах раннетюркского и хазарского времени наблюдается уплощение затылочной области, которое определяется как непреднамеренная деформация колыбельного типа. Уход за младенцами осуществлялся в колыбели типа «бешика», которая имела очень легкую конструкцию и широкое распространение среди кочевников Центральной, Средней Азии, Кавказа. После рождения ребенка примерно на 2—10-й день кладут в бешик и «туго притягивают свивальниками», ограничивая движения. Свободной остается только голова ребенка, но при такой фиксации тела, движения головы тоже ограничены. Поэтому положение лицом вверх и затылком на подушку становится единственно удобным. Из колыбели ребенка берут редко. Мать кормит ребенка грудью, не вынимая его из колыбели. Деформирующее влияние колыбели сказывается очень быстро, спустя две-три недели головка становится широкой, за счет совершенно плоского или слабоокруглого затылка.

Изучение распространения болезней у населения хазарского времени выявило высокие показатели пищевого стресса: высокие частоты встречаемости зубного камня, парадонтоза, прижизненной утраты зубов. Эти критерии определяют диету раннесредневекового населения Нижнего Дона как мясомолочную. В это время кариес встречается гораздо чаще, чем в сарматскую эпоху (около 22%). Часто фиксируются и признаки, свидетельствующие о высоких механических нагрузках на зубочелюстную систему, что указывает на присутствие в их диете и твердой, возможно, углеводистой пищи. В исследуемой группе довольно часто фиксируются сколы эмали, изношенность нижнечелюстного сустава, значительная развитость мест прикрепления жевательных мышц. Распределение заболеваний по полу направлено на наличие в мужских группах маркеров воздействия низких температур, агрессивности и физической активности. Особенно ярко эти признаки присутствуют у мужчин, погребенных в курганах с квадратными ровиками, что характеризует их как профессиональных воинов-всадников.

Женская часть популяции отличается высокими параметрами маркеров, определяющих стрессовый уровень жизни: кариес, эмалевая гипоплазия, железодефицитная анемия и признаки инфекционных заболеваний.

Эпоха Золотой Орды. В Нижнем Поволжье в эпоху Золотой Орды активно строятся города, которые сыграли важнейшую роль в ее истории. Это было обусловлено не только появлением здесь административного центра всего государства, но и существованием протяженной торговой речной артерии — Волги. Города, построенные золотоордынскими ханами в XIII—XIV вв. в Нижнем Поволжье, стали центрами экономики, политики и культуры. Особенностью этих городов было строительство их силами ремесленников из различных территорий обширного государства Улуса Джучи. Все это сказалось не только на архитектуре, но и антропологическом облике горожан. Об этом свидетельствуют результаты археологических раскопок городищ и некрополей и исследованный палеоантропологический материал.

Кроме горожан в состав населения Золотой Орды входили и кочевые группы населения, которые отличались совершенно иным образом жизни. Крупные кочевья с летними и зимними стойбищами, расположенные по правому и левому берегу Волги, предположительно определяются по локализации крупных курганных могильников. Изучение

[5] *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе: В 2 т. М.: Изд-во вост. лит., 1967. Т. 2. С. 137.

антропологического материала из этих могильников дает представление об облике кочевых групп Золотой Орды. Отличия в образе жизни городских и сельских групп сказалось в их антропологической характеристике.

Городское население. Демографический анализ проводился по результатам, полученным в ходе раскопок городских могильников нижневолжских городищ — Селитренного, Царевского, Водянского, Красноярского.

Половозрастная структура исследуемых групп с небольшими различиями сходна. Данные соотношения по полу дают в одних случаях небольшой перевес женщин над мужчинами, в других — наоборот, что характеризует все группы как нормальные популяции. Детских погребений в них от 22 до 35%. По критерию средний возраст смерти взрослого населения по группам в пределах 33—37 лет.

Что касается таких демографических критериев, как смертность в возрастной когорте (15—35 лет), то, как и в сарматских группах, очень высока смертность женщин, на этот возраст приходится более половины смертей. Причины такого показателя, видимо, те же, что и у сарматских женщин. Для мужчин почти всех городских групп характерно более или менее стандартное распределение смертности, а существенный прирост смертности осуществляется в возрасте старше 40 лет, что, видимо, отражает естественную убыль населения.

До пожилого возраста (лица старше 50 лет) доживало менее 10% всех городских жителей.

Ответ на вопрос, из каких этнических и расовых компонентов складывалось население нижневолжских городов, можно получить, изучая не только антропологические материалы по каждому городу, но и сравнивая их.

Так, представление о том, как выглядела какая-то часть населения Царевского городища и его окрестностей, можно получить, посмотрев на пластическую реконструкцию по черепу женщины, осуществленную в лаборатории имени М. М. Герасимова.

В целом же все группы из различных гордских могильников неоднородны и состоят из двух, а то и трех расовых компонентов: широкоголовых европеоидов, центральноазиатских монголоидов, смешанных монголоидно-европеоидных метисов, — третий расовый тип представляют носители экваториального комплекса, которых единицы (из Царевского городища с «экваториальным» комплексом диагностированы два черепа).

Изучая антропологический материал золотоордынских городов, можно определить этнические компоненты их населения. Так, монгольский этнический компонент определяется сочетанием монголоидного комплекса на черепе и таким этническим определителем, как монгольский женский головной убор «бокка». Хорезмийский компонент определяется сочетанием в погребальном обряде черт ортодоксального ислама и очень грацильного широкоголового компонента.

В Водянском городище, расположенном на правом берегу Волги, севернее райцентра Дубовка, были раскопаны два кладбища — русское и мусульманское.

На мусульманском кладбище было погребено население, в облике которого в основном преобладал европеоидный широкоголовый компонент. Как и в остальных городских группах, тип азиатских монголоидов представлен незначительно, больше монголоидно-европеоидных метисов.

Что касается русского кладбища, то изученный нами материал показывает резкие отличия его от других городских групп Золотой Орды, по своим расовым качествам погребенные в нем определяются как европеоиды с длинноголовым вариантом у мужчин и широкоголовым вариантом у женщин. Русская этническая принадлежность данной части кладбища подкрепляется сравнительным анализом, в котором мужская часть наибольшее сходство испытывает с кривичами и северянами, а женская — с полянами киевской и черниговских групп.

Пластическая реконструкция лица по черепу женщины из могильника из окрестностей Царевского городища. *Эпоха Золотой Орды*

Русские, оставившие кладбище на Водянском городище, видимо, первоначально не вступали в брачные контакты с остальными этническими группами населения города и сохранили свой первоначальный внешний облик. Реконструкция русского квартала и погребального обряда кладбища позволяет предполагать, что эта часть населения была колонистами, свободными. Косвенным свидетельством этому может послужить высокий возраст смерти.

Кочевники Золотой Орды. Совсем иной образ жизни и культурные ориентиры отличают кочевников Золотой Орды. Иной у них и внешний облик. Во всех кочевых группах преобладают монголоидные черты. Наибольшей монголоидностью обладают поздние группы, конца XIV—XV вв. Видимо, связь кочевников с Центральной Азией поддерживалась в течение всего времени, что роднит их со средневековым тюркским населением Западного Казахстана, Южной Сибири.

Изучение патологических особенностей на костных останках населения, происходящего из некрополей средневековых городов Золотой Орды с территории Нижнего Поволжья, дало возможность следующим образом оценить уровень его биологической адаптации. У населения, оставившего эти некрополи, встречался достаточно широкий спектр разнообразных аномалий, т. е. те признаки, которые в норме не встречаются. Характер распределения аномалий на костях черепа, зубной системы и посткраниального скелета может указывать на некоторое родство индивидов. Следует также указать, что женщины выглядят более монолитно, чем мужчины. Очевидно, это можно связать с тем, что пришлые мужские группы монголо-татарского происхождения заключали браки с местными женщинами (огузско-печенежского происхождения). Возможно, отдельные части городских некрополей являлись усыпальницами отдельных ремесленных и других кварталов, в которых приветствовались браки между людьми одного социального статуса.

Как и в предшествующую эпоху, высокие частоты встречаемости ряда признаков на черепе могут указывать на использование для ухода за младенцем колыбели типа «бешик», приводящей к затылочной деформации головы. При затылочной деформации предполагается уплощение и частая асимметрия затылочной области при отсутствии изменений в строении лба, а также общее укорочение и компенсаторное расширение мозговой коробки.

Кариес — одно из наиболее часто встречающихся заболеваний зубов, характеризуется прогрессивным разрушением твердых тканей зуба (эмали, дентина, цемента) с развитием дефекта с неровными стенками, который называется кариозной полостью. Изучение встречаемости кариеса на материалах золотоордынского населения позволило установить, что частота его достигает более 30% у взрослых индивидов. Распространение этого недуга в городских группах одинаково как для мужчин, так и для женщин и сближается с показателями синхронного населения (средневековое население Новгорода, ярославские и тверские группы кривичей и др.).

Другое заболевание, которое имеет распространение среди городского населения Нижнего Поволжья, это одонтогенный остеомиелит, который представляет собой воспаление костной ткани верхней или нижней челюстей. Заболевание возникает в результате проникновения возбудителей гнойной инфекции из очага воспаления, локализующегося в тканях зуба или околозубных. Часто остеомиелиту челюстей предшествует травма больного зуба, различные инфекционные заболевания, охлаждение и другое. Есть мнение ученых, что одной из причин высокой смертности в древности было распространение этого заболевания. Взрослое городское население Золотой Орды страдало этим заболеванием так же часто, как и кариесом.

Следующая патология — это пародонтоз. Это заболевание характеризуется постепенным обнажением корней зубов, что связано с прогрессирующим рассасыванием костной ткани лунок, затем расшатыванием зубов и, наконец, их выпадением. Пародонтоз — одна из наиболее распространенных болезней зубочелюстной системы человека. Начальные проявления пародонтоза могут возникнуть уже в молодом возрасте, 20—25 лет. Так же, как и рост зубочелюстных аномалий, на протяжении веков отмечается увеличение частоты встречаемости пародонтоза. Причины возникновения заболевания достаточно разнообразны и относятся к общим неблагоприятным факторам, которые влияют на весь организм. К ним относят: переселение; инфекционные заболевания; нарушение питания; обмена веществ; расстройства эндокринной системы; возрастной фактор; нарушение витаминного баланса; плохая гигиена рта; пища, богатая углеводами; различные аномалии роста зубов; осложнения, возникающие во время беременности. Пародонтоз у изучаемого населения встречается часто, у более половины людей, при этом у мужчин он встречается чаще, чем у женщин.

Большая часть патологий сопровождается прижизненной утратой зубов и напрямую связана с возрастом. При некоторых обстоятельствах, например, использование зубов как орудия труда, процент встречаемости прижизненной их утраты возрастает. Довольно широкое распространение у золотоордынского населения получило такое патологическое состояние зубов, как зубной камень, частота его встречаемости без существенных различий по полу достигает 91%. Чаще всего встречаются минерализованные отложения светло-желтого или светло-серого цвета.

Эмалевая гипоплазия (недостаточность) выступает показателем общего состояния здоровья древней популяции. Причины возникновения ее разнообразны — плохое питание, инфекционные заболевания, заражение паразитами, переход от грудного вскармливания к обычной пище и т. п. Одновременно следует отметить, что такие заболевания, как сифилис, туберкулез, различные метаболические и эндокринные расстройства могут привести к неправильному формированию зубных тканей. В настоящее время большинство ученых считают, что данная патология в большей степени является результатом физиологического и пищевого стрессов в период детства. Возрастной интервал, на который приходится максимальное проявление эмалевой гипоплазии, имеет два пика — 1,5 и 2,5 года и 3—4 года. Многие исследователи объясняют этот факт различиями в традициях грудного вскармливания детей в древних обществах — в одних популяциях детей отнимают от груди в возрасте 12—18 месяцев, в других — позже. Появление стрессов у детей в период позднего грудного вскармливания может объясняться недостатком витаминов и микроэлементов, необходимых для растущего организма в этом возрасте при переходе на взрослую пищу.

Эмалевая недостаточность у населения Нижнего Поволжья эпохи позднего средневековья встречается в 49 % случаев. Сравнение частот встречаемости изучаемой группы с синхронными сериями дает возможность установить, что в целом показатели по золотоордынскому населению укладываются в средние значения.

Таким образом, проанализировав характер распространения заболеваний зубочелюстной системы у населения золотоордынских городищ, удалось установить, что у них часто встречаются такие заболевания зубной системы, как зубной камень, эмалевая недостаточность и пародонтоз. Присутствие кариеса, различного рода отверстий воспалительного характера и прижизненной утраты зубов указывает на существование у горожан систематического пищевого стресса.

Нельзя отрицать и такую возможность, что развитие абсцессов и увеличение числа индивидов с прижизненной утратой зубов может быть связано с использованием зубов в качестве дополнительного инструмента в процессе трудовой или хозяйственной деятельности. Тем более что частота встречаемости патологической стертости зубной эмали в исследуемой группе достаточно высока — около половины взрослых людей. Есть этому этнографические подтверждения, наличие у отдельных народов представителей с так называемым «зубом портного». Дефекты были зафиксированы на женских костяках, возраст которых не превышает 35 лет. Выемки-бороздки локализуются на передних зубах — резцах и клыках, располагаясь на нижних зубах. Обычно искусственные дефекты фиксируются не более чем на коронках двух зубов.

К неумышленным искусственным изменениям зубов относится и необычное стирание зубной поверхности, интерпроксимальные борозды, которые предполагают использование зубов в качестве «третьей руки». Считается, что данные дефекты могут быть результатом использования зубов при производстве корзин. Еще одна возможная причина появления борозд на зубах — это использование их при натягивании чего-либо, например, тетивы лука. Подобного рода выемки-бороздки, по мнению ученых, возникают на передних зубах или клыках в результате использования зубов при создании материалов для повседневной жизни, например, рыболовных сетей или снастей, выделывания жил животных или растительных волокон.

На антропологических материалах изучаемого населения имеются признаки холодового стресса. Чаще всего его признаки встречаются у мужчин. Видимо, преимущественно на мужчин ложилась основная нагрузка в хозяйственной, ремесленной и военной деятельности. Именно они большую часть жизни проводили на открытом воздухе, подвергались воздействию низких температур и холодных ветров.

Дополнительными источниками, отражающими влияние образа жизни и факторов среды на общее состояние исследуемых популяций, являются недостаток микроэлементов и витаминов, воспалительные процессы, эндокринные нарушения. Это такое заболевание, как рахит. Наличие у детей из золотоордынских городов рахита, видимо, связано с особыми причинами, так как солнечное лето и диета, богатая мясными и молочными продуктами, не могла способствовать его развитию. Поэтому изредка встречающиеся признаки рахита у них можно связать с паразитарными заражениями.

Другим заболеванием была цинга, которая обусловлена недостаточным поступлением с пищей витамина С или нарушением его всасывания. Заболевание чаще всего развивается у детей в возрасте от 6 месяцев до 1,5 года. Цинга известна с глубокой древности. Во время осад, войн, голода и продолжительных плаваний эта болезнь была одним из стихийных бедствий. Появление цинги всегда связывали с одними и теми же обстоятельствами. Заболевание стимулировалось снижением иммунитета вследствие физического и психологического стресса, с одной стороны, и условий, не позволяющих употреблять свежие пищевые продукты — зелень, фрукты, мясо, молоко, — с другой. У более половины изученных детей из некрополей Золотой Орды от полугода до 6 лет встречаются признаки цинги, которые могут свидетельствовать о трудных жизненных ситуациях. К ним можно отнести прежде всего недостаточное питание в зимний и весенний периоды.

В процессе исследования проводилась оценка встречаемости маркеров железодефицитной анемии и признаков воспалительного процесса. Частота встречаемости маркеров железодефицитной анемии на костях взрослых людей из средневековых золотоордынских городов невысокая, 14 %. При этом у женщин она чаще встречается, чем у мужчин.

Встречающиеся следы воспалительных процессов и признаков инфекций могли проявляться у населения как результат хронических специфических инфекций, возможно, сифилиса. Анализ распространения воспалительных процессов у средневекового населения показал половую специализацию. Так, признаки специфических инфекций выявлены в большинстве случаев у мужчин и у детей. Инфекции, которые имели место у исследуемого населения, дают возможность предположить, что они являлись результатом стресса, который мог быть вызван как увеличением численности населения и его плотности, так и расширением контактов за счет мобильности мужчин, спецификой экологической среды и особенностями хозяйственной деятельности.

Выявление травм на антропологических материалах предоставляет важную информацию об уровне военизации древних популяций, межличностном насилии, физических особенностях организма и множестве других данных об обыденной жизни людей. У средневекового населения Золотой Орды Нижнего Поволжья были выявлены разнообразные травмы, которые можно определить на костях. На костях свода черепа чаще всего наблюдались переломы, локализующиеся в области лобной кости, а также разнообразные рубленые раны, которые в основном выявлены у мужчин. К травмам лица можно отнести переломы носовых костей различной тяжести, которые достаточно часто встречались у мужчин. Кроме этого, были выявлены травмы верхней челюсти с прижизненной утратой зубов.

Травмы костей скелета также достаточно разнообразны. Выявлены переломы ребер, ключиц, бедренных, больших и малых берцовых костей, а также позвоночника. На верхних конечностях травмированы в основном кости предплечья, а на нижних конечностях — кости голени.

Все виды травм чаще наблюдаются у мужчин. Причем с возрастом частота встречаемости травм увеличивается.

Распространение травм свода черепа, скорее всего, является ярким маркером агрессивности и неблагополучия социальной атмосферы. Присутствие лицевых травм говорит о высокой степени межличностного насилия в группе. Повреждения костей посткраниального скелета можно охарактеризовать как случайные или полученные по неосторожности. Однако нельзя утверждать, что данные дефекты были лишь следствием неудачных движений и случайных падений, возможно, часть из них является результатом ранений. Большинство дефектов имеют благоприятный исход, в местах повреждений фиксируется образование костных мозолей, что говорит о жизни людей и в посттравматическое время.

При раскопках городищ золотоордынского времени археологами были обнаружены орудия земледелия, гончарные мастерские, горны для обжига керамических изделий, поделки из кости, металла и стекла. Все это говорит о развитом земледелии, ремесленном деле, а находки костей рыб — и о рыболовстве. Поэтому трудовые навыки должны были отразиться на костях скелета и проявиться в виде болезней суставов. Например, артрозы встречались у более половины мужчин и около 30% женщин. При этом чем старше был человек, тем сильнее были поражены суставы. Уже в возрасте 35—45 лет больше половины мужчин и в возрасте 25—35 лет больше половины женщин страдало этим недугом. Такой высокий процент встречаемости артрозов и артритов указывает на то, что уже с ранних лет население активно участвовало в хозяйственной деятельности.

Об этом же свидетельствуют патологии позвоночника. Распределение их по полу имеет ту же специфику, что и заболевания суставов. При этом у мужчин чаще поражается грудной и поясничный отделы позвоночника. Картина распределения заболеваний суставов конечностей и позвоночного столба позволяет предположить, что на мужчин приходилась основная доля тяжелого физического труда. Тем не менее высокие частоты встречаемости заболеваний позвоночника и суставов у женщин говорят о серьезных перегрузках организма, связанных с постоянной работой уже в молодом возрасте.

Реконструкция образа жизни в золотоордынских городах позволяет утверждать, что она не всегда и не для всех была одинаковой. Часто встречаемые следы заболеваний суставов и позвоночника свидетельствуют о тяжелом, изнуряющем систематическом труде. Несмотря на то, что чаще заболевания эти фиксируются в возрасте старше 40 лет, имеются они и у молодой части населения. Имеющиеся лицевые травмы указывают на неспокойную социальную обстановку, которая приводила к выяснению отношений (драки, кулачные бои и т. д.). Мужчины были наиболее мобильной частью общества, что подтверждается распространением у них маркеров воздействия низких температур, прежде всего следы обморожений. Видимо, они занималась не только ремеслом, земледелием, но некоторые из них были профессиональными всадниками — воинами или же обычными пастухами.

XII. КУРГАНЫ ВОЛГОГРАДСКОГО КРАЯ

УНИКАЛЬНЫЙ ПРИРОДНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

ДРЕВНИЕ ХРАНИТЕЛИ ИСТОРИИ ПРИРОДЫ И ОБЩЕСТВА

Около 6000 лет назад у степных племен эпохи энеолита появился новый тип погребального обряда — над могильной ямой и окружающей ее поверхностью стал насыпаться холм из почвенно-грунтового материала. В отечественную научную литературу археологические памятники подобного рода вошли под названием «курганы». Нередко их именуют степными пирамидами. Однако следует сказать, что известные всем египетские циклопические сооружения появились почти на 1500 лет позже, во время Древнего царства около 2650 г. до н. э. (пирамида фараона Джосера). Размеры степных пирамид вполне сравнимы с египетскими. Первоначальная высота некоторых курганов (Чертомлык, Солоха и других на юге Украины) превышала 20 м, диаметр достигал 300—350 м. Наиболее крупная пирамида Хеопса имела высоту почти 147 м (сейчас 137 м), длину в основании — около 230 м.

Изучение древних курганов южно-русских степей в последние десятилетия ушедшего XX в. особо примечательно все возрастающей волной интеграции археологии и естественных наук. Нарастая как снежный ком, эти комплексные исследования вовлекли в сферу общих интересов, с одной стороны, специалистов в области археологии, этнологии, истории, а с другой — почвоведения, палеоэкологии, микробиологии, минералогии, ботаники, зоологии и многих других дисциплин. Столь тесная интеграция упомянутых наук имеет свои причины. Во-первых, уже не вызывает сомнений, что грунтовые погребальные памятники древней и средневековой истории одновременно являются и памятниками природы. Под разновозрастными курганными насыпями до наших дней сохранились почвы прошлых эпох, по стратиграфии (строению) и различным свойствам которых можно реконструировать историю развития природной среды и ее отдельных компонентов. Во-вторых, в курганных захоронениях в качестве атрибутов погребального обряда нередко встречаются растительные и животные остатки (древесина, кора, семена, кости и др.), которые дают возможность судить об особенностях древней флоры и фауны. И, наконец, в-третьих, использование разнообразных методов естественных наук в исследовании стратиграфии курганов, погребального инвентаря, минеральных и органических веществ из могильных ям позволяет уточнить и расширить существующие представления об истории степных племен, а зачастую и получить принципиально новые данные для решения этнографических и археологических проблем.

Эффективность почвенно-археологических исследований в решении задач развития природной среды и ее отдельных компонентов в масштабе исторического времени оказалась чрезвычайно высокой, что объясняется прежде всего спецификой объекта изучения. Как известно, почвы являются едва ли не единственным природным образованием, интегрально отражающим в виде определенных свойств и признаков климатические, литологические, геоморфологические, геохимические, биологические, гидрологические и многие другие условия их формирования и

Степные пирамиды Нижнего Поволжья на Великом шелковом пути

развития. Оказываясь *in situ* в погребенном («законсервированном») состоянии, почвенный профиль в различных своих слоях или горизонтах, имеющих определенные индексы (А1, В, ВС, С и др.), сохраняет «палеоклиматическую память». Для ее расшифровки методическая база палеопочвоведения и смежных наук дает весьма широкие возможности, благодаря которым можно получить информацию о морфологии и стратиграфии, гумусированности, карбонатности, засоленности, солонцеватости палеопочв, их биологической (микробиологической) активности, минералогических и магнитных свойствах. Количественные и качественные характеристики этих параметров дают основания судить об особенностях природной среды в момент погребения палеопочвы и в предшествующее время. Сравнительный же анализ разновозрастных почвенных профилей, погребенных в различное время (то есть исследование педохронорядов), позволяет получить представление о вековой динамике климата, о закономерностях эволюции почв, установить кризисные и оптимальные этапы в истории развития природной среды на протяжении последних столетий и тысячелетий.

Насколько репрезентативными являются археологические памятники как объекты и источник информации для познания закономерностей пространственно-временной изменчивости природной среды в целом, почв и почвенного покрова в частности? Рассмотрим хронологический (временнóй) аспект проблемы на примере степной полосы Восточной Европы, где основное внимание почвоведов сосредоточено на изучении курганов. Известно, что первые археологические памятники такого рода появились здесь еще у племен энеолита в конце 5-го тыс. до н. э. Традиция курганного погребального обряда сохранялась у населения бронзового (вторая половина 4—2-го тыс. до н. э.), раннежелезного (1-е тыс. до н. э. — IV в. н. э.) веков, раннего и развитого этапов средневековья (V — начало XV в. н. э.). Существующая хронология археологических культур в рамках упомянутых исторических эпох дает возможность определить время сооружения того или иного памятника с точностью от 200—300 до 50 лет и менее. В пределах отдельной курганной группы, куда, как правило, входят разновозрастные памятники, можно исследовать достаточно длительный (до 5000—6000 лет) хроноряд, включающий палеопочвы целой серии временных срезов, нередко до пяти-шести и более. Это обеспечивает получение детального экспериментального материала для реконструкции истории развития почв и природной среды.

Теперь остановимся на географическом аспекте проблемы. Известно, что древние поселения, стоянки, городища, как правило, были приурочены к водным источникам (поймы и террасы рек, побережья озер, лиманов). Поэтому информация, получаемая при исследовании подобных объектов, территориально весьма ограничена. Совершенно другие возможности в пространственно-географическом аспекте обеспечивает изучение курганов, которые встречаются в пределах различных элементов рельефа (речные долины, водоразделы, обширные равнинные участки). При этом их число несоизмеримо превосходит число стационарных поселков. По оценке волгоградских археологов, на территории области сосредоточено несколько десятков тысяч курганов. Отдельные могильники включают десятки и даже сотни курганов. Можно полагать, что близкая картина наблюдается и в других регионах евразийских степей (Северное Причерноморье, Центральное Черноземье, Предкавказье, Приуралье, Северный Казахстан).

В данной работе речь пойдет главным образом о древних почвах степных пирамид — свидетелях и участниках прошедших бурных природных и исторических событий. А им есть о чем рассказать. Почвы служили основой палеоэкономики степных первобытных скотоводов и земледельцев эпохи бронзы, кочевников раннежелезного века и средневековья. Они поглотили пепел Санторина, впитали кровь сражений скифов с персами Дария I и с сарматами. В памяти почв сохранились колеи повозок древних ариев и караванов Великого шелкового пути. Клубы почвенной пыли, закрывающие степь до горизонта, поднимались под копытами лошадей воинов с «раскосыми очами» Атиллы, Чингисхана и Тимура. Древние почвы южно-русских степей не раз испытывали природные катаклизмы — засухи, пожары, пыльные и соляные бури. Однако периодически наступали времена благоденствия, когда степь расцветала всеми красками, в ковыле терялись всадники, бродили бесчисленные стада диких и домашних животных...

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЧВОВЕДЕНИЕ: ПЛОД ИНТЕГРАЦИИ НАУК, ВООРУЖЕННЫХ ЛОПАТОЙ

Известный российский ученый-археолог А. В. Арциховский — автор замечательного афоризма: «Археология — это история, вооруженная лопатой». Как известно, упомянутый инструмент является основным и в полевых исследованиях почвоведов, и замена ему в обозримом будущем вряд ли найдется. Поэтому далеко не случайно взаимные симпатии почвоведения и археологии уходят своими корнями еще в середину XIX в., когда на юге Украины впервые были проведены (немецкий колонист И. Корнис) и опубликованы (П. Кеппен, Ф. И. Рупрехт) результаты исследований почв курганных погребальных комплексов. Позже к объектам археологии в своей работе неоднократно обращался основатель российского генетического почвоведения В. В. Докучаев, причем по проблемам как одной, так и другой науки. В начале прошлого столетия к подкурганным почвам уже проявляли интерес не только естествоиспытатели (Д. Г. Виленский, А. Н. Криштофович), но и археологи, в частности известный российский ученый В. А. Городцов. Но лишь в 60-е гг. прошлого века начались обстоятельные палеопочвенные исследования археологических памятников в Среднем Поволжье (П. В. Маданов и др.), в Средней Азии (И. Н. Степанов), на юге Украины (В. П. Золотун). В 70—80-е гг. междисциплинарные работы, названные «почвенно-археологическими» (Иванов, 1978), стали носить систематический характер, причем особенно широкое распространение они получили в степной зоне страны.

Следует особо отметить, что одним из первых центров становления почвенно-археологических исследований оказался Институт агрохимии и почвоведения АН СССР (ИАП АН СССР), ныне Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, ИФХиБПП РАН, созданный в 1970 г. и более десяти лет возглавляемый членом-корреспондентом АН СССР В. А. Ковдой. С его стороны эти работы получили большое внимание и поддержку. Почвенно-археологические исследования начались в лаборатории географии и картографии почв по инициативе и под руководством И. В. Иванова. Им совместно с археологом Л. Л. Галкиным (Институт археоло-

Методы почвоведения и смежных наук				
	Объекты исследований	курганные насыпи, прикурганные ровики, культурные слои поселений погребенные почвы могильные ямы, атрибуты погребального обряда		
	Почвоведение		Палеоэкология	Археология, этнография
	Скорость почвообразования Динамика почвенных свойств и процессов Эволюция почв География почв Почвенные прогнозы		Атмосферное увлажнение Гидрографическая сеть, грунтовые воды Растительность Эрозия, дифляция	Стратиграфия, технология, сезон создания памятников Датировка Погребальный обряд Палеоэкономика Топография памятников Хронология

Объекты, методы и проблемы археологического почвоведения

гии АН СССР) в 1975 г. впервые в Северном Прикаспии были изучены подкурганные палеопочвы. Уже с 1976 г. на территории Волгоградской области регулярно стали проводиться комплексные экспедиции с участием почвоведов ИАП АН СССР (И. В. Иванов, С. В. Губин, В. А. Демкин, А. Н. Галибин) и археологов Москвы и Волгограда (В. П. Шилов, В. И. Мельник, А. С. Скрипкин, В. И. Мамонтов, А. В. Лукашов). Поэтому далеко не случайно, что этот регион послужил полигоном становления и развития нового междисциплинарного научного направления — археологического почвоведения. Во-первых, этому способствовала чрезвычайно высокая насыщенность территории погребальными археологическими памятниками, причем время их сооружения охватывало весьма длительный период развития общества с древности (эпохи энеолита, бронзы, раннего железа) до начала позднего средневековья, т. е. с 5-го тыс. до н. э. до XIV в. н. э. Во-вторых, засушливый климат региона и приуроченность подавляющего большинства курганов к автоморфным ландшафтам водоразделов и высоких речных террас обусловили необходимую степень сохранности исходных морфологических, химических, микробиологических и других свойств погребенных почв. Поэтому исследованные подкурганные педохроноряды (палеопочвы разного времени погребения) характеризовались весьма высокой репрезентативностью и достоверностью фактического материала как в хронологическом, так и в географическом аспектах.

Организация в 1980 г. Волгоградского государственного университета с приглашением целой когорты известных и молодых археологов (А. С. Скрипкин, Б. Ф. Железчиков, В. А. Кригер, А. В. Лукашов, И. В. Сергацков, В. М. Клепиков, А. Н. Дьяченко и др.) заметно активизировала и расширила почвенно-археологические исследования в Волгоградской области. Первые результаты палеопочвенных исследований археологических памятников нижневолжских степей показали перспективность этого междисциплинарного направления. Дальнейшая активизация почвенно-археологических работ позволила наполнить новым содержанием существовавшие представления об эволюции почв степей Нижнего Поволжья за историческое время, впервые на основе палеопочвенных данных реконструировать вековую динамику климата в регионе, оценить роль природной среды в жизни древних и средневековых племен, предложить новые методические подходы в изучении стратиграфии и технологии сооружения курганов, атрибутов погребального обряда и другое. В итоге в конце 80-х гг. появились основания говорить о возможности выделения самостоятельного междисциплинарного научного направления — археологического почвоведения. Спустя несколько лет были разработаны его методические и теоретические основы, определены основные объекты и задачи.

За прошедшие десятилетия в ходе комплексных работ специалистов в области почвоведения, микробиологии, геохимии, минералогии, аналитической химии ИФХиБПП РАН и археологов ВолГУ в Волгоградской области исследовано около 400 археологических памятников (главным образом курганов), расположенных в Жирновском, Михайловском, Котовском, Камышинском, Старополтавском, Фроловском, Ольховском, Николаевском, Клетском, Иловлинском, Дубовском, Быковском, Палласовском, Калачевском, Городищенском, Ленинском, Октябрьском районах. В числе изученных объектов многочисленные курганные могильники: Эльтон, Венгеловка, Белокаменка, Бахтияровка, Абганерово, Аксай, Перегрузное, Бережновка, Маляевка, Колобовка, Петрунино, Ольховка, Гусевка, Неткачево, Племхоз, Авиловский, Зензеватка, Саломатино, Перекопка, Ветютнев и другие.

В последнее время почвенно-археологические проблемы вызывают все больший интерес исследователей. Так, уже в нескольких институтах РАН и вузах Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Белгорода, Ставрополя, Екатеринбурга, Челябинска, Новосибирска, Тюмени, Иркутска сложились научные коллективы, ведущие активные исследования в рамках археологического почвоведения. В ИФХиБПП РАН в последнее десятилетие почвенно-археологические исследования получили новый творческий импульс, прежде всего благодаря всесторонней поддержке директора члена-корреспондента РАН В. Н. Кудеярова. В 2003 г. в институте была организована группа археологического почвоведения, преобразованная в 2004 г. в одноименную лабораторию (зав. проф. В. А. Демкин). За прошедшие годы ее сотрудники принимали участие в комплексных почвенно-археологических экспедициях в Московской, Волгоградской, Астраханской, Воронежской, Ростовской, Челябинской, Оренбургской областях, Ставропольском крае, Калмыкии, Башкирии, Северной Осетии, Западном Казахстане. К настоящему времени нынешним научным коллективом подразделения изучено около 500 археологических памятников (курганы, поселения, городища) каменного, бронзового, раннежелезного веков и средневековья в различных природных регионах Нечерноземья, ЦЧО, Северного Кавказа, Поволжья, Южного Урала. Результаты этих многолетних работ опубликованы в 15 монографиях, в том числе в четырех зарубежных, в десятках статей в журналах и сборниках научных трудов. Таким образом, почвенно-археологические исследования занимали одно из ведущих мест на протяжении практически всей сорокалетней истории ИФХиБПП РАН, что нашло отражение в его признании в качестве *alma mater* археологического почвоведения. В подтверждение сказанному стоит отметить лишь два факта. С 1983 по 2011 г. в стенах Института по проблемам археологического почвоведения были подготовлены и успешно защищены 4 докторские и 10 кандидатских диссертаций. В настоящее время в восьми из девяти лабораторий ИФХиБПП РАН в той или иной степени проводятся работы, связанные с изучением палео-

почв археологических памятников, причем к ним причастен каждый третий научный сотрудник.

В заключение отметим, что в системе мировых и отечественных геоархеологических исследований археологическое почвоведение заняло заметное место. Актуальность и важность интеграции почвоведения и археологии подтверждается и тем, что в последние годы эти вопросы ставятся на различных научных форумах. В их числе стоит упомянуть лишь такие крупные, как Международные конгрессы почвоведов (Мексика, 1994; Франция, 1998; США, 2002; Таиланд, 2006; Австралия, 2010), съезды Российского общества почвоведов им. В. В. Докучаева (Санкт-Петербург, 1996; Суздаль, 2000; Новосибирск, 2004; Ростов-на-Дону, 2008; Петрозаводск, 2012), Всероссийские археологические съезды (Суздаль, 2008; Старая Русса, 2011).

ЧТО И КАК ИЗУЧАЕТ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЧВОВЕДЕНИЕ

Определение данного научного направления как археологическое почвоведение обусловлено тем, что к числу изучаемых объектов прежде всего относятся памятники древней и средневековой истории общества, возникновение которых в той или иной степени связано с почвенно-грунтовым материалом. В частности, таковыми являются курганные погребальные комплексы, другие ритуально-культовые, а также фортификационные, мелиоративные сооружения, культурные слои на местах обитания древнего человека. Подобного рода грунтовые археологические и исторические памятники представляют собой своего рода систему, включающую палеопочвы, перекрытые насыпной толщей антропогенного происхождения, а также предметы ритуально-мифологической практики и хозяйственной деятельности населения прошлых эпох. Основными объектами естественно-научного исследования упомянутых памятников археологии являются погребенные и дневные почвы; органические и минеральные вещества, связанные с погребальным обрядом и процессом жизнедеятельности человека; почвенно-грунтовая масса, используемая как строительный материал при сооружении курганов, жилищ, крепостных и засечных валов. При изучении перечисленных объектов в полном объеме используются морфологические, химико-аналитические, геофизические, микробиологические, минералогические, биоморфные, изотопные и другие методы, применяемые в почвоведении.

В настоящее время в круг основных проблем археологического почвоведения входят следующие: пространственно-временная изменчивость почвенных свойств и процессов и эволюция почв в связи с динамикой климата и хозяйственной деятельностью человека; современное состояние, пространственно-временная изменчивость и палеоэкологическое значение микробных сообществ палеопочв археологических памятников; развитие природной среды за историческое время и ее роль в жизни древнего и средневекового населения; реконструкция хозяйственного уклада и ритуально-погребальной обрядности древних племен с использованием методов и данных почвоведения и смежных наук.

Исследованная нами территория нижневолжских степей включает юго-восточную часть Среднерусской (Донская гряда), юг Приволжской и Ергенинскую возвышенности, северную и западную части Прикаспийской низменности в пределах Волгоградской, Ростовской об-

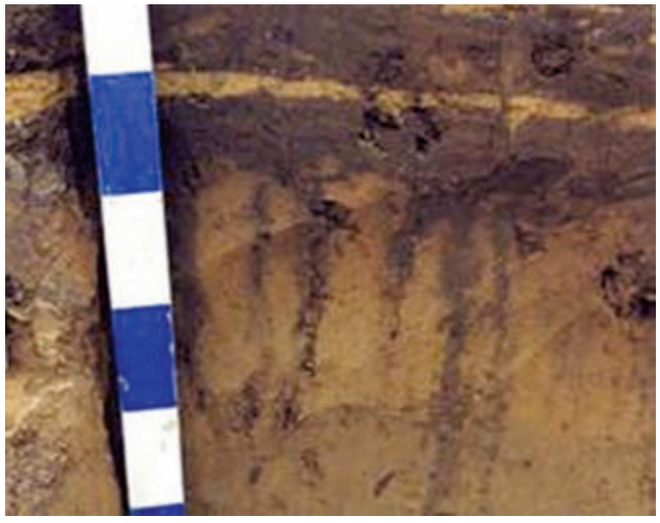
Вскрытие курганной насыпи и погребенной почвы бульдозером (курган 45 Перегрузное-2010)

Археологические раскопки кургана вручную (курган 51, Перегрузное-2011)

ластей и Республики Калмыкия. Климат региона умеренно континентальный. С северо-запада на юго-восток количество атмосферных осадков уменьшается с 400 до 280—300 мм/год, а среднегодовая температура возрастает с 5,4° до 8,1°С. В почвенно-географическом отношении регион входит в зоны сухих и пустынных степей с темно-каштановыми и каштановыми, светло-каштановыми и бурыми полупустынными почвами соответственно. Наличие микрорельефа обусловило неоднородный комплексный характер почвенного покрова, где наряду с зональными типами почв (каштановые и бурые) широко развиты интразональные почвы (солонцы, лугово-каштановые, лугово-бурые).

Объектами изучения послужили палеопочвы археологических памятников (курганов) эпох энеолита (4-е тыс. до н. э.), бронзы (конец 4—2-го тыс. до н. э.), раннего железа (VI в. до н. э. — IV в. н. э.) и средневековья (VIII—XIV вв. н. э.). Раскопки курганов проводились археологическими экспедициями Волгоградского государственного университета, Волгоградского государственного педагогического университета, Института археологии РАН и Государственного исторического музея. На ключевых участках, расположенных в различных природных районах сухо- и пустынно-степной почвенно-географических зон, изучено несколько десятков подкурганных педохронорядов длительностью от 400—600 до 4000—5000 лет.

Коротко остановимся на методических вопросах полевого палеопочвенного исследования курганов. После вскрытия курганной насыпи и верхней части профиля



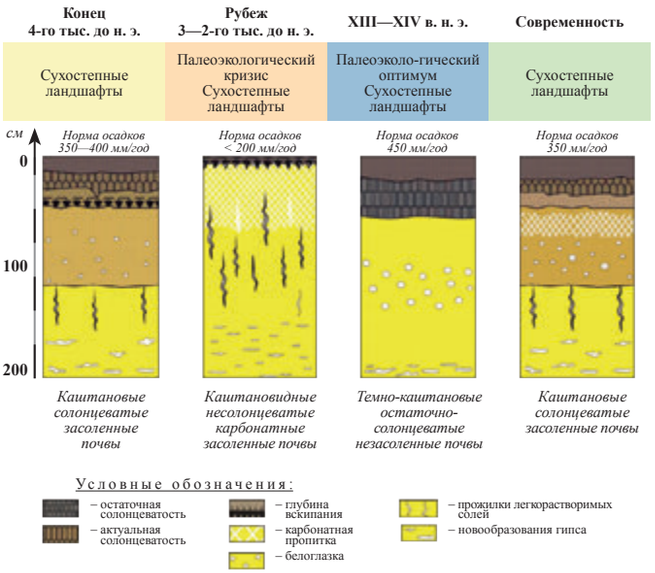
Подкурганная каштановая маломощная палеопочва с гумусовыми затеками, сформировавшаяся в условиях аридного и континентального климата (XVIII—XVII вв. до н. э., Неткачево, Приволжская возвышенность

Палеопочвы солонцового комплекса во влажную климатическую эпоху (I в. н. э., курган 3, Аксай III, Северные Ергени)

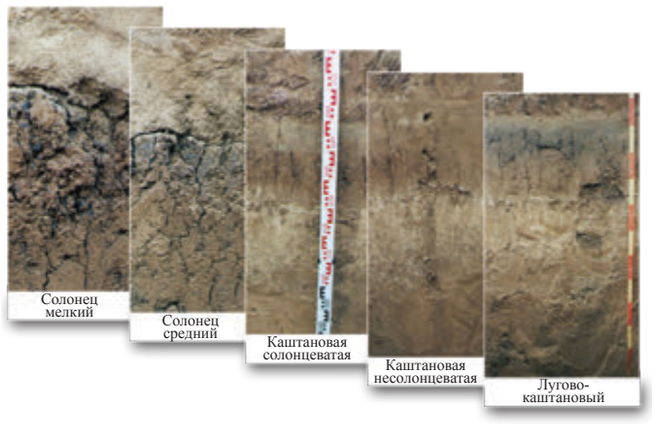
палеопочв траншеями (с использованием бульдозера или скрепера) или по секторам (вручную) проводится предварительное морфологическое изучение вертикального среза бровок с целью выбора наиболее типичных и ненарушенных участков для дальнейшего исследования. Следует отметить, что в зависимости от диаметра курганов, который преимущественно колеблется от 10—20 до 40—50 м, площадь погребенного почвенного покрова составляет от 100—200 до 2000 м^2 и более. При такой площади погребенной почвы практически исключается ошибка в выборе объекта, а в случае комплексного почвенного покрова существует возможность выявить и изучить все его основные компоненты. Исследуемые затем конкретные профили включают насыпь, погребенную почву и подстилающую грунтовую толщу (почвообразующую породу) до глубины не менее двух метров от уровня древней поверхности. Параллельно в серии разрезов (шурфов) или в специально подготовленной траншее проводится изучение окружающей курган современной фоновой почвы. В подкурганных и современных почвах определяются мощность генетических горизонтов A, B, BC, C, их цвет и структура, глубина залегания солевых аккумуляций (NaCl, Na_2SO_4, $CaSO_4$ и др.), формы и количество различных солевых новообразований (конкреции, прожилки, кристаллы и пр.), гранулометрический состав (глина, суглинок, песок, супесь), глубина вскипания почвенного материала от 10%-ной HCl (качественная реакция на наличие в почве карбоната кальция $CaCO_3$), полевым каппаметром (магнитометром) измеряется величина магнитной восприимчивости. Также проводится нивелировка древней и прилегающей к кургану современной поверхности. Заключительная операция полевого этапа почвенно-археологических исследований — отбор образцов по генетическим и солевым горизонтам для лабораторных анализов (химические, микробиологические, биохимические, микроморфологические, изотопные и др.). Количественное определение содержания и состава гумуса, легкорастворимых солей, гипса, карбонатов и других, особенности их распределения по профилю дают возможность уточнить и дополнить данные полевого морфологического анализа профиля и определить типовую, подтиповую, родовую и т. д. принадлежность изучаемой подкурганной палеопочвы согласно принятой в почвоведении классификации.

В последние годы одно из приоритетных мест в почвенно-археологических исследованиях занимает проблема изучения микробных сообществ подкурганных палеопочв. При этом нами используется широкий круг современных методов почвенной микробиологии, биохимии, молекулярной биологии. Определен комплекс различных параметров, характеризующих состояние микробных сообществ палеопочв. В частности, к ним относятся биомасса активных микроорганизмов; суммарная микробная биомасса, включающая клетки микроорганизмов на разных стадиях их жизненного цикла (живые, покоящиеся, «мертвые»); численность микроорганизмов различных эколого-трофических групп, использующих элементы питания из рассеянного состояния, гумуса или свежих растительных остатков. Их количество определяется путем высева почвенной суспензии на специальные питательные среды — почвенный агар, нитритный агар и богатую органическую среду соответственно. Соотношение численности микроорганизмов отдельных эколого-трофических групп в подкурганных палеопочвах позволяет судить о степени увлажненности климата во время сооружения археологического памятника. С целью сравнительного изучения биомассы живых микробных клеток определено содержание фосфолипидов в палеопочвах. Фосфолипиды (ФЛ) являются обязательными компонентами мембран всех живых клеток микроорганизмов, растений, животных. При гибели клеток они быстро разрушаются. Поэтому содержание ФЛ является индикатором сохранившейся биомассы живых микробных клеток в палеопочвах. Для прямого учета мицелия микроскопических грибов использовался метод мембранных фильтров. Впервые изучено биоразнообразие микробных сообществ палеопочв на основе молекулярно-генетического подхода с выделением ДНК микробного сообщества и оценкой генетического разнообразия микроорганизмов. В исследованиях морфологии и структуры микробных клеток подкурганных и современных почв использовались методы электронной микроскопии.

Полевое морфологическое изучение курганной насыпи с использованием методов почвоведения заключается в выяснении ее архитектурных особенностей и стратиграфии, в установлении возможных внутренних почвенно-грунтовых конструкций (обваловки, блоки, досыпки и т. п.), в иденти-



Разнообразие палеопочв, погребенных под курганной насыпью среднесарматского времени (I в. н. э., курган 45, Перегрузное-2010, Северные Ергени)



На основе сравнительного изучения разновозрастных подкурганных палеопочв нижневолжских степей выявлены диагностические почвенные свойства, отражающие состояние и вековую динамику природных условий за историческое время

фикации слагающего материала (древний гумусовый слой, смесь горизонтов палеопочв и др.). Такого рода анализ дает возможность реконструировать технологию и сезон сооружения памятника, выявить почвенно-грунтовые признаки в строении насыпи, связанные с ритуально-мифологической практикой и особенностями погребального обряда степных племен.

Достоверность природных реконструкций при изучении подкурганных педохронорядов в первую очередь определяется степенью сохранности исходных свойств палеопочв. Как известно, некоторые из них претерпевают определенные изменения (диагенез), обусловленные прекращением поступления растительного опада и нисходящей миграцией водорастворимых веществ (солей) из насыпи в верхние горизонты погребенной почвы. Степень сохранности во времени как подкурганных палеопочв в целом, так и отдельных их свойств и признаков зависит от нескольких факторов. В частности, таковыми являются высота, литологический (глина, суглинок и др.) и химический состав материала насыпи, ее конструктивные особенности; уровень залегания грунтовых вод; геоморфологическое (топографическое) положение памятника; характер современного использования участка, на котором расположен курган. Максимальная консервация погребенных почв достигается в автоморфных целинных ландшафтах при уровне залегания грунтовых вод глубже пяти метров, когда они перекрыты глинисто-суглинистыми курганными насыпями мощностью 80—100 см и более.

Исследованиями многих авторов показано, что в палеопочвах, погребенных под культурными слоями поселений, курганными насыпями, оборонительными валами и прочим, до настоящего времени сохранились многие признаки и свойства, в той или иной степени характеризующие климатические, литологические, геоморфологические, геохимические, биологические, гидрологические условия почвообразования в прошлые эпохи. На основе сравнительного изучения морфологических, химических, магнитных, микробиологических свойств разновозрастных подкурганных палеопочв эпох энеолита, бронзы, раннего железа и средневековья (4-е тыс. до н. э. — XIV в. н. э.) нижневолжских степей нами выявлены основные диагностические показатели, отражающие состояние и вековую динамику природных условий за историческое время. К их числу относятся: глубина залегания в почвенном профиле аккумуляции карбонатов ($CaCO_3$), гипса ($CaSO_4$), легкорастворимых солей (NaCl, Na_2SO_4, $MgSO_4$, $CaCl_2$ и др.), их запасы в различных слоях; формы новообразований карбонатов; степень выраженности признаков солонцеватости, цвет и структура солонцового горизонта и наличие (отсутствие) в нем новообразований оксидов марганца MnO; окраска и мощность гумусового слоя; содержание и состав гумуса; величина магнитной восприимчивости. В аридные климатические эпохи в почвенном профиле возрастали запасы легкорастворимых солей, гипса, карбонатов, зоны их аккумуляции перемещались ближе к поверхности; трансформировались формы новообразований карбонатов; уменьшались мощность гумусового слоя и содержание гумуса; интенсифицировались процессы ветровой эрозии и импульверизации (переноса воздушными массами) солей с солончаков и акватории Каспийского моря. Напротив, при гумидизации климата происходило рассоление почвенно-грунтовой толщи, увеличивались содержание гумуса и величина магнитной восприимчивости в гор. A1, происходило рассолонцевание почв, в гор. B1 формировались обильные новообразования оксидов марганца в виде пленок, мелких дробин, точек. Кроме того, нами установлены микробиологические параметры, дающие контрастную характеристику биологической активности степных палеопочв в аридные и гумидные климатические периоды. Таковыми, в частности, являются: активная биомасса микроорганизмов; ее доля от суммарной микробной биомассы и органического углерода (Сорг) почвы; эколого-трофическая структура микробного сообщества; соотношение численности микроорганизмов, использующих легкодоступное органическое вещество — растительные остатки и труднодоступное — гумус; индекс олиготрофности, отражающий степень приспособленности микробного сообщества к выживанию в условиях недостатка элементов питания. Если, например, для палеопочв были характерны значительная биомасса активных микроорганизмов и их высокая доля от суммарной микробной биомассы и Сорг почвы, преоблада-

ние в эколого-трофической структуре микроорганизмов, использующих легкодоступные органические вещества, высокие значения отношения численности микробов, использующих растительные остатки и гумус, низкие величины индекса олиготрофности, то это свидетельствует о гумидизации климата, обусловившей в засушливой степной зоне увеличение продуктивности растительности, а следовательно, бóльшую биомассу поступающего в почву травяного растительного опада. Изменение палеоэкологических условий в прошлые эпохи вызывало и определенную перестройку биоразнообразия почвенных микробных сообществ. В итоге сравнительный анализ количественных и качественных показателей морфологических, химических, магнитных и микробиологических свойств разновозрастных подкурганных палеопочв дает возможность установить пространственно-временные закономерности степного почвообразования за последние 5000—6000 лет, реконструировать направленность и масштабы вековой изменчивости увлажненности климата, оценить влияние гумидных (влажных) и аридных (засушливых) климатических эпох на состояние почвенного покрова в древности и средневековье.

Таким образом, многочисленные курганы евразийских степей являются не только памятниками истории древних и средневековых обществ, но и памятниками природы. До настоящего времени под курганными насыпями сохранились палеопочвы прошлых эпох, «записавшие» в своем профиле историю развития природной среды на протяжении последних тысячелетий.

СОХРАНИЛАСЬ ЛИ ЖИЗНЬ В ПОДКУРГАННЫХ ПАЛЕОПОЧВАХ?

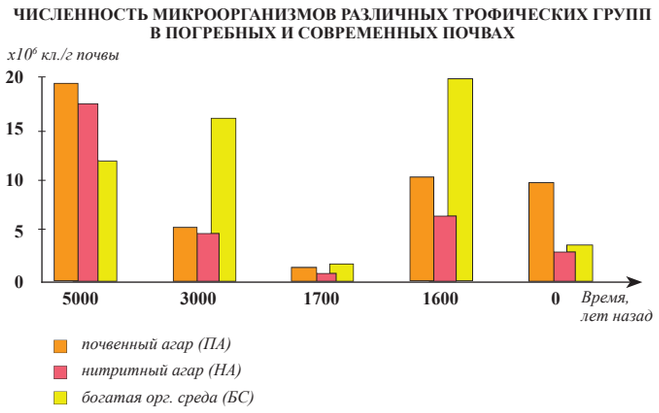
Характеристика микробного сообщества почвы относится к числу важнейших диагностических показателей, отражающих условия почвообразования. За последние 10—15 лет убедительно показано, что микробиологическая характеристика погребенных почв и осадочных пород является весьма информативной и может быть использована при изучении истории почвообразования и динамики природных условий в масштабе геологического времени (десятки и сотни тысяч лет). В частности, это подтверждается результатами исследований вечномерзлых разновозрастных отложений в тундровой зоне России, в Арктике и Антарктиде (работы Д. Г. Звягинцева и Д. А. Гиличинского с соавторами, E. I. Friedmann), где микробный комплекс оказался законсервированным и практически сохранил исходные свойства. При исследовании многими зарубежными учеными глубоких (сотни метров) осадочных пород, не подверженных влиянию мерзлоты, неоднократно обнаруживались активные микроорганизмы, хотя возраст этих отложений составляет сотни тысяч лет. Наряду с этим, работы по микробиологии более молодых палеопочв и осадков голоценового возраста (последние 10000—12000 лет) практически отсутствуют. Можно сослаться лишь на единичные данные, которые получены при изучении археологических памятников степной полосы Евразии. Это исследования подкурганных почв раннежелезного века (II—I вв. до н. э.) на Алтае (З. А. Савостьянова, В. Д. Нащокин,), бронзового и раннежелезного веков (3—2-е тыс. до н. э. и VI—IV вв. до н. э.) на юге Украины (В. П. Золотун); почв, погребенных под Траяновым валом в начале нашей эры в Молдавии (И. А. Крупеников). В упомянутых работах только констатируется наличие живых

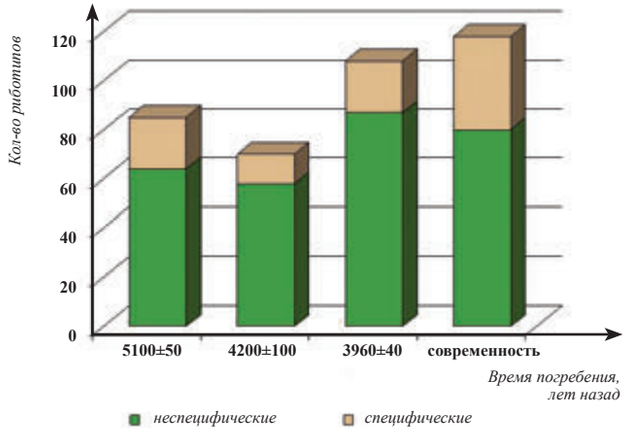
Колонии микроскопических грибов, выделенные из подкурганных палеопочв (*справа*) бронзового века (3-е тыс. до н. э.) и современных почв (*слева*)

микроорганизмов в палеопочвах археологических памятников и отмечается их существенно меньшая численность по сравнению с современными фоновыми почвами.

В последнее время одно из ведущих мест в наших исследованиях заняли работы по изучению состояния микробных сообществ подкурганных палеопочв. Их актуальность и перспективность прежде всего обусловлена тем, что проблема развития и функционирования микроорганизмов в процессе эволюции почв и природной среды за историческое время относится к числу практически не разработанных в современной почвенной микробиологии. Ранее проведенные нами исследования показали, что в погребенных почвах археологических памятников сохраняются живые микроорганизмы, которые несут информацию об экологических условиях прошедших столетий и даже тысячелетий. При высеве из водной суспензии, приготовленной из почвенных образцов, они хорошо развиваются на агаризованных питательных средах. Используя различные по составу питательные среды, удается выяснить пищевые (или трофические) предпочтения микроорганизмов, обитавших в палеопочвах в различные исторические эпохи, их численность и биомассу и соответственно судить о природной обстановке в древности.

В качестве примера рассмотрим микробиологические данные, полученные при изучении археологических памятников в полупустынной зоне на юге Волго-Донского междуречья (Волгоградская область). Объектами исследований послужили светло-каштановая палеопочва и палеосолонец, погребенные под позднесарматским курганом начала IV в. н. э. (могильник Абганерово). Микробные сообщества изученных палеопочв характеризовались сходным уровнем биомассы и, как правило, одинаковой дыхательной активностью с их современными аналогами. Однако эколого-трофическая структура сообществ существенно различалась. В погребенных почвах доля микроорганизмов, использующих легкодоступное органическое вещество, была существенно выше по сравнению





Изменения эколого-трофической структуры микробных сообществ подкурганных палеопочв в связи со сменой аридных и гумидных климатических эпох в степях Нижнего Поволжья

Методом ^{14}C атомной масс-спектрометрии впервые определен возраст микробной биомассы, выделенной из различных горизонтов подкурганной (I в. н. э.) и современной каштановых почв Северных Ергеней

Количество риботипов в микробных сообществах подкурганных и современных почв

с современностью. В основном это увеличение сопровождалось снижением доли микроорганизмов, растущих на почвенном агаре и удовлетворяющих свои потребности за счет низких концентраций источников энергии и питания, находящихся в почве. Относительное содержание микроорганизмов, потребляющих гумус, в палеопочвах было несколько меньше. Соотношение численности микроорганизмов, выросших на богатой органической среде и нитритном агаре, в подкурганных почвах оказалось в 2—2,5 раза выше, чем в современных. Индекс олиготрофности, указывающий на способность микробного сообщества ассимилировать из рассеянного состояния питательные элементы (фосфор, калий, азот и др.), в палеопочвах в 2—5 раз меньше. Сказанное дает основание считать, что в IV в. н. э. в почву поступало больше легкодоступного органического материала растительного происхождения. А так как уровень минерализационной (разложение органического материала) активности в то время был сходен с современным, в почве оставалось большее количество легкодоступного органического вещества. Меньшая доля микроорганизмов, использующих гумус, и большее содержание последнего в палеопочвах также свидетельствует о лучшем обеспечении их микробных комплексов легкодоступным органическим веществом и отсутствием необходимости использовать труднодоступные гумусовые вещества. Увеличение же продуктивности растительных сообществ и, как следствие, увеличение массы опада в полупустынной зоне прежде всего связаны с возрастанием степени атмосферной увлажненности. Следовательно, можно полагать, что в IV в. н. э. в исследованном регионе климат был более влажным, чем в настоящее время. Этот вывод согласуется с палеоклиматическими реконструкциями, основанными на морфологических и химических почвенных параметрах.

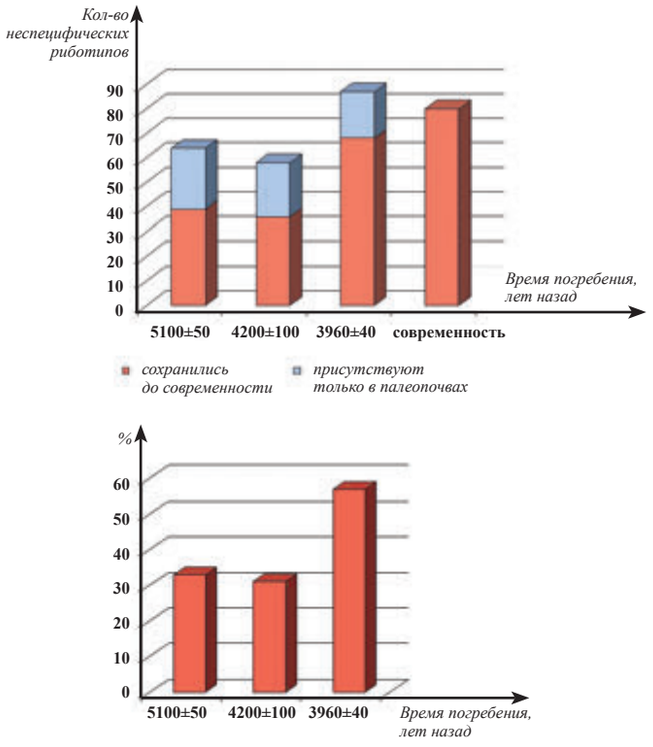
Принципиально новыми являются данные о пространственно-временной изменчивости эколого-трофической структуры микробных сообществ в связи с вековой динамикой почвенно-ландшафтных и климатических условий. Для каждого из исследованных природных районов Нижнего Поволжья установлены свои закономерности в соотношении эколого-трофических групп микроорганизмов и характере их трансформации за историческое время. Сравнительный анализ состояния микробных сообществ исследованных разновозрастных палеопочв различных районов каштановой зоны позволил выявить определенные географические закономерности. Так, в сильно засоленных каштановых почвах низкой надпойменной террасы реки Есауловский Аксай (Северные Ергени, могильник Аксай I) на протяжении всего исследованного хроноинтервала (последние 3600 лет) абсолютно доминировали (75—95%) микроорганизмы, потребляющие элементы питания из рассеянного состояния. Они же были, как правило, преобладающими (65—70%) и в светло-каштановых почвах Заволжья (могильник Маляевка V), развитых на древнеморских засоленных суглинках в условиях более засушливого климата (количество атмосферных осадков около 280 мм/год). На водораздельных пространствах Северных Ергеней (могильник Абганерово), сложенных сравнительно менее засоленными лессовидными породами и со среднегодовой нормой осадков более 300 мм, значительное место в составе микробного сообщества разновозрастных светло-каштановых почв занимали микроорганизмы, растущие на богатой органической среде.

Исследования разновозрастных курганов средне- и позднесарматской культур, расположенных в Волгоград-

ской области (могильники Авиловский, Аксай, Перегрузное, Колобовка и др.), позволили выявить закономерности динамики состояния микробных сообществ палеопочв степей Нижнего Поволжья в первые века новой эры. Проведенные на основе этих данных палеоэкологические реконструкции подтверждают и детализируют концепцию изменчивости увлажненности климата в регионе, базирующуюся на материалах анализа морфологических и химических свойств подкурганных палеопочв. В хроноинтервале I—IV вв. н. э. закономерности развития почвенных микробных сообществ были обусловлены динамикой степени атмосферной увлажненности, сменой сравнительно влажных условий (I — первая половина II в.) засушливыми (вторая половина II — первая половина III в.), а затем вновь влажными (конец III—IV в.). Изменение количества атмосферных осадков в рассматриваемые хроноинтервалы, реконструированное по результатам исследований магнитных и минералогических свойств подкурганных палеопочв сарматского времени, составляло 30—50 мм/год. Важно отметить, что особенности изменчивости микробиологических параметров в исследованных палеопочвах оказались синхронными и однонаправленными, хотя они были приурочены к различным почвенно-географическим зонам (сухо- и пустынно-степная), природным районам (Приволжская, Ергенинская возвышенности, Прикаспийская низменность), элементам рельефа (водоразделы, речные террасы, морская равнина).

С использованием метода ^{14}C атомной масс-спектрометрии впервые определен возраст микробной биомассы, выделенной по разработанной нами методике из различных горизонтов подкурганной (I в. н. э., могильник Аксай III) и современной каштановых почв Северных Ергеней. В современной каштановой почве возраст микробных сообществ увеличивается в глубь профиля от ~100 (гор. A1) до ~3300 лет (гор. B2), что обусловлено снижением поступления свежего органического вещества и уменьшением доли активных микроорганизмов от их общей массы. Возраст микробной фракции в гор. A1 палеопочвы составляет около 2000 лет, то есть совпадает со временем создания кургана по археологической датировке. В гор. B2 погребенная и фоновая почвы имеют незначительные различия по возрасту, который определяется периодом значительных палеоклиматических изменений 4000—3500 лет назад, повлекших существенные эволюционные преобразования почв и перестройку их микробного сообщества.

Поскольку в почвах засушливых регионов значительная часть микробных сообществ находится в покоящемся (неактивном) состоянии, их разнообразие было оценено с помощью молекулярно-генетических методов. Эксперименты были проведены в Центре микробной экологии Мичиганского университета. Исследованы микробные сообщества трех палеопочв (гор. A1, B1, B2), погребенных под разновозрастными курганными насыпями в конце 4—3-го тыс. до н. э., и современной светло-каштановой почвы (Южные Ергени, могильники Манджикины, Му-Шарет). Разнообразие микробного сообщества оценивалось в условных единицах, называемых «риботипом» микроорганизма. Вследствие высокого разнообразия сообществ анализировали число и характер риботипов бактерий — общие и специфические. Общее число риботипов в современной почве достигало 118, в палеопочвах их число варьировало от 70 до 108. Из каждой палеопочвы до современности дошло от 36 до 68 риботипов, что составляет от 46 до 63% разнообразия палеомикробных сообществ. В микробном сообществе современной почвы доля таких, условно говоря, «древних» бактериальных риботипов, относящихся к соответствующему времени погребения, колеблется от 33 до 57%. Можно полагать, что усиление аридизации климата на протяжении 3-го тыс. до н. э. вызывало перестройку структуры почвенных микробных сообществ, но при этом сохранялась некоторая часть исходного разнообразия, которая впоследствии дополнялась новыми группами микроорганизмов, обусловленная изменением климатических условий.

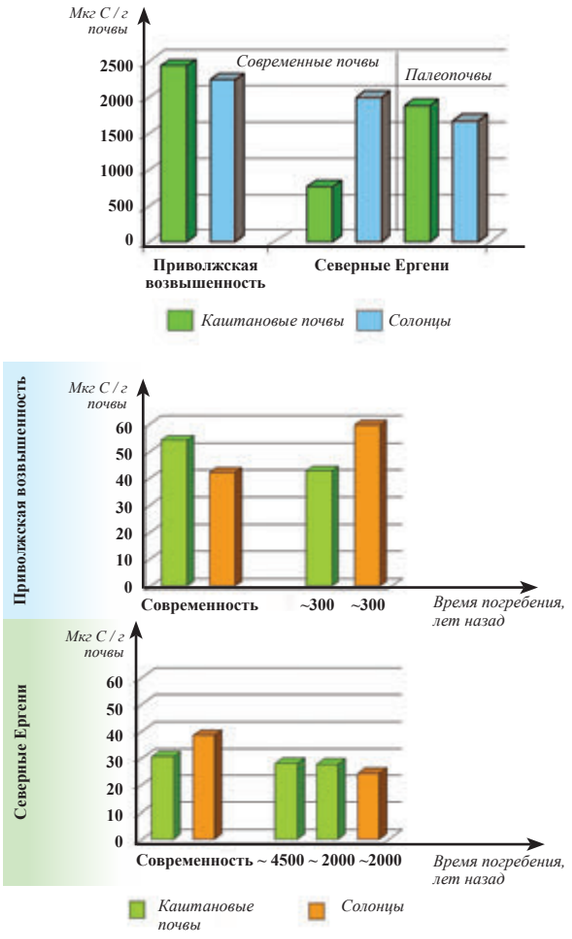


Неспецифические риоотипы в микрооных соообществах

Доля сохранившихся до современности неспецифических риботипов из подкурганных палеопочв в микробном сообществе современной почвы

Впервые установлены закономерности профильной и временной изменчивости суммарной, живой и активной биомассы микробных сообществ разновозрастных подкурганных и современных каштановых почв и солонцов нижневолжских степей. Суммарная микробная биомасса (СМБ) включает максимальное число микробных клеток на разных стадиях их жизненного цикла, в том числе некультивируемые формы, «мертвые» клетки и другие. Практически во всех исследованных почвах СМБ в гор. B1 по сравнению с гор. A1 была больше на 25—110%. В каштановой палеопочве Северных Ергеней, погребенной в I в. н. э. (могильник Аксай III), СМБ была в 2,5 раза больше, чем в современной фоновой почве. Скорее всего, это обусловлено увеличением атмосферной увлажненности в начале нашей эры.

Живую микробную биомассу в почвах оценивали по содержанию фосфолипидов (ФЛ), так как они являются обязательным компонентом мембран живых клеток независимо от физиологического состояния последних. Как правило, максимальные значения содержания ФЛ отмечены в гор. A1. В глубь профиля палеопочв наблюдается уменьшение количества ФЛ в два-пять раз. В каштановых палеопочвах, погребенных под курганами (середина 3-го



Средневзвешенные величины суммарнои микрооной биомассы в подкурганных (I в. н. э.) и современных каштановых почвах и солонцах Нижнего Поволжья

Средневзвешенные величины живой микробной биомассы, определенной на основании содержания фосфолипидов, в современных и погребных каштановых почвах и солонцах Нижнего Поволжья

тыс. до н. э. и I в. н. э., могильник Аксай III) и валом Царицынской сторожевой линии (1718—1720), среднепрофильное содержание ФЛ составляло 80—90%, а в палеосолонцах 65—140% от их фоновых аналогов.

Разнообразие живой части микробных сообществ оценивали по составу жирных кислот (ЖК), входящих в молекулы фосфолипидов (ФЛ). Для регистрации отдельных групп микроорганизмов использовали стандартные ЖК-ФЛ, характерные для грамположительных и грамотрицательных бактерий, актиномицетов и грибов. Исследовали профили (гор. А1, В1 и В2) подкурганных (I в. н. э., могильник Аксай III) и современных каштановых почв и солонцов, а также палеосолонца, погребенного под валом Царицынской линии (~300 лет назад). В современных почвах разнообразие микробных сообществ было высоким. В профиле палеосолонца (~300 лет назад) зарегистрированы практически все ЖК-ФЛ. В каштановой почве и солонце, погребенных ~2000 лет назад, разнообразие микробных сообществ было в целом ниже, чем в современных аналогах. Эти погребенные почвы мало различались между собой. В них выявлено близкое разнообразие актиномицетов и микроскопических грибов, а бактериальное разнообразие было меньше.

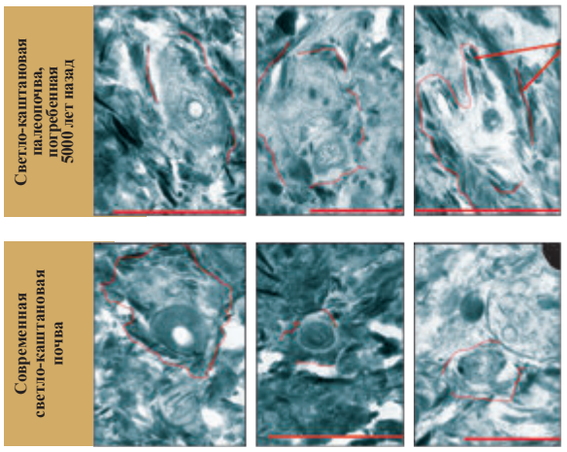
В современной и подкурганной светло-каштановых почвах Южных Ергеней (могильник Манджикины) методами электронной микроскопии исследована морфология (строение) микробных клеток. Установлено, что клетки микроорганизмов имеют мощный внешний слой, состоящий из органических и минеральных веществ. Он увеличивает объем клеток почти в пять раз и защищает клетки от гибели при возникновении неблагоприятных экологических условий. В современной каштановой почве доля клеток, не имеющих этого слоя, составила почти 50%. В отличие от современных почв, в палеопочвах практически все клетки были окружены этим слоем, что явилось результатом их адаптации (приспособления) к дефициту влаги и питательных веществ в условиях длительного нахождения под курганной насыпью.

Определены объемы (размеры) микробных клеток в подкурганной и современной каштановых почвах (Приволжская возвышенность, могильник Авиловский). Средний объем клеток в палеопочвах составлял 0,28, а в современных почвах — 0,37 мкм^3 (кубических микрометров). По сравнению с современными в погребенных почвах преобладали мелкие клетки (наноформы), размером менее 0,09 мкм^3. Это также является результатом приспособления микробного сообщества к недостатку почвенной влаги и питательных веществ.

В результате погребения почв под курганными насыпями, культурными слоями, оборонительными валами микробное сообщество оказывается в нехарактерных для него условиях. При этом значительная его часть, преодолевая стрессовые условия окружающей среды (неблагоприятный гидрологический режим с дефицитом влаги, прекращение поступления растительного опада и др.), переходит в покоящееся состояние. Остается открытым вопрос о сохранении мицелия микроскопических грибов в этих условиях и его структуре. Известно, что темноокрашенный мицелий способен обитать в экстремальных условиях. Пигменты типа меланинов определяют устойчивость грибного мицелия против лизиса, высыхания, смягчают воздействие неблагоприятных температурных условий, а также обеспечивают сохранность клеточных структур в процессе длительного углеродного голодания. Установлено, что биомасса грибных гиф в современной каштановой почве Северных Ергеней превышала 70 мкг на 1 г почвы (средневзвешенная величина в гор. А1+В1+В2), доля темноокрашенного мицелия составляла почти 90%. В подкурганных палеопочвах большая биомасса грибного мицелия установлена для палеопочвы эпохи бронзы (~4500 лет назад, могильник Аксай III), где она составила 36 мкг на 1 г почвы. При этом на долю темноокрашенного мицелия приходилось 98%. В палеопочве, погребенной ~2000 лет назад, биомасса грибных гиф была несколько меньше, в его структуре выявлены только пигментированные (темноокрашенные) гифы (100%). Следовательно, в подкурганных палеопочвах степной зоны сохраняется грибной мицелий на уровне 40—50% от содержания в современных аналогах. При этом в его структуре увеличивается доля темноокрашенного мицелия до 98—100%, как более устойчивого к неблагоприятным условиям обитания.

Таким образом, нами впервые показано, что в палеопочвах разновозрастных археологических памятников (курганов) степной зоны до настоящего времени сохранились микробные сообщества, отражающие состояние и динамику условий почвообразования в прошлые исторические эпохи. Этому способствовали адаптационные механизмы выживания почвенных микробных сообществ

(анабиоз, переход бактерий в наноформы и др.) в неблагоприятных экологических условиях, причем с сохранением ряда микробиологических параметров, отражающих палеоклиматические условия на момент создания курганной насыпи. Смена аридных и гумидных климатических периодов фиксировалась в структуре микробных сообществ палеопочв на эколого-трофическом, метаболическом и генетическом уровнях. В относительно влажные эпохи в эколого-трофической структуре возрастала доля микроорганизмов, использующих легкодоступные органические вещества и снижался коэффициент олиготрофности. В связи с аридизацией климата на протяжении 3-го тыс. до н. э. прослеживается снижение активной биомассы микроорганизмов, уменьшение доли микробного углерода в общем его содержании и нарастание олиготрофности. На рубеже 3—2-го тыс. до н. э. вследствие палеоэкологического кризиса произошла перестройка генетического разнообразия (риботипов) микробных сообществ палеопочв.

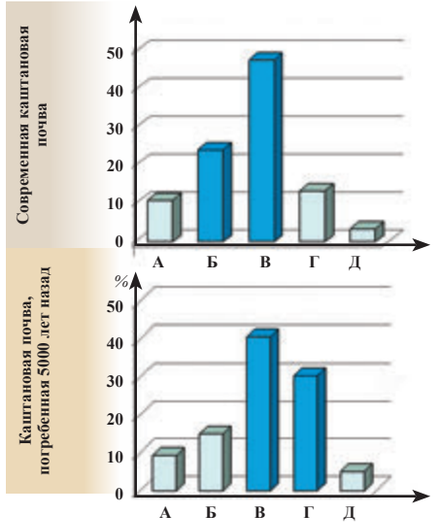


Органо-минеральный слой, окружающий микробные клетки, увеличивает их объем в среднем в 5 раз

ПРИРОДНАЯ СРЕДА НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Проблема истории развития природной среды и ее отдельных компонентов всегда занимала и занимает одно из ведущих мест в сфере интересов отечественных и зарубежных специалистов в области естественно-научных дисциплин. В ее решении используется весьма широкий спектр методов и объектов изучения. Тем не менее полученные на сегодняшний день данные о закономерностях вековой динамики климата, почвенно-растительного покрова в засушливых областях Евразии за последние 6000 лет зачастую носят неоднозначный и даже противоречивый характер. Прогресс в этой области видится в максимальной интеграции исследований, выборе наиболее репрезентативных объектов, содержащих информацию для различных отраслей знания. На сегодняшний день изучение разновозрастных палеопочв, погребенных под курганными насыпями, дало возможность получить новые данные о закономерностях почвообразования для различных природных районов евразийских степей, выявить особенности вековой динамики климата, определить роль почвенного покрова и природной среды в жизни древнего оседлого и кочевого населения.

Палеопочвенные исследования разновозрастных курганов свидетельствуют, что эволюция почв дренированных (возвышенных) ландшафтов степей Нижнего Поволжья с эпохи энеолита (конец 5-го тыс. до н. э.) до развитого средневековья (XIV в. н. э.) была однонаправленной и метахронной, то есть с циклом одних и тех же этапов, но имевших в разных природных районах различную продолжительность и хронологическую позицию. В масштабе исторического времени климат являлся ведущим фактором почвообразования. Его вековая динамика находила отражение в морфолого-химических, магнитных и микробиологических свойствах палеопочв, в состоянии ландшафтов и почвенного покрова, в особенностях их пространственно-временной организации и функционирования в течение той или иной археологической эпохи. На фоне существовавшей климатической ситуации складывалась своя почвенно-ландшафтная обстановка, адаптированная к изменившимся условиям природной среды. Ее качественные и количественные характеристики определяли степень комфортности окружающей среды для проживания населения. В степной зоне к числу главных лимитирующих факторов развития как древнего, так и современного земледелия и скотоводства (животноводства) относятся дефицит атмосферной влаги и высокая засоленность почво-грунтов, причем они являются взаимосвязанными. Увеличение количества осадков приводит к рассолению почв. Напротив, аридизация климата обусловливает накопление солей в почвенной толще. Пространственно-временная динамика их содержания регулирует интенсивность протекания солонцового процесса и гумусообразования, биологическую активность и специфику водно-физических свойств почв, состав почвенного покрова и др. В итоге степень засоленности почв определяет их качество или естественное плодородие.



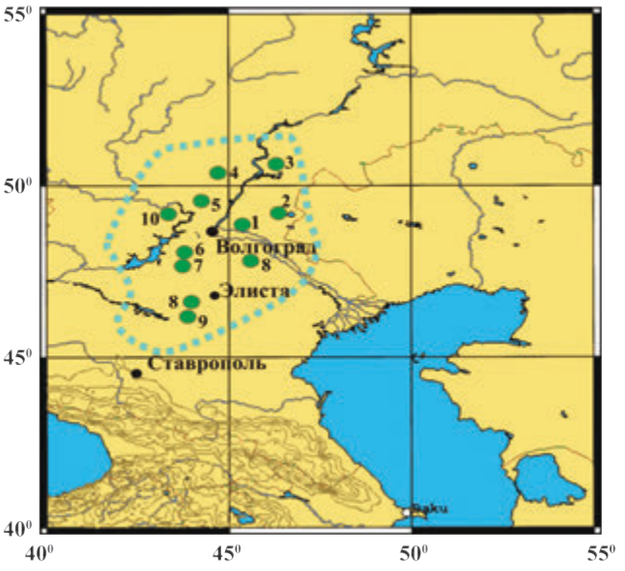
Объемы микробных клеток, мкм^3

А 1—9 Б 0,1—0,9 В 0,01—0,09 Г 0,001—0,009 Д 0, 0001—0,0009

С использованием электронной микроскопии установлено, что в подкурганных палеопочвах преобладают наноформы (объем менее 0,09 мкм^3 бактериальных клеток (масштаб 1 мкм). Наличие вокруг них органо-минеральных слоев позволяет микроорганизмам сохраняться длительное время (тысячи лет) в неблагоприятных условиях обитания

Частота встречаемости бактериальных клеток различного объема в современной и подкурганной каштановых почвах. Доля мелких клеток (наноформ) в современноц почве составляет 65%, в подкурганной палеопочве — около 80%

Профиль подкурганной каштановидной полупустынной палеопочвы, развитой в период палеологического кризиса ~ 4000 лет назад (Приволжская возвышенность)



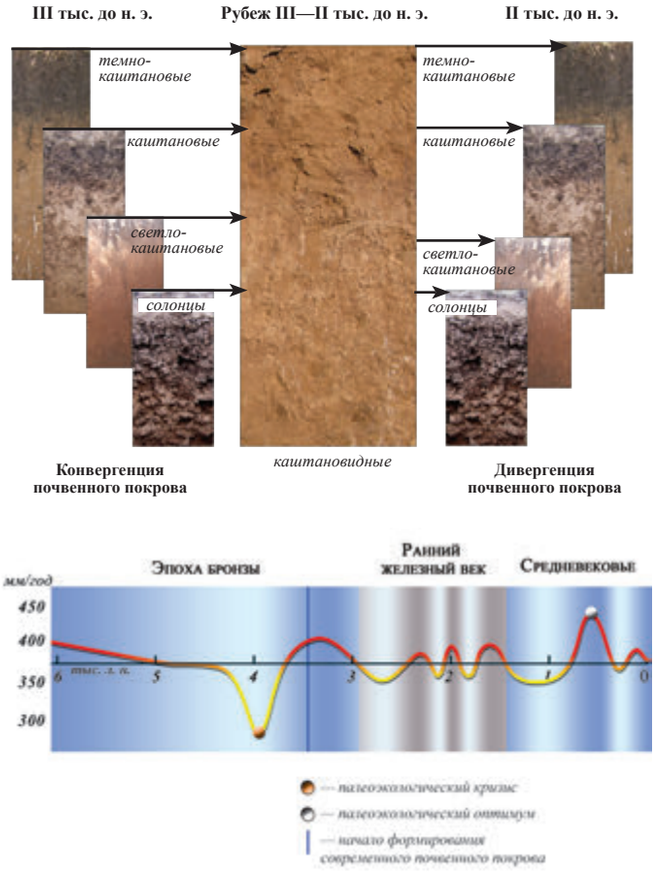
Распространение каштановидных полупустынных палеопочв на территории Нижнего Поволжья (кружками отмечены зафиксированные их ареалы в пределах различных курганных могильников)

Результаты почвенно-археологических исследований дают основания считать, что разновозрастные подкурганные палеопочвы являются надежными индикаторами вековой изменчивости природных условий. Использование комплекса различных почвенных характеристик (морфолого-стратиграфические, химические, микробиологические, молекулярно-генетические, магнитные) заметно повышает детальность и достоверность природно-климатических реконструкций. Именно такой подход использован нами для реконструкции динамики атмосферной увлажненности в нижневолжских степях за последние 60 веков. Его суть состоит в том, что с учетом классификационной принадлежности палеопочв, степени их засоленности, гумусированности, солонцеватости, особенностей состояния микробных сообществ и другого возможна оценка нормы атмосферных осадков в прошлые исторические эпохи по сравнению с современной. При реконструкции увлажненности климата принимался в расчет и тот факт, что в настоящее время разница в среднегодовом количестве осадков в сухих степях Волго-Донского междуречья и в пустынно-степной зоне Заволжья составляет 50—70 мм.

Установлено, что на протяжении 4—3-го тыс. до н. э. эволюция почв нижневолжских степей происходила на уровне подтипов от темно-каштановых к каштановым, от каштановых к светло-каштановым со сдвигом границ почвенных подзон к северу. Смещение границ природных зон (подзон), вероятно, происходило лишь в пограничной полосе шириной в несколько десятков километров. В каждом из исследованных природных регионов (Среднерусская, Приволжская, Ергенинская возвышенности, Прикаспийская низменность) отчетливо прослеживается усиление аридизации климата во второй половине 3-го тыс. до н. э. Увеличение засушливости вызвало интенсификацию процесса дефляции (ветровой эрозии), обусловило в палеопочвах значительное засоление, потери гумуса, накопление карбонатов в верхних горизонтах. Это привело к опустыниванию ландшафтов и формированию в конце 3-го тыс. до н. э. на водоразделах и высоких речных террасах, древнеморской прикаспийской равнине необычных «каштановидных» полупустынных палеопочв. Для них были характерны отсутствие признаков солонцеватости, слабая дифференциация профиля на горизонты, монотонность окраски, маломощный гумусовый горизонт с содержанием гумуса менее 2%, поверхностная карбонатность, отсутствие сегрегационных форм (шаровидных скоплений) карбонатов $CaCO_3$, значительная засоленность профиля, низкие значения величины магнитной восприимчивости. По сравнению с предшествующим временем в каштановидных палеопочвах запасы карбонатов в слое 0—50 см возросли в 1,5—2 раза, легкорастворимых солей и гипса в верхней двухметровой толще — в 2,5—3 раза. По организации профиля и морфолого-химическим свойствам они были весьма близки современным бурым почвам, развитым в настоящее время на буграх Бэра в низовьях Волги в полупустынной зоне. Следует отметить, что подобного облика палеопочвы, названные «лессовидными», были обнаружены под курганами возрастом около 4000 лет в сухостепной зоне Северного Причерноморья. Изменение условий почвообразования отразилось и на состоянии микробных сообществ палеопочв. На протяжении 3-го тыс. до н. э. биомасса активных микроорганизмов снизилась в десятки раз. В эколого-трофической структуре микробных сообществ

отмечен сдвиг в сторону увеличения олиготрофности. Каштановидная палеопочва отличается наиболее богатым разнообразием микробных сообществ, определяемым с помощью генетических методов. Они имеют черты как предшествующих, так и последующих периодов развития, что свидетельствует о сукцессии (смене видов) микробных сообществ в результате изменения климатических условий. Таким образом, в результате аридизации климата во второй половине 3-го тыс. до н. э. произошла конвергенция (сближение пространственных различий) почвенного покрова с преобразованием темно-каштановых, каштановых, светло-каштановых почв и солонцов в каштановидные полупустынные почвы, которые в хроноинтервале 4200—3900 лет назад занимали доминирующее положение в регионе. В первой половине 2-го тыс. до н. э. наступила очередная смена условий почвообразования, вызванная ростом степени атмосферной увлажненности. Она обусловила дивергенцию (расхождение, дифференциация) почвенного покрова с вторичным формированием к середине 2-го тыс. до н. э. ареалов зональных каштановых почв и солонцов на месте каштановидных. Следовательно, возраст современных каштановых солонцовых комплексов региона не превышает 3500 лет. Гумидизация климата обусловила увеличение содержания гумуса и возрастание мощности гумусового горизонта почв, интенсификацию нисходящей миграции легкорастворимых солей и гипса, перестройку карбонатного профиля. Скорее всего, вследствие сложившихся благоприятных палеоэкологических условий резко возросла численность населения срубной культуры (XVI—XII вв. до н. э.), а для палеоэкономики этой эпохи было характерно сочетание земледелия и скотоводства. Таким образом, в эпохи средней и поздней бронзы (~4300—3500 лет назад) в нижневолжских степях произошли весьма существенные быстрые и обратимые эволюционные преобразования почв на классификационном уровне типа.

Полученные данные свидетельствуют о том, что в 4-м тыс. до н. э. палеопочвы степей Нижнего Поволжья развивались в условиях повышенной атмосферной увлажненности с нормой осадков более 400 мм/год. Природная обстановка, наиболее близкая современной, имела место в конце 4-го — первой половине 3-го тыс. до н. э. Около 5000 лет назад началась постепенная аридизация климата, продолжавшаяся на протяжении тысячелетия и достигшая максимума на рубеже 3—2-го тыс. до н. э. За это время среднегодовая норма атмосферных осадков снизилась не менее чем на 100—150 мм и достигла уровня 200—250 мм/год. В конечном счете около 4000 лет назад в нижневолжских степях возник самый масштабный палеоэкологический кризис за последние 6000 лет. Это, несомненно, сказалось на хозяйственном укладе племен поздне- и посткатакомбного времени, обусловив их бóльшую подвижность и переход, по мнению некоторых исследователей, фактически к кочевому скотоводству. Мы считаем, что резкая аридизация климата в конце 3-го тыс. до н. э. имела глобальный характер. Она зафиксирована в ряде регионов степей и пустынь Евразии, в частности, на Ближнем Востоке, в Верхней Фракии (Болгария), в Северном Причерноморье, в Средней Азии. В XVIII—XVII вв. до н. э. в исследуемом регионе началось смягчение климатических условий с увеличением количества атмосферных осадков до 300—400 мм/год в сухих степях Волго-Донского междуречья и до 250—350 мм/год в пустынно-степной зоне Заволжья. Пик этого увлажнения пришелся, вероятно, на середину 2-го тыс. до н. э. и повлек за собой значительные эволюционные преобразования почв со сдвигом ландшафтных рубежей к югу.



В результате катастрофической аридизации климата в конце 3-го тыс. до н. э. в степях Нижнего Поволжья произошла конвергенция почвенного покрова с преобразованием зональных почв и солонцов в каштановидные палеопочвы. Во 2-м тыс. до н. э. гумидизация климата обусловила дивергенцию почвенного покрова со вторичным формированием комплексов каштановых почв и солонцов

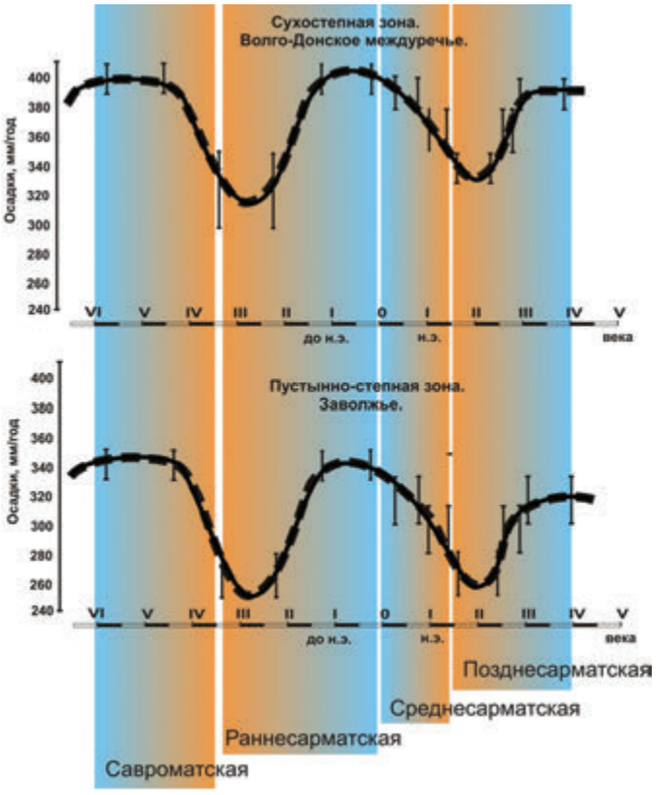
Реконструкция увлажненности климата нижневолжских степей за последние 6000 лет

Существенные изменения свойств почв степей Евразии происходят в конце 2-го — начале 1-го тыс. до н. э. в связи с резкой аридизацией климата, повлекшей за собой миграцию границ почвенно-географических зон к северу. Поэтому есть основания считать, что экологический фактор сыграл заметную роль в становлении в эпоху раннего железного века нового типа хозяйства — кочевого скотоводства, или номадизма, сменившего предшествующий полуоседлый образ жизни степных племен эпохи поздней бронзы.

Палеопочвенные исследования курганов ранне-, средне- и позднесарматского времени свидетельствуют о том, что на протяжении II в. до н. э. — IV в. н. э. в палеопочвах нижневолжских степей происходили циклические изменения морфологических, химических, микробиологических, магнитных свойств. Масштабы выявленных изменений, как правило, не приводили к эволюционным преобразованиям почв на типовом (подтиповом) уровне. Однако они свидетельствует об определенной динамике среднегодового количества атмосферных осадков в пределах ±30—50 мм. Следует отметить, что особенности и направленность изменений каждого из перечисленных выше показателей отражают одни и те же закономерности дина-

мики климатических условий. Использование комплекса палеопочвенных, микробиологических, магнитных данных обеспечило достаточно высокую степень достоверности проведенных реконструкций динамики природных условий. Время существования сарматской культурно-исторической общности в климатическом отношении можно рассматривать как эпоху чередования микроплювиальных (кратковременных влажных) и микроаридных (кратковременных засушливых) периодов продолжительностью до 150—200 лет. В частности, относительно влажными климатическими условиями как в Волго-Донском междуречье, так и в Заволжье характеризовались I в. до н. э., I и IV вв. н. э. (380—400 и 300—350 мм/год соответственно), а наиболее засушливыми — вторая половина II — первая половина III в. н. э. (330—350 и 250—280 мм/год). Промежуточная и близкая ситуация по степени увлажненности имела место в первой половине II в. н. э. и во второй половине III в. н. э. (350—380 и ~300 мм/год). Следовательно, финал раннесарматского и бóльшая часть среднесарматского времени характеризовались гумидизацией климата, пик которой, скорее всего, имел место на рубеже эр. Появление и первое столетие существования позднесарматских племен в Нижнем Поволжье приходились на засушливый климатический период. Необходимо напомнить, что в волго-уральских степях аридизация климата, как правило, сопровождалась ростом степени его континентальности, выражавшейся прежде всего в снижении зимних температур и усилении суровости зим. Кроме того, в засушливые эпохи ухудшалось качество почвенно-растительного покрова (увеличение засоленности почв, развитие солонцового процесса, снижение активности почвенных микробных сообществ, уменьшение продуктивности травяной растительности и др.), изменялся гидрологический режим малых рек, ручьев, водоемов. Напротив, в гумидные климатические периоды интенсифицировались процессы выщелачивания и рассолонцевания почв, повышалась их биологическая активность, зимы становились сравнительно мягкими с частыми оттепелями, понижались летние температуры, повышалась обводненность гидрографической сети. Периодическая смена рассмотренных ландшафтных и метеорологических условий, несомненно, сказывалась на жизни сарматских племен, регулируя маршруты и сроки их сезонных перекочевок, влияла на особенности расселения, региональные и глобальные миграции. Установленная нами периодизация и хронология динамики климатических условий нижневолжских степей в сарматское время в целом согласуется с закономерностями развития природных процессов в других регионах степей и пустынь Евразии. В частности, по результатам палеогеографических и почвенно-археологических исследований микроплювиалы в I—II и/или в конце III—IV вв. зафиксированы на Ближнем Востоке, в Приазовье, в Южном Приуралье, в Зауралье. В бассейне Аральского моря во II—III вв. н. э. заметно усилилась засушливость климата. В связи с этим можно полагать, что динамика увлажненности климата в волго-уральских степях была синхронной, а следовательно, в Нижнем Поволжье, как и в Южном Приуралье, савроматский гумидный период (VI—V вв. до н. э.) сменился раннесарматским аридным (IV—III вв. до н. э.) со снижением среднегодовой нормы атмосферных осадков на 50—70 мм.

Характерной особенностью средневековых палеопочв нижневолжских степей XIII—XIV вв. н. э. на всех исследованных объектах является существенное отличие их свойств как от предшествующего времени, так и от современных фоновых. В это время активизировались процессы гумусообразования, рассоления и рассолонцевания почв, произошла перестройка карбонатного профиля, резкие преобразования претерпели почвенные микробные сообщества. Заслуживают внимания выявленные факты формирования каштановых палеопочв на месте сарматских и современных ареалов светло-каштановых почв. Эти данные дают основания считать, что в эпоху развитого средневековья произошли довольно существенные изменения климата в сторону его гумидизации. Судя по свойствам палеопочв этого периода можно полагать, что среднегодовая норма атмосферных осадков превышала современную на 70—100 мм. Увеличение атмосферной увлажненности повлекло за собой региональную миграцию природных рубежей к югу, в частности экспансию сухостепных ландшафтов в пределы пустынно-степных. На основании палеопочвенных данных мы можем говорить о существовании в южно-русских степях «средневекового климатического оптимума», пик которого приходился на XIII в. Благоприятная почвенно-ландшафтная и климатическая обстановка, сложившаяся в золотоордынское время, в определенной мере способствовала существенному изменению этнополитической ситуации в регионе, появлению многочисленных городищ, переходу средневековых кочевников к полуоседлому образу жизни. Ранее уже было высказано предположение о значительной гумидизации климата всей евразийской степи во время татаро-монгольского нашествия и существования Золотой Орды[1].



В климатическом отношении савромато-сарматскую эпоху (VI в. до н. э. — IV в. н. э.) в Нижнем Поволжье можно рассматривать как эпоху чередования микроплювиальных (влажных) и микроаридных (засушливых) периодов продолжительностью 100—200 лет с колебаниями среднегодовой нормы атмосферных осадков в пределах ± 30—30 мм

Кроме того, результаты палинологических (исследование древней пыльцы растений, сохранившейся в погребенных почвах) и палеопочвенных исследований археологических памятников свидетельствуют об увеличении количества атмосферных осадков в рассматриваемую историческую эпоху в Северном Причерноморье и Предкавказье. Однако уже в конце XIV—XV в. н. э. наступила очередная аридизация климата, которая, по-видимому, в основном и обусловила заметные изменения многих свойств почв нижневолжских степей в постзолотоордынское время (снижение содержания гумуса, увеличение засоленности и др.).

Весьма интересным представляется сравнение динамики природных условий в нижневолжских степях за последние 60 веков, реконструированной нами на основе изучения подкурганных палеопочв, с данными об истории развития природной среды и общества в других засушливых регионах Евразии, которые получены с использованием палеогеографических, геологических, ботанических, аэрокосмических, археологических, исторических и других методов и источников. Они свидетельствуют о том, что в эпоху энеолита влажные климатические условия имели место во всей Восточной Европе, в Средней Азии, на Ближнем Востоке, в Центральной Монголии. Отмечалось повышение уровня Мирового океана. Бронзовый век в целом характеризовался усилением засушливости климата, которая достигла максимума во второй половине 3-го тыс. до н. э. Это привело к возникновению песчаных пустынь в междуречье Тигра и Евфрата, аридизации ландшафтов в Средней Азии и Северной Месопотамии, пересыханию гидрографической сети. Произошло максимальное понижение уровня Мирового океана в голоцене. На помещенной ниже таблице приведены некоторые природные и исторические события в семиаридных и аридных областях Евразии в эпохи энеолита, бронзы, раннего железа и средневековья, собранные по литературным данным и историческим источникам.

Развитие природной среды и общества в разных регионах Евразии

Время	События, факты
8000—5000 лет назад	В Восточной Европе климатический оптимум. В Средней Азии плювиальный климат, расселение первобытного человека по всей территории. В Сирийской степи активизировался речной сток, по древним долинам начался подъем уровня озер
7500—4500 лет назад	В Центральной Монголии прохладно и влажно, озера обводнены, стоянки древнего человека у высохших в настоящее время озер и рек
6000 лет назад	Пик Гоусанской трансгрессии Каспия до -18 м
Около 6000 лет назад	Возникновение курганного погребального обряда у энеолитических племен евразийских степей
5500—5000 лет назад	Максимальное повышение уровня Мирового океана в голоцене
5000—4000 лет назад	Начало периода аридного почвообразования в Средней Азии
Около 4700 лет назад	Строительство первых пирамид в Египте во время Древнего царства
4400—4200 лет назад	Понижение уровня озер в Центральной Европе
4400—4100 лет назад	В междуречье Тигра и Евфрата возникают песчаные пустыни на вторично засоленных землях древнего орошения, пересыхают реки и озера в Сирийской пустыне. Падение Шумера
4200 лет назад	Аридизация ландшафтов в Северной Месопотамии
Около 4000 лет назад	Конец лявляканской плювиальной эпохи в Средней Азии
2-е тыс. до н. э.	Резкая аридизация климата в Южном Приаралье
3500 лет назад	Максимальное понижение уровня Мирового океана в голоцене
1470 г. до н. э	Извержение вулкана Санторин в Эгейском море, вулканическим пеплом покрылась площадь около 200 тыс. км^2
Вторая половина 2-го тыс. до н. э.	Период увеличения атмосферной увлажненности в степях Восточной Европы
3200—2600 лет назад	Опустынивание орошаемых земель Старого Вавилона
Конец 2-го тыс. до н. э.	Гибель древней цивилизации Раджастана в результате опустынивания и засоления земель
XI—VII вв. до н. э.	Александрбайская регрессия Каспия
1-е тыс. до н. э.	Усиление аридизации и континентальности климата в Центральной Монголии, занос песком стоянок древнего человека. Древние скотоводы Средней Азии оставили временные стоянки, не связанные с озерами. Появление кочевого скотоводства
Конец IX — середина VII в. до н. э.	Почти полное обезлюдение степей от Дуная до Алтая (киммерийская эпоха)
VIII—III вв. до н. э.	Аридизация климата в Барабинской лесостепи
2500—1900 лет назад	Усиление засушливости и континентальности климата в степном Зауралье
IV—III вв. до н. э.	Массовый отток раннесарматского населения с Южного Урала на запад
III в. до н. э.	Начало строительства Великой Китайской стены
Начало III в. до н. э.	Гибель Великой Скифии
Конец II в. до н. э.	Начало функционирования Великого шелкового пути
Конец 1-го тыс. до н. э.	Падение уровня Каспия до отметок -30...-34 м
79 г. н. э.	Извержение Везувия, гибель Помпей
III—IV вв.	Некоторое увеличение атмосферной увлажненности в степях от Дона до Урала
V—XI вв.	Общая аридизация евразийских степей
Конец IV—V в.	Великое переселение народов
V—VII вв.	Повсеместное исчезновение поселков и городов Хорезма, основанных на ирригационном земледелии
VIII—XII вв.	Значительное потепление в Западной Европе и Северной Атлантике — «Эпоха викингов». Освоение викингами Гренландии
IX—XI вв.	В Прикаспии частые пожары, пыльные бури, неурожаи
XII—XIV вв.	Эпоха повышенного атмосферного увлажнения евразийской степи. Дельта Волги залита морем

[1] *Гаель А. Г., Гумилев Л. Н.* Разновозрастные почвы на песках Дона и передвижение народов за исторический период // Известия АН СССР, серия географическая. 1966. № 1. С. 11—20.

Время	События, факты
XIII—XIV вв.	Татаро-монгольское нашествие, возникновение и расцвет Золотой Орды
XIV—XVI вв.	По сведениям восточных авторов, степи Прикаспия с обилием кормов летом и зимой
XV в.	Исчезновение у степных племен курганного погребального обряда

Опустынивание и засоление земель в определенной степени способствовало упадку и даже гибели древних цивилизаций Передней Азии (Шумер, Старый Вавилон, Раджастан). Однако уже во второй половине 2-го тыс. до н. э. в ряде регионов (Северное Причерноморье, Предкавказье, Нижний Дон, Волго-Уралье и др.) зафиксировано увеличение атмосферной увлажненности. Начало раннего железного века ознаменовалось усилением засушливости и континентальности климата в Центральной Монголии. В киммерийскую эпоху (IX—VII вв. до н. э.) произошло почти полное обезлюдение степей от Дуная до Алтая. В конце 1-го тыс. до н. э. резко снизился уровень Каспия. В III—IV вв. н. э. в волго-донских и приуральских степях отмечен резкий рост численности позднесарматского населения на фоне повышения увлажненности климата. Раннее средневековье (V—XI вв.) характеризовалось общей аридизацией евразийских степей, значительным потеплением в Западной Европе и Северной Атлантике («Эпоха викингов»). Но в XII—XIV вв. увлажненность климата резко возросла. По сведениям восточных авторов, в степях Прикаспия в течение всего года было обилие кормов, дельта Волги была залита морем. Средневековый климатический оптимум в евразийских степях послужил одной из причин трансконтинентальной миграции в XIII в. центрально-азиатских кочевых племен на запад (татаро-монгольское нашествие), что привело к существенным изменениям этнополитической ситуации в Средней Азии и Восточной Европе.

Рассмотренные материалы дают основания считать, что наши данные согласуются с общими закономерностями природных и исторических процессов в семиаридных и аридных областях Евразии с энеолита до средневековья. Вместе с тем почвенно-археологические исследования дали возможность получить более детальную и широкую информацию о природно-исторических событиях в нижневолжских степях по сравнению с другими регионами.

НОВЫЕ ПУТИ РЕШЕНИЯ ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Почвенно-археологические работы в России в большей степени ориентированы на изучение курганов, тогда как за рубежом — стоянок, поселений, городищ. Вероятно, именно это определяет отечественную специфику археологических и этнографических аспектов интегративных исследований, в которых значительное место занимают вопросы, связанные с познанием духовной и материальной культуры древних народов. Методическая оснащенность археологического почвоведения позволила нам выявить новые стратиграфические особенности погребальных археологических памятников степей Нижнего Поволжья, реконструировать технологические приемы их сооружения, исходную архитектуру, сезон строительства. Достаточно эффективно решаются вопросы относительной и абсолютной хронологии конкретных объектов. Основными параметрами при этом служат различные почвенные свойства и признаки (засоленность, солонцеватость, величина магнитной восприимчивости, гумусовый профиль и многие другие), по степени развития, наличия или отсутствия которых устанавливается относительный возраст памятников в рамках одной культурно-исторической общности, а также время их сооружения в случаях антропогенного нарушения и отсутствия датирующих артефактов. Использование ряда минералогических и химико-аналитических методов, применяемых в почвоведении, дало возможность получить новую информацию или внести коррективы в существующие представления об отдельных атрибутах погребального обряда. Например, это касается идентификации заупокойной пищи в глиняных сосудах и встречающихся в захоронениях обломков минералов и горных пород, а также так называемых «меловых» посыпок и побелок, за которые ошибочно принимались аккумуляции легкорастворимых солей, сформировавшиеся естественным путем на дне и стенках могильных ям, на погребальном инвентаре. Остановимся на нескольких конкретных примерах реализации упомянутых этноархеологических проблем с использованием методов и данных археологического почвоведения.

Абсолютная хронология археологических культур. В процессе наших исследований возникла дискуссионная проблема, решение которой имеет важное значение как для почвоведения, так и археологии. Она связана с хроноинтервалом существования полтавкинской культуры Нижнего Поволжья, который согласно новым представлениям относится к первой четверти 3-го тыс. до н. э., то есть удревнен почти на тысячелетие по сравнению с прежней хронологией[2]. В свете палеопочвенных данных такая точка зрения вызывает у нас определенные сомнения. Попытаемся их обосновать. Изучение многочисленных подкурганных педохронорядов, приуроченных к различным природным районам и включающих палеопочвы ямного, катакомбного, посткатакомбного, покровского, срубного времени, позволило нам разработать достаточно детальную и обоснованную репрезентативным фактическим материалом концепцию развития почв и климата Нижнего Поволжья в эпоху бронзы (4—2-е тыс. до н. э.), основные положения которой рассмотрены в предыдущем разделе. В предложенной схеме истории почвообразования принципиально важным и новым является установление этапа формирования и развития каштановидных полупустынных палеопочв. Особо следует подчеркнуть следующее. Во-первых, во всех исследованных природных районах нижневолжских степей (юг Приволжской возвышенности, Северные и Южные Ергени, Сарпинская низменность, террасы Волги и Волго-Ахтубы, Эльтонская и Бессточная равнины Северного Прикаспия) каштановидные палеопочвы имели идентичные морфолого-стратиграфические и химические свойства и признаки. Во-вторых, они всегда обнаруживались только под курганами, сооружение которых датируется последней четвертью 3-го — началом 2-го тыс. до н. э. (поздне- и посткатакомбные культурные образования, исследовано около 15 памятников), а также под курганами полтавкинской (!) культуры (исследовано более 25 памятников). Как уже отмечалось, главной причиной формирования каштановидных палеопочв явилась катастрофическая аридизация климата в конце 3-го тыс. до н. э.,

[2] *Сухорукова Е. П.* Полтавкинская культура // Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. С. 199, 200.

имевшая глобальное распространение в степях и пустынях Евразии и обусловившая возникновение палеоэкологического кризиса. На территории Нижнего Поволжья она выявлена не только по материалам наших палеопочвенных исследований, но и по данным палинологического изучения среднеголоценовых (около 4000 лет назад) болотных отложений[3], анализа фитолитов (аморфные образования в клетках растений, состоящие преимущественно из кремния SiO_2), выделенных из подкурганных палеопочв позднекатакомбного времени[4]. Следовательно, если время существования полтавкинской культуры в первой четверти 3-го тыс. до н. э. соответствует действительности, то следует признать, что в этот период также имели место резкая аридизация климата и палеоэкологический кризис. Однако наличие подобной природной ситуации в степях Восточной Европы в целом и в Нижнем Поволжье в частности не подтверждается данными как наших исследований, так и исследованиями других авторов. Напротив, климатические условия конца 4-го — первой четверти 3-го тыс. до н. э. в рассматриваемом регионе были близки современным или даже несколько влажнее. Подкурганные палеопочвы памятников этого и более позднего времени (середина — третья четверть 3-го тыс. до н. э.) на территории Нижнего Поволжья представляли собой аналоги современных зональных каштановых или бурых полупустынных почв различной степени солонцеватости и засоленности. Какова же хронологическая позиция полтавкинской культуры в свете почвенно-климатических реконструкций? С одной стороны, ответ казался бы однозначным — не ранее последней четверти 3-го тыс. до н. э. Однако здесь необходимо учесть следующее обстоятельство. Практически все исследованные нами полтавкинские памятники расположены в Заволжье, которое как в настоящее время, так и в прошлом было более засушливым по сравнению с Волго-Донским междуречьем. Поэтому можно полагать, что аридизация климата могла найти отражение в состоянии почв и ландшафтов полупустынного Заволжья быстрее и на 100—150 лет раньше, чем в Волго-Донском междуречье. Но и в таком случае полтавкинская культура, на наш взгляд, должна была появиться не ранее XXIV в. до н. э. В заключение хотелось бы отметить, что авторы данной работы, безусловно, относят себя к дилетантам в области археологии и не претендуют на ломку или пересмотр сложившейся в последнее время хронологии культур бронзового века. Основная цель наших рассуждений состояла в обосновании возможности более широкого использования данных о развитии природной среды в этноархеологических исследованиях, в частности принимать их во внимание при решении культурно-хронологических проблем развития древних обществ.

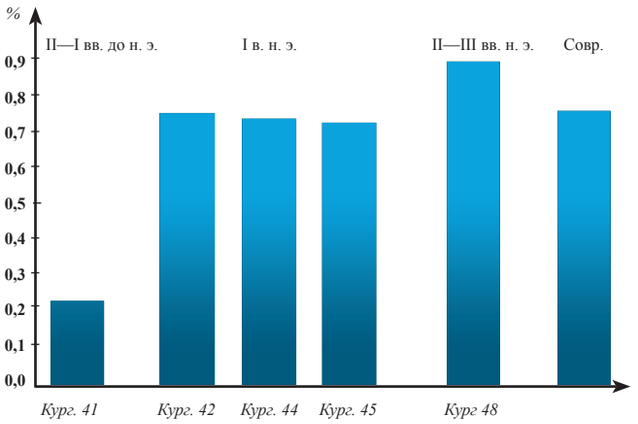
Абсолютная и относительная датировка археологических памятников. На территории Северных Ергеней в составе могильника Перегрузное нами исследована серия курганов ранне- (вторая половина II — I в. до н. э.), средне- (I в. н. э.) и позднесарматского (вторая половина II — первая половина III в. н. э.) времени. Данные о морфологических, химических, магнитных свойствах подкурганных палеопочв свидетельствуют о повышенной увлажненности климата в регионе в I в. до н. э. — I в. н. э., которая превышала современные показатели атмосферных осадков не менее чем на 30—50 мм/год. Вместе с тем зафиксированное повышенное содержание хлоридов в верхних горизонтах среднесарматских палеопочв изученных трех курганов является свидетельством начальной стадии аридизации климата, которая в Прикаспийском регионе прежде всего проявляется в интенсификации эолового переноса легкорастворимых солей, главным образом хлоридов натрия, с акватории Каспийского моря и с поверхности многочисленных солончаков с последующей их аккумуляцией в верхних горизонтах почв. Более того, содержание солей в профиле палеопочв этих трех курганов одинаково и в несколько раз выше, по сравнению с раннесарматскими палеопочвами. Свойства подкурганных палеопочв позднесарматского времени свидетельствуют о том, что во второй половине II — первой половине III в. н. э. климатические условия в регионе стали более засушливыми по сравнению с предшествующей среднесарматской эпохой со снижением среднегодового количества атмосферных осадков примерно на 50 мм. Учитывая изложенные данные, мы имеем основания полагать, что сооружение среднесарматских курганов, скорее всего, имело место в конце I — начале II в. н. э., то есть палеопочвенные данные позволили сузить хроноинтервал датировки этих памятников. Этот вывод подтверждается и данными радиоуглеродного датирования органического вещества (гумуса) гор. А1 палеопочвы одного из курганов. Согласно им, памятник был сооружен ~1900 лет назад. Весьма интересными оказались результаты микробиологических исследований палеопочв среднесарматских курганов. Определение численности микроорганизмов и эколого-трофической структуры микробных сообществ в профиле палеопочв позволили установить относительный возраст рассматриваемых курганов. Таким образом, в результате палеопочвенно-микробиологических исследований установлено, что курганы № 42, 44, 45 могильника Перегрузное сооружались в указанной последовательности, вероятно, на протяжении не более 20 лет в конце I — начале II в. н. э.

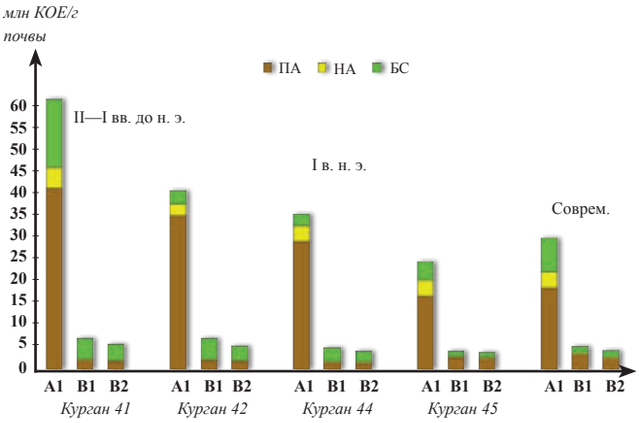
Стратиграфия, технология и сезон сооружения археологических памятников. При почвенно-археологических исследованиях нескольких могильников в Волгоградской области (Перекопка III, V, Аксай III, Перегрузное) впервые установлено, что при сооружении насыпей нескольких курганов, как правило, катакомбного (середина 3-го тыс. до н. э.) и среднесарматского (I в. н. э.) времени применялась «монолитно-блочная» технология с использованием в качестве строительного материала монолитов, вырезанных из верхнего слоя древней палеопочвы в форме куба или параллелепипеда. Эти монолиты представляют собой гор. А1 и В1 (белесого и коричнево-бурого цвета соответственно) палеосолонцов и солонцеватых каштановых палеопочв. По химическому составу и величине магнитной восприимчивости эти горизонты близки своим аналогам, залегающим *in situ.* Подобного рода строительный материал можно было получить лишь при достижении определенной влажности в верхнем слое почвы, которая в исследуемом регионе обычно характерна для поздневесеннего периода (вторая половина апреля — середина мая). Следовательно, можно полагать, что сооружение данных памятников происходило именно в это время.

Комплексный почвенно-археологический подход в изучении одного из курганов (№ 45, I в. н. э.) могильника Пере-

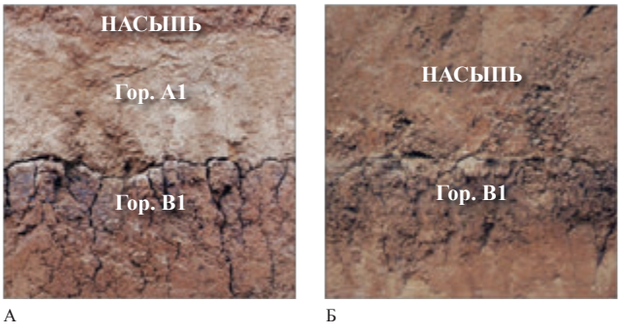
[3] *Кременецкий К. В.* Природная обстановка голоцена на Нижнем Дону и в Калмыкии // Степь и Кавказ. Труды Государственного исторического музея. Вып.97. М. 1997. С. 30—45.

[4] *Гольева А. А.* Взаимодействие человека и природы в северо-западном Прикаспии в эпоху бронзы // Сезонный экономический цикл населения северо-западного Прикаспия в бронзовом веке. Труды Государственного исторического музея. Вып. 120. М. 2000. С. 10—29.





Численность микроорганизмов, использующих:
питательные вещества из рассеянного состояния (ПА);
труднодоступный органический субстрат — гумус (НА);
легкодоступный органический субстрат — органические добавки (БС)



А Б

Содержание легкорастворимых солей в профиле палеопочв трех среднесарматских курганов (Перегрузное-2010) одинаково и более чем в три раза выше по сравнению с раннесарматской палеопочвой. Поэтому можно полагать, что их сооружение имело место в конце I — начале II в. н. э., то есть палеопочвенные данные позволили сузить хроноинтервал датировки этих памятников

Закономерности изменения численности микроорганизмов и эколого-трофической структуры микробных сообществ в профиле палеопочв на фоне усиления аридизации климата позволили установить относительный возраст среднесарматских курганов (Перегрузное), которые сооружались в указанной последовательности, вероятно, на протяжении не более 20 лет в конце I — начале II в. н. э.

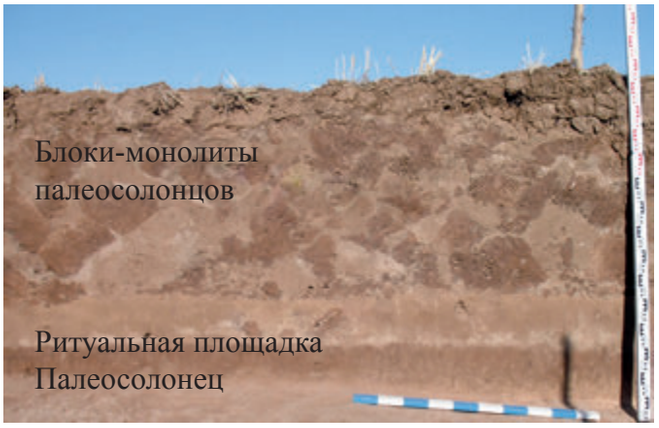
В пределах двух ареалов подкурганных палеосолонцов (А) гор. А1 белесого цвета оказался срезанным вплоть до гор. В1 коричнево-бурого цвета (Б) (курган 45, Перегрузное-2010)

грузное позволил реконструировать не только технологию («монолитно-блочная») и сезон (конец апреля — начало мая) сооружения насыпи, но и выявить важную и, вероятно, новую особенность в погребальном обряде среднесарматских племен Нижнего Поволжья. На древней поверхности к востоку от основного погребения нами обнаружена площадка овальной или подпрямоугольной формы, примыкающая к краю могильной ямы и ориентированная по длинной оси запад — восток. Ее размер примерно 10×8 м, мощность в центральной части около 20 см, к периферии постепенно уменьшается до 5—10 см. Как показал полевой модельный эксперимент, слагающий площадку материал представляет собой гомогенную смесь серовато-желтого цвета гор. А1 и С палеосолонцов и сильно солонцеватых каштановых палеопочв. Использование именно этих «строительных» материалов, на наш взгляд, можно объяснить следующими причинами. Во-первых, суглинистый гор. С являлся компонентом, «цементирующим» рыхлый и пылеватый материал гор. А1, обедненный илистой фракцией (почвенные частицы размером менее 0,001 мм). Во-вторых, подобное сочетание почвенных горизонтов могло иметь и ритуальное назначение, символизируя соединение мира живущих людей (корнеобитаемый «живой» слой гор. А1) и мира умерших («мертвый» слой глубже залегающей почвообразующей породы гор. С). Лабораторными химическими анализами установлено, что материал ритуальной площадки характеризуется сравнительно высоким содержанием гумуса, суглинистым составом, низким содержанием карбонатов, отсутствием гипса, незначительным содержанием легкорастворимых солей. Для определения соотношения материала гор. А1 и С, использованного при сооружении площадки, нами была приготовлена и проанализирована модельная смесь с соотношением упомянутых почвенных горизонтов 50%+50%. Химический состав этих субстратов оказался довольно близким. Вместе с тем более высокое содержание гумуса, несколько меньшее содержание карбонатов, ила, глины и легкорастворимых солей свидетельствуют, что доля гор. А1 в материале ритуальной площадки была немного выше, но не превышала 60%. Этот вывод подтверждается и несложным математическим расчетом. Но прежде остановимся на источниках почвенно-грунтового материала, использовавшегося для строительства площадки. Как показали палеопочвенные исследования курганных бровок, в пределах двух ареалов палеосолонцов и сильносолонцеватых каштановых палеопочв, расположенных к северо-западу и северо-востоку от могильной ямы, гор. А1 белесого цвета оказался срезанным вплоть до гор. В1 коричнево-бурого цвета. Другим источником оказался гор. С желтого цвета, извлеченный из могильной ямы, причем в полном объеме, так как в качестве выкида гор. С не зафиксирован ни в одной из курганных бровок. Обнаруженный же выкид к югу от могильной ямы представляет собой довольно равномерную смесь гор. А1, В и ВС древней почвы. Объем грунта, слагающего площадку, составляет примерно 12 м^3 из расчета ее размера 10×8 м и средней мощности 0,15 м. Мощность гор. С, вскрытого в могильной яме размером 2,8×1,9 м, около 1 м. Следовательно, его объем составил 5 м^3. В таком случае на долю гор. А1 пришлось 7 м^3, или 60% общего объема материала площадки. При средней мощности гор. А1 10 см площадь срезанной древней поверхности оказалось равной 70 м^2. На наш взгляд, данная площадка в погребальном обряде имела своего рода ритуальное назначение, на которой могла происходить церемония прощания с умершим, после чего по прошествии определенного времени было совершено его захоронение.

Реконструкция пищи в сосудах из курганных захоронений. В 80-е гг. прошлого столетия при раскопках курганов в Волгоградской области нами впервые был применен фосфатный метод (определение содержания подвижных соединений фосфора P_2O_5 в грунте) для реконструкции исходного содержимого погребальных глиняных сосудов, которые в настоящее время, как правило, заполнены грунтовым материалом. Этнографические источники дали основания предположить, что в них помещалась пища (растительная, мясная, молочная) или вода, предназначенные умершему «в дорогу», либо предкам. Перечисленные продукты имеют различное содержание фосфора, которое наиболее высоко в семенах конопли и мака. В зерне пшеницы, ячменя, овса и т. п. оно в 1,5—2 раза больше, чем в говядине и свинине и в 4—5 раз больше, чем в молоке. В грунтах и воде соединений фосфора обычно содержится на порядок меньше. Рассмотренные различия в составе исходных пищевых продуктов дают возможность провести дифференциацию грунта из придонной части различных сосудов по концентрации фосфатов, существующей в настоящее время. Если в них находилась органическая пища, то придонный грунт характеризуется более высоким содержанием фосфора по сравнению с фоновым грунтом из верхней части сосудов. В случаях же одинаковой или близкой его концентрации в этих слоях содержимое реконструируется как вода. Полученный фактический материал позволил нам ранее предложить количественные градации содержания подвижных соединений фосфора для разделения пищи на органическую и минеральную, соответственно, «каша» и «вода». В дальнейшем шкала реконструкции была усовершенствована и детализирована. Находки сосудов с костями животных позволили с большой долей вероятности разделить понятие «каша» на собственно растительный продукт (кашу) и мясной бульон. При тщательном исследовании серии позднесарматских кувшинов на их внутренних стенках были обнаружены пленки желтобелого цвета. Биохимическим анализом в них установлено значительное количество казеина (молочный белок), что дает основания считать исходное содержимое этих сосудов молочным продуктом. При раскопках курганов в Волго-Донском междуречье нами исследованы несколько позднесарматских кувшинов, в которых содержание фосфора превысило 15 мг/100 г грунта. Поэтому можно высказать предположение о наличии в них наркотического настоя на семенах мака или конопли, которые характеризуются весьма высокой концентрацией фосфора. В определенной мере подтверждением этой гипотезы служит находка в одном из раннесарматских горшков в Южном Приуралье. В нем были обнаружены обугленные семена (коробочки) дурмана молочно-восковой спелости, которые, как известно, обладают слабо наркотическим действием.

В итоге на сегодняшний день шкала реконструкции заупокойной пищи из глиняных сосудов по концентрации фосфатов ($\Delta P_2O_5 = P_2O_5$дно — P_2O_5фон, в мг/100 г грунта) имеет следующий вид: менее 2 (преимущественно 0—0,5) — вода в горшках или кувшинах; 2—8 (преимущественно 4—7) — молочный продукт в кувшинах, мясной бульон в горшках; 8—15 (преимущественно 10—12) — каша в горшках; 15—25 (преимущественно около 20) — наркотическое вещество в кувшинах.

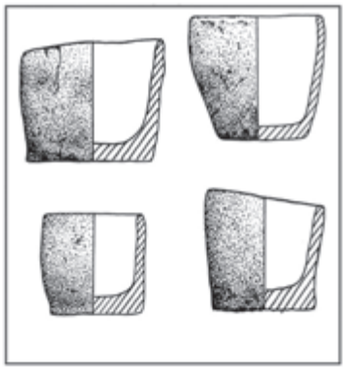
К настоящему времени нами изучено около 300 глиняных сосудов из курганных захоронений эпох бронзы и раннего железа на территории Предкавказья, Волго-Донского междуречья, Самарского и Волгоградского Заволжья, Северного и Западного Прикаспия, Предуралья, Зауралья.



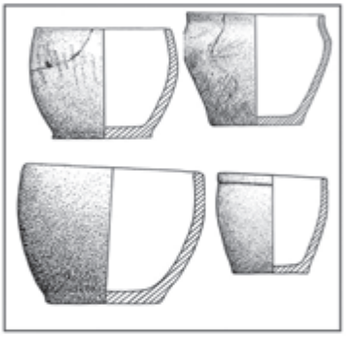
Стратиграфия кургана 45 (Перегрузное-2010): насыпь, сложенная блоками-монолитами гор. А1 и В1 палеосолонца; ритуальная площадка, представляющая собой гомогенную смесь гор. А1 палеосолонца и почвообразующей породы (гор. С); подкурганный палеосолонец

То же крупным планом

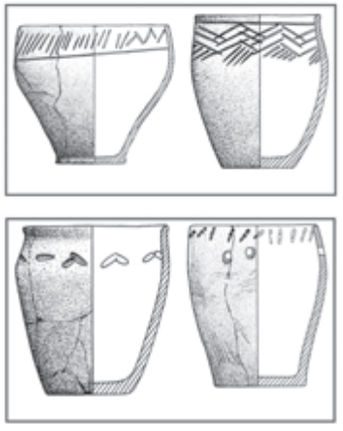
В пределах двух ареалов подкурганных палеосолонцов (А) гор. А1 белесого цвета оказался срезанным вплоть до гор. В1 коричневато-бурого цвета (Б) (курган 45, Перегрузное-2010)



Горшки
с растительным продуктом



Горшки с водой



Горшки с мясными
или молочными продуктами

Горшки из курганных захоронений (Неткачево) срубной культуры позднебронзового века (XVI—XV вв. до н. э.). Прослеживается связь между типологией сосудов (форма, качество изготовления, наличие орнамента) и составом заупокойной пищи

Анализ полученных данных показал ряд весьма интересных закономерностей. Обращает на себя внимание факт, что содержание фосфора в соответствующих реконструированных продуктах примерно одинаково, независимо от географического местоположения исследованных объектов (полупустыня Заволжья, сухие степи Поволжья, степи Предкавказья и Зауралья и др.). Как правило, около половины из общего числа сосудов катакомбного, срубного и раннесарматского времени было с водой. В позднесарматских же захоронениях резко возрастает доля молочного продукта, а встречаемость воды снижается. Для раннесарматской культуры установлена закономерность между содержимым сосудов и их местоположением в погребении. В подавляющем большинстве случаев в сосудах, расположенных у головы умершего, была вода, тогда как в ногах — каша либо бульон. Позднесарматские погребения зачастую характеризовались наличием у головы горшка и кувшина с бульоном и молочным продуктом соответственно. В срубных и раннесарматских захоронениях Нижнего Поволжья по сравнению с Южным Уралом встречаемость растительной пищи заметно выше. Это, вероятно, может свидетельствовать о некоторой специфике в хозяйствовании и внешних экономических контактах населения этих регионов.

Наземная идентификация археологических памятников. Почвенно-агрохимические методы дают возможность проводить поиск и определять размеры древних поселений, функционировавших по крайней мере первые десятки лет. В отличие от археофитоиндикации (по составу растительного покрова), для которой присущи такие же задачи, основным параметром в данном случае являются соединения фосфора. В результате жизнедеятельности в местах обитания древнего человека формируются культурные слои, обогащенные этим элементом вследствие поступления на поверхность значительной массы органического вещества, особенно в периферийной части поселений, хозяйственных ямах, жилищах. Аномальное содержание фосфора в таких местах превышает фоновое обычно на один-два порядка. Данный метод, в частности, апробирован нами при изучении поселения бронзового века Ерзовка I в Волгоградской области и показал довольно высокую надежность.

СТАВИТЬ ТОЧКУ ПОКА РАНО...

К сожалению, рамки настоящей работы вынуждают нас ограничить повествование об иссследовании древних подкурганных почв, которые раскрывают тайны о прошедших природных и исторических событиях. Хотя их память, несомненно, сохранила еще множество интересной информации, большая часть которой пока еще остается тайной. Однако вселяет оптимизм то, что исследователи наконец нашли ключи к природно-историческому архиву степных пирамид. Осталось лишь с нитью Ариадны в руках пройти по лабиринтам и тайникам этого архива, сосредоточив внимание на следующих аспектах: 1) совершенствование имеющейся методической базы полевого и лабораторного изучения памятников археологии как памятников природы; 2) пространственно-временная детализация и уточнение современных представлений об истории почвообразования, картографическое обобщение состояния почвенного покрова в различные археологические эпохи; 3) исследование микробного биоразнообразия палеопочв; 4) оценка этноархеологической роли почв и степени влияния человека на почвенный покров в древности и средневековье; 5) более широкое использование естественно-научных методов и подходов, направленных на решение историко-социологических вопросов, касающихся ритуально-мифологической практики, хозяйственной занятости, миграций древнего населения; 6) обратить особое внимание на проблемы естественно-научных исследований грунтовых исторических памятников нового времени (XVII—XIX вв.) Волгоградской области, в частности, вала Царицынской сторожевой линии. Поэтому завершение рассказа о древних почвах степных пирамид, об их историческом прошлом еще впереди, а значит — продолжение следует...

XII. КАТАЛОГ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК ИЗ ФОНДОВ ВОЛГОГРАДСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

III. КАМЕННЫЙ ВЕК

ПАЛЕОЛИТ

1. ОРУДИЯ СО СТОЯНКИ СУХАЯ МЕЧЕТКА

Средний палеолит

Кремень, кварцит. Длина 5—12,5 см

ВОКМ, инв. № 5993

Найдены в р-не пос. Спартановка Волгограда

Раскопки С. Н. Замятнина, 1952 г.

Рубило, остроконечники, скребла, обработанные крупной ретушью.

Литература: Кузнецова Л. В. Стоянка Сухая Мечетка // Археология Нижнего Поволжья. Каменный век. Волгоград, 2006. С. 21

2. ОРУДИЯ СО СТОЯНКИ ЗАИКИНО ПЕПЕЛИЩЕ (3 экземпляра)

Средний палеолит

Кремень, кварцит. Длина 5,7; 6,8; 8,3 см

ВОКМ, инв. № 8176/136,137 н.в.

Найдены у хут. Челюскинец Дубовского р-на

Раскопки Л. В. Кузнецовой, 1990 г.

Два остроконечника и скребло с выпуклым лезвием с двусторонней обработкой.

Литература: Кузнецова Л. В. Местонахождение Челюскинец II и Заикино Пепелище // Археология Нижнего Поволжья. Каменный век. Волгоград, 2006. С. 25. Рис. 19, 11; 21, *2, 3*

3. ОРУДИЯ СО СТОЯНКИ ЗАИКИНО ПЕПЕЛИЩЕ (3 экземпляра)

Средний палеолит

Кремень. Длина 4,0; 4,6; 4,7 см

ВОКМ, инв. № 8176/6 н.в.

Найдены у хут. Челюскинец Дубовского р-на

Раскопки Л. В. Кузнецовой, 1990 г.

Кремневые орудия с двусторонней обработкой крупной ретушью.

Литература: Кузнецова Л. В. Местонахождение Челюскинец II и Заикино Пепелище // Археология Нижнего Поволжья. Каменный век. Волгоград, 2006. С. 25. Рис. 20, *4, 7;* 21, *1*

НЕОЛИТ

4. ФРАГМЕНТЫ СОСУДОВ

Поздний неолит

Глина, лепка. Длина 8—10 см

ВОКМ, инв. № 12238

Найдены у с. Орловка Городищенского р-на

Раскопки В. И. Мамонтова, 1968 г.

Фрагменты венчиков глиняных сосудов, украшенные короткими насечками по краю венчика и орнаментом, выполненным штампом «отступающая лопаточка».

Литература: Поздненеолитическая стоянка Орловка // СА. 1974. № 4. С. 254—258. Рис. 1, *7, 10*

5. ФРАГМЕНТ СОСУДА

Поздний неолит

Глина, лепка. Длина 8,5 см

ВОКМ, инв. № 13373

Найден у хут. Козлиновский Новоаннинского р-на

Раскопки В. И. Еремена,1976 г.

Фрагмент части тулова глиняного сосуда, украшенного рядами отступающих треугольных наколов.

Литература: Наумов И. Н. Поселения позднего неолита-энеолита на р. Бузулук // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1992. Вып. 2. С. 73, Рис. 3, *16*

6. ПРЯСЛИЦА (2 экземпляра)

Поздний неолит

Кость, глина. Диаметр 3,5 см

ВОКМ, инв. № 14224, 14225

Найдены у хут. Козлиновский Новоаннинского р-на

Раскопки В. И. Еремина, 1976 г.

Два цилиндрических пряслица из обожженной глины и трубчатой кости.

Литература: Наумов И. Н. Поселения позднего неолита-энеолита на р. Бузулук // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1992. Вып. 2. С. 75, 78. Рис. 4, *17, 18*

7. НАКОНЕЧНИК ДРОТИКА

Поздний неолит

Кварцит. Длина 7,8 см

ВОКМ, инв. № 14736

Найден у хут. Козлиновский Новоаннинского р-на

Раскопки В. И. Еремена, 1976 г.

Наконечник дротика имеет правильную овально вытянутую форму с заостренной передней частью и треугольный черенок.

Литература: Наумов И. Н. Поселения позднего неолита-энеолита на р. Бузулук // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1992. Вып. 2. С. 73, 78. Рис. 4, *10.*

8. НАКОНЕЧНИК ДРОТИКА

Поздний неолит

Кварцит. Длина 15 см

ВОКМ, инв. № 13373/17

Найден у ст-цы Староаннинская Новоаннинского р-на

Раскопки В. И. Еремена, 1976 г.

Наконечник дротика лавролистной формы, с заостренным основанием, обработанный крупной пологой ретушью.

Литература: Еремин В. И. Неолитические поселения северо-западных районов Волгоградской области // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев,1989. С. 79. Рис. 6, *1*

9. ФРАГМЕНТЫ ГЛИНЯНЫХ СОСУДОВ. (2 экземпляра)

Поздний неолит-энеолит

Глина, лепка. Размер 12×4 см

ВОКМ, инв. № 13373/82

Найдены у ст-цы Староаннинская Новоаннинского р-на

Раскопки В. И. Еремена,1976 г.

Фрагменты лепных сосудов, украшенных ямочно-гребенчатым орнаментом.

Литература: Еремин В. И. Неолитические поселения северо-западных районов Волгоградской области // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев, 1989. С. 71—89.

10. ТЕСЛОВИДНОЕ ОРУДИЕ

Поздний неолит

Кремень. Длина 6,2 см

ВОКМ, инв. № 5656

Случайная находка у хут. Захоперский Нехаевского р-на

Тесловидное орудие в виде топорика трапециевидной формы с выделенным рабочим краем и зауженным верхом, с хорошо отполированной поверхностью.

11. ТЕСЛОВИДНОЕ ОРУДИЕ

Поздний неолит

Камень. Длина 9,7 см

ВОКМ, инв. № 1431

Случайная находка до 1940 г.

Тесловидное орудие каплевидной формы с выделенным рабочим краем и заостренным верхним концом, с хорошо отполированной поверхностью.

12. НАКОНЕЧНИКИ ДРОТИКОВ (3 экземпляра)

Поздний неолит

Кварцит, кремень. Длина 4,0; 4,8; 6,5 см

ВОКМ, инв. № 13400/12, инв. № 13401/25,27

Сборы В. И. Мамонтова в 1965—1966 гг. на Пятиморской стоянке у пос. Пятиморский Калачевского р-на

Наконечник дротика из серого кварцита асимметричной листовидной формы. Один край имеет ряд грубых сколов к острию, по другому проходит слегка изогнутый выступ, от которого к ребру идут грубые сколы.

Наконечник дротика треугольной формы с ретушью по боковым сторонам и прямым основанием.

Наконечник дротика треугольной формы из тонкой пластины темного кремня с закругленным основанием.

Литература: Мамонтов В. И. Материалы Пятиморской стоянки // СА. 1970. № 2. С. 137,138. Рис. 1, *19, 42*

13. СКРЕБКИ (3 экземпляра)

Поздний неолит

Кремень. Длина 2,9 см

ВОКМ, инв. № 13400/33

Сборы В. И. Мамонтова в 1965 г. на Пятиморской стоянке у пос. Пятиморский Калачевского р-на

Скребки округлой формы с грубыми сколами по сторонам.

Литература: Мамонтов В. И. Материалы Пятиморской стоянки // СА. 1970. № 2. С. 136. Рис. 1, *48*

14. НОЖЕВИДНЫЕ ПЛАСТИНКИ (4 экземпляра)

Поздний неолит

Кремень. Длина 5—8 см

ВОКМ, инв. № 13405/7

Сборы В. И. Мамонтова в 1967 г. на Пятиморской стоянке у пос. Пятиморский Калачевского р-на

Ножевидные пластины с ретушью, трапециевидные в сечении.

Литература: Мамонтов В. И. Подъемный материал с Пятиморской стоянки // КСИА. М. 1969. Вып. 115. С. 103. Рис. 40, *7*

15. НУКЛЕУСЫ (2 экземпляра)

Поздний неолит

Кварцит. Длина 4,8; 5,6 см

ВОКМ, инв. № 13401/1, инв. № 13403/3

Сборы В. И. Мамонтова в 1966 г., 1969 г. на Пятиморской стоянке у пос. Пятиморский Калачевского р-на

Один нуклеус конусовидной формы, второй — вытянутой формы с хорошо выделенными негативами сколов узких пластинок.

Литература: Мамонтов В. И. Материалы Пятиморской стоянки // СА. 1970. № 2. С. 137, 138.

16. КРЕМНЕВЫЕ ОРУДИЯ (3 экземпляра)

Поздний неолит

Кремень. Длина 5,4; 4,2; 5,2 см

ВОКМ, инв. № 13400/5, инв. № 3401/30, инв. № 13406/4

Сборы В. И. Мамонтова в 1965—1966 гг. на Пятиморской и Приморской стоянках у пос. Пятиморский и Приморский Калачевского р-на

Скребки на отщепах с тонкой ретушью на конце и боковых сторонах.

Литература: Мамонтов В. И. Материалы Пятиморской стоянки // СА. 1970. № 2. С. 137, 138. Рис. 1

Мамонтов В. И. Материалы Приморской стоянки // ИКЗ. Волгоград, 1974. Вып. 2. С. 95. Рис. 1, *1*

17. НАКОНЕЧНИК ДРОТИКА

Поздний неолит

Кремень. Длина 6,5 см

ВОКМ, инв. № 13400/15

Сборы В. И. Мамонтова в 1965 г. на Пятиморской стоянке у пос. Пятиморский Калачевского р-на

Наконечник дротика листовидной формы из серого кремня. Основание слегка вогнуто.

Литература: Мамонтов В. И. Подъемный материал с Пятиморской стоянки // КСИА. М., 1969. Вып. 115. С. 104. Рис. 41, *4*

18. ГАРПУНЫ (2 экземпляра)

Поздний неолит

Кость, резьба. Длина 16,5; 25,3 см

ВОКМ, инв. № 1445, 1446

Случайные находки до 1940 г.

Один костяной гарпун с двумя острыми зубцами, а другой — с пятью.

IV. ЭПОХА ЭНЕОЛИТА И БРОНЗОВОГО ВЕКА

ЭПОХА ЭНЕОЛИТА, РАННЕЙ И СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ ВОЛГО-ДОНСКОГО РЕГИОНА

19. ТОПОР

Энеолит

Медь, литье, ковка. Длина 13 см

ВОКМ, инв. № 12240.

Случайная находка у с. Рокотино Калачевского р-на

Топор клиновидной формы, с цилиндрической проушиной в обушковой части.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 108

20. НОЖЕВИДНАЯ ПЛАСТИНА

Энеолит

Кремень, ретушь. Длина 24,6 см

ВОКМ, инв. № 31518/33

Найдена у с. Перегрузное Октябрьского р-на

Группа I, курган 10, погребение 7, раскопки В. М. Клепикова, 2000 г.

Пластина из серого кремня. Один конец пластины закруглен, другой заострен. Боковые грани подработаны тонкой ретушью, выгнутая спинка заглажена. Поверхность затерта охрой.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 89

21. НАКОНЕЧНИК СТРЕЛЫ

Энеолит

Кремень, резьба, ретушь. Длина 6,3 см

ВОКМ, инв. № 31518/20

Найден у с. Перегрузное Октябрьского р-на

Группа I, курган 10, погребение 7, раскопки В. М. Клепикова, 2000 г.

Наконечник стрелы листовидной формы с прямым основанием, выполнен из сероватого кремня.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 89, № 106

22. НОЖЕВИДНАЯ ПЛАСТИНА

Энеолит

Кремень, ретушь. Длина 22 см

ВОКМ, инв. № 27400/87

Найдена у хут. Шляховский Фроловского р-на

Группа II, курган 3, погребение 4, раскопки В. М. Клепикова, 1989 г.

Ножевидная пластина с зауженной черешковой частью и острым колющим концом, выполнена из треугольной в сечении пластины, с острыми боковыми гранями, обработанными мелкой ретушью.

Литература: Клепиков В. М. Погребение позднеэнеолитического времени у х. Шляховской в Нижнем Поволжье // РА. 1994. № 3. С. 97—102

23. ЖЕЗЛ

Энеолит

Диорит, полировка. Длина 16,4 см

ВОКМ, инв. № 27400/90

Найден у хут. Шляховский Фроловского р-на

Группа II, курган 3, погребение 3, раскопки В. М. Клепикова, 1989 г.

Жезл из диорита с хорошо отполированной поверхностью. Верхняя часть жезла шире, чем обушковая, и орнаментирована двумя валиками, проходящими параллельно краю. Валики пересекаются таким же валиком, опоясывающим предмет в наиболее высокой и широкой его части. Обушок увенчан цапфой. Обушная часть не заполирована, так как жезл этой частью крепился к какой-то рукояти. Стерты и боковые поверхности цапфы, полировка на которой сохранилась лишь сверху.

Литература: Клепиков В. М. Погребение позднеэнеолитического времени у х. Шляховской в Нижнем Поволжье // РА. 1994. № 3. С. 97—102

24. ТЕСЛОВИДНОЕ ОРУДИЕ

Энеолит

Кремень, ретушь. Длина 13,9 см

ВОКМ, инв. № 27400/89

Найдено у хут. Шляховский Фроловского р-на

Группа II, курган 3, погребение 3, раскопки В. М. Клепикова, 1989 г.

Тесло вытянутой треугольной формы, линзовидное в сечении. Боковые грани оформлены отжимной ретушью, рабочий край тщательно отшлифован с обеих сторон.

Литература: Клепиков В. М. Погребение позднеэнеолитического времени у х. Шляховской в Нижнем Поволжье // РА. 1994. № 3. С. 97—102

25. ТЕСЛОВИДНОЕ ОРУДИЕ

Энеолит

Аргиллит, ретушь. Длина 10,2 см

ВОКМ, инв. № 27400/94

Найдено у хут. Шляховский Фроловского р-на

Группа II, курган 3, погребение 3, раскопки В. М. Клепикова, 1989 г.

Тесло треугольной формы, округлые боковые грани оформлены отжимной ретушью, рабочий край тщательно отшлифован с обеих сторон.

Литература: Клепиков В. М. Погребение позднеэнеолитического времени у х. Шляховской в Нижнем Поволжье // РА. 1994. № 3. С. 97—102

26. ТЕСЛОВИДНОЕ ОРУДИЕ

Энеолит

Кремень, ретушь. Длина 13,9 см

ВОКМ, инв. № 27400/88

Найдено у хут. Шляховский Фроловского р-на

Группа II, курган 3, погребение 4, раскопки В. М. Клепикова, 1989 г.

Тесло вытянутой треугольной формы. Боковые грани оформлены отжимной ретушью, рабочий край заострен и тщательно отшлифован с обеих сторон.

Литература: Клепиков В. М. Погребение позднеэнеолитического времени у х. Шляховской в Нижнем Поволжье // РА. 1994. № 3. С. 97—102

27. НАВЕРШИЕ БУЛАВЫ

Энеолит

Порфирит, сверление, шлифовка. Длина 9,6 см, ширина 5,3 см

ВОКМ, инв. № 31455

Случайная находка у с. Аксай Октябрьского р-на

Навершие булавы зооморфное, шлифованное. Передняя часть фигурки представляет собой стилизованную морду животного. Глаза и ноздри обозначены ямочками. Противоположная молоточковидная часть схематично передает корпус животного рельефным обрамлением.

Литература: Цуцкин Е. В. Каменное зооморфное навершие, найденное у с. Аксай Волгоградской области // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста, 1981. С. 67—69

28. АМУЛЕТ

Энеолит

Кость, резьба. Длина 18,2 см, ширина 2 см

ВОКМ, инв. № 27504/40

Найден у с. Зубовка Ленинского р-на

Курган 9, погребение 3, раскопки В. И. Мамонтова, 1990 г.

Костяной амулет в виде тонкой пластинки, изготовленный из кости животного. Поверхность хорошо заполирована. Верхняя округлая часть пластины имеет небольшое сужение. Здесь просверлено округлое сквозное отверстие. Нижняя часть пластины сужается и заканчивается закругленным остриём. На поверхности имеется резной орнамент: от сквозного отверстия до 1/3 длины предмета идут три резные полосы. От округлых углублений — две прямые параллельные линии, оформленные с боков уголками, прочерченные острием.

Литература: Мамонтов В. И. Курганный могильник Зубовка // ДВДС. Волгоград, 1992. Вып. 2. С. 35

29. СОСУД

Энеолит

Глина, лепка. Высота 20,5 см

ВОКМ, инв. № 31677/2

Найден у пос. Приморский Котельниковского р-на

Группа I, курган 1, насыпь, раскопки Н. Б. Скворцова, 2001 г.

Сосуд красноглиняный, биконической формы с прямым плоским дном, небольшой горловиной, отогнутым наружу венчиком и двумя ручками-петельками.

Литература: Киященко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей: По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 90

30. СОСУД

Энеолит.

Глина, лепка. Высота 15,4 см

ВОКМ, инв. № 31677/1

Найден у пос. Приморский Котельниковского р-на

Группа II, курган 1, насыпь, раскопки Н. Б. Скворцова, 2001 г.

Сосуд красноглиняный, баночной формы с прямым плоским дном и отогнутым наружу венчиком. Поверхность украшена орнаментом в виде линий, выполненных зубчатым штампом, повторяющихся трижды, разделенных круговыми резными линиями.

Литература: Киященко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей: По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 89

31. ТОПОР

Энеолит-ранняя бронза

Камень, шлифовка, сверление. Длина 7,6 см

ВОКМ, инв. № 5789/20

Найден у пос. Степана Разина Ленинского р-на

Курган 1, погребение 19, раскопки Н. Я. Мерперта, 1957 г.

Топор клювовидной формы со слегка коническим отверстием в районе «клюва».

Литература: Мерперт Н. Я. Раскопки в Нижнем Поволжье // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. М., 1967. С. 91—96. Рис. 7, *2*

32. ПОДВЕСКИ (2 экземпляра)

Позднеямная к-ра

Серебро, литье. Диаметр 1,5 см

ВОКМ, инв. № 23980/5

Найдены у с. Бахтияровка Ленинского р-на

Группа II, курган 32, погребение 8, раскопки В. А. Кригера, 1984 г.

Подвески спиралевидной формы в полтора оборота.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей: По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 61

33. ТОПОРИК (*молоток*)

Позднеямная к-ра

Змеевик, шлифовка, сверление. Длина 10,6 см

ВОКМ, инв. № 5812/1

Найден у с. Быково Быковского р-на

Курган 26, погребение 9, раскопки Н. Я. Мерперта, 1957 г.

Полированный двусторонний топор из черного змеевика со сверленой проушиной.

Литература: Мерперт Н. Я. Раскопки в Нижнем Поволжье // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. М., 1967. С. 90. Рис. 4, 5

34. НОЖ

Позднеямная к-ра

Бронза. Длина 9,2 см

ВОКМ, инв. № 23980/4

Найден у с. Бахтияровка Ленинского р-на

Группа II, курган 32, погребение 8, раскопки В. А. Кригера, 1984 г.

Нож черешковый с обоюдоострым подтреугольным лезвием линзовидного сечения.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей: По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 61

35. НОЖ

Позднеямная к-ра

Кварцит, ретушь. Длина 10,2 см

ВОКМ, инв. № 17810/3

Найден у пос. Новый Рогачик Городищенского р-на

Курган 7, погребение 7, раскопки В. И. Мамонтова, 1979 г.

Нож листовидной формы, края доработаны легкой ретушью.

Литература: Мамонтов В. И. Материалы курганного могильника Новый Рогачик // НАВ. Волгоград, 1998. Вып. 1. С. 87—103. Рис. 4—5

36. НАКОНЕЧНИК СТРЕЛЫ

Позднеямная к-ра

Кремень, ретушь. Длина 4,8 см

ВОКМ, инв. № 25840/ 3

Найден у с. Барановка Камышинского р-на

Группа I, курган 16, погребение 1, раскопки И. В. Сергацкова, 1985 г.

Наконечник стрелы треугольной формы с прямым основанием. Боковые грани выпуклые, края обработаны мелкой ретушью.

Литература: Сергацков И. В. Погребения эпохи бронзы могильника Барановка I в Нижнем Поволжье // Материалы по эпохе бронзы и раннего железного века в Южном Приуралье и Нижнем Поволжье. Уфа, 1989. С. 7—9

37. БУЛАВКА МОЛОТОЧКОВИДНАЯ

Эпоха средней бронзы

Кость, резьба, полировка. Длина 16 см

ВОКМ, инв. № 21100/44

Найдена у г. Волжского

Курган 2, погребение 19, раскопки Е. П. Мыськова, 1983 г.

Молоточковидная булавка имеет сигаровидный стержень и большие дисковидные, выпуклые на концах боковые выступы, между которыми просверлено сквозное отверстие диаметром 0,4 см. Поверхности булавки хорошо отполированы.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 68

38. БУЛАВКА МОЛОТОЧКОВИДНАЯ

Полтавкинская к-ра

Бронза, литье. Длина 18,2 см

ВОКМ, инв. № 33749/1

Найдена у хут. Веселый Котельниковского р-на

Группа III, курган 7, погребение 10, раскопки А. В. Кияшко, 1986 г.

Молоточковидная булавка в виде стержня, украшенного волнистым линиями, с выпуклыми дисковидными боковыми выступами, между которыми имеется сквозное отверстие.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 32

39. СОСУД

Раннекатакомбная к-ра

Глина, лепка. Высота 10,6 см

ВОКМ, инв. № 23320/43

Найден у пос. Первомайский Калачевского р-на

Группа I, курган 13, погребение 9, раскопки В. И. Мамонтова, 1985 г.

Сосуд круглодонный, с загнутым вовнутрь венчиком, от которого идут круговые линии «веревочки». Вся поверхность сосуда покрыта плотными параллельными рядами оттиска мелкозубчатого штампа.

Литература: Демиденко С. В., Демиденко Ю. В., Мамонтов В. И. Курганный могильник Первомайский I // НАВ. Волгоград, 2006. Вып. 8. С. 201—202. Рис. 3, *15*

40. СОСУД

Раннекатакомбная к-ра

Глина, лепка. Высота 12,2 см

ВОКМ, инв. № 6076/1

Найден у с. Цаца Светлоярского р-на

Курган 3, погребение 1, раскопки В. П. Шилова, 1962 г.

Сосуд круглодонный с выделенным краем, украшенным густыми косыми насечками. Ниже идет круговой ряд мелких жемчужин, оттиснутых с внутренней стороны сосуда. С одного бока шесть косых бороздок, нанесенных крупнозубчатым штампом. На противоположном боку четыре оттиска ногтя, расположенные в один ряд. Поверхность светло-коричневая, черепок в изломе черный с примесью толченой ракушки.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 99

41. СОСУД

Среднедонская к-ра

Глина, лепка. Высота 20,8 см

ВОКМ, инв. № 32649/17

Найден у хут. Попов Чернышковского р-на

Группа I, курган 7, погребение 5, раскопки Н. Б. Скворцова, 2005 г.

Сосуд с высоким горлом и выпуклыми боками орнаментирован оттисками крупнозубчатого штампа.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 35, *3*

42. СОСУД

Раннедонецкая к-ра

Глина, лепка. Высота 14 см

ВОКМ, инв. № 27502/41

Найден у с. Орешкин Михайловского р-на

Курган 24, погребение 1, раскопки А. Н. Дьяченко, 1989 г.

Сосуд сероглиняный, плоскодонный, с выпуклыми боками, широким устьем и отогнутым венчиком, украшенный круговыми рядами мелкозубчатого штампа. Шейка орнаментирована горизонтальными поясами, а тулово-концентрическими окружностями оттиска перевитого шнура.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам

археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 87

43. СОСУД

Катакомбная к-ра

Глина, лепка. Высота 13,4 см, диаметр венчика 15,4 см

ВОКМ, инв. № 28004/13

Найден у с. Ивановка Октябрьского р-на

Группа II, курган 1, погребение 10, раскопки В. И. Мамонтова,1991 г.

Сосуд с прямым венчиком, переходящим в небольшой уступ на плечике, по которому проходит круговой рельефный зигзаг валика. Вся поверхность сосуда украшена оттиском крупнозубчатого штампа.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 36

44. СОСУД

Волго-донская к-ра

Глина, лепка. Высота 14 см

ВОКМ, инв. № 24100/6

Найден у пос. Первомайский Калачевского р-на

Группа I, курган 14, погребение 3, раскопки В. И. Мамонтова, 1986 г.

Сосуд с высокой горловиной, переходящей в округлое плечико. По ребру проходят параллельные ряды наклонных нажимов, нанесенных крупнозубчатым штампом, образуя «елочку».

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 92

45. СОСУД

Катакомбная к-ра

Глина, лепка. Высота 10,5 см

ВОКМ, инв. № 10237

Найден у с. Ильевка Калачевского р-на

Курган 1, погребение 5, раскопки В. И. Мамонтова, 1970 г.

Сосуд имеет округлое тулово и небольшой прямой венчик. По тулову и основанию венчика проходят параллельные линии, выполненные «тесьмой». Нижняя часть тулова до донышка покрыта вертикальными проходами крупнозубчатого штампа.

46. СОСУД

Донецкая к-ра

Глина, лепка. Высота 16,1 см

ВОКМ, инв. № 25840/43

Найден у с. Барановка Камышинского р-на

Группа I, курган 20, погребение 1, раскопки И. В. Сергацкова, 1985 г.

Сосуд плоскодонный с расширяющимся кверху туловом, покатыми плечиками, прямым горлом и слегка отогнутым наружу венчиком. Горло и плечики покрыты пятью двойными горизонтальными круговыми линиями, имитирующими «веревочку». Тулово покрыто тремя рядами оттисков «шагающей гребенки».

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 56

47. КУРИЛЬНИЦА

Катакомбная к-ра

Глина, лепка. Высота 11,5 см, диаметр венчика 17 см

ВОКМ, инв. № 10209

Найдена у с. Сидоры Михайловского р-на

Курган 29, погребение 2, раскопки В. П. Шилова, 1972 г.

Курильница в виде чаши с дополнительным отделением на крестовидной ножке, украшена по венчику и тулову оттиском зубчатого штампа.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 34

48. КУРИЛЬНИЦА

Манычская к-ра

Глина, лепка. Высота 12,5 см, диаметр венчика 17 см

ВОКМ, инв. № 12426

Найдена у с. Березовское Новоаннинского р-на

Курган 10, погребение 1, раскопки В. И. Мамонтова, 1968 г.

Курильница по форме напоминает конусовидную чашу, оканчивающуюся четырьмя длинными ножками, к основанию слегка расширяющимися и переходящими в четырехлистник. Внутри имеется отделение округлой формы для угольков. Все тулово орнаментировано рядами углублений в виде треугольников, прочерченных уголком палочки, идущих от венчика к ножкам. Эти ряды составляют своеобразные углы, разделенные линиями двойной тесьмы. Сами ножки не украшены орнаментом, на них видны следы коричневого подтека, возможно, краски.

Литература: Кияшко А. В., Мамонтов В. И. Погребение катакомбной культуры Березовского курганного могильника // СА. 1982. № 4. С. 218. Рис. 2, *3*

49. КУРИЛЬНИЦА

Донецкая к-ра

Глина, лепка. Высота 7 см, диаметр венчика 14,5 см

ВОКМ, инв. № 27502/6

Найден у с. Орешкин Михайловского р-на

Курган 4, погребение 1, раскопки А. Н. Дьяченко, 1989 г.

Курильница в виде чаши на круглом поддоне с внутренней выемкой в дне. Широкий уплощенный бортик и тулово с поддоном орнаментированы круговыми рядами оттиска «веревочки».

Литература: Дьяченко А. Н. Памятники катакомбной культуры на Медведице // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Волгоград, 1997. Вып. 2. С. 17—18

50. ПОДВЕСКА

Полтавкинская к-ра

Бронза. Диаметр 1,7 см

ВОКМ, инв. № 31505/72

Найдена у с. Аксай Октябрьского р-на

Курган 8, погребение 16, раскопки А. Н. Дьяченко, 1997 г.

Дисковидная подвеска с петелькой изготовлена из скрученной бронзовой проволоки.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 54

51. ПОДВЕСКА

Волго-донская к-ра

Бронза. Диаметр дисков 2,3 см и 2,1 см

ВОКМ, инв. № 22365/53а

Найдена у пос. Первомайский Калачевского р-на

Группа VII, курган 15, погребение 10, раскопки В. И. Мамонтова, 1984 г.

Подвеска состоит из двух небольших округлых дисков, изготовленных из скрученной бронзовой проволоки сечением 0,5 мм

Литература: Мамонтов В. И. Древнее население левобережья Дона. (По материалам курганного могильника Первомайский VII). Волгоград, 2000. С. 21. Рис. 3, *11*

52. НИЗКА БУС

Полтавкинская к-ра

Янтарь, стекло, гагат. Диаметр 0,3—1,6 см

ВОКМ, инв. № 31505/74

Найдена у с. Аксай Октябрьского р-на

Курган 8, погребение 16, раскопки А. Н. Дьяченко, 1997 г.

Низка состоит из полусферических бусин твердого отполированного коричневато-серого минерала, бесформенных кусочков янтаря со сквозными отверстиями, калачевидных бусин из белой стеклянной пасты, цилиндрических и округлых па-

стовых бусин белого и зеленоватого оттенков, крупной дисковидной гешировой бусины.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 55

53. ПОДВЕСКА

Волго-донская к-ра

Бронза, литье. Длина 2,9 см

ВОКМ, инв. № 16110/3

Найдена у с. Ильевка Калачевского р-на

Грунтовое погребение 2, раскопки В. И. Мамонтова, 1978 г.

Подвеска в виде прямоугольной пластины с широким кольцом. На одной стороне подвеска украшена двумя круглыми спиралевидными выступами, на другой — параллельными полосами, опускающимися от кольца вниз. По краю пластинки идет рельефный валик.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 75

54. ПОДВЕСКА

Раннедонская к-ра

Бронза, литье. Длина 8,4 см

ВОКМ, инв. № 27502/53

Найдена у с. Орешкин Михайловского р-на

Курган 24, погребение 1, раскопки А. Н. Дьяченко, 1989 г.

Подвеска массивная, выполненная из двух скрученных проволочек, с утолщением на конце и отверстием для подвешивания.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 87

55. СОСУД

Донецкая к-ра

Глина, лепка. Высота 17,8 см, диаметр венчика 16,5 см

ВОКМ, инв. № 27502/29

Найден у с. Орешкин Михайловского р-на

Курган 13, погребение 1, раскопки А. Н. Дьяченко, 1989 г.

Сосуд плоскодонный с выделенным плечиком в верхней части тулова, невысокой шейкой, слегка оттянутым венчиком. Поверхность сосуда светло-коричневого цвета. Внутренние стенки закопчены. Край венчика рассечен вдавлениями крупнозубчатого штампа. По шейке проходят 3 круговых ряда оттисков веревочки. Выше плечика тулово орнаментировано волнистой полосой веревочного штампа, овальными оттисками крупнозубчатого штампа («личинки») и вертикальными вдавлениями веревочки. По перегибу проходит круговой ряд косых оттисков крупнозубчатого штампа, ниже которого тулово орнаментировано горизонтальной «елочкой» гребенчатого штампа. Оттиски штампов заполнены красной краской (охрой). Тулово раскрашено от плечика до дна длинными пересекающимися полосами красной краски. Тесто в изломе черное, плотное, обжиг неровный.

Литература: Дьяченко А. Н. Памятники катакомбной культуры на Медведице // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Волгоград, 1997. Вып. 2. С. 17—18. Рис. 10, *2*

56. НОЖ

Ямная к-ра

Бронза, литье. Длина 11,6 см

ВОКМ, инв. № 27502/10

Найден у с. Орешкин Михайловского р-на

Курган 5, погребение 1, раскопки А. Н. Дьяченко, 1989 г.

Нож обоюдоострый с лавровидным лезвием и прямоугольным в сечении черешком.

Литература: Дьяченко А. Н. Памятники катакомбной культуры на Медведице // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Волгоград, 1997. Вып. 2. С. 4—58.

57. НАВЕРШИЕ БУЛАВЫ

Волго-донская к-ра

Порфирит, полировка, сверление. Размер 6,5×5,8 см

ВОКМ, инв. № 5817/1

Найдено у г. Ленинска Ленинского р-на

Курган 3, погребение 4, раскопки В. П. Шилова, 1956 г.

Грушевидная булава со сверленым отверстием.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 76

58. НАВЕРШИЕ БУЛАВЫ

Среднедонская к-ра

Мрамор, полировка, сверление. Диаметр 5,7 см

ВОКМ, инв. № 27845/17

Найдено у пос. Желтухин Иловлинского р-на

Курган 6, погребение 4, раскопки И. В. Сергацкова, 1990 г.

Навершие булавы грушевидной формы со сверленым отверстием.

Литература: Сергацков И. В. Памятники эпохи средней бронзы на Иловле // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Вып. 3. Волгоград, 1999. С. 13. Рис. 7, *2*

59. НАВЕРШИЕ БУЛАВЫ

Эпоха средней бронзы

Камень, полировка, сверление. Диаметр 3,2 см

ВОКМ, инв. № 27502/25

Найдено у хут. Орешкин Михайловского р-на

Группа I, курган 12, погребение 6, раскопки А. Н. Дьяченко,1989 г.

Каменная шаровидная булава с выступающей втулкой, из темно-коричневого мягкого минерала. Внешняя поверхность заполирована.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 27

60. НОЖ

Донецкая к-ра

Бронза, литье. Длина 13,5 см

ВОКМ, инв. № 25840/12

Найден у с. Барановка Камышинского р-на

Группа I, курган 20, погребение 1, раскопки И. В. Сергацкова, 1985 г.

Нож с плоским черешком и раскованным, сужающимся к концу лезвием.

Литература: Сергацков И. В. Погребения эпохи бронзы могильника Барановка I в Нижнем Поволжье // Материалы по эпохе бронзы и раннего железного века в Южном Приуралье и Нижнем Поволжье. Уфа, 1989. С. 7—9

61. КРЮК

Донецкая к-ра

Бронза, литье. Длина 27 см

ВОКМ, инв. № 25840/15

Найден у с. Барановка Камышинского р-на

Группа I, курган 20, погребение 1, раскопки И. В. Сергацкова, 1985 г.

Крюк изогнутый, с заостренными концами, квадратный в сечении.

Литература: Сергацков И. В. Погребения эпохи бронзы могильника Барановка I в Нижнем Поволжье // Материалы по эпохе бронзы и раннего железного века в Южном Приуралье и Нижнем Поволжье. Уфа, 1989. С. 7—9

62. ОТЖИМНИК

Донецкая к-ра

Рог, резьба. Длина 9,2 см

ВОКМ, инв. № 25840/14

Найден у с. Барановка Камышинского р-на

Группа I, курган 20, погребение 1, раскопки И. В. Сергацкова, 1985 г.

Отжимник выточен из рога, цилиндрической формы, сужающегося к одному концу.

Литература: Сергацков И. В. Погребения эпохи бронзы могильника Барановка I в Нижнем Поволжье // Материалы по эпохе бронзы и раннего железного века в Южном Приуралье и Нижнем Поволжье. Уфа, 1989. С. 7—9

63. НАВЕРШИЕ БУЛАВЫ

Донецкая к-ра

Змеевик, шлифовка, сверление. Диаметр 7,1 см

ВОКМ, инв. № 25840/23

Найдено у с. Барановка Камышинского р-на

Группа I, курган 20, погребение 1, раскопки И. В. Сергацкова, 1985 г.

Навершие булавы грушевидной формы со сверленым, слегка коническим отверстием.

Литература: Сергацков И. В. Погребения эпохи бронзы могильника Барановка I в Нижнем Поволжье // Материалы по эпохе бронзы и раннего железного века в Южном Приуралье и Нижнем Поволжье. Уфа, 1989. С. 7—9

64. НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ (3 экземпляра)

Донецкая к-ра

Кремень, ретушь. Длина 2,7—4,2 см

ВОКМ, инв. № 25840/24—26

Найдены у с. Барановка Камышинского р-на

Группа I, курган 20, погребение 1, раскопки И. В. Сергацкова, 1985 г.

Наконечники стрел треугольной формы с выемкой у основания, края тщательно обработаны мелкой ретушью.

Литература: Сергацков И. В. Погребения эпохи бронзы могильника Барановка I в Нижнем Поволжье // Материалы по эпохе бронзы и раннего железного века в Южном Приуралье и Нижнем Поволжье. Уфа, 1989. С. 7—9

65. НОЖ

Эпоха средней бронзы

Бронза, литье. Длина 13,4 см

ВОКМ, инв. № 5799/1

Найден у пос. Степана Разина Ленинского р-на

Курган 4, погребение 6, раскопки Н. Я. Мерперта, 1957 г.

Нож бронзовый с черешком и лезвием листовидной формы.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 96

66. ДОЛОТО

Волго-донская к-ра

Бронза, литье. Длина 9,4 см

ВОКМ, инв. № 5799/3

Найдено у пос. Степана Разина Ленинского р-на

Курган 4, погребение 6, раскопки Н. Я. Мерперта, 1957 г.

Долото с кованой разомкнутой втулкой.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 97

67. ТЕСЛО

Эпоха средней бронзы

Бронза, литье. Длина 10,5 см

ВОКМ, инв. № 5799/2

Найдено у пос. Степана Разина Ленинского р-на

Курган 4, погребение 6, раскопки Н. Я. Мерперта, 1957 г.

Тесло бронзовое клиновидной формы.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей». По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 97

68. ШИЛО

Эпоха средней бронзы

Бронза, литье. Длина 9,3 см

ВОКМ, инв. № 5799/4

Найдено у пос. Степана Разина Ленинского р-на

Курган 4, погребение 6, раскопки Н. Я. Мерперта, 1957 г.

Шило бронзовое прямоугольное в сечении.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 96

69. НАВЕРШИЕ БУЛАВЫ

Эпоха средней бронзы

Змеевик, шлифовка, сверление. Высота 4 см, ширина 3,5 см

ВОКМ, инв. № 5799/6

Найдено у пос. Степана Разина Ленинского р-на

Курган 4, погребение 6, раскопки Н. Я. Мерперта, 1957 г.

Булава из черного с темно-зелеными прожилками змеевика. Форма крестовидная с округлыми отростками, в центре — просверленная проушина.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 97

70. ЖЕЗЛ

Волго-донская к-ра

Кость, резьба, полировка. Длина 53 см

ВОКМ, инв. № 22365/22

Найден у пос. Первомайский Калачевского р-на

Группа I, курган 4, погребение 4, раскопки В. И. Мамонтова, 1984 г.

Жезл представляет собой изогнутый, круглый в сечении стержень, узкий у основания и расширяющийся к верхней части. Стержень оканчивается расширением в виде шара, напоминающим булаву.

Литература: Мамонтов В. И. Погребения катакомбной культуры Первомайского могильника // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 г. Саратов, 1997. Вып. 2. С. 73—74

71. СОСУД

Катакомбная к-ра

Глина, лепка. Высота 22,5 см

ВОКМ, инв. № 33333/5

Найден у ж.-д. ст. Гремячая Котельниковского р-на

Гремячий II, курган 1, погребение 16, раскопки С. В. Демиденко, 2007 г.

Сосуд реповидной формы с отогнутым коротким венчиком и плоским дном.

72. СОСУД

Катакомбная к-ра

Глина, лепка. Высота 20 см

ВОКМ, инв. № 33333/14

Найден у ж.-д. ст. Гремячая Котельниковского р-на

Гремячий II, курган 1, погребение 11, раскопки С. В. Демиденко, 2007 г.

Сосуд имеет конусовидную форму тулова, высокую горловину с двумя вертикальными ручками-петельками.

73. СОСУД

Донецкая к-ра

Глина, лепка. Высота 12,5 см

ВОКМ, инв. № 25203/5

Найден у пос. Чир Суровикинского р-на

Группа II, курган 2, погребение 4, раскопки Е. П. Мыськова, 1987 г.

Сосуд плоскодонный, с выпуклыми боками и прямым венчиком. На плечиках сосуда имеются четыре симметрично расположенных выступа со сквозными отверстиями. Вся поверхность и дно сосуда покрыты прочерченным орнаментом в виде горизонтальных полос, треугольников, вписанных друг в друга овалов, концентрических окружностей.

Литература: Кияшко А. В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград, 2002. С. 147. Рис. 97, *8*

74. СОСУД

Эпоха средней бронзы

Глина, лепка. Высота 16,3 см

ВОКМ, инв. № 27000/11

Найден у с. Барановка Камышинского р-на

Группа I, курган 10, погребение 7, раскопки И. В. Сергацкова, 1988 г.

Сосуд орнаментированный с биконическим туловом и раструбообразным горлом.

Литература: Сергацков И. В. Погребения эпохи бронзы могильника Барановка I в Нижнем Поволжье // Материалы по эпохе бронзы и раннего железного века в Южном Приуралье и Нижнем Поволжье. Уфа, 1989. С. 5—17

75. СОСУД

Эпоха средней бронзы

Глина, лепка. Высота 18 см

ВОКМ, инв. № 33131/9

Найден у хут. Веселый Котельниковского р-на

Группа VI, курган 2, погребение 10, раскопки Л. В. Гуренко, 2008 г.

Сосуд с округлым туловом, высоким горлом и отогнутым наружу венчиком. Вся поверхность сосуда покрыта богатым орнаментом, выполненным в технике прочерчивания, вдавлений и наколов.

76. ЖЕРТВЕННИК

Катакомбная к-ра

Глина, лепка. Размеры 11х14х9 см

ВОКМ, инв. № 11930

Найден у с. Березовское Новоаннинского р-на

Курган 10, погребение 1, раскопки В. И. Мамонтова, 1968 г.

Жертвенник имеет овальное очертание, с венчиком, загнутым вовнутрь, и с широкой площадкой сверху. Венчик по узким сторонам оканчивается небольшими выступами. По длинным сторонам тулова проходят боковые валики треугольного сечения. Все тулово покрыто штампом в виде «личинок».

Литература: Кияшко А. В., Мамонтов В. И. Погребение катакомбной культуры Березовского курганного могильника // СА. 1982. № 4. С. 218. Рис. 2, *1*

77. ВОРОНКА

Среднедонская к-ра

Глина, лепка. Высота 19,5 см

ВОКМ, инв. № 27505/13

Найдена у пос. Первомайский Калачевского р-на

Группа VII, курган 36, погребение 11, раскопки В. И. Мамонтова, 1990 г.

Большая глиняная толстостенная воронка. Глина темная в изломе, поверхность светло-палевая. Орнамент выполнен мелкозубчатым штампом.

Литература: Мамонтов В. И. Древнее население левобережья Дона. По материалам к/м Первомайский-VII. Волгоград, 2000. С. 143. Рис. 5, *1*

78. МОДЕЛЬ КОЛЕСА (2 экземпляра)

Эпоха средней бронзы

Глина, лепка. Диаметр 9 см, 8,6 см

ВОКМ, инв. № 32450/2,3

Найдена у с. Писаревка Иловлинского р-на

Группа II, курган 10, погребение 2, раскопки В. И. Мамонтова, 2004 г.

Модель колеса состоит из утолщенной ступицы и непосредственно колеса.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 94. Рис. 124

79. ТОПОР

Эпоха средней бронзы

Змеевик, сверление, шлифовка. Длина 11,5 см

ВОКМ, инв. № 6362

Случайная находка в 1956 г. у совхоза «Россошанский» Дубовского р-на

Топор ладьевидной формы со сверленой проушиной.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 48. Рис. 4

80. ТОПОР

Среднедонская к-ра

Диорит, сверление, шлифовка. Длина 13,8 см

ВОКМ, инв. № 32099/23

Найден у с. Линево Жирновского р-на

Курган 7, погребение 5, раскопки И. В. Сергацкова, 2002 г.

Топор ладьевидной формы со сверленой проушиной, свисающим обушком и лезвием.

Литература: Сергацков И. В., Скрипкин А. С., Клепиков В. М., Дьяченко А. Н. Курганы у поселка Линево // Материалы по археологии Волго-Донских степей // Волгоград, 2006. Вып. 3. С. 43. Рис. 21, *9*

81. БУЛАВА, НОЖ, НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ (7 экземпляров)

Катакомбная к-ра

Змеевик, бронза, кремень. Булава: диаметр 6 см, высота 5,2 см. Нож: длина 19,2 см. Длина наконечников: 3,6; 3,2; 2,6; 2 см

ВОКМ, инв. № 33537/2-8

Найдены у пос. Кондраши Иловлинского р-на

Курган 9, погребение 3, раскопки В. И. Мамонтова, 2011 г.

Грушевидная полированная булава со сквозным отверстием.

Бронзовый нож с пламевидным окончанием клинка.

Наконечники стрел подтреугольной формы, с глубокой выемкой с нижней стороны.

82. БУСИНЫ И ПРОНИЗИ (23 экземпляра)

Древнеямная к-ра

Кость, резьба. Длина 3—5 см

ВОКМ, инв. № 5800

Найдены у пос. Степана Разина Ленинского р-на

Курган 1, погребение 17, раскопки Н. Я. Мерперта, 1957 г.

Трубчатые пронизи с косыми кольцевыми нарезками. Бусины боченковидной и кольцевидной формы.

Литература: Мерперт Н. Я. Раскопки в Нижнем Поволжье // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. М., 1967. С. 95. Рис. 4, *4*

83. ПРЯЖКА

Бабинская к-ра

Кость, резьба, полировка. Диаметр 3 см

ВОКМ, инв. № 27192/7

Найдена на орошаемом участке «Горный» у ст-цы Голубинской Калачевского р-на

Курган 2, погребение 4, раскопки В. И. Мамонтова, 1989 г.

Пряжка круглой формы, по краю выступающего отверстия и по краю пряжки тонким острием нанесены короткие риски.

Литература: Мамонтов В. И. Раскопки курганов на орошаемых участках «Горный» и «Дальний» // ДВДС. Волгоград, 1990. Вып. 1. С. 16. Рис. 2, *8*

84. ПРЯЖКА

Криволукская к-ра

Кость, полировка. Диаметр 2,5 см

ВОКМ, инв. № 32099/13

Найдена у с. Линево Жирновского р-на

Курган 6, погребение 6, раскопки И. В. Сергацкова, 2002 г.

Круглая пряжка усеченно-конической формы с отверстием в центре. Поверхность ее хорошо отполирована.

Литература: Кияшко А. В. Погребения пришлых культур развитой и финальной средней бронзы в курганах Волго-Донского междуречья // НАВ. Волгоград. 2003. Вып. 6. С. 30. Рис. 2, *5*

85. СОСУД

Эпоха средней бронзы

Глина, лепка. Высота 10,3 см

ВОКМ, инв. № 33131/7

Найден у хут. Веселый Котельниковского р-на.

Группа VI, курган 2, погребение 9, раскопки Л. В. Гуренко, 2008 г.

Сосуд с отогнутым наружу венчиком, переходящим в высокую горловину с небольшим уступом, на котором располагается плоская ручка. На плечике и под венчиком сосуд украшен круговым орнаментом в виде ряда овальных наколов.

86. ДВУСТВОРЧАТАЯ ЛИТЕЙНАЯ ФОРМА

Эпоха средней бронзы

Глина, лепка. Длина 15,7 см, ширина 9,2 см

ВОКМ, инв. № 10234/3

Случайная находка у с. Калиновка Суровикинского р-на

Форма двустворчатая для отливки вислообушных топоров с узким, слегка оттянутым назад обухом и широким клином. Каждая из половин ее представляет собой прямоугольный, несколько неправильных очертаний глиняный брусок с округлыми гранями. На стыке створок вырезано отверстие для заливки жидкого металла.

Литература: Цуцкин Е. В. К истории металлообработки срубных племен // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста, 1982. С. 94. Рис. 2, *1—6*

ПОЗДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК

87. НАКОВАЛЕНКА

Камень. Длина 10 см

ВОКМ, инв. № 10234/13

Случайная находка у с. Калиновка Суровикинского р-на

Наковаленка подтреугольной формы, трапециевидная в сечении.

Литература: Цуцкин Е. В. К истории металлообработки срубных племен // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста, 1982. С. 956. Рис. 3, *2*

88. ПЕСТ

Камень. Длина 11,3 см

ВОКМ, инв. № 10234/9

Случайная находка у с. Калиновка Суровикинского р-на

Пест грушевидной формы, округлый в сечении.

Литература: Цуцкин Е. В. К истории металлообработки срубных племен // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста, 1982. С. 96. Рис. 3, *1*

89. СОПЛО

Глина, лепка. Длина 7,3 см

ВОКМ, инв. № 10234/6

Случайная находка у с. Калиновка Суровикинского р-на

Сопло цилиндрической формы, расширенное с одной стороны, с коническим отверстием. По краю широкой части нанесен орнамент в виде насечек.

Литература: Цуцкин Е. В. К истории металлообработки срубных племен // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста, 1982. С. 95. Рис. 2, *14*

90. СОПЛО

Глина, лепка. Длина 9,1 см

ВОКМ, инв. № 10234/7

Случайная находка у с. Калиновка Суровикинского р-на

Сопло цилиндрическое, расширенное с одной стороны, с отверстием конической формы.

Литература: Цуцкин Е. В. К истории металлообработки срубных племен // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста, 1982. С. 95—96. Рис. 2, *15*

91. СОСУД

Срубная к-ра

Глина, лепка. Высота 12,8 см

ВОКМ, инв. № 10234/1

Случайная находка у с. Калиновка Суровикинского р-на

Сосуд орнаментированный остроребердный, с выделенным дном. Край венчика с небольшим наплывом наружу. Прочерченный орнамент образует две параллельные круговые линии, одна из которых проходит под наплывом венчика, другая по ребру, а пространство между ними заполнено треугольниками, обращенными вершинами вверх. Внутренняя площадь большинства треугольников заполнена пятью параллельными отрезками, прочерченными наклонно сверху вниз. Лишь в месте состыковки треугольных элементов один из них заполнен восьмью отрезками, а соседний по часовой стрелке — тремя.

Литература: Цуцкин Е. В. К истории металлообработки срубных племен // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста, 1982. С. 97. Рис. 4, *1*

92. НАВЕРШИЕ БУЛАВЫ

Покровская к-ра

Диорит, сверление, полировка. Высота 6,5 см

ВОКМ, инв. № 30008/4

Найдено у с. Баранниково Руднянского р-на

Курган 1, погребение 2, раскопки Е. П. Мыськова, 1994 г.

Булава крестовидная с высокой полой втулкой и небольшой валикообразной манжетой в основании, с четырьмя крестообразно расположенными выступами — шишечками в верхней части.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 38, 59

93. НОЖ

Покровская к-ра

Бронза, литье. Длина 21,5 см

ВОКМ, инв. № 30008/5

Найден у с. Баранниково Руднянского р-на

Курган 1, погребение 2, раскопки Е. П. Мыськова, 1994 г.

Нож с массивным обоюдоострым клинком ланцетовидной формы, сужающимся к основанию. По всей длине нож снабжен ребром жесткости.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей». По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 38, 60

94. ПСАЛИИ ТРЕХЛЕПЕСТКОВЫЕ (2 экземпляра)

Покровская к-ра

Кость, резьба. 10х8,9х7,5 см

ВОКМ, инв. № 30008/6

Найдены у с. Баранниково Руднянского р-на

Курган 1, погребение 2, раскопки Е. П. Мыськова, 1994 г.

Псалии изготовлены из кости крупного животного, лицевые поверхности хорошо отполированы. Один псалий имеет форму трехлепесткового цветка со сквозными отверстиями в центре и небольшим выступом на одной из сторон. Центральное отверстие обрамлено невысоким бортиком. Боковой выступ снабжен двумя сквозными отверстиями. В центре каждого «лепестка» есть сквозные отверстия со вставленными в них шипами. Второй псалий несколько меньших размеров. Его центральное отверстие без бортика, а боковой выступ отсутствует. Он заменен сквозным отверстием на одной из сторон. Оба псалия покрыты тонким резным орнаментом.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 38, 59

95. СОСУД С КРЫШКОЙ

Покровская к-ра

Глина, лепка. Высота сосуда 7,9 см; диаметр крышки 9 см

ВОКМ, инв. № 30008/ 1,2

Найден у с. Баранниково Руднянского р-на

Курган 1, погребение 2, раскопки Е. П. Мыськова, 1994 г.

Сосуд остроребердный с плоским дном, отогнутым наружу венчиком и ребром-уступом на внутренней стороне шейки. Под венчиком по сырой глине проделаны два сквозных симметричных отверстия. Поверхность сосуда орнаментирована зубчатым штампом. Крышка представляет собой слегка выпукло-вогнутый диск, украшенный орнаментом в виде решетки, нанесенным зубчатым штампом. По краю проделаны два противоположных отверстия.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 38, 59

96. НАВЕРШИЕ БУЛАВЫ

Покровская к-ра

Камень, сверление, полировка. Высота 3,5 см, диаметр 6 см

ВОКМ, инв. № 29007/11

Найдено у с. Верхний Балыклей Быковского р-на

Группа II, курган 6, погребение 6, раскопки А. С. Скрипкина, 1980 г.

Навершие булавы эллипсовидной формы с невысокой шейкой в основании и со сверленым отверстием.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 38, 65

97. НОЖ

Покровская к-ра

Бронза, литье. Длина 17,5 см

ВОКМ, инв. № 29007/12

Найден у с. Верхний Балыклей Быковского р-на

Группа II, курган 6, погребение 6, раскопки А. С. Скрипкина, 1980 г.

Нож листовидной формы, ромбический в сечении, с хорошо выраженными выступами, отделяющими клинок от ручки. Черенок рукояти с расширяющимся основанием.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 38, 65

98. ТОПОР

Покровская к-ра

Диорит, резьба, полировка. Длина 17 см

ВОКМ, инв. № 29007/13

Найден у с. Верхний Балыклей Быковского р-на

Группа II, курган 6, погребение 6, раскопки А. С. Скрипкина, 1980 г.

Топор ладьевидной формы, тыльная часть лезвия плавно переходит в слегка отогнутый назад грибовидный обух. На лобной стороне обуха топора прочерчена горизонтальная линия, боковые поверхности проуха украшают двенадцать параллельных валиков, по шесть с каждой стороны.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 38, 66

99. СОСУД С КРЫШКОЙ

Покровская к-ра

Глина, лепка. Высота сосуда 13 см, диаметр крышки 10,3 см

ВОКМ, инв. № 32263/3

Найден у с. Линево Жирновского р-на

Одиночный курган, погребение 2, раскопки Е. П. Мыськова, 2003 г.

Сосуд небольшой, профилированный, плоскодонный, с невысоким прямым венчиком и выпуклыми боками. Вся его наружная поверхность украшена геометрическим орнаментом. В верхней части венчика сохранилось одно из двух сквозных отверстий. Крышка представляет собой выпукло-вогнутый диск с двумя симметричными отверстиями. Наружная поверхность украшена орнаментом.

Литература: Мыськов Е. П., Кияшко А. В., Лапшин А. С. Исследование курганов в бассейне реки Медведицы // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2006. Вып. 3. С. 82. Рис. 2, 9

100. СОСУД

Покровская к-ра

Глина, лепка. Высота 17 см, диаметр венчика 22 см

ВОКМ, инв. № 32263/14

Найдена у с. Линево Жирновского р-на

Одиночный курган, погребение 3, раскопки Е. П. Мыськова, 2003 г.

Сосуд профилированный с уплощенным дном, выпуклыми боками и коротким отогнутым венчиком. Поверхность светло-коричневого цвета, покрыта разнонаправленными бороздками от сглаживания зубчатым штампом.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 80

101. НОЖ

Покровская к-ра

Бронза, ковка. Длина 15,8 см

ВОКМ, инв. № 32263/13

Найден у с. Линево Жирновского р-на

Одиночный курган, погребение 3, раскопки Е. П. Мыськова, 2003 г.

Нож с ромбическим основанием черешка, хорошо выраженным перекрестьем и относительно коротким лезвием.

Литература: Мыськов Е. П., Кияшко А. В., Лапшин А. С. Исследование курганов в бассейне реки Медведицы // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2006. Вып. 3. С. 83. Рис. 3, *2*

102. НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ (4 экземпляра)

Покровская к-ра

Кремень, ретушь. Длина 3,8—5,8 см

ВОКМ, инв. № 32263/9-12

Найдены у с. Линево Жирновского р-на

Одиночный курган, погребение 3, раскопки Е. П. Мыськова, 2003 г.

Наконечники стрел кремневые подтреугольной формы с усеченными основаниями, тщательно обработаны тонкой отжимной ретушью.

Литература: Мыськов Е. П., Кияшко А. В., Лапшин А. С. Исследование курганов в бассейне реки Медведицы. // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2006. Вып. 3. С. 83. Рис. 3, *7*

103. БРАСЛЕТЫ (2 экземпляра)

Покровская к-ра

Бронза, ковка. Диаметр 7,2 см

ВОКМ, инв. № 32099/14-15

Найдены у с. Линево Жирновского р-на

Курган 7, погребение 1, раскопки И. В. Сергацкова, 2002 г.

Браслеты массивные из овальных в сечении прутков с несомкнутыми, заходящими друг за друга концами.

Литература: Сергацков И. В., Скрипкин А. С., Клепиков В. М. Курганы у поселка Линево // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2006. Вып. 3. С. 41. Рис. 16, *4*

104. ПРЯЖКА

Покровская к-ра

Кость, резьба. Длина 4,7 см

ВОКМ, инв. № 32263/8

Найдена у с. Линево Жирновского р-на

Одиночный курган, погребение 3, раскопки Е. П. Мыськова, 2003 г.

Пряжка с плоским овальным щитком, заостренными концами и большим центральным отверстием. С наружной стороны центрального отверстия имеется невысокий выступ-бортик, вплотную к которому расположено небольшое боковое отверстие.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 80

105. ПРЯЖКА

Покровская культура

Кость, резьба, сверление, полировка.

Диаметр 2,5х3,2 см

ВОКМ, инв. № 24102/21

Найдена у с. Усть-Погожье Дубовского р-на

Курган 4, погребение 4, раскопки В. И. Мамонтова, 1986 г.

Пряжка с хорошо заполированной поверхностью в виде кольца с высокой плоскостью. На одной стороне имеется подквадратное ушко со сквозным отверстием.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 36, 98

106. ТОПОР

Покровская к-ра

Диорит, полировка. Длина 16 см

ВОКМ, инв. № 28009/17

Найден между пос. Клетско-Почтовский и хут. Отрожки Серафимовичского р-на

Курганная группа Культстан, курган 6, погребение 2, раскопки А. Н. Дьяченко, 1990 г.

Топор ладьевидной формы со скошенным округлым лезвием и сквозным отверстием. Имеет цилиндрический обух с выделенным круговым ребром в средней части. Поверхность хорошо отполирована.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 76

107. ТОПОР

Покровская к-ра

Диорит, полировка. Длина 14 см

ВОКМ, инв. № 32770/4

Найден у пос. им. М. Горького Волгограда

Курган 1, погребение 3, раскопки В. И. Мамонтова, 2006 г.

Топор ладьевидной формы с полусферическим обухом, широким лезвием и конусовидным отверстием в средней части. Боковые поверхности топора украшены рельефно выточенными горизонтальными линиями.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 39

108. ТОПОР

Покровская к-ра

Диорит, полировка. Длина 16 см

ВОКМ, инв. № 1459

Случайная находка у хут. Хлебный Иловлинского р-на до 1940 г.

Топор ладьевидной формы со сверленой проушиной. Имеет слегка отогнутый назад грибовидный обух, плавно переходящий в тыльную часть лезвия. Боковые поверхности топора украшены двумя параллельными валиками.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 113

109. ТОПОР

Покровская культура

Бронза, литье. Длина 14 см

ВОКМ, инв. № 27000/17

Найден у с. Барановка Камышинского р-на

Курган 11, погребение 2, раскопки И. В. Сергацкова, 1988 г.

Топор вислообушный с прямым, линзовидным в сечении клином и расширяющимся, свисающим вниз лезвием. Втулка и часть клина украшены чеканным точечным орнаментом.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 58

110. ПОДВЕСКИ (2 экземпляра)

Покровская к-ра

Бронза, золото, литье. Высота 1,7 см, 18 см

ВОКМ, инв. № 32782/2, 3

Найдены у хут. Красные Липки Фроловского р-на

Пруд Образцов, курган 1, погребение 1, раскопки С. В. Демиденко, 2006 г.

Подвески желобчатые овальной формы с заходящими друг за друга концами, украшены поперечными поясками прочерченных линий.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 43, *1*

111. БУСЫ

Покровская к-ра

Стекло, паста. Диаметр 0,3—0,6 см

ВОКМ, инв. № 27400/23

Найдены у пос. Шляховский Фроловского р-на

Группа I, курган 3, погребение 10, раскопки В. М. Клепикова, 1989 г.

Низка состоит из биконических и цилиндрических бусин.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 42,104.

112. БУСЫ

Срубная к-ра

Стекло, сердолик. Диаметр 0,2—1,0 см

ВОКМ, инв. № 19000/8

Найдены в Красноармейском р-не Волгограда

Химкомбинат, группа Б, курган 3, погребение 2, раскопки В. И. Мамонтова, 1981 г.

Бусы состоят из биконического и цилиндрического бисера и двух овальных сердоликовых бусин с прожилками белого цвета.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 42, 3

113. ПОДВЕСКИ (2 экземпляра)

Покровская к-ра

Бронза, литье. Высота 2,5 см

ВОКМ, инв. № 32318/11-12

Найдены у с. Неткачево Котовского р-на

Курган 13, погребение 4, раскопки А. Н. Дьяченко, 2003 г.

Подвески желобчатые овальной формы с заходящими друг за друга концами, украшены поперечными поясками прочерченных линий.

Литература: Дьяченко А. Н., Кривошеев М. В., Шинкарь О. А. Раскопки курганного могильника Неткачево в Котовском районе Волгоградской области // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2006. Вып. 3. С. 111. Рис. 21, *3*

114. НОЖ

Покровская к-ра

Бронза, литье. Длина 18,2 см

ВОКМ, инв. № 32318/7

Найден у с. Неткачево Котовского р-на

Курган 6, погребение 2, раскопки А. Н. Дьяченко, 2003 г.

Нож с выделенным упором и заостренным коническим черешком.

Литература: Дьяченко А. Н., Кривошеев М. В., Шинкарь О. А. Раскопки курганного могильника Неткачево в Котовском районе Волгоградской области // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград. 2006. Вып. 3. С. 108. Рис. 12, *2*

115. НОЖ

Покровская к-ра

Бронза, литье. Длина 16,5 см

ВОКМ, инв. № 32318/3

Найден у с. Неткачево Котовского р-на

Курган 1, погребение 2, раскопки А. Н. Дьяченко, 2003 г.

Нож с выделенным упором и раскованным черешком в виде лопаточки.

Литература: Дьяченко А. Н., Кривошеев М. В., Шинкарь О. А. Раскопки курганного могильника Неткачево в Котовском районе Волгоградской области // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград. 2006. Вып. 3. С. 106. Рис. 4, *3*

116. НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ (3 экземпляра)

Покровская к-ра

Кремень, ретушь. Длина 4,5—5 см

ВОКМ, инв. № 32318/4-6

Найдены у с. Неткачево Котовского р-на

Курган 6, погребение 2, раскопки А. Н. Дьяченко, 2003 г.

Два наконечника подтреугольной формы, третий наконечник — лавролистной формы с небольшим черешком у основания.

Литература: Дъяченко А. Н., Кривошеев М. В., Шинкарь О. А. Раскопки курганного могильника Неткачево в Котовском районе Волгоградской области // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2006. Вып. 3. С. 108. Рис. 12, *3*

117. ТОПОР

Срубная к-ра

Диорит, сверление, полировка. Высота 5,8 см, длина 8,5 см

ВОКМ, инв. № 21100/31

Найден у г. Волжского Волгоградской области

Курган 1, погребение 24, раскопки Е. П. Мыськова, 1983 г.

Топор клиновидной формы с усеченно-коническим обухом и сверленым коническим отверстием.

Литература: Мыськов Е. П. К проблеме периодизации памятников срубной культуры Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья. СА. 1991. № 4. С. 152. Рис. 3, *23*

118. ТОПОР

Срубная к-ра

Камень, сверление, полировка. Высота 4 см, длина 9 см

ВОКМ, инв. № 32780/34

Найден у хут. Красные Липки Фроловского р-на

Курган 7, погребение 9, раскопки С. В. Демиденко, 2006 г.

Каменный топор ладьевидной формы со сквозным отверстием в центре. Имеет округлый плоский обух. Поперек тулова проходят слабовыраженные нервюры. Хорошо зашлифован.

119. СОСУД

Срубная к-ра

Глина, лепка. Высота 13 см

ВОКМ, инв. № 26800/39

Найден у с. Ерзовка Городищенского р-на

Группа III, курган 4, погребение 2, раскопки И. П. Лисицына, А. С. Скрипкина,1972 г.

Сосуд с выпуклыми боками и слегка отогнутым венчиком. В верхней части сосуд украшен прочерченным орнаментом из двух горизонтальных линий, двойных углов с «бахромой» и ряда косых насечек по краю венчика. Поверхность сосуда светло-коричневая, ровно сглажена.

Литература: Мыськов Е. П., Лапшин А. С. Памятники эпохи поздней бронзы: Сухая Мечетка IV и Ерзовские курганные могильники. Волгоград, 2007. С. 33. Рис. 46

120. СОСУД

Срубная к-ра

Глина, лепка. Высота 12,5 см

ВОКМ, инв. № 26800/15

Найден у с. Ерзовка Городищенского р-на

Группа III, курган 3, погребение 3, раскопки И. П. Лисицына, А. С. Скрипкина, 1972 г.

Сосуд с выпуклыми боками и слегка отогнутым венчиком. В верхней части сосуд украшен орнаментом из двух горизонтальных линий, двойных углов с «бахромой». Поверхность сосуда светло-коричневая, ровно сглажена.

Литература: Мыськов Е. П., Лапшин А. С. Памятники эпохи поздней бронзы: Сухая Мечетка IV и Ерзовские курганные могильники. Волгоград, 2007. С. 33. Рис. 46

121. БУЛАВА

Срубная к-ра

Змеевик, сверление, полировка. Диаметр 5,8 см, высота 4,7 см

ВОКМ, инв. № 26800/38

Найдена у с. Ерзовка Городищенского р-на

Группа III, курган 1, погребение 3, раскопки И. П. Лисицына, А. С. Скрипкина, 1972 г.

Булава шаровидной формы с проушиной, изготовлена из светло-зеленого змеевика.

Литература: Мыськов Е. П., Лапшин А. С. Памятники эпохи поздней бронзы: Сухая Мечетка IV и Ерзовские курганные могильники. Волгоград, 2007. С. 33. Рис. 46

122. БУСЫ

Срубная к-ра

Нефрит, гагат, фаянс, паста. Диаметр 0,3—1,2 см

ВОКМ, инв. № 26800/35

Найдены у с. Ерзовка Городищенского р-на

Группа V, курган 2, погребение 3, раскопки И. П. Лисицына, А. С. Скрипкина, 1972 г.

Бусы состоят из мелких кольцевидных бусин, одной веретенообразной из египетского фаянса, цилиндрических гешировых и нефритовых бусин.

Литература: Мыськов Е. П., Лапшин А. С. Памятники эпохи поздней бронзы: Сухая Мечетка IV и Ерзовские курганные могильники. Волгоград, 2007. С. 35. Рис. 50

123. БУСЫ

Срубная к-ра

Стекло. Диаметр 0,3—1,0 см

ВОКМ, инв. № 26400/10

Найдены у хут. Ченин Палласовского р-на

Курган 5, погребение 3, раскопки А. В. Лукашева, 1980 г.

Бусы состоят из бусин дисковидной и цилиндрической формы.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 42, *1*

124. СОСУД

Федоровско-черкаскульское время

Глина, лепка. Высота 16 см

ВОКМ, инв. № 28125/4

Найден у с. Антонов Новониколаевского р-на

Группа II, курган 1, погребение 3, раскопки В. И. Мамонтова, 1992 г.

Сосуд имеет отогнутый наружу венчик и закругленное ребро. Ниже края венчика и ребра проходят две параллельные линии, выполненные мелкозубчатым штампом. Между ними нанесены слегка наклонные параллельные линии, а ниже ребра-углы вершинами вверх.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 47

125. СОСУД

Федоровско-черкаскульское время

Глина, лепка. Высота 15,8 см

ВОКМ, инв. № 26104/8

Найден у с. Петропавловка Дубовского р-на

Курган 4, насыпь 1, раскопки В. И. Мамонтова, 1988 г.

Сосуд на высоком кольцевом поддоне, украшен сложной орнаментальной композицией, выполненной мелкозубчатым штампом. Светло-коричневая поверхность сосуда обработана очень аккуратно и покрыта бороздками от сглаживания мелкозубчатым штампом.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 47

126. СОСУД

Федоровско-черкаскульское время

Глина, лепка. Высота 20 см

ВОКМ, инв. № 32262/13

Найден у хут. Недоступов Жирновского р-на

Курган 4, погребение 2, раскопки Е. П. Мыськова, 2003 г.

Сосуд на высоком кольцевом поддоне, украшен сложной орнаментальной композицией, выполненной мелкозубчатым штампом. Светло-коричневая поверхность сосуда обработана очень аккуратно и покрыта бороздками от сглаживания мелкозубчатым штампом.

Литература: Мыськов Е. П., Кияшко А. В., Лапшин А. С. Исследование курганов в бассейне реки Медведицы // Матери-

алы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2006. Вып. 3. С. 90. Рис. 11, 3

127. СОСУД

Срубная к-ра

Глина, лепка. Высота 17,5 см

ВОКМ, инв. № 5874

Найден у с. Верхнепогромное Среднеахтубинского р-на

Курган 18, погребение 4, раскопки В. П. Шилова, 1957 г.

Сосуд остроребериый с отогнутым наружу венчиком, по плечику украшен орнаментом в виде углов, выполненных округлыми вдавлениями ограниченными бороздками. Внутри углы заполнены округлыми вдавлениями в виде ромба.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 46

128. СОСУД

Срубная к-ра

Глина, лепка. Высота 14 см

ВОКМ, инв. № 16109

Найден у с. Ильевка Калачевского р-на

Грунтовое погребение 1, раскопки В. И. Мамонтова, 1978 г.

Сосуд со слабо выраженным ребром и слегка отогнутым венчиком. Ниже края венчика и по ребру проходят круговые бороздки, выполненные «веревочкой». Между ними заштрихованные треугольники, выполненные тем же штампом. Ниже ребра нанесены углы вершинами вниз.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 47

129. СОСУД

Срубная к-ра

Глина, лепка. Высота 16,5 см

ВОКМ, инв. № 25202/3

Найден у пос. Чир Суровикинского р-на

Группа I, курган 1, погребение 1, раскопки Е. П. Мыськова, 1987 г.

Сосуд остроребериый с отогнутым наружу венчиком, украшен прочерченным орнаментом в виде двух горизонтальных линий и заключенных между ними заштрихованных треугольников. Пространство между треугольниками заполнено рядами округлых вдавлений.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 46, *2*

130. СЕРП

Поздняя бронза

Бронза, литье, ковка. Длина 24,4 см

ВОКМ, инв. № 31680

Случайная находка у пос. Приморск Быковского р-на

Серп представляет собой массивную изогнутую пластину с откованным, загнутым в противоположную от лезвия сторону крюком. У серпа горбатая спинка и слабо изогнутое лезвие. Пятка фигурная, ступенькообразная. На рабочей кромке лезвия видны остатки зубчиков.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 112

131. СЕРП

Поздняя бронза

Бронза, литье, ковка. Длина 17,6 см

ВОКМ, инв. № 1498

Случайная находка до 1940 г.

Серп слабоизогнутый, спинка дуговидная, симметричная, конец приострен. Рукояточная часть отделена от лезвийной уступом и завершается крюком загнутым книзу. Сечение клиновидное. Откован, заточен, сильно изношен.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 112

132. ЛИТЕЙНАЯ ФОРМА

Поздняя бронза

Сланец, полировка. Длина 14,3 см

ВОКМ, инв. № 1503

Довоенная случайная находка, 1938 г.

Форма в виде бруска прямоугольной формы, на которой исполнены негативы изображений кельта, долота и тесла.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 111

133. КЕЛЬТ

Поздняя бронза

Бронза, литье. Длина 7,8 см

ВОКМ, инв. № 9806 н.в.

Случайная находка у г. Николаевска Николаевского р-на

Кельт с одним ушком, прямым туловом и раскованным лезвием. У края овальной в сечении втулки проходят три параллельных рельефных валика.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 113

134. ДОЛОТО

Поздняя бронза

Бронза, литье. Длина 8,7 см

ВОКМ, инв. № 4688/95 н.в.

Случайная находка в Кировском районе Волгограда

Долото желобчатое с раскованной разомкнутой втулкой и слегка расширенным лезвием.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 113

135. НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ

Поздняя бронза

Бронза, литье. Длина 14,2 см

ВОКМ, инв. № 1510

Случайная находка до 1940 г.

Наконечник копья втульчатый с пером иволистной формы.

Литература: Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007. С. 112

V. РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

ПРЕДСАВРОМАТСКИЙ ПЕРИОД

136. СОСУД

VIII—VII вв. до н. э.

Глина. Высота 29,8 см, диаметр горла 10,5 см

ВОКМ, инв. № 27500/49

Найден у с. Красная Деревня Палласовского р-на

Курган 7, погребение 5, раскопки А. В. Лукашева,1981 г.

Сосуд с шаровидной формой тулова, уплощенным дном и невысоким цилиндрическим горлом, с отогнутым наружу венчиком.

Литература: Лукашов А. В. Новый памятник VIII—VII вв. до н. э. в Заволжье // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 157—161. Рис. 1

137. СОСУД

VIII—VII вв. до н. э.

Глина. Высота 24,4 см

ВОКМ, инв. № 33000/10

Найден у с. Писаревка Иловлинского р-на

Курган 14, погребение 8, раскопки В. И. Мамонтова, 2008 г.

Сосуд с отогнутым венчиком. У основания горловины проходят две параллельные линии небольших наколов острием. Между ними проведены наклонно параллельные линии. На горловине и участке тулова между орнаментальной зоной и дном заметны горизонтальные полосы сглаживания и лощения.

138. СОСУД

VIII—VII вв. до н. э.

Глина. Высота 26,8 см

ВОКМ, инв. № 33780/37

Найден у с. Красные Липки Фроловского р-на

Курган 7, погребение 20, раскопки С. В. Демиденко, 2006 г.

Сосуд с выпуклым боками и асимметричным туловом. Венчик отогнут наружу. В центральной части тулова с одной стороны расположены шесть парных отверстий.

Литература: Вальчак С. Б., Демиденко С. В, Демиденко Ю. С. Погребения раннего железного века могильника Красные Липки // Историко-археологический альманах. Армавир—Краснодар—Москва, 2010. Вып. 9. С. 13. Рис. 8, *4*

139. ПСАЛИИ (2 экземпляра)

VIII—VII вв. до н. э.

Бронза, литье. Длина 14 см

ВОКМ, инв. № 27500/12

Найдены у с. Красная Деревня Палласовского р-на

Курган 7, погребение 5, раскопки А. В. Лукашова, 1981 г.

Псалии трехдырчатые, дуговидные. Отверстия овальной формы, равноудаленные друг от друга. Расположены в широкой части псалиев, в одной плоскости. Отверстия оформлены муфтообразными выступами. Концы заканчиваются грибовидными шляпками.

Литература: Лукашов А. В. Новый памятник VIII—VII вв. до н. э. в Заволжье // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 157—161. Рис. 1

140. УДИЛА

VIII—VII вв. до н. э.

Бронза, ковка. Длина 8,4 см

ВОКМ, инв. № 27500/13

Найдены у с. Красная Деревня Палласовского р-на

Курган 7, погребение 5, раскопки А. В. Лукашова, 1981 г.

Одно звено кольчатых удил с перпендикулярно расположенными кольцами и гладким круглым стержнем.

Литература: Лукашов А. В. Новый памятник VIII—VII вв. до н. э. в Заволжье // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 157—161. Рис. 1

141. НОЖ

VIII—VII вв. до н. э.

Бронза, ковка. Длина 18,4 см

ВОКМ, инв. № 27500/15

Найдены у с. Красная Деревня Палласовского р-на

Курган 7, погребение 5, раскопки А. В. Лукашова, 1981 г.

Нож с горбатой спинкой и слабо выделенной пластинчатой рукоятью. На конце рукояти имеется небольшое круглое отверстие.

Литература: Лукашов А. В. Новый памятник VIII—VII вв. до н. э. в Заволжье // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 157—161. Рис. 1

142. БЛЯШКИ ОТ УЗДЕЧНОГО НАБОРА

VIII—VII вв. до н. э.

Кость, резьба. Диаметр 1,8—2,5 см, длина 5,5—6,2 см

ВОКМ, инв. № 27500/14

Найдены у с. Красная Деревня Палласовского р-на

Курган 7, погребение 5, раскопки А. В. Лукашова, 1981 г.

Бляшки нескольких типов: крупные бляхи в виде пуговицы с умбоном в центре; крупные бляшки восьмерковидной формы; продолговатая фигурная бляшка с выступающим язычком.

Литература: Лукашов А. В. Новый памятник VIII—VII вв. до н. э. в Заволжье // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 157—161. Рис. 1

143. НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ

VIII—VII вв. до н. э.

Железо, ковка. Длина 32 см

ВОКМ, инв. № 27000/32

Найден у с. Барановка Камышинского р-на

Курган 10, погребение 11, раскопки И. В. Сергацкова, 1989 г.

Наконечник копья имеет длинную втулку и перо лавролистной формы с четко выраженным ребром.

Литература: Сергацков И. В. Погребение предскифского времени на Иловле // СА. 1991. № 2. С. 242—243. Рис. 12, 22

144. НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ (51 экземпляр)

VIII—VII вв. до н. э.

Бронза. Длина 3,7—5,2 см

ВОКМ, инв. № 27000/ 33-83

Найдены у с. Барановка Камышинского р-на

Курган 10, погребение 11, раскопки И. В. Сергацкова, 1989 г.

Наконечники стрел двухлопастные втульчатые с асимметрично-ромбовидной головкой.

Литература: Сергацков И. В. Погребение предскифского времени на Иловле // СА. 1991. № 2. С. 240—242. Рис. 2, 1—18

145. СТЕРЖЕНЬ С ДВУМЯ КОЛЬЦАМИ

VIII—VII вв. до н. э.

Рог, резьба. Длина стержня 16,5 см. Диаметр колец 1,5 см

ВОКМ, инв. № 27000/93,94,95

Найден у с. Барановка Камышинского р-на

Курган 10, погребение 11, раскопки И. В. Сергацкова, 1989 г.

Стержень в верхней части имеет петлю. На самом стержне вырезано три рельефных кольцевых пояса с концентрическими кругами. На верхнем поясе таких окружностей четыре, на двух других — по пять. На нижней части стержня проточено семь глубоких продольных желобков, а самый кончик его оформлен в виде прямоугольного выступа. На его нижнюю часть были надеты два костяных кольца с орнаментом, идентичным тому, что помещен на пояске стержня. На кольцах имеется по четыре окружности. Резьба на стержне и кольцах инкрустирована красной краской.

Литература: Сергацков И. В. Погребение предскифского времени на Иловле // СА. 1991. № 2. С. 241—242. Рис. 2, *20, 21*

146. НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ (4 экземпляра)

VIII—VII вв. до н. э.

Кость, резьба. Длина 3,3—6,8 см

ВОКМ, инв. № 27000/1—4

Найдены у оз. Подгорное Михайловского р-на

Курган 4, погребение 1, раскопки В. И. Мамонтова,1985 г.

Три наконечника стрел двухлопастные втульчатые и один наконечник черешковый ромбовидный в сечении. На черешке имеется круговой выступ.

147. ПСАЛИИ И УКРАШЕНИЯ СБРУИ (7 экземпляров)

VIII—VII вв. до н. э.

Кость, резьба. Длина псалий13—11 см

Диаметр кольца 4 см. Длина украшений 3,5 см, 6,2 см

ВОКМ, инв. № 27000/12

Найдены у оз. Подгорное Михайловского р-на

Курган 5, погребение 1, раскопки В. И. Мамонтова, 1985 г.

Псалии имели полусферические окончания и расширенную часть в середине. В их широкой части имеются прямоугольные отверстия, а на концах — округлые отверстия для крепления ремней. Треугольная подвеска имеет отверстие, расположенное в широкой части.

Подвеска из клыка кабана, в ней просверлено два отверстия. Кольцо от уздечного набора округлое в сечении.

Литература: Мамонтов В. И. Материалы курганного могильника у оз. Подгорное // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье: сб. ст.

Волгоград, 1999. Вып. 3. С. 53. Рис. 2, *2—5, 11—16*

САВРОМАТЫ

148. АМФОРА

Вторая пол. VI в. до н. э.

Глина. Высота 28,0 см, диаметр тулова 20,4 см, диаметр устья 13,6 см

ВОКМ, инв. № 31505/24

Найдена у с. Аксай Октябрьского р-на

Группа I, курган 3, погребение 3, раскопки А. Н. Дьяченко, 1997 г.

Красноглиняная гончарная амфора т. н. «родосско-ионийской» группы. Поверхность покрыта желтоватым ангобом, по которому красной краской нанесен рисунок в виде горизонтальных полос, двух симметрично расположенных цветков лотоса и круглого меандра, проходящего по горловине.

Литература: Дьяченко А. Н., Мейб Э., Скрипкин А. С., Клепиков В. М. Археологические исследования в Волго-Донском междуречье // НАВ. Волгоград, 1999. Вып. 2. С. 96. Рис. 5, 1

149. БЛЯХА ЗООМОРФНАЯ

Вторая пол. VI в.

Бронза. Размер 9,1×6,1 см

ВОКМ, инв. № 31505/25

Найдена у с. Аксай Октябрьского р-на

Группа I, курган 3, погребение 3, раскопки А. Н. Дьяченко, 1997 г.

Бронзовая крестовидная бляха, концы которой оформлены в виде трех стилизованных голов грифонов, по центру в кольцевом рельефном обрамлении изображен свернувшийся хищник. С обратной стороны к бляшке прикреплена прямоугольная скоба для продевания ремня.

Литература: Дьяченко А. Н., Мейб Э., Скрипкин А. С., Клепиков В. М. Археологические исследования в Волго-Донском междуречье // НАВ. Волгоград, 1999. Вып. 2. С. 96. Рис. 5, 2

150. НАВЕРШИЕ ЗООМОРФНОЕ

V в. до н. э.

Кость, резьба. Длина 6,5 см

ВОКМ, инв. № 7154

Найдено у пос. Короли Новоаннинского р-на

Курган 7, погребение 1, раскопки В. И. Мамонтова, 1969 г.

Костяное навершие представляет собой стилизованное изображение хищного животного с раскрытой пастью и обнаженными клыками. Резьбой обозначены складки у носа, рта и челюсти. Легкими завитками — уши и глаза животного. Навершие внутри полое.

Литература: Мамонтов В. И. Курганный могильник Короли // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2001. Вып. 1. С. 113. Рис. 4, *5*

151. МЕЧ

V—IV вв. до н. э.

Железо. Длина 73 см

ВОКМ, инв. № 4688/27 н.в.

Найден у хут. Вертячий Калачевского р-на

Курган 5, погребение 2, раскопки В. И. Мамонтова,1978 г.

Железный меч с бабочковидным перекрестием и валютообразным навершием.

Литература: Мамонтов В. И. Савроматское погребение из курганного могильника у х. Вертячий // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов, 1992. С. 93—99

152. АНТРОПОМОРФНАЯ ФИГУРКА

V—IV вв. до н. э.

Мел. Длина 11,3 см

ВОКМ, инв. № 4688/ 20 н.в.

Найдена ухут. Вертячий Калачевского р-на

Курган 5, насыпь, раскопки В. И. Мамонтова, 1978 г.

Антропоморфная фигурка из бруска мела, на котором нанесены изображения «глаз» в виде углубленных выемок.

Литература: Скрипкин А. С. Антропоморфные статуэтки в погребальном обряде сарматов // Археология восточно-европейской степи: межвузовский сб. науч. тр. Саратов, 1991. Вып. 2. С. 126—134

153. КОТЕЛ

V—IV вв. до н. э.

Бронза. Высота 24 см, диаметр венчика 22 см

ВОКМ, инв. № 32314/2

Найден у с. Гусевка Ольховского р-на

Группа II, курган 5, тайник, пласт 1, раскопки А. С. Скрипкина, 2003 г.

Бронзовый котел на высоком поддоне, по тулову проходит рельефная волнообразная линия, имитирующая «веревочку». Ручки крепились вертикально к краю котла, круглые в сечении, с одним грибовидным выступом.

Литература: Скрипкин А. С., Шинкарь О. А., Белицкий А. В. Исследование курганного могильника в с. Гусевка Ольховского р-на Волгоградской области // Материалы по археологии Волго-Донских степей; сб. ст. Волгоград, 2006. Вып. 3. С. 198. Рис. 17, *1*

154. ПСАЛИЙ

Начало V—IV в. до н. э.

Бронза, ковка. Длина 4,9 см

ВОКМ, инв. № 32314/3

Найден у с. Гусевка Ольховского р-на

Группа II, курган 5, тайник, раскопки А. С. Скрипкина, 2003 г.

Фрагмент бронзового псалия с окончанием, оформленным в виде головы орлиного грифона с широко раскрытым клювом, концы которого смыкаются, образуя овал.

Литература: Скрипкин А. С., Шинкарь О. А., Белицкий А. В. Исследование курганного могильника в с. Гусевка Ольховского р-на Волгоградской области // Материалы по археологии Волго-Донских степей; сб. ст. Волгоград, 2006. Вып. 3. С. 198. Рис. 17, *3*

155. ФАЛАРЫ (3 экземпляра)

V—IV вв. до н. э.

Бронза. Размер 4×3,4 см

ВОКМ, инв. № 32314/4-6

Найдены у с. Гусевка Ольховского р-на

Группа II, курган 5, тайник, пласт 3, раскопки А. С. Скрипкина, 2003 г.

Литые бронзовые бляхи с петелькой на обратной стороне имеют форму в виде капли с выступом с одной стороны. На остром верхнем выступе имеются округлые углубления.

Литература: Скрипкин А. С., Шинкарь О. А., Белицкий А. В. Исследование курганного могильника в с. Гусевка Ольховского р-на Волгоградской области // Материалы по археологии Волго-Донских степей; сб. ст. Волгоград, 2006. Вып. 3. С. 198. Рис. 17, *5*

156. СОСУД

V—IV вв. до н. э.

Глина. Высота 22 см, диаметр венчика 10 см, диаметр дна 4,5 см

ВОКМ, инв. № 23770/6

Найден у с. Царёв Ленинского р-на

Курган 23, погребение 2, раскопки В. И Мамонтова, 1975 г.

Сосуд черноглиняный со светлой внутренней и внешней поверхностью. Край венчика отогнут наружу. С двух сторон горловины имеются сквозные отверстия. Ниже края венчика проходит ряд ногтевых насечек. На тулове имеется прочерченный острием рисунок.

Литература: Мамонтов В. И. Кенотаф савроматского времени Царевского курганного могильника // История и культура сарматов. Саратов, 1983. С. 115. Рис. 1, 3

157. НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ (22 экземпляра)

VI—IV вв. до н. э.

Бронза. Длина 2—3 см

ВОКМ, инв. № 21044/3

Найдены у с. Вишневка Палласовского р-на

Одиночный курган, погребение 3, раскопки В. И. Мамонтова, 1979 г.

Втульчатые наконечники стрел с острой ударной головкой и выступающей втулкой.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 48,49. Рис. 19; *Сергацков И. В.* Савроматское погребение у с. Вишневка // История и культура сарматов. Саратов,1983. С. 98—103. Рис. 2

158. ЛОЖЕЧКА

VI—V вв. до н. э.

Кость. Длина 19 см

ВОКМ, инв. № 4688/240 н. в.

Найдена у пос. Вишневка Палласовского р-на

Одиночный курган, погребение 3, раскопки В. И. Мамонтова, 1979 г.

Ложечка имеет навершие в виде стилизованной головы грифона.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 48, 49. Рис. 19

Сергацков И. В. Савроматское погребение у с. Вишневка // История и культура сарматов. Саратов, 1983. С. 98—103. Рис. 2

САРМАТЫ

РАННЕСАРМАТСКИЙ ПЕРИОД

159. КОТЕЛ

Вторая пол. II—I в. до н. э.

Медь. Высота 26 см, диаметр тулова 37,2 см

ВОКМ, инв. № 12161

Найден у ж.-д. ст. Жутово Октябрьского р-на

Курган 27, погребение 4, раскопки В. П. Шилова, 1964 г.

Медный клепаный котел с сильновыпуклыми боками и отогнутым наружу краем. Сбоку к краю к плечикам приклепаны два ушка в виде колец. По краю сосуда с внутренней стороны сделаны с помощью орудия типа зубила глубокие косые насечки.

Литература: Скрипкин А. С., Шинкарь О. А. Жутовский курган № 27 сарматского времени Волго-Донского междуречья // РА. 2010. № 1. С. 130. Рис. 4, *9*

160. ФАЛАРЫ (2 экземпляра)

Вторая пол. II—I в. до н. э.

Серебро. Медь. Диаметр 5 см

ВОКМ, инв. № 6252/1, 2

Найдены у ж.-д. ст. Жутово Октябрьского р-на

Курган 27, погребение 4, раскопки В. П. Шилова, 1964 г.

В центре фаларов расположена фигура свернувшегося бородатого козла вокруг вставки из сердолика оранжевого цвета. У одного из фаларов с обратной стороны с помощью двух серебряных заклепок приклепана скоба из медного прута.

Литература: Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2006. С. 41

161. ФАЛАР

Вторая пол. II—I в. до н. э.

Серебро. Позолота. Диаметр 10,15 см

ВОКМ, инв. № 6251

Найден у ж.-д. ст. Жутово Октябрьского р-на

Курган 27, погребение 4, раскопки В. П. Шилова,1964 г.

Фалар имеет невысокий бортик и слегка выпуклую центральную часть, обрамленную двумя рельефными валиками с косыми насечками. По бортику проходит ряд «ов», выполненных особым пунсоном. В центре фалара расположена розетка из четырех пар чередующихся листьев лавра и аканфа. Изображение носит следы сплошной позолоты.

Литература: Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2006. С. 41

162. ФАЛАР

Вторая пол. II—I в. до н. э.

Серебро. Позолота. Диаметр 7,3 см. Высота 1,7 см

ВОКМ, инв. № 6253

Найден у ж.-д. ст. Жутово Октябрьского р-на

Курган 27, погребение 4, раскопки В. П. Шилова,1964 г.

Центральная часть разделена на четыре части валиками с косыми насечками — стилизованное изображение листьев аканфа. Свободное поле вокруг листьев украшено рядами точечных наколов. По краю проходит зигзагообразная линия, ограниченная с внутренней стороны точечными наколами. Изображение носит следы сплошной позолоты.

Литература: Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2006. С. 41

163. ФАЛАР

Вторая пол. II—I в. до н. э.

Серебро. Позолота. Железо. Диаметр 7,2 см. Высота 1,3 см

ВОКМ, инв. № 6254.

Найден у ж.-д. ст. Жутово Октябрьского р-на

Курган 27, погребение 4, раскопки В. П. Шилова, 1964 г.

В центре фалара находится розетка из 4 пар чередующихся листьев аканфа и лавра. Свободное поле вокруг листьев украшено рядами точечных наколов. Изображение розетки окружено валиком с косыми насечками. По краю фалар украшен полосой зигзага. Изображение носит следы сплошной позолоты. С обратной стороны — остатки железных скоб, прибитых серебряными заклепками.

Литература: Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград. 2006. С. 42

164. БЛЯШКИ НАШИВНЫЕ (18 экземпляров)

I в. до н. э.

Золото. Размер 1,65×1,3 см

ВОКМ, инв. № 6242, 6243

Найдены у ж.-д. ст. Жутово Октябрьского р-на

Курган 27, погребение 4, раскопки В. П. Шилова, 1964 г.

Бляшки вырезаны из тонкого золотого листа, невысокий рельеф выполнен тиснением. Контур бляшки вырезан в форме ромба с выступами посередине каждой стороны. В центре выступов пробиты 4 отверстия для пришивания.

Литература: Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2006. С. 42

165. КИНЖАЛ С ЗОЛОТЫМИ ОБКЛАДКАМИ

II—I вв. до н. э.

Золото. Железо. Длина 45,8 см

ВОКМ, инв. № 6042

Найден у с. Верхнепогромное Пролейского (ныне Среднеахтубинского) р-на

Курган 7, погребение 6, раскопки В. П. Шилова, 1957 г.

Кинжал имеет прямое перекрестие, которое сильно расслоилось под действием коррозии. Тонкую, овальную в сечении рукоять кинжала венчает серповидное навершие с утолщениями на концах. Клинок кинжала треугольной формы, ромбовидный в сечении, с нервюрами. Навершие и перекрестие меча обернуты золотой фольгой. Кинжал был вложен в деревянные, обшитые кожей и обернутые золотым листом ножны. С лицевой стороны ножен, в нижней их части крепилась треугольная дощечка с двумя овальными выступами по бокам. В центре каждого выступа имеется по одному овальному отверстию. Сверху дощечка обложена золотой фольгой. С обратной стороны, напротив овальных выступов, находилась поперечная прямоугольная планка из золотой фольги, также с двумя отверстиями. Края планки обрамлены валиком с косыми насечками.

Литература: Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2006. С. 38

166. КИНЖАЛ С ЗОЛОТОЙ ОБКЛАДКОЙ НОЖЕН

Вторая пол. II—I в. до н. э.

Железо, золото. Длина кинжала 46 см, обкладка: длина 20,5 см

ВОКМ, инв. № 12353

Найден у ж.-д. ст. Жутово Октябрьского р-на

Курган 27, погребение 4, раскопки В. П. Шилова, 1964 г.

Кинжал с серповидным навершием и прямым перекрестием, украшен золотой обкладкой с зооморфным сюжетом, воспроизводящим фигуру лошади, голова которой повернута к задней части корпуса. Грива трактована валиком, украшенным поперечными насечками. В нижней части ножен оттиснута фигура грифона с повернутой назад головой. Глаза трактованы в виде выпуклого треугольника, задние ноги согнуты в коленях. Два когтя на лапах выделены изогнутой вдавленной линией.

Литература: Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2006. С. 43

167. МЕЧ С ЗОЛОТОЙ ОБКЛАДКОЙ

II—I вв. до н. э.

Золото, железо. Длина 46 см

ВОКМ, инв. № 28292

Найден у с. Белокаменка Старополтавского р-на

Курган 7, погребение 3, раскопки А. В. Лукашова,1987 г.

Кинжал имеет прямое перекрестие, ромбовидное в сечении, и серповидное навершие с утолщенными, овальными в сечении окончаниями. Его перекрестие и навершие обернуты золотой фольгой. Клинок кинжала обернут с одной стороны тонкой золотой фольгой. В двух местах обкладка украшена полосками декоративной тесьмы.

Литература: Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2006. С. 29

168. МЕЧ С ЗОЛОТОЙ ОБКЛАДКОЙ

II—I вв. до н. э.

Золото, железо. Длина 47 см

ВОКМ, инв. № 27000/96

Найден у с. Барановка Камышинского р-на

Группа I, курган 10, погребение 9, раскопки И. В. Сергацкова, 1988 г.

Меч с серповидным навершием. На внешней стороне сохранились золотые обкладки деревянных ножен. Обкладки гладкие, из тонкой золотой фольги.

Литература: Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2006. С. 28

169. КАЧАЛИНСКИЙ КЛАД (31 экземпляр)

II в. до н. э.

ВОКМ, инв. № 32836/1-31

Случайная находка в 2007 г. на северной окраине пос. Сады Придонья (Паньшино) близ ст-цы Качалинской Иловлинского р-на.

Клад состоит из двух стеклянных бусин, оселка, бронзовой трубочки, бронзового колчанного крючка, бронзовых литых бусин, бронзовых псалий, серебряной пряжки, бронзовых бляшек, серебряной бляшки, серебряных и бронзовых фаларов, серебряного и бронзового налобника, бронзовых лунниц.

Литература: Сергацков И. В. «Клад» II в. до н. э. из окрестностей станицы Качалинской // РА. 2009. № 4. С. 149—159. Рис. 1—6

170. НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ

Вторая пол. IV в. до н. э.

Железо. Длина 48 см

ВОКМ, инв. № 12352

Найден у ж.-д. ст. Жутово Октябрьского р-на

Курган 34, погребение 6, раскопки В. И. Мамонтова, 1965 г.

Наконечник копья листовидной формы с длинной втулкой. По краю втулки идет кольцевидный ободок.

171. ОБКЛАДКИ (4 экземпляра)

Вторая пол. IV в. до н. э.

Золото. Длина 9,3; 6,7; 7,5; 8,6 см

ВОКМ, инв. № 6260

Найдены у с. Жутово Октябрьского р-на

Курган 34, погребение 6, раскопки В. И. Мамонтова, 1965 г.

Пластины продолговатой формы с загнутым в верхней части вовнутрь краем. Вся поверхность орнаментирована зигзаговидными линиями, отделенными друг от друга линиями точек.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 92. Табл. IV, *5*

172. ОБКЛАДКИ (3 экземпляра)

IV—III вв. до н. э.

Золото, тиснение. Длина 6—7,7 см, ширина 2,4—3,6 см

ВОКМ, инв. № 15814,15813, 15812

Найдены у хут. Вертячий Калачевского р-на

Курган 6, погребение 3, раскопки В. И. Мамонтова, 1978 г.

Поверхность обкладок украшена изображениями солярных знаков, рядами точек, рельефных фигурных линий. По краям пластин пробиты отверстия для гвоздиков.

Литература: Клепиков В. М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV—III вв. до н. э. Волгоград, 2002. С. 61. Рис. 20, *7—9*

173. ОБКЛАДКА РИТОНА

IV—III вв. до н. э.

Золото, тиснение. Длина 19,1 см, ширина 2,6 см

ВОКМ, инв. № 15811

Найдена у хут. Вертячий Калачевского р-на

Курган 6, погребение 3, раскопки В. И. Мамонтова, 1978 г.

Кольцевидная обкладка с рельефным изображением восьми хищных животных, идущих по кругу в одном направлении.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 45. Табл. VI, *2*

174. МЕЧ

II—I вв. до н. э.

Железо. Длина 133 см

ВОКМ, инв. № 5760/5

Найден у с. Верхнепогромное Пролейского (ныне Среднеахтубинского) р-на

Курган 7, погребение 6, раскопки В. П. Шилова, 1957 г.

Меч с кольцевидным навершием и прямым перекрестием.

175. АМФОРА

I в. до н. э.

Глина, круг, лощение. Высота 21 см, диаметр венчика 11,5 см

ВОКМ, инв. № 21045/1

Найдена у с. Ильевка Калачевского р-на

Курган 1, погребение 2, раскопки В. И. Мамонтова, 1978 г.

Амфора имеет две ручки и тонкий отогнутый наружу венчик. По широкой части тулова проходит три резные круговые бороздки, от которых ко дну спускаются резные линии — каннелюры.

Литература: В. И. Мордвинцева. Среднесарматские погребения с краснолаковой керамикой // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1993. Вып. 3. С. 125. Рис. 2, *1*

176. ПРЯЖКА ПОЯСНАЯ

II—I вв. до н. э.

Бронза, литье. Длина 11 см, ширина 4,7 см

ВОКМ, инв. № 32231

Найдена у с. Солодовка Ленинского р-на

Группа I, курган 19, погребение 4, раскопки А. А. Глухова, 2002 г.

Пряжка ажурная поясная с изображением припавшего на ноги кошачьего хищника. Изображение хищника вписано в прямоугольную рамку.

Литература: Глухов А. А. Исследования к/м Солодовка I в 2001—2003 гг. // Материалы по археологии Волго-Донских

степей / Волгоград, 2004. Вып. 2. С. 215. Рис. 1, *1*

177. ПРЯЖКА

I в. до н. э.

Бронза, литье. Размер 11,3×4,8 см

Найдена у с. Писаревка Калачевского р-на

Группа II, курган 6, погребение 2, раскопки В. И. Мамонтова, 2000 г.

ВОКМ, инв. № 31453/4

Пряжка прямоугольная литая оформлена по периметру валиком. По углам пряжки пробиты сквозные отверстия для крепления на ремне. На одной узкой стороне имеется высокий крюк для набрасывания петли ремня. Внутренняя площадь пряжки заполнена рельефным изображением борющихся животных — пантеры и верблюда.

Литература: Мамонтов В. И. Сарматские погребения из курганного могильника Писаревка II // Нижневолжский археологический вестник // Волгоград, 2002. Вып. 5. С. 252. Рис. 2, *11*

178. ПРЯЖКА ВОСЬМЕРКОВИДНАЯ

II в. до н. э.

Бронза, литье. Длина 5 см

ВОКМ, инв. № 33131/5

Найдена у хут. Веселый Котельниковского р-на

Группа VI, курган 2, погребение 8, раскопки Л. В. Гуренко, 2008 г.

Внутренняя сторона пряжки уплощена. По краям колец имеются вертикальные выступы один «грибовидный», другой Г-образный. В сечении кольца округлые.

179. СОСУД

III—II вв. до н. э.

Глина. Высота 34 см, диаметр дна 34,5 см

ВОКМ, инв. № 5892/1

Найден у с. Заплавное Среднеахтубинского р-на

Курган 3, погребение 10, раскопки В. П. Шилова, 1985 г.

Сосуд глиняный с двумя боковыми вертикальными ручками на высоком поддоне-раструбе. Ручки украшены двумя параллельными продольными волнистыми линиями, которые обрамлены сверху и снизу круговыми бороздками. Основание сосуда украшено круговой зигзагообразной линией, заключенной между двумя круговым бороздками.

Литература: Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. М. 1963. Вып. Д1—10. Табл. 12, *28*

180. МЕЧ

II в. до н. э.

Железо. Длина 33,5 см

ВОКМ, № 6805/54 н.в.

Найден у с. Киляковка Среднеахтубинского р-на

Курган 4, погребение 5, раскопки Е. П. Мыськова, 1984 г.

Железный обоюдоострый меч с серповидным навершием и без перекрестия.

Литература: Мыськов Е. П. Сарматские погребения из курганов у Волжского и Киляковки // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1992. Вып. 2. С. 131. Рис. 3, *4*

181. НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ

IV—III вв. до н. э.

Бронза. Длина 3,7—2,7 см

ВОКМ № 31511/1-77

Найдены у с. Лятошинка Старополтавского р-на

Группа I, курган 1, погребение 2, раскопки А. В. Фалалеева, 1990 г.

Наконечники со скрытой втулкой трехлопастные, трехгранные и с выступающей втулкой трехлопастные.

Литература: Железчиков Б. Ф., Фалалеев А. В. Раскопки у села Лятошинка // Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области. Волгоград, 1995. С. 46. Рис. 4, *3*

182. СОСУД

II в. до н. э.

Глина. Высота 10,2 см, диаметр венчика 7,2 см

ВОКМ, инв. № 22200/24

Найден у пос. Килякова Среднеахтубинского р-на

Курган 4, погребение 4, раскопки Е. П. Мыськова, 1985 г.

Сосуд с уплощенным дном, прямой шейкой и отогнутым венчиком. На плечиках имеются две небольшие налепные ручки с отверстиями. Плечики и тулово украшены орнаментом.

Литература: Мыськов Е. П. Сарматские погребения из курганов у Волжского и Киляковки // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1992. Вып. 2. С. 131. Рис. 5, *14*

183. БЛЯШКИ НАШИВНЫЕ

II в. до н. э.

Золото. Размер 2,2×1,3 см

ВОКМ, инв. № 6050

Найдены у с. 15-й Поселок на границе Среднеахтубинского и Ленинского р-нов

Курган 5, погребение 3, раскопки В. П. Шилова, 1958 г.

Бляшки ромбовидные с тисненым орнаментом и выпуклым кружком в центре. На узких сторонах расположено по одному отверстию для пришивания. Края бляшек отогнуты книзу.

Литература: Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2006. С. 73

184. ПЕРСТНИ (2 экземпляра)

II в. до н. э.

Золото. Диаметр 1,8 см

ВОКМ, инв. № 6056

Найдены у с. 15-й Поселок на границе Среднеахтубинского и Ленинского р-нов

Курган 5, погребение 3, раскопки В. П. Шилова, 1958 г.

Щитки перстней представляют собой круглую плоскую пластину. В ее центральной части напаяна полусфера, тисненная из золотой пластины. Центр полусферы украшает пирамидка зерни. От вершины полусферы отходят лепестки розетки.

Литература: Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2006. С. 72

185. СЕРЬГИ (2 экземпляра)

II в. до н. э.

Золото. Высота 2,5 см, 2,61 см

ВОКМ, инв. № 6049

Найдены у с. 15-й Поселок на границе Среднеахтубинского и Ленинского р-нов

Курган 5, погребение 3, раскопки В. П. Шилова, 1958 г.

Основа серьги — толстая кованая проволока, свернутая в кольцо с заходящими друг за друга концами. Один конец проволоки обрезан, другой заострен. Снизу к кольцу припаян плоский кружок, затем шарик, еще один плоский кружок, к которому припаяны снизу 3 шарика. Каждый такой шарик украшен пирамидкой зерни из трех шариков в основании и одним на вершине.

Литература: Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2006. С. 72

186. БРАСЛЕТ

II в. до н. э.

Золото. Диаметр 4,8 см

ВОКМ, инв. № 6057

Найден у с. 15-й Поселок на границе Среднеахтубинского и Ленинского р-нов

Курган 5,погребение 3, раскопки В. П. Шилова, 1958 г.

Браслет свернут из толстой кованой проволоки в спираль в 3,5 оборота.

Литература: Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2006. С. 73

187. БЛЯШКИ НАШИВНЫЕ (7 экземпляров)

II в. до н. э.

Золото. Размер 2,2×1,3 см

ВОКМ, инв. № 6050

Найдены у с. 15-й Поселок на границе Среднеахтубинского и Ленинского р-нов

Курган 5, погребение 3, раскопки В. П. Шилова, 1958 г.

Бляшки ромбовидные с тисненым орнаментом и выпуклым кружком в центре. На узких сторонах расположено по одному отверстию для пришивания.

Литература: Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2006. С. 73

188. УГВЕНТАРИЙ

II—I вв. до н. э.

Глина, круг. Высота 23,4 см

ВОКМ, инв. № 31993/44

Найден у с. Перегрузное Октябрьского р-на

Группа I, курган 23, погребение 6, раскопки В. П. Клепикова, 2001 г.

Угвентарий с веретенообразным туловом, высокой ножкой на выделенном основании.

Литература: Клепиков В. М., Шинкарь О. А. Раннесарматские погребения у с. Перегрузное // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2004. Вып. 2. С. 144. Рис. 14, *13*

189. УГВЕНТАРИЙ

Вторая пол. II—I в. до н. э.

Глина, круг. Высота 22 см

ВОКМ, инв. № 12165

Найден у ж.-д. ст. Жутово Октябрьского р-на

Курган 27, погребение 4, раскопки В. П. Шилова, 1964 г.

Угвентарий с веретенообразным туловом, высокой ножкой на выделенном основании.

Литература: Скрипкин А. С., Шинкарь О. А. Жутовский курган № 27 сарматского времени Волго-Донского междуречья // РА. 2010. № 1. С. 130. Рис. 4, *4*

190. КОТЕЛЬЧИК-ПОДВЕСКА

II—I вв. до н. э.

Бронза. Высота 2,1 см

ВОКМ, инв. № 32012/1

Найден в курганном могильнике Западные могилы Николаевского р-на

Курган 12, погребение 1, раскопки Н. Б. Скворцова, 1999 г.

Бронзовая миниатюрная подвеска в виде котла. В верхней части отлиты два ушка.

191. КОЛОКОЛЬЧИК-ПОДВЕСКА

II—I вв. до н. э.

Бронза. Высота 4,5 см

ВОКМ, инв. № 29002/21

Найден у пос. Быково Быковского р-на

Курган 11, погребение 6, раскопки А. С. Скрипкина, 1978 г.

Колокольчик, на верхнем конце которого имеется отверстие для подвешивания.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград. 2009. С. 36, 37

192. КОЛОКОЛЬЧИК-ПОДВЕСКА

II—I вв. до н. э.

Бронза, литье. Высота 3,7 см

ВОКМ, инв. № 5856/2

Найден у с. Заплавное Среднеахтубинского р-на

Курган 8, погребение 7, раскопки В. П. Шилова, 1958 г.

Конусовидный колокольчик с петелькой и боковым отверстием. Основание петельки украшено двумя параллельными круговыми валиками.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 96—97

193. СОСУД

Раннесарматская культура

Глина, круг. Высота 12,5 см

ВОКМ, инв. № 5837/6

Найден у с. Заплавное Среднеахтубинского р-на

Курган 2, погребение 3, раскопки В. П. Шилова, 1958 г.

Сосуд чернолощеный с двумя ушками-выступами со сквозными вертикальными отверстиями. Поверхность сосуда тёмно-серая, лощёная.

Литература: Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры // САИ Д1—10. М., 1963. Табл. 12, *5*

194. СЕРЬГА

II—I вв. до н. э.

Золото. Длина 3 см

ВОКМ, инв. № 6047/1

Найдена у с. Заплавное Среднеахтубинского р-на

Курган 8, погребение 9, раскопки В. П. Шилова, 1958 г.

Серьга состоит из трех частей: проволочного колечка с заходящими концами, цилиндра с припаянной пластинкой из трех соединенных вместе кружков. С нижней стороны пластинки, по краю каждого кружка напаяны три пирамиды, составленные из четырех шариков. В центре, между трех кружков, припаян крупный золотой шарик, к которому также припаяна пирамидка из 4 шариков зерни.

Литература: Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2006. С. 52

195. СЕРЬГА

II—I вв. до н. э.

Золото. Высота 2,5 см

ВОКМ, инв. № 6049

Найдена у с. 15-й Поселок на границе Среднеахтубинского и Ленинского р-нов

Курган 5, погребение 3, раскопки В. П. Шилова, 1958 г.

Основа серьги — толстая кованая проволока толщиной 0,14 см, свернутая в кольцо с заходящими друг за друга концами. Один конец проволоки обрезан, другой заострен. Снизу к кольцу припаян плоский кружок диаметром 0,27 см, затем шарик диаметром 0,2 см, еще один плоский кружок, к которому припаяны снизу 3 шарика. Каждый такой шарик украшен пирамидкой зерни из трех шариков в основании и одним на вершине.

Литература: Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2006. С. 72

196. СЕРЬГА

II —I вв. до н. э.

Золото. Высота 2,9 см

ВОКМ, инв. № 6041

Найдена у с. Верхнепогромное Пролейского (ныне Среднеахтубинского) р-на

Курган 6, погребение 5, раскопки В. П. Шилова, 1957 г.

Серьга состоит из разомкнутого проволочного кольца. В его нижней части напаяно украшение в виде полой рифленой трубочки-столбика, концы которой запаяны тонкими золотыми кружочками. Нижняя часть украшена шариками зерни.

Литература: Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2006. С. 38

197. СЕРЬГИ (2 экземпляра)

II—I вв. до н. э.

Золото. Размеры 3,5×1,8 см

ВОКМ, инв. № 19048/1, 2

Найдены в Красноармейском р-не Волгограда

Химкомбинат, группа Б, курган 4, погребение 5, раскопки В. И. Мамонтова, 1981 г.

Дужка крепилась к корпусу серьги с помощью двух отверстий. Корпус, изготовленный из двух кусков золотой пластины, выполнен в виде головы мифического существа.

Литература: Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2006. С. 74

198. СЕРЬГИ (2 экземпляра)

II—I вв. до н. э.

Золото. Диаметр 1,6 см

ВОКМ, инв. № 32012/2, 3

Найдены в курганном могильнике Западные Могилы в Николаевском р-не

Курган 18, погребение 2, раскопки Н. Б. Скворцова, 1999 г.

Серьги выполнены в виде кольца, свернутого в полтора оборота. Один конец проволоки обрезан, другой заострен. К кольцу припаяна пирамидка зерни: три шарика в основе и один сверху.

Литература: Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2006. С. 50

199. КУВШИН

III—I вв. до н. э.

Глина. Высота 25,5 см, диаметр венчика 11,2 см

ВОКМ, инв. № 30000/5

Найден у с. Политотдельское Николаевского р-на

Курган 2, погребение 6, раскопки А. М. Комарова, 1989 г.

Кувшин имеет эллипсовидное тулово, плоское дно с кольцевидным поддоном, невысокое горло с широким, резко отогнутым наружу венчиком и небольшую ручку. В верхней части ручки имеется выступ-упор, края которого украшены насечками. Орнаментирована верхняя половина кувшина. Практически такой же пояс узоров нанесен на поверхность тулова чуть выше его середины.

200. КУВШИН

II—I вв. до н. э.

Глина. Высота 27 см, диаметр тулова 18,5 см

ВОКМ, инв. № 31518/15

Найден у с. Перегрузное Октябрьского р-на

Группа I, курган 10, погребение 4, раскопки В. М. Клепикова, 2000 г.

Кувшин красноглиняный, тулово шаровидное, переходящее в высокую горловину с вертикальной ручкой. Дно выделено круговым поддоном.

Литература: Клепиков В. М., Шинкарь О. А. Раннесарматские погребения у с. Перегрузное // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2004. Вып. 2. С. 135. Рис. 5, 2

201. СОСУД

II—I вв. до н. э.

Глина. Высота 8,2 см, диаметр тулова 8,3 см

ВОКМ, инв. № 26042/13

Найден у с. Бахтияровка Ленинского р-на

Группа II, курган 32, погребение 5, раскопки В. А. Кригера, 1984 г.

Сосуд с уплощенным дном, выделенным плечиком и небольшим прямым горлом, верхний край которого отогнут наружу. Вниз от плечика по тулову — орнамент в виде пяти вертикальных пучков-полотенец.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 29

202. СОСУД

II—I вв. до н. э.

Глина, лепка. Высота 23,5 см, диаметр венчика 20,7 см, диаметр дна 9,5 см

ВОКМ, инв. № 32773/10

Найден в курганной группе Майеровский у с. Таловка Николаевского р-на

Группа I, курган 2, погребение 6, раскопки Н. Б. Скворцова, 2006 г.

Сосуд с отогнутым наружу округлым венчиком. По плечику сосуда проходят две вдавленные параллельные линии. От второй нижней линии на равном удалении друг от друга вниз идут пять коротких «полотенец», состоящих из трех вертикальных линий.

203. СОСУД

III—I вв. до н. э.

Глина, лепка. Высота 18 см, диаметр венчика10,3 см, диаметр дна 6 см

ВОКМ, инв. № 27508/11

Найден у пос. Ромашкин Октябрьского р-на

Одиночный курган, погребение 8, раскопки В. И. Мамонтова, 1990 г.

Сосуд с отогнутым наружу краем венчика, с округлым туловом, переходящим в узкое дно. Тулово украшено резным орнаментом.

Литература: Демиденко Ю. В. Сарматские погребения из курганов у пос. Ромашкин // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1992. Вып. 2. С. 66. Рис. 2, *13*

СРЕДНЕСАРМАТСКИЙ ПЕРИОД

204. ПРЯЖКА

I в. н. э.

Золото. Длина 5,2 см, ширина 3,6 см

ВОКМ, инв. № 21585

Найдена у с. Киляковка Среднеахтубинского р-на

Курган 3, погребение 8, раскопки Е. П. Мыськова, 1984 г.

Пряжка в виде прямоугольной рамки с вогнутыми боковыми сторонами и подвижным язычком. Рамка, полусферическая в сечении, на ее поверхностях заметны глубокие риски-следы обработки абразивным инструментом.

Литература: Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2006. С. 53

205. ПРЯЖКА ФИГУРНАЯ

I в. н. э.

Золото. Длина 5 см

ВОКМ, инв. № 30200/9

Найдена у пос. Октябрьский Октябрьского р-на

Группа V, курган 1, погребение 1, раскопки Е. П. Мыськова, 1995 г.

Фигурная рамка пряжки изготовлена из двух симметричных валютообразных половин, спаянных между собой. Концы валют образуют гнезда-колечки, содержащие полые цилиндрические оправы, украшенные по краям зернью. Внутри оправ закреплены полусферические вставки стекла небесно-голубого цвета.

Литература: Скрипкин А. С., Мыськов Е. П. Погребение сарматской знати из Волгоградского Подонья // Археологические открытия 1991—2004 гг. Европейская Россия. М., 2009. С. 245—255. Рис. 9

206. СОСУД С РУЧКОЙ В ВИДЕ ФИГУРКИ ЗАЙЦА

I в. н. э.

Серебро. Размер 9×8,5×10,5 см

ВОКМ, инв. № 0200/6

Найден у пос. Октябрьский Октябрьского р-на

Группа V, курган 1, погребение 1, раскопки Е. П. Мыськова, 1995 г.

Круглодонный сосуд с шаровидным туловом и невысоким отогнутым венчиком. Ручка представляет собой литую фигурку припавшего к тулову сосуда зайца.

Литература: Скрипкин А. С., Мыськов Е. П. Погребение сарматской знати из Волгоградского Подонья // Археологические открытия 1991—2004 гг. Европейская Россия. М., 2009. С 245—255. Рис. 3, *4*

207. КУБОК КОНИЧЕСКИЙ

I в. н. э.

Серебро. Диаметр венчика 16 см, высота 16 см

ВОКМ, инв. № 30200/10

Найден у пос. Октябрьский Октябрьского р-на

Группа V, курган 1 погребение 1, раскопки Е. П. Мыськова, 1995 г.

Сосуд с сужающимися к дну стенками, утолщенным венчиком и плоским дном, к которому были припаяны три литые сегментовидные ножки. В верхней части кубок украшен четырьмя врезными горизонтальными линиями, а в центральной части дна — пятью врезными концентрическими окружностями с глубокой точкой-центровкой.

Литература: Скрипкин А. С., Мыськов Е. П. Погребение сарматской знати из Волгоградского Подонья // Археологические открытия 1991—2004 гг. Европейская Россия. М., 2009. С. 245—255. Рис. 8

208. ПИАЛА КРУГЛОДОННАЯ

I в. н. э.

Серебро, позолота. Диаметр 21 см, высота 6 см

ВОКМ, инв. № 30200/11

Найдена у пос. Октябрьский Октябрьского р-на

Группа V, курган 1, погребение 1, раскопки Е. П. Мыськова, 1995 г.

Круглодонная пиала с отогнутым венчиком, на внутренней стороне которого прослеживается слабозаметное ребро. На дне имеется медальон, в центре которого изображена розетта из пяти листьев лотоса, перемежающихся с лепестками водяной лилии. Эту розетту окружают двенадцать листьев аканфа.

Литература: Скрипкин А. С., Мыськов Е. П. Погребение сарматской знати из Волгоградского Подонья // Археологические открытия 1991—2004 гг. Европейская Россия. М., 2009. С. 245—255. Рис. 7

209. ЧАША КРУГЛОДОННАЯ

I в. н. э.

Серебро. Диаметр 14х13,5 см, высота 8,4 см

ВОКМ, инв. № 30200/7

Найдена у пос. Октябрьский Октябрьского р-на

Группа V, курган 1, погребение 1, раскопки Е. П. Мыськова, 1995 г.

Чаша круглодонная, полусферическая, с утолщенным венчиком. Вся наружная поверхность покрыта орнаментом и позолотой. В одном месте тулова, под орнаментальным фризом концом острого предмета процарапаны три буквы греческого алфавита.

Литература: Скрипкин А. С., Мыськов Е. П. Погребение сарматской знати из Волгоградского Подонья // Археологические открытия 1991—2004 гг. Европейская Россия. М., 2009. С. 245—255. Рис. 5

210. ОКОНЕЧНИК РЕМНЯ

I в. н. э.

Золото. Длина 6,4 см

ВОКМ, инв. № 30200/12

Найден у пос. Октябрьский Октябрьского р-на

Группа V, курган 1, погребение 1, раскопки Е. П. Мыськова, 1995 г.

Оконечник ремня в виде узкой прямоугольной пластины со скругленным концом. В верхней части предмета имеется узкий продольный паз, соединенный двумя золотыми заклепками для крепления к ремню.

Литература: Мыськов Е. П., Кияшко А. В., Скрипкин А. С. Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая // НАВ. Волгоград, 1999. Вып. 2. С. 149—167. Рис. 6, *9, 10*

211. БЛЯХИ С ИНКРУСТАЦИЕЙ (5 экземпляров)

I в. н. э.

Золото, стеклянная паста. Диаметр 2,2—2 см, высота 1,7 см

ВОКМ, инв. № 30200/13-17

Найдены у пос. Октябрьский Октябрьского р-на

Группа V, курган 1, погребение 1, раскопки Е. П. Мыськова,1995 г.

Бляхи имеют литые дисковидные шляпки, лицевая сторона которых разделена перегородками на зоны — углубления: центральную — округлую, радиальные — сегментовидные, заполненные стекловидной пастой зеленого, белого и голубого цветов. Каждая бляха снабжена подтреугольной петелькой, согнутой из золотой полосы и припаянной к внутренней стороне шляпки.

Литература: Мыськов Е. П., Кияшко А. В., Скрипкин А. С. Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая // НАВ. Волгоград, 1999. Вып. 2. С. 149—167. Рис. 6, *27—29*

212. ОБОЙМЫ ПРЯМОУГОЛЬНЫЕ (2 экземпляра)

I в. н. э.

Золото. Длина 2,8 см, 2,6 см

ВОКМ, инв. № 30200/20, 21

Найдены у пос. Октябрьский Октябрьского р-на.

Группа V, курган 1, погребение 1, раскопки Е. П. Мыськова, 1995 г.

Обоймы представляют собой прямоугольные золотые полоски, с согнутыми краями. Обе обоймы украшены орнаментом из тонкой золотой проволоки, напаянной на наружные поверхности.

Литература: Мыськов Е. П., Кияшко А. В., Скрипкин А. С. Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая // НАВ. Волгоград, 1999. Вып. 2. С. 149—167. Рис. 6, *25, 26*

213. БЛЯШКИ (5 экземпляров)

I в. н. э.

Золото. Диаметр 1,2—1,5 см

ВОКМ, инв. № 30200/25-29

Найдены у пос. Октябрьский Октябрьского р-на

Группа V, курган 1, погребение 1, раскопки Е. П. Мыськова, 1995 г.

Бляшки имеют округлые шляпки с полусферическим выступом в центре, снабженные петельками, согнутыми из тонкой золотой полосы и припаянными к обратной стороне шляпки.

Литература:. Мыськов Е. П., Кияшко А. В., Скрипкин А. С. Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая // НАВ. Волгоград, 1999. Вып. 2. С. 149—167. Рис. 6, *23, 24*

214. ОКОНЕЧНИК РЕМНЯ

I в. н. э.

Золото. Длина 4,6 см

ВОКМ, инв. № 30200/3198

Найден у пос. Октябрьский Октябрьского р-на

Группа V, курган 1, погребение 1, раскопки Е. П. Мыськова, 1995 г.

Оконечник ремня в виде узкой прямоугольной пластины со скругленным кольцом. В верхней части предмета имеется узкий продольный паз, соединенный двумя золотыми заклепками для крепления к ремню.

Литература: Мыськов Е. П., Кияшко А. В., Скрипкин А. С. Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая // НАВ. Волгоград, 1999. Вып. 2. С. 149—167. Рис. 6, 10

215. ОКОНЕЧНИКИ РЕМНЯ (3 экземпляра)

I в. н. э.

Золото. Длина 2,2 см, 3,1 см, 3 см

ВОКМ, инв. № 30200/22-23

Найдены у пос. Октябрьский Октябрьского р-на

Группа V, курган 1, погребение 1, раскопки Е. П. Мыськова, 1995 г.

Представляют собой полые трубочки, свернутые из тонких золотых листов. В нижней части концы трубочки раскованы в форме ложковидных выступов.

Литература Мыськов Е. П., Кияшко А. В., Скрипкин А. С. Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая // НАВ. Волгоград, 1999. Вып. 2. С. 149—167. Рис. 6, *5—7*

216. БЛЯХА

I в. н. э.

Серебро, позолота. Диаметр 2 см

ВОКМ, инв. № 30200/3202

Найдена у пос. Октябрьский Октябрьского р-на

Группа V, курган 1, погребение 1, раскопки Е. П. Мыськова, 1995 г.

Бляха имеет литую дисковидную шляпку, лицевая сторона которой разделена перегородками на зоны-углубления: центральную — округлую, радиальные — сегментовидные, заполненные стекловидной пастой зеленого цвета. Бляха снабжена петелькой, согнутой из подтреугольной полосы и припаянной к внутренней стороне шляпки.

Литература: Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2006. С. 64

217. КАНФАР

I в. н. э.

Стекло. Высота 7,3 см

ВОКМ, инв. № 30200/8

Найден у пос. Октябрьский Октябрьского р-на

Группа V, курган 1, погребение 1, раскопки Е. П. Мыськова, 1995 г.

Канфар из прозрачного зеленоватого стекла. Это плоскодонный сосуд с пря-

мыми стенками, высоким кольцевым поддоном и двумя симметричными ручками с фигурными горизонтальными выступами.

Литература: Мыськов Е. П., Кияшко А. В., Скрипкин А. С. Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая // НАВ. Волгоград, 1999. Вып. 2. С. 150. Рис. 3, *5*

218. ОБКЛАДКА

I в. н. э.

Золото, бирюза. Длина 32,6 см

ВОКМ, инв. № 30200/3201

Найдена у пос. Октябрьский Октябрьского р-на

Группа V, курган 1, погребение 1, раскопки Е. П. Мыськова, 1995 г.

Тонкая золотая обкладка из фольги покрывала резное деревянное изделие, на котором изображены два лежащих хищника — волк (?) с заостренными ушами и преувеличенной ноздрей и кошачий с закругленными ушами, кусающий волка за хвост.

Литература: Мыськов Е. П., Кияшко А. В., Скрипкин А. С. Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая // НАВ. Волгоград, 1999. Вып. 2. С. 150. Рис. 3, *7*

219. БЛЯШКИ КВАДРАТНЫЕ

I в. н. э.

Золото. Размер 1,1х1,1 см

ВОКМ, инв. № 30200/43-132

Найдены у пос. Октябрьский Октябрьского р-на

Группа V, курган 1, погребение 1, раскопки Е. П. Мыськова, 1995 г.

Бляшки квадратные с четырьмя отверстиями для пришивания и рельефным орнаментом в виде полусферического умбона в центре, с расходящимися лучами. Пространство между лучами заполнено мелкими округлыми выпуклостями.

Литература: Мыськов Е. П., Кияшко А. В., Скрипкин А. С. Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая // НАВ. Волгоград, 1999. Вып. 2. С. 150. Рис. 6, *12*

220. БЛЯШКИ ФИГУРНЫЕ

I в. н. э.

Золото. Высота 1,6 см

ВОКМ, инв. № 30200/133-261

Найдены у пос. Октябрьский Октябрьского р-на

Группа V, курган 1, погребение 1, раскопки Е. П. Мыськова, 1995 г.

Бляшки изготовлены в технике тиснения в виде трехступенчатой пирамидки. По краям пробиты три сквозных отверстий для пришивания.

Литература: Мыськов Е. П., Кияшко А. В., Скрипкин А. С. Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая // НАВ. Волгоград, 1999. Вып. 2. С. 150. Рис. 6, 13

221. БЛЯШКИ ТРЕУГОЛЬНЫЕ

I в. н. э.

Золото. Высота 1,2 см

ВОКМ, инв. № 30200/372-555

Найдены у пос. Октябрьский Октябрьского р-на

Группа V, курган 1, погребение 1, раскопки Е. П. Мыськова, 1995 г.

Бляшки треугольные с тремя отверстиями для пришивания и рельефным орнаментом в виде 4 расходящихся продольных лучей и трех поперечных линий.

Литература: Мыськов Е. П., Кияшко А. В., Скрипкин А. С. Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая // НАВ. Волгоград, 1999. Вып. 2. С. 150. Рис. 6, *17*

222. БЛЯШКИ ФИГУРНЫЕ

I в. н. э.

Золото. Длина 2,2 см

ВОКМ, инв. № 30200/262-371

Найдены у пос. Октябрьский Октябрьского р-на

Группа V, курган 1, погребение 1, раскопки Е. П. Мыськова, 1995 г.

Бляшки ажурные в виде стилизованных листьев с четырьмя отверстиями для пришивания.

Литература: Мыськов Е. П., Кияшко А. В., Скрипкин А. С. Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая // НАВ. Волгоград, 1999. Вып. 2. С. 150. Рис. 6, *11*

223. РУЧКИ ОТ ТАЗА С АТТАШАМИ (2 экземпляра)

I в. н. э.

Бронза, литье. Размер атташи 9,4×8,5 см, 8,7×8,3 см, ручки 7,5×6 см

ВОКМ, инв. № 30200/2-3 (ручки); № 30200/4-5 (атташи)

Найдены у пос. Октябрьский Октябрьского р-на

Группа V, курган 1, погребение 1, раскопки Е. П. Мыськова, 1995 г.

Атташи ручек имеют вид голов бородатых силенов в обрамлении виноградных листьев. В верхней части каждого медальона имеются специальные полукруглые пазы для откидных ручек, в средней части они увенчаны округлыми выступами. Окончания дуг ручек имели декоративные завитки.

Литература: Мыськов Е. П., Кияшко А. В., Скрипкин А. С. Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая // НАВ. Волгоград, 1999. Вып. 2. С. 150. Рис. 6, *4*

224. ДЕТАЛИ КОНСКОЙ УЗДЫ С ЗОЛОТОЙ ИНКРУСТАЦИЕЙ (6 экземпляров)

I в. н. э.

Железо, золото, ковка. Длина 12 см; 18,5 см; 13,2 см; 12,2 см; 6,0 см; 5,2 см

ВОКМ, инв. № 30200/34; 30200/3199; 31507/59,60

Найдены у пос. Октябрьский Октябрьского р-на

Группа V, курган 1, погребение 1; группа II, курган 3, погребение 1, раскопки Е. П. Мыськова, 1995 г., 1997 г.

Детали конской упряжи с золотой инкрустацией.

Литература: Мыськов Е. П., Кияшко А. В., Скрипкин А. С. Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая // НАВ. Волгоград, 1999. Вып. 2. С. 151. Рис. 5

225. ПРЕДМЕТЫ С ИНКРУСТАЦИЕЙ ЗОЛОТОЙ ФОЛЬГОЙ (2 экземпляра)

I в. н. э.

Железо, золото. Длина серповидного предмета 26,4 см, длина ножа 27,2 см

ВОКМ, инв. № 30200/3284

Найдены у пос. Октябрьский Октябрьского р-на

Группа V, курган 1, погребение 1, раскопки Е. П. Мыськова, 1995 г.

Предмет в виде изогнутой полосы с инкрустацией золотой фольгой, один конец заострен, а другой раздвоен. Другой предмет в виде ножа с инкрустацией золотой фольгой лежал на серповидном предмете, имеет узкий клинок с параллельными режущими кромками, удлиненным острием и коротким черешком.

Литература: Мыськов Е. П., Кияшко А. В., Скрипкин А. С. Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая // НАВ. Волгоград, 1999. Вып. 2. С. 152. Рис. 4, *9, 10*

226. КОТЕЛ ТИПА «DEBELT»

I в. н. э.

Бронза, ковка. Высота 13,6 см, максимальный диаметр тулова 23,8 см

ВОКМ, инв. № 28007/21

Найден у ж.-д. ст. Бердия Иловлинского р-на

Курган 3, погребение 1, раскопки И. В. Сергацкова,1991 г.

Котел с округлым дном, четко выраженным ребром в нижней части, сужающимся кверху туловом с профилированным венчиком. Край сначала резко отогнут наружу, а потом загнут вверх. Под венчиком котел опоясан железным пластинчатым ободком, приклепанным с противоположных сторон к краю котла. В местах креплений ободок согнут в петли, в которые была продета железная овальная в сечении дужка.

Литература: Сергацков И. В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. С. 67. Рис. 87, *1*

227. ЧАШИ С ЗООМОРФНЫМИ РУЧКАМИ (2 экземпляра)

I в. н. э.

Серебро. Высота 7,5 см, диаметр 12 см

ВОКМ, инв. № 28007/13,14

Найдены у ж.-д. ст. Бердия Иловлинского р-на

Курган 3, погребение 1, раскопки И. В. Сергацкова, 1991 г.

Чаши полусферической формы. Сбоку к каждой чаше припаяна массивная литая ручка в виде фигуры крылатого грифона.

Литература: Мордвинцева В. И., Сергацков И. В. Богатое сарматское погребение у станции Бердия // РА. 1995. № 4. С. 119. Рис. 5, *1, 2*

228. КУБОК

I в. н. э.

Серебро. Высота 9,2 см

ВОКМ, инв. № 29155/208

Найден у ж.-д ст. Бердия Иловлинского р-на

Курган 8, погребение 2, раскопки И. В. Сергацкова, 1993 г.

Серебряный кубок усеченно-конической формы. На боку и на дне сосуда процарапаны две одинаковые тамги. Знак представляет собой круг, от которого вверх и вниз отходят две прямые линии, заканчивающиеся разомкнутыми окружностями. На дне слабо процарапан еще один знак. В боку кубка пробито два отверстия.

Литература: Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2006. С. 33

229. КОТЕЛ

I в. н. э.

Бронза, литье. Высота 21 см, диаметр дна 8,1 см, диаметр венчика 11,5 см

ВОКМ, инв. № 29155/221

Найден у ж.-д. ст. Бердия Иловлинского р-на

Курган 8, погребение 4, раскопки И. В. Сергацкова, 1993 г.

Котел с высокой, рюмкообразной ножкой, полусферическим туловом и отогнутым наружу венчиком, оформленным в виде «веревочки». Тулово в средней части опоясано валиком, имитирующим «веревочку». К верхней части тулова припаяны две диаметрально расположенные вертикальные ручки в виде фигурок стоящих козлов.

Литература: Сергацков И. В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. С. 79. Рис. 96, *26*

230. ТАЗ

I в. н. э.

Бронза, литье, ковка. Высота 15,8 см, диаметр 40,2 см

ВОКМ, инв. № 28007/22

Найден у ж.-д. ст. Бердия Иловлинского р-на

Курган 3, погребение 1, раскопки И. В. Сергацкова, 1991 г.

Таз с полусферическим туловом и широким уплощенным венчиком. На дне концентрические окружности с точкой в центре из рельефных бороздок, выполненных резцом токарного станка. К дну припаян профилированный кольцевой поддон. По бокам припаяны две горизонтальные ручки (одна отломана в древности и отсутствует), круглые в сечении. В средней части ручек имеются три поперечных кольцевых валика. Атташи ручек оформлены в виде свернувшихся змей.

Литература: Сергацков И. В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. С. 70. Рис. 86, *2*

231. СОСУД

I в. н. э.

Бронза, литье, ковка. Высота 25,6 см, диаметр дна 20,6 см, максимальный диаметр тулова 32 см

ВОКМ, инв. № 28007/20

Найден у ж.-д. ст. Бердия Иловлинского р-на

Курган 3, погребение 1, раскопки И. В. Сергацкова, 1991 г.

Сосуд с плоским дном, округлым приземистым туловом и раструбным горлом. На дне рельефными валиками показаны четыре концентрические окружности, подчеркнутые неглубокими врезными бороздками. Сосуд литой, после отливки прокован и доработан на токарном станке.

Литература: Сергацков И. В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. С. 70. Рис. 87, *2*

232. КОТЕЛ

I в. н. э.

Бронза, литье. Высота 57,3 см, диаметр дна 15 см, максимальный диаметр тулова 45,6 см

ВОКМ, инв. № 28007/7

Найден у ж.-д. ст. Бердия Иловлинского р-на

Курган 3, погребение 1, раскопки И. В. Сергацкова, 1991 г.

Котел на полом раструбообразном поддоне, с полусферическим туловом, с загнутым внутрь краем и отогнутым наружу венчиком. Тулово в средней части опоясано валиком — имитацией «веревочки». К венчику припаяны две диаметрально расположенные вертикальные ручки арочной формы с тремя гвоздевидными выступами. В основание ручек помещены тамгообразные знаки, выполненные рельефными валиками.

Литература: Сергацков И. В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. С. 67. Рис. 85, *1*

233. КОТЕЛ

I в. н. э.

Бронза, литье. Высота 35 см, диаметр дна 12,8 см, максимальный диаметр тулова 13,8 см

ВОКМ, инв. № 28007/8

Найден у ж.-д. ст. Бердия Иловлинского р-на

Курган 3, погребение 1, раскопки И. В. Сергацкова, 1991 г.

Котел с полым поддоном рюмкообразной формы, шаровидным туловом, с носиком-сливом в верхней части и отогнутым наружу венчиком. Тулово в средней части опоясано валиком, имитирующим «веревочку». Венчик также оформлен в виде «веревочки». К венчику и тулову приварены две диаметрально противоположные вертикальные ручки в виде стоящих кабанов. Рельефными выступами показаны уши, глаза и клыки животного. У котла имеются еще две диаметрально расположенные витые ручки-петельки.

Литература: Сергацков И. В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. С. 68. Рис. 85, *2*

234. СЕРЬГИ (2 экземпляра)

I в. н. э.

Золото, стекло. Длина 5 см

ВОКМ, инв. № 32066/29-30

Найдены у пос. Вербовский Калачевского р-на

Курган 2, погребение 1, раскопки В. И. Мамонтова, 2002 г.

Серьги состоят из двух плоских полых цилиндров, украшенных ложной зернью и скрепленных вместе с листом золота, вырезанного по их очертанию. Четыре кольца в виде «катушек» припаяны между двумя цилиндрами и по краям большого цилиндра. В каждый цилиндр вставлены пластинки, вырезанные по его диаметру. Они приклеены к основанию с помощью мастики. В каждую пластину закреплена полусферическая бусина темного зеленоватого стекла.

Литература: Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2006. С. 37

235. СЕРЬГА

I в. н. э.

Золото, стекло. Длина 6,4 см

ВОКМ, инв. № 29152/36

Найдена у пос. Октябрьский Октябрьского р-на.

Группа II, курган 2, погребение 1, раскопки Е. П. Мыськов, 1993 г.

Серьга представляет собой подвеску с треугольным щитком. Основу щитка составляет золотая пластина. На нее с лицевой стороны напаяны 2 крупных каста круглой и сегментовидной формы, содержащие стеклянные вставки зеленого и темно-красного цвета. Снизу на петлях подвешены плетеные цепочки с золотыми шариками на концах.

Литература: Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики из фондов Волгоградского областного крае-

ведческого музея. Каталог. Волгоград, 2006. С. 59

236. СЕРЬГИ (2 экземпляра)

I в. н. э.

Золото, стекло. Длина 5,7 см

ВОКМ, инв. № 29155/198-199

Найдены у ж.-д. ст. Бердия Иловлинского р-на

Курган 8, погребение 2, раскопки И. В. Сергацкова, 1993 г.

Корпус серег представляет пластину восьмеркообразной формы, на которую напаяны два круглых медальона со вставками из стекла янтарного цвета. Края медальонов обрамлены зернью. Снизу к корпусу серьги припаяны пять петелек, на которые подвешены полые золотые бусины округлой формы.

Литература: Сергацков И. В. Сарматские погребения близ станции Бердия на Иловле // Археологические открытия 1991—2004 гг. Европейская Россия. М., 2009. С. 245—255. Рис. 8

237. ФИБУЛА

I — вторая пол. II в. н. э.

Бронза. Размеры 3,8×3,9 см

ВОКМ, инв. № 29152/9

Найдена у пос. Октябрьский Октябрьского р-на

Группа II, курган 1, погребение 1, раскопки Е. П. Мыськова, 1993 г.

Фибула представляет собой схематичное силуэтное изображение туловища, крыльев, хвостового оперения орла с припаянным объемным изображением шеи и головы птицы. Снизу к хвосту орла припаяна пружинная игла-застежка.

Литература: Мордвинцева В. И., Мыськов Е. П. Курганы сарматской знати у пос. Октябрьский // Археологические вести. СПб., 1999. Вып. 6. С. 179—191

238. БЛЯШКИ НАШИВНЫЕ (6 экземпляров)

I в. н. э.

Золото. Размер 2,3 см; 2,7 см; 1,3 см; 1,4 см; 0,8 см

ВОКМ, инв. № 31506/45-48,159,189

Найдены у пос. Октябрьский Октябрьского р-на

Группа V, курган 3, погребение 1, раскопки Е. П. Мыськова, 1998 г.

Бляшки в виде крылатых грифонов. Одна из них обращена вправо, другая — влево. Лапы переданы в виде полуколец, перья показаны в виде параллельных рифленых валиков. По краям каждой бляшки пробито по шесть отверстий для пришивания.

Бляшка в виде двух параллельных планок, между которыми заключены два ромба с соприкасающимися вершинами. По краям бляшки пробито шесть отверстий для пришивания.

Бляшка в виде трехступенчатой пирамиды с рельефным углублением в средней части, по краям бляшки пробито три отверстия для пришивания.

Бляшка круглая плоская с S-видной петелькой.

Литература: Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2006. С. 65, 66

239. СЕРЬГИ (2 экземпляра)

I в. н. э.

Золото, стеклянная паста, высота 4,5 см

ВОКМ, инв. № 6721/1-2

Найдены в Красноармейском р-не Волгограда

Заканальный курган 10, погребение 1, раскопки В. И. Мамонтова, 1968 г.

Серьги в виде стилизованного сосуда с высоким венчиком и ажурным основанием. По краю подвески и ниже перетянутой части проходят два ряда зерни. К тулову с противоположных сторон припаяны фигурки двух птиц, изготовленных из золотой фольги.

Литература: Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2006. С. 49

240. СЕРЬГИ (2 экземпляра)

I в. н. э.

Золото. Высота 2 см и 1,8 см

ВОКМ, инв. № 32837/37, 38

Найдены у с. Аксай Октябрьского р-на

Группа II, курган 34, погребение 1, раскопки А. Н. Дьяченко, 2006 г.

Серьги в виде двух изогнутых женских фигурок с подчеркнутыми половыми признаками. Руки согнуты в колечки, ноги вытянуты и в нижней части припаяны к прямоугольным пластиночкам. Голова уплощена, черты лица стилизованы. Вокруг головы расположены листовидные гнезда под стеклянные вставки. Сами вставки не сохранились.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 12—13. Табл. VII, 3

241. КУВШИН

I в. н. э.

Глина, круг. Высота 41 см, диаметр дна 11 см, диаметр венчика 11,9 см

ВОКМ, инв. № 12223

Найден у с. Ильевка Калачевского р-на

Курган 13, погребение 8, раскопки В. И. Мамонтова, 1970 г.

Амфоровидный сосуд с сильно отогнутым венчиком, узким горлом, переходящим в овальное тулово. По тулову проходит круговая бороздка. От горловины к верхней части тулова прикреплены две широкие ручки, согнутые под прямым углом. По ручке проведены две широкие борозды. Тулово лощеное, со следами сглаживания от венчика до середины тулова и далее до донышка вкруговую. Дно с выступающим краем, ровное.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 102—103

242. КАНФАР КРАСНОЛАКОВЫЙ

I в. н. э.

Красная глина, круг, ангоб, орнамент: *el barbatine.* Диаметр дна 5,5 см, высота 7 см, диаметр венчика 8,7 см

ВОКМ, инв. № 22365/38

Найден у пос. Первомайский Калачевского р-на

Группа VII, курган 12, погребение 1, раскопки В. И. Мамонтова, 1984 г.

Тулово канфара покрыто красным лаком. Петлевидные ручки имеют прямые выступы над ними. Ближе к верхней части тулова проходит налепной рельефный орнамент в виде стилизованных веток, плодов и листьев.

Литература: Мордвинцева В. И. Среднесарматские погребения с краснолаковой керамикой // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1992. Вып. 3. С. 127. Рис. 3, 1

243. КУВШИН

I — первая пол. II в. н. э.

Глина. Высота 22,7 см, диаметр дна 10,6 см

ВОКМ, инв. № 31518/3

Найден у с. Перегрузное Октябрьского р-на

Группа I, курган 2, погребение 1, раскопки В. М. Клепикова, 2000 г.

Кувшин сероглиняный, имеет биконическое тулово, чуть расширяющееся кверху горло. По краю горла сформирован резко отогнутый наружу венчик и носик-слив. На плечике тулова прикреплены два вертикальных подпрямоугольных налепа с прогнутым верхним краем и большая петлевидная ручка с зооморфным налепом.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоград-ской области. Волгоград, 2009. С. 188

244. КУВШИНЧИК

I — первая пол. II в. н. э.

Глина. Высота 7,3 см

ВОКМ, инв. № 29152/3

Найден у пос. Октябрьский Октябрьского р-на

Группа II, курган 1, погребение 1, раскопки Е. П. Мыськова,1993 г.

Кувшин имеет высокое, слегка раструбное горло, отогнутый венчик, приземистое биконическое тулово, плоское дно. Край горловины с противоположной от ручки стороны сформирован в виде носика-слива.

Литература: Мордвинцева В. И., Мыськов Е. П. Курганы сарматской знати у поселка Октябрьский // Археологические вести. СПб., 1999. Вып. 6. С. 179—191

245. КУВШИН

I — первая пол. II в. н. э.

Глина. Высота 23,5 см, диаметр дна 8 см, диаметр венчика 12 см

ВОКМ, инв. № 32837/53

Найден у с. Аксай Октябрьский р-на

Группа II, курган 34, погребение 1, раскопки А. Н. Дьяченко, 2006 г.

Кувшин сероглиняный имеет носик-слив и три ручки. Одна ручка прикреплена к верхней части тулова. Две другие — небольшие, петлевидные. Горловина и тулово орнаментированы горизонтальными канелюрами и зигзагообразными пересекающимися линиями.

Литература: Дьяченко А. Н. Охранные археологические исследования в зоне строительства газопровода в Октябрьском районе Волгоградской области. НАВ. Волгоград, 2006. Вып. 8. С. 315

246. КУВШИН

I — первая пол. II в. н. э.

Глина. Высота 26 см, диаметр дна 10,4 см, диаметр венчика 12 см

ВОКМ, инв. № 32011/11

Найден у пос. Вербовский Калачевского р-на

Группа II, курган 9, погребение 1, раскопки В. И. Мамонтова,1999 г.

Кувшин имеет высокую горловину, расширяющуюся к устью. Край венчика отогнут наружу. Его широкая верхняя площадка переходит в слив, сломанный в прошлом. Тулово биконическое, ручка петлевидная. Верхняя часть кувшина орнаментирована.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 44—45

247. ПРОНИЗИ С ЛИЧИНАМИ (3 экземпляра)

I — первая пол. II в. н. э.

Стекло полихромное. Размер 0,8×0,8 см

ВОКМ, инв. № 30018/20-23

Найдены в курганном могильнике Западные Могилы Николаевского р-на

Курган 7, погребение 1, раскопки Н. Б. Скворцова, 1994 г.

Полихромные, стеклянные, прямоугольные пронизи из непрозрачного стекла со сложным двухсторонним изображением женского лица. Голова покрыта темной шалью. Все это выполнено на основе синего цвета. Края пронизи обведены желтым стеклом. Прорисовка лица сделана белым стеклом, глаза, брови и нос — черным, рот — красным. Две другие пронизи прорисованы лиловым стеклом (лицо, глаза, брови, рот), зрачки и губы — изумрудного цвета.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 96. Табл. VII, *4*

248. БЛЯШКИ (3 экземпляра)

I в. н. э.

Золото, стекло. Диаметр 1,1 см

ВОКМ, инв. № 28002/84-86

Найдены у хут. Антонов Октябрьского р-на

Курган 5, погребение 1, раскопки В. И. Мамонтова, 1992 г.

Бляшки в виде семилепестковой розетки. На основу бляшек припаяны отрезки золотой проволоки, скрученной в виде «веревочки». С оборота припаяны четыре золотые петли для пришивания. В центре розетки — стеклянная вставка в золотом ободке.

Литература: Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2006. С. 25

249. БЛЯШКИ (3 экземпляра)

I в. н. э.

Золото. Диаметр 1,1 см

ВОКМ, инв. № 6708

Найдены в Красноармейском р-не Волгограда

Заканальный курган 2, погребение 1, раскопки В. И. Мамонтова, 1967 г.

Бляшка в виде цветочной розетки с напаянной полусферой в центре, с обратной стороны прикреплена золотая петля. К поверхности каждого лепестка припаяна тонкая золотая проволочка, концами сходящаяся к центру бляшки.

Литература: Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2006. С. 47

250. НИЗКА БУС

I — первая пол. II в. н. э.

Стекло, мел, янтарь, сердолик, мрамор, паста, агат, коралл. Диаметр 0,5—2,8 см

ВОКМ, инв. № 14256/1

Найдена у пос. Колпачки Калачевского р-на

Курган 4, погребение 1, раскопки В. И. Мамонтова, 1968 г.

Низка состоит из цветных бусин овальной, рубчатой, биконической формы.

Литература: Мамонтов В. И. Курганный могильник Колпачки // СА. 1971. № 1. С. 209—216

251. СОСУДИК

I в. н. э.

Алебастр. Высота 5,1 см, диаметр дна 5,4 см, диаметр венчика 3,5 см

ВОКМ, инв. № 30000/9

Найден у с. Политотдельское Николаевского р-на.

Курган 2, погребение 7, раскопки. А. М. Комарова, О. В. Кузьминой, А. Ю. Иванова, 1989 г.

Алебастровый сосудик розовато-белого цвета с поддоном в виде кольцевого валика.

252. СОСУДИК

I — первая пол. II в. н. э.

Алебастр. Высота 6,4 см

ВОКМ, инв. № 31513/4

Найден у пос. Вербовский Калачевского р-на

Курган 3, погребение 1, раскопки В. И. Мамонтова, 1998 г.

Сосудик с вертикальными широкими ручками и отогнутым венчиком. По краю небольшой круговой поддон.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 44—45

253. СОСУДИК

I — первая пол. II в. н. э.

Алебастр. Высота 5,3 см

ВОКМ, инв. № 22365/43

Найден у пос. Первомайский Калачевского р-на

Группа VII, курган 14, погребение 3, раскопки В. И. Мамонтова, 1984 г.

На краю венчика сосудика имеется площадка. По краю дна проходит круговая бороздка. Нижняя часть орнаментирована вкруговую рельефными линиями типа меандр.

Литература: Мамонтов В. И. Древнейшее население левобережья Дона. По материалам курганного могильника Первомайский VII. Волгоград, 2000. С. 19. Рис. 17, 18

254, 255. СОСУДИКИ (2 экземпляра)

I в. н. э.

Мрамор. Высота 3,4 см; 3,3 см

ВОКМ, инв. № 33458/7,8

Найдены у с. Перегрузное Октябрьского р-на

Группа I, курган 45, погребение 3, раскопки В. М. Клепикова, 2010 г.

Сосудик с отогнутым наружу венчиком, округлым туловом и уплощенным дном.

Сосудик с немного отогнутым наружу венчиком, биконическим туловом и плоским дном

256. НИЗКА БУС

I в. н. э.

Стекло, паста. Диаметр 0,4—0,6 см

ВОКМ, инв. № 24100/45

Найдена у пос. Первомайский Калачевского р-на

Группа VII, курган 33, погребение 4(2), раскопки В. И. Мамонтова, 1986 г.

Асимметричные бусины черного цвета с белыми полосками; крупные боченко-

видные бусины с внутренней позолотой; белые пастовые бусины в виде «калачика»; боченковидные пастовые бусины голубого цвета; овальные бусины из красной пасты; темно-фиолетовые стеклянные бусины; мелкий бисер голубого и зеленого цвета из пасты; цилиндрическая стеклянная бусина с внутренней позолотой.

Литература: Мамонтов В. И. Древнейшее население левобережья Дона. По материалам курганного могильника Первомайский VII. Волгоград, 2000. С. 33. Рис. 25, *6—15*

257. НИЗКА БУС

I — первая пол. II в. н. э.

Стекло. Диаметр 0,3—1,3 см

ВОКМ, инв. № 32100/8

Найдена у с. Перегрузное Октябрьского р-на

Группа I, курган 26, погребение 1, раскопки В. М. Клепикова, 2002 г.

Низка бус состоит из одной бусины округло-цилиндрической, глазчатой, из глухого зеленого стекла, глазки выпуклые, с белым полем и темно-синими зрачками и окантовкой; двух бусин округлых, полупрозрачных, из белого мутноватого сердолика; девяти бусин округлых, из глухого коричневато-зеленого стекла; одной бусины округло-цилиндрической; одной плоской прямоугольной пронизи из черного стекла, на обеих сторонах по шесть золотистых точек в два ряда; двадцати двух бусин дисковидных из черного стекла. Остальные бусы из черного, серого и белого бисера.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 188

258. ПРОНИЗИ (3 экземпляра)

I — первая пол. II в. н. э.

Египетский фаянс. Длина 1,9 см, 1,4 см

ВОКМ, инв. № 32100/16-18

Найдены у с. Перегрузное Октябрьского р-на

Группа I, курган 26, погребение 1, раскопки В. М. Клепикова, 2002 г.

Пронизи в виде скарабеев из голубого египетского фаянса. На плоскости основания нанесены иероглифы.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 188

259. ПРЯЖКА

I в. н. э.

Серебро, литье, стекло. Длина 5 см

ВОКМ, инв. № 29153/1

Найдена у пос. Октябрьский Октябрьского р-на

Группа I, курган 1, погребение 1, раскопки Е. П. Мыськова, 1993 г.

Пряжка портупейная с треугольной рамкой. Один конец пряжки оформлен в виде горбоносой головы копытного животного (лося или сайгака). Глаза животного показаны выпуклыми круглыми гнездами со вставками стекла темно-вишневого цвета.

Литература: Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2006. С. 57

260. ПРЯЖКА

I — первая пол. II в. н. э.

Серебро, бирюза. Диаметр 4,1 см

ВОКМ, инв. № 16113/11

Найдена у ж.-д. ст. Жутово Октябрьского р-на

Курган 67, погребение 2, раскопки В. И. Мамонтова, 1974 г.

Пряжка в виде кольца, внутри которого напаяны две пересекающиеся полосы.

У основания крепления полосок и в центре сохранились гнезда со вставками бирюзы.

Литература: Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2006. С. 45

261. СТЕКЛЯННАЯ ВСТАВКА В ПЕРСТЕНЬ

I в. н. э.

Стекло. Длина 1 см, ширина 0,9 см, толщина 1 мм

ВОКМ, инв. № 12305/2

Найдена в Красноармейском р-не Волгограда

Заканальный курган 1, погребение 1, раскопки В. И. Мамонтова, 1968 г.

Вставка в перстень из фиолетового стекла овального очертания с изображением мужчины с прямым носом и коротко подстриженной бородой.

Литература: Мамонтова В. И. Этапы освоения Сарпинской низменности // Материалы по археологии Калмыкии. Элиста, 1991. С. 87—98

262. БЛЯХИ ЗООМОРФНЫЕ (2 экземпляра)

I — первая пол. II в. н. э.

Золото, тиснение, бирюза, паста. Длина 5,3 см

ВОКМ, инв. № 11744/1,2

Найдены у с. Царев Ленинского р-на

Курган 23, погребение 4, раскопки В. И. Мамонтова, 1975 г.

Бляха в виде припавшего к земле кошачьего хищника. Ухо животного украшено вставкой из бирюзы.

Литература: Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2006. С. 74

263. ФАЛАР

I — первая пол. II в. н. э.

Бронза. Диаметр 4,9 см

ВОКМ, инв. № 31505/61

Найден у с. Аксай Октябрьского р-на

Курган 8, погребение 13, раскопки А. Н. Дьяченко, 1997 г.

Дисковидный фалар, в центральной части которого располагается выпуклый полусферический умбон. От умбона к краям отходит шесть лучей, отлитых в виде ложновитой «веревочки». С обратной стороны сохранились выступы от прямоугольной рамки, сквозь которую мог продеваться ремень.

Литература: Дьяченко А. Н., Мэйб Э., Скрипкин А. С., Клепиков В. М. Археологические исследования в Волго-Донском междуречье // НАВ. Волгоград, 1999. Вып. 2. С. 101. Рис. 10, *5*

264. КОТЕЛЬЧИК

I — первая пол. II в. н. э.

Бронза. Высота 11,3 см, диаметр венчика 9 см

ВОКМ, инв. № 32837/48

Найден у с. Аксай Октябрьского р-на

Группа II, курган 34, погребение 1, раскопки А. Н. Дьяченко, 2006 г.

Котельчик на поддоне и с втулкой у верхнего края, с пояском-утолщением на конце.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 12—13

265. КУВШИН

I — первая пол. II в. н. э.

Глина. Высота 47 см, диаметр венчика 15,5 см

ВОКМ, инв. № 32838/15

Найден у с. Аксай Октябрьского р-на

Группа III, курган 3, погребение 1, раскопки А. Н. Дьяченко, 2006 г.

Тулово кувшина с высоким горлом, отогнутым венчиком и оттянутыми наружу носиком-сливом. К верхней части тулова приклеена вертикальная ложновитая ручка. Верхняя и центральная часть тулова орнаментирована.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 12—13

266. КУВШИН

I — первая пол. II в. н. э.

Глина. Высота 35,4 см, диаметр венчика 13 см

ВОКМ, инв. № 32668/34

Найден у с. Аксай Октябрьского р-на

Курган 18, погребение 1, раскопки А. Н. Дьяченко, 2005 г.

Сероглиняный кувшин с шаровидным туловом с зауженным горлом и открытым устьем, с отогнутым носиком-сливом.

К тулову крепится широкая вертикальная ручка. Верхняя часть тулова покрыта комбинированным орнаментом.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 12—13

267. МЕДАЛЬОН С ДВУМЯ ЦЕПОЧКАМИ

I — первая пол. II в. н. э.

Золото, вставка из зеленого стекла

Размер медальона 3,2×1,3×0,8 см. Длина цепей 18,5 см, 19,5 см

ВОКМ, инв. № 20192 (кулон)

№ 20193/1, 2 (цепочки)

Найден у с. Барановка Камышинского р-на

Группа I, курган 3, погребение 1, раскопки И. В. Сергацкова, 1982 г.

Кулон представляет собой прямоугольный медальон со вставкой из зеленого стекла. На верхних углах медальона припаяны по две петли, к которым с помощью золотых штифтов крепились две золотые плетеные цепочки.

Литература: Сергацков И. В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. С. 23—24. Рис. 22, *10*

268. ПОДВЕСКИ (2 экземпляра)

I — первая пол. II в. н. э.

Золото, стекло. Диаметр 1,1 см, высота 0,6 см

ВОКМ, инв. № 20181/1а,1б

Найдены у с. Барановка Камышинского р-на

Группа I, курган 1, погребение 1, раскопки И. В. Сергацкова, 1982 г.

Подвески состоят из золотой основы, вокруг которой напаян ободок из полоски золотой фольги. По краю медальона напаяны шарики зерни. В центр вставлена стеклянная вставка темно-коричневого цвета полусферической формы. Сверху для подвешивания медальона припаяна рубчатая пронизь.

Литература: Сергацков И. В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. С. 20—22. Рис. 17, *42*

269. НАКЛАДКА

I — первая пол. II в. н. э.

Золото. Длина 27,5 см

ВОКМ, инв. № 20197/1-3

Найдена у с. Барановка Камышинского р-на

Курган 4, погребение 1, раскопки И. В. Сергацкова, 1984 г.

Тонкая золотая накладка, состоящая из трех частей, на которой изображен ряд из трех лежащих животных, слева направо: кошачий хищник (тигр), которого кусает грифон, за ним следует козел с повернутой назад головой.

Литература: Сергацков И. В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. С. 24—26. Рис. 25, *1*

270. ЗЕРКАЛО

I — первая пол. II в. н. э.

Бронза. Диаметр 8,5 см, толщина диска 0,5 см

ВОКМ, инв. № 25800/8

Найдено у с. Барановка Камышинского р-на

Группа I, курган 1, погребение 1, раскопки И. В. Сергацкова, 1982 г.

Зеркало орнаментированное, в центре помещена четырехлепестковая розетка с петелькой для подвешивания. По краю зеркало украшено орнаментом из треугольников, обращенных вершинами вверх.

Литература: Сергацков И. В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. С. 21. Рис. 18, *6*

271. БУСЫ

I — первая пол. II в. н. э.

Горный хрусталь, разноцветное стекло, сердолик, опал, египетский фаянс, янтарь

Диаметр 0,4—1,6 см

ВОКМ, инв. № 25800/1

Найдены у с. Барановка Камышинского р-на

Группа I, курган 1, погребение 1, раскопки И. В. Сергацкова, 1982 г.

Бусы из горного хрусталя, разноцветного стекла, сердолика, опала, египетского фаянса, янтаря.

Литература: Сергацков И. В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. С. 20—21. Рис. 17, *1—44*

272. БУСИНА

I — первая пол. II в. н. э.

Гагат. Длина 4 см

ВОКМ, инв. № 25800/26

Найдена у с. Барановка Камышинского р-на

Группа I, курган 4, погребение 1, раскопки И. В. Сергацкова, 1982 г.

Гагатовая бусина боченковидной формы.

Литература: Сергацков И. В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. С. 25. Рис. 23, *23*

273. БУСИНА

I — первая пол. II в. н. э.

Камень. Длина 2,2 см

ВОКМ, инв. № 25800/27

Найдена у с. Барановка Камышинского р-на

Группа I, курган 4, погребение 1, раскопки И. В. Сергацкова, 1982 г.

Пронизка из камня зеленого цвета

Литература: Сергацков И. В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. С. 25. Рис. 23, *19*

274. БУСИНА

I — первая пол. II в. н. э.

Паста. Диаметр 2,6 см

ВОКМ, инв. № 25800/30

Найдена у с. Барановка Камышинского р-на

Группа I, курган 4, погребение 1, раскопки И. В. Сергацкова, 1982 г.

Синяя круглая пастовая глазчатая бусина с диагональным расположением глазков.

Литература: Сергацков И. В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. С. 25. Рис. 23, *20*

275. БУСИНА

I — первая пол. II в. н. э.

Агат. Длина 2,5 см

ВОКМ, инв. № 25800/31

Найдена у с. Барановка Камышинского р-на

Курган 4, погребение 1, раскопки И. В. Сергацкова, 1982 г.

Агатовая бусина боченковидной формы с двусторонним сверлением.

Литература: Сергацков И. В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. С. 25. Рис. 23, *24*

276. ИНТАЛИЯ

I — начало II в. н. э.

Халцедон, резьба. Размер 1,4х0,7 см

ВОКМ, инв. № 25800/20

Найдена у с. Барановка Камышинского р-на

Группа I, курган 3, погребение 1, раскопки И. В. Сергацкова, 1982 г.

Инталия в форме скарабеоида, на ее плоской стороне вырезано схематическое изображение птицы, клюющей рыбу. Второе использование в качестве бусины.

Литература: Сергацков И. В. Погребения сарматской знати у с. Барановка // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993. С. 71—80

277. РУЧКИ В ВИДЕ ФИГУРОК ВОЛКОВ (2 экземпляра)

I — первая пол. II в. н. э.

Серебро. Литье. Длина ручек 8,8 см; 9,0 см

ВОКМ, инв. № 31513/16, 17

Найдены у пос. Вербовский Калачевского р-на

Группа II, курган 4, погребение 1, раскопки В. И. Мамонтова, 1998 г.

Ручки от сосуда в виде поджарых волков с широко расставленными лапами.

Литература: Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2006. С. 36

278. СОСУДИК

I — первая пол. II в. н. э.

Алебастр. Высота 6,4 см

ВОКМ, инв. № 31513/4

Найден у пос. Вербовский Калачевского р-на

Группа II, курган 3, погребение 1, раскопки В. И. Мамонтова, 1998 г.

Сосудик с вертикальными широкими ручками и отогнутым венчиком. По дну — небольшой круговой поддон.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 44—45

279. ПРЯЖКА

I — первая пол. II в. н. э.

Бронза. Длина 5,4 см, ширина основания 2,6 см

ВОКМ, инв. № 1513/12

Найдена у пос. Вербовский Калачевского р-на

Группа II, курган 4, погребение 1, раскопки В. И. Мамонтова, 1998 г.

Пряжка поясная фигурная. Изготовлена из бронзового прута, в узкой части на штыре крепится длинный, округлый в сечении язычок.

Литература: Мамонтов В. И. Уникальные находки в сарматских погребениях из курганов у пос. Вербовский // Взаимодействие и развитие древних культур Южного пограничья Европы и Азии. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И. В. Синицына (1900—1971). Саратов—Энгельс. 14—18 мая 2000 г. Саратов, 2000. С. 168—169, 279

280. БУСИНЫ (2 экземпляра)

I — первая пол. II в. н. э.

Стекло. Диаметр 1,3 см, 1,4 см

ВОКМ, инв. № 31513/19

Найдены у хут. Вербовский Калачевского р-на

Группа II, курган 4, погребение 1, раскопки В. И. Мамонтова, 1998 г.

Бусины, украшенные растительным орнаментом.

Литература: Мамонтов В. И. Уникальные находки в сарматских погребениях из курганов у пос. Вербовский // Взаимодействие и развитие древних культур Южного пограничья Европы и Азии. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И. В. Синицына (1900—1971). Саратов—Энгельс, 14—18 мая 2000 г. Саратов, 2000. С. 168—169, 279

281. ПОДВЕСКА-АМУЛЕТ

I — первая пол. II в. н. э.

Золото, халцедон. Длина 4,7 см, диаметр обойм 1,4 см

ВОКМ, инв. № 31513/20-22

Найдена у пос. Вербовский Калачевского р-на

Группа II, курган 4, погребение 1, раскопки В. И. Мамонтова, 1998 г.

Подвеска состоит из крупной халцедоновой бусины молочного цвета с темно-красными прожилками. Концы бусины вставлены в золотые обоймы. Обоймы свернуты из полосы листового золота, напаянной на круглую основу. Устье обоймы украшено напаянной перевитой проволочкой — «веревочка». К каждой обойме припаяна пластинчатая петля для подвешивания.

Литература: Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2006. С. 36

282. ПАТЕРА

I — первая пол. II в. н. э.

Бронза. Длина 26,8 см, высота 7,2 см

ВОКМ, инв. № 32011/12

Найдена у пос. Вербовский Калачевского р-на

Группа II, курган 9, погребение 1, раскопки В. И. Мамонтова, 1999 г.

Патера с двумя фигурными подставками. Дно украшено рисунком с изображением человека и козла.

Литература: Мамонтов В. И. Уникальные находки в сарматских погребениях из курганов у пос. Вербовский // Взаимодействие и развитие древних культур Южного пограничья Европы и Азии. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И. В. Синицына (1900—1971). Саратов—Энгельс, 14—18 мая 2000 г. Саратов, 2000. С. 168—169, 279

283. ФЛАКОНЧИКИ (2 экземпляра)

I в. н. э.

Мрамор. Высота 9,5 см, 5,1 см

ВОКМ, инв. № 32011/15,16

Найдены у пос. Вербовский Калачевского р-на

Группа II, курган 9, погребение 1, раскопки В. И. Мамонтова, 1999 г.

Флакон со слегка отогнутым наружу венчиком. Корпус прямой. По дну нанесена горизонтальная резная линия. В средней части тулова имеется ручка в виде лежащего животного. По дну, по краю прочерчена круговая линия.

Флакончик имеет высокую горловину, переходящую в яйцевидное тулово. Дно подчеркнуто круговым рельефным валиком. Тулово украшают фигурки лежащих животных.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 12—13

284. КОТЕЛ

Вторая пол. I — первая пол. II в. н. э.

Бронза, литье. Высота 25,8 см, диаметр венчика 13 см, диаметр основания 10 см

ВОКМ, инв. № 12249

Случайная находка в 1967 г. у пос. Киляковка Среднеахтубинского р-на

Котел имеет шаровидное тулово с отогнутым наружу венчиком, к которому приклепана длинная полая ножка с широким основанием. На тулове венчика припаяны три фигуры животных. Все они обращены головой к венчику котла. Две фигурки козла (у одного отбит кончик хвоста) и фигурка лошади с отломленной головой. На спине лошади имеется седло.

Литература: Скрипкин А. С. Случайные находки сарматских котлов на территории Волгоградской области // СА. 1970. № 4. С. 206

285. ПОДВЕСКА-АМУЛЕТ

I в. н. э.

Золото, белемнит. Длина 10,5 см

ВОКМ, инв. № 21582

Найден у пос. Первомайский Калачевского р-на

Группа VII, курган 14, погребение 1, раскопки В. И. Мамонтова, 1984 г.

Верхняя часть подвески украшена колпачком из золотой пластины с орнаментом, напаянным из проволоки в виде бегущей волны, четырехлепестковых розетт, кружков и сердечек. На верхней части колпачка оттиснута рельефная антропоморфная личина.

Литература: Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2006. С. 68

286. МЕЧ

I — первая пол. II в. н. э.

Железо. Длина 45 см

ВОКМ, инв. № 32837/66

Найден у с. Аксай Октябрьского р-на

Группа II, курган 37, погребение 1, раскопки А. Н. Дьяченко, 2006 г.

Меч с прямым перекрестием и кольцевидным навершием.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 12—13

287. МЕЧ

I — первая пол. II в. н. э.

Железо. Длина 45 см

ВОКМ, инв. № 32668/35

Найден у с. Аксай Октябрьского р-на

Группа I, курган 18, погребение 1, раскопки А. Н. Дьяченко, 2005 г.

Меч с прямым перекрестием и кольцевидным навершием.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 12—13

288. СОСУД С ЗООМОРФНОЙ РУЧКОЙ

I — первая пол. II в. н. э.

Серебро. Высота 12,6 см, диаметр венчика 10,5 см

ВОКМ, инв. № 33573/35

Найден у с. Перегрузное Октябрьского р-на

Группа I, курган 51, погребение 2, раскопки В. М. Клепикова, 2011 г.

Сосуд бокаловидной формы с округлым дном. В верхней части выделена шейка, венчик отогнут наружу. Ручка в виде фигурки хищного животного (волка).

289. МИСКА

I в. н. э.

Глина. Диаметр венчика 19,4 см, диаметр дна 8 см, высота 7,4 см

ВОКМ, инв. № 24100/11

Найдена у пос. Первомайский Калачевского р-на

Группа VII, курган 20, погребение 1, раскопки В. И. Мамонтова, 1986 г.

Миска черноглиняная с прямым венчиком и узким дном. По верхней части миски проведены шесть параллельных круговых резных линий.

Литература: Мамонтов В. И. Древнейшее население левобережья Дона. По материалам курганного могильника Первомайский VII. Волгоград, 2000. С. 25. Рис. 19, *4*

290. КРУЖКА

I — первая пол. II в. н. э.

Глина. Высота 9 см

ВОКМ, инв. № 32011/17

Найдена у пос. Вербовский Калачевского р-на

Группа II, курган 9, погребение 1, раскопки В. И. Мамонтова, 1999 г.

Кружка черноглиняная с прямым венчиком и туловом, расширяющимся книзу. В нижней части тулова имеется петлевидная ручка.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 44—45

291. КАНФАР

I — первая пол. II в. н. э.

Глина. Высота 10,2 см

ВОКМ, инв. № 31993/7

Найден у с. Перегрузное Октябрьского р-на

Группа I, курган 16, погребение 1, раскопки В. М. Клепикова, 2002 г.

Сероглиняный гончарный канфар с кубковидным туловом, выделенным коротким расширяющимся горлом, двумя плоскими вертикальными ручками, с отогнутым наружу верхним краем, на кольцевом поддоне.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 188

292. ПЛАКЕТКИ В ВИДЕ ЛЬВОВ (2 экземпляра)

I — первая пол. II в. н. э.

Фаянс. Длина 2,4 см, 2,2 см, высота 1,3 см, ширина 2,1 см, 1,5 см

ВОКМ, инв № 32100/9,10

Найдены у с. Перегрузное Октябрьского р-на

Группа I, курган 26, погребение 1, раскопки В. М. Клепикова, 2002 г.

Две прямоугольные плоские плакетки с объемными фигурками лежащих львов из египетского фаянса.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 188

293. ЗЕРКАЛО

I — первая пол. II в. н. э.

Бронза. Диаметр 7,5 см

ВОКМ, инв. № 32100/24

Найдено у с. Перегрузное Октябрьского р-на

Группа I, курган 26, погребение 1, раскопки В. М. Клепикова, 2002 г.

Зеркало с умбоном в центре и небольшим валиком по краю диска, с боковой плоской ручкой, украшенной тремя продольными валиками и сквозным отверстием у основания.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 188

294. ЗЕРКАЛО С КОСТЯНОЙ РУЧКОЙ

I в. н. э.

Бронза, кость. Диаметр зеркала 11 см, длина ручки 14 см

ВОКМ, инв. № 12248

Найдено у ж.-д. ст. Жутово Октябрьского р-на

Курган 34, погребение 3, раскопки В. И. Мамонтова, 1965 г.

Зеркало плоское с небольшим утолщением в центре. По краю зеркала проходит валик, в центре — шестилепестковый цветок и три прочерченные концентрические окружности.

Костяная рукоять овальная в сечении, постепенно сужается в верхней части.

Литература: Астафьева Н. Н. Сарматское погребение Жутовского курганного могильника Волгоградской области // НАВ. Волгоград, 2003. Вып. 6. С. 283—288. Рис. 3, 1

295. БЛЯШКИ НАШИВНЫЕ (42 экземпляра)

I в. н. э.

Золото. Диаметр 0,4—0,5 см, 1,7х1,8 см

ВОКМ, инв. № 33457

Найдены у с. Перегрузное Октябрьского р-на

Группа I, курган 45, погребение 3, раскопки В. М. Клепикова, 2010 г.

Золотые бляшки представлены четырьмя типами: круглые плосковыпуклые гладкие с двумя отверстиями на ребре сгиба; крестовидные (в форме «египетского креста») с плосковыпуклой ромбовидной нижней частью, кольцевидными крыльями и рамчатой треугольной верхней частью, сквозные отверстия для закрепления в двух боковых углах ромба и в основании треугольной рамки; в виде завитка («набегающая волна») на прямоугольной базе с двумя отверстиями на завитке и двумя на базе; ажурные в виде прямоугольника, образованного крестовидным растительным орнаментом с двумя отверстиями на краях по длинной оси и четырьмя отверстиями по углам.

296. БРАСЛЕТ

I в. н. э.

Бронза. Диаметр 8,2 см

ВОКМ, инв. № 33458/2

Найден у с. Перегрузное Октябрьского р-на

Группа I, курган 45, погребение 3, раскопки В. М. Клепикова, 2010 г.

Массивный бронзовый браслет с тремя рядами шишечек по внешней стороне.

297. ЗЕРКАЛО

I в. н. э.

Бронза. Диаметр 14,7 см

ВОКМ, инв. № 33458/4

Найдено у с. Перегрузное Октябрьского р-на

Группа I, курган 45, погребение 3, раскопки В. М. Клепикова, 2010 г.

Массивное зеркало с валиком по краю, выпуклостью в центре диска и боковой ручкой, прямоугольной в сечении. В ее нижней части два сквозных отверстия для штифтов, которыми крепилась деревянная рукоять.

298. ЛОЖЕЧКА

I в. н. э.

Кость. Длина 14,8 см

ВОКМ, инв. № 33458/5

Найдена у с. Перегрузное Октябрьского р-на

Группа I, курган 45, погребение 3, раскопки В. М. Клепикова, 2010 г.

Ложечка со стержнеобразной рукоятью, орнаментированной в верхней части, отделенной от ручки головкой. Окончание рукояти оформлено рельефным орнаментом.

299. ПРЯСЛИЦЕ

I в. н. э.

Мрамор. Высота 2 см, диаметр 2,6 см

ВОКМ, инв. № 33458/6

Найдено у с. Перегрузное Октябрьского р-на

Группа I, курган 45, погребение 3, раскопки В. М. Клепикова, 2010 г.

Пряслице округлой формы.

300. КУРИЛЬНИЦЫ И СОСУД (3 экземпляра)

I в. н. э.

Глина. Высота курильниц 9,6 см и 4,7 см, высота сосуда 14,5 см

ВОКМ, инв. № 33573/40-42

Найдены у с. Перегрузное Октябрьского р-на

Группа I, курган 51, погребение 2, раскопки В. М. Клепикова, 2011 г.

Большая лепная глиняная курильница бокаловидной формы с выделенным поддоном и реберчатым туловом.

Маленькая курильница цилиндрической формы.

Кувшин гончарный черноглиняный с плоским дном, воронкообразным горлом и коническим туловом, с вертикальной петлевидной ручкой на плечике.

301. ПОДВЕСКА

I — первая пол. II в. н. э.

Бронза. Диаметр 2,8 см

ВОКМ, инв. № 25800/22

Найдена у с. Барановка Камышинского р-на

Группа I, курган 3, погребение 1, раскопки И. В. Сергацкова, 1982 г.

Подвеска в виде колесика. На противоположных сторонах имеются два отверстия. На других противоположных сторонах есть два круглых углубления.

Литература: Сергацков И. В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. С. 24. Рис. 20, *11*

ПОЗДНЕСАРМАТСКИЙ ПЕРИОД

302. ПЕРСТЕНЬ

Вторая пол. II—III в. н. э.

Золото, стекло. Диаметр 2,2 см

ВОКМ, инв. № 26062

Найден у ст-цы Нагавской Котельниковского р-на

Группа II, курган 11, погребение 1, раскопки Е. П. Мыськова, 1988 г.

Перстень изготовлен из золотой полоски тонкой золотой фольги, свернутой в кольцо. Наружная поверхность фольги украшена в технике тиснения семью продольными рельефными бороздками. На поверхности кольца припаяны два гнезда, в которых закреплены гладкие полусферические вставки коричневого полупрозрачного стекла. Каждое гнездо обрамлено зернью.

Литература: Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2006. С. 56

303. КУЛОН

Вторая пол. II—III в. н. э.

Золото, горный хрусталь. Длина 1,9 см

ВОКМ, инв. № 26061

Найден у ст-цы Нагавской Котельниковского р-на

Группа II, курган 11, погребение 1, раскопки Е. П. Мыськова, 1988 г.

Восьмигранная хрустальная вставка с боковых сторон обложена золотыми оправками с петельками для подвешивания. Обе обоймы украшены рельефным орнаментом, выполненным из тонкой проволоки, припаянной к их наружной поверхности.

Литература: Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2006. С. 56

304. БУТЫЛЬ

Вторая пол. II—III в. н. э.

Стекло. Высота 28, 5 см

ВОКМ, инв. № 26101/2

Найдена у ст-цы Нагавской Котельниковского района

Группа II, курган 11, погребение 1, раскопки Е. П. Мыськова, 1988 г.

Бутыль стеклянная, изготовленная из полупрозрачного стекла высокого качества. Форма цилиндрическая, с выгнутым плоским дном и узким расширяющимся кверху горлом. На одной стороне имеется массивная плоская ручка с рельефным орнаментом из параллельных и пересекающихся линий. Тулово бутыли покрыто горизонтальными полосками.

Литература: Мыськов Е. П., Сергацков И. В. Позднесарматские комплексы на Нижнем Дону // РА. 1994. № 2. С. 179—190

305. РИТОН

Вторая пол. II — первая пол. III в. н. э.

Стекло. Длина 32 см

ВОКМ, инв. № 26101/1

Найден у ст-цы Нагавской Котельниковского р-на

Группа II, курган 11, погребение 1, раскопки Е. П. Мыськова, 1988 г.

Ритон стеклянный в виде большого рога. Край ритона отогнут наружу, нижняя острая часть загнута. Наружная поверхность украшена рельефным орнаментом из зигзагообразных, спиральных и горизонтальных нитей непрозрачного стекла.

Литература: Мыськов Е. П., Сергацков И. В. Позднесарматские комплексы на Нижнем Дону // РА. 1994. № 2. С. 179—190

306. ЗЕРКАЛО

Вторая пол. II—III в. н. э.

Бронза, литье. Диаметр 5,6 см

ВОКМ, инв. № 26101/6

Найдено у ст-цы Нагавской Котельниковского р-на

Группа II, курган 11, погребение 1, раскопки Е. П. Мыськова, 1988 г.

На обратной стороне диска нанесен рельефный орнамент в виде круга, внутри которого расположен квадрат. В центре диска имеется умбон полусферической формы, по краю проходит рельефный валик.

Литература: Мыськов Е. П., Сергацков И. В. Позднесарматские комплексы на Нижнем Дону // РА. 1994. № 2. С. 179—190

307. КОТЕЛОК

Вторая пол. II—III вв. н. э.

Бронза. Высота 17 см

ВОКМ, инв. № 26101/8

Найден у ст-цы Нагавской Котельниковского р-на

Группа II, курган 11, погребение 1, раскопки Е. П. Мыськова, 1988 г.

Литой бронзовый котелок яйцевидной формы с узким выпуклым дном и резко отогнутым наружу венчиком. На одной стороне венчика имеется петлевидная ручка с окончанием в виде «усов». Между ними рельефная окружность. На противоположной стороне венчика имеется пять бронзовых скреп — следы ремонта котла.

Литература: Мыськов Е. П., Сергацков И. В. Позднесарматские комплексы на Нижнем Дону // РА. 1994. № 2. С. 179—190

308. ЩИТОК ПРЯЖКИ

Вторая пол. II—III в. н. э.

Золото, серебро, гранат. Размер 2,7×1,8 см

ВОКМ, инв № 30016/24

Найден у с. Абганерово Октябрьского р-на

Группа II, курган 13, погребение 1, раскопки А. Н. Дьяченко, 1994 г.

Щиток прямоугольной формы выполнен из кованого серебряного листа. Внешняя поверхность покрыта золотой фольгой и украшена тремя ограненными вставками камней красного цвета.

Литература: Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2006. С. 24

309. ПРЯЖКА

Вторая пол. II—III в. н. э.

Золото, серебро, сердолик. Размер 2,2×1,4 см

ВОКМ, инв № 32006/7

Найдена у с. Абганерово Октябрьского р-на

Группа II, курган 33, погребение 1, раскопки А. Н. Дьяченко, 1996 г.

Серебряная пряжка с подвижным язычком, к которой прикреплен серебряный щиток овальной формы. Край щитка ограничивает бортик, внутреннее поле которого занимает золотая пластина с орнаментом. По бортику пластины проходит орнамент из двух рядов скрученной проволоки — т. н. «веревочка». В центре щитка в двух пластинчатых кастах расположены вставки камней красного цвета. Касты обведены шариками зерни. По декоративному полю пластины расположены группы шариков зерни, составляющие ромбы и треугольники.

Литература: Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2006. С. 24

310. ПРЯЖКА

III в. н. э.

Серебро, литье, ковка. Длина 4,2 см

ВОКМ, инв. № 33130/2

Найдена у ж.-д. ст. Гремячая Котельниковского р-на

Группа I, одиночный курган, погребение 1, раскопки Л. В. Гуренко, 2008 г.

Пряжка с прямоугольным щитком, овальной рамкой треугольной в сечении. Язычок в профиле изогнут, охватывает рамку, не выступая за нее. Щиток крепился с помощью одного штифта.

311. ПРЯЖКА

III в. н. э.

Серебро, литье, ковка. Длина 3,8 см

ВОКМ, инв № 33129/118

Найдена у ж.-д. ст. Гремячая Котельниковского р-на

Курган 1, погребение 2, раскопки Л. В. Гуренко, 2008 г.

Пряжка с овальным щитком, язычок четырехгранный в сечении. На внешней и внутренней сторонах язычка прослеживаются узкие продольные грани, расширяющиеся к основанию. Щиток крепится с помощью двух штифтов.

312. НОЖ

III в. н. э.

Железо, бронза, дерево. Длина 19 см

ВОКМ, инв. № 33129/14

Найден у ж.-д. ст. Гремячая Котельниковского р-на

Курган 1, погребение 2, раскопки Л. В. Гуренко, 2008 г.

Железный однолезвийный нож с бронзовой рукоятью. Острие ножа заострено. Спинка слегка изогнута. Бронзовая рукоять ножа состоит из двух бронзовых фигурных пластин, соединенных между собой тремя медными штифтами с заклепанными концами.

313. НИЗКА БУС

III в. н. э.

Стекло, янтарь, фаянс, паста, перламутр. Диаметр 0,3—1 см

ВОКМ, инв. № 33129/1

Найдена у ж.-д. ст. Гремячая Котельниковского р-на

Курган 1, погребение 2, раскопки Л. В. Гуренко, 2008 г.

Низка бус, бусины из стекла, янтаря, фаянса, пасты, перламутра.

314. ПРЯСЛИЦЕ

III в. н. э.

Глина, лепка. Высота 4,3 см

ВОКМ, инв. № 33129/4

Найдено у ж.-д. ст. Гремячая Котельниковского р-на

Курган 1, погребение 2, раскопки Л. В. Гуренко, 2008 г.

Пряслице усеченно-биконической формы, коричневого цвета с темными пятнами.

315. НИЗКА БУС

III в. н. э.

Янтарь. Диаметр 0,5 см

ВОКМ, инв. № 33129/2

Найдена у ж.-д. ст. Гремячая Котельниковского р-на

Курган 1, погребение 2, раскопки Л. В. Гуренко, 2008 г.

Низка бус из янтарных бусин, круглых в сечении — дисковидные, короткие цилиндрические, цилиндрической, крупной дисковидной формы.

316. БУСИНЫ (73 экземпляра)

III в. н. э.

Золото, литье. Диаметр 0,3 см

ВОКМ, инв. № 33129/15-87

Найдены у ж.-д. ст. Гремячая Котельниковского р-на

Курган 1, погребение 2, раскопки Л. В. Гуренко, 2008 г.

Бусины из золота в виде полых шариков с одним сквозным отверстием.

317. НИЗКА БУС

III в. н. э.

Сердолик, кость, стекло, перламутр, янтарь, литье, огранка. Диаметр 0,5—1 см

ВОКМ, инв. № 33129/125

Найдена у ж.-д. ст. Гремячая Котельниковского р-на

Курган 2, погребение 1, раскопки Л. В. Гуренко, 2008 г.

Бусины: 14-гранные из красного сердолика; округлобокие, круглые в сечении костяные бусины: округлобокая, круглая в сечении бусина из темно-коричневого стекла; округлая двухсоставная бусина из белого стекла; прямоугольная, квадратная в сечении бусина из черного стекла; дисковидная бусина из белого в основе стекла, покрытого черной краской; округлобокие, круглые в сечении бусины из стекла бирюзового цвета; янтарные округлые бусины.

318. ПРОНИЗИ В ФОРМЕ СКАРАБЕЕВ (3 экземпляра)

Вторая пол. II—III в. н. э.

Фаянс. Длина 1,3—1,5 см

ВОКМ, инв. № 32010/46-48

Найдены у с. Колобовка Ленинского р-на

Группа III, курган 7, погребение 1, раскопки И. В. Сергацкова,1999 г.

Пронизи в виде скарабеев из голубого египетского фаянса. На плоскости основания нанесены иероглифы.

Литература: Сергацков И. В., Клепиков В. М. Сарматские курганы у с. Колобовка // НАВ. Волгоград. 2001. Вып. 4. С. 200. Рис. 6, *3* (а, б, в)

319. БУСИНЫ (4 экземпляра)

Вторая пол. II в. н. э.

Фаянс. Длина 2,3; 2,2; 1; 6; 2 см

ВОКМ, инв. № 32310/5-7

Найдены у хут. Веселый Котельниковского р-на

Группа VI, курган 1, погребение 1, раскопки Л. В. Гуренко, 2004 г.

Подвеска бирюзового цвета из египетского фаянса в виде стилизованной амфорки с перетяжкой около дна, валиком и ушком для подвешивания в верхней части. Пронизь бирюзового цвета в виде льва с вытянутыми передними лапами, лежащего на овальной подставке. Подвеска бирюзового цвета.

320. ОЖЕРЕЛЬЕ С ПОДВЕСКАМИ

Вторая пол. II в. н. э.

Золото. Длина 37,7 см

ВОКМ, инв. № 32310/36

Найдено у хут. Веселый Котельниковского р-на

Группа VI, курган 1, погребение 1, раскопки Л. В. Гуренко, 2004 г.

Плетеное шейное ожерелье. Звенья цепочки сплетены из четырех тонких изогнутых проволочек. В цепочку вставлены петли для крепления подвесок. Концы ожерелья заканчиваются цилиндрическими втулками, свернутыми из тонких золотых пластин.

Литература: Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Ювелирные украшения и предметы торевтики из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2006. С. 39

321. ПОДВЕСКА

III в. н. э.

Золото. Длина 1,2 см, диаметр 0,8 см

ВОКМ, инв. № 33129/3

Найдена у ж.-д. ст. Гремячая Котельниковского р-на

Курган 1, погребение 2, раскопки Л. В. Гуренко, 2008 г.

Подвеска с двумя ушками для подвешивания, украшена зернью.

322. НАВЕРШИЕ МЕЧА С ПРЯЖКОЙ

III в. н. э.

Горный хрусталь, медь, золото, гранат. Диаметр навершия 4 см. Диаметр пряжки 2,5 см

ВОКМ, инв. № 33129/122,123

Найдено у ж.-д. ст. Гремячая Котельниковского р-на

Курган 2, погребение 1, раскопки Л. В. Гуренко, 2008 г.

Полусферическое круглое навершие из горного хрусталя. В центре имеется сквозное отверстие. Внешняя (выпуклая) сторона украшена врезным орнаментом в виде восьми симметрично расходящихся от сквозного отверстия «лучей».

Пряжка имеет медную основу с припаянным внутренним кольцом из бронзы. Внешняя часть пряжки обтянута толстой золотой фольгой, украшенной четырьмя вставками из граната овальной формы.

Вставки расположены симметрично относительно друг друга. В центре подвески имеется сквозное отверстие

323. КУВШИН

II в. н. э.

Глина. Высота 25 см

ВОКМ, инв. № 32310/26

Найден у хут. Веселый Котельниковского р-на

Группа VI, курган 1, погребение 1, раскопки Л. В. Гуренко, 2003 г.

Сероглиняный кувшин с туловом биконической формы с округлыми боками и невысокой воронкообразной горловиной. В месте перехода горловины в тулово проходит кольцевой валик.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 47—48

324. СОСУД

II в. н. э.

Глина. Высота 23,7 см

ВОКМ, инв. № 32310/24

Найден у хут. Веселый Котельниковского р-на

Группа VI, курган 1, погребение 1, раскопки Л. В. Гуренко, 2003 г.

Сосуд серолощеный, имеет округлое тулово, невысокую горловину и две небольшие пятигранные ручки с вертикальными отверстиями. В месте перехода горла в тулово проходит кольцевая врезная линия.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 47—48

325. КИНЖАЛ

Вторая пол. II—III в. н. э.

Железо, бронза. Длина 34,5 см

ВОКМ, инв. № 12395/2

Найден у с. Сидоры Михайловского р-на

Курган 25, погребение 1, раскопки В. И. Мамонтова, 1972 г.

Кинжал с прямым бронзовым перекрестье и волютообразным навершием.

Литература: Скрипкин А. С., Мамонтов В. И. Об одном новом типе позднесарматских кинжалов // СА. 1977. № 4. С. 285—287

326. ФИБУЛА

Вторая пол. II—III в. н. э.

Бронза. Длина 6,1 см

ВОКМ, инв. № 31500/16

Найдена у с. Абганерово Октябрьского р-на

Группа II, курган 25, погребение 1, раскопки В. М. Клепикова, 1995 г.

Лучковая двучленная фибула с расширенной ножкой. Спинка покрыта шестью витками обмотки.

Литература: Клепиков В. М., Шинкарь О. А. Позднесарматский могильник Абганерово-II // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Волгоград, 1997. Вып. 2. С. 87. Рис. 8, *8*

327. ФИБУЛА

Вторая пол. II—III в. н. э.

Бронза. Длина 6,5 см, ширина 2,5 см

ВОКМ, инв. № 29410/90

Найдена у пос. Лятошинка Старополтавского р-на

Курган 2, погребение 1, раскопки А. В. Фалалеева, 1990 г.

Лучковая фибула с подвязной ножкой.

Литература: Железчиков Б. Ф., Фалалеев А. В. Раскопки у с. Лятошинка // Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области. Волгоград, 1995. С. 28. Рис. 18, *9*

328. ФИБУЛА

Вторая пол. II—III в. н. э.

Бронза. Длина 5,5 см

ВОКМ, инв. № 32669/29

Найдена у пос. Ковыльнов Ленинского р-на

Курган 6, погребение 1, раскопки А. А. Глухова, 2005 г.

Фибула с сильно изогнутой плоской спинкой и с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника. Пружина четырехвитковая, спинка широкая листовидной формы, приемник узкий и высокий. Спинка украшена чеканным орнаментом.

Литература: Глухов А. А. Позднесарматские погребения могильника Ковыльнов III // НАВ. Волгоград, 2009. Вып. 10. С. 352. Рис. 7, 12

329. ФИБУЛА

Вторая пол. II—III в. н. э.

Бронза. Длина 6,3 см

ВОКМ, инв. № 32100/31

Найдена у с. Перегрузное Октябрьского р-на

Группа I, курган 27, погребение 1, раскопки В. М. Клепикова, 2002 г.

Сильно профилированная фибула с плоской спинкой, бусиной на головке и крючком для тетивы.

Литература: Клепиков В. М., Кривошеев М. В. Комплексы позднесарматского времени могильника Перегрузное I // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2004. Вып. 2. С. 173. Рис. 5, *3*

330. ФИБУЛА

Вторая пол. II—III в. н. э.

Бронза. Длина 4,3 см

ВОКМ, инв. № 32100/32

Найдена у с. Перегрузное Октябрьского р-на

Курган 27, погребение 1, раскопки В. М. Клепикова, 2002 г.

Сильно профилированная фибула со спинкой круглой в сечении.

Литература: Клепиков В. М., Кривошеев М. В. Комплексы позднесарматского времени могильника Перегрузное I // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2004. Вып. 2. С. 173. Рис. 5, *2*

331. ФИБУЛА

Вторая пол. II—III в. н. э.

Бронза. Длина 4,5 см

ВОКМ, инв. № 31505/8

Найдена у с. Аксай Октябрьского р-на

Группа I, курган 1, погребение 1, раскопки А. Н. Дьяченко, 1997 г.

Сильно профилированная фибула со спинкой, круглой в сечении.

Литература: Дьяченко А. Н., Мэйб Э., Скрипкин. А. С., Клепиков В. М. Археологические исследования в Волго-Донском междуречье // НАВ. Волгоград, 1999. Вып. 2. С. 93. Рис. 2, *6*

332. СБРУЙНЫЙ НАБОР
(16 экземпляров)

Вторая пол. III в. н. э.

Бронза. Диаметр налобной бляхи 5,7 см, диаметр бляхи подвески 3 см, длина зажимов 3,3—6 см, длина пряжек 3,4—4,6 см, диаметр блях-накладок 1,6—1,8 см

ВОКМ, инв. № 32501/2-17

Найден у с. Солодовка Ленинского р-на

Группа I, курган 6, погребение 1, раскопки А. А. Глухова, 2004 г.

Набор состоит из круглой налобной прорезной бляхи с рельефным изображение в центральной части, бляхи-подвески округлой формы с вытянутыми и заостренными концами-выступами; двухчастных наконечников подвесок; зажимов для ремней в виде петли с овальным расширением на одном конце; бронзовых пряжек, блях-накладок круглой формы с загнутыми краями.

Литература: Глухов А. А. Новые сарматские воинские захоронения II — первой пол. III в. н. э. из Заволжья // НАВ. Волгоград, 2005. Вып. 7. С. 228—229. Рис. 4

333. КУВШИН

Вторая пол. II—III в. н. э.

Глина, лепка. Высота 14,8 см, диаметр венчика 8 см, диаметр дна 8,6 см

ВОКМ, инв. № 32006/6

Найден у с. Абганерово Октябрьского р-на

Группа II, курган 32, погребение 1, раскопки А. Н. Дьяченко, 1996 г.

Кувшин сероглиняный с приземистой нижней частью тулова и зауженным высоким горлом. Устье слегка расширено. К тулову крепилась вертикальная ручка с двумя небольшими налепами в верхней части.

Литература: Дьяченко А. Н. Исследование курганного могильника Абганерово II в Октябрьском районе Волгоградской области // Историко-археологические

исследования в Нижнем Поволжье. Волгоград, 1999. Вып. 3. С. 31—45

334. ЧАША

Вторая пол. II—III в. н. э.

Глина, круг. Высота 8 см, диаметр венчика 18,2 см, диаметр дна 8,5 см

ВОКМ, инв. № 32835/26

Найдена у пос. Аксай Октябрьского р-на

Группа V, курган 4, погребение 1, раскопки В. М. Клепикова, 2006 г.

Сероглиняная гончарная чаша на высокой ножке-поддоне. Чаша имеет прямой бортик, острое ребро при переходе от бортика к стенке.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 12—13

335. СОСУД

Вторая пол. II—III в. н. э.

Глина, лепка. Высота 17,2 см, диаметр венчика 13,8 см, диаметр дна 10,3 см

ВОКМ, инв. № 32835/27

Найден у с. Аксай Октябрьского р-на

Группа V, курган 4, погребение 1, раскопки В. М. Клепикова, 2006 г.

Сосуд с коротким, расширяющимся кверху горлом и отогнутым наружу венчиком, яйцевидным туловом с отчетливым плечиком и плоским неровным дном. Тулово украшено шестью вертикальными налепами, симметрично располагавшимися под плечиком.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 12—13

336. НИЗКА БУС

Вторая пол. II—III в. н. э.

Стекло, сердолик. Длина 0,4—1,5 см

ВОКМ, инв. № 32835/32

Найдена у с. Аксай Октябрьского р-на

Группа V, курган 4, погребение 1, раскопки В. М. Клепикова, 2006 г.

Низка бус из стекла и сердолика.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 12—13

337. НИЗКА БУС

Вторая пол. II—III в. н. э.

Стекло, сердолик, гагат. Диаметр 0,9—1,6 см, длина 1—1,4 см

ВОКМ, инв. № 32835/35

Найдена у с. Аксай Октябрьского р-на

Группа V, курган 4, погребение 1, раскопки В. М. Клепикова, 2006 г.

Низка бус из стекла, сердолика и гагата.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 12—13

338. НИЗКА БУС

Вторая пол. II—III в. н. э.

Стекло, сердолик, нефрит, гагат. Диаметр 0,3—1,5 см, длина 1—1,2 см

ВОКМ, инв. № 32835/37

Найдена у пос. Аксай Октябрьского р-на

Группа V, курган 4, погребение 1, раскопки В. М. Клепикова, 2006 г.

Низка бус из стекла, сердолика, нефрита и гагата.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 12—13

339. ЗЕРКАЛО-ПОДВЕСКА

Вторая пол. II—III в. н. э.

Бронза. Диаметр 3,5 см

ВОКМ, инв. № 32837/20

Найдено у с. Аксай Октябрьского р-на

Группа II, курган 7, погребение 1, раскопки А. Н. Дьяченко, 2006 г.

Зеркало с прямоугольным выступом и сквозным отверстием. Обратная сторона диска орнаментирована рельефным кольцом, от которого к краю отходят короткие лучики. В кольцо вписан рельефный прямоугольник.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 12—13

340. НИЗКА БУС

Вторая пол. II—III в. н. э.

Стекло, гагат, бронза, нефрит. Диаметр 0,3—0,7 см

ВОКМ, инв. № 32835/36

Найдена у с. Аксай Октябрьского р-на

Группа V, курган 4, погребение 1, раскопки В. М. Клепикова, 2006 г.

Низка бус из стекла, бронзы, нефрита и гагата.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 12—13

341. ЗЕРКАЛО-ПОДВЕСКА

Вторая пол. II—III в. н. э.

Бронза. Диаметр 4,1 см

ВОКМ, инв. № 32835/40

Найдено у с. Аксай Октябрьского р-на

Группа V, курган 4, погребение 1, раскопки В. М. Клепикова, 2006 г.

Зеркало-подвеска с прямоугольным выступом-петелькой. В центре помещен рельефный квадрат, обрамленный кольцевой линией, от которой к краям отходят радиальные лучи.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 12—13

342. НИЗКА БУС

Вторая пол. II—III в. н. э.

Стекло, бронза, гагат, нефрит. Диаметр 0,3—0,7 см, длина 1—1,6 см

ВОКМ, инв. № 32835/36

Найдена у с. Аксай Октябрьского р-на

Группа V, курган 4, погребение 1, раскопки В. М. Клепикова, 2006 г.

Низка бус из стекла, бронзы, нефрита и гагата.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 12—13

343. НИЗКА БУС

Вторая пол. II—III в. н. э.

Стекло. Диаметр 0,4—0,5 см

ВОКМ, инв. № 32835/46

Найдена у с. Аксай Октябрьского р-на

Группа V, курган 4, погребение 1, раскопки В. М. Клепикова, 2006 г.

Низка бус состоит из кубической бусины из глухого черного стекла, цилиндрической бусины из полупрозрачного стекла голубого стекла, бочковидных бусин из полупрозрачного стекла зеленовато-бирюзового цвета.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 12—13

344. НИЗКА БУС

Вторая пол. II—III в. н. э.

Стекло. Диаметр 0,4—0,5 см

ВОКМ, инв. № 32835/47

Найдена у с. Аксай Октябрьского р-на

Группа V, курган 4, погребение 1, раскопки В. М. Клепикова, 2006 г.

Бусины бочковидные из глухого коричневого стекла различных оттенков.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 12—13

345. КОВШ

Вторая пол. II—III в. н. э.

Бронза. Диаметр венчика 16 см, высота 8,8 см

ВОКМ, инв. № 6867/4 н.в.

Найден у хут. Глинище Михайловского р-на

Курган 2, погребение 1, раскопки В. И. Мамонтова, 1986 г.

Ковш имеет округлое тулово, плоское дно, украшенное пятью рельефными сферическими выступами и тремя концентрическими кругами. По краю сосуда проходит широкий утолщенный валик. Ниже закраины по верхней части тулова проходят две параллельные круговые линии.

Литература: Демиденко Ю. В. Сарматские погребения из могильника у х. Глинище // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1994. Вып. 4. С. 136—141

346. КОТЕЛ

II—III вв. н. э.

Бронза. Высота 32,3 см, диаметр венчика 40 см

ВОКМ, инв. № 8081/4

Случайная находка в 1972 г. у с. Сосновка Котовского р-на

Котел имеет выпуклое тулово и отогнутый широкий венчик, на котором острым предметом процарапана греческая надпись. В конце надписи прочерчены серд-

цевидные изображения листа плюща.

Литература: Цуцкин Е. В. Бронзовый котел с надписью // ИКЗ. Волгоград, 1974. Вып. 2. С. 138—142; *Виноградов Ю. Г.* Два бронзовых котла с греческими надписями из сарматских степей Донбасса и Поволжья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 37—43

347. ФИБУЛА

IV в. н. э.

Бронза. Длина 11 см

ВОКМ, инв. № 33745

Случайная находка Л. В. Яворской в 2011 г. у с. Верхнепогромное Среднеахтубинского р-на

Перекладчатая фибула с массивным изогнутым корпусом и ребром посередине. Корпус расчленен двумя поперечными гребнями, ножка треугольной формы. На верхней и нижней частях корпуса имеются эмалевые вставки прямоугольной формы.

348. ПРЯЖКА

II—III вв. н. э.

Бронза, железо, литье. Диаметр 4,8 см

ВОКМ, инв. № 32012/9

Найдена в курганном могильнике Западные Могилы у пос. Еруслановский Николаевского р-на

Курган 19, погребение 1, раскопки Н. Б. Скворцова,1999 г.

Пряжка ременная овальной формы с железным язычком, с изображением морд двух волков с широко разинутыми пастями, направленными друг к другу.

VI. ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ГУННЫ

349. КУЛОН

V в. н. э.

Золото, тиснение, зернь. Вставки: сердолик, янтарь, перламутр

Высота 8,5 см, ширина 4,5 см

ВОКМ, инв. № 6034

Найден у г. Ленинска Ленинского р-на

Курган 3, погребение 12, раскопки В. П. Шилова, 1956 г.

Кулон в виде рога изобилия с трапециевидной перламутровой подвеской в золотой оправе. С наружной стороны оправа обрамлена двумя фигурными колонками. Поверхность кулона украшена мелкой зернью в виде линий, треугольников, пирамидок и прямоугольными вставками из янтаря и двумя овальными вставками из альмандина. Снизу к рогу изобилия припаяны 6 петелек от подвесок.

Литература: Засецкая И. П. Культура кочевников южно-русских степей в гуннскую эпоху (конец IV—V в.) СПб., 1994. Табл. 33

350. МЕДАЛЬОН

V в. н. э.

Золото, паста. Размер 1,5×1,9 см

ВОКМ, инв. № 6038

Найден у г. Ленинска Ленинского р-на

Курган 3, погребение 12, раскопки В. П. Шилова,1956 г.

Медальон овальной формы обрамлен золотой фольгой и украшен рядом зерни, по наружной поверхности выступа вокруг вставки.

Литература: Засецкая И. П. Культура кочевников южно-русских степей в гуннскую эпоху (конец IV—V в.) СПб., 1994. Табл. 33

351. ПЕРСТЕНЬ

V в. н. э.

Золото, стекло. Диаметр 2 см, ширина 1,2 см

ВОКМ, инв. № 6036

Найден у г. Ленинска Ленинского р-на

Курган 3, погребение 12, раскопки В. П. Шилова, 1956 г.

Перстень изготовлен из золотой пластинки. Наружная поверхность украшена двумя треугольными вставками красного стекла, гнезда которых обрамлены зернью. На обоих концах перстня по два маленьких отверстия.

Литература: Засецкая И. П. Культура кочевников южно-русских степей в гуннскую эпоху (конец IV—V в.) СПб., 1994. Табл. 33

352. ДИАДЕМА

V в. н. э.

Золото. Длина 18 см, ширина 2,3 см

ВОКМ, инв. № 6035

Найдена у г. Ленинска Ленинского р-на

Курган 3, погребение 12, раскопки В. П. Шилова, 1956 г.

Диадема прямоугольной формы изготовлена из золотой фольги. Верхняя часть диадемы орнаментирована вертикальными параллельными зигзагообразными линиями, выдавленными острым предметом, а нижняя тремя контурными фигурками, напоминающими раздвоенные листья какого-то растения.

Литература: Засецкая И. П. Культура кочевников южно-русских степей в гуннскую эпоху (конец IV—V в.) СПб., 1994. Табл. 33

353. БЛЯШКИ НАШИВНЫЕ (8 экземпляров)

V в. н. э.

Золото. Размер 1,1×1,2×0,6 см

ВОКМ, инв. № 6037

Найдены у г. Ленинска Ленинского р-на

Курган 3, погребение 12, раскопки В. П. Шилова, 1956 г.

Бляшки овальной формы из золотой фольги, с петельками для пришивания.

Литература: Засецкая И. П. Культура кочевников южно-русских степей в гуннскую эпоху (конец IV—V в.) СПб., 1994. Табл. 33

ХАЗАРЫ

354. СБРУЙНЫЙ НАБОР

Середина VIII в.

Бронза, литье. Длина 5,8 см, 4,2 см, 3,4 см

ВОКМ, инв. № 27000/20-27,30,31

Найден у с. Барановка Камышинского р-на

Группа I, курган 13, погребение 1, раскопки И. В. Сергацкова,1988 г.

Сбруйный набор состоит из трех массивных блях в виде трилистника (на оборотной стороне три штифта), фигурного наконечника ремня, обоймы прямоугольной формы, украшенной гравированным изображением бабочки, круглых бляшек с круглым отверстием в центре и пряжки с полуовальным щитком.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 24

355. МОНЕТА ВИЗАНТИЙСКАЯ (СОЛИД)

737—741 гг.

Золото. Диаметр 2 см

ВОКМ, инв. № 24023/4

Найдена у ст-цы Нагавская Котельниковского р-на

Группа II, курган 3, погребение 1, раскопки А. В. Кияшко, 1986 г.

Монета отчеканена в Константинополе при правлении Льва III.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 12, 24

356. МОНЕТА ВИЗАНТИЙСКАЯ (СОЛИД)

751—757 гг.

Золото, чеканка. Диаметр 1,9×1,8 см

ВОКМ, инв. № 26735.

Найдена у с. Барановка Камышинского р-на

Группа I, курган 13, погребение 1, раскопки И. А. Сергацкова, 1988 г.

Монета отчеканена в Константинополе при Константине V.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001, С. 12, 24

357. ПОЯСНОЙ НАБОР

Середина VIII в.

Бронза, литье. Размер пряжек 2,5×2 см, 1,5×1 см, оконечник 4×1 см, длина подвески 4 см

ВОКМ, инв. № 29300/35-38

Найден у ст-цы Нагавская Котельниковского р-на

Группа II, курган 3, погребение 1, раскопки А. В. Кияшко, 1986 г.

Поясной набор состоит из двух пряжек с овальными рамками и подвижными язычками, фигурного оконечника с овальным отверстием в центре и прямоугольным отверстием в верхней части, оконечника прямоугольной формы с одним закругленным концом, на другом — штифты для крепления, украшен рельефным растительным орнаментом.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 25. № 5

358. ОКОНЕЧНИК РЕМНЯ

VIII—IX вв.

Бронза, литье. Размер 1,6×3,0 см

ВОКМ, инв. № 14244/27

Случайная находка 1966 г. на Приморской стоянке Калачевского р-на

Оконечник ремня с рельефным изображением стилизованным животного.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 24

359. ВИСОЧНАЯ ПОДВЕСКА

Середина VIII в.

Золото. Длина 5,2 см

ВОКМ, инв. № 24023/1

Найдена у ст-цы Нагавская Котельниковского р-на

Группа II, курган 3, погребение 1, раскопки А. В. Кияшко, 1986 г.

Височная подвеска в виде несомкнутого кольца, часть которого украшена шариками зерни, с длинным стержнем и надетой на него обоймой.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 12, 25

360. НАКЛАДКИ НА ЛУК, УКРАШЕНИЯ СЕДЛА (11 экземпляров)

VIII в.

Рог, резьба, гравировка.

Длина накладок на лук 19,7 см, 14 см, накладок на седла 13,5 см, 20 см; 23 см, чумбуров 6,5 см, бляшек 2 см

ВОКМ, инв. № 29016/26,29,30, 31, 32, 34—37, 39—40

Найдены у г. Котельниково Котельниковского р-на

Курган 10, погребение 1, раскопки Е. В. Круглова, 1992 г.

Две роговые срединные накладки на лук с заостренными концами, покрытые резными углублениями.

Украшения седла состоят из двух прямоугольных накладок с одним загнутым концом и фрагмента центральной части накладки, украшенных точечно-циркульным орнаментом; двух чумбуров подтреугольной формы с прорезными отверстиями по центру, служивших для стягивания подпружных ремней, и четырех овально-уплощенной формы бляшек.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 119

361. ПРЯЖКА

VIII в.

Кость, резьба. Длина 7,6 см

ВОКМ, инв. № 12396

Найдена у с. Сидоры Михайловского р-на

Курган 34, погребение 1, раскопки В. И. Мамотова,1972 г.

Пряжка портупейная имеет округлую утолщенную рамку и трапециевидный щиток. Полированная оборотная сторона плоская, лицевая выпуклая. В корпусе имеется два выреза: узкий овальный в щитке и Т-образный с небольшой перемычкой в рамке. Сбоку просверлено отверстие для железного шарнира.

Литература: Круглов Е. В. Погребения раннехазарского времени у с. Сидоры // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Сборник научных трудов. Самара, 2004. Вып. 2. С. 301. Рис. 1, *3* (а, б)

362. ФЛЯГА

Вторая пол. VIII в.

Глина, круг, лощение. Диаметр 18 см, высота 27 см

ВОКМ, инв. № 1551

Случайная находка до 1940 г.

Красноглиняная фляга с уплощенно-шаровидным туловом, узким фигурным горлом и двумя петлевидными ручками.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 13, 24

363. НАВЕРШИЕ В ВИДЕ АНТРОПОМОРФНОЙ ФИГУРЫ

VIII—IX вв.

Бронза, литье, размер 3,2×4,9×10,4 см

ВОКМ, инв. № 10203

Случайная находка в 1971 г. у с. Перегрузное Октябрьского р-на

Полая фигурка «уродца» изображает бородатого мужчину монголоидного типа со следами насильственного уродства: одноглазого, одноухого, горбатого, безрукого.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 24

364. КУВШИН

VIII в.

Глина, круг, лощение. Высота 15 см

ВОКМ, инв. № 1583

Случайная находка до 1940 г.

Черноглиняный кувшин с приземистым биконическим туловом, широким дном и прямым горлом. У основания горловины нанесены две круговые параллельные бороздки, от них по тулову идут вертикальные следы от сглаживания. От горловины к тулову прикреплена петлевидная ручка.

ОГУЗЫ

365. ОБКЛАДКА

X — начало XI в.

Бронза. Длина 3 см

ВОКМ, инв. № 26400/42

Найдена у хут. Ченин Палласовского р-на

Курган 8, погребение 4, раскопки А. В. Лукашова, 1980 г.

Обкладка состоит из двух частей, поверхности которых украшены рельефным растительным орнаментом.

Литература: Круглов Е. В, Лукашов А. В., Мамонтов В. И. Погребения кочевников IX — начала XI века на территории Палласовского района Волгоградской области // НАВ. Волгоград, 2003. Вып. 6. С. 208. Рис. 6, *5*

366. БЛЯХИ ПАРАДНОГО ПОЯСА (3 экземпляра)

X — начало XI в.

Серебро. Размер 2,3×2 см, 2,5×2,1 см

ВОКМ, инв. № 26400/17

Найдены у хут. Ченин Палласовского р-на

Курган 8, погребение 4, раскопки А. В. Лукашова, 1980 г.

Бляхи в форме трилистника, украшены рельефно-растительным орнаментом, на внутренней стороне имеется по три штифта.

Литература: Круглов Е. В, Лукашов А. В., Мамонтов В. И. Погребения кочевников IX — начала XI века на территории Палласовского района Волгоградской области // НАВ. Волгоград, 2003. Вып. 6. С. 207. Рис. 4, *9, 10, 11*

367. БЛЯШКИ, УКРАШЕНИЕ КОЖАНОЙ СУМКИ (3 экземпляра)

X — начало XI в.

Серебро. Размер 2,7×1,0 см

ВОКМ, инв. № 26400/26-28

Найдены у хут. Ченин Палласовского р-на

Курган 8, погребение 4, раскопки А. В. Лукашова, 1980 г.

Бляшки двухчастные пропеллерообразные. На одной лопасти имеется сквозное отверстие, на другой — штифт, при помощи которых обе части соединялись в единое целое. Поверхность лопастей покрыта рельефным растительным орнаментом в виде исходящих друг из друга пяти лепестков. На обороте каждой бляхи имеется по два штифта.

Литература: Круглов Е. В, Лукашов А. В., Мамонтов В. И. Погребения кочевников IX — начала XI века на территории Палласовского района Волгоградской области // НАВ. Волгоград, 2003. Вып. 6. С. 207. Рис. 4, 17

368. ДЕТАЛИ СБРУЙНОГО НАБОРА

X — начало XI в.

Серебро, позолота, чернение, ковка, чеканка, тиснение

Размер бляхи-решмы — 5,7×4,5 см, бляхи простые — 2,5×2,6 см; 2,×2,2 см; 2,7×1 см; 2,5×2,1 см, диаметр бляхи перекрестной 2,7 см, оконечник — 5,6×1,6 см

ВОКМ, инв. № 29164/2-4, 13—27, 31, 32, 42—79

Найдены у пос. Маяк Октября Ленинского р-на

Курган 4, погребение 1, раскопки А. В. Лукашова, 1991 г.

Налобная бляха-решма листовидной формы с листовидной выпуклостью в центре, спаяна из двух половинок, в верхней части имеются две заклепки для крепления к ремню. Лицевая сторона бляхи украшена сложным растительным орнаментом. Круглая бляха перекрестия в виде уплощенной полусферы, украшенная тем же орнаментом. Вытянутая бляха-наконечник с одним заостренным, другим слегка вогнутым торцом, украшенная тем же орнаментом. Бляха в форме узкого трилистника. Лицевая сторона украшена лиственным орнаментом. Бляха в форме широкого трилистника, украшена лиственным орнаментом. Бляха подпрямоугольной формы, украшена растительным орнаментом. Бляшка круглая, выпуклая, в центре имеется точка, вокруг которой располагается арочный орнамент. Бляшка круглая, в центре изображена четырехлепестковая розетка, по краю идет плоский рельефный бортик.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 15, 25

369. ДЕТАЛИ ПОЯСНОГО НАБОРА

X — начало XI в.

Серебро, позолота, чернение, чеканка, тиснение. Длина пряжки 5 см; бляхи квадратные — 2×1,8 см; месяцевидные — 2,4×0,9 см; оконечник — 4,2×1,4 см

ВОКМ, инв. № 29164/29-41

Найдены у пос. Маяк Октября Ленинского р-на

Курган 4, погребение 1, раскопки А. В. Лукашова, 1991 г.

Пряжка со щитком овальной формы и профилированным язычком, украшена сложным орнаментом. Квадратная бляшка с тремя полусферическими выступами с одной стороны, украшена стилизованным растительным орнаментом. Бляха-наконечник ремня с одним плоским, другим заостренным концом украшена растительным орнаментом. Бляха серповидной формы с двумя полусферическими выступами, украшена геометрическим орнаментом.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 15, 25

370. БЛЯШКИ, УКРАШЕНИЯ КОЖАНЫХ САПОГ (6 экземпляров)

Конец IX — начало XI в.

Серебро, бронза. Длина 1,4 см,1,9 см, 2,2 см, 2,5 см, диаметр 1,3 см

ВОКМ, инв. № 32005/14, 15, 26, 28, 42, 46

Найдены у пос. Верхний Балыклей Быковского р-на

Группа II, курган 7, погребение 1, раскопки А. С. Скрипкина,1980 г.

Бляшки в виде двух полусфер, соединенных перемычкой; в виде рельефного лепестка, опирающегося двумя стеблями на четыре полусферических выступа; серповидных с полусферическими выступами на концах; с двумя вогнутыми и двумя параллельными сторонами и рельефным орнаментом; полусферические; со сложным орнаментом и тремя полусферическими выпуклостями.

Литература: Яворская Л. В. Средневековые погребения у пос. Верхний Балыклей // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Волгоград, 1997. Вып. 2. С. 151—152. Рис. *3,8—13*

371. БРАСЛЕТЫ (2 экземпляра)

Конец IX — начало XI в.

Серебро. Ширина 3,5 см, диаметр 7 см

ВОКМ, инв. № 32005/13

Найдены у пос. Верхний Балыклей Быковского р-на

Группа II, курган 7, погребение 1, раскопки А. С. Скрипкина, 1980 г.

Изготовлены из тонкой пластины с несомкнутыми округлыми концами. В центре и по краям браслетов приклепаны гнезда для вставок, представляющие собой круглые оправы с рельефным валиком по краю и четырьмя симметрично расположенными полусферическим выступами. Вставки крепились к оправе с помощью четырех зубцов. Наружная поверхность браслетов украшена прорезным растительным орнаментом. Между вставками проходит выдавленный с внутренней стороны валик.

Литература: Яворская Л. В. Средневековые погребения у пос. Верхний Балыклей // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Волгоград. 1997. Вып. 2. С. 151. Рис. 3, *3*

372. УЗДЕЧНЫЙ НАБОР

X — начало XI в.

Серебро, позолота, штамповка, гравировка

Диаметр фаларов 10,3 см, 8,3 см, длина пряжки 3,2 см, длина прямоугольных бляшек 3,3 см, оконечника 3,8 см

ВОКМ, инв. № 32005/1-12

Найден у с. Верхний Балыклей Быковского р-на

Группа II, курган 5, погребение 1, раскопки А. С. Скрипкина, 1980 г.

Уздечный набор состоит из двух больших фаларов, в центре каждого приклепан серебряный позолоченный умбон каплевидной формы с растительным рельефным орнаментом; пряжки с подвижным язычком, овальной рамкой и коротким трапециевидным щитком с выступом на конце; прямоугольных бляшек с рельефным орнаментом и оконечника.

Литература: Яворская Л. В. Средневековые погребения у пос. Верхний Балыклей // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Волгоград, 1997. Вып. 2. С. 148—149. Рис. 2

373. НАШИВКИ ЧЕТЫРЕХПЕТЕЛЬЧАТАЯ И ПТИЦЕВИДНАЯ С ПРИВЕСКОЙ (3 экземпляра)

X — начало XI в.

Бронза, литье. Длина 8 см, 5,3 см, 3,2 см

ВОКМ, инв. № 5787/2-4

Найдены у пос. Степана Разина Быковского р-на

Курган 1, погребение 10, раскопки Н. Я. Мерперта, 1957 г.

Нашивка ажурная, четырехлепестковая имеет выпуклый центр, украшенный заключенной в кольцо солярной четырнадцатилучевой фигурой. Нашивка птицевидная в виде парящей птицы, украшена штампованным орнаментом, вверху и внизу есть петельки для подвешивания. Плоская литая привеска, круглая сверху и заостренная внизу, имеет выступы с боков, ромбическую прорезь в центре и петлю для подвешивания.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 26

374. БЛЯХА ОТ КОНСКОЙ УПРЯЖИ

X — начало XI в.

Серебро. Диаметр 7,8 см

ВОКМ, инв. № 26401/7

Найдена у с. Рахинка Среднеахтубинского р-на

Курган 3, погребение 1, раскопки В. А. Кригера, 1985 г.

Бляха сердцевидной формы с полукруглым выступом в центре, украшенным изображением трилистника и двумя отверстиями, объединенными овальной линией, по краям бляхи нанесена ложная зернь.

Литература: Кригер В. А. Огузские курганы междуречья Волги и Эмбы // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993. С. 143. Рис. 1

375. ОБОЙМА НОЖЕН САБЛИ

X — начало XI в.

Бронза, штамповка. Размер 4×2,5 см

ВОКМ, инв. № 5855

Найдена у с. 15-й Поселок Ленинского р-на

Курган 3, погребение 7, раскопки В. П. Шилова,1958 г.

Обойма из двух половин соединялась вместе деревянной пластиной, крепившейся к основе шестью заклепками. Внешняя поверхность обоймы украшена рельефным растительным орнаментом.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 25

376. БЛЯШКИ УЗДЕЧНОГО НАБОРА (6 экземпляров)

Конец IX — начало XI в.

Серебро. Размер 4,6×3,4 см; 4,7×3,1 см; 3,5×1,4 см

ВОКМ, инв. № 22200/15

Найдены у с. Киляковка Среднеахтубинского р-на

Курган 4, погребение 1, раскопки Е. П. Мыськова, 1984 г.

Набор состоит из миндалевидной бляхи с выступом в верхней части и умбоном в центре, украшенным рельефным орнаментом и двумя отверстиями по бокам, с обратной стороны припаяно четыре штифта. Две бляхи в виде щита с четырьмя штифтами с обратной стороны. Четыре бляшки в виде двух спаренных полумесяцев с двойными полусферическими выступами по боками. На внутренней стороне бляшек имеются два штифта.

Литература: Мыськов Е. П. Погребения кочевников IX—XI вв. на Ахтубе // ДВДС. Волгоград, 1993. Вып. 3. С. 75. Рис. 3, *1, 2, 3*

377. БРАСЛЕТЫ И ФИГУРНЫЕ КЛЮЧИ (4 экземпляра)

X — начало XI в.

Бронза, литье, стеклянная паста. Диаметр браслетов 6,6 см, 7 см, длина ключей 9,0 см, 9,4 см

ВОКМ, инв. № 22200/12,13

Найдены у с. Киляковка Среднеахтубинского р-на

Курган 4, погребение 1, раскопки Е. П. Мыськова, 1984 г.

Два витых, изготовленных из проволоки браслета с каплевидными стеклянными вставками. Ключ в виде бронзового стержня с петелькой, двумя гофрированными утолщениями и Т-образным окончанием с полусферическими вырезами. Второй ключ в виде бронзовой полосы, с гофрированным конусовидным навершием, в верхней части которого имеется петелька для подвешивания.

Литература: Мыськов Е. П. Погребения кочевников IX—XI вв. на Ахтубе // ДВДС. Волгоград, 1993. Вып. 3. С. 75, 78. Рис. 3, 12, 17

378. ОБОЙМА ФИГУРНАЯ

Конец IX — начало X в.

Серебро, позолота, медь, гравировка, 5×2,7 см

ВОКМ, инв. № 5823/2

Найдена у г. Ленинска Ленинского р-на

Курган 3, погребение 7, раскопки В. П. Шилова,1956 г.

Обойма состоит из серебряной фигурной пластины и трапециевидной медной. Обе пластины скреплены четырьмя серебряными заклепками. В нижней части обоймы овальное отверстие. С наружной стороны серебряная пластина украшена сложным растительным орнаментом, выполненным острым резцом. Поверхность между краем пластины и трехлепестковой розеткой позолочена.

Литература: Хабаров Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 25

379. ОКОНЕЧНИК РЕМНЯ

Конец IX — начало X в.

Серебро, штамповка, чернение, позолота. Размер 3,8×2,1 см

ВОКМ, инв. № 23770/4

Найден у с. Царев Ленинского р-на

Курган 23, погребение 1, раскопки В. И. Мамонтова, 1975 г.

Оконечник овальных очертаний с острой выемкой на одной из узких сторон, украшен сложным орнаментом.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 15, 25

380. ДЕТАЛИ ПОЯСНОГО НАБОРА (26 экземпляров)

X — начало XI в.

Серебро, штамповка, позолота. Размер пряжки — 5,3×1,6 см, бляхи — 2×2,2 см, 2×2,3 см, 1,7×2,1 см, оконечник — 3,3×21,6 см

ВОКМ, инв. № 1545

Случайная находка в 1926 г. у с. Новоникольское Быковского р-на

Пряжка с овальной плоской рамкой, с заостренным концом и с прямоугольным, заостренным на конце щитком, украшена рельефным орнаментом. Бляшки прямоугольные плоские с двумя отростками в виде трилистника. Бляшки квадратные, с одной стороны имеется сферическая выпуклость, в центре четырех лепестковая розетка. Бляшки серповидные с полусферическими выступами на концах. Бляшка фигурная в виде овала с фестончатым краем. Бляшка плоская в виде четырехлепестковой розетки с отверстием в центре.

Литература: Хабаров Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 25

ПЕЧЕНЕГИ

381. СОСУД

X—XI вв.

Глина, лепка. Высота 11,5 см

ВОКМ, инв. № 23980/6

Найден у с. Бахтияровка Ленинского р-на

Группа I, курган 32, погребение 12, раскопки В. А. Кригера, 1984 г.

Сосуд с плоским дном, низким горлом и отогнутым наружу венчиком, покрытым по краю насечками. Плечики сосуда украшены прочерченным орнаментом в виде свисающих полос двойных арочных гирлянд, вписанных между двух горизонтальных линий. Внутри полос гирлянд наколоты окружности.

Литература: Круглов Е. В. К проблеме этнокультурной атрибуции населения Самосдельского городища и лепной керамики, украшенной гирляндоподобным орнаментом // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Луганск, 2005. С. 166. Рис. 1, *18*

ПОЛОВЦЫ

382. ПОДВЕСКИ ВИСОЧНЫЕ (2 экземпляра)

XIII в.

Серебро, литье, скань. Диаметр 5,7 см

ВОКМ, инв. № 25157/1, 2

Найдены у с. Барановка Камышинского р-на

Группа I, курган 12, погребение 2, раскопки И. В. Сергацкова,1987 г.

Подвеска в виде кольца, согнутого из круглой в сечении проволоки, на которое надета биконическая бусина с восемью шипами. На концах и посередине бусины, у основания и на концах шипов напаяны пояски из плетеной проволоки.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 16, 26

383. ПОДВЕСКИ ВИСОЧНЫЕ (2 экземпляра)

XIII в.

Золото, литье, скань. Диаметр 5,5 см

ВОКМ, инв. № 7271

Случайная находка в 1970 г. у с. Киляковка Среднеахтубинского р-на

Височная подвеска в виде кольца, согнутого из круглой в сечении проволоки, на которое надета биконическая бусина с коническими шипами с шаровидными верхушками. На концах и по середине бусины, у основания и на концах шипов напаяны пояски из плетеной проволоки. От второй подвески сохранилось только кольцо.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 27

384. КАМЕННОЕ ИЗВАЯНИЕ

Конец XII — начало XIII в.

Известняк, резьба. Высота 117 см, ширина корпуса 26 см, толщина 25 см

ВОКМ, инв. № 5625

Найдено у ст-цы Кременская Клетского р-на

Группа I, курган 4, раскопки В. П. Шилова,1960 г.

Изваяние прямоугольной формы с грубым изображением человеческого лица.

385. КАМЕННОЕ ИЗВАЯНИЕ

Конец XII — начало XIII в.

Известняк, резьба. Высота 148 см

ВОКМ, инв. № 32693

Случайная находка в 1990 г. у хут. Крутой Нехаевского р-на

Изваяние антропоморфное, плоское, с выделенной головой без шеи, на лице небольшими углублениями обозначены глаза, нос и рот. По краям тулова намечены руки, скрещенные на поясе.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 198

VII. ЗОЛОТАЯ ОРДА

386. СВЕТИЛЬНИК

XIV в.

Глина, круг, формовка. Размер 12,5×5 см

ВОКМ, инв. № 1945

Случайная находка до 1940 г.

Светильник красноглиняный в виде низкой широкой чашечки с загнутым внутрь венчиком. С одной стороны сделан носик-слив для фитиля, с другой налеплена небольшая ручка-выступ. В центре чашечки сделан цилиндрический выступ для свечи.

Литература: Хабарова Н. В. Культу-ра средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 30

387. КУВШИН (УМЫВАЛЬНИК)

XIV в.

Глина, круг. Высота 24,2 см

ВОКМ, инв. № 14260/72

Найден на Водянском городище у г. Дубовка Дубовского р-на

Раскоп I, яма 8, раскопки Г. А. Федорова-Давыдова, 1972 г.

Красноглиняный кувшин с шаровидным, сужающимся книзу туловом, узким горлом и ручкой уплощенно-овальной в сечении. Носик слив налеплен на середине плечика. Плечико и горло украшено горизонтальными врезными полосками.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 49—50

388. КОПИЛКА

XIII — начало XIV в.

Глина. Высота 7,5 см

ВОКМ, инв. № 5987

Найдена на Царевском городище у с. Царев Ленинского р-на

Раскоп III, яма 3, раскопки Г. А. Федорова-Давыдова, 1963 г.

Копилка красноглиняная округлой формы с выделенным поддоном и прямоугольной прорезью для монет в верхней части.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 29

389. АМФОРА

XIV в.

Глина, круг. Высота 35,2 см

ВОКМ, инв. № 33748/2

Найдена на Царевском городище у с. Царев Ленинского р-на

Раскоп I, сооружение 6, раскопки Ю. А. Зеленеева,1997 г.

Красноглиняный амфоровидный кувшин со стройным туловом, узким горлом и двумя ручками. Тулово украшено круговыми врезными линиями.

Литература: Зеленев Ю. А., Курочкина С. А. Золотоордынский город Сарай ал-Джедид (Результаты археологических исследований на Царевском городище в 1994—2000 гг.). Йошкар-Ола, 2009. С. 111. Рис. 66, 2

390. ЧАША

XIV в.

Кашин, полива, роспись. Высота 9 см, диаметр венчика 18 см

ВОКМ, инв. № 33748/1

Найдена на Царевском городище у с. Царев Ленинского р-на

Раскоп I, яма 42, раскопки Ю. А. Зеленеева, 1997 г.

Чаша полусферическая с отогнутым наружу краем на кольцевом поддоне. Центральная часть орнаментирована круговым медальоном с шестилепестковой розеткой, выше — круговая полоса с «павлиньими глазками» и под венчиком фриз из эпиграфического орнамента.

391. ЧАША

XIV в.

Кашин, полива, роспись. Высота 11,5 см, диаметр 26,5 см

ВОКМ, инв. № 9400/2 н.в.

Найдена на Царевском городище у с. Царев Ленинского р-на

Раскоп I, сооружение 5, раскопки Ю. А. Зеленеева, 1996 г.

Чаша полусферическая с отогнутым наружу краем на кольцевом поддоне. Центральная часть чаши украшена кругом с белым цветком на бирюзовом фоне. Выше него идет фриз из вертикальных павлиньих перьев.

Литература: Хабарова Н. В. Культу-ра средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 30

392. СФЕРОКОНУС

XIV в.

Глина, штамповка. Высота 12,2 см

ВОКМ, инв. № 1560

Случайная находка до 1940 г. на Царевском городище у с. Царев Ленинского р-на

Сосуд сфероконический с заостренным концом тулова, коротким коническим горлом с узким каналом.

393. ФРАГМЕНТ СФЕРОКОНУСА

XIV в.

Глина. Размер 8,7×10,5 см

ВОКМ, инв. № 14270/10

Случайная находка Г. А. Федорова-Давыдова в 1970 г. на Царевском городище у с. Царев Ленинского р-на

Фрагмент сфероконического орнаментированного сосуда с заостренным концом тулова и узким каналом в верхней части.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 30

394. ФРАГМЕНТ СФЕРОКОНУСА

XIII — начало XIV в.

Глина. Длина 10 см

ВОКМ, инв. № 14266/5

Найден на Водянском городище у г. Дубовка Дубовского р-на

Раскоп I, шт. 3, уч. 33, раскопки Г. А. Федорова-Давыдова, 1969 г.

Фрагмент сфероконического сосуда с заостренным концом и узким каналом в верхней части.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 49—50

395. ПЕЧАТЬ С АРАБСКОЙ НАДПИСЬЮ

XIV в.

Бронза, литье. Длина 2,8 см

ВОКМ, инв. № 24055/3

Найдена на Царевском городище у с. Царев Ленинского р-на

Раскоп V, шт. 1, кв. 5, раскопки Г. А. Федорова-Давыдова, 1964 г.

Печать прикладная, рукоять фигурная с кольцом. Надпись не прочитана.

Литература: Золотая Орда. История и культура. Каталог выставки. СПб., 2005. С. 204, № 171

396. ЗАМОЧЕК ЗООМОРФНЫЙ

XIV в.

Бронза, литье. Длина 3,1 см

ВОКМ, инв. № 1507

Случайная находка до 1940 г. на Царевском городище у с. Царев Ленинского р-на

Замок в виде схематического изображения лошадки, половина. Поверхность украшена врезными кружками с углублениями в середине.

397. СВЕТИЛЬНИК

XIV в.

Бронза. Высота 8 см

ВОКМ, инв. № 2670/1

Случайная находка А. А. Глухова в 2005 г. на Царевском городище у с. Царев Ленинского р-на

Светильник в виде чашеобразного сосуда на высокой конической ножке. В верхней части чаши есть шесть носиков-сливов для фитилей.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 280—281

398. ФРАГМЕНТ ДИСКА

XIV в.

Медь, гравировка. Размер 6,5×3 см

ВОКМ, инв. № 5991

Случайная находка Г. А. Федорова-Давыдова в 1962 г. на Царевском городище у с. Царев Ленинского р-на

Фрагмент диска украшен гравированным растительным орнаментом.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001, С. 18, 31

399. ФРАГМЕНТ МОЗАИКИ

XIV в.

Кашин, полива. Размер 20,5×29,5 см

ВОКМ, инв. № 5659

Найден на Царевском городище у с. Царев Ленинского р-на

Раскоп II, шт. 3, уч. 4, раскопки Г. А. Федорова-Давыдова, 1960 г.

Часть наборного панно растительного узора белого, бирюзового и синего цвета.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 20, 30

400. ИЗРАЗЕЦ

XIV в.

Кашин, полива, роспись. Размер 23×29 см

ВОКМ, инв. № 1573

Случайная находка до 1940 г. на Царевском городище у с. Царев Ленинского р-на

Изразец поливной плоский прямоугольный. На синем фоне крупные белые арабские буквы и пресекающие их тонкие вьющиеся стебли с листьями.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 18, 27

401. КЛАД СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТ

XIV в.

Серебро, чеканка. Диаметр 1,4—1,5 см

ВОКМ, инв. № 31504/1-440

Найден на Водянском городище у г. Дубовка Дубовского р-на

Раскоп I, дом 5, раскопки Е. П. Мыськова, 1997 г.

Клад из 440 дирхемов.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 31

402. ХУМ С КЛЕЙМОМ

XIV в.

Глина. Высота 107,0 см, диаметр венчика 60,0 см, диаметр дна 32,0 см

ВОКМ, инв. № 32373

Найден в 2000 г. на Водянском городище у г. Дубовка Дубовского р-на

Хум имеет тулово яйцевидной формы, короткое цилиндрическое горло с массивным полукруглым уплощенным венчиком. В верхней части тулова имеется клеймо на арабском языке.

Литература: Золотая Орда. История и культура. Каталог выставки. СПб., 2005. С. 119, 230

403. УМЫВАЛЬНИК

XIV в.

Глина, круг, лощение. Высота 21 см

ВОКМ, инв. № 28290/17

Найден на Водянском городище у г. Дубовка Дубовского р-на.

Раскоп I, шт. 1, уч. Б 2, раскопки Е. П. Мыськова, 1992 г.

Кувшин красноглиняный, с узким коническим горлом, шаровидным туловом и уплощенным дном. На одной стороне имеется небольшая петлевидная ручка, на другой — носик-слив, часть которого отбита в древности. Поверхность сосуда сглажена и украшена неширокими вертикальными бороздками лощения. Предназначен для омовения.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 30

404. ГОРШОК

XIV в.

Глина. Диаметр венчика 17,5 см

ВОКМ, инв. 29165/4

Случайная находка Е. П. Мыськова в 1997 г. на Водянском городище около г. Дубовка Дубовского р-на

Красноглиняный горшок с выпуклыми боками, уступчатыми плечиками и отогнутым венчиком.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 49—50

405. ГОРШОК

XIV в.

Глина. Диаметр венчика 15 см

ВОКМ, инв. № 8700/10 нв.

Найден на Водянском городище у г. Дубовка Дубовского р-на

Раскоп I, яма 17, раскопки Е. П. Мыськова, 1995 г.

Русский черноглиняный горшок с выпуклыми боками, уступчатыми плечиками и отогнутым венчиком. По плечику сосуда прочерчена однорядная «волна». Поверхность сосуда покрыта горизонтальными следами от сглаживания.

Литература: Мыськов Е. П. Керамические комплексы русского поселка и русского квартала Водянского городища // НАВ. Волгоград, 2002. Вып. 5. С. 134. Рис. 6, *1*

406. ФРАГМЕНТ ЧАШИ

XIV в.

Кашин, полива, Размер 10,0×9,0 см

ВОКМ, инв. № 14269/3

Найден на Водянском городище у г. Дубовка Дубовского р-на

Раскоп I, яма 10, раскопки Г. А. Федорова-Давыдова, 1966 г.

Дно поливной чаши украшено геометрическим и растительным орнаментом.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 30. № 82

407. НАВЕРШИЕ

XIII — начало XIV в.

Кость, резьба. Длина 4,3 см

ВОКМ, инв. № 32004/34

Найдено на Водянском городище у г. Дубовка Дубовского р-на

Раскоп I, шт. 1, кв. 6Н, раскопки Е. П. Мыськова,1998 г.

Навершие грушевидной формы с продольным сквозным отверстием. В нижней части имеется неширокое утолщение, украшенное пятью круговыми врезными линиями.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 49—50

408. ИКОНКА

XIII—XIV вв.

Бронза, литье. Размер 5,7×3,7 см

ВОКМ, инв. № 7484/4

Случайная находка Г. А. Федорова-Давыдова в 1969 г. на Водянском городище около г. Дубовка Дубовского р-на

Иконка прямоугольная с закругленным верхом, по краю имеется выступающий бортик, наверху ушко. Изображено распятие с предстоящими, изображение довольно грубое по исполнению.

Литература: Полубояринова М. Д. Русские вещи на территории Золотой Орды // СА. 1972. № 3. С. 183. Рис. 8, *1*

409. КРЕСТ-ЭНКОЛПИОН

XIV в.

Бронза, литье. Длина 8 см

ВОКМ, инв. № 33459/8

Найден на Водянском городище у г. Дубовка Дубовского р-на

Раскоп I, пл. 3, кв. 7Д, раскопки А. С. Лапшина, 2010 г.

Крест-энколпион бронзовый, литой, двустворчатый, имеет закругленные, слегка

расширяющиеся концы, в верхней части имеется отверстие для подвешивания в виде биконической полой бусины с рельефными поясками по краям. На лицевой стороне рельефное изображение Распятия, а на оборотной — фигура стоящей Богоматери.

Литература: Лапшин А. С., Мыськов Е. П. Исследования на Водянском городище в 2009—2010 гг. Волгоград, 2011. С. 146—147. Рис. 9, *б*; 60, *б*

410. ПИСАЛО

XIV в.

Бронза, литье. Длина 8 см, ширина лопаточки 1,2 см

ВОКМ, инв. № 14260/9

Случайная находка Г. А. Федорова-Давыдовым в 1973 г. на Водянском городище у г. Дубовка Дубовского р-на

Писало с лопаточкой треугольной формы, в основании которой фигурное утолщение в виде четырнадцатигранника. По верхнему краю лопаточки утолщение для заглаживания воска.

Литература: Золотая Орда. История и культура. Каталог выставки. СПб., 2005. С. 126, 202

411. ДИСК

XIV в.

Бронза, литье. Диаметр 6,7 см

ВОКМ, инв. № 33374/2

Случайная находка А. С. Лапшина в 2009 г. на Водянском городище у г. Дубовка Дубовского р-на

Диск покрыт с двух сторон резным орнаментом в виде сложной растительной фигурной розетки.

Литература: Лапшин А. С., Мыськов Е. П. Исследования на Водянском городище в 2009—2010 гг. Волгоград, 2011. С. 150. Рис. 63, 1

412. ОНГОН

XIV в.

Бронза. Высота 8,3 см

ВОКМ, инв. № 32004/46

Найден на Водянском городище у г. Дубовка Дубовского р-на

Раскоп I, шт. 3, уч. 6Н, раскопки Е. П. Мыськова, 1998 г.

Антропоморфная фигурка человека с вытянутыми вдоль тела руками, грубо вырезанная из тонкого листа металла.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 49—50

413. АМУЛЕТ

XIII— XIV вв.

Нефрит, резьба, полировка. Размер 5,5×2,9 см

ВОКМ, инв. № 27191/7

Найден на Водянском городище у г. Дубовка Дубовского р-на

Раскоп IV, яма 3, сооружение 2, раскопки Е. П. Мыськова, 1989 г.

Амулет прямоугольной формы с округленными углами из молочно-белого нефрита, разделен на пять частей неглубокими вертикальными бороздками. В верхней части есть небольшой прямоугольный выступ с отверстием.

Литература: Золотая Орда. История и культура. Каталог выставки. СПб., 2005. С. 98, 205

414. ФОРМА ДЛЯ ЛИТЬЯ УКРАШЕНИЙ

XIII — начало XIV в.

Песчаник, резьба. Размер 8×6×3 см

ВОКМ, инв. № 24053/1

Случайная находка Г. А. Федорова-Давыдова в 1974 г. на Водянском городище у г. Дубовка Дубовского р-на

Литейная двухсторонняя форма в виде массивной трапециевидной плитки. На одной плоскости вырезано ложе для отливки круглого медальона, в который вписана фигура мальтийского креста с точкой ямкой посредине. Край медальона украшен двумя поясками точечных вдавлений.

Медальон отливался вместе с петелькой для подвешивания. На оборотной стороне формы сохранилось несколько литейных гнезд.

В центре нижней части располагается ложе для отливки круглого медальона, в центре которого помещена шестилепестковая розетка, вписанная в окружность. Край медальона украшен двумя поясками точечных вдавлений.

Литература: Крымина М. М. Литейные формы из золотоордынских городов Нижнего Поволжья // СА. 1977. № 3. С. 251, 252. Рис. 1, *3, 4;* 2, *3, 4*

415. ФОРМА ДЛЯ ЛИТЬЯ УКРАШЕНИЙ

XIII — начало XIV в.

Песчаник, резьба. Размер 9×7,5 см

ВОКМ, инв. № 24053/54

Найдена на Водянском городище у г. Дубовка Дубовского р-на

Раскоп II, шт. 2, кв. 295, раскопки Г. А. Федорова-Давыдова, 1974 г.

Литейная двухсторонняя форма в виде плоского бруска, с отбитыми краями. На плоскости бруска имеется ложе для литья круглой бляшки, которая украшена шестилепестковой розеткой.

Литература: Крымина М. М. Литейные формы из золотоордынских городов Нижнего Поволжья // СА. 1977. № 3. С. 254, 255. Рис. 3, 2; 4, 1

416. ФОРМА ДЛЯ ЛИТЬЯ УКРАШЕНИЙ

XIII — начало XIV в.

Камень, резьба. Размер 7,3×6,6 см

ВОКМ, инв. № 1536/6

Случайная находка до 1940 г.

Форма для отливки ювелирных украшений.

417. ПОДВЕСКА ВИСОЧНАЯ

XIV в.

Серебро, золото. Диаметр 5 см

ВОКМ, инв. № 33459/5

Найдена на Водянском городище у г. Дубовка Дубовского р-на

Раскоп I, пл. 2, кв. 10Г, раскопки А. С. Лапшина, 2010 г.

Подвеска трехбусинная состоит из проволочного округлого стрежня согнутого в кольцо, на который надеты три ажурные бусины, украшенные маленькими шариками.

Литература: Лапшин А. С., Мыськов Е. П. Исследования на Водянском городище в 2009—2010 гг. Волгоград, 2011. С. 146—147. Рис. 59, *б;* 60, *7*

418. ФРАГМЕНТЫ ШТУКАТУРКИ С АРАБСКОЙ НАДПИСЬЮ

Середина XIV в.

Алебастр, тушь, Размер 16,5х13 см

ВОКМ, инв. № 9451/20 н.в.

Найдены на Водянском городище у г. Дубовка Дубовского р-на

Сооружение 2, раскопки Е. П. Мыськова, 2001 г.

Фрагмент штукатурки с надписью, выполненной почерком «насх».

Литература: Золотая Орда. История и культура. Каталог выставки. СПб., 2005. С. 117, 204

419. КАПИТЕЛЬ

XIV в.

Мрамор, резьба. Размер 57,0×30,5×57,0 см

ВОКМ, инв. № 24050/4

Найдена на Водянском городище у г. Дубовка Дубовского р-на

Раскоп II, уч. 36, раскопки Г. А. Федорова-Давыдова, 1971 г.

Капитель украшена растительным орнаментом и относится к типу византийских капителей X—XII вв. Была использована в мечети на Водянском городище как подставка под Коран.

Литература: Золотая Орда. История и культура. Каталог выставки. СПб., 2005. С. 23, 230

420. САБЛЯ

XIII—XIV вв.

Железо. Длина 100 см

ВОКМ, инв. № 29015/24

Найдена у с. Бахтияровка Ленинского р-на

Группа I, курган 41, погребение 1, раскопки В. А. Кригера, 1982 г.

Сабля с перекрестием, ромбические концы которого опущены вниз. Ручка и лезвие слегка изогнуты.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 29. Рис. 7

421. БЕРДЫШ

XIII—XIV вв.

Железо, ковка. Длина 22,3 см, ширина 11,5 см

ВОКМ, инв. № 26100/9

Найден у с. Царев Ленинского р-на

Курган 37, погребение 1, раскопки Е. П. Мыськова, 1988 г.

Бердыш с лезвием иволистной формы, с цилиндрическим обухом и с прямоугольным отверстием в средней части.

Литература: Золотая Орда. История и культура. Каталог выставки. СПб., 2005. С. 53,196. № 41

422. НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ (4 экземпляра)

XIII — начало XIV в.

Железо. Длина 13 см, 13,2 см, 12,6 см

ВОКМ, инв. № 14245/71

Найдены у ст. Жутово Октябрьского р-на

Курган 89, погребение 1, раскопки В. И. Мамонтова, 1974 г.

Черешковые наконечники стрел с плоским прямым и треугольным острием. На одном наконечнике надето костяное кольцо.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 28

423. НАКЛАДКИ НА КОЛЧАН

XIII—XIV вв.

Кость, инкрустация пастой, резьба, полировка. Длина 19,5 см, 10,5 см, 5,0 см

ВОКМ, инв. № 12264

Найдены у с. Сидоры Михайловского р-на

Курган 14, погребение 1, раскопки В. П. Шилова, 1959 г.

Накладки украшены изображением лежащих лосей с поджатыми ногами. Вся поверхность пластин покрыта геометрическим и растительным орнаментом. Углубления орнамента заполнены темной краской.

Литература: Золотая Орда. История и культура. Каталог выставки. СПб., 2005. С. 52, 196

424. НАКЛАДКИ НА КОЛЧАН

XIII—XIV вв.

Кость, инкрустация пастой, резьба, полировка. Длина 16,0 см, ширина 3,5 см

ВОКМ, инв. № 5850

Найдены у с. Верхнепогромное Среднеахтубинского р-на

Курган 8, погребение 1, раскопки В. П. Шилова, 1957 г.

Накладки украшены резным изображением фигурок животных, а также растительным и геометрическим узором. Резные углубления орнамента заполнены темной и красной пастой.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 28

425. НАКЛАДКИ НА КОЛЧАН

XIII — начало XIV в.

Кость, резьба. Длина 4,6 см, 9 см, 15 см

ВОКМ, инв. № 31555/4

Найдены у с. Колобовка Ленинского р-на

Группа IV, курган 3, погребение 1, раскопки В. В. Дворниченко, 2000 г.

Костяные накладки на колчан имеют прямоугольную форму, украшены резными фигурками оленей, расположенных друг над другом. Остальные пластинки прокрыты плоскорельефной резьбой геометрического и растительного орнамента.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 116—117

426. БЛЯШКА АЖУРНАЯ

XIII — начало XIV в.

Бронза с позолотой. Длина 5,2 см

ВОКМ, инв. № 23980/20

Найдена у с. Бахтияровка Ленинского р-на

Группа II, курган 70, погребение 1, раскопки В. А. Кригера, 1984 г.

Бляха ажурная выполнена в виде трилистника.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 29

427. ЗЕРКАЛО

XIV в.

Бронза, литье. Диаметр 11 см

ВОКМ, инв. № 14925

Найдено у пос. Быково Быковского р-на

Курган 17, погребение 1, раскопки В. И. Мамонтова, 1977 г.

Зеркало с бортиком по краю и двумя поясками рельефного рисунка. Первый — плохо различимая арабская надпись, второй украшен рельефным изображением двух фантастических животных.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 21, 28

428. ЗЕРКАЛО

XIV в.

Бронза, литье. Диаметр 12 см

ВОКМ, инв. № 10892

Случайная находка в 1975 г. у с. Красный Яр Старополтавского р-на

Зеркало с плоским бортиком, по которому нанесена надпись на арабском языке, ее прочитал и перевел Г. А. Федоров-Давыдов: «Слава вечная и жизнь спокойная и успех полный и власть действующая и счастье превосходное», в центре розетка в виде шестиконечной звезды. Вся поверхность зеркала покрыта рельефным растительным орнаментом.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 21, 28

429. ЗЕРКАЛО

XIV в.

Бронза, литье. Диаметр 13,7 см

ВОКМ, инв. № 8080/2

Случайная находка в 1972 г. у пос. Курнаевка Старополтавского р-на

Зеркало с бортиком по краю, украшено рельефным орнаментом в трех концентрических поясах. В двух внутренних — растительный орнамент, а в наружном — звериный гон на фоне растительных завитков.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 21, 27

430. ЗЕРКАЛО

Первая пол. XIV в.

Бронза, литье. Диаметр 7,5 см

ВОКМ, инв. № 27404/40

Найдено у с. Венгеловка Палласовского р-на

Курган 7, погребение 1, раскопки А. В. Лукашова, 1982 г.

Зеркало с высоким бортиком, украшено рельефным изображением четырех птиц.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 28

431. ЗЕРКАЛО

XIV в.

Бронза, литье. Диаметр 7 см

ВОКМ, инв. № 27198/9

Найдено у с. Солодовка Ленинского р-на

Группа I, курган 3, погребение 1, раскопки В. И. Мамонтова, 1989 г.

Зеркало с короткой плоской ручкой, с двумя невысокими валиками по краю и рельефным орнаментом в виде перекрещивающихся дуг, между которыми имеется небольшой сферический выступ.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды Каталог. Волгоград, 2001. С. 27

432. ЗЕРКАЛО

XIV в.

Бронза, литье. Диаметр 7,2 см

ВОКМ, инв. № 25220/3

Случайная находка в 1983 г. у хут. Демочкин Михайловского р-на

Зеркало с небольшой ручкой-выступом и двумя поясками рельефного рисунка. В центре восьмилепестковая розетка, за ней идет орнамент из двух параллельных дуг с завитками.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 27

433. ЗЕРКАЛО

XIV в.

Бронза, литье. Диаметр 6 см

ВОКМ, инв. № 25237/57

Найдено у с. Бахтияровка Ленинского р-на

Группа I, курган 58, погребение 1, раскопки В. А. Кригера, 1984 г.

Зеркало с небольшой боковой ручкой, рельефным арочным орнаментом из четырех асимметричных арок, соединенных между собой. В центре диска — рельефная окружность.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 27

434. НОЖ

XIV в.

Кость, резьба. Длина 13,5 см

ВОКМ, инв. № 24055/7

Найден на Царевском городище у с. Царев Ленинского р-на

Раскоп I, шт. 2, кв. 7, раскопки Г. А. Федорова-Давыдова, 1964 г.

Нож с ручкой, украшенной резным геометрическим и циркульным орнаментом, и небольшим лезвием, заточенным с одной стороны.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 30

435. ИГОЛЬНИЦА

XIV в.

Кость, резьба. Длина 6 см

ВОКМ, инв. № 25237/9

Найдена у с. Бахтияровка Ленинского р-на

Группа I, курган 48, погребение 2, раскопки В. А. Кригера, 1983 г.

Игольница украшена резным орнаментом.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 30

436. ИГОЛЬНИЦА

XIV в.

Кость, резьба. Длина 6,7 см

ВОКМ, инв. № 14260/37

Найдена на Водянском городище у г. Дубовка Дубовского р-на

Раскоп II, 4/43, № 174, раскопки Г. А. Федорова-Давыдова, 1973 г.

Игольница украшена резным циркульным орнаментом.

Литература: Федоров-Давыдов Г. А., Егоров В. Л. Исследование мечети на Водянском городище // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976. С. 161. Табл. М. 4

437. ИЗДЕЛИЕ В ВИДЕ «ЛОПАТОЧКИ»

XIV в.

Кость, резьба. Длина 8 см

ВОКМ, инв. № 24056/18

Найдено на Царевском городище у с. Царев Ленинского р-на

Раскоп I, № 176, раскопки Г. А. Федорова-Давыдова, 1965 г.

Изделие в виде лопаточки украшено циркульным орнаментом.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 30

438. РУКОЯТЬ

XIII—XIV вв.

Рог, резьба. Длина 14 см

ВОКМ, инв. № 24000/6

Найдена у с. Бахтияровка Ленинского р-на

Группа III, курган 84, погребение 1, раскопки В. А. Кригера, 1985 г.

Рукоять плети из рога, украшенная циркульным орнаментом, у основания имеется отверстие.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 29

439. НАКОНЕЧНИК ОТ НАГАЙКИ

XIII—XIV вв.

Кость, резьба. Длина 6 см

ВОКМ, инв. № 14963

Найден у пос. Быково Быковского р-на.

Группа III, курган 1, погребение 1, раскопки В. И. Мамонтова, 1976 г.

Наконечник от нагайки с железным стержнем в середине в форме усеченного конуса. Поверхность хорошо заполирована, украшена рядами глубоких конусовидных отверстий.

Литература: Мамонтов В. И., Ситников А. В. Средневековые погребения могильника Быково-III // ДВДС. Волгоград, 1994. Вып. 4. С. 148, 153. Рис. 2, *3*

440. БЛЯХИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СВЕРНУВШЕГОСЯ В КОЛЬЦО ДРАКОНА (3 экземпляра)

Вторая пол. XIII — начало XIV в.

Серебро, позолота, кость, стекло, резьба. Размер 3,2х3,6 см

ВОКМ, инв. № 31512/26-28

Найдены у с. Маляевка Ленинского р-на

Группа V, курган 8, погребение 1, раскопки И. В. Сергацкова, 1998 г.

Основу блях составляют тонкие выпуклые пластины сердцевидной формы, украшенные по краю напаянной рубчатой проволочкой. С внешней стороны бляхи позолочены. К основе прикреплены ажурные резные накладки из слоновой кости, повторяющие по форме основу. На них вырезано изображение свернувшегося в кольцо и кусающего себя за хвост дракона. По краям накладок просверлены 4 отверстия, в которые вставлялись заклепки, с их помощью они крепились к серебряной основе. В центре блях помещены круглые вставки из стекла янтарного цвета, обрамленные напаянной на гнездо серебряной позолоченной рубчатой проволокой.

Литература: Золотая Орда. История и культура. Каталог выставки. СПб., 2005. С. 101, 199. № 77—79

441. НАШИВКА

Середина XIV в.

Серебро, позолота, жемчуг, бирюза, скань. Размер 3,2×3,2 см

ВОКМ, инв. № 27400/10

Найдена у хут. Шляховский Фроловского р-на

Группа I, курган 2, погребение 1, раскопки В. М. Клепикова, 1989 г

Нашивка ажурная в виде шестилепесткового цветка, на внешней стороне прикреплены гнезда для вставок. Центральное гнездо в виде цилиндрика с тремя напаянными вертикальными пластинками для крепления бирюзовой вставки. В двух гнездах сохранились вставки — одна из зеленого стекла, другая из жемчуга. С внутренней стороны нашивки припаян цилиндрик, от него отходят шесть дуговидных проволочек.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 17. № 68

442. СБРУЙНЫЙ НАБОР

XIII — начало XIV в.

Бронза. Диаметр пряжек 3,3 см, длина обоймы 3 см

ВОКМ, инв. № 32319/1-6

Найден у с. Солодовка Ленинского р-на

Группа I, курган 48, погребение 1, раскопки А. А. Глухова, 2003 г.

Четыре бронзовые с позолотой пряжки круглой формы с рельефным изображением скачущего фантастического животного. С одной стороны у пряжек имеется четырехугольная петля, на обратной стороне — широкая петля для продевания ремня. Рамчатая пряжка с подвязным язычком и надетой на рамку обоймой.

Литература: Глухов А. А. Исследования курганного могильника Солодовка I в 2001—2003 гг. // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2004. Вып. 2. С. 216. Рис. 1, 2

443. БРАСЛЕТЫ (2 экземпляра)

XIII—XIV вв.

Золото. Диаметр 7×5,5 см, ширина 0,7 см

ВОКМ, инв. № 26065

Найдены у хут. Веселый Котельниковского р-на

Группа II, курган 1, погребение 1, раскопки Е. П. Мыськова, 1988 г.

Браслеты овальной формы с несомкнутыми, слегка раскованными концами. Наружные стороны браслетов с двумя неглубокими параллельными желобками. Раскованные окончания браслетов украшены рельефным растительным орнаментом.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 29. № 69

444. СЕРЬГА

XIII—XIV вв.

Золото. Диаметр 1,8 см, длина 3,5 см

ВОКМ, инв. № 26066

Найдена у хут. Веселый Котельниковского р-на

Группа I, курган 1, погребение 1, раскопки Е. П. Мыськова, 1988 г.

Серьга в виде вопросительного знака.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 29

445. СЕРЬГА

XIII—XIV вв.

Золото. Длина 4,7 см

ВОКМ, инв. № 26736

Найдена у с. Солодовка Ленинского р-на

Группа I, курган 1, погребение 6, раскопки В. И. Мамонтова, 1989 г.

Серьга из проволочного стержня, верх которого согнут в виде вопросительного знака, а низ в виде петельки.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 16, 29

446. ПОДВЕСКА

XIII—XIV вв.

Бронза, пайка, гравировка. Размер 3,8×4 см

ВОКМ, инв. № 12005

Найдена у ст-цы Глазуновской Кумылженского р-на

Курган 5, погребение 1, раскопки В. И. Мамонтова, 1971 г.

Подвеска в виде пластины с двумя петельками, украшенная гравированным растительным орнаментом.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 29. № 67

447. ПОДВЕСКА

XIII—XIV вв.

Бронза, пайка, гравировка. Размер 2,7×2,5 см

ВОКМ, инв. № 22200/8

Найдена у с. Киляковка Среднеахтубинского р-на

Курган 2, погребение 1, раскопки Е. П. Мыськова, 1984.

Подвеска в виде прямоугольной рамки с двумя петельками для подвешивания. Наружная поверхность рамки покрыта орнаментом, напоминающим чешую рыбы.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 29

448. ПОДВЕСКА

XIII—XIV вв.

Бронза, пайка, гравировка. Размер 3,6×3,1 см

ВОКМ, инв. № 14268/10

Найдена на Царевском городище у с. Царев Ленинского р-на

Раскоп I, пл. 2, кв. 24, раскопки Г. А. Федорова-Давыдова, 1968 г.

Подвеска в виде прямоугольной рамки, покрытой растительным орнаментом.

Литература: Егоров В. Л., Полубояринова М. Д. Археологические исследования Водянского городища в 1967—1971 гг. // Города Поволжья в средние века. М., 1974. С. 77. Табл. II, *7*

449. АМУЛЕТ

XIII—XIV вв.

Бронза, ковка, пайка. Длина 4 см

ВОКМ, инв. № 14927

Найден у пос. Быково Быковского р-на

Курган 9, погребение 1, раскопки В. И. Мамонтова, 1976 г.

Бронзовый амулет-подвеска цилиндрической формы с двумя петельками.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001. С. 31

450. АМУЛЕТ

XIII—XIV вв.

Бронза, дерево. Длина 5 см

ВОКМ, инв. № 14955

Найден у пос. Быково Быковского р-на

Курган 8, погребение 1, раскопки В. И. Мамонтова, 1976 г.

Амулет в виде деревянного бруска, на концах и по центру которого надеты бронзовые обоймы, украшенные рельефным орнаментом из шестилепестковых розеток. На крайних обоймах сохранились петельки для крепления.

Литература: Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды Каталог. Волгоград, 2001. С. 31

451. ПРЯЖКИ-СЮЛЬГАМЫ (2 экземпляра)

XIV в.

Бронза. Длина 2, 3 см

ВОКМ, инв. № 27504/1, 2

Найдены у с. Зубовка Ленинского р-на

Курган 7, погребение 1, раскопки В. И. Мамонтов, 1990 г.

Пряжки-сюльгамы изготовлены из толстой проволоки, изогнутой в овал. Концы проволоки раскованы и свернуты в короткую трубочку. Острая игла насажена на пряжку с помощью раскованного основания большей толщины.

Литература: Мамонтов В. И. Курганный могильник Зубовка // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1992. Вып. 2. С. 27, 36. Рис. 9, *17*

452. НИЗКА БУС

XIV в.

Стекло. Диаметр 0,4—1,3 см

ВОКМ, инв. № 25204/1

Найдена у ст-цы Нагавской Котельниковского р-на

Группа I, курган 1, погребение 1, раскопки Е. П. Мыськова, 1987 г.

Низка бус состоит из бусин округло-уплощенных, глазчатых из черного стекла; веретенообразных, рубчатых из изумрудно-зеленого стекла; округло-уплощенных с закраинами вокруг отверстия из темного синего стекла с разноцветными пятнами; бочонковидных с волнистым орнаментом из темно-синего стекла; усеченно-биконических; цилиндрических и мелких круглых эллипсовидных из белого и зеленого стекла.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 164

453. ФРАГМЕНТЫ СОСУДА С АРАБСКОЙ НАДПИСЬЮ ТУШЬЮ

Середина XIV в.

Глина, тушь. Размер 7,7×8 см, 6,7×3 см

ВОКМ, инв. № 27190/27

Найдены у с. Царев Ленинского р-на

Курган 70, насыпь, раскопки Е. П. Мыськова, 1989 г.

Фрагменты красноглиняного сосуда, на лицевой стороне которого тушью была написана сура Ясин (сохранились отрывки из 28, 73—78-го абзацев о назначении и использовании животных).

Литература: Золотая Орда. История и культура. Каталог выставки. СПб., 2005. С. 117, 204

454. МОНЕТА

Китай, XI в.

Бронза, чеканка. Диаметр 2,5 см

ВОКМ, инв. № 23551/3

Найдена у с. Царев Ленинского р-на

Курган 16, погребение 1, раскопки В. И. Мамонтова, 1973 г.

Монета бронзовая с квадратным отверстием, легенда: «Хуан Сун Тумбао. Эмиссия императора династии Жэнь Цзуня во второй год эры Бао Юань».

Литература: Золотая Орда. История и культура. Каталог выставки. СПб., 2005. С. 101, 210

455. ФРАГМЕНТ ЧАШИ

XIV в.

Серебро. Высота 3,3 см, диаметр дна 8,5 см

ВОКМ, инв. № 29015/2

Найден у с. Бахтияровка Ленинского р-на

Группа I, курган 24, погребение 1, раскопки В. А. Кригера, 1982 г.

Чаша полусферической формы с уплощенной закраиной в виде валика. По верхнему краю и на дне чаши нанесен растительный орнамент.

Литература: Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 29. Рис. 7

456. ФУТЛЯР С ПРИНАДЛЕЖНОСТЯМИ ПИСЦА

XIII—XIV вв.

Бронза, кожа. Длина пенала 14,7 см, палочек 11,0—13,0 см, чернильницы 3,8 см

ВОКМ, инв. № 27401/1

Найден у с. Бахтияровка Ленинского р-на

Курган 3, погребение 1, раскопки И. П. Лисицына, 1967 г.

Прибор помещен в небольшой кожаный чехол, в котором находились письменные принадлежности: бронзовый пенал с каламами (в виде деревянных заостренных палочек) и прикрепленная к нему цилиндрическая чернильница.

Литература: Золотая Орда. История и культура. Каталог выставки. СПб., 2005. С. 76, 202

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГОИАМЗ — Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник
ВОКМ — Волгоградский областной краеведческий музей
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ДВДС — Древности Волго-Донских степей
ИКЗ — Историко-краеведческие записки
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
НАВ — Нижневолжский археологический вестник
РА — Российская археология
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГУ — Саратовский государственный университет

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009.

Археология Нижнего Поволжья. Каменный век / Под ред. А. С. Скрипкина. Волгоград, 2006.

Балабанова М. А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. М., 2000.

Баллод Ф. В. Приволжские «Помпеи». М., Пг., 1923.

Блохин В. Г., Яворская Л. В. Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Волгоград, 2006.

Волго-Донские степи в древности и средневековье. Пущино, 2010.

Глухов А. А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I — первой половине II в. н. э. Волгоград, 2005.

Демкин В. А. Палеопочвоведение и археология. Пущино, 1997.

Демкин В. А., Скрипкин А. С., Ельцов М. В., Золотарева Б. Н., Демкина Т. С., Хомутова Т. Э., Кузнецова Т. В., Удальцов С. Н., Каширская Н. Н., Плеханова Л. Н. Природная среда Волго-Уральских степей в савромато-сарматскую эпоху (VI в. до н. э. — IV в. н. э.). Пущино, 2012.

Железчиков Б. Ф., Сергацков И. В., Скрипкин А. С. Древняя история Нижнего Поволжья по письменным и археологическим источникам. Волгоград, 1995.

Зеленеев Ю. А., Курочкина С. А. Золотоордынский город Сарай ал-Джедид (Результаты археологических исследований на Царевском городище в 1994—2000 гг.). Йошкар-Ола, 2009.

Кияшко А. В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград, 2002.

Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культура Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. Волгоград, 2007.

Клепиков В. М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV—III вв. до н. э. Волгоград, 2002.

Курганы бронзового века в излучине Дона. Опыт комплексных археологических и естественно-научных исследований. Волгоград, 2012.

Лапшин А. С., Мыськов Е. П. Исследования на Водянском городище в 2009—2010 гг. Волгоград, 2011.

Мамонтов В. И. Древнее население левобережья Дона (по материалам курганного могильника Первомайский VII). Волгоград, 2000.

Мамонтов В. И. Далекое прошлое Волго-Донских степей и (научно-популярная версия истории края от эпохи камня до раннего Царицына). Волгоград, 2010.

Мордвинцева В. И., Хабарова Н. В. Сарматское золото. Волгоград, 2006.

Мыськов Е. П. Политическая история Золотой Орды (1236—1313). Волгоград, 2003.

Мыськов Е. П., Лапшин А. С. Памятники поздней бронзы: Сухая Мечетка IV и Ерзовские курганные могильники. Волгоград, 2007.

Недашковский Л. Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М., 2010.

Палеопочвы и климат степей Нижнего Поволжья в I—IV вв. н. э. Пущино, 2009.

Сергацков И. В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000.

Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984.

Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990.

Скрипкин А. С. История Волгоградского края от каменного века до Золотой Орды. Волгоград, 2008.

Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.

Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. Керамика. Торговля. Быт. М., 2001.

Хабарова Н. В. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Каталог. Волгоград, 2001.

Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие *(А. В. Материкин)* 5
I. Волгоградский край в контексте древней и средневековой мировой истории (*А. С. Скрипкин*) 7
II. История археологического изучения Волгоградского края (*В. И. Мамонтов, А. С. Скрипкин*) 11
III. Каменный век *(А. С. Скрипкин*) 25
Палеолит 27
Мезолит 35
Неолит 36
IV. Эпохи энеолита и бронзового века 43
Эпохи энеолита, ранней и средней бронзы Волго-Донского региона *(А. В. Кияшко)* 45
Поздний бронзовый век *(А. С. Лапшин)* 63
Древнее святилище огнепоклонников на Дону у ст-цы Трехостровская *(А. С. Скрипкин, А. Н. Дьяченко*) 74
V. Ранний железный век *(А. С. Скрипкин, В. М. Клепиков)* 81
Предсавроматский период 84
Савроматы 86
Сарматы 93
VI. Эпоха средневековья 137
Гунны *(И. А. Воронцов)* 139
Хазары *(И. А. Воронцов)* 143
Печенеги *(В. Г. Блохин)* 148
Огузы *(В. Г. Блохин)* 151
Половцы *(В. Г. Блохин)* 157
VII. Золотая Орда *(Е. П. Мыськов)* 163
VIII. Петров вал *(А. В. Луночкин)* 203
IX. Царицынская укрепленная линия *(А. В. Луночкин)* 205
X. Древнее и средневековое население Волгоградского края по антропологическим данным *(М. А. Балабанова, Е. В. Перерва)* 209
Обитатели бронзового века 209
Кочевники раннего железного века 214
Средневековое население 218
XI. Курганы Волгоградского края — уникальный природно-исторический архив (*В. А. Демкин, М. В. Ельцов, Т. С. Демкина, Т. Э. Хомутова, А. В. Борисов, Н. Н. Каширская, С. Н. Удальцов)* 223
Древние хранители истории природы и общества 223
Археологическое почвоведение: плод интеграции наук, вооруженных лопатой 224
Что и как изучает археологическое почвоведение 226
Сохранилась ли жизнь в подкурганных палеопочвах? 229
Природная среда Нижнего Поволжья в древности и средневековье 233
Новые пути решения этноархеологических проблем 238
Ставить точку пока рано... 242
XII. Каталог археологических находок из фондов Волгоградского областного краеведческого музея *(Н. В. Хабарова, П. А. Петров, А. В. Кривошеева)* 243
Список сокращений 286
Рекомендованная литература 287

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
К 100-летию
Волгоградского областного краеведческого музея

Редактор *Т. Е. Обрикова*
Художественный редактор *Ю. О. Гоздинская*
Технический редактор *С. С. Бабицкая*
Корректор *Н. Н. Раева*

Подписано в печать 10.12.13.
Формат 60x90/8. Гарнитура Times.
Печать офсетная.
Усл. п. л. 36,0. Уч.-изд. л. 41, 98.
Тираж 1000. Заказ 61/2306тп.

По плану книгоиздания министерства культуры Волгоградской области
за счет средств областного бюджета.

Государственное бюджетное учреждение культуры «Издатель».
400001, Волгоград, ул. КИМ, 6.

ООО «Т-Пресс»
400074, Волгоград, ул. Козловская, 38.
Тел./факс: (8442) 26-60-10, 97-49-40.